

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Земцов Степан Петрович

Предпринимательство в регионах России: теория и практика

Специальность:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук

Научный консультант:
д.э.н., доц. Климанов В.В.

Москва – 2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ	25
1.1. От традиционных подходов к эволюционной теории предпринимательства	25
1.2. Конструктивное предпринимательство с эволюционных позиций.....	35
1.3. Предпринимательство в региональной экономике	41
1.4. Обзор потенциальных факторов предпринимательской активности на региональном уровне	53
Природно-климатические издержки ведения бизнеса на отдельных территориях	54
Выгоды географического положения предприятий отдельных регионов	57
Агломерационные эффекты и доступные рынки для бизнеса.....	61
Специализация предприятий и структурные особенности экономики регионов.....	64
Институциональные и социокультурные условия для предпринимателей в регионах	67
Региональная доступность капитала для открытия и ведения бизнеса	73
Уровень образования региональных сообществ и накопление предпринимательских компетенций	75
Внутренний спрос в регионах на продукцию и услуги предпринимателей.....	77
Безработица и предложение на региональных рынках предпринимательских услуг	78
Новые технологии и предпринимательский поиск в регионах	79
Краткие выводы.....	81
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ	85
2.1. Историко-географические закономерности распространения предпринимательской активности в России.....	86
2.2. Оценка влияния историко-географических закономерностей на современную предпринимательскую активность в регионах России.....	103
Краткие выводы.....	116

ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В РОССИИ	120
3.1. Региональная диагностика пространственно-организующей роли конструктивной предпринимательской активности.....	121
3.2. Региональная диагностика экономической роли малого и среднего предпринимательства.....	131
3.3. Региональная диагностика социальной роли субъектов малого и среднего предпринимательства.....	135
3.4. Региональная диагностика инновационной роли технологического предпринимательства.....	140
3.5. Оценка пространственно-временных эффектов в конструктивной предпринимательской активности.....	146
Краткие выводы.....	151
ГЛАВА 4. СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ	155
4.1. Моделирование конструктивной предпринимательской активности.....	156
4.2. Моделирование занятости в малом и среднем предпринимательстве	164
4.3. Моделирование технологической предпринимательской активности	171
Краткие выводы.....	179
ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОЕКЦИИ.....	182
5.1. Обзор нежелательных эффектов государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность отдельных территорий.....	183
5.2. Достижения, проблемы и угрозы современной политики по развитию предпринимательства в России в региональной проекции.....	199
Изменение базовых условий	200
Улучшение институциональной среды	204
Расширение спроса.....	209
Трансформация рынков труда.....	209
Привлечение предпринимателей	210
Накопление предпринимательского капитала.....	211
Поощрение инноваций.....	212
Поддержка в периоды внешних шоков	213

5.3. Оценки влияния государственной политики на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России	216
Налоговые льготы как инструмент региональной политики	217
Проактивность региональных властей в период коронакризиса.....	220
Бюджетные стимулы в условиях санкций	230
Краткие выводы.....	243
ГЛАВА 6. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ	247
6.1 Предпринимательские экосистемы и геосистемы как новые категории региональной науки и политики	249
6.2. Цели, принципы и лучшие практики предпринимательской политики	255
6.3. Типы региональных предпринимательских геосистем в России: особенности и возможности для региональной политики.....	265
Развитые со сложной структурой МСП	272
С преобладанием производственного МСП	274
Южные с особыми институциональными условиями	275
Арктические и Северные с экстремальными природными условиями.....	276
Дальневосточные, удаленные от центров	277
6.4. Подходы к формированию предпринимательской политики для регионов.....	278
Краткие выводы.....	294
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	297
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	316
СОКРАЩЕНИЯ.....	364
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	366
Приложение А.1. Матрица парных корреляций для некоторых переменных, моделирующих предпринимательскую активность в регионах России	366
Приложение А.2. Результаты дополнительных оценок связи историко-географических характеристик и предпринимательской активности в регионах России	367
Приложение А.3. Результаты оценок связи современных региональных характеристик и конструктивной предпринимательской активности в России	369
Приложение А.4. Результаты оценок связи современных региональных характеристик и роста занятости в субъектах МСП в России.....	372
Приложение А.5. Результаты оценок связи современных региональных характеристик и технологической предпринимательской активности в России.....	374

Приложение А.6. Отраслевая структура новых частных независимых компаний высокотехнологичного сектора экономики с ненулевой выручкой (технологических стартапов)	376
Приложение А.7. Результаты оценок связи между современными региональными характеристиками, мерами государственной политики и ростом числа субъектов МСП в России в 2020 г.	377
Приложение А.8. Результаты оценок связи между современными региональными характеристиками, мерами государственной политики и ростом числа субъектов МСП в России в 2023 г.	379
Приложение А.9. Характеристики типов региональных предпринимательских геосистем в России.....	380

Введение

Представленная диссертационная работа – комплексное исследование закономерностей и факторов эволюции предпринимательской активности как значимого социально-экономического явления с точки зрения долгосрочного развития российских регионов.

Актуальность темы диссертации определяется возрастающей ролью внутренних факторов регионального развития на фоне идущих процессов деглобализации в результате мировых внешних шоков последних лет, связанных с пандемией COVID-19 и масштабными санкциями. Анализ экономических тенденций последних десятилетий показывает, что значимую роль в преодолении российской экономикой разного рода шоков и кризисов играют адаптивные способности отечественного предпринимательского сектора. Специфика предпринимательства, в частности толерантность предпринимателей к риску, их гибкость, ориентированность на создание нового, позволяет рассматривать его как значимый фактор трансформации и долгосрочного развития экономики регионов. В частности, в условиях внешних шоков большую устойчивость региональной экономике способны придать сети многочисленных и разнообразных средних, малых и микропредприятий, индивидуальных предпринимателей, самозанятых, формирующие в своем взаимодействии с крупным бизнесом, университетами и другими контрагентами региональные предпринимательские экосистемы.

Возрастание глобальных климатических, технологических и геополитических рисков снижает перспективы сырьевого экономического роста в России, ранее порождавшего одновременно пространственное неравенство и обеспечивавшего возможности выравнивающей региональной политики. В проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. для обеспечения сокращения уровней межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития предлагается содействовать расширению предпринимательских инициатив населения. Подчеркивается значимая роль предпринимательства как фактора территориальной организации экономики и долгосрочного социально-экономического развития России: крупный бизнес в большей степени определяет общеэкономические тенденции и во многом экстерриториален, развитие же малых и средних предприятий преимущественно взаимосвязано с процессами на уровне регионов и муниципалитетов. При этом региональная специфика делового климата значимо влияет на характеристики и стратегии поведения предпринимателей. В отдельных регионах страны доля малого и среднего предпринимательства (МСП) составляет около 40% валового регионального продукта (ВРП), например в Новосибирской области, и более 50% занятости с учётом самозанятых, например в г. Москве и г. Санкт-Петербурге.

Немаловажную роль национальный предпринимательский сектор может сыграть в процессах технологической модернизации и структурной перестройки российской экономики,

вызванных внешними ограничениями. Технологические компании, в том числе многочисленные стартапы в регионах, способны обеспечить формирование новых рынков современных товаров и услуг. Ранее таким образом в регионах России возникли и развиваются рынки сотовой связи и современных интернет-технологий. Необходимость обеспечения технологического суверенитета вынуждает ускорить импортозамещение в наиболее уязвимых секторах экономики, что невозможно без обеспечения требуемыми ресурсами и создания должных стимулов для предпринимателей, в первую очередь, в регионах – ведущих научно-технологических центрах.

В новых условиях в соответствии с национальными целями требуется совершенствование документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях, в том числе в сфере поддержки МСП и обеспечения технологического лидерства. Новые долгосрочные вызовы требуют соответствующих научных исследований.

Степень научной разработанности темы. До недавнего времени в теории региональной экономики в России и за рубежом предпринимательская активность редко рассматривалась как отдельный значимый объект исследования. Основное внимание уделялось обобщенной территориальной структуре хозяйства, отраслям или территориальным единицам. Например, деятельность предпринимателей часто учитывалась как экзогенный фактор экономического роста, а в большинстве теоретических и эмпирических моделей не упоминалась вовсе. За рубежом отдельные региональные исследования посвящены выявлению долгосрочных, в т.ч. многовековых, факторов предпринимательской активности, но для большинства постсоциалистических стран, в которых ведение бизнеса ранее было ограничено, подобные научные работы редки из-за недостатка данных, отсутствия сформировавшихся научных школ.

В России большое число прикладных исследований МСП на уровне регионов преимущественно направлено на описание современной ситуации без применения методов пространственного и эконометрического анализа, что редко приводит к значимым для развития экономической теории выводам, одновременно в них недооценен внешний контекст. Применение эволюционного подхода, рассматривающего предпринимательскую активность как социально-экономическое явление, существующее продолжительный период и формируемое под влиянием и во взаимосвязи с условиями внешней среды на определенной территории, позволит улучшить понимание социально-экономической действительности. Использование строгих расчетных процедур позволит выявить региональные факторы, стимулирующие предпринимательскую активность в различные периоды, и соответственно может способствовать выработке практических рекомендаций.

Объект исследования – предпринимательская активность как значимое для регионального развития России социально-экономическое явление.

Предмет исследования – тенденции, закономерности, модели и факторы территориальной организации и функционирования малого и среднего предпринимательства в России во взаимосвязи с региональным развитием.

Теоретической основой исследования служат концепции, модели и подходы, отраженные в трудах зарубежных и отечественных ученых, посвященных исследованиям регионального развития (Й. фон Тюнен, В. Кристаллер, А. Леш, А. Вебер, А. Маршалл, У. Айзард, П. Кругман, М. Сторпер, М. Фельдман, Б. Асхайм, А. Родригез-Поуз, Р. Капелло, Р. Бошма, Р. Мартин, Э. Малецки, Р. Флорида, М. Портер, М. Фрич, Н.Н. Баранский, Н.Н. Колосовский, А.Г. Гранберг, А.И. Татаркин, П.Я. Бакланов, В.Н. Лексин, В.Л. Бабурин, Е.А. Коломак, А.Н. Пилясов, Н.В. Зубаревич, О.В. Кузнецова, В.В. Климанов и др.) и предпринимательства (Р. Кантильон, Й. Шумпетер, Д. Берч, П. Рейнольдс, П. Давидссон, Д. Стори, Д. Смолбоун, Б. Йованович, Р. Нельсон, С. Уинтер, У. Баумоль, И. Кирцнер, М. Фрич, З. Акс, Д. Одрич, Э. де Сото, Р. Турик, Й. Лернер, Ф. Вельтер, С. Шейн, Э. Стэм, Л. Серб, Г.Б. Клейнер, А.А. Юданов, Т.Г. Долгопятова, А.Ю. Чепуренко, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Ю.В. Симачев, Н.А. Кравченко, А.Г. Виленский, Г.В. Широкова, Д.Е. Толмачев, В.А. Барина и др.).

Эмпирическую базу исследования составили преимущественно официальные статистические источники, различные информационные порталы, например СПАРК-Интерфакс, опросы экспертов, социологические данные, в т.ч. собранные автором в ходе многочисленных полевых обследований малого и среднего бизнеса в регионах России.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования предпринимательства является *эволюционный подход к изучению экономических процессов*, в разное время и с разных позиций описанный в работах Й. Шумпетера, Т. Веблена, Н.Д. Кондратьева, Р. Нельсона, У. Баумоля, Дж. Даймонда, П. Ромера, Р. Бошмы, Р. Мартина, Ю.В. Яковца, В.И. Маевского, В.М. Полтеровича, В.Л. Бабурина, А.Н. Пилясова и других. В рамках данного подхода регионы рассматриваются как сложные иерархические территориальные социально-экономические системы (ТСЭС), одновременно формируемые агентами различной природы в процессе сотрудничества и в условиях конкуренции друг с другом; и развивающиеся циклически под воздействием смены технологий, структурных, институциональных и иных изменений. Это согласуется с представлениями о регионе как об отдельной административно-территориальной единице (субъекте Российской Федерации), обладающей свойствами, которые определяют ее частичное сходство с государством, рынком и социумом одновременно (близко к идеям А.Г. Гранберга). Предприниматели и их бизнесы как значимые экономические агенты (бизнес-агенты) регионов, их деятельность, взаимосвязи друг с другом и региональным сообществом рассматриваются в этом подходе как объекты изучения.

В диссертационном исследовании активно применяются теоретические и методические подходы, выработанные в региональной экономике за рубежом и в России. При моделировании предпринимательской активности и ее отдельных факторов использовались приемы пространственного анализа, включая методы пространственной эконометрики. Среди ученых, подходы которых применялись, следует отметить: У. Айзарда, П. Хаггета, В. Бунге, Р. Чорли, Г. Хотеллинга, Э. Вейнблса, М. Фишера, Л. Анселина, М. Фрича, О.А. Демидову, Е.А. Коломак и др. Методологической и методической основой для поиска многих зависимостей служили модели на основе производственной функции, изложенные в теоретических трудах Р. Солоу, Р. Лукаса, Т. Шульца, У. Баумоля, П. Ромера, Р. Барро, Х. Сала-и-Мартина, Ф. Агийона, Д. Аджемоглу, В.М. Полтеровича и других. При этом отдельное внимание уделено институциональным вопросам, затронутым в публикациях Д. Норта, Д. Аджемоглу, А. Родригес-Поуза, Р.М. Энтова, А.Д. Радыгина, А.А. Аузана, А.Н. Пилясова и других. При определении потенциальных факторов предпринимательской активности автор опирался на традиционные и новые теории размещения, представленные в научных работах Й. фон Тюнена, А. Маршалла, В. Кристаллера, А. Леша, А. Вебера, Дж. Фридманна, Я. Тинбергена, Дж. Харриса, П. Кругмана, Ж.-Ф. Тисса, Р. Бошмы, Р. Капелло, Н.Н. Баранского, Н.Н. Колосовского, Ю.Г. Саушкина, А.Г. Гранберга, П.Я. Бакланова и др. Для объяснения выявленных пространственных закономерностей использованы результаты эмпирических исследований причин региональной дифференциации (А. Родригес-Поуз, Э. Глейзер, Р. Доманьски, Р. Мартин, Р. Крешченци, И.В. Никольский, М.К. Бандман, А.И. Татаркин, А.И. Трейвиш, Н.Н. Михеева, Е.Г. Анимича, В.Л. Бабурин, Е.А. Коломак, А.Н. Пилясов, Н.В. Зубаревич, О.В. Кузнецова, А.В. Кузнецов, В.В. Климанов, Д.Ю. Землянский и др.), в т.ч. полученные при изучении особенностей распространения инноваций и предпринимательства (Т. Хегерstrand, Ц. Грилихес, М. Фельдман, М. Фрич, Б. Асхайм, Ф. Кук, М. Триппл, Т. Брукель, Р. Флорида, З. Акс, Д. Одрич, М. Белицкий, Е.М. Бухвальд, В.Л. Бабурин, Н.А. Кравченко, А.Н. Пилясов, Н.Ю. Замятина, Г.А. Хмелева, А.С. Михайлов, С.Р. Халимова, А.А. Федюнина и др.). При выявлении и описании региональных предпринимательских геосистем применялись методики типологизации регионов, разработанные ранее в публикациях Р. Бошмы, Ф. Макканна, Н.В. Зубаревич, О.В. Кузнецовой, А.О. Польшева, И.В. Гришиной, С.М. Дробышевского и др., а также подходы к исследованию региональных кластеров, предложенные М. Портером, М. Энрайтом, А. Саксениан, М. Лоренцен, С.Н. Растворцевой, И.В. Пилипенко, Е.С. Куценко и др. Обоснование политических рекомендаций опиралось на результаты работ в сфере региональной политики А. Хиршмана, Ф. Перру, Г. Мюрдаля, Д. Форэя, Ф. Макканна, Р. Капелло, О.С. Пчелинцева, П.А. Минакира, А.И. Чистобаева, Б.С. Жихаревича, В.Е. Селиверстова, В.Н. Лексина, О.В. Кузнецовой, Н.В. Зубаревич, А.Н. Швецова, В.В. Климанова и др.

В диссертации используются общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция), различные инструменты статистического анализа, в т.ч. эконометрические, картографические средства, элементы социологических методов. Большинство предлагаемых автором научных положений проходили этап верификации с помощью строгих формальных процедур, обсуждались на многочисленных семинарах, конференциях, при публикации статей.

Цель диссертационного исследования – выявление основных тенденций, факторов и закономерностей эволюции и территориальной организации предпринимательской активности в регионах России, – для расширения теоретических положений региональной экономики и выработки практических рекомендаций по стимулированию деловой активности.

В соответствии с поставленной целью определены **следующие задачи**:

- 1) На основе обзора теоретических и эмпирических исследований дать определение и расширить научные представления о предпринимательстве в контексте социально-экономического развития регионов.
- 2) Для выявления историко-географических закономерностей регионального развития в России проследить эволюцию деловой активности в прошлом и оценить ее связи с современным состоянием малого предпринимательства.
- 3) Для установления фундаментальных закономерностей и факторов регионального развития разработать и апробировать методику оценки долгосрочных связей между институциональными условиями, сформировавшимися столетия назад, и современной деловой активностью в регионах России.
- 4) Выявить тенденции, общие пространственные закономерности и индивидуальные проявления в развитии малого и среднего предпринимательства в постсоветский период с точки зрения их взаимосвязей с социально-экономическими процессами в регионах России.
- 5) Определить с помощью эконометрических методов современные региональные характеристики, имеющие связь с предпринимательской активностью в России, для расширения возможностей применения доказательной региональной политики.
- 6) Оценить влияние мер государственной политики на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России, особенно в периоды внешних шоков, в том числе с точки зрения доказательной политики.
- 7) На основе проведенного анализа сформулировать цели и принципы новой предпринимательской политики для регионов России в меняющихся условиях, в т.ч. обосновать необходимость применения более системных подходов.

Основной научный результат диссертационного исследования заключается в доказательстве на примере крупной постсоциалистической страны долгосрочной устойчивости предпринимательской активности, связанной с комплексом выявленных региональных характеристик, в том числе ранее не квантифицированных и/или не применявшихся в подобных оценках: природно-климатические издержки, экономико-географическое положение, рыночный потенциал, особенности структуры экономики, социокультурные и институциональные условия, спрос и предложение предпринимательских услуг, новые технологии, государственная политика, которые, в свою очередь, формируют устойчивые региональные предпринимательские геосистемы различных типов, обнаруженных автором. В диссертации решается проблема научно-методологического обеспечения роста и устойчивости экономики регионов путем обоснования подходов к повышению значимости конструктивного предпринимательства, формирующегося на основе малых форм хозяйствования, обладающих способностью к масштабированию, и составляющего структурную основу предпринимательских экосистем. Для этого на основе строгих методов пространственного и статистического анализа на уникальной эмпирической базе объяснены причины, почему в одних регионах России конструктивное предпринимательство относительно развито на протяжении столетий и повышает устойчивость экономики, а в других – предпринимательская активность стагнирует даже при существенной государственной поддержке. *Решение этой научной проблемы имеет важное социально-экономическое значение для регионального развития*, так как позволяет сформировать доказательную базу при проведении научно-обоснованной пространственной политики, в том числе при осуществлении дифференцированной поддержки малого и среднего предпринимательства в зависимости от особенностей предпринимательских геосистем. Моделирование региональных условий и факторов предпринимательской активности позволяет проводить количественные оценки эффективности государственной политики и на этой основе принимать решения по ее корректировке для повышения народнохозяйственных эффектов.

Научная новизна результатов исследования, полученных автором и соответствующих научной специальности, заключается в сформулированных ниже основных защищаемых положениях (в соответствии с подпунктами паспорта научной специальности ВАК Министерства образования и науки РФ 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика, входящей в номенклатуру научных специальностей, утвержденную приказом Минобрнауки России № 118 от 24.02.2021):

1. Содержательно дополнено определение понятия «предпринимательство» включением в его характеристики пространственной обусловленности: деятельность по поиску, созданию и/или освоению новых рынков товаров / услуг на определенной территории в условиях неопределённости с целью получения вознаграждения. Выявлены роли предпринимательства в

региональном развитии: экономическая, социальная, инновационная и пространственно-организационная, ранее эксплицитно не выделявшаяся. Для целей регионального анализа обоснована целесообразность введения в научный оборот категории «конструктивного предпринимательства», которое развивается из малых форм хозяйствования, обладающих способностью к масштабированию и составляющих основу предпринимательских экосистем (1.1. Теории пространственной и региональной экономики).

2. Разработана методика анализа долгосрочных тенденций деловой активности населения, учитывающая подходы к ее исторической квантификации. Доказано наличие нерегулярных пространственно-временных волн деловой активности населения на территории России. На основе большого объема собранных исторических данных на примере постсоциалистической страны представлены эконометрические доказательства того, что предпринимательская активность персистентна (исторически устойчива) и зависит от эволюции деловой активности населения в прошлом. Это объясняется унаследованными уникальными географическими, функциональными и социокультурными особенностями территорий (1.1. Теории пространственной и региональной экономики).

3. Разработаны новые подходы к темпоральному изучению институциональной среды регионов, в том числе путем выделения специфического сочетания в ней инклюзивных и экстрактивных институтов. На основе эконометрических расчетов доказано, что отдельные институты прошлого, формируя культуру местных сообществ, могут оказывать значимое долгосрочное (многовековое) влияние на предпринимательскую активность. Это частично объясняет невозможность быстрых кардинальных изменений в пространственной организации экономики и определённую инертность регионального развития в целом (1.1. Теории пространственной и региональной экономики).

4. На основе анализа пространственных закономерностей и долгосрочных трендов постсоветского периода обоснованы доказательства того, что конструктивная предпринимательская активность не является ни случайным, ни полностью детерминированным явлением. Она может иметь специфическую траекторию динамики на конкретной территории, при этом обладая определенной инертностью, в т.ч. связанной с влиянием характеристик соседних регионов. Выявлены базовые черты этапов пространственно-временной волны предпринимательской активности (1.2. Пространственная организация национальной экономики; пространственное распределение экономических ресурсов).

5. На данных, собранных за многолетний период, эконометрически обоснованы доказательства того, что конструктивная предпринимательская активность в России связана с комплексом идентифицированных и классифицированных автором региональных характеристик, в том числе не квантифицированных ранее для этих целей: природно-

климатические издержки, экономико-географическое положение, рыночный потенциал, особенности структуры экономики, социокультурные и институциональные условия, спрос и предложение предпринимательских услуг, новые технологии (1.3. Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития).

6. Установлены базовые региональные условия и факторы технологической предпринимательской активности в соответствии с авторским подходом к выявлению технологических стартапов как новых частных предприятий высокотехнологичного сектора экономики с ненулевой выручкой. К региональным условиям и факторам относятся концентрация человеческого капитала, благоприятный инвестиционный климат, развитость региональной инновационной системы и укорененность университетской культуры. В регионах в среднем выше стартап активность, если там расположены вузы с большей долей STEAM-направлений подготовки: наука, технологии, инженерия, искусство, математика (1.3. Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития).

7. На основе эконометрических расчетов установлено, что в России в доковидный период для развития МСП была значима преференциальная налоговая политика. Учитывая разработанные автором оценки подверженности регионов внешним шокам 2020–2021 гг. (пандемия) и 2022–2023 гг. (санкции), доказано, что отдельные меры властей, включая расширение финансовой поддержки бизнесов и населения, способствовали сохранению числа субъектов МСП. Одновременно впервые эконометрически обоснована значимость для МСП предшествующих усилий властей по улучшению формальных институциональных условий ведения бизнеса (1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов).

8. Впервые обоснованы цели, разработаны принципы и методика реализации геосистемного подхода в региональной политике поддержки предпринимательства, позволившая выявить 7 устойчивых типов региональных предпринимательских геосистем в России, сокращенно названных: центры предпринимательства, развитые диверсифицированные, развитые производственные, южные диверсифицированные, северные, восточные удаленные и южные слаборазвитые (1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов).

Теоретическая значимость исследования.

Во-первых, автором обобщена роль предпринимательства в региональной экономике, в частности выявлены и описаны его пространственно-организационные функции. Это обосновывает необходимость рассмотрения предпринимательской активности и выделенной

категории конструктивного предпринимательства как значимых научных объектов региональных исследований, в том числе в постсоциалистических странах.

Во-вторых, выявлены нерегулярные пространственно-временные волны в эволюции деловой активности населения на территории России на основе анализа архивных данных за несколько столетий и доказана высокая персистентность территориальных паттернов предпринимательской активности в постсоциалистической стране даже в условиях кардинальных изменений, что частично обуславливает инертность пространственной структуры экономики. Комплекс научных работ по циклической динамике социально-экономических процессов дополнен новым параметром – предпринимательской активностью. При этом на основе анализа последней пространственно-временной волны распространения конструктивной предпринимательской активности в постсоветский период описаны основные характеристики ее этапов, что может использоваться для будущих аналогичных исследований в России и за рубежом.

В-третьих, предложен методологический подход, соответствующий методический инструментарий и дана оценка долгосрочного влияния отдельных инклюзивных и экстрактивных институтов, укорененных в культуре местных сообществ, на современную предпринимательскую активность в регионах России, что помогает лучше понять причины и факторы долгосрочной социально-экономической динамики регионов.

В-четвертых, разработан методический инструментарий, в частности предложена спецификация эконометрической модели, для оценки влияния региональных условий и факторов на конструктивную предпринимательскую активность. Подобная оценка на большом массиве пространственно-временных данных ранее не проводилась. Многие из представленных переменных ранее не применялись или не имели должной эмпирической квантификации в подобных региональных исследованиях в России, например категории: природно-климатические издержки, экономико-географическое положение, социокультурные и институциональные условия, спрос и предложение предпринимательских услуг, государственная политика. В некотором смысле были выявлены универсальные факторы размещения малых предприятий в регионах России, что расширяет понимание основ теории региональной экономики.

В-пятых, автором предложены основные принципы и обоснованы цели геосистемного подхода для научно-обоснованной (доказательной) региональной политики в сфере МСП, на основе которых выявлены устойчивые типы региональных предпринимательских геосистем в России.

Практическая значимость работы

Во-первых, автором для целей регионального управления впервые предложен и использован при эмпирических оценках и выявлении долгосрочных закономерностей на

региональном уровне показатель конструктивной предпринимательской активности – число малых предприятий (юридических лиц) к численности рабочей силы, или плотность малого бизнеса. Индикатор может использоваться как целевой в Стратегии пространственного развития России, Стратегии развития МСП в России и иных документах стратегического планирования регионов и муниципалитетов согласно Федеральному закону от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Во-вторых, разработанные автором методы моделирования конструктивной, в т.ч. технологической, предпринимательской активности и полученные результаты, объясняющие причины ее региональной дифференциации, позволяют сформировать доказательную базу при проведении научно-обоснованной региональной, научно-технологической и политики поддержки МСП в зависимости от особенностей предпринимательских геосистем регионов, причем как на основе оперативных данных, так и при оценке долгосрочных тенденций. В частности, результаты могут использоваться при обновлении Стратегии пространственного развития России и Стратегии развития МСП в России, при реализации национальных проектов, ориентированных на достижение национальных целей в сфере технологического лидерства.

В-третьих, проведенный обзор практик предпринимательской политики на региональном уровне, а также предложенные автором рекомендации могут использоваться для стимулирования деловой активности населения, в т.ч. при разработке концептуальных положений документов долгосрочного (стратегического) развития регионов России согласно Федеральному закону от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В-четвертых, предложенный подход к моделированию предпринимательской активности с учетом мер государственной политики позволяет проводить количественные оценки эффективности подобной политики, а соответственно принимать решения по ее обоснованности и необходимой корректировке для повышения народнохозяйственных эффектов на региональном уровне. Подход может применяться как региональными, так и федеральными властями, в т.ч. Счётной Палатой Российской Федерации для оценки и корректировки мер поддержки МСП.

В-пятых, динамика числа субъектов МСП и иные предложенные автором показатели предпринимательской активности, по которым собирается ежемесячная статистика, могут служить опережающими индикаторами социально-экономического развития, а соответственно использоваться региональными и федеральными властями, аналитическими и научными организациями, бизнесом и другими заинтересованными лицами для оперативной диагностики отклонений от целевых значений. Также предложенный подход позволяет оперативно определять и факторы, влияющие на экономическую активность в регионах в целом, а

соответственно принимать более действенные и быстрые решения региональным и федеральным властям.

Области исследования автора в соответствии с паспортом научной специальности

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика:

1.1. Теории пространственной и региональной экономики.

При обобщении теоретического материала, в т.ч. выявлении функций предпринимательства, обосновании гипотез и объяснении выявленных закономерностей (п. 1.3, с. 40–52; п. 2.2, с. 101–114).

1.2. Пространственная организация национальной экономики; пространственное распределение экономических ресурсов.

При исследовании закономерностей пространственной организации малого и среднего предпринимательства и технологического предпринимательства в России (п. 3.1–3.3, с. 120–135; п. 3.5, с. 144–149; п. 4.1–4.4, с. 153–177).

1.3. Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития.

При изучении взаимного влияния предпринимательской активности и регионального развития в России, при описании и выявлении факторов предпринимательской активности в регионах России (п. 1.4., с. 52–80; п. 4.1, с. 153–161).

1.6. Мониторинг социально-экономического развития регионов. Региональная экономическая динамика.

При исследовании тенденций развития малого и среднего предпринимательства и факторов, его определяющих в России (п. 3.1–3.4, с. 119–144).

1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов.

При анализе влияния мер региональной политики на развитие предпринимательства (глава 5, с. 183–247). При описании и обосновании применения геосистемного подхода в политике поддержки предпринимательства в регионах России (глава 6, с. 244–293).

4.19. Особенности малых и средних форм предпринимательской деятельности в отраслях сферы услуг.

При изучении отраслевых тенденций и особенностей малых и средних форм предпринимательской деятельности (п. 3.4, с. 138–144).

Апробация результатов исследования. Диссертация опирается на результаты многолетнего опыта работы автора в Институте прикладных экономических исследований РАНХиГС, в Координационном Центре Правительства Российской Федерации, а также в рабочих группах Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации. Отдельные результаты исследования ежегодно направлялись в форме аналитических материалов в Министерство

экономического развития Российской Федерации и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, некоторые материалы и инструменты применялись для оценки эффектов от национального проекта по развитию МСП в экспертно-аналитической работе для Счетной Палаты Российской Федерации. Некоторые тезисы исследования использовались при подготовке отдельных инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, Стратегии развития малого и среднего предпринимательства Российской Федерации до 2030 г., федеральных концепций "Иннокам" и "ИНО Томск", а также 12 стратегий социально-экономического развития регионов и городов России. Автор как эксперт приглашался к обсуждениям Стратегии пространственного развития России (версии от 2019 г. и 2024 г.).

Результаты были апробированы в более чем 50 выступлениях автора на ведущих российских и международных конференциях за последние 10 лет: Конгрессы Европейской ассоциации региональной науки (ERSA), конференции Ассоциации региональных исследований (RSA), Леонтьевские Чтения (Леонтьевский Центр), Ломоносовские Чтения (МГУ им. М.В. Ломоносова), Октябрьская конференция по проблемам теоретической экономики (МГУ им. М.В. Ломоносова), Российские экономические конгрессы (НЭА), конференция «Наука для государственного управления в России» (РАНХиГС), Гайдаровские Форумы (РАНХиГС), Красноярский экономический Форум, Апрельские (Ясинские) конференции (НИУ ВШЭ), Форум технологического предпринимательства и многие другие. Ряд выводов и предложений нашли свое отражение в многочисленных экспертных оценках автора, публикуемых в ведущих профессиональных СМИ.

Отдельные части исследования использованы автором в курсе «География инновационных процессов» в МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в курсе ДПО РАНХиГС «Научно-технологическая политика».

Подготовка, статистический анализ, верификация и интерпретация полученных результатов проведены с использованием современных методов обработки информации. Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается применением формализованных методов анализа (эконометрических и картографических), использованием точных эмпирических данных и опытом практической реализации предложений в ходе экспертных и консультационных работ. Использован большой объем статистической информации, наглядно представленный в таблицах и рисунках.

Структура диссертации.

Диссертационная работа состоит из введения, 6 глав с выводами по каждой главе, заключения, списка использованных источников, списка сокращений и нескольких приложений. Работа имеет классическую структуру от обзора теории и методов через эмпирический анализ к рекомендациям. В первой главе рассмотрены основные теории, концепции и модели,

объясняющие закономерности развития предпринимательства и сформулированы гипотезы о возможных региональных факторах предпринимательской активности. Во второй главе анализируется, как рассмотренные закономерности проявились в экономической истории регионов России, с проверкой отдельных историко-географических гипотез, включая наличие нерегулярных пространственно-временных волн распространения предпринимательской активности. В третьей главе выявлены и описаны основные тенденции и пространственные особенности предпринимательской активности в России в современный (постсоветский) период в сравнении с историческими закономерностями и предшествующими исследованиями. В четвёртой главе выявленные взаимосвязи региональных характеристик и предпринимательской активности эконометрически проверяются на сопоставимых данных в современный период для установления универсальных поддающихся воздействию параметров. В пятой главе исследуется и оценивается, как на указанные параметры может влиять государственная политика, включая ее косвенные эффекты. В шестой главе на основе всего проведенного анализа изложены рекомендации по формированию доказательной предпринимательской политики для будущих периодов на предложенных принципах геосистемного подхода.

Работа общим объемом 381 страница, включает 35 таблиц, 51 рисунок, 21 формулу, список использованных источников из 799 наименований.

Работа выполнена лично автором, включая этапы определения цели и постановки задач исследования, сбора информации, разработки методологии, реализации расчетов и формулирования выводов, с учетом подходов и результатов ряда исследований, выполненных в соавторстве с другими исследователями.

Публикации.

Основные положения диссертации нашли свое отражение в 72 научных публикациях (общим объемом 181 п.л., из них авторский вклад не менее 59,2 п.л.): 8 монографиях, 3 главах в международных сборниках и 61 статье в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, в т.ч. в 38 статьях в журналах БД Scopus.

Основные положения диссертации изложены в научных публикациях (включая вклад автора):

Научные статьи Scopus (Q1)

1. Zemtsov S. Sanctions risks and regional development: Russian case // Baltic Region. 2024. Vol. 16. № 1. P. 23–45 (1,38 п.л.);
2. Belitski M., Tsareva Y., Zemtsov S. Geography and persistence of entrepreneurship in Russia // Regional Studies. 2024. Vol. 58. № 5. P. 1076–1095 (0,4 п.л.);
3. Земцов С.П., Царева Ю.В. Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России // Вопросы экономики. 2023. № 7. С. 115–

141 (0,81 п.л.);

4. Zemtsov S., Demidova K., Kichaev D. Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic // *Baltic Region*. 2022. Vol. 14. № 4. P. 57–78 (0,44 п.л.);

5. Zemtsov S., Chepurenko A., Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions. *Foresight and STI Governance*. 2021. Vol. 15. № 4. P. 61–77 (0,33 п.л.);

6. Земцов С.П., Царева Ю.В., Салимова Д.Р., Баринаова В.А. Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // *Вопросы экономики*. 2021. № 12. С. 66–93 (0,42 п.л.);

7. Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Баринаова В.А., Красносельских А.Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // *Вопросы экономики*. 2020. № 10. С. 44–67 (0,36 п.л.);

8. Zemtsov S., Kotsemir M. An assessment of regional innovation system efficiency in Russia: the application of the DEA approach // *Scientometrics*. 2019. Vol. 120. № 2. P. 375–404 (0,91 п.л.);

9. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia // *Foresight and STI Governance*. 2019. 2(13). P. 84–96 (0,25 п.л.);

10. Баринаова В., Земцов С., Царева Ю. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // *Вопросы экономики*. 2018. №6. С. 92–116 (0,5 п.л.);

11. Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // *Вопросы экономики*. 2017. №7. С. 142–157 (0,94 п.л.);

12. Земцов С.П., Баринаова В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к "умной специализации" // *Вопросы экономики*. 2016. №10. С. 65–81 (0,5 п.л.);

13. Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of Regional Innovation in Russia: Are People or Capital More Important? // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. №2. P. 29–42 (0,2 п.л.);

14. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. №3. P. 34–52 (0,28 п.л.).

Иные научные статьи Scopus

15. Земцов С.П., Волошинская А.В. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 3. С. 54–83 (0,5 п.л.);

16. Земцов С.П., Баринова В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. Том 18. № 2. С. 44–79 (0,73 п.л.);
17. Barinova V.A., Zemtsov S.P. From Direct SMEs' Support to Entrepreneurship Policy in Russia: Why Do Regional Entrepreneurial Ecosystems Matter? // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13. № 3. P. 440–457 (0,53 п.л.);
18. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R., Mikhailov A. Entrepreneurship policy and SME development during pandemic crisis in Russia // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12. № 3. P. 321–334 (0,2 п.л.);
19. Zemtsov S., Tsareva Y., Barinova V., Belitski M., Krasnoselskikh A. Small business in Russia: institutions, market potential, taxes and digitalization // Post-Communist Economies. 2022. Vol. 34. №8. P. 1029-1053 (0,3 п.л.);
20. Земцов С.П. Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1. С. 212–223 (0,69 п.л.);
21. Zemtsov S., Komarov V. Barinova V. A. Uncovering New Economy Potential of Russian Regions on the Basis of the Last 20 Years Dynamics' Analysis // Ekonomy of regions. 2022. Vol. 18. № 1. P. 92–104 (0,25 п.л.);
22. Barinova V., Rochhia S., Zemtsov S. Attracting highly skilled migrants to the Russian regions // Regional Science Policy & Practice. 2022. Vol. 14. № 1. P. 147–174 (0,56 п.л.);
23. Земцов С.П. Новые технологии и развитие регионов в современных условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 196–207 (0,69 п.л.);
24. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 46. № 2. С. 168–180 (0,75 п.л.);
25. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Inclusive growth and regional sustainability of Russia // Regional research of Russia. 2020. Vol. 10. P. 23–46 (0,72 п.л.);
26. Zemtsov S. New technologies, potential unemployment and 'nescience economy' during and after the 2020 economic crisis // Regional Science Policy & Practice. 2020. Vol. 12. № 4. P. 723–744 (1,31 п.л.);
27. Zemtsov S., Baburin V. COVID-19: Spatial dynamics and diffusion factors across Russian regions // Regional research of Russia. 2020. Vol. 10. P. 273–290 (0,53 п.л.);
28. Земцов С.П., Бабурин В.Л. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Том 84. № 4. С. 485–505 (0,63 п.л.);
29. Zemtsov S.P., Baburin V.L., Kidyaeva V.M. Innovation clusters and prospects for environmental management in Russia // Geography and Natural Resources. 2018. №1. P. 10–15 (0,1

п.л.);

30. Земцов С.П., Царева Ю.В. Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. №1. С. 145–165 (0,63 п.л.);

31. Земцов С.П., Чернов А.В. Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. №1. С. 68–99 (0,97 п.л.);

32. Земцов С.П., Смелов Ю.А. Факторы регионального развития в России: География, человеческий капитал и политика регионов // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. №4. С. 84–108 (0,75 п.л.);

33. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. № 1. С. 117–138 (0,66 п.л.);

34. Zemtsov S., Pavlov P., Sorokina A. Specifics of cluster policy in Russia // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. 2016. Vol. 11. № 3. P. 499-536 (0,77 п.л.);

35. Zemtsov S., Baburin V. Does economic-geographical position affect innovation processes in Russian regions? // Geography, environment, sustainability. 2016. Vol. 9. № 4. P. 14–32 (0,56 п.л.);

36. Бабурин В.Л., Земцов С.П., Кидяева В.М. Методика оценки потенциала экономико-географического положения городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 1. С. 39–45 (0,13 п.л.);

37. Земцов С.П., Еремкин В.А., Баринова В.А. Факторы востребованности ведущих вузов России. Обзор литературы и эконометрический анализ // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 201–233 (0,67 п.л.);

38. Zemtsov S., Baburin V. L. How to assess advantages of economic-geographical position for Russian regions? // R-Economy. 2016. Vol. 2. № 3. P. 385–401 (0,5 п.л.).

Иные научные статьи

39. Баринова В.А., Земцов С.П., Михайлов А.А., Царёва Ю.В. Пересмотр долгосрочных трендов развития малого и среднего предпринимательства в России и регионах в постсоветский период // Экономическое развитие России. 2022. Том 29. № 7. С. 29–44 (0,23 п.л.);

40. Земцов С.П., Бабурин В.Л., Царева Ю.В. Сложности ведения бизнеса в Арктике и в северных регионах России // Известия Русского географического общества. 2022. Том 154. № 2. С. 37–51 (0,29 п.л.);

41. Баринова В.А., Демидова К.В., Земцов С.П., Царева Ю.В. Оценки влияния кризиса на развитие малого и среднего бизнеса по итогам 2020 г.: сбылись ли прогнозы начала года? // Экономическое развитие России. 2021. № 7 (28). С. 36–48 (0,19 п.л.);

42. Земцов С.П., Царева Ю.В., Павлов П.Н. Рыночный потенциал регионов и развитие

предпринимательства в России // География и природные ресурсы. 2021. № 3. С. 139–147 (0,17 п.л.);

43. Земцов С.П., Михайлов А.А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. № 4 (28). С. 34–45 (0,34 п.л.);

44. Баринаева В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Улучшение делового климата для МСП как ответ на текущий кризис и пандемию коронавируса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 7. №7. С. 54–65 (0,23 п.л.);

45. Земцов С.П., Бабуринов В.Л. Коронавирус в регионах России: особенности и последствия распространения // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 2 (124). С. 44–55 (0,34 п.л.);

46. Земцов С.П., Кидяева В.М. Факторы привлекательности регионов России для мигрантов с высшим образованием // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 39–52 (0,41 п.л.);

47. Земцов С.П., Царева Ю.В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. № 5 (27). С. 71–82 (0,34 п.л.);

48. Баринаева В.А., Земцов С.П. Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // Вопросы статистики. 2019. № 6. С. 55–71 (0,5 п.л.);

49. Земцов С.П., Баринаева В.А., Семенова Р.И. Государственная поддержка высоких технологий и инноваций в России // Инновации. 2019. № 3. С. 33–44 (0,23 п.л.);

50. Баринаева В.А., Земцов С.П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 1. С. 23–46 (0,72 п.л.);

51. Земцов С.П. Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3(36). С. 6–17 (0,69 п.л.);

52. Земцов С.П., Маскаев А.Ф. Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // Инновации. 2018. № 6. С. 145–165 (0,63 п.л.);

53. Баринаева В.А., Земцов С.П., Коцюбинский В.А., Красносельских А.Н., Царева Ю.В. Выполнение Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономическое развитие России. 2018. № 11. С. 36–45 (0,11 п.л.);

54. Земцов С.П., Климанов В.В., Бугаева Е.А. Приоритеты пространственного развития Томской области // Регион: экономика и социология. 2016. Т. 9. № 2. С. 42–61 (0,4 п.л.);

55. Бабуринов В.Л., Земцов С.П. Факторы патентной активности в регионах России // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 1. С. 86–100 (0,44 п.л.);

56. Бортников И.М., Земцов С.П., Сорокина А.В., Павлов П.Н., Иванова О.В., Куценко

Е.С. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // Инновации. 2015. № 7. С. 26–36 (0,13 п.л.);

57. Баринаова В.А., Дробышевский С.М., Еремкин В.А., Земцов С.П., Сорокина А.В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 23. С. 4199–4204 (0,06 п.л.);

58. Баринаова В.А., Еремкин В.А., Земцов С.П. Факторы развития инновационных компаний на ранних стадиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 27–51 (0,5 п.л.);

59. Бортник И.М., Баринаова В.А., Земцов С.П., Инфимовская С.Ю., Сорокина А.В. Анализ факторов конкурентоспособности отечественных высокотехнологичных компаний // Инновации. 2015. №3 (197). С. 25–31 (0,08 п.л.);

60. Земцов С.П., Комаров В.М. Формирование экономики знаний в регионах России в 1998–2012 гг. // Инновации. 2015. № 10. С. 29–36 (0,22 п.л.);

61. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Эволюция системы городских поселений и динамика природных и социально-экономических процессов в российской Арктике // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 76–83 (0,22 п.л.).

Монографии

62. Баринаова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. В поисках предпринимательства в России. Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 400 с. (8,33 п.л.);

63. Баринаова В.А., Земцов С.П., Демидова К.В., Леваков П.А. Малое и среднее предпринимательство России в кризисные периоды – М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2023. 116 с. (1,81 п.л.);

64. Баринаова В.А., Гладкий А.С., Демидова К.В., Земцов С.П., Михайлов А.А., Петросян Л.Г., Петряева А.В., Семенова Р.И., Хлал Ш., Царева Ю.В., Федотов И.В. Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика / Национальный доклад. – М.: РАНХиГС, АИРР, 2022. 67 с. (0,38 п.л.);

65. Антонова М.П., Баринаова В.А., Громов В.В., Земцов С.П., Красносельских А.Н., Милоголов Н.С., Потапова А.А., Царева Ю.В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 88 с. (0,69 п.л.);

66. Баринаова В.А., Земцов С.П., Зинов В.Г., Кидяева В.М., Красносельских А.Н., Куракова Н.Г., Семенова Р.И., Федотов И.В., Халимова С.Р., Хафизов Р.Р., Царева Ю.В. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». 2020 / под ред. С.П. Земцова — М.: РАНХиГС, АИРР, 2020. 119 с. (0,68 п.л.);

67. Баринава В.А., Земцов С.П., Кнобель А.Ю., Лощенкова А.Н. Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 308 с. (4,81 п.л.);

68. Агаева Л.К., Бурец Ю.С., Егорова К.С., Земцов С.П., Кожухова В.Н., Коробецкая А.А., Королева Е.Н., Семёнычев В.К., Хмелева Г.А., Чертопьятов Д.А. Российские регионы в условиях санкций: возможности опережающего развития экономики на основе инноваций. – Самара: СГЭУ, 2019. 446 с. (1,13 п.л.);

69. Бабуринов В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России. М.: КДУ "Университетская книга", 2017. 358 с. (11,19 п.л.).

Главы в международных публикациях

70. Zemtsov S., Mikhaylov A. Startups and regional entrepreneurial ecosystems: the Russian case / Audretsch D., Belitski M (Ed.) Developments in Entrepreneurial Finance and Technology. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2022. 23-39 p. (0,5 п.л.);

71. Zemtsov S., Baburin V. Geography, factors and consequences of COVID-19 diffusion in Russia / Brunn S., Gilbreath D (Ed.) COVID-19 and a World of Ad Hoc Geographies. Cham: Springer, 2022. 981-987 p. (0,19 п.л.);

72. Barinova V., Zemtsov S., Smallbone D. SMEs and entrepreneurship policy in Russia / Smallbone D., Welter F (ed.) Research Agenda for Entrepreneurship Policy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2020. 103-120 p. (0,35 п.л.).

Благодарности

Автор выражает благодарность коллегам, соавторам статей и сопутствующих материалов, использованным при подготовке докторской диссертации: В.А. Бариновой, В.М. Комарову, Ю.В. Царевой, А.А. Михайлову, Р.И. Семенову (РАНХиГС), А.Ю. Чепуренко (НИУ ВШЭ), В.Л. Бабуринову, В.М. Кидяевой, М.Д. Горячко, А.Н. Пилясову (МГУ им. М.В. Ломоносова), многочисленным коллегам, внесшим предложения при обсуждении во время семинаров и конференций, рецензировании и редактировании предшествующих материалов, в т.ч. П.Я. Бакланову, В.М. Полтеровичу, Р.М. Энтову, И.М. Бортнику, М. Фричу, М. Белицкому, А.Д. Радыгину, Т.Ю. Клячко, А.В. Сорокиной, В.А. Коцюбинскому, Г.И. Идрисову, С.М. Дробышевскому, Д.Ю. Землянскому, М.Ю. Турунцевой, Г.А. Хмелевой, О.В. Кузнецовой, Н.В. Зубаревич, С.Р. Халимовой, А.В. Божечковой, Ю.В. Симачеву, И.В. Гришиной, В.Е. Шувалову и другим коллегам, а также уважаемым консультанту и рецензентам.

Глава 1. Теоретико-эмпирические основы исследования предпринимательства в региональной экономике

В первой главе на основе обзора предшествующих научных работ по теории предпринимательства и теории региональной экономики дается определение основных понятий и описаны ключевые концепции, дающие представление о месте и роли предпринимательства в региональных исследованиях. Предприниматели рассматриваются как одни из важнейших агентов региональной экономики, а предпринимательство, отражающее деятельность этих агентов, изучается как фактор регионального развития, упущенный из внимания и часто недооцениваемый учеными постсоциалистических стран. В рамках эволюционного подхода следует говорить о социально-экономическом явлении – предпринимательской активности, формируемой на конкретной территории под влиянием определенных условий и факторов. Выявлению последних посвящены многочисленные эмпирические исследования, проанализированные в последней части главы.

1.1. От традиционных подходов к эволюционной теории предпринимательства

Прообразы предпринимательства как *общечеловеческой деятельности по созданию и/или привнесению новых товаров и услуг на местную территорию за вознаграждение* зародились вместе с процессами добровольного обмена результатами труда. В Античный период деловая активность жителей, связанная с торговлей, часто ассоциировалась с мотивами необоснованного обогащения и критиковалась¹; в раннехристианский период и в Средневековой Европе также осуждалось чрезмерное обогащение за счет сверхприбыли², но признавалась ценность торговли, обеспечивающей местные сообщества необходимыми товарами из других регионов и стран. Торговая (коммерческая) революция³ в Западной Европе с XIV в. способствовала возникновению капиталистических отношений (Грейф, 2013) и новых форм хозяйствования, что потребовало соответствующего осмысления. Научные представления о предпринимательстве формируются после Первой Промышленной революции в XVIII в. (Радаев, 1997; Hebert, Link, 2007).

¹ Аристотель (384–322 гг. до н. э.) разделял хозяйство на «экономику» и «хрематистику», к первой относя земледелие, ремесло и торговлю производителей, а ко второй – профессиональную торговлю и ростовщичество.

² Ранее в Евангелии от Матфея указывалось, что «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное». Богатство же часто ассоциировалось со ростовщичеством и спекуляцией. В XIII в. христианский философ и богослов Фома Аквинский (1225–1274) уже считал, что справедливая торговля, удовлетворяющая разумные потребности, дозволена. В памятнике русской и христианской литературы XVI в. «Домострое» предпринимательство может частично ассоциироваться с «домостроительством» – обустройством хозяйственной жизни, где, однако, исключена погоня за прибылью как самоцель.

³ Глобальная экспансии европейских стран и капиталов в эпоху Великих географических открытий стимулирует создание и развитие многих современных рыночных институтов: банковские, страховые, инвестиционные, биржевые, гильдии, цеха и др. В Западной Европе формируется отдельный класс городских предпринимателей: ремесленников, торговцев, купцов и др., развиваются мануфактуры, зарождаются акционерные общества. При этом распространяются и деструктивные силовые формы предпринимательства, например пиратство.

В англо-саксонской традиции, идущей от работ А. Смита⁴ и физиократов XVIII в. (Баумоль, 2013; Радаев, 1997; Автономов, 2020), в экономике действуют три основные категории контрагентов и соответствующие им факторы производства:

- землевладельцы – получатели ренты от земли как фактора производства;
- наемные работники – получатели заработной платы от собственного труда;
- капиталисты – получатели прибыли от капитала.

Свойства предпринимателя частично отождествлялись с таковыми у капиталистов или наемных управляющих (Смит, 1992; Маркс, 1957; Маршалл, 1993). Но уже в начале XVIII в. ирландско-французский экономист Р. Кантильон (Кантильон, 2004), который ввел в научный оборот термин «*предприниматель*» (от французского *entrepreneur*), обозначал им человека, который извлекал доход из организации и управления рискованным делом, отдавая часть заработка наемным работникам, менеджерам и инвесторам (капиталистам)⁵, в надежде на существенный рост прибыли. У Дж. Милля в середине XIX в. подчеркнуто, что предприниматель – отдельная категория контрагентов (Автономов, 2020). А. Маршалл в конце XIX в. (Маршалл, 1993) считал, что они координируют и комбинируют остальные факторы производства для создания благ в условиях неопределённости, внедряя нововведения, то есть возникают основания говорить о *предпринимательстве как новом (четвертом) факторе производства*.

Ремесленники, торговцы и другие предприниматели стремятся продать востребованный товар по более высокой цене (Кантильон, 2004). Среди экономистов-неоклассиков широко распространен подход, при котором подобные функции выполняет некая «невидимая рука», а изначально использованная А. Смитом метафора «чего-то стоящего над людьми и неосознанно на них влияющего» трактуется как предвосхищение теории общего равновесия⁶ (Капелюшников, 2023b). Равновесие на рынке достигается во многом как результат взаимодействия многочисленного числа предпринимателей, но не исполнением человеческого замысла. Косвенно при этом предпринимательство способствует *приведению предложения в соответствие со спросом*, а соответственно и повышению общественного благосостояния.

Французский экономист Ж.-Б. Сэй в начале XIX в. задолго до работ А. Маршалла подчеркивал роль предпринимательства как механизма, позволяющего перенаправлять ресурсы

⁴ А. Смит разделяет крупных и малых собственников, не употребляя термина предприниматель: «...Мелкий собственник, который знает каждый клочок своего маленького участка и относится к нему со своей привязанностью..., получая удовольствие не только от обработки его, но и от украшения, по общему правилу является наиболее трудолюбивым, наиболее сообразительным и достигает наилучших результатов» (Смит, 1992).

⁵ Например, в Венецианской Республике начиная с XII века, наблюдается разделение между предпринимателями-купцами и капиталистами-инвесторами, когда первый мог получить заем в рамках договора комменды (общество на паях, от итал. *colleganza*). Инвесторы таким образом авансировали предприятие, например путешествие в дальние страны, а затем получали большую часть прибыли (Acemoglu, Robinson, 2012; Грейф, 2013).

⁶ Во многих более поздних работах маржиналистов анализ равновесных ситуаций при предположении о совершенной конкуренции почти не учитывал поведение предпринимателей (Автономов, 2020).

из менее – в более производительные сферы (Сэй, 2004) путем соединения классических факторов производства (земля, труд и капитал), сбора данных и накопления опыта, последующей организации производства (создания фирмы). Здесь прослеживается *функция предпринимательства по созданию новых продуктов и повышению эффективности экономики*⁷. Это сближает предпринимателя с современной категорией «инноватора»⁸, но при этом первый извлекает прибыль из способности находить и осваивать новые рыночные ниши. Многие знания и изобретения не находят своего воплощения в востребованных продуктах из-за нехватки предпринимателей (Баумоль, 2013). Предпринимательство выступает здесь также проводником «невидимой руки», т. к. исправляет возможные дефициты на рынках.

В России в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. Даль (Даль, 1880) в конце XIX в. определял «предпринимательство» как готовность *«затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело»*, т. е. подчеркивал его инновационные функции. М.И. Туган-Барановский разделял крупных промышленников (капиталистов, фабрикантов) и малых предпринимателей: кустарей, ремесленников, владельцев мастерских и т. д. (Туган-Барановский, 1995). Он отмечал наличие исторических различий в хозяйственной деятельности стран и регионов, например, благодаря развитию малых хозяйств в городах Западной Европы сложились многие рыночные и политические институты; в России же большие пространства и редкость населения, которые могли быть преодолены лишь государством и крупным капиталом, привело к кардинальному разделению между владельцами капитала и фактическими бесправными работниками, включая крепостных, со слабым средним городским классом⁹. П.Б. Струве (Струве, 1894) отмечал слабый уровень общественного разделения труда и недостаток предпринимательского духа в России, что связывал с патриархальным укладом и общинными традициями крестьянства¹⁰. Д.И. Менделеев как статистик соглашался с этим и отмечал недостаток предприимчивости для развития отечественной обрабатывающей промышленности (Менделеев, 1906). Представители народничества, в частности В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон, полагали, что в России развивается

⁷ Увеличение производительности может достигаться за счет более оптимального использования ресурсов и устранения потерь (производственная эффективность) и с помощью производства более востребованных товаров и услуг при заданных ресурсных ограничениях (аллокативная эффективность). В теории Лейбенштайна (Hebert, Link, 2007) несовершенства рынка объясняются X-неэффективностью из-за организационной энтропии, человеческой инертности, неполных контрактов между экономическими агентами и конфликтующих интересов агента и принципала. Это подразумевает существование *предпринимательских возможностей*: соединение различных рынков, исправление недостатков рынка, завершение производственных цепочек и создание новых.

⁸ Создатель нового (часто изобретатель): технологий, продуктов и услуг (Бабури, Земцов, 2017), использующий фактор новых технологий и получающий ренту от своих изобретений.

⁹ Философ и социолог Н.А. Бердяев отмечал взаимосвязи природной среды и культуры: большие пространства способствовали экстенсивности развития, суровость климата вела к низкой производительности труда, превалированию ценностей выживания над ценностями развития, коллективного – над индивидуальным. Г.В. Плеханов отмечал, что модернизация и европеизация узкой прослойки общества происходит на фоне углубления традиционных способов производства и усиления соответствующих культурных норм в его остальной части.

¹⁰ Отечественное предпринимательство исторически определялось двумя институтами: сильным централизованным государством и традиционными общинно-корпоративными институтами (Радаев, 1997).

особый общинный строй, противопоставляемый капиталистическим отношениям, и критиковали развитие крупных частных производств в аграрной стране.

В рамках эволюционного подхода географ П.А. Кропоткин (Кропоткин, 2010) основой социальных и природных законов считал динамические взаимодействия, которые порождают движение к новым формам, в том числе хозяйствования. Кооперация приводит к формированию экосистем, а эволюция движется в сторону коллективной адаптации контрагентов экосистемы к внешней среде и друг другу. Капиталистическая конкуренция между крупными собственниками может приводить к росту социальных издержек, а развитие малых форм и их кооперация позволило бы возродить творческие навыки населения и снизить неравенство. При этом мыслитель не предполагал отказаться от крупных форм организации производств, например в тяжелой промышленности, где значимы эффекты масштаба. Под влиянием схожих идей экономист А.В. Чаянов противопоставлял капиталистическим формам хозяйства, направленным на получение прибыли, изучаемые им семейно-трудовые хозяйства (Чаянов, 1989). Последние обеспечивали средства существования своим членам в рамках набора устойчивых неформальных норм¹¹. При этом ученый также считал кооперацию подобных хозяйств главным фактором экономического развития, по крайней мере, в аграрной сфере.

Н.Д. Кондратьев (Кондратьев, 1991) связывал предпринимательство с рутинной общеорганизационной деятельностью; в малых формах хозяйствования различал роли предпринимателя и капиталиста: первый должен был быть более гибок, хорошо знать свое дело, рынок и его потребности, быть более изобретательным, а в условиях непрерывных изменений он может прибегать к нововведениям, чтобы сохранить конкурентоспособность. В ранних трудах В.И. Ленина мелкая буржуазия также выделялась в отдельную значимую для экономического развития категорию (Ленин, 1889), что было положено в основу Новой экономической политики. Развитие предпринимательских форм хозяйствования он во многом связывал с развитием капитализма¹². В досоветской научной мысли прослеживается разделение крупного и малого предпринимательства, роль кооперации, природных и культурных факторов в его становлении. В советский период доминировали представления, отождествляющие предпринимателя и капиталиста¹³ в рамках теории классовой борьбы (Маркс, 1957)¹⁴; позднее частное предпринимательство было запрещено, а исследования почти не проводились (см. п. 2.1)¹⁵.

¹¹ Получивших в мировой научной литературе название «моральная экономика».

¹² Позднее заложив основы государственного капитализма как переходной формы к социализму, в которой единственным предпринимателем становится государство, а предприятием – хозяйство страны.

¹³ В Словаре русского языка С.И. Ожегова 1988 г., в отличие от словаря В. Даля, предприниматель – это уже «капиталист, владеющий предприятием», что показывает кардинальное изменение представлений.

¹⁴ К. Маркс не отрицал вклада предпринимательских способностей владельцев капитала в конечную стоимость продукции, но считал, что их доля в вознаграждении в виде прибыли непропорционально и несправедливо выше.

¹⁵ Некоторые работы были посвящены неформальному сектору экономики в СССР (Андрюхин, 2011). В постсоветский период изучались особенности перехода от плановой к рыночной экономике (Яковлев, 1994;

Немецкий экономист XIX в. Й. фон Тюнен имел схожие с классическими представления о предпринимательстве как деятельности, направленной на получение дохода за риск и предпринимательское искусство по реализации нововведений (Тюнен, 1929). Позднее в рамках континентальной европейской традиции в Германии и Австрии развиваются представления о *предпринимательстве, обеспечивающем динамизм, изменчивость экономической системы*. Австрийско-американский экономист Й. Шумпетер в XX в. критиковал имевшиеся ранее представления (А. Смита, Дж. Милля, К. Маркса и др.) за игнорирование этой роли. По его мнению, это главный фактор производства (Шумпетер, 2008), *обеспечивающий переход от одного равновесного состояния в другое*. Он различал консервативное предпринимательство, носящее рутинный характер, и креативное (инновационное). К инновационным действиям Й. Шумпетер относил (Бабурин, Земцов, 2017; Автономов, 2020):

1. создание новых для потребителей благ (товаров и услуг);
2. внедрение новых способов производства и использования ресурсов;
3. освоение новых ресурсов, в том числе финансовых¹⁶;
4. поиск и освоение новых для предприятия рынков сбыта;
5. создание новых рынков и рыночных ниш¹⁷.

Предприниматели-инноваторы обеспечивают созидательное (*креативное*) разрушение в экономике, когда новые технологии, товары и услуги (инновации) заменяют существовавшие ранее. Большое число радикальных инноваций¹⁸ порождают смену совокупности технологий, или технологического уклада, как например переход от энергии пара к энергии двигателей внутреннего сгорания (Freeman, 1987; Глазьев, 1992; Perez, 2002; Бабурин, 2010). По мнению Й. Шумпетера¹⁹ этот механизм лежал в основе выделенных ранее долгосрочных экономических циклов (колебаний мировой конъюнктуры), т. н. Кондратьевских волн (Кондратьев, 1991).

Позднее У. Баумоль расширил идеи Й. Шумпетера (Baumol, 2010; Баумоль, 2013). Исследователь различал *инновационных предпринимателей*, создающих товары и услуги на

Чепуренко и др., 2004; Яковлев, 2006; Яковлев и др., 2007; Долгопятова и др., 2007). Большая работа велась по осмыслению зарубежной и досоветской отечественной научной мысли (Пилясов, 2012; Чепуренко, 2013).

¹⁶ Й. Шумпетер подчеркивал значимость финансовых рынков, обеспечивающих эффективную аллокацию капитала за счет обработки большого массива информации для верных инвестиционных решений. Развитые рынки капитала, новые финансовые инструменты обеспечивают развитие инновационного предпринимательства.

¹⁷ Если первое могут также выполнять изобретатели (инноваторы), второе и третье – менеджеры, то четвертое и пятое из-за существенных финансовых и иных рисков, условий неопределенности готовы выполнять преимущественно предприниматели. Могут их осуществлять и другие экономические агенты, приобретающие некоторые свойства предпринимателей, например генеральные конструкторы, инженеры в плановой экономике.

¹⁸ Инновации позднее были разделены (Christensen, 2015) на *инкрементальные* (усовершенствующие), внедряемые крупными фирмами (консервативные предприниматели), и *радикальные* (подрывные, прорывные), создаваемые преимущественно стартапами (инновационные предприниматели) и формирующие новые рынки.

¹⁹ Работы Й. Шумпетера и его последователей оказали влияние не только на развитие экономической мысли, но и экономической политики в США. В частности, было создано Управление по делам малого бизнеса (SBA) для поддержки инновационного предпринимательства. Созданы исследовательские центры; в начале 2000-х было около 150 подобных центров только в университетах США (Hebert, Link, 2007).

основе новых идей, и *репликативных*, повторяющих существующие подходы (Баумоль, 2013)²⁰. Инновационное предпринимательство позволяет *отодвинуть границу производственных возможностей экономики*. При этом инноваторы, в т. ч. инновационные предприниматели, несут существенные издержки на производство новых знаний, технологий, которые *косвенно (неявно) получают и используют другие экономические агенты без должной компенсации*. Эти внешние эффекты (экстерналии), названные *перетоком знаний* (от англ. knowledge spillovers), происходят, например, при личном общении, через переход работников из одной компании в другую, из университета на предприятие и т. д. (Polanyi, 1966; Бабурин, Земцов, 2017)²¹. Внедрение инноваций повышает предельную производительность труда, что рано или поздно ведет к росту заработной платы, а соответственно и общественного благосостояния²². У. Баумоль рассматривает и негативные экстерналии, связанные с *креативным разрушением*: инновации способны наносить ущерб фирмам с традиционными продуктами и услугами, но подобные экстерналии существенно ниже выгод общества. Кроме того, У. Баумоль различает *производительную деловую активность*, создающие добавленную стоимость, и *перераспределительную*²³, когда экономические агенты стремятся к перераспределению добавленной стоимости в свою пользу, например рэнтье. В последней категории он выделяет разрушительное (деструктивное) предпринимательство, например пиратство, рейдерство и т. д.

Согласно П. Друкеру (Drucker, 2014), инновационный предприниматель использует возникающие на рынке возможности: изменения в сфере технологий, потребительских предпочтений, социальных норм, поэтому *предпринимательство способствует адаптации экономики к изменениям*. Переход к экономике знаний, следующей за современным постиндустриальным обществом, потребует создания «предпринимательского общества», в которой нормой жизни станет инновационная деятельность, в т.ч. направленная на цели, лежащие за границами получения прибыли²⁴. Предпринимателями часто движет желание

²⁰ Хотя крупные компании и тратят существенные средства на научные исследования и создают прорывные продукты, малые инновационные компании создают большую часть прорывных продуктов и наиболее высокоцитируемых патентов на них (Baumol, 2010).

²¹ Модель «предпринимательского перетока знаний» Акса-Одрича (Audretsch, Keilbach, 2004; Acs и др., 2004; Audretsch, Keilbach, 2008; Acs, Sanders, 2012) показывает, что экономическое развитие зависит не только от накопления капитала, знаний и технологий, но и от уровня и интенсивности предпринимательской активности, то есть способности предпринимателей преобразовывать новые идеи, научные разработки, изобретения в стартапы и новые востребованные рынком продукты, а соответственно и стимулировать перетоки знаний.

²² Если предположить, что рост производительности труда после Промышленной революции связан преимущественно с инновациями, то более 92% ВВП США связано с новыми продуктами (Баумоль, 2013). При этом более 90% выгод от инноваций доставалось обществу, а не их изобретателям.

²³ Подобное разделение часто встречается в литературе. В произведениях американской писательницы и философа А. Рэнд есть разделение на создателей и получателей (грабителей, присваивателей), у Т. Веблена – на инженеров-созидателей и «праздный класс» богатых людей (Veblen, 1898; 1899). В русской литературе у И.А. Гончарова сравниваются два типа персонажей: деятельный А. Штольц и пассивный И. Обломов.

²⁴ По М. Фридману социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении его прибыли и максимизации доходов акционеров («Доктрина Фридмана»). Эти представления часто критикуются в научной литературе.

изменить мир к лучшему, создать что-то уникальное, выдающееся²⁵. П. Друкер одним из первых говорит о социальной ответственности бизнеса и *социальном предпринимательстве*, которое функционируют на границе рентабельности для решения социальных задач (Барина, 2018).

В своей деятельности предприниматели действуют в условиях различных рисков: потери прибыли, собственности, свободы и т. д. Американский экономист Ф. Найт (Найт, 1993) отмечал, что в экономике есть относительная и абсолютная неопределённость: в первом случае есть возможность оценить риск неудачи, а соответственно застраховать его, а во втором – это невозможно из-за отсутствия информации о возможных исходах. Поэтому в разрабатываемой им *теории предпринимательского поведения*, основное внимание он уделял способности предпринимателя предвидеть радикальную неопределённость, извлекать прибыль, ориентируясь на свои прогнозы будущего. Число предпринимателей в экономике может зависеть от уровня неопределённости и ее восприятия людьми: наименее склонные к риску реже выбирают карьеру предпринимателя²⁶ (Kihlstrom, Laffont, 1979). А это, в свою очередь, может зависеть от сложившихся в обществе предпочтений и норм.

По Т. Шульцу, предприниматель – это человек способный справиться с неравновесной ситуацией, работать в условиях неопределённости, перераспределяя ресурсы в ответ на меняющиеся обстоятельства (Schultz, 1980). Подобные способности важны повсеместно, ими могут обладать разные люди на разных должностях²⁷. Но это редкий ресурс, а его предложение зависит от желания и затрат людей на приобретение соответствующих компетенций, навыков и опыта. Поэтому *предпринимательский капитал – значимый производственный фактор*²⁸.

И. Кирцнер (Кирцнер, 2001) вслед за Ф. фон Хайеком определяет предпринимателя как индивида, *который ищет и создает новые возможности для извлечения прибыли, исходя из своих знаний, оценок и интуиции*. При этом подчеркивается непознаваемая и плохо формализуемая сущность предпринимательства, что противоречит представлениям Т. Шульца о возможности обучения соответствующим навыкам. Предприниматель выступает как носитель *неявного знания*²⁹ *по открытию и использованию возможностей на рынке в условиях неопределённости* (концепция предпринимательского поиска). Источником неопределённости

²⁵ По Й. Шумпетеру предприниматель максимизирует свою неудовлетворенную потребность в накоплении благ, при этом может испытывать удовольствие от созидательного труда.

²⁶ Дж. Голланд в теории профессиональных типов выделяет предпринимательский: это люди, отличаются лидерскими качествами, ответственностью, амбициозностью, экстраверсией, оптимизмом и высокими способностями к убеждению и не боятся рисковать (Chan, 2012).

²⁷ В этом случае предпринимательские функции могут выполняться в экономике и без предпринимателя как агента.

²⁸ Согласно модели Р. Лукаса (Lucas, 1978), число предпринимателей зависит от способностей индивидов: более способные к управлению предпочитают предпринимательскую карьеру, т.к. отдача от их компетенций выше, чем при наемном труде. В отдельных динамических моделях общего равновесия присутствует внешне заданный параметр выбора индивидуумом занятости по найму или открытия предприятия (Evans, Jovanovic, 1989), а МСП рассматривается как отдельный сектор экономики (Полбин, Шумилов, 2020).

²⁹ Знание, которое не может быть кодифицировано, а передается от учителя к ученику путем сообучения, кооперации, выполнения совместной работы (Polanyi, 1966).

выступает несовершенство информации, а предприниматели ищут ситуацию неоптимальной цены на рынке и используют ее для получения выгод. Конкурируя друг с другом, они играют *существенную роль в установлении цен и макроэкономической стабильности* (Кирцнер, 2001). Без достаточного числа предпринимателей в экономике образуются монополии, олигополии, увеличивается роль государства, растут цены. Таким образом, большое число предпринимателей и предприятий (фирм) – необходимый атрибут развитой экономики.

Современный предприниматель для осуществления своих функций создает фирму³⁰, в отечественной литературе – предприятие, поэтому исследования тесно связаны с *теорией фирмы* (Тамбовцев, 2010; Клейнер, 2020). Создание предприятий во многом определяет отличие предпринимательской деятельности от предшествующих форм деловой активности населения.

В рамках *ресурсного подхода* предприятие рассматривается как совокупность ограниченных ресурсов, в т.ч. набор навыков и знаний предпринимателя-основателя (Penrose, 1959). Он, используя свои умения, компетенции, находит финансовые средства, принимает решения о их распределении для наибольшей эффективности в рамках созданного предприятия. Многие ученые стремились выявить набор индивидуальных характеристик успешного предпринимателя³¹ (Shapiro, 1975; Brockhause, 1982; Acs, Audretsch, 2010): ценности³², психотип³³, уровень образования, возраст, пол, происхождение, лидерские и организаторские способности, отношение к риску³⁴ и др. Впрочем, личностные особенности не являются надежным предиктором успешности в бизнесе (Baum, 2014).

Институциональный подход рассматривает фирму как способ организовать деятельность предпринимателя в рамках контрактной структуры, призванной снизить транзакционные издержки, то есть затраты времени и средств на взаимодействия контрагентов, и риски неопределенности, по крайней мере, внутри фирмы (Коуз, 1995; Уильямсон, 1996). При этом

³⁰ Возможно и внутрифирменное предпринимательство – интрапренерство. Интрапренеры получают ресурсы работодателя для осуществления независимого проекта внутри некой организации, рискуя своей репутацией и рабочим местом. К интрапренерам можно отнести владельцев франшиз, филиалов, независимых подразделений.

³¹ А. Шапиро утверждал, что большинство предпринимателей (Shapero, 1975) – это перемещенные лица, которые были вытеснены из комфортной ситуации. Например, это уволенные с работы или лишенные карьерного продвижения. Среди них преобладают люди с «внутренним локусом контроля», то есть верят в собственное влияние на ход событий, важны потребность в независимости и наличие успешных примеров.

³² В. Зомбарт различал внутри предпринимателя противоречие между, как минимум, двумя ценностями: предпринимательским духом: готовность к риску, предприимчивость, умение убеждать и объединять, и бюргерским: расчетливость, желание извлечь выгоду и т. д. (Автономов, 2020). В зависимости от того, какие качества перевешивают, индивид может стать как успешным коммерсантом, так и разбойником.

³³ С точки зрения эволюционного подхода, большинство предпринимателей, вероятно, являются «пассионариями» (от фр. *passionner* — «разжигать страсть») в терминологии Л.Н. Гумилева, то есть обладают внутренней энергией, общественно активны, способны на целенаправленную работу по изменению окружающей среды (Гумилев, 2001). К сожалению, эти идеи не нашли должной эмпирической проверки в отечественных работах. За рубежом современные исследования из «большой пятерки» личностных психологических факторов отмечают роль открытости опыту как наиболее важный для развития предпринимательства (Tavassoli et al., 2021).

³⁴ Дж. Кейнс считал, что предпринимателей от других людей отличают такие социально-психологические особенности как умение оптимизировать потребление и сбережение, готовность к риску, уверенность в перспективах, предприимчивость и др. Эти идеи заложили основы для развития поведенческой экономики.

институциональные условия, то есть нормы и правила, в которых создается и функционирует фирма, могут негативно влиять на ее развитие, в частности недостаточная защита прав собственности, отсутствие санкций за несоблюдение контрактов, негативное отношение общества к предпринимательству и т. д. Институты, действующие на протяжении продолжительного времени, становятся социокультурными нормами (Weber, 2008; Hofstede, 1980; Inglehart, 2006). Институциональные матрицы, или культурные коды (Кирдина, 2001; Аузан, 2022)³⁵, как устойчивые сочетания взаимообусловленных норм и правил, регулирующих функционирование основных общественных сфер (экономической, социальной, политической и культурной), могут порождать существенную вариацию в интенсивности создания предприятий между странами и регионами (Thornton, 1999; Freytag, Thurik, 2007)³⁶.

Эволюционный подход рассматривает фирму как систему рутин, набор повторяющихся действий в бизнесе, и кумулятивного обучения с учетом изменений внешней среды (Nelson, Winter, 1982). На рынке происходит естественный отбор наиболее жизнеспособных (рентабельных) фирм. Для адаптации предприниматели-инноваторы могут существенно изменить систему рутин фирмы (Nelson et al, 2018). Фактически рутины выступают своеобразным аналогом «генов», а различного рода новации (новшества) – это внутренние «мутации», которые могут стать востребованными решениями, или инновациями³⁷.

С точки зрения *эволюционной парадигмы*³⁸ предпринимательство следует рассматривать не только как процесс или функцию, но и как значимое самостоятельное *социально-*

³⁵ С.Г. Кирдина выделяет две основные институциональные матрицы (X и Y): западную – индивидуалистскую со свободными рынками и разнообразием форм и видов предпринимательской деятельности и восточную – коллективистскую с доминированием общественного над личным, большой ролью государства. Ранее схожие идеи высказывал Г.В. Плеханов. Конфигурация матриц определяется базовыми институтами – историческими инвариантами, обусловленными материально-технологической и природной средой конкретных территорий. Большинство регионов исторической России следует относить ко второму типу. А.А. Аузан говорит о некотором сочетании культурных кодов. Например, в России коллективистские нормы в целом преобладают, а «коллективная Россия» составляет около 80% населения.

³⁶ М. Вебер считал протестантскую этику одной из основных движущих сил предпринимательства («дух капитализма») (Weber, 2008). Сегодня некоторые выводы М. Вебера имеют эмпирические подтверждения (Becker, Woessmann, 2009; Nunziata, Rocco, 2024). Но влияние на деловую активность связывают с высокой грамотностью среди протестантов, требующейся для самостоятельного чтения Библии, а также с высокой нормой сбережения из-за невозможности избавиться от грехов в форме индульгенций или исповеди, а соответственно наличием капитала для начала бизнеса. Но сложно разделить факторы культурные (религиозные) и те, которые связаны с положением меньшинств, каковыми были протестанты, поэтому в других работах выводы эмпирически не подтверждаются (Baten, 2003), например католическая Бавария – один из немецких центров предпринимательства. На уровне стран культурно-религиозные закономерности подтвердить сложно, например, современный Китай – один из лидеров по многим характеристикам развития МСП, хотя ранее считалось, что конфуцианская этика с коллективистской идеологией и высокой дистанцией власти сдерживает развитие предпринимательства.

³⁷ «Оструктурное системой новшество» (Бабурин, Земцов, 2017).

³⁸ Эволюционное направление в экономике зародилось в трудах Й. Шумпетера (Шумпетер, 2008) и Т. Веблена (Veblen, 1898; 1899). Позднее расширилось под воздействием концепций эндогенного роста и человеческого капитала (Romer, 1994; Schultz, 1994), институциональной теории (North, 1990; Acemoglu et al., 2005), оформилось в работах Р. Нельсона и его коллег (Nelson, Winter, 1982; Nelson et al., 2018). В России подобные представления встречаются в работах П.Я. Кропоткина (Кропоткин, 2010) в XIX в., исследователей циклических закономерностей (Яковец, 1984; Полтерович, Попов, 2006), мезоэкономических структур (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2020;

экономическое явление. Более того, предпринимательство может быть описано как сила, создающая «спонтанный порядок» (Капелюшников, 2023а). Предприниматели, образующие устойчивые сети взаимодействия с другими предпринимателями: цепочки добавленной стоимости, торговые сети, бизнес-ассоциации и т. д. – способствуют формированию предпринимательских, а в более широком смысле – рыночных экосистем. А уже экосистемы, обладающие свойством эмерджентности, создают некий порядок. Тогда метафора А. Смита о «невидимой руке» служит «для обозначения механизмов координации, посредством которых могут формироваться и поддерживаться спонтанные порядки; упорядоченность в них достигается не управлением из центра, а регулярностью во взаимоотношениях между отдельными элементами структуры» (Капелюшников, 2023а). Эмерджентность предпринимательских экосистем (см. главу 6) может приводить к большей устойчивости экономики регионов и стран по сравнению с отдельными экономическими агентами. По аналогии с природными экосистемами, предприниматель и его фирма как живые организмы занимают определенные рыночные ниши, конкурируют друг с другом, кооперируются, взаимодействуют и меняются под влиянием внешних условий (Stam, 2015; Acs et al., 2017; Юданов, 2024). При этом большое внимание уделяется выявлению и оценке влияния различных внешних условий, составляющих *деловой, или предпринимательский, климат*³⁹ территории.

Таким образом, определение понятия «предпринимательство» варьируется в зависимости от целей исследования и течения научной мысли⁴⁰, но основано на представлении, что экономические агенты, осуществляющие эту деятельность, готовы к риску ради получения некой награды, то есть предприимчивы. Понятием «предприниматель» описывается деятельность отдельного субъекта экономических отношений (агента) со своими специфическими свойствами (Автономов, 2020). Предпринимательство может рассматриваться как фактор производства, координирующий базовые факторы: труд, капитал, новые технологии. Научные взгляды менялись вместе с эволюцией роли предпринимательства в экономике. Постепенно в социальных науках формируется комплексная научная дисциплина – *теория предпринимательства* (Shane, 2003; Acs, Audretsch, 2010; Чепуренко, Яковлев, 2013), которая в последние годы находится под существенным влиянием эволюционной парадигмы.

Клейнер, 2011), социокультурных (Кирдина, 2001; Аузан, 2022) и географических условий (Гумилев, 2001; Бабурин, 2002) экономического развития.

³⁹ Предпринимательский (деловой) климат – совокупность внешних, не зависящих от предпринимателя и фирмы, условий хозяйственной деятельности (Алексеев и др., 1997). В отдельных случаях под деловым климатом понимается только совокупность институциональных характеристик, но в докторской работе в основном используется более широкая трактовка.

⁴⁰ Не говоря уже о существенных расхождениях в юридическом определении понятия «предпринимательство» в законодательстве разных стран (Барина и др., 2019), связанных с многочисленными различиями в организационно-правовых формах, культурными, институциональными и историческими особенностями. Это выходит за границы исследования, но требует учета при проведении межстрановых сопоставлений.

1.2. Конструктивное предпринимательство с эволюционных позиций

В диссертационном исследовании применяется эволюционный подход, рассматривающий предпринимательскую активность, а в более широком контексте – деловую активность населения⁴¹ как исторически развивающееся социально-экономическое явление⁴², формируемое на протяжении столетий под влиянием разнообразных условий внешней среды и само воздействующее на развитие сложных территориальных систем (п. 1.1.).

Предпринимательство – это социально-экономическая деятельность, направленная на поиск, создание и/или освоение новых рынков товаров / услуг на определенной территории, выполняемая индивидами (предпринимателями) на свой страх и риск в условиях неопределенности с целью получения некоторых выгод (прибыль, признание и др.) и основанная на их опыте, знаниях, связях, интуиции, культуре и особенностях среды, в которой они сформировались и развивают свое дело.

При этом в современном предпринимательстве могут быть выделены многочисленные категории (рис. 1), которые в существенной мере пересекаются.

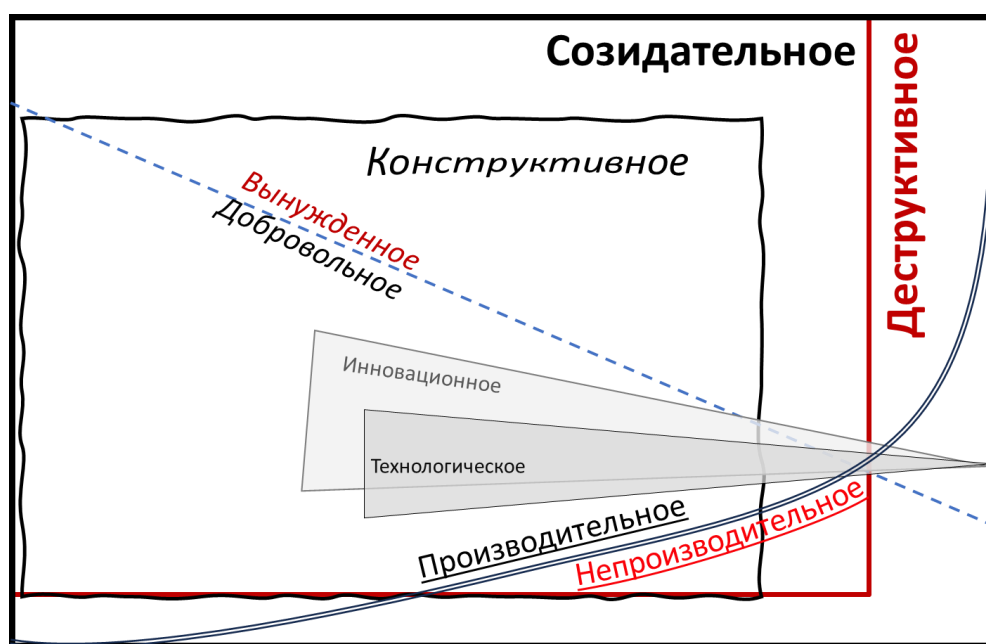

Рисунок 1 – Приблизительное соотношение категорий предпринимательства.

Источник: составлено автором.

⁴¹ В исследовании предпринимательская и деловая активность населения *не отождествляются*: последнее понятие шире и включает хозяйственную деятельность, имеющую предпринимательскую направленность и схожие свойства и функции, включая деятельность ремесленников, фермеров, самозанятых, отдельных руководителей в крупных компаниях, государственных структурах, в кооперативах. В этом случае можно рассматривать деловую активность населения как внеисторическую категорию, зародившуюся вместе с процессами *целенаправленного обмена намеренно созданных продуктов человеческого труда на примитивных рынках* (Грейф, 2013); современное частное предпринимательство – это результат во многом развития капиталистических форм хозяйствования вписанный в современный институциональный контекст с большим числом горизонтальных связей, свободами и правом на частную собственность. Иными словами, деловая активность населения в прошлом, например в Средние века, может служить лишь прообразом предпринимательской активности, но не отождествляется с ней в полной мере.

⁴² К значимым явлениям можно отнести безработицу (отражает динамику фактора труда), инвестиционную активность (динамика капитала), распространение инноваций (технологическая динамика) и др.

Во-первых, по вкладу в общественное благосостояние и социально-экономическое развитие важно различать *созидательное предпринимательство*⁴³, которое повышает общественное благосостояние⁴⁴, и деструктивное⁴⁵, действующее противоположным образом⁴⁶. Подсчет вклада в общественное благосостояние при этом затруднен большим числом прямых и косвенных эффектов от деятельности предприятий (Stiglitz et al., 2010). Поэтому статистически проще различать *производительное* и *непроизводительное предпринимательство* (Баумоль, 2013), в зависимости от того, создает фирма добавленную стоимость (прибыль) или нет. Хотя большая часть производительного предпринимательства относится к созидательному, есть исключения. Например, социальное предприятие является созидательным, но может быть непроизводительным (некоммерческим, не ориентированным на получение прибыли), в то же время деструктивное может быть производительным⁴⁷, например экологически «грязные» производства с минимальной оплатой труда, ростовщичество, рабство и др.

Во-вторых, следует различать традиционное и *инновационное предпринимательство*, создающее / использующие новые технологии, товары, услуги и рынки и выделяемое на основе статистических форм, фиксирующих инновационную активность (Бортник и др., 2013; Бабурин, Земцов, 2017). С точки зрения отраслевой структуры выделяется *технологическое предпринимательство*⁴⁸. Последнее следует разбить исходя из уровня вложений в научные исследования и опытно-конструкторские разработки (далее – НИОКР) (Барина и др., 2020) на высокотехнологичное производственное (затраты на НИОКР более 8% выручки), среднетехнологичное производственное (от 2 до 8%) и наукоёмкое в сфере услуг, где большинство занятых имеют высшее образование. В совокупности эти отрасли образуют высокотехнологичный сектор экономики.

⁴³ Может ассоциироваться с креативным (от англ. creative) по классификации Й. Шумпетера (Шумпетер, 2008), но в диссертации оно противопоставляется деструктивному, а не консервативному предпринимательству. Аналогом для введенного Й. Шумпетером понятия являются деятельность инновационных предприятий. Креативным чаще называют то, которое относится к креативным индустриям: кино, музыка, реклама и т.д. (Земцов, 2022а).

⁴⁴ На практике определить и квантифицировать функцию общественного благосостояния довольно трудно (Радыгин, Энгов, 2012). Чаще всего, предлагаются различного рода комплексные показатели и оценки, отражающие разные характеристики социально-экономического развития (например, Stiglitz et al., 2010).

⁴⁵ У. Баумоля деструктивное предпринимательство, направленное на экспроприацию прав собственности, выделял из непроизводительного (от англ. unproductive), или перераспределительного.

⁴⁶ Деструктивное предпринимательство действует преимущественно в легальной сфере, нанося экологические, социальные и иные ущербы местным сообществам, превышающим их вклад в общее благосостояние: поглощение предприятий с целью дробления и продажи и иные легальные формы рейдерства, создание предприятий исключительно для получения государственной поддержки, либо с целью подмены бесплатно предоставляемых госуслуг и т. д. Сюда же можно отнести псевдопредпринимательство – деятельность, направленную почти исключительно на получение финансовой выгоды без создания полезного продукта или услуг для общества, часто с нарушением закона: «инфоцыганство», фирмы-однодневки для ухода от налогов и вывода капитала и др.

⁴⁷ Оценки зависят от периода наблюдения: в долгосрочном отношении деятельность предприятия может порождать негативные экстерналии, например при последующей ликвидации экологического ущерба.

⁴⁸ Инновационно активные компании, согласно Росстату, не имеют отраслевой привязки и теоретически могут вести деструктивную деятельность. Технологическое предпринимательство не всегда является инновационным, хотя доля инновационно активных компаний в высокотехнологичном секторе выше (Барина и др., 2020).

В-третьих, по мотивам предпринимательство может быть разделено на *добровольное*, основанное на желании предпринимателя создать что-то новое, самореализоваться и *вынужденное*, которое вызвано необходимостью поиска источника дохода (Reynolds et al., 2005; Hechavarria, Reynolds, 2009). Их соотношение различно между странами и регионами и зависит от большого числа факторов, в первую очередь, экономической ситуации. В период кризисов и шоков, особенно в менее развитых, депрессивных регионах, число и доля вынужденных предпринимателей растет за счет безработных, а при улучшении ситуации многие из них предпочтут стать наемными работниками. Их роль в создании добавленной стоимости хотя и существенна, все же ниже, чем у добровольных предпринимателей.

В-четвертых, с точки зрения статистики и управления предпринимательство делится в зависимости от размера создаваемого и управляемого предприятия: микро, малые, средние и крупные. Традиционно *малое и среднее предпринимательство* (МСП) принято отделять от крупных частных организаций как отдельную сферу⁴⁹. Малые и средние предприятия чаще всего непосредственно связаны с предпринимательской деятельностью своих основателей, поэтому ассоциируется с развитием предпринимательства в целом. Малый бизнес во многих странах выделяется в отдельную категорию также с целью защиты и поддержки (Барина и др., 2019): он сильнее зависит от изменений внешних условий, в т. ч. институциональных, из-за их меньшего размера. В России к субъектам МСП причисляют индивидуальных предпринимателей (ИП), а в редких случаях, например при оценке занятости, – *самозанятых*, то есть работников, не занятых наемным трудом (Барина и др., 2023).

Для целей регионального анализа и управления предложено выделять отдельную категорию ***конструктивного предпринимательства*** (от лат. *constructio* – построение). Преимущественно это *созидательное предпринимательство, которое развивается из малых форм хозяйствования, обладающих способностью к масштабированию (микро-, малые и средние фирмы), и составляющего структурную основу предпринимательских экосистем.*

К *конструктивному предпринимательству*⁵⁰ следует относить деятельность владельцев большей части микро, малых, средних предприятий (юридических лиц), некоторой части

⁴⁹Например, в Германии, Австрии и Швейцарии даже существует отдельный термин *миттельштанд* (от нем. *Mittelstand*), обозначающий одновременно среднее сословие, средний класс и МСП. К группе этих предприятий обычно относятся стабильные коммерческие предприятия, многие из которых являются семейными. Среди целей их развития не только прибыль, но и сохранение ценностей, наследия, рабочих мест.

⁵⁰ Термин «конструктивное предпринимательство» ранее использовал в своих работах В.М. Яковлев (Яковлев, 1994) «как особую экономическую категорию и механизм плодотворной самостоятельной деятельности граждан, внутренне присущей сформированной системе социально-экономического развития страны, развивающей процессы обновления и модернизации, тесно взаимодействующей с структурными звеньями правовой и экономической системы, формирующей позитивные тенденции развития экономики и общества». Основными целями такого предпринимательства является «максимизация собственных доходов (прибыли) ... через увеличение объемов производства и оборота, номенклатуры и качества производимых товаров, работ и услуг, с учетом роста на этой основе заработной платы и социального обеспечения творческого и трудового персонала каждой организации, результатом которых обеспечивается экономический рост и благополучие нации» (Яковлев, 2018). Исходя из этого

крупных компаний, выросших из МСП, небольшой части индивидуальных предпринимателей (ИП)⁵¹. Это отличает его как от *условного предпринимательства* в рамках крупных форм хозяйствования, представленных корпорациями и государственными компаниями, которыми управляют менеджмент и советы директоров, так и от различных форм *немасштабируемого* (преимущественно вынужденного) предпринимательства: промыслов, самозанятых, большей части ИП и т. д., которые изначально не предполагают расширения деятельности, а скорее выполняют функцию заработка для своего владельца, имеющего или стремящегося найти работу по найму⁵². Крупные предприятия могут быть слишком жесткими, консервативными с чрезмерными социальными обязательствами, могут формировать монополии на рынках, иметь квазигосударственный статус, а потому не всегда способны обеспечивать достаточный уровень изменчивости экономики. Самозанятых⁵³ и ИП хотя и численно много, но они в малой степени обеспечивают рост и создание новых технологий, ориентированы в основном на локальные рынки. Именно конструктивное предпринимательство благодаря достаточной многочисленности его представителей (около 65%⁵⁴ всех юридических лиц, см. п. 3.1), ориентированности на изменения и возможности роста поддерживает функционирование рыночной экосистемы, то есть делает устойчивой всю *конструкцию, структуру* экосистемы, обеспечивает ее достаточную плотность, изменчивость и разнообразие.

Большая часть конструктивного предпринимательства относится к категориям производительного и добровольного. Иными словами, в нем преобладают не исключительно мотивы финансовой наживы любой ценой, а цели самореализации, создания нового, полезного обществу, в т.ч. сопровождаемые и измеряемые прибыльностью бизнеса. Конструктивное предпринимательство часто обеспечивает жизнестойкость региональной экономики, при этом может быть непроизводительным (убыточным) на отдельных этапах⁵⁵, или же продолжительное время, если выполняет важные социальные функции (социальное предпринимательство).

определения, речь шла о созидательном предпринимательстве с политико-правовой точки зрения без должной экономической и статистической формализации.

⁵¹ В отличие от ИП, открытие юридического лица (ЮЛ) сложнее оформлять, необходимы финансовые ресурсы, некоторый предпринимательский опыт для начала бизнеса. ЮЛ открывается, если есть цели и потребности в расширении бизнеса, для взаимодействия с другими ЮЛ. Чаще всего, есть наемные работники.

⁵² Иными словами, конструктивное предпринимательство представляет собой альтернативу «номенклатурному» (государственному) и «народному» (семейному) капитализму (Радаев, 1997).

⁵³ В случае постсоветских и развивающихся стран самозанятость и частично ИП вполне закономерно рассматривать как форму неформальной занятости и во многом вынужденного предпринимательства.

⁵⁴ Малые и средние предприятия (ЮЛ), которые регулярно участвуют в выборочных наблюдениях Росстата.

⁵⁵ В России большое число устойчиво убыточных предприятий: они либо скрывают отчетность, то есть снижают свою общественную пользу, налоговые отчисления, либо намеренно поддерживаются на плаву (планово убыточные) с помощью господдержки для сохранения рабочих мест, компетенций и могут оказаться востребованным в изменяющихся условиях. Например, при разрыве глобальных производственных цепочек, росте спроса на внутреннюю продукцию в 2022–2023 гг. оказались важны многочисленные машиностроительные предприятия, которые ранее считались неконкурентоспособными.

Особую роль в его структуре играют предприятия с высоким потенциалом роста⁵⁶ – будущие *быстрорастущие компании, или фирмы-«газели»* (Birch et al., 1997, Юданов, 2010), которые стремительно переходят из малых в средние и крупные⁵⁷ и становятся основными проводниками новых технологических решений, создателями новых рынков.

С высокой вероятностью значительную часть конструктивного предпринимательства можно отнести к категории *устойчивого* (от англ. sustainable) *предпринимательства*⁵⁸.

В *эволюционной парадигме* для объяснения закономерностей часто используются метафоры из естественнонаучных дисциплин. Например, новые фирмы не создаются, а именно зарождаются. Предприниматели и их фирмы (как живые организмы в биоценозах) могут выполнять совершенно разные функции в рыночной экосистеме: быть крупными неповоротливыми «слонами» (крупные корпорации), быстрорастущими «газелями», редкими и почти сказочными «единорогами»⁵⁹, или многочисленными «мышами» (ИП и самозанятые) (Birch et al., 1997; Юданов, 2024). Конструктивных предпринимателей можно считать основой устройства рыночной экосистемы, чаще всего, в природной среде к таким формирующим среду видам в зависимости от природной зоны относятся многочисленные копытные, например «быки», «кони», «антилопы», «олени» и др. Созидательное предпринимательство с точки зрения эволюционной парадигмы⁶⁰ можно назвать *плодотворным*, тогда как деструктивное – *злокачественным*⁶¹, которое также можно подразделять на *хищническое*, например рейдерство, и *паразитическое*, например различные формы рентного поведения.

Эволюционный процесс в природе может определяться внутривидовой кооперацией, или межвидовыми симбиотическими связями (Кропоткин, 2010); в рыночной экосистеме кооперация многих предприятий, формирование связанной предпринимательской экосистемы приводит к

⁵⁶ Выявить принадлежность предприятия к категории быстрорастущих или к конструктивному предпринимательству можно чаще всего ex post и сложно спрогнозировать.

⁵⁷ Интересно, что отраслевой состав таких предприятий весьма разнообразен (Земцов, Маскаев, 2018). Но в целом отрасли, например сельское хозяйство с высокой немобильностью основного фактора производства – земли, скорее всего, менее склонны к быстрому масштабированию. А вот производственный сектор, в т.ч. агропромышленный комплекс, – более склонен. Большинство же наиболее быстрорастущих компаний («единорогов») в мире представлены так или иначе в новых расширяющихся технологических сферах.

⁵⁸ Соответствующего целям устойчивого развития и применяющим на практике принципы ESG, то есть проявляющим экологическую, социальную и корпоративную ответственность. Крупные компании могут нарушать эти принципы, особенно при их высоком политическом весе. Примером может служить дизельный скандал с корпорацией Volkswagen. Самозанятые и ИП также могут нарушать некоторые принципы, т.к. лишены повышенного внимания контролирующих органов из-за своей многочисленности и малой значимости. Малые и средние компании уже достаточно велики, чтобы активно взаимодействовать с местным сообществом и местными властями, и при этом недостаточно велики, чтобы обходить их требования. Эта гипотеза подтверждается полевыми исследованиями автора, но требует более тщательной эмпирической проверки на больших массивах данных. Распространенность сервисного конструктивного предпринимательства в крупных городах России – один из факторов высокой эколого-экономической эффективности: соотношения выпуска и ресурсов (Земцов и др., 2020).

⁵⁹ Быстро развивается и достигает капитализации выше 1 млрд долларов (Gornall, Strebulaev, 2020).

⁶⁰ Есть и формы вымирающего предпринимательства, представленного сокращающимися традиционными отраслями, например способами ведения хозяйства коренными малочисленными народами Севера.

⁶¹ Метафора, связанная с раковыми клетками, которые уничтожают весь организм. Так и некоторые дельцы, являющиеся по сути своей псевдопредпринимателями, эксплуатируют природную среду или своих работников.

повышению ее конкурентоспособности. Например, в целом кластеры, территориально сконцентрированные объединения компаний, могут быть более устойчивы в кризисные периоды, чем отдельные фирмы, хотя в эмпирической литературе нет консенсуса на этот счет, т.к. все зависит от структурных особенностей конкретного кризиса (Martin, 2013).

С точки зрения эволюционного подхода важна не только структура и связи живых организмов (экосистема), но и абиотическая часть среды: геологические породы, почва, климат, географическое положение – в этом случае исследуется вся *геосистема*, или биогеоценоз (Земцов, 2011; Земцов, Бабурин, 2019). *Географическая система*, или *геосистема*, в пространственных исследованиях в России используется как интегральный объект изучения, имеющий как природную, так и социально-экономическую, или общественную, составляющие (Саушкин, 1968). Это некоторое земное пространство, где отдельные компоненты природы находятся в системной связи друг с другом и взаимодействуют с человеческим обществом (Сочава, 1975). При изучении *предпринимательских геосистем* равноценное внимание должно уделяться как самим предпринимателям, предприятиям и связям между ними (экосистема), так и внешним по отношению к предпринимательской экосистеме условиям (деловой климат): природная среда, географическое положение и т. д. *Предпринимательская геосистема – это некоторое территориально ограниченное пространство, где отдельные компоненты внешней среды, включая природные и социально-экономические, находятся в системной взаимосвязи друг с другом и с взаимосвязанными с ними предпринимательскими сетями.*

Предпринимательские геосистемы, как и природные, существенно различаются. В одних странах и регионах с благоприятным деловым климатом вырастает «тропический лес» (Хван, Хоровитт, 2012) с большим количеством стартапов, поддерживающих институтов (например, венчурного финансирования) и высоким разнообразием конструктивной предпринимательской деятельности, а в других – арктическая «пустыня» (Земцов и др., 2022) с малым числом крупных квазигосударственных предприятий, преимущественно в сырьевой сфере, с высочайшими издержками для иных бизнесов, и скрытой (неформальной) деятельностью. При этом геосистемы изменяются после катастрофических шоков, что отражается сменой предпринимательских «сукцессий»⁶². Если не ограничивать хищнические и иные формы деструктивного предпринимательства, то любая экосистема может превратиться в «пустыню». Целью же государственной политики должно быть расширение распространенности и рост плотности конструктивного предпринимательства.

⁶² Определенная совокупность живых организмов, приходящая на смену иной совокупности при существенных изменениях среды. Например, организмы первой сукцессии после пожара – это обычно быстрорастущие травы-захватчики, но постепенно они сменяются более устойчивыми для данной природной среды организмами. Также по аналогии после кризисов расцветает вынужденное предпринимательство, сменяемое конструктивным предпринимательством – наиболее характерным и приспособленным для рассматриваемых социально-экономических условий (делового климата территории).

1.3. Предпринимательство в региональной экономике

До недавнего времени в региональной экономической теории предпринимательство редко рассматривалось как отдельный объект исследования (Plummer, Pe'er, 2010; Trettin, Welter, 2011; Müller, 2016; Capello, Nijkamp, 2019). Основное внимание уделялось территориальной структуре хозяйства и расселения, отдельным отраслям и/или территориальным единицам (Гранберг, 2006; Fischer, Nijkamp, 2014; Лимонов, 2024). В рамках наиболее значимых классических концепций региональной науки, включая пояса различной специализации (Й. фон Тюнен, У. Алонсо), промышленный штандорт (А. Вебер, В. Лаундхардт), центральные места (В. Кристаллер), зоны рыночного спроса (А. Лёш, Г. Хотеллинг), закономерности размещения объясняются с разных позиций соотношением выгод и издержек абстрактных предприятий, спроса и предложения на рынках в условиях совершенной конкуренции и рациональности агентов (Шупер, 1995; Гаджиев, 2009; Лимонов, 2024) почти без упоминания предпринимательства, за исключением Й. фон Тюнена. В то же время деятельность многочисленного числа конструктивных предпринимателей, обеспечивающих создание и обмен товарами и услугами, во многом формирует пространственную структуру рынков и даже влияет на систему расселения, т. к. именно их большие скопления образуют центральные места⁶³ и зоны их обслуживания. Развитие современных городов во многом связано с формированием предпринимательства: ремесленное, торговое, военное, производственное, технологическое и т. д. (Glaeser, 2011; 2012). Углубление территориального разделения труда (ТРТ), в т.ч. возникающее в результате развития технологий (Смит, 1992; Ленин, 1889; Кондратьев, 1991; Шумпетер, 2008; Баранский, 1980), способствовало увеличению предпринимательской активности, так как росло число предприятий, обеспечивающих новые рынки специализированной продукцией и сервисами. Пространственные сосредоточения предприятий со схожей специализацией приводили к формированию промышленных округов (Marshall, 1890), или *кластеров* (Porter, 1998).

В России в конце XIX – начале XX вв. в рамках зарождавшегося торгово-промышленного районирования (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.И. Менделеев, Д.И. Рихтер и др.) основное внимание уделялось отраслям и крупным предприятиям (Бабурин, 2006) с учетом территориальных особенностей мелкотоварных производителей. В первых работах, рассматривающих развитие рыночных отношений в отдельных региональных экономиках (Ленин, 1889; Туган-Барановский, 1995), описаны модели предпринимательской активности, в частности направления эволюции кластеров⁶⁴; появляются региональные исследования

⁶³ Эволюция системы городов стремится к логнормальному распределению по размеру – «правилу Ципфа» (Капица, 2002), которое может быть выведено из правила Гибрата (Жибра) (Gabaix, 1999), утверждающего, что предприятия и города как их совокупности, растут темпами, не зависящими от их размера.

⁶⁴ Первая модель («сверху») – это формирование промыслов вокруг крупных фабрик, в т.ч. государственных, где первоначально обучались кустари, например, в оружейном кластере вблизи г. Тулы. Вторая («снизу») – появление

кустарно-ремесленной промышленности (Рыбников, 1922). В послевоенном СССР (см. главу 2) в территориальном планировании практически не учитывалась роль малых предприятий, т.к. они ориентировались на потребительский рынок и преимущественно выполняли малозначимые с точки зрения плана функции для крупных заводов, входящих в *территориально-производственные комплексы* (ТПК) (Никольский, 1986; Бандман, 2014). Впрочем, реализация новых проектов и в плановой экономике требовала не только инженерного и управленческого взгляда, но и предпринимательского⁶⁵: как разработать востребованные продукты, как использовать выгоды от размещения и т. д. Плановые инструменты территориального управления, основанные на научно-обоснованных подходах (Колосовский, 1947; Пробст, 1962; Некрасов, 1966; Баранский, 1980; Гранберг, 2006; Бакланов, 2007; Бандман, 2014), должны были нивелировать отсутствие одного из факторов производства – предпринимательства. Для снижения издержек предприятия требовалось размещать исходя из рассчитанного оптимального положения по отношению к базовым для той или иной отрасли факторам. Оптимальное взаимное расположение может стать источником дополнительных *внешних эффектов* (экстерналий), так, в рамках ТПК на основе энерго-производственного цикла экономятся ресурсы, более полно используется эффект масштаба. Приближение к потребителям способствует реализации выгодного экономико-географического положения (*ЭГП*) предприятия (Баранский, 1980). Но экономическая динамика, в частности связанная с технологическими сдвигами, изменяет оптимальное сочетание факторов. В рыночной экономике предприниматели реализуют потенциальные преимущества и избегают пространственно обусловленных издержек (например, природных), постоянно экспериментируя и изменяя расположение своей деятельности, а соответственно влияют на территориальную структуру и аллокативную эффективность региональной экономики. Перемещаясь в места с максимальным спросом, они обеспечивают территориальную доступность товаров и услуг⁶⁶. Более того, классические факторы размещения, обсуждаемые в региональной науке, проявляются при распространении малых предприятий, т.к. крупные компании способны преодолевать многие ограничения.

В рамках Новой экономической географии (Krugman, 1993; Fujita et al., 2001) классические концепции региональной экономики были преобразованы через сложный математический

крупных предприятий легкой промышленности в рамках исторического развития кустарных промыслов, например, в текстильном кластере в г. Иваново (Иваново-Вознесенский текстильный район) (см. п. 2.1).

⁶⁵ Частично предпринимательские функции выполняли организаторы от науки, например С.П. Королев, А.Н. Туполев (авиакосмический комплекс), от политики, например Г.М. Крижижановский (ГОЭЛРО), И.А. Лихачев (автопром), Т.Г. Десяткин (золотодобыча), иностранные предприниматели: Г. Форд (ГАЗ), А. Кан (ММК, СТЗ), А. Хаммер, Х. Купер (ДнепроГЭС) и др.

⁶⁶ Большое число предпринимателей благодаря конкуренции обеспечивают функционирование рыночной экосистемы, в частности создают условия для установления справедливых цен (Baldwin, Gorecki, 1995; Кирцнер, 2001; Шаститко, 2012). Влияние антимонопольной политики в США оценивалось в 1% ВВП (Баумоль, 2013), если бы удалось избавиться от всех провалов рынка, связанных с несовершенной конкуренцией в XX в.

аппарат, но предпринимательство эксплицитно не представлено и заменено абстрактными представлениями об однородных унифицированных фирмах (Пилясов, 2011). Одна из предложенных моделей описывает экономическую систему, состоящую из двух регионов и двух отраслей (Fujita et al., 2001): сельского хозяйства и промышленности. Товар аграрной отрасли производится фермерами, которые отличаются немобильностью, а предприниматели и работники промпредприятий обладают мобильностью. Предприниматели стремятся концентрировать производства (из-за эффекта масштаба) вблизи крупных рынков сбыта и поставщиков (из-за транспортных издержек), в то время как доступ к рынкам лучше там, где сосредоточены другие фирмы (из-за эффекта объема рынка). Эти центростремительные силы формируют агломерацию, хотя ей противодействуют центробежные силы: немобильность фермерского хозяйства, желание предпринимателей перемещаться в регион с меньшим числом конкурентов. Агломерационные эффекты крупных поселений, которые зачастую возникают случайно (Ellison, Glaeser, 1997), постепенно накапливаются (Fujita, Thisse, 2003), превращая промышленный центр в *развитый регион* со сосредоточением разнообразной предпринимательской активности, а аграрные районы – в периферию с малой плотностью фирм.

Регион – важнейшее понятие в региональных исследованиях, оно сложно формализуемо, существует значительное число интерпретаций. Как аналог района в экономической географии, регион выступает *формой пространственной организации сообществ в границах административно-территориального деления стран* (Гранберг, 2006; Бакланов, 2007; Татаркин, Дорошенко, 2011; Бабурин, Земцов, 2017). В рамках эволюционного подхода⁶⁷ регион можно рассматривать как *сложную иерархическую территориальную социально-экономическую систему* (ТСЭС), формируемую экономическими агентами разной природы при взаимодействии в рамках сфер общественной жизни на определенной территории, обладающей едиными природно-географическими, технологическими, институциональными и иными условиями. ТСЭС развиваются циклически под воздействием изменений окружающей среды, смены технологий, структурных, институциональных и иных сдвигов.

Для структуризации представлений ТСЭС региона можно представить в виде концептуальной модели (табл. 1), включающей нескольких страт (Месарович и др., 1973; Земцов, 2011; Бабурин, Земцов, 2017). Каждая страта отражает форму взаимодействия между экономическими агентами, в результате которых возникают характерные для данной страты инновации. Предприниматели – значимые экономические агенты регионов, поэтому в каждой из

⁶⁷ На формирование эволюционных представлений в региональной экономике существенное влияние за рубежом оказали работы Р. Бошмы, Р. Мартина (Boschma, 2015; Simmie, Martin, 2010), в России подобная система представлений раскрывается в работах П.Я. Бакланова (Бакланов, 2007), В.Л. Бабурина (Бабурин, 2002), А.Н. Пилясова (Пилясов, 2009) и других авторов, а также при изучении мезоэкономических структур локализованного характера – сложных социально-экономических систем, отличных от объекта исследования микро- и макроэкономики (Клейнер, 2011; Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2020).

страт может быть выявлен набор параметров, которые влияют на деятельность предпринимателей. Причем интегральную оценку некоторого сочетания подобных характеристик зачастую обозначают *деловым климатом территории* (см. п. 1.4): от почти неизменяемых природных и техноэкономических условий (размещение основных фондов, инфраструктуры) – до быстро меняющихся предпринимательских идей. Например, П. Кругман различал факторы первой и второй природы, то есть природные и созданные человеком (Krugman, 1993). Напрашивается сравнение с пирамидой Маслоу⁶⁸ и выделение базовых и вторичных региональных стимулов: если условия природной среды несут запретительные издержки для развития бизнеса, то преодолеть их с точки зрения индивидуальных предпринимательских мотивов довольно сложно.

Ученые выделяли разные причины развития ТСЭС и их сочетания, например Дж. Даймонд, Дж. Сакс считают наиболее значимыми природные условия и географическое положение (Daimond, 1997; Sachs, 2003), Д. Ажемоглу, А. Родригес-Поуз – институциональные (Acemoglu, 2008; Rodríguez-Pose, 2013), Дж. Мокир, А.А. Аузан – культурные (Mokyr, 2018; Аузан, 2022), Т. Шульц, Р. Флорида – человеческий капитал и творческие способности населения (Schultz, 1980; Florida et al., 2008), А. Родригес-Поуз⁶⁹, В.Л. Бабурин (Rodríguez-Pose, Crescenzi, 2008; Бабурин, Земцов, 2017) – инновационный потенциал территории, а Р. Каманьи и Р. Капелло применяют понятие «территориальный капитал» для описания уникального сочетания факторов конкурентоспособности в конкретном регионе (Camagni, Capello, 2013). С эволюционной точки зрения важным может быть выявление для каждого региона *лимитирующего фактора*, который более всего отклоняется от оптимального значения (по Ю. Либиху)⁷⁰. Барьеры развития предпринимательства могут быть специфическими⁷¹: в одних регионах – это высокие издержки транспортировки, в других – не сложилась культура созидания, в-третьих – нет доступа к капиталу и т. д. В отдельных регионах могут возникать уникальные условия, которые трудно формализовать и / или воспроизвести⁷².

⁶⁸ Схожая идея представлена в работе (Кузнецова, 2014).

⁶⁹ Также предложили концепцию «социального фильтра» как оптимальное для регионального развития сочетание характеристик человеческого капитала на конкретной территории, что может быть рассчитано с помощью факторного анализа (Rodríguez-Pose, Crescenzi, 2008). Концепция социального фильтра основана на представлении о «фильтрующей» роли образования (Stiglitz, 1975): вузы лишь «сортируют» врожденные качества абитуриентов, но почти не добавляют человеческий капитал. Также в инновационной сфере хотя затраты на НИОКР порождают новые технологии, способности местного сообщества влияют на их эффективность. В исследованиях предпринимательства схожую роль играет знаниевый фильтр (Carlsson, et al., 2007), то есть набор переменных, характеризующих инновационный потенциал региона, позволяющий отделить коммерциализируемые идеи от тех, которые не могут быть воплощены в готовой продукции, а соответственно не повлияют на региональное развитие.

⁷⁰ Например, если в регионе есть недостаток дешевых финансовых ресурсов, то избыток желающих стать предпринимателями вряд ли позволит повысить деловую активность (Minniti, Levesue, 2010). При этом избыток одного из факторов также не приведет к желаемому результату, в частности в результате убывающей отдачи.

⁷¹ Согласуется с идеями о «плавающем признаке» при районировании Л.В. Смирнягина (Смирнягин, 1989).

⁷² Согласуется с идеями об «уникальном ландшафте» В. де ла Блаша (Видаль де ла Блаш, 2020).

Таблица 1 – Схема территориальной социально-экономической системы региона⁷³

Страта (сфера)	Краткая характеристика взаимодействий		Инновации	Параметры делового климата региона
«Сознание» (ноосфера)	Когнитивная сфера, где происходит обмен знаниями		Новые идеи	Предпринимательский поиск
«Общество» (социосфера)	Взаимодействие экономических агентов в рамках сфер общественной жизни	Психосфера	Новые стимулы	Личные мотивы и стимулы
		Социальная	Новые институты	Институциональные условия Предпринимательский капитал Концентрация и разнообразие экономических агентов Культурные нормы
		Политическая		
		Экономическая		
«Технология» (техносфера)	Взаимодействие в рамках материально-вещественной структуры	Культурная	Новые материалы, вещества, технологии	Инфраструктура Технологический уклад Структура экономики
Природная среда ⁷⁴	Взаимодействие с природной средой		Сукцессии	Природные условия Положение в пространстве

Источник: составлено автором.

В рамках циклично-генетической динамики⁷⁵ (Бабурин, 2002) распространение предпринимательства в границах определенной ТСЭС может быть представлено как диффузия нововведений, а его динамика гипотетически может описываться S-образной кривой (рис. 2А)⁷⁶. Максимально возможное число вовлеченных в предпринимательство индивидов ($\bar{F}$) во многом определяется структурой региональных сообществ: долей предприимчивых, достаточно образованных граждан, открытых к новому, с достаточным капиталом и компетенциями для возникающих отраслей (Rogers, 2002; Бабурин, Земцов, 2017) и т.д. Всех новых предпринимателей можно разделить на новаторов – первопроходцев, освоивших ведение дела самостоятельно и впервые (рис. 2В), и имитаторов, которые копируют первых (Bass, 1969). Смена технологий может запускать следующую волну (рис. 2D). В начале число стартапов новых отраслей невелико, динамика распространения неоднозначна: с рынка уходят фирмы с устаревшими технологиями, а общая смертность организаций может превышать их рождаемость. Затем после накопления критической массы предпринимателей по мере углубления ТРТ, расширения числа фирм-поставщиков, участников технологических цепочек, происходит экспоненциальный рост предприятий до точки a , когда более половины потенциальных предпринимателей ($\bar{F}$) уже создали бизнесы. Процесс замедляется по мере стандартизации и укрупнения бизнесов и ухода малых компаний, не выдержавших конкуренции. Цикл повторяется

⁷³ С точки зрения стратегического консалтинга предложенная схема ТСЭС применялась как аналог PEST-анализа (политика, экономика, социальная сфера, технологии) для подготовки стратегий развития регионов и городов.

⁷⁴ Обсуждение вопроса включения природной компоненты лежит за границами исследования, но ТСЭС с включением природной компоненты близка по структуре к категории «территориальный природно-хозяйственный комплекс» (ТПХК) (Бакланов, 2007) и «социально-экономическая геосистема» (Земцов, 2011).

⁷⁵ Описывает процессы эволюции ТСЭС с точки зрения циклов и позволяет понять внутренние (генетические) механизмы того, что и как новый цикл унаследовал от предыдущего.

⁷⁶ Это гипотеза требует некоторой эмпирической проверки, проводимой далее (см. п. 2.1; глава 3).

при появлении новой технологии (рис. 2С справа сверху) и соответствующих ей способов ведения бизнеса, повышения числа возможных предпринимателей ($\bar{F}$), например при смене технико-экономической парадигмы (Freeman, 1989; Freeman, Louçã, 2002).

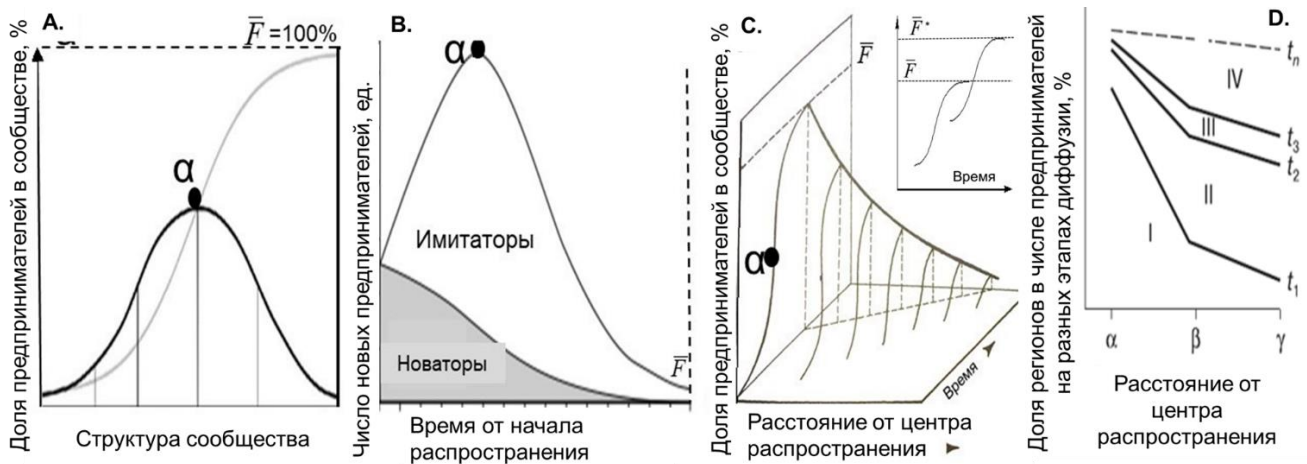

Рисунок 2 – Схемы распространения предпринимательства, связанного с новой технологией

Источник: составлено по (Hagerstrand, 1968; Bass, 1969; Mahajan et al., 2000; Rogers, 2002)

Создание и распространение инноваций, в т. ч. стартапов, обладает свойствами корпускулярно-волновых процессов (Бабурин, Земцов, 2017). Зарождаясь зачастую случайным образом в отдельных точках, сосредоточивших некие уникальные ресурсы для новой технологии или формы ведения бизнеса⁷⁷, стартапы постепенно концентрируются в ареалах с оптимальными условиями для ведения бизнеса, а затем как волна распространяются по иерархии городов, например в форме франшиз и иных сетей: сначала появляются в крупнейших агломерациях, затем в более продвинутых региональных центрах, позднее – в крупных городах второго порядка (диффузия соседства) и лишь в конце – в менее развитых и малонаселённых поселениях⁷⁸. Соответственно меняется межрегиональная структура числа создавших новый бизнес (рис. 2D), а динамика предпринимательской активности в регионе может зависеть от расстояния от некоторого центра распространения новой волны (рис. 2C)⁷⁹.

В агломерациях концентрация сокращает затраты времени и энергии на коммуникации, и вероятность превращения новшества в массовый бизнес резко повышается. В крупных городах предприниматели активно взаимодействуют, что порождает *перетоки знания*⁸⁰ и появление

⁷⁷ Например, в последние годы популярность приобрели различные формы шеринговой (арендной) экономики.

⁷⁸ Например, пиццерии «Додо Пицца» появились в Сыктывкаре, магазины «Магнит» – в Краснодаре, арендные электросамокаты «Юрент» – в Сочи, затем они распространялись в крупных городах, в частности в Москве, потом – в столицах регионов, постепенно охватывая все большее число поселений.

⁷⁹ Различные факторы, в том числе государственная политика, направленная на унификацию пространства, могут оказывать искажающее влияние (Блануца, 2015). Значимо инновационно-географическое положение, в частности близость к зарубежному источнику технологий в приграничных и приморских регионах (Baburin, Zemtsov, 2016).

⁸⁰ Переток знаний происходит как внутри регионов между экономическими агентами разных отраслей, например предпринимателями и учеными, так и между контрагентами разных регионов. Интенсивность передачи знаний зависит от близости контрагентов, но важно не только расстояние, но и связанные с ним иные типы близости (Boschma, 2005; Kaneva et al., 2023): познавательная (когнитивная) – в знаниях контрагентов, социальная – в степени доверия, институциональная – в схожести институтов, технологическая – в совместимости технологий и пр.

новых технологий (Audretsch, Lehmann, 2005). Выше отдача от нахождения внутри или вблизи агломерации для технологически сложного предпринимательства, требующего накопления человеческих ресурсов, взаимодействия большого числа контрагентов: ИТ, станкостроение, микроэлектроника и т. д. (Гордеев и др., 2017; Чистяков и др., 2018). Сложная экономика с высокой концентрацией передовых производств, углубленным ТРТ может порождать большее число стартапов, а те из них, которые станут быстрорастущими компаниями с экспортной ориентацией способны стимулировать формирование *полюсов роста* (Perroux, 1950; Myrdal, 1957; Boudeville, 1968; Scott, Storper, 1987; Земцов и др., 2016; Климанов, Будаева, 2017; Чистяков и др., 2020). Данная схема, многократно повторяясь, приводит к формированию самоподдерживающейся *центр-периферийной структуры* ТЭС (Friedman, 1966, 1992; Грицай и др., 1991; Трейвиш, 2009) с центрами конструктивного предпринимательства и периферией с высокой долей теневого сектора.

Появление и исчезновение фирм – это форма экспериментирования ТЭС, отражающая ее эволюционную динамику. Новые технологии часто реализуются в стартапах⁸¹, коммерциализирующих научно-исследовательский потенциал регионов (Audretsch, Keilbach, 2004). Если рассматривать инновационный процесс через этапы создания нового продукта (Барина, Земцов, 2016; Бабурин, Земцов, 2017), то каждой стадии в этом процессе можно подобрать основную категорию контрагентов-стейкхолдеров⁸² и его институциональную форму в *региональной инновационной системе*: стадия обучения (обучающиеся и вузы) – стадия фундаментальной науки (ученые и научные центры) – стадия прикладной науки и технологий (изобретатели и лаборатории) – стадия превращения научных идей в рыночные продукты (предприниматели и новые фирмы) – стадия массового стандартизированного производства (менеджеры и крупные предприятия) – стадия потребления (потребители и центры сбыта). Для ускорения развития требуется концентрация описанных стадий и акселерация инновационного процесса на конкретной территории. При этом значимым фактором регионального развития выступает *предпринимательский капитал*⁸³ – опыт, знания, навыки создания и ведения бизнеса, поиска и освоения рыночных ниш, накопленные в региональном сообществе в результате деятельности предпринимателей (Erikson, 2002; Audretsch, Lehmann, 2005).

⁸¹ Кроме создания фирмы с нуля в форме стартапа, как например «Яндекс», «Лаборатория Касперского», «Вайлдберриз», существуют и иные механизмы. Например, разные формы интрапренерства: спин-оффы, филиалы, франшизы и т.д. Важны фирмы-инкубаторы, например, некоторые участники экосистемы «Яндекса» развивались как проекты сотрудников, например «Драйв», «Яндекс.Маркет» и др.; выходцы из компании основали более 300 стартапов, включая: Skyeng, Algoritmika, Netology. Многие компании, создающие и распространяющие новые технологии, могут быть наследниками предшествовавших предприятий, в т.ч. в рамках приватизации, сделок слияний и поглощений, ухода основного коллектива и т.д.: «Сбер», «Росатом», «Трансмашхолдинг» и другие.

⁸² Заинтересованная группа лиц или организаций, оказывающих значимое влияние на рассматриваемый процесс.

⁸³ В многосекторных моделях экономического роста Ромера, Агьион-Ховитта, Акса и др. присутствует сектор новых предприятий (Шараев, 2006; Aghion, Howitt, 1992; Fischer, Nijkamp, 2013). Показано, что экономики с более высокой плотностью предприятий и предпринимателей могут расти быстрее (Schmitz, 1989).

Предпринимательство служит целям координации других факторов производства (труда, капитала), а также выступает трансфертным механизмом из области научных идей в сферу готовых решений. Для регионального развития масштабный поток изобретений должен сопровождаться соответствующим потоком новых предприятий. Общую факторную производительность (СФП)⁸⁴ региональной экономики повышает накопление знаний при сопутствующем росте предпринимательского капитала (Audretsch, Keilbach, 2004; Acs et al., 2004; Gries, Naudé, 2009; Carree, Thurik, 2010; Minniti, Levesue, 2010; Pijnenburg, Kholodilin, 2014):

$$\frac{Y_i}{L_i} = \alpha \times \left(\frac{C_i}{L_i} \right)^{\beta_1} \times K_i^{\beta_2} \times E_i^{\beta_3} \quad (1),$$

где Y – выпуск (ВРП), i – регион; C – затраты капитала (Solow, 1956); L – затраты труда; K – человеческий, или знаниевый капитал (Romer, 1994); E – предпринимательская капитал ($\approx$ продолжительная конструктивная предпринимательская активность); α – константа, $\beta_{1,2,3}$ – искомые коэффициенты. Многие малые и средние предприятия выполняют функции по созданию и/или продаже востребованных населением массовых продуктов и услуг: магазины, кафе, ремонтные мастерские, салоны красоты и т. д. (Acs, Audretsch, 2010; Барина и др., 2023; Виленский, 2021). Новые компании могут обеспечить до 50% роста производительности в промышленности (Disney, 2003) и до 90% в торговле (Foster et al., 2006). В России также подтверждается положительная связь между предпринимательской активностью и уровнем регионального развития (Земцов, Смелов, 2018; Заздравных, 2023; Земцов, Михайлов, 2024). При этом уровень развития МСП может сам зависеть от уровня и стадии экономического развития⁸⁵.

Предприниматели могут выступать основными агентами изменений в отдельных региональных экономиках, которые называют *предпринимательскими* (вслед за П. Друкером)⁸⁶. Слабое развитие предпринимательства в регионе приводит к снижению совокупного выпуска в условиях экономических изменений, т. к. недостаточно предпринимателей, способных понять, как перестроить производственные и иные процессы, и предупредить контрагентов об этой необходимости (Carree, Thurik, 2003; Кувалин, 2009). Часть МСП, особенно технологические стартапы с высоким потенциалом роста и средние быстрорастущие компании («газели»), выполняет инновационные функции по созданию и распространению новых технологий, продуктов и услуг (Шумпетер, 2008; Баумоль, 2013; Birch et al., 1997; Юданов, 2010; Кравченко и др., 2018; Бабурин, Земцов, 2017; Барина и др., 2015с). Инновационные предприниматели

⁸⁴ Совокупность факторов экономического роста за вычетом труда и капитала. Различия между современными развитыми и мало развитыми регионами более чем наполовину могут объясняться СФП (Пономарева и др., 2012)

⁸⁵ Проблема взаимовлияния требует применения дополнительных методов верификации.

⁸⁶ Термин, используемый для обозначения нового этапа развития экономических отношений, в котором ведущую роль играют предприниматели-инноваторы (Audretsch, Thurik, 2000), а не менеджеры и акционеры крупных компаний (менеджеральная экономика). Доля сферы МСП при этом превышает половину ВРП и занятости при высокой общей производительности труда и значимой роли высоких технологий.

создают новые товары и сервисы, предприниматели-новаторы – превращают изобретения и идеи в экономически жизнеспособные объекты, предприниматели-имитаторы – их распространяют⁸⁷. Вместе они формируют культуру инноваций и созидания в регионе⁸⁸.

С институциональной точки зрения предприниматели для снижения внешних трансакционных издержек формируют многочисленные партнерские, производственные, технологические и иные сети внутри регионов, образуя *предпринимательские экосистемы* (Delgado et al., 2010; Stam, 2015; Malecki, 1997). С эволюционной точки зрения резильентность (шокоустойчивость) таких систем зависит от плотности, разнообразия и связанности ее элементов, поэтому регионы с большей плотностью бизнес-агентов при прочих равных условиях могут лучше адаптироваться к внешним шокам (Martin, Sunley, 2020; Boschma, 2015; Simmie, Martin, 2010; Климанов и др., 2018; Климанов и др., 2019; Кузнецова, 2020; Жихаревич и др., 2020; Bristow, Healy, 2020; Eggers, 2020; Земцов, Волошинская, 2024). Малые и средние фирмы могут быстро приспосабливаться к изменениям, на что не всегда способны крупные компании и госкорпорации в силу их размера и соответственно более забюрократизированной структуры (Абрамов и др., 2017; 2018; Яковлев и др., 2009).

В региональных институциональных исследованиях широко известен эффект различных форм «зависимости от пройденного пути»⁸⁹ (от англ. path dependency) (Lin, Rauch, 2020; Hassink, 2005; Boschma, 2007; Martin, 2012). Пространственные различия в предпринимательской активности между регионами ряда развитых стран устойчивы к шокам и преобразованиям на протяжении столетий (Andersson, Koster, 2011; Fritsch, Storey, 2014; Millán et al., 2014; Fritsch et al., 2019, 2022; Decker et al., 2020; Fritsch, Wyrwich, 2013; Fritsch, Wyrwich, 2014). Предпринимательскую активность в этом случае можно назвать *персистентным* явлением (от англ. persistence), то есть жизнестойким, долгосрочно устойчивым. В генетическом коде живых организмов заложены результаты адаптаций к предшествующим изменениям среды, обеспечивающие как устойчивость, так и адаптивность организмов; в ТСЭС схожие функции

⁸⁷ Конструктивное предпринимательство в регионах выполняет роль ретранслятора новых знаний, технологий, продуктов, способов ведения дел, которые заимствует в инновационных ядрах (Schmitz, 1989).

⁸⁸ Дж. Мокир даже вводит специальный термин «культуроформирующее» предпринимательство, относя к последним Д. Уатта, Ф. Бэкона, И. Ньютона (Мокир, 2013). Инженер Д. Уатт, доработав паровую машину Ньюкомена в 1769 г., совместно с промышленником М. Болтоном, создали компанию «Болтон и Уатт»; она продавала, сдавала в аренду паровые машины – одну из главных инноваций первой промышленной революции. Фактически в г. Бирмингем (Англия) был создан новый рынок паровых машин. В это же время в России изобретение первого в мире двухцилиндрового парового двигателя И.И. Ползуновым в 1763 г. на Алтае в отсутствие предпринимательской инициативы так и не имело существенных последствий для экономики. К сожалению, подобных примеров в истории России немало, например многие изобретения И.П. Кулибина не нашли своего применения.

⁸⁹ Можно выделить несколько форм гистерезиса, зависимости динамики системы от ее прошлых состояний: эффект блокировки (QWERTY-эффект), когда невозможно уйти на иной путь развития (колею), даже если изначально выбранный плох (институциональная ловушка); эффект укорененности, то есть сохранение и передача сообществом исходных норм и правил, даже если причины их возникновения уже неизвестны; эффект Матфея, при котором некоторое ранее возникшее преимущество может непропорционально наращиваться, например когда известные предприниматели, ученые, регионы обогащаются исключительно за счет своего бренда, а не реальной результативности.

выполняют исторически сложившиеся общественные институты и социокультурные нормы, являющиеся следствием социальных, политических и иных инноваций прошлого (Аузан и др., 2017; Бабурин, Земцов, 2017). Предпринимательский капитал, накапливаемый региональным сообществом, постепенно может преобразовываться в соответствующую культуру (Fritsch et al., 2022) и укореняться. Укоренение требует продолжительного времени (Fritsch et al., 2007; Fritsch, Mueller, 2007) на формирование культурных кодов, устойчивых сетей, общей базы знаний, среды доверия. Укорененность способствует сохранению центр-периферийной модели.

Социальные функции предпринимательства в региональной экономике связаны с созданием занятости, снижением бедности⁹⁰, неравенства⁹¹ и иными социальными эффектами⁹² (Glaeser et al., 2014; Давидссон 2014; Korosteleva, Stępień-Baig, 2020; Belitski et al., 2021). Более высокий уровень предпринимательской активности в регионе ведет к более высокому уровню занятости (Fonseca et al., 2001; Fritsch, Mueller, 2004; Criscuolo et al., 2014; OECD, 2017; Земцов и др., 2021), а в более широком контексте – долгосрочному росту городов и регионов (Glaeser et al., 2014). Преобладание в экономике крупных предприятий-монополистов может вести к формированию моногородов, «эффектам блокировки» и стагнации при изменении конъюнктуры (Тургель, 2010). Кроме того, благоприятный деловой климат, сложившийся в стране, отдельных регионах и городах, привлекает на их территорию высококвалифицированных, творческих профессионалов (Saxenian, 1996; Lee et al., 2004; Земцов, Кидяева, 2020; Barinova et al., 2022) и сохраняет талантливых специалистов для продуктивной деятельности (Alexeev et al., 2024), т.к. предпринимательство предоставляет людям возможности самореализации.

Теоретические подходы требуют соответствующей формализации и эмпирической квантификации, то есть статистического сопровождения, для целей регионального анализа и управления. Под **предпринимательской активностью** на определенной территории понимаются различные проявления предпринимательской деятельности, которые могут быть описаны соответствующими удельными и динамическими характеристиками, например долей предпринимателей в числе жителей региона, числом их предприятий на душу населения, ростом выручки или занятости этих предприятий и т. д. В эмпирической литературе используются различные прямые и косвенные оценки вовлеченности населения в предпринимательскую деятельность, например доля владельцев бизнеса (Wennekers et al., 2005). Но в России

⁹⁰ Отдельного упоминания заслуживает феномен социального предпринимательства (Барина, 2018).

⁹¹ Распространение МСП создает возможности повысить благосостояние для большего числа людей. Именно расширение предпринимательского дохода многих и последующее формирование среднего класса, в т.ч. собственников капитала, считается одним из факторов снижения неравенства, в отличие от концентрации богатства в руках немногих крупных бизнесменов и богатых семей. Россия остается одним из мировых лидеров по неравенству богатства (Пикетти, 2015).

⁹² Исторически предприниматели-меценаты играли большую роль в благотворительных проектах, например П.М. Третьяков, создатель одноименной картинной галереи. В России эта роль часто недооценивается обществом. URL: <https://www.forbes.ru/tegi/proekt-mestnye>.

практически нет соответствующих социологических данных на региональном уровне за долгий период времени (Cherurenko, Sauka, 2017), а в советский период большинством предприятий владело государство. Поэтому для оценки развития, распространенности *конструктивного предпринимательства* в регионе можно использовать отношение числа малых предприятий – юридических лиц (ЮЛ), включая микро-, к численности экономически активного населения (ЭАН)⁹³ или (в отдельных случаях) на душу населения⁹⁴. Чем выше предложенный показатель, тем выше вовлеченность жителей в предпринимательство⁹⁵, хотя он и не охватывает все формы их деловой активности. Использование подобных оценок плотности малого бизнеса за продолжительный период может рассматриваться как прокси *предпринимательского капитала* (Земцов, Михайлов, 2024).

Альтернативный показатель регистрации новых фирм (Sternberg, Wennekers, 2005) не учитывает динамику закрытий, а среди новых фирм большое число формально созданных, но не действующих, фирм-однодневок, перерегистраций, перемещения бизнеса в другой регион и т. д. Малые предприятия создаются и управляются предпринимателями, в отличие от крупных и средних компаний⁹⁶, чаще возглавляемых наемными менеджерами. Статистические искажения при оценке плотности последних на региональном уровне высоки, т.к. таких предприятий немного⁹⁷, они могут преодолевать барьеры деловой среды и вносить искажающее влияние на выявляемые факторы размещения, поэтому не могут рассматриваться как объекты регионального анализа.

При расчете значений описываемой переменной не учитываются категории индивидуальных предпринимателей (ИП) и самозанятых, которые в России по классификации Росстата относятся к неформальному сектору⁹⁸. ИП относятся к промежуточной категории между бизнесом, который масштабируем и может быть продан⁹⁹, и самозанятостью: они могут нанимать работников, передавать активы, но ограничены по видам деятельности, по

⁹³ Рабочая сила и ЭАН в работе используются как синонимы. Использован показатель рабочей силы, т.к. юные и пожилые граждане существенно реже участвуют в предпринимательской деятельности.

⁹⁴ При таком подходе сохраняется проблема невозможности полностью учесть созидательную составляющую определения конструктивного предпринимательства. Но Росстат опрашивает и получает ответы только от тех предпринимателей, которые ведут реальную деятельность, а основная часть деструктивного предпринимательства в обследованиях с высокой вероятностью не участвует. Это подтверждают ранее проведенные исследования на примере инновационно активных компаний (Бортник и др., 2013).

⁹⁵ Серийные предприниматели (Глухих, 2022) часто создают фирмы в одних и тех же регионах. В ведущих регионах может быть меньше предпринимателей, чем зарегистрированных фирм, но эти предприниматели могут быть более продуктивными. Иными словами, могут завышаться различия между центрами и периферией, но не искажаются основные региональные закономерности предпринимательской активности. Серийные предприниматели в основном относятся к конструктивному предпринимательству.

⁹⁶ Учитываются в статистике микропредприятий в первый год существования как вновь созданные предприятия.

⁹⁷ Статистические методы ориентированы на большие совокупности, что снижает погрешности измерений.

⁹⁸ Росстат. Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2EfrJGVJ/Rab_sila_2020.pdf

⁹⁹ Кроме того, создание ЮЛ выгодно предпринимателю, особенно серийному, который снижает свои личные риски, т.к. отвечает перед законом за неудачные решения не личной собственностью, а корпоративной.

привлечению инвесторов, продаже бизнеса. Самозанятые могут быть как в легальной форме, так и в неучтенной (теневая экономика). Многие самозанятые по сути своей – это промыслы, которые не могут быть непосредственно перенесены и масштабируемы из-за ограниченности и невозможности передачи используемого ресурса, часто основанного на знаниях, компетенциях одного человека и имеющего неформальный статус, например, гаражная экономика, сельские промыслы: сбор грибов и ягод, ловля рыба и зверей, заготовка мёда, некоторые ремесла. Среди ИП и самозанятых выше доля вынужденной предпринимательской деятельности (Александрова, Верховская, 2016). Размер и созидательные функции предприятия положительно коррелируют¹⁰⁰, поэтому малые фирмы в большей степени отражают конструктивную предпринимательскую активность населения. Регистрация малого бизнеса консолидирована и унифицирована по регионам России. В целом в неформальном секторе действуют иные факторы развития (Thai, Turkina 2014; Laing et al., 2022), изучение которых не входило в цели исследования.

В отдельных случаях для оценки предпринимательской активности в регионах необходимо исследовать всю совокупность субъектов МСП¹⁰¹ – зарегистрированные хозяйственные общества и партнерства, кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП, доля участия в уставном капитале которых не должна превышать 25% для сторонних организаций¹⁰². Также заданы количественные критерии отнесения к субъектам МСП¹⁰³ (табл. 2); на практике средний размер этих предприятий существенно ниже. Субъект МСП – во многом категория условная и изменяющаяся как в России, так и за рубежом (Барина и др., 2019), зависящая от различных факторов, в т.ч. политических, что затрудняет межстрановые и межрегиональные сравнения и анализ реальной динамики.

Таблица 2 – Критерии отнесения и характеристики среднего субъекта МСП

	Число работников, чел.		Выручка, млн руб.	
	Верхнее значение	Средний размер	Верхнее значение	Средний размер
Средние фирмы	250	105.7	2000	443
Малые фирмы	100	24	800	97,6
Микрофирмы	15	1.9	120	19,6
ИП		2.3		5,1
Субъект МСП		3.4		16,8

Источник: Антонова и др., 2020.

Дальнейшее изучение и последующее моделирование предпринимательской активности требуют квантификации (количественного определения) и идентификации региональных характеристик, которые могут быть ее значимыми детерминантами.

¹⁰⁰ Например, краткосрочность горизонта планирования вынужденного предпринимательства снижет потенциальные (планируемые) масштабы бизнеса (Александрова, Верховская, 2016).

¹⁰¹ ФЗ № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г.

¹⁰² Критерий независимости важен, чтобы отделить субъекты МСП от подконтрольных крупному бизнесу и государству. Суммарная доля участия иностранных юридических лиц не должна при этом превышать 49%.

¹⁰³ Особые критерии действуют для инновационных компаний и легкой промышленности.

1.4. Обзор потенциальных факторов предпринимательской активности на региональном уровне¹⁰⁴

Исследования предпринимательства находятся на стыке различных социальных наук, поскольку вовлечение людей в эту деятельность предполагает комплекс взаимосвязанных факторов, действующих на уровне стран, регионов, городов, социальных групп, фирм и индивидов. Поэтому моделирование подобных процессов затруднено; пока не разработана комплексная теоретическая модель (Bygrave, Hofer, 1991; Shane, 2003; Acs, Audretsch, 2010; Fritsch, Wytwich, 2023). Некоторые концептуальные (описательные) модели учитывают одновременно процессы принятия решений на индивидуальном уровне (Naffziger et al., 1994) и внешние условия (Verheul et al., 2002; Nielsen, 2014). Процесс создания новых компаний (рис. 2) рассматривается в них как сочетание спроса на предпринимательство и его предложения.

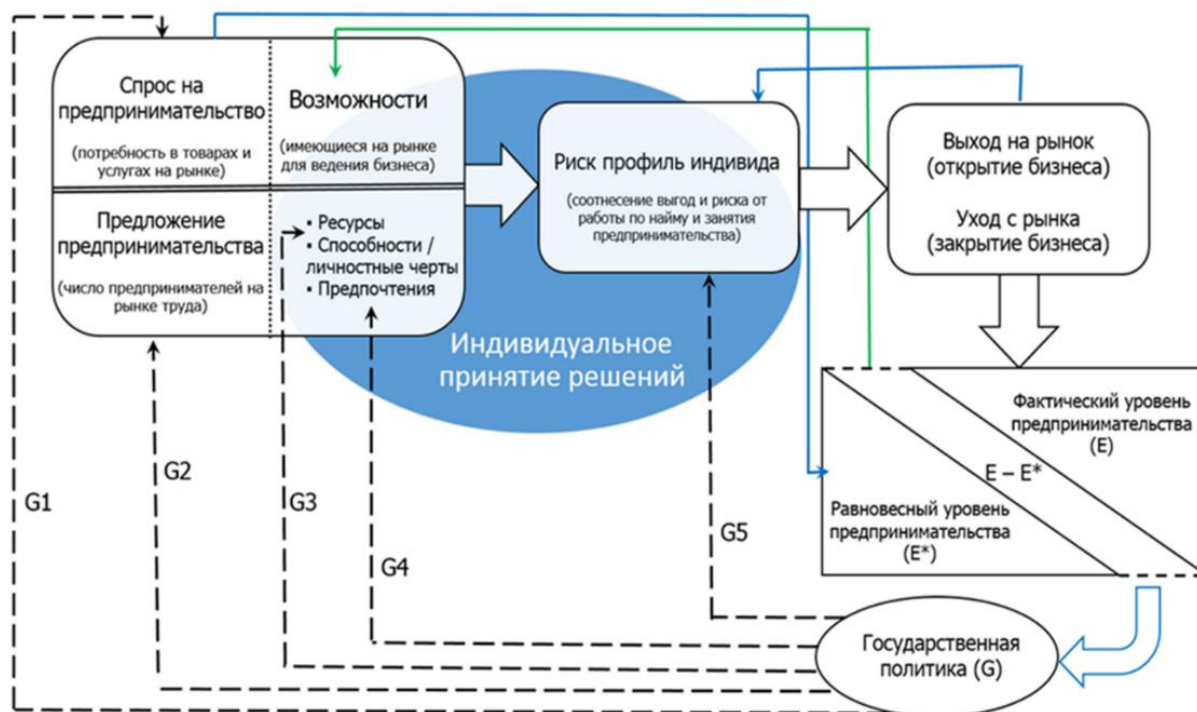

Рисунок 3 – «Эклектичная» модель предпринимательской активности

Источник: составлено по Verheul et al., 2002; Nielsen, 2014 (Барина и др., 2023)

Спрос связан с возможностями на рынке, например ростом потребностей, доходов населения, появлением новых рыночных ниш, освоением территорий и др., предложение – с имеющимися трудовыми, финансовыми ресурсами, компетенциями для ведения бизнеса, предпочтениями жителей, уровнем образования и др. На индивидуальном уровне важны многочисленные характеристики потенциального предпринимателя: пол, возраст, психотип, образование, опыт и др., восприятие рисков и выгод от занятия бизнесом и работой по найму

¹⁰⁴ Частично использовались ранее опубликованные материалы автора из совместной публикации: Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. В поисках предпринимательства в России //Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. – М.: Дело. 2023. 300 с.

(Evans, Jovanovic, 1989). Исходя из сочетания внешних и внутренних факторов индивид принимает решение об открытии бизнеса. Схожая группа детерминант определяет соотношение выгод и издержек ведения бизнеса, а соответственно – желание предпринимателя покинуть рынок. Все вместе это приводит к равновесному уровню предпринимательской активности в регионе (E^*). Если же фактическая предпринимательская активность от него отклоняется ($E-E^*$), возникают возможности для ее расширения. Государство может влиять почти на всю совокупность факторов, но с разной эффективностью.

Несмотря на отсутствие общепризнанной теоретической модели, проведены сотни эмпирических расчетов (Acs, Audretsch, 2010). Далее согласно схеме ТСЭС (табл. 1) кратко описаны наиболее значимые из выявленных и используемых региональных характеристик.

Природно-климатические издержки ведения бизнеса на отдельных территориях¹⁰⁵

На развитие бизнеса в регионах могут влиять природные условия, задающие рамку для хозяйственной деятельности на определённой территории, при этом научные представления об их роли менялись. В соответствии с наиболее ранней концепцией *географического детерминизма* это основной фактор, определяющий в т.ч. направления и интенсивность деловой активности населения¹⁰⁶, а косвенно – даже культурные и иные особенности сообществ¹⁰⁷ (Sachs, 2003). Например, северные и горные регионы отличаются повышенными природно-климатическими издержками, которые влияют на возможность открыть предприятие и удержаться на рынке: расходы на отопление, строительство и транспортировку. Высоки риски ведения бизнеса в условиях слабой освоенности территории, поэтому в Арктике долгое время были возможны только традиционные промыслы коренных народов или наиболее прибыльные предприятия, такие как добыча пушнины, пеньки или иного сырья. Деловая активность в сельских районах и в целом в первичных секторах экономики (сельское хозяйство, рыболовство, охота, лесное хозяйство) сильнее подвержена влиянию природных ритмов, в т.ч. сезонных: сбор урожая, миграции потребителей и работников и т. д. (Землянский, 2011).

¹⁰⁵ Частично использована статья автора диссертационного исследования с соавторами: Земцов С.П., Бабурин В.Л., Царева Ю.В. Сложности ведения бизнеса в Арктике и в северных регионах России // Известия Русского географического общества. 2022. № 2 (154). С. 37–51.

¹⁰⁶ Д. Даймонд считает выгодные природные условия, связанные с наличием достаточного количества животных для одомашнивания и растений для окультуривания, основным фактором быстрого развития сельского хозяйства на Евразийском континенте, а его субширотная вытянутость способствовала обмену технологий в близких природных условиях. Позднее это вело в Западной Европе к ускоренному разделению труда, концентрации ремесел и производств, развитию предпринимательства в городах (Diamond, 1997). Результаты подобных случайностей накапливались на протяжении столетий и привели к высокой социально-экономической дифференциации между странами, регионами и городами. Чрезмерные расстояния и жёсткие природные условия в России привели к большой роли государства (Туган-Барановский, 1995), но в целом географические условия ограничивали деловую активность. Об этом упоминали Ключевский В.О., Плеханов Г.В., Бердяев Н.А., Воейков А.И. и др.

¹⁰⁷ Например, высокая сезонность сельскохозяйственных работ с большей интенсивностью в летний период, могла привести к большей склонности русской деловой культуры к чрезмерному напряжению сил в отдельные периоды, или условно мобилизационному типу развития (Аузан, 2022).

В рамках *геопоссибилизма* неблагоприятные природные условия или их ухудшение¹⁰⁸ — это вызов, который предприниматели могут преодолеть с помощью нововведений. Есть мнение, что северное предпринимательство более инновационно активное (Пилясов, Замятина, 2016). В России около 65% всей площади – северные территории, которые отличаются экстремальными условиями (Бабурин, Земцов, 2015): низкие зимние и годовые температуры, недостаточная для сельского хозяйства сумма активных температур. Издержки для ведения бизнеса в Арктике и Северных регионах выше, чем на остальной территории. Тем не менее, бизнесы в регионах Крайнего Севера (7,2% населения) обеспечивают около 75% добычи полезных ископаемых России и около 12% ВВП, преимущественно за счет крупных компаний и госпроектов; 11% от всех субъектов МСП страны создают около 9,5% ВВП, генерируемого МСП.

Природный индифферентизм, преобладавший на некоторых этапах хозяйственного освоения в советский период, приводил к игнорированию отдельных природных закономерностей и росту общеэкономических издержек¹⁰⁹. Для сравнения природных издержек, порождаемых северным климатом («цена холода») может быть рассчитана зимняя температура, взвешенная на численность населения (ТНД) (Hill, Gaddy, 2003).

$$\text{ТНД} = \sum_j \eta_j \times \tau_j, \quad (2)$$

где η_j — доля численности населения, проживающего в регионе j , τ — средняя температура воздуха в январе. В Канаде значение в 1990 г. составило около $-8,9^\circ\text{C}$ и постоянно повышалось, а в РСФСР, наоборот, снижалось и достигло $-12,6^\circ\text{C}$. Утверждается (Hill, Gaddy, 2003), что в Канаде население и бизнес осваивали территорию «естественным» путем за счет конструктивной предпринимательской деятельности, а в Советской России – за счет искусственных стимулов¹¹⁰, крупных госпредприятий и принудительного труда. Но авторы делали свои расчеты для регионов, где население сильно рассредоточено. Новые расчеты по муниципальным образованиям (рис. 4) показывают, что к 2016 г. ТНД в России составляла уже около $-8,9^\circ\text{C}$, то есть приблизилась к североамериканским значениям 30-летней давности из-за закрытия нерентабельных предприятий, оттока жителей на юг, распространения вахтовых методов. Большинство же населения России, вокруг которого сосредоточен малый сервисный бизнес, постоянно проживает в более комфортных условиях.

¹⁰⁸ Изменение климата приводит к росту числа опасных природных явлений (Земцов и др., 2020; Zemtsov et al., 2020), таяние вечной мерзлоты ведет к разрушению конструкций. Все это требует разработки инструментов адаптации, в т. ч. через расширение предпринимательской инициативы (Williams, Shepherd, 2016).

¹⁰⁹ Как в известном девизе Усть-Джегутинского гидроузла «Идет вода Кубань-реки, куда велят большевики».

¹¹⁰ Тезис о принудительном, искусственном развитии регионов России (насаждаемом капитализме, ускоренной индустриализации в аграрной стране, чрезмерной роли государства и т. д.) хорошо известен. Например, М.И. Туган-Барановский писал о его ошибочности (Туган-Барановский, 1997), т. к. роль государства в его разных проявлениях существенна на ранних этапах капиталистического развития. Этот тезис подтверждают, например, исследования роли государственной политики по развитию обрабатывающей промышленности для ускоренного экономического роста, особенно на ранних этапах индустриализации: в Англии, Германии, США, СССР, на Тайване и в некоторых других странах и регионах, добившихся экономических успехов (Полтерович, Попов, 2006; Райнерт, 2011).

Парадигма *устойчивого развития* предполагает возможность развития в рамках коэволюции человека и окружающей среды (по В.И. Вернадскому, Н.Н. Моисееву, Дж. Саксу и др.). Устойчивое предпринимательство учитывает особенности природной среды (геосистемы) с минимальным ущербом для последней. В северных и горных *предпринимательских геосистемах* общая экстремальность природно-климатических условий увеличивает большинство издержек ведения бизнеса и требует особых подходов к адаптации (Земцов и др., 2022). Частично подобные издержки могут компенсироваться (Михайлова, 2011) наличием минеральных ресурсов, более благоприятными институциональными условиями, вложениями в человеческий капитал, то есть требуют усилий властей.

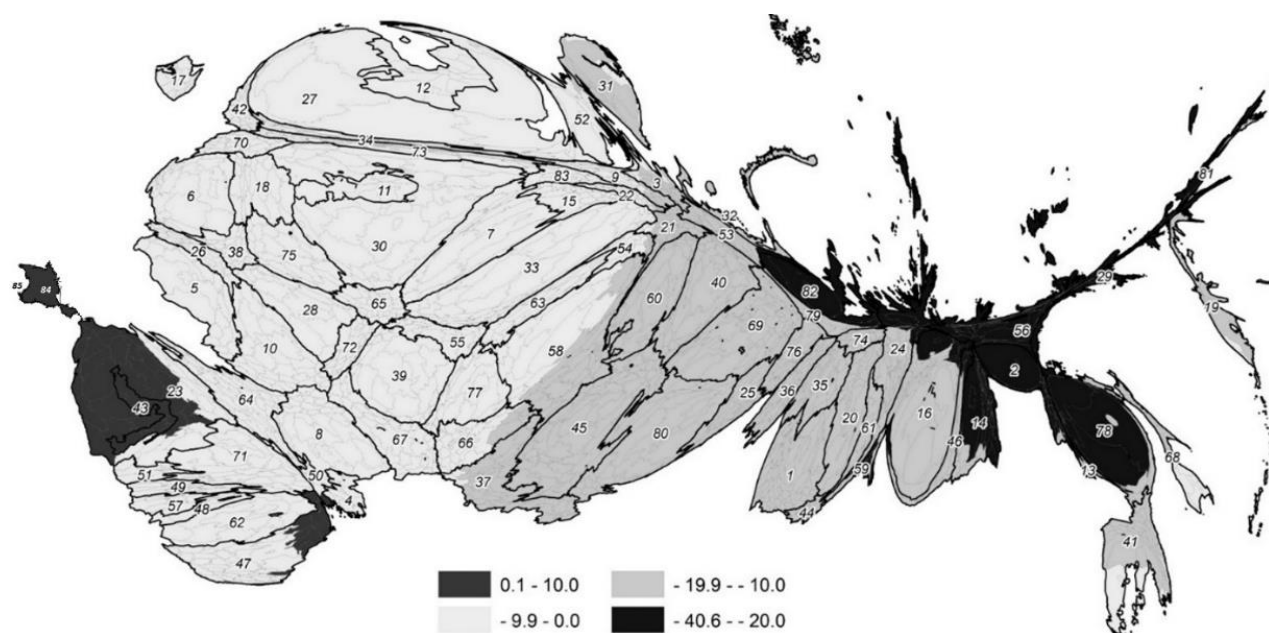

Рисунок 4 – Карта-анаморфоза России по численности населения и ТНД.

Примечание: размеры регионов изменены в зависимости от численности их населения. Фоном показана ТНД, °C¹¹¹. Картосхема составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Источник: Земцов и др., 2022

¹¹¹ Цифрами обозначены регионы: 1 – Алтай. край (кр.), 2 – Амур. область (обл.), 3 – Архангел. обл., 4 – Астрахан. обл., 5 – Белгород. обл., 6 – Брян. обл., 7 – Владимир. обл., 8 – Волгоград. обл., 9 – Вологод. обл., 10 – Воронеж. обл., 11 – г. Москва, 12 – г. Санкт-Петербург, 13 – Еврей. авт. обл., 14 – Забайкал. кр., 15 – Иванов. обл., 16 – Иркут. обл., 17 – Калининград. обл., 18 – Калуж. обл., 19 – Камчат. кр., 20 – Кемеров. обл., 21 – Киров. обл., 22 – Костром. обл., 23 – Краснодар. кр., 24 – Краснояр. кр., 25 – Курган. обл., 26 – Кур. обл., 27 – Ленинград. обл., 28 – Липецкая обл., 29 – Магадан. обл., 30 – Москов. обл., 31 – Мурман. обл., 32 – Ненецкий АО (АО), 33 – Нижегород. обл., 34 – Новгород. обл., 35 – Новосибир. обл., 36 – Ом. обл., 37 – Оренбург. обл., 38 – Орлов. обл., 39 – Пензен. обл., 40 – Перм. кр., 41 – Примор. кр., 42 – Псков. обл., 43 – Р. (Р.) Адыгея, 44 – Р. Алтай, 45 – Р. Башкортостан, 46 – Р. Бурятия, 47 – Р. Дагестан, 48 – Р. Ингушетия, 49 – Кабардино-Балкар. Р., 50 – Р. Калмыкия, 51 – Карачаево-Черкес. Р., 52 – Р. Карелия, 53 – Р. Коми, 54 – Р. Марий Эл, 55 – Р. Мордовия, 56 – Р. Саха (Якутия), 57 – Р. Северная Осетия - Алания, 58 – Р. Татарстан, 59 – Р. Тыва, 60 – Удмурт. Р., 61 – Р. Хакасия, 62 – Чечен. Р., 63 – Чуваш. Р., 64 – Ростов. обл., 65 – Рязан. обл., 66 – Самар. обл., 67 – Саратов. обл., 68 – Сахалин. обл., 69 – Свердлов. обл., 70 – Смолен. обл., 71 – Ставрополь. кр., 72 – Тамбов. обл., 73 – Твер. обл., 74 – Том. обл., 75 – Тул. обл., 76 – Тюмен. обл., 77 – Ульянов. обл., 78 – Хабаров. кр., 79 – Ханты-Мансий. АО - Югра, 80 – Челябин. обл., 81 – Чукот. АО, 82 – Ямало-Ненецкий АО, 83 – Ярослав. обл., 84 – Р. Крым, 85 – г. Севастополь.

Выгоды географического положения предприятий отдельных регионов¹¹²

Категория географического положения в России является одной из базовых в региональных исследованиях (Баранский, 1980; Гранберг, 2007), т.к. позволяет объяснить многие закономерности эволюции территориальных систем. Географическое положение как качественная характеристика размещения предприятия может быть центральным, периферийным и соседским (Ростислав, 2020; Ростислав, Пономарев, 2020). Центральное положение предприятий приносит дополнительные выгоды: низкие транспортные расходы, концентрация торговых потоков и т. д., например, размещение бизнесов в Москве в центре транспортной сети и системы расселения Европейской части России. Близость¹¹³ крупного рынка, агломерации может приносить выгоды от кооперации, заимствования новых технологий. Но эта близость может и подавлять развитие более слабого соседа, который превращается в аграрно-сырьевой придаток, в поставщика трудовых ресурсов, в рынок сбыта (Fujita et al., 2001). Классическим примером является образование внутренней периферии малой плотности населения и бизнеса между Москвой и Санкт-Петербургом (Бородина и др., 2015)¹¹⁴. Как правило, периферийное положение¹¹⁵, то есть глубинное, удаленное от центра, например приграничное¹¹⁶, может нести экономическим агентам дополнительные издержки.

Экономико-географическое положение региона¹¹⁷ – это исторически сложившаяся, но изменяющаяся совокупность пространственных отношений между экономическими агентами региона и внешними факторами, потенциально оказывающими влияние на них (Бабурин и др., 2016; Земцов, Бабурин, 2016). Пространственное отношение одного объекта к другому – это соотношение их местоположений, связанное, в первую очередь, с расстояниями между объектами. Предприниматель способен изменять свое местоположение, стремясь достичь наиболее выгодного. В терминах эволюционной динамики выгодное ЭГП – это притягивающие

¹¹² Частично использованы статьи автора диссертационного исследования с соавторами: Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 117–138; Zemtsov S.P., Baburin V.L. How to assess advantages of economic-geographical position for Russian regions? // R-Economy. 2016. Т. 2. № 3. С. 385–401.

¹¹³ Близость может быть оценена с помощью различных мер расстояния, в т.ч. геодезического по прямой на карте. Более экономически обоснованным является измерение реальных расстояний по протяженности железнодорожных, автомобильных и иных путей. При измерении транспортно-географического положения (ТГП) оценивается доступность основных транспортных магистралей, рынков и связанные с ними издержки по доставке грузов и людей (Лавриненко и др., 2019). Одним из наиболее операционных методов оценки ТГП является измерение экономических расстояний. В этом случае грузы как бы «тают» из-за «трения» пространства, то есть выгода от их продажи на удаленные рынки сокращается по мере роста издержек транспортировки, а в месте, где выгоды равны издержками и находится фактически граница рынка для конкретного предприятия.

¹¹⁴ Еще в XVIII в. это явление было хорошо описано А.Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву».

¹¹⁵ Рассматривая мировые торговые потоки, осуществляющиеся преимущественно морским транспортом, периферийным следует считать внутриконтинентальное положение региона, а центральным – приморское.

¹¹⁶ Граница выполняет барьерные, фильтрующие и контактные функции (Колосов и др., 2016). Если издержки на ее пересечение растут, то уровень трансграничной / приграничной деловой активности падает (World bank, 2008).

¹¹⁷ Согласно Н. Н. Баранскому, ЭГП – это «отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение...» (Баранский, 1980). Значительный вклад в развитие концепции внесли Ю.Г. Саушкин, И.М. Маергойз, Я.Г. Машбиц, Е.Е. Лейзерович и др. (Земцов, Бабурин, 2016).

множество (*аттрактор*) положений экономических агентов в пространстве, при котором их соотношение оптимально. ЭГП региона изменяется и обладает потенциальным (вероятностным) характером, то есть его выгоды могут не быть реализованы.

Для оценки выгоды ЭГП применяются гравитационные модели. Предпосылкой служит заимствованный из физики закон: взаимодействие выше, если объекты больше и ближе:

$$V_{ij} = \sum \frac{P_i^\alpha \times P_j^\beta}{R_{ij}^a}, \quad (3)$$

где V – потенциальное число взаимодействий между экономическими агентами регионов i и j , R_{ij} – расстояние между ними, P – размер¹¹⁸, α , β – искомые коэффициенты, a – коэффициент пропорциональности, оценивающий изменение влияния расстояния на взаимодействие¹¹⁹.

Расчет наведенного¹²⁰ потенциала ЭГП (EGP^{All}) для столицы региона i разделен на оценку потенциала межрегионального, или внутреннего, (EGP^{Reg}) и международного, или внешнего, ЭГП (EGP^{World}):

$$EGP^{All}_i = EGP^{Reg}_i + EGP^{World}_i = \sum_{j=1}^n \frac{MV_j}{R_{ij}^a}, \quad (4),$$

где MV_j – ВРП региона j или ВВП страны j ; R_{ij} – реальное расстояние¹²¹ между столицей искомого региона i и столицами других регионов или стран j ; n – общее число регионов и стран. Расчет потенциала межрегионального ЭГП региона проводился по формуле:

$$EGP^{Reg}_i = \sum \frac{GRP_j}{R_{ij}^2}, \quad (5),$$

где GRP – ВРП в реальных ценах (млн руб.). Для расчета потенциала внешнего ЭГП были определены 9 регионов (p), через которые может идти внешнеторговая деятельность¹²². Экономические связи по морю интенсивнее из-за более низких транспортных издержек, а влияние внешнеэкономических связей на экономических агентов выше¹²³, поэтому $a = 1,5$:

$$EGP^{World}_i = \sum \left(\frac{GDP_q}{\min(R_{i,p}^2 + R_{p,q}^{1,5})} \right) + \sum \left(\frac{GDP_n}{(R_{i,e}^2 + R_{e,n}^2)} \right), \quad (6)$$

¹¹⁸ Может использоваться объём ВРП, число жителей (Barinova et al., 2022) и др. Оценка на основе числа малых предприятий позволит измерить предпринимательско-географическое положение региона, то есть его близость к центрам с высокой концентрацией предпринимателей с большим числом потенциальных взаимодействий.

¹¹⁹ Эмпирические оценки значения коэффициента a на основе текущих торговых взаимодействий (Каукин, Идрисов, 2013) не будут полностью отражать потенциал ЭГП, а будут включать действие торговых барьеров и прочих факторов на дату измерения (Земцов, Бабурин, 2016). Поэтому традиционно используется значение 2, то есть зависимость гиперболическая, а число связей сокращается быстро (Гусейн-Заде и др., 1988). Но субъективный выбор коэффициента a часто и обосновано подвергается критике.

¹²⁰ То есть рассчитанного для одной точки по отношению ко всем иным объектам.

¹²¹ В качестве R использовано расстояние по железной дороге; для регионов, где отсутствуют железные дороги, использовались данные по автомобильным и речным путям.

¹²² С крупными круглогодичными портами: Архангельская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Ростовская области, г. Санкт-Петербург, Краснодарский и Приморский край.

¹²³ Выход фирмы на экспорт значительно увеличивает ее доходы (Martins, Yang, 2009).

где GDP – ВВП страны (млн руб.); q – зарубежные страны, связи с которыми осуществляются через морские порты; $R_{i,p}$ – расстояние от столицы искомого региона i до столицы портового региона России p (км); $R_{p,q}$ – расстояние от столицы портового региона до страны q (км); n – страны, с которыми граничат регионы России, и внешнеэкономическая деятельность преимущественно осуществляется по суше через регионы e . Потенциал ЭГП условно позволяет рассчитать потенциальный объем внешней торговли, доступный для предпринимателей, в случае максимального развития инфраструктуры и оптимального развития институтов, в частности минимальных таможенных барьеров.

Максимальный потенциал межрегионального ЭГП (рис. 5) характерен для регионов вблизи крупнейших Московской и Санкт-Петербургской агломераций. Потенциал ЭГП убывает от них во всех направлениях со значительным выступом среднего потенциала в районе Уральских регионов и высокодоходной Тюменской области. Наиболее удаленные от центральной России регионы Дальнего Востока имеют наименее выгодное ЭГП.

Рисунок 5 – Потенциал межрегионального ЭГП регионов России.

Источник: Земцов, Бабурин, 2016.

Примечание: картосхема составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Максимальный потенциал международного ЭГП сосредоточен в портовых регионах Балтийского (Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург), Черного¹²⁴ (Краснодарский край и Ростовская область), Японского морей (Приморский край) и в непосредственной близости от них (Новгородская область). Худшее ЭГП у удаленных

¹²⁴ После строительства Крымского моста к этой же группе следует относить Республику Крым и г. Севастополь.

Чукотского АО и Республики Тыва. Потенциал международного ЭГП активно рос в южных дальневосточных регионах: Приморском и Хабаровском краях и Еврейской автономной области. Уникальность положения регионов Дальнего Востока – на периферии экономической активности в России (рис. 6), но вблизи быстрорастущего рынка стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Наименьшие темпы роста характерны для регионов, близких к медленно растущим странам Северной Европы, взаимодействие с которыми ограничено в условиях санкций: г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области.

Суммарный потенциал ЭГП (рис. 6) преимущественно сконцентрирован вблизи крупнейших портовых центров России. Среди лидеров Приморский и Краснодарский края, Ленинградская, Ростовская области и г. Санкт-Петербург.

Рисунок 6 – Суммарный потенциал ЭГП регионов России

Источник: Земцов, Бабурин, 2016.

Примечание: картосхема составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Основные причины изменения потенциала ЭГП региона: рост внешних рынков и строительство транспортных магистралей¹²⁵ и портов. Темпы роста потенциала международного ЭГП, по крайней мере, с 1998 до 2022 года существенно превышали значения внутреннего, то есть предпринимателям при прочих равных условиях выгоднее было ориентироваться на внешнюю торговлю, то есть на экспорт.

¹²⁵ Например, строительство автомобильного моста «Благовещенск – Хэйхэ» (Амурская область) и железнодорожного моста (Еврейская автономная область) через реку Амур, открытых в 2022 г., соединило малый бизнес Амурской области с обширным китайским рынком и способствовало переориентации потоков всей страны.

Агломерационные эффекты и доступные рынки для бизнеса¹²⁶

На развитие предпринимательства значимо влияют агломерационные эффекты, связанные с концентрацией экономических агентов в крупных городах, с размером и диверсификацией рынков (*Джейкобс-эффекты*) (Jacobs, 1970; Friedman, 1995; Fujita et al., 2001; Fujita, Thisse, 2003; Rosenthal, Strange, 2003; Beaudry, Schiffauerova, 2009, Доманьский, 2010; Пилясов, 2011). При высокой концентрации происходит активное взаимодействие контрагентов, которое в свою очередь способствует появлению новых идей, перетоков знания.

Потенциальное число связей (A_n) зависит от числа предпринимателей (n): формула (7) – для неориентированных связей (7), формула (8) – для ориентированных связей:

$$A_n = \frac{n \times (n-1)}{2} \quad (7),$$

$$A_n = n \times (n-1) \quad (8).$$

Проблемы оценки влияния агломерационных эффектов связаны с невозможностью прямого расчета самих эффектов, а лишь через косвенное влияние концентрации и разнообразия деятельности на показатели фирм. Для оценки концентрации используются плотность населения, доля горожан, средний размер фирм и др.

Для оценки уровня диверсификации региональной экономики используют различные индексы (Isard, 1966; Glaeser, 2009), например индекс энтропии Шеннона E :

$$E = \sum s_i \times \log \frac{1}{s_i} \quad (9),$$

где s_i – доля отдельной отрасли в регионе i . Обладая данными о пятиуровневой классификации отраслей, Р. Бошма предполагает, что индекс энтропии по видам деятельности может быть индикатором *несвязанного разнообразия* (9), т.к. разные отрасли технологически слабо связаны. А вот оценка на более низком уровне агрегирования по сравнению с общеотраслевой может служить мерой *связанного разнообразия*, т.к. подотрасли могут дополнять производственные цепочки. Учитывая эту политика «умной специализации» предполагает достраивание производственных цепочек. Связанное разнообразие оказывает положительное влияние на перетоки знаний, занятость, предпринимательскую активность, особенно на добровольную (Content et al., 2019; Ejdemo et al., 2020).

Для оценки диверсификации может применяться *индекс Херфиндаля-Хиршмана* (I_{HH}), изначально использованный для измерения степени монополизированности рынков:

$$I_{HH} = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2 \quad (10),$$

где S_1 – доля крупнейшей отрасли (или компании), например по выручке; S_2 – доля следующей по величине; S_n – удельный вес наименьшей.

¹²⁶ Частично использована статья автора диссертационного исследования с соавторами: Земцов С.П., Царева Ю.В., Павлов П. Рыночный потенциал регионов и развитие предпринимательства в России // География и природные ресурсы. 2021. №42(3). С. 139–147.

Наличие агломераций, скоплений крупных городов, могут оказывать разнонаправленное влияние на развитие предпринимательства (Земцов, Михайлов, 2024). С одной стороны, крупные города гарантируют высокий спрос и обеспечивают доступ к рынкам сбыта, новым рыночным нишам, деловой инфраструктуре, квалифицированным кадрам (Reynolds et al., 1994; Fritsch, 1992; Fritsch, Falck, 2007; Bosma, Schutjens, 2011; Helsley, Strange, 2011; Лимонов, 2024), а также возможность активно взаимодействовать с существующими компаниями, значит, может наблюдаться эффект перетока знаний (Земцов, Царева, 2018). С другой стороны, высокая концентрация экономических агентов, стремление фирм к экономии за счет масштаба приводит к их росту, укрупнению, что повышает уровень конкуренции и формирует высокие барьеры входа на рынок и соответственно может ограничивать стартап активность (Bais et al., 1995).

Для развития массового предпринимательства особое значение имеет доступ к рынкам, традиционно оцениваемый как *рыночный потенциал* (Hanson, 2005; Земцов и др., 2021). Чем больше объем доступных для предпринимателя рынков, тем выше возможности для развития бизнеса. Фирмы создаются и имеют больше шансов выжить в течение 5–10 лет (Brown et al., 2008) преимущественно в регионах России с высоким рыночным потенциалом (доступом к рынкам), изолированные и труднодоступные регионы теряют бизнес. При этом в условиях кризисов и шоков разной природы наличие доступа к крупному рынку, близость крупного города создаёт условия для адаптации, диверсификации деятельности малого предприятия.

Для оценки близости и значимости рынков применялась методика схожая с оценкой ЭГП (Harris, 1954; Hanson, 2005) (формула 11): суммировались объемы экономики региона, других регионов России и других стран, взвешенные на расстояние до них¹²⁷ (Земцов и др., 2021; Zemtsov, Baburin, 2016b). На некотором расстоянии перевозка становится нерентабельной, тогда размер этого рынка для предпринимателя близок к нулю.

$$MP_i = GRP_i + \sum \frac{GRP_j}{\alpha \times d_{ij}} + \left(\sum \left(\frac{GDP_q}{\min(\alpha \times d_{i,p} + \beta \times d_{p,q})} \right) + \sum \left(\frac{GDP_n}{(\alpha \times d_{i,e} + \beta \times d_{e,n})} \right) \right), \quad (11)$$

где: i – искомый регион; j – иные, в т. ч. p – портовые, e – пограничные регионы; q – страны, с которыми взаимодействие происходит морским путем; n – приграничные страны, с которыми внешнеэкономическая деятельность преимущественно осуществляется по суше; GRP – ВРП, млн руб.; GDP – ВВП, млн руб.; d – расстояние между регионами и странами; $\alpha = 0,01$ – коэффициент, показывающий, как расстояние до внешних рынков влияет на уменьшение их потенциального

¹²⁷ С ускорением развития коммуникаций сокращаются издержки на взаимодействие между экономическими агентами, так называемое «трение пространства» снижается (в англ. distance decay). С развитием цифровых торговых платформ (таких как Alibaba или Ozon) можно продавать свой продукт по всему миру. Возникает ощущение, что расстояние (R) перестанет быть значимым, а коэффициент n при расстоянии $\rightarrow 0$. Но увеличивается концентрация хозяйств, сохраняется сильная дифференциация регионов и стран, поэтому значение расстояния (n) для внешнеэкономической деятельности растет (Combes et al., 2008).

объема для предпринимателя; $\beta = 0,1$ – коэффициент для рынков других стран. Последний из-за более высоких институциональных барьеров выше, чем α .

Объем доступных для предпринимателей рынков (рис. 7) выше в регионах Центральной России и Поволжья благодаря их близости друг к другу, к рынкам крупнейших агломераций (Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Самары и т. д.), а также на побережье незамерзающих морей, вблизи крупных международных рынков (ЕС и Китая). За последние 20 лет для всех регионов России характерен многократный рост рыночного потенциала¹²⁸, который обусловлен ростом отечественной и мировой экономики, в т.ч. крупнейших из соседних стран (Китая).

Рисунок 7 – Уровень и динамика рыночного потенциала в регионах России.

Источник: Земцов и др., 2021.

Примечание: картосхема составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ. Рыночный потенциал в 2018 г., трлн руб.: 1 – менее 25 трлн руб., 2 – от 25 до 35 трлн руб., 3 – от 35 до 45 трлн руб., 4 – более 45 трлн руб. Отношение рыночного потенциала в 2018 г. к значению 1998 г.: 5 – менее 12, 6 – от 12 до 15, 7 – более 15. 8 – ранг региона по рыночному потенциалу вырос за 1998-2018 гг., то есть объем доступных рынков рос быстрее, чем в других регионах.

Таможенные и иные ограничения на пересечение государственной границы, например в период пандемии, создают негативные эффекты для предпринимательского сектора прибрежных и приграничных регионов. После 2022 г. растет рыночный потенциал южных и дальневосточных регионов благодаря строительству транспортных магистралей и портов, ориентированных на диверсификацию торговых потоков регионов России.

¹²⁸ Всего 5 стран в мире выросли более чем на 400 трлн руб.: Китай, Япония, Индия, США и Россия.

Специализация предприятий и структурные особенности экономики регионов

Структура региональной экономики влияет на спрос и предложение новых бизнесов. Так, отрасли различаются по среднему эффективному размеру фирм, а соответственно и по барьерам входа на рынок (Robson, 1998; Glaeser et al., 2010; Li, Zhao, 2011). В обрабатывающей и добывающей промышленности проявляется эффект масштаба, поэтому требуется наличие большого стартового капитала для найма сотрудников и начала производства. В торговле, сельском хозяйстве, информационных технологиях барьеры входа ниже и многие экономические субъекты в них – это самозанятые, ИП без наемных сотрудников.

Для описания различий между ареалами концентрации предпринимателей и остальной территорией Э. Маркусен (Markusen, 1996) использует термины «притягивающие места» (от англ. sticky places) и «неустойчивое пространство» (от англ. slippery space). Точки-аттракторы обладают набором конкурентных преимуществ, сконцентрированных факторов производства для отдельной отрасли. При отраслевой специализации территории возникают локализационные экстерналии, эффекты Маршалла-Эрроу-Ромера, и могут сформироваться кластеры, или промышленные округа (Маршалл, 1993; Becattini, 2004). Нахождение в кластере (Delgado et al., 2010; Belitski, Desai, 2015; Земцов и др., 2018; Zemtsov et al., 2016) обеспечивает предпринимателям доступ к специализированным знаниям, кадрам и инфраструктуре; упрощен переток знаний из крупных компаний и вузов в стартапы, есть возможность взаимного дополнения производственных и иных цепочек. Это повышает выживаемость новых фирм (Wennberg, Lindqvist, 2010) и их инновационную активность (Cooke, Schwartz, 2007)¹²⁹.

Традиционно *кластер* – это сконцентрированная на ограниченной территории группа компаний одной или нескольких взаимосвязанных отраслей близкой специализации с сопутствующими контрагентами: университетами и др. (Porter, 1998; Zemtsov et al., 2016). При этом кластер как сеть предприятий – это *саморазвивающаяся предпринимательская экосистема определенной специализации*¹³⁰. Примерами служат: медиконовая долина вокруг пролива Эресунн (Дания, Швеция), обувной кластер в области Марке и мебельный в Венеции (Италия), косметический в Иль-де-Франс (Франция), цветочный в Нидерландах, текстильный в

¹²⁹ При чем важна «гибкая» специализация большого числа предприятий, а не массовое производство стандартизированной продукции одним предприятием согласно М. Пиоре, Ч. Сейблу (Пилипенко, 2008).

¹³⁰ Условно можно выделить несколько стадий в формировании кластеров (Земцов, Буков, 2016; Zemtsov et al., 2015). На первом этапе это потенциальный кластер – сконцентрированная на ограниченной территории совокупность компаний одной отрасли (Бабурин, Земцов, 2017), затем появляются сопутствующие отрасли (протокластер), между ними налаживается взаимодействие (предкластер), формируются единые производственные цепочки (территориально-производственный кластер), появляются элементы инновационной системы: университеты, научные организации и т. д. (инновационно-территориальный кластер) (Бортник и др., 2015b), затем – органы управления, бизнес-ассоциации (кластер), растет глобальная конкурентоспособность и расширяются границы (эффективный глобальный суперкластер). При этом на каждом этапе различно число контрагентов и интенсивность связей между ними (Zemtsov et al., 2018). Они являются результатом многолетней эволюции; нельзя применять одни и те же стандарты и методы анализа для сравнения кластеров на разных этапах их развития.

Ивановской области (Россия) и др. Особую роль играют технологические кластеры (технополисы) (Scott, Storper, 1987), например биотехнологий в г. Пущино (Россия), микроэлектроники и робототехники в г. Шэньчжэне (Китай), информационных технологий (ИТ) в г. Бангалоре (Индия). Более технологически сложные отрасли с углубленным ТРТ требуют взаимодействия большого числа разнообразных контрагентов для создания конечного продукта и могут порождать *большой поток стартапов* и связей (Feldman et al, 2005).

Для описания *линейно-узловой структуры* кластеров как предпринимательских экосистем можно использовать подход П.Я. Бакланова (Бакланов, 2007), в котором предприятия и предприниматели – это узловые элементы, а их экономические связи – линейные. По структуре связей могут выделяться несколько типов (Markusen, 1996):

- Маршалловы промышленные районы с большим числом МСП, например в России к ним относится молочный кластер в Вологодской области;
- «хабы» (от англ. hub-and-spoke district) с крупной компанией в центре сети, например экосистема поставщиков ПАО «КАМАЗ» в г. Набережные Челны (кластер Иннокам);
- промышленные платформы (от англ. satellite platform district) с большим числом дочерних предприятий крупных корпораций на одной территории, например сеть автозаводов и поставщиков автокомпонентов транснациональных корпораций (ТНК) в Калужской области;
- государственно ориентированные (от англ. stateanchored industrial districts), например в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в Тульской области.

Для выявления кластеров используются оценки специализации предпринимательских экосистем¹³¹, например по высокотехнологичным видам деятельности i (Zemtsov et al., 2016). Во-первых, рассчитываются коэффициенты локализации (LQ) в регионе g , например по *трем характеристикам* ($Firm$): числу малых и средних фирм, выручке и занятости в них

$$LQ_{i,g} = \frac{Firm_{i,g}}{Firm_g} / \frac{Firm_{i,R}}{Firm_R} \quad (12),$$

где R – общероссийское значение показателя. Затем – доля фирм рассматриваемой отрасли в регионе к показателю отрасли по стране ($Size$). С помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана (HH) (формула 11) рассчитывается коэффициент монополизации отрасли в регионе, чтобы избежать ситуации, когда специализацию определяет один крупный завод. Все результаты нормируются по формуле линейного масштабирования (Ind) для расчета субиндексов потенциальной кластеризации ($Cluster\_subind$) по каждой характеристике:

¹³¹ Концепция «умной специализации» (Foray, 2014; Земцов, Баринова, 2016; Еферин, Куценко, 2021) была предложена в ЕС для выбора отраслей, которые необходимо стимулировать, на основе анализа объективного потенциала региона, форсайт-исследований. Часто эта стратегия предусматривала усложнение, достраивание недостающих производственных цепочек (Бабурин, 2020; Kutsenko et al., 2023). При этом специализации предпринимательских экосистем могут изменяться под воздействием конъюнктурных циклов.

$$Cluster\_subind^{Firm}_{i,g} = \left(\left(\frac{Ind(LQ^{Firm}_{i,g}) + Ind(Size^{Firm})}{2} \right) \times Ind(1 - HH^{Firm}_{i,g}) \right) (13),$$

Интегральный индекс как среднее арифметическое трех субиндексов позволил выявить в России предпринимательские экосистемы со следующей специализацией (Zemtsov et al., 2016):

- информационно-коммуникационные технологии: г. Москва, г. Санкт-Петербург (далее – столицы), Томская, Московская, Новосибирская, Нижегородская области, Татарстан;
- фармацевтика: столицы и их области, Калужская, Томская, Новосибирская обл.;
- авиакосмический комплекс: столицы, Московская, Самарская, Ульяновская, Нижегородская области, Пермский край, Татарстан;
- электроника, электротехника: столицы, Владимирская, Самарская, Свердловская, Московская, Калининградская, Калужская, Рязанская и Пензенская области, Мордовия;
- автомобилестроение: Нижегородская, Самарская, Ульяновская, Калужская, Челябинская, Московская, Калининградская области, Татарстан, столицы;
- нефтехимия: Татарстан, Башкортостан, Нижегородская, Московская, Самарская, Ярославская области, г. Москва.

Доминирование одной отрасли может ограничивать долгосрочную трансформацию экономики и появление новых отраслей. Возникает так называемый *эффект блокировки*. Например, сырьевые отрасли создают относительно слабый спрос на новые технологии, а соответственно и новые компании. Долгосрочные темпы роста богатых ресурсами экономик могут быть ниже среднемировых (Тамбовцев, Валитова, 2007; Полтерович и др., 2007; Dobrynskaya, Turkisch, 2010; Росс, 2015; Безруков, 2022) из-за моноспециализации, чрезмерной зависимости от мировой конъюнктуры и крупнейших компаний, оттока кадров из технологичных в наиболее рентабельные сырьевые компании («голландской болезни»), снижения качества институтов из-за доступа к природной ренте («ресурсное проклятье»), накопления экологического ущерба (Земцов и др., 2020). В сырьевых регионах¹³² высока стоимость труда для малого несырьевого бизнеса, а монополизация местных рынков позволяет влиять на появление новых компаний-конкурентов. Поэтому число стартапов меньше в регионах вблизи добычи угля (Glaeser et al., 2015; Fritsch, Wyrwich, 2018), например в Кемеровской области возможности развития стартапов ограничены из-за оттока технологических предпринимателей из неблагоприятных экологических и социальных условий. С другой стороны, в сырьевых центрах обычно выше доходы населения, что стимулирует создание массовых сервисных МСП, а также специализированных производств для добычи и переработки сырья (Максименко, 2023).

¹³² Выводы редко проверялись на уровне регионов (Ивахненко, 2023). В России значительная часть нефтяной ренты изымается в федеральный бюджет и распределяется между всеми регионами. Доля неформального сектора в северных добывающих центрах не выше среднего. А плотность малого бизнеса в регионах с высокой долей добывающих отраслей в ВРП даже выше благодаря высокому потребительскому спросу (Барина и др., 2018b).

Институциональные и социокультурные условия для предпринимателей в регионах

Трансакционные издержки по взаимодействию с государством и другими контрагентами могут быть довольно высоки для предпринимателей¹³³ в отдельных регионах. Подобного рода издержки зависят от совокупности институциональных условий, сложившихся на территории ведения бизнеса (North, 1990; Baumol, 1993; Полтерович, 2007; Шаститко, 2008; Шаститко, 2009; Нуреев, 2010; Солодилова и др., 2014). *Институты* – это нормы, правила, порядки, или «правила игры», которые могут быть формальными, то есть в форме договоров, законов, регламентов и т. д., и неформальными в форме социальных норм, традиций, обычаев, представлений и т. д.

Для регионального развития важно, чтобы институциональные условия были постоянными и равными для всех участников предпринимательской деятельности¹³⁴ (Acemoglu, Robinson, 2012; North et al., 2009), то есть инклюзивными¹³⁵, достаточно долгий промежуток времени. *Инклюзивные институты* (или порядки открытого доступа) обеспечивают всем гражданам равные права для приложения труда и капитала, недискриминационный доступ к рынкам всем экономическим агентам, а соответственно способствуют максимальному вовлечению населения в конструктивную предпринимательскую активность. Примером являются законы по защите прав собственности¹³⁶, всеобщий доступ к образованию и др. *Экстрактивные институты* (или порядки закрытого доступа) формируются, когда есть возможность извлекать ренту из некоего ресурса и перераспределять богатство в пользу ограниченного круга лиц (Полтерович, 2018). К такого рода институтам, например, относится рабство, основанное на эксплуатации труда невольников плантаторами (Nunn, 2008). Экстрактивные институты могут подавлять частную предпринимательскую инициативу, препятствуют созидательному разрушению устаревших технологий, могут стимулировать

¹³³ Издержки на формальное взаимодействие: подписание документов, получение лицензий, обращение в суд и т.д. растут по мере увеличения требований государства, а также в плохом деловом климате, где для снижения рисков приходится использовать множество договоров, страхование, нанимать адвокатов, охранные организации и т.д.

¹³⁴ Взаимосвязи институтов, предпринимательства и регионального развития сложны (Acemoglu et al., 2005). Европейские колонизаторы в регионах, где были тяжелые природные условия, болезни и доступны местные трудовые ресурсы, создавали колонии с экстрактивными институтами, извлекая ренту из работорговли и эксплуатации рабов на крупных поместьях: на юге США, в Латинской Америке, в Африке – эти территории экономически менее развиты, в них высокий уровень неравенства и бедности. А в регионах с низкой плотностью жителей, но схожими для европейцев природными условиями они формировали равные права и обязанности (инклюзивные экономические и политические институты) с вовлечением всех переселенцев в деловую активность и управление; сегодня это более развитые территории: Север США, южная часть Канады, побережье Австралии.

¹³⁵ Если принимается нормативно-правовой акт, то он не должен содержать персональных исключений. При преобладании экстрактивных («разделяющих») институтов элита стремится создавать благоприятные условия для себя и приближенных бизнесов. Например, во многих развивающихся странах существуют отраслевые монополии на продажу спирта, транспортировку или добычу полезных ископаемых. Могут быть введены особые налоговые и иные правила. Повышенные издержки для других предпринимателей будут вынуждать их уходить в теневой сектор или покидать страну. Классическим примером считается Венесуэла, где после национализации нефтяного бизнеса и введения преференций для госкорпорации PDVSA, накапливаются социально-экономические проблемы. При этом региональные исключения для многих бизнесов встречаются довольно часто, например особые экономические зоны.

¹³⁶ Проблемы прав собственности выносятся преимущественно за границы диссертационного исследования, хотя могут иметь довольно существенные последствия для развития предпринимательской деятельности.

переход потенциальных предпринимателей в неформальный сектор и деструктивные формы деятельности (Баумоль, 2013; Натхов, Полищук, 2017). При этом рента может на столетия способствовать сохранению подобных порядков ограниченного доступа, так, заинтересованность помещиков в сохранении поборов с крестьян отложило на столетия отмену крепостного права и другие реформы (Веселов, Яркин, 2022). Внедрение подобных институтов часто называют институциональной ловушкой. Крепостное право, широко распространённое в отдельных регионах, особенно в форме барщины, могло способствовать формированию культуры патернализма, избегания риска, что снижало предприимчивость сообществ (Аузан и др., 2017). Впрочем, это требует более строгого доказательства.

Удельные транзакционные издержки для начинающих предпринимателей и малого бизнеса выше, чем для крупных компаний (Soto, 2013) или бюджетных организаций в силу малого размера и ограниченного доступа к ресурсам¹³⁷, поэтому улучшение регуляторной среды для них столь важно. Среди *формальных институциональных условий* выделяют (Aidis, 2005; Djankov et al., 2005; Klapper et al., 2006; Van Stel et al., 2007; Aidis et al., 2008; Djankov, 2009; Nielsen, 2014; Aparicio et al., 2015; Anokhin, Schulze, 2009; Xheneti, Bartlett, 2012; Чепуренко, Яковлев, 2013; Rodríguez-Pose, 2013; Yukhanaev et al., 2015; Косарев и др., 2019):

- общая регуляторная среда: судебная система, соблюдение законов, уровень преступности¹³⁸, уровень защиты частной собственности и др.;
- административные барьеры: число, стоимость процедур и время, необходимое для регистрации, сдачи отчетности, прохождения проверок и др.;
- налоговые обязательства: объем, форма, процедуры и др.;
- доступность капитала: разнообразие инструментов кредитования, размер требований к капиталу, кредитные гарантии и др.;
- государственная политика, включая финансовую и нефинансовую помощь.

Для оценки динамики совершенствования формальных условий ведения бизнеса ранее традиционно использовался¹³⁹ рейтинг Всемирного банка «Ведение бизнеса» (*Doing Business*), в котором Россия к 2020 г. поднялась на 28-е место со 124-го в 2010 г. (World bank, 2020; Барина и др., 2020) (см. 5.2). Но для России измерения проводились только в г. Москве и г. Санкт-Петербурге. Поэтому Агентством стратегических инициатив (АСИ) для регионов разработан Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата (Freinkman, Yakovlev, 2015),

¹³⁷ Крупная корпорация может, например, потратить больше средств на споры и судебные разбирательства как с государством, так и другими контрагентами. Тем более, если это госкорпорация.

¹³⁸ На практике статистика по преступности зависит не только от регуляторной среды, строгости законов и неотвратимости наказания, но и от стимулов, искажающих работу правоохранительных органов (Шкляр, 2015). Уголовные дела в отдельных случаях могут использоваться как инструмент давления на предпринимателей.

¹³⁹ Всемирный банк отказался от ведения рейтинга после обвинений в манипулировании его результатами.

который служит инструментом не только оценки качества среды, но и сигналом для потенциальных инвесторов (Картаев, Полуниин, 2019) (рис. 8). Рейтинг оценивает регуляторную среду, формальные сроки и стоимость различного рода процедур, наличие инфраструктуры и инструментов поддержки малого бизнеса (Виленский, 2020а). Более благоприятные институциональные условия сложились в относительно развитых регионах с крупнейшими агломерациями, имеющих ресурсы и возможности для быстрого внедрения инвестиционных стандартов, внедрения инструментов поддержки предпринимателей: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Татарстан, Воронежская, Ростовская, Челябинская, Томская области и регионы с проактивными местными администрациями, ориентированными на развитие бизнеса, привлечение инвесторов: Белгородская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Тюменская, Ярославская, Ульяновская области и регионы.

Рисунок 8 – Формальные институциональные условия в регионах России в 2015-2018 гг.

Источник: расчеты автора по данным Национального рейтинга состояния инвестиционного климата АСИ. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/.

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Число предпринимателей в экономике зависит от уровня неопределенности и ее восприятия человеком (Kihlstrom, Laffont, 1979; Gohmann, 2012): наименее склонные к риску реже выбирают предпринимательскую карьеру. Институты определяют как желание стать

предпринимателем (Thornton et al., 2011; Lee et al., 2004; Aparicio et al., 2016; Eriksson, Rataj, 2019), так и восприятие рисков и возможностей. У предпринимателей нет стимулов к расширению и диверсификации бизнеса¹⁴⁰ в условиях повышенных инвестиционных рисков (Dutta, Sobel, 2016; Alexeev, Chernyavskiy, 2021). Поэтому внимание уделяется *неформальным институтам, социокультурным детерминантам* предпринимательской активности (Freytag, Thurik, 2007; Stephan, Uhlaner, 2010; Thai, Turkina, 2014; Tavassoli et al., 2021; Аузан, 2022):

- общие культурные нормы и общественные ценности, включая ценности выживания / самовыражения, традиционные / секулярно-рациональные (Inglehart, 2006); индивидуализм, дистанция власти, маскулинность, избегание неопределённости¹⁴¹, долгосрочная ориентация (Hofstede, 1980);
- уровень доверия между людьми и предпринимателями,
- число, характер и интенсивность социальных связей;
- преобладающие психологические характеристики: открытость, добросовестность (организованность), экстраверсия, дружелюбность, нейротизм (Tavassoli et al., 2021);
- отношение сообщества к предпринимателям;
- восприятие государственной политики и установленных законов, в частности, уважение со стороны граждан и государства к нормам и законам, восприятие коррупции;
- навыки ведения бизнеса и укорененность предпринимательства, то есть наличие опыта успешного ведения бизнеса у значительного числа граждан и связей между предпринимателями (Bosma, Schutjens, 2011; Aparicio et al., 2015; Guiso et al., 2021).

Недоверие между людьми, различия в ценностях оказывают наиболее негативное влияние, особенно на сложные (технологические) бизнесы, требующие взаимодействия большого числа контрагентов (Batjargal, 2003; Аузан и др., 2019; Земцов, 2020). Динамика некоторых социокультурных характеристик в России была неоднозначной (рис. 9) (Земцов, 2020)¹⁴². Открытие и ведение бизнеса как деятельности с высокими рисками невозможны без доверия между контрагентами. В странах, где выше уровень доверия к другим людям, также выше и предпринимательская активность, и темпы роста экономики, например в Китае, Индии, Вьетнаме, Южной Корее, Малайзии и др. В Швеции – одном из лидеров по развитию предпринимательства – более 60% жителей считали, что незнакомым людям в целом можно доверять. В России только 25% респондентов в 2023 г. (26% - в 2008 г.), хотя среди

¹⁴⁰ Если риски для инвестиций в регионе высоки, и возможно не только лишение прибыли, но и физический ущерб, то предприниматели склонны сокращать вложения в основные средства и вести бизнес в наименее капиталоемких, простых бизнесах (например, торговля), позволяющих быстро покинуть проблемную территорию.

¹⁴¹ Рискориентированное поведение, граничащее с фатализмом, с которым в мире ассоциируется Россия («русская рулетка»), не всегда помогает в бизнесе, где важен просчитанный риск и способы его митигации.

¹⁴² Частично использованы материалы статьи: Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Том 46, № 2. С. 168–180.

предпринимателей – более 50%. В ряде регионов России общее значение еще ниже (Аузан и др., 2017; Брызгалин, Никишина, 2020). Доверяют предпринимателям 22% жителей страны.

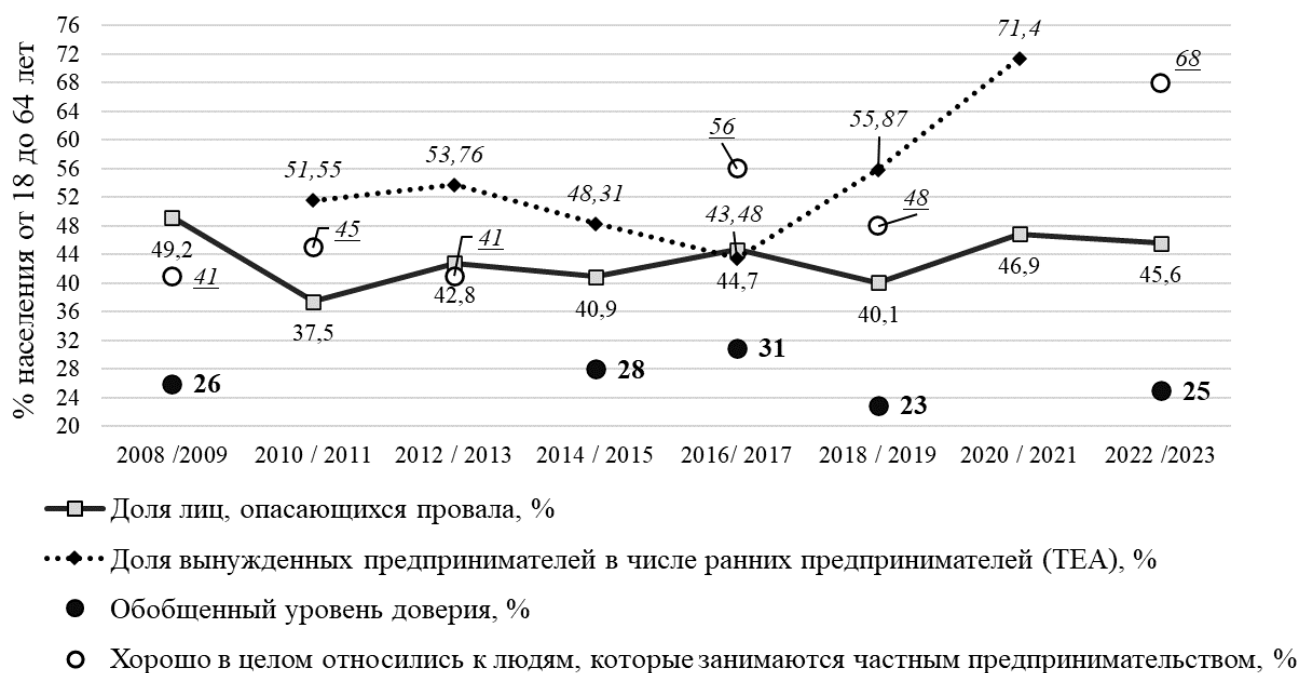

Рисунок 9 – Изменение социо-культурных характеристик в России.

Источник: составлено автором для первых двух показателей по данным (Верховская и др., 2021; Верховская и др., 2023), для последних двух – ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-monitoring>.

Отношение населения к МСП в целом улучшается, люди хуже воспринимают крупный бизнес, который ассоциируется с олигархией: в 2023 г. 68% хорошо относились к частному предпринимательству, что является рекордным значением. Соотношение доверяющих/не доверяющих предпринимателям респондентов росло в последние годы (Земцов, 2020). Больше предпринимателям доверяли молодые люди с хорошим материальным положением. При этом 62% граждан ранее считали, что вести честный бизнес в России нельзя. Уровень престижности профессии предпринимателя высокий, уступая по популярности врачам и ученым.

Региональные сообщества различаются по социокультурным характеристиками, в частности по склонности к принятию реформ (Аузан и др., 2017). Например, она выше в Сибири, но ниже в Центральном Черноземье. Склонность к индивидуализму в Новосибирской области, осваиваемой различными волнами миграций, традиционно выше, чем в Орловской области, которая была одним из центров дворянства¹⁴³ и крепостничества (Аузан и др., 2017; 2019; Брызгалин, Никишина, 2020). Вероятно, в Сибири ценится опора на свои силы и предприимчивость в силу сурового климата и особенностей освоения пассионарными личностями.

¹⁴³ Так, с усадьбой Спасское-Лутовиново в Орловской области связан роман «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева.

В регионах со сформировавшейся культурой предпринимательства выше вероятность долгосрочного сохранения, то есть *персистентности* предпринимательской активности. Например, в Германии уровень деловой активности высок в тех же регионах (Берлин, Бавария, Северная Рейн-Вестфалия и т. д.), где он был выше до Второй Мировой войны (Fritsch, Wyrwich, 2018). В Польше (Fritsch et al., 2022) наблюдается положительная связь между высоким региональным уровнем наукоемкого предпринимательства в 1920-е годы и текущей стартап-активностью. Исторический запас знаний региональных сообществ стимулировал возрождение технологического бизнеса, а близость к университетам способствовала сохранению подобной культуры (Fritsch et al., 2019). Впрочем, определенную роль могло сыграть сбережение основных фондов и выгодное географическое положение вблизи современной Германии. Таким образом, даже радикальные изменения в советский и постсоветский периоды не привели к исчезновению исторических закономерностей размещения малых предприятий.

Высокие транзакционные издержки стимулируют создание крупных вертикально-интегрированных структур бизнеса для снижения рисков взаимодействия, а улучшение институциональных условий позволяет формировать в регионах устойчивые горизонтальные связи малых и средних предприятий (Scott, Storper, 1987; Кузнецова и др., 2017).

Особенность региональной институциональной среды России также связана с высоким уровнем централизации бюджетно-налоговой системы (Зубаревич, 2010; Климанов, 2011; Лексин, Швецов, 2016; Климанов, Михайлова, 2021), при которой региональные и муниципальные власти имеют недостаточно финансовых полномочий для стимулирования предпринимательской деятельности. В целом более проактивные и компетентные власти регионов активнее участвуют в различных федеральных программах (см. п. 5.2), в т.ч. на своей территории создают различного рода институты развития¹⁴⁴ и преференциальные режимы для предпринимательства (Виленский, 2015): особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего развития (ТОР) и др., стимулируют горизонтальные связи, например через различные кластерные инициативы.

Более богатые регионы способны предоставлять больше преференций предпринимателям, например г. Москва. Многие бизнесы из-за высокой централизации институтов (Зубаревич, 2010; Безруков, 2018) стремятся регистрироваться не в местах фактической деятельности¹⁴⁵, а в г. Москве вблизи органов управления, где есть больший доступ к финансовым, политическим и иным ресурсам, что еще сильнее искажает распределение экономической активности в России.

¹⁴⁴ К таковым следует отнести корпорации развития, например в Калужской, Нижегородской, Ульяновской и других областях, стимулирующие проекты малого бизнеса. Для наиболее проблемных территорий федеральными властями создавались межрегиональные институты развития – АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» и АО «Корпорация развития Северного Кавказа» (ликвидирована).

¹⁴⁵ Не решило проблемы введение консолидированной группы налогоплательщиков (Ильин, Поварова, 2019): из топ-400 крупнейших компаний страны порядка 60% располагали штаб-квартирами в столичном регионе.

Региональная доступность капитала для открытия и ведения бизнеса

Уровень развития финансовых институтов, а соответственно доступность заемных средств, выделяется из общего числа институциональных факторов, т.к. сильно связан с одним из фактором производства – капиталом. Чтобы открыть свой бизнес и стать предпринимателем (Evans, Jovanovic, 1989; Banerjee, Newman, 1993), индивиды должны занять деньги в размере, не превышающем их первоначальные активы; заёмщики станут предпринимателями, если их доход за вычетом погашения капитала превышает их заработок от оплачиваемой работы. При слабом развитии финансовых рынков и малых личных активах вероятность открытия бизнеса невысока¹⁴⁶. Причем следует учитывать риски и издержки смены карьерной траектории.

Доступность внешних источников финансирования приводит к увеличению числа фирм (Rajan, Zingales, 1998; Acemoglu, 2000; Nielsen, 2014; Aparicio et al., 2015; Заздравных, 2023; Мишура, 2024). В качестве прокси для оценки могут использоваться: доля населения, имеющего банковские кредиты, объем кредитования МСП, степень разнообразия финансовых инструментов и т.д. Довольно высокое 25-е место России в рейтинге «Ведение бизнеса» в блоке «получение кредитов» обусловлено высоким индексом уровня защиты кредитных операций (World Bank, 2020)¹⁴⁷ – 9 баллов из 12 (6,1 в среднем по странам ОЭСР), что не учитывает уровень ставок или долю отказов в кредитовании.

Для оценки на уровне регионов России применялся индекс обеспеченности банковскими услугами (Барина и др., 2018b; Антонова и др., 2020), отражающий уровень развития банковского кредитования, а косвенно – процентные ставки в зависимости от степени конкуренции банков. Усиление давления со стороны регулятора на банки привело к снижению их числа в регионах (рис. 10–11); при этом местные банки кредитовали преимущественно МСП. Максимальные значения индекса обеспеченности банковскими услугами в регионах с высоким уровнем урбанизации, где рыночные институты развивались быстрее благодаря большей концентрации и доходам населения, крупного бизнеса. Это г. Москва, г. Санкт-Петербург, Калининградская, Свердловская, Ростовская, Ярославская и Московская области. Наименьшие значения наблюдаются в слаборазвитых регионах Северного Кавказа и юга Сибири, где ниже доходы населения и более консервативная среда¹⁴⁸, пониженные значения – в ряде старопромышленных (Тверская, Смоленская, Коми, Курганская области) и удаленных регионов (Забайкальский край, Бурятия, Ненецкий АО). Концентрация банковской системы в столице может ограничивать возможности кредитования МСП (Агеева, Мишура, 2019).

¹⁴⁶ В России к регионам с низким уровнем доходов жителей и слабым развитием финансовой сферы можно отнести, например Республику Ингушетию, где плотность малого бизнеса ожидаемо невысока.

¹⁴⁷ Включал индекс уровня защиты кредитных операций (0–12); индекс кредитной информации (0–8); охват кредитным реестром (% взрослого населения); охват кредитным бюро (% взрослого населения).

¹⁴⁸ Определенные ограничения развитию традиционной банковской сферы могут вносить религиозные нормы в мусульманских регионах Северного Кавказа. Впрочем, исламский банкинг активно развивается в последние годы.

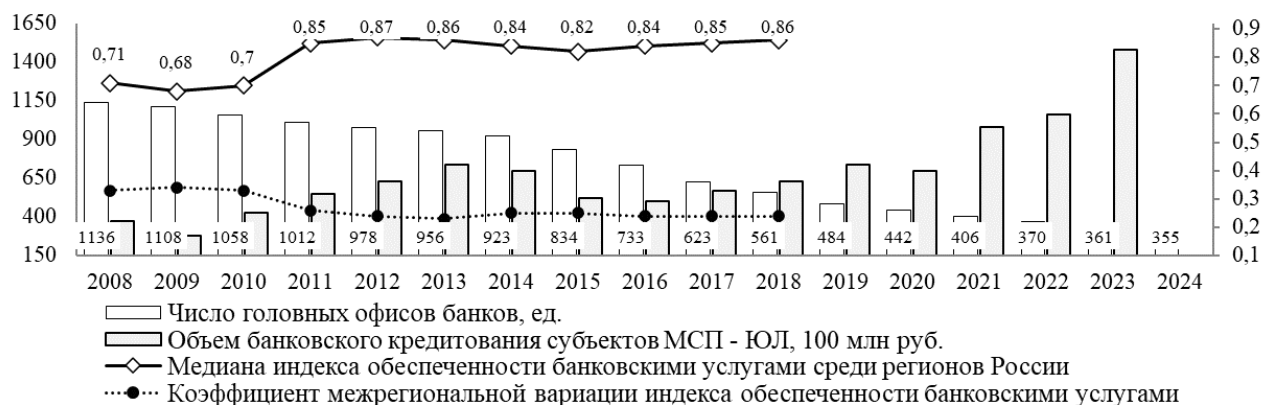

Рисунок 10 – Некоторые индикаторы развития банковской системы в России.

Источник: по последним имеющимся данным Банка России.

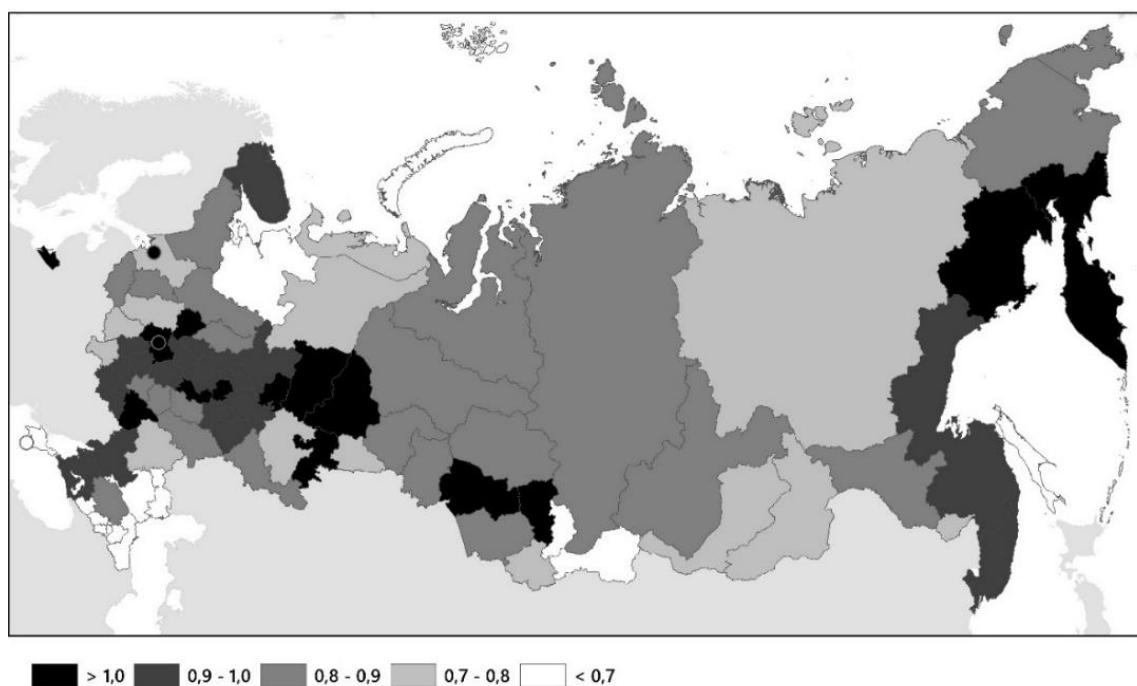

Рисунок 11 – Индекс обеспеченности банковскими услугами в регионах России.

Источник: расчёты автора по последним доступным данным Банка России на 2018 г.

Примечание: картосхема составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Для технологических стартапов важны венчурные фонды, т.к. новые компании часто не могут получить кредиты в банках: отсутствует залог, проблемы с оценкой интеллектуальной собственности и т. д. (Баринова и др., 2015с). Доля венчурного рынка в ВВП России не превышает 0,008%, а в странах ОЭСР она на порядок выше – 0,08%. Около 21% опрошенных технологических предпринимателей в Российской Федерации имели внешних инвесторов, но лишь у 2%¹⁴⁹ — это венчурные фонды (Земцов, 2022b).

¹⁴⁹ Поэтому в России созданы многочисленные институты развития, призванные финансировать венчурные проекты (Земцов и др., 2019), но их эффективность с точки зрения создания стартапов в регионах неочевидна, а у Фонда «Сколково» и РВК большая часть выделенных средств приходилась на Москву.

Уровень образования региональных сообществ и накопление предпринимательских компетенций

Для открытия нового предприятия требуется определённый набор способностей, навыков и компетенций (*предпринимательский капитал*) (Lucas, 1978). Индивиды с разными способностями принимают решение о занятости, максимизируя свою полезность в зависимости от заработка. Часть людей со способностями ниже маржинальной становятся наемными работниками, получая заработную плату или самозанятыми (Li, Zhao, 2011); более способным предпринимателям удастся управлять более крупными фирмами. Считается, что чем больше лет формального образования получил человек, тем более он компетентен, но это далеко не всегда означает наличие способностей к открытию бизнеса. В отдельных эмпирических статьях прослеживалась положительная связь между уровнем образования¹⁵⁰ и ростом предпринимательской активности (Acs, Armington, 2004; Fritsch, Noseleit, 2013).

Поэтому важно совершенствование системы образования (Verheul et al., 2002; Raposo, Do Raço, 2011; Чепуренко, 2012). Повышение уровня «предпринимательской» грамотности среди населения и введение специализированных курсов по ведению бизнеса в вузах и колледжах положительно влияет на предпринимательские намерения выпускников, то есть увеличивает вероятность выбора предпринимательской карьерной траектории (Djankov, 2006; Nielsen, 2014; Levie, Autio, 2008; Чепуренко, 2017; Духон и др., 2018).

Человеческий капитал, связанный с уровнем образования жителей, – значимый фактор регионального развития в России на протяжении столетий (Didenko et al., 2013; Bozhechkova et al., 2024). Развитие предпринимательства в городах исторически определялось накопленным в них человеческим капиталом (Glaeser et al., 2014). В качестве переменной для оценки уровня образования часто используют среднее число лет обучения занятых (Штерцер, 2006; Rodriguez-Pose, Crescenzi, 2008; Stuetz et al., 2013; Земцов, Смелов, 2018):

$$H = \sum n_c \times Y_c, \quad (5),$$

где: n_c – доля занятых, находящихся в образовательном цензе c ; Y_c – число лет обучения для достижения образовательного ценза c : 17 лет – высшее, 14 – неполное высшее, 13,5 – среднее профессиональное, 11 – среднее полное, 9 – основное общее, 4 – начальное общее.

В России среднее число лет обучения занятых в 2022 г. – 13,85 лет; для сравнения в 2000 г. этот показатель составлял 12,6 лет. Рост связан с повышением охвата высшим образованием за счет увеличения числа частных вузов и их филиалов. К сожалению, эти процессы могли вести к снижению качества обучения (Божечкова и др., 2019). В г. Москве и г. Санкт-Петербурге,

¹⁵⁰ Сообщества с высоким уровнем образования могут быть более открытыми к новым идеям, в них развивается креативное предпринимательство (Lee et al., 2004). В целом наблюдается переход от конкуренции стран за инвестиции к конкуренции регионов и городов за творческих профессионалов (Florida, 2008).

Московской и Самарской областях значение показателя выше, чем в других регионах, благодаря большому числу крупных университетов, требующихся для обеспечения высокотехнологичного сектора экономики (Земцов, Комаров, 2011; Zemtsov et al., 2023). Ниже значения в регионах, где структура экономики не требует привлечения большого числа высококвалифицированных специалистов: Забайкальский край, Хакасия, Алтай, Дагестан и др.

Роль человеческого капитала и научного потенциала особенно важна при создании стартапов (Lasch et al., 2013; Qian et al., 2012; Del Monte, Pennacchio, 2020). Более 95% основателей стартапов имели высшее образование, набирая соответствующую по квалификации команду (Wright et al., 2007). Центрами зарождения стартапов часто становятся университеты¹⁵¹, научные центры¹⁵² и исследовательские отделы крупных компаний, требующие и готовящие высококвалифицированных профессионалов (Guerrero et al., 2016; Cherpurenko et al., 2019; Fritsch, Wyrwich, 2019). Университеты привлекают в регион лучшие умы, творческих профессионалов, потенциальных предпринимателей, накапливают знания и компетенции, обучают специалистов (Земцов и др., 2015; Varinova et al., 2022). Они создают новые знания (научные публикации, патенты), которые потенциально могут стать основой создания компаний. Так называемые предпринимательские вузы¹⁵³ специализируются на поддержке стартапов, вводят специализированные курсы и формируют вокруг себя соответствующую инфраструктуру: бизнес-инкубаторы, технопарки, центры коммерциализации технологий и т. д. Со временем происходит постепенное «укоренение» технологического предпринимательства в региональном сообществе¹⁵⁴. При этом исторически университеты могут формировать культуру познания и созидания в региональных сообществах (Chatterton, 2000; Земцов, Царева, 2023).

В России большинство вузов в регионах не ориентированы на научно-исследовательские и предпринимательские функции (Земцов и др., 2015; Божечкова и др., 2019; Zemtsov et al., 2021), поэтому не сформировали вокруг себя соответствующей предпринимательской экосистемы. Хотя более половины российских студентов вузов хотели бы открыть бизнес через пять лет после выпуска (в мире – 38%) (Shirokova et al, 2016), в их университетах большинству из них не предлагалось специализированных курсов по предпринимательству (Духон и др., 2018). Исключением можно считать университетские предпринимательские экосистемы двух столиц, в Томской, Новосибирской, Свердловской областях, Приморском крае, Татарстане.

¹⁵¹ Примерами компаний, созданных выпускниками вузов, можно назвать: Revolut, Acronis, Merlion, Atlas (МФТИ), Vk, Telegram (СПбГУ), Genotek, AppScience, RBS (МГУ), Miro (НИУ ВШЭ), ООО «Бифорком Тек» (МГТУ).

¹⁵² Например, ПАО «Вымпел-Коммуникации» и РТИ имени А. Л. Минца, АО «Интерскол» на базе ВНИИСМИ.

¹⁵³ В России к таким вузам можно отнести Московский физико-технический университет (МФТИ), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) и некоторые другие.

¹⁵⁴ Около 44% стартапов в мировой выборке (Zemtsov et al., 2021) сосредоточены в Калифорнии и Массачусетсе – предпринимательских экосистемах, сложившихся первоначально вокруг Стэнфордского и Массачусетского технологического университетов (Saxenian, 1996). Роль университетов трудно переоценить; так, выпускники Стэнфорда уже создали более 50 компаний-«единорогов» из примерно 270 во всем мире (≈19%).

Внутренний спрос в регионах на продукцию и услуги предпринимателей

Местный спрос на услуги и продукцию предпринимателей, а соответственно и на новые предприятия определяется доходами домохозяйств, а косвенно может оцениваться через ВРП на душу населения. Во-первых, регионы с более богатыми жителями имеют больше возможностей для открытия бизнеса¹⁵⁵ (Evans, Jovanovic, 1989; Robson, 1998) и кредитования. Во-вторых, более богатое население потребляет более разнообразные товары и услуги¹⁵⁶, что формирует новые рыночные ниши для МСП (Барина и др., 2018b)¹⁵⁷. Этот эффект можно назвать «*рыночным притяжением*» (от англ. market pull). В России реальные доходы населения снижались с 2014 по 2018 гг., а также в 2020 и 2022 гг., в 2023 г. росли. С 1998 по 2022 гг. доходы выросли максимально в менее развитых регионах Северного Кавказа из-за эффекта низкой базы, в крупных агломерациях: Краснодарский край, Московская, Новосибирская, Ленинградская области, Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург, в центрах добычи нефти и газа: Ненецкий АО, Сахалинская обл.

Рост ВРП на душу населения – косвенный показатель увеличения платежеспособности населения и объема внутренних рынков, в т.ч. со стороны крупного бизнеса (Reynolds et al., 1994). В России удельный ВРП выше в нефтегазодобывающих центрах и крупнейших агломерациях. Но связь с предпринимательской активностью может иметь U-образный характер (Thurik, 1999; Bosma, Levie, 2010): предпринимательская активность выше в слаборазвитых странах и регионах из-за распространения вынужденного предпринимательства. При этом предпринимательская активность влияет на региональное развитие (Audretsch, Keilbach, 2004; Fritsch, Storey, 2014; Земцов, Смелов, 2018), то есть связь двунаправленная.

С другой стороны, средний уровень зарплат на крупных предприятиях и в бюджетном секторе может отрицательно повлиять на уровень занятости в МСП, поскольку получение заработной платы является альтернативой ведению предпринимательской деятельности. Новые и малые фирмы не могут предложить конкурентоспособную зарплату и сопоставимые с крупными и государственными компаниями условия труда в большинстве регионов России. Увеличение зарплат на крупных предприятиях может стимулировать переход из самозанятых в наемные работники (van Stel, Storey, 2004).

¹⁵⁵ На уровне конкретного индивида и в биографии наиболее успешных (и богатых) предпринимателей нередко существенную роль сыграл тот факт, что они родились в богатой и/или влиятельной семье: Илон Маск, Билл Гейтс, Уоррен Баффет и другие.

¹⁵⁶ В соответствии с идеями Дж. Кейнса увеличение доходов населения, в т.ч. за счет государственных стимулов, должно способствовать росту спроса при стабильном значении нормы сбережения (Кейнс, 1978). Причем в отдельных случаях, например при поддержке более бедных слоев населения в менее развитых регионах, возможен рост спроса на более дешевую продукцию и услуги малого бизнеса.

¹⁵⁷ Доходы россиян и доля в них доходов от предпринимательской деятельности почти ежегодно сокращались с 2014 года (Барина, Земцов, 2019), но в 2022–2023 гг. наблюдался заметный рост. При этом доходы от предпринимательской деятельности в среднем не превышают 13–14%. В опросы Росстата не попадают богатейшие слои населения, в т.ч. владельцы крупнейших компаний.

Безработица и предложение на региональных рынках предпринимательских услуг

Уровень безработицы¹⁵⁸ – один из косвенных индикаторов потенциального предложения предпринимателей на рынке (Storey, 1991; Reynolds et al., 1994; Santarelli et al., 2009), но влияние неоднозначно: безработица может подталкивать людей к занятию бизнесом в поисках дохода, так и снижать финансовые возможности жителей для открытия бизнеса (Verheul et al., 2002; Fritsch, Falck, 2007; Fritsch, Storey, 2014; Баринова и др., 2018; Заздравных, 2023). В периоды кризисов¹⁵⁹ повышение безработицы сокращает возможности для оплачиваемого труда, что подталкивает людей к *вынужденному предпринимательству* и самозанятости (Li, Zhao, 2011). Механизм часто называют «давлением безработицы» (от англ. unemployment push). Впрочем, большинство вынужденных предпринимателей стремятся позднее перейти в категорию наемных работников.

С другой стороны, во время высокой безработицы в регионе спрос на продукцию и услуги предпринимателей будет низким (см. предыдущий подпункт), что сокращает их доходы, доступность капитала и увеличивает вероятность банкротства. Более того, на уровне индивида безработица может ассоциироваться с недостаточным уровнем человеческого и финансового капитала, необходимого для начала своего бизнеса. Таким образом, может происходить вытеснение индивидов из числа предпринимателей и официальной занятости в неформальный сектор. Бывший предприниматель или безработный становятся незарегистрированными самозанятыми, а конструктивная предпринимательская активность снижается.

Для открытия фирмы необходимы время и благоприятные условия (Faria et al., 2010), то есть высокий уровень безработицы если и окажет положительное влияние, то лишь в последующие годы. Нельзя не упомянуть и обратную зависимость: предпринимательская активность влияет на установление более высокого уровня занятости (Fonseca et al., 2001).

Регионы России существенно различаются по уровню безработицы. Минимальный уровень во многих регионах, особенно центрах обрабатывающей промышленности, таких как Челябинская, Владимирская, Тульская области, достигнут в 2022 г. Но если рассматривать среднее значение за постсоветский период, то наименьшие значения наблюдались в столичных регионах и нефтедобывающих центрах, а наибольшие – в менее развитых регионах Северного Кавказа.

¹⁵⁸ Важно различать оценку безработицы по опросам населения по методике Международной организации труда (МОТ) ООН и уровень официально регистрируемой безработицы центрами занятости. В первом случае оценивается вся совокупность людей, которые хотят, но не могут найти работу, а во втором – только те, кто отчаялся – и хочет получить пособие по безработице. Во втором случае показатель сильно зависит от решений властей, в т.ч. от доступности пособий и не подходит для целей исследования.

¹⁵⁹ В периоды кризисов при закрытии крупных предприятий и оптимизации бюджетных учреждений одновременно также может увеличиваться доступность поддержанного капитального оборудования, что дополнительно может снижать барьеры входа. При этом возможности выйти из бизнеса ограничены из-за отсутствия альтернатив, поэтому число исходных предпринимателей не всегда сокращается (Santarelli et al., 2009).

Новые технологии и предпринимательский поиск в регионах

Научно-технологические характеристики регионов влияют на их развитие (Rodríguez-Pose, Crescenzi, 2008; Земцов, Комаров, 2016; Бабурин, Земцов, 2017; Kaneva, Untura, 2019) и деловую активность. Технологически сложные отрасли с более глубоким разделением труда порождают большой поток стартапов, поэтому изменения предпринимательской активности в регионе могут быть связаны со сменой технологий (Acemoglu et al., 2002), соответственно в многоукладных экономиках с углубленным ТРТ плотность малого бизнеса должна быть выше¹⁶⁰.

Создание новых технологий концентрируется в центрах, где сосредоточены все значимые стадии инновационного цикла, соответствующие подсистемам *региональной инновационной системы*¹⁶¹ (п. 1.3.) (Cooke, 1991; Asheim et al., 2011; Земцов и др., 2015; Бабурин, Земцов, 2017). Их взаимодействие порождает пространство инноваций (Макаров и др., 2016): большее число агентов ведет к более интенсивному взаимодействию (формулы 7, 8), ускорению создания и распространения новых продуктов за счет взаимного обучения, перетока знаний¹⁶² (Zemtsov, Kotsemir, 2019; Zemtsov, 2024). Технологичное предпринимательство требует большой концентрации ресурсов и вовлечения большого числа заинтересованных лиц¹⁶³ (стейкхолдеров): предпринимателей, изобретателей, ученых, инвесторов и т.д. Важны прочные связи в благоприятных условиях: комфортное городское пространство, плодотворный деловой климат, творческое окружение и т. д. Столь разнообразные функции и условия одновременно встречаются в ограниченном числе мест, в так называемых *мильё* (Camagni, 1991; Löfsten, Lindelöf, 2002; Malecki, 2018). Примерами могут быть: Кремниевое вали (Израиль), Бавария (Германия), Иннополис (Татарстан, Россия), Чжангуаньцзунь (Пекин, Китай) и многие др.

Научно-технологические изменения создают основу для появления новых компаний, новых продуктов, новых рыночных ниш (Zahra, Liu, 2023; Земцов, 2024), хотя некоторые отрасли могут сокращаться, трансформироваться и даже исчезать (Berger, Frey, 2017; Zemtsov, 2020). Соответственно создаются возможности для предпринимательского поиска в одних территориях,

¹⁶⁰ Более того, вертикальная интеграция целесообразна на низком технологическом уровне развития страны и региона для заимствования массовых технологий, предполагающих рутинные процедуры в рамках крупных компаний. На стадии же разработки собственных технологий вблизи глобальной технологической границы требуется конкуренция и инновационная активность многочисленного числа стартапов (Acemoglu et al., 2002; Баумоль, 2013).

¹⁶¹ В сфере высоких технологий понятия региональная инновационная система и предпринимательская экосистема дополняют друг друга, т. к. новые технологии часто первыми начинают внедрять технологические стартапы (Баумоль, 2013), а без предпринимательского капитала невозможно внедрение нового продукта на рынке.

¹⁶² Переток знаний между изобретателями и предпринимателями наиболее интенсивно происходит в территориально ограниченных ареалах. Например, число патентных цитат кардинально убывает при увеличении расстояния между ними выше 300 км (Murata et al., 2014). При этом перетоки знаний, идущие от университетских и научных центров, влияющие на инновационную активность компаний еще более локализованы: 20–30 км (Holl et al., 2023). Существенная часть знаний лежит в области неcodифицируемого *неявного знания*, а передается оно лишь через сообучение, личную кооперацию и сотворчество, например от венчурного инвестора – к начинающему предпринимателю и т. д. В венчурной сфере существует правило «5 миль», когда инвестор должен находиться в непосредственной близости от стартапа, чтобы быть эффективным наставником (Cumming, Dai 2010).

¹⁶³ Современные стартапы должны как минимум включать визионера-предпринимателя, инженера-изобретателя и программиста (Ковалевич, Щедровицкий, 2016).

а сокращаются – в других¹⁶⁴ (Hall, 1988). Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и связанные с ними перспективные рынки – наиболее быстроразвивающаяся сфера, порождающая как возможности, так и риски¹⁶⁵ (Sorgner, 2017; Moretti, 2021; Berger, Frey, 2017; Zemtsov et al., 2019). Среди факторов размещения новой экономики: агломерационные эффекты, интенсивность использования интернета и массовый поток студентов. Поэтому крупные агломерации с разнообразием творческой деятельности и крупными вузами, специализирующимися на STEM¹⁶⁶-специальностях (например, Москва, Санкт-Петербург, Казань и др.), будут выигрывать в глобальной конкуренции за предпринимателей¹⁶⁷. Особое значение приобретает доступ к интернету. Цифровое неравенство – это не только техническая доступность ИКТ, но и умение использовать цифровые технологии, в т.ч. в бизнесе. В России вблизи крупнейших агломераций условия лучше, но во многих поселениях Дальнего Востока, Северного Кавказа все еще отсутствует доступ к широкополосному интернету, а предприниматели не используют современные ИКТ, например ИИ (Zemtsov et al., 2022b).

Внедрение цифровых технологий приводит к значительной минимизации транзакционных издержек за счет электронного документооборота, «уберизации» услуг, то есть способствует снижению затрат предпринимателей на взаимодействие с государством, поставщиками и потребителями (Fossen, Sorgner, 2021). Доступ к цифровым платформам («Авито», You.Do, «ЯндексМаркет» и др.) способствует созданию большого числа новых бизнесов, растет охват потенциальных клиентов, расширяются возможности выхода на мировой рынок (OECD, 2021; Zemtsov et al., 2021; Zemtsov et al., 2022): продукция из малых населенных пунктов может распространяться почти повсеместно. Например, разработка платформы Alibaba позволила создать и расширить миллионы малых предприятий по всему миру (Jin, Hurd, 2018).

Снижение издержек на коммуникации в цифровой экономике ведет к повсеместному распространению возможностей для массового предпринимательства, но при этом повышает концентрацию технологических стартапов из-за глобальной миграции высококвалифицированных кадров и капиталов в места (страны, регионы, города) с наиболее благоприятным сочетанием условий (Florida et al., 2008). Творческим профессионалам важно быть рядом друг с другом и взаимодействовать с такими же как они.

¹⁶⁴ Цифровизация, автоматизация рабочих мест может снижать занятость на крупных предприятиях, стимулируя вынужденное предпринимательство (Zemtsov et al., 2020; Земцов, 2017; 2019). Например, автоматизация на «АвтоВАЗе» в Тольятти привела к росту местной «гаражной экономики».

¹⁶⁵ Риски связаны с неоднозначным влиянием ИИ, роботов рынок труда, рост неравенства (Земцов, 2024; Zemtsov, 2024). Чрезмерная роль технологий и богатейших технологических предпринимателей в сознании масс и политике также вызывает беспокойство (Аджемоглу и др., 2024). Технологические монополии порождают чрезмерное социальное расслоение и неограниченную власть немногих; использование достижений прогресса для созидательной или деструктивной деловой активности зависит от институциональных условий.

¹⁶⁶ STEM – наука, технологии, инженерные технологии, математика

¹⁶⁷ В России и по всему миру создаются крупные университетские кампусы (технологические долины), в которых сочетаются образовательные, научные и предпринимательские компетенции (Комаров и др., 2016).

Краткие выводы

Предпринимательство как общечеловеческая деятельность и внеисторическая категория зародилось вместе с добровольным обменом созданных или привнесенных на некоторую территорию¹⁶⁸ товаров и услуг (Hébert, Link, 2007). В современном понимании термин используется с конца XVIII в., чаще по мере развития хозяйственных отношений. Многие ученые и мыслители обращались к понятию «предприниматель» и близким ему аналогам, хотя оно и реже представлено в теоретическом дискурсе, чем связанный с ним термин «фирма»¹⁶⁹. В доминирующей неоклассической парадигме экономической теории предпринимательство эксплицитно почти не рассматривается, а часто завуалировано под абстрактными рыночными силами (Баумоль, 2013), в альтернативной эволюционной теории значимым объектом изучения служат фирмы (Nelson, Winter, 1982).

Можно выделить несколько подходов к определению термина «предпринимательство» (Naude, 2011), основанных на:

- функциях в экономике;
- моделях поведения индивидов¹⁷⁰;
- свойствах экономических агентов в соответствии с их статусом¹⁷¹.

В соответствии с тремя подходами «предпринимательство» может рассматриваться с точки зрения экономики, социологии и менеджмента. В рамках первого направления, раскрываемого в диссертационном исследовании, важен результат от действий предпринимателя как один из способов достижения социально-экономического развития: изучаются динамика и факторы развития МСП в стране или регионе (Барина и др., 2019; Пилясов, Замятина, 2020; Образцова, Чепуренко, 2020b; Виленский, 2021; Земцов и др., 2021). Во втором случае с помощью опросов и иных методов описываются модели поведения, мотивы предпринимателей как групп индивидов с их личностными особенностями (Чепуренко, 2013; Chepurenko et al., 2017;

¹⁶⁸ Для целей исследования важно, что эта деятельность изначально во многом пространственно обусловлена, так к ней нельзя отнести ведение натурального хозяйства в рамках небольшого территориально замкнутого сообщества.

¹⁶⁹ В теоретических моделях эти понятия могут быть довольно близкими. В статистическом анализе первое – это субъект экономики (контрагент), второе – это организационно-правовая форма (в отечественной литературе – предприятие). Во многом за неимением должной статистики изучаются конкретные экономические единицы, например фирмы, и агрегированные результаты их деятельности, например ВРП.

¹⁷⁰ Предприниматели ограничено рациональны, в т.ч. из-за асимметрии информации, и вынуждены действовать в условиях неопределенности. По своим мотивам предприниматель отличается от капиталиста, который максимизирует исключительно прибыль. Предприниматель, во всяком случае – конструктивный, может стремиться к удовлетворению своей потребности в созидании, а получаемый им доход может использовать для долгосрочного развития дела, а не для личного потребления.

¹⁷¹ Можно выделить как минимум *четыре статуса индивида* с характерными свойствами (Wennekers, Thurik, 1999): наемный работник, управленец, собственник и предприниматель, которые сложно переплетаются. В ИП и у самозанятых все свойства основатель обычно сочетает в себе, но по мере роста требуются наемные работники, привлечение капитала, позднее – менеджеры. С появлением совета директоров в акционерном обществе обязанности предпринимателя неким образом распределяются между наемным менеджментом, различными маркетинговыми и научно-исследовательскими подразделениями и акционерами, и даже могут быть утеряны.

Верховская и др., 2021). Третий подход изучает статус предпринимателя и его роль в управлении предприятиями, в т. ч. факторы их успешности (Бортник и др., 2015а; Юданов, Яковлев, 2018; Земцов, Чернов, 2019; Guseva, Stepanova, 2021).

Сложность определения значения термина «предпринимательство» связана частично с тем, что нет однозначно понятного и единственно присущего предпринимателям свойства. Важно отделять предпринимателя как экономического агента от владельцев капитала (капиталистов)¹⁷²; их отождествление привело к недооценке значимого фактора социально-экономического развития, особенно в России. Отличительные свойства связаны с трудно уловимыми и плохо формализуемыми действиями предпринимателя *по поиску, созданию и освоению новых рынков в условиях постоянной неопределенности*.

Роль предпринимательства часто ассоциируется с невидимой рукой рынка, то есть лежит в основе рыночных процессов территориальной организации экономической деятельности. Предпринимательство упорядочивает, в т.ч. в пространстве, и обеспечивает взаимодействие трех базовых факторов производства: труд, капитал и технологии. Поэтому в диссертации выделены четыре соответствующие роли предпринимательства (табл. 3) в региональной экономике.

Таблица 3 – Роль и функции предпринимательства в региональной экономике

Роль	Функции в региональной экономике
Организация пространства (пространственно-организационная)	– формирование центральных мест и зон их обслуживания: Й. фон Тюнен, В. Кристаллер, А. Леш, А. Вебер, Г. Хотеллинг, П. Кругман, М. Фуджита, Э. Венаблс, Ж.-Ф. Тисс, М. Сторпер, В.А. Шупер и др. – образование полюсов роста: Ф. Перру, Дж. Фридманн, Х. Гирш, Г. Мюрдаль, П. Кругман, Р. Бошма и др., в т.ч. через формирование кластеров: М. Портер, М. Энрайт, П. Маскелл, М. Лоренцен, И.В. Пилипенко, Е.С. Куценко и др. – поддержание долгосрочной устойчивости пространственных структур: Р. Мартин, М. Фрич, М. Белицкий, В.Л. Бабурин, А.А. Аузан и др.
Экономическая	– производство товаров и предоставление услуг: Р. Кантильон, Д. Одрич, А. Купер, М. Дежарден, М. Белицкий, Р. Турик, А.В. Виленский и др. – повышение производительности экономики за счет более эффективного распределения и использования ресурсов: Ж.-Б. Сэй, Дж. Милль, А. Маршалл, Т. Шульц, Р. Коуз, Э. Глейзер, А.А. Яковлев и др. – поддержание равновесных цен на рынках путем конкуренции и обеспечения соответствия предложения спросу: Р. Кантильон, И. Кирцнер, А.Е. Шаститко и др. – формирование сетей и институтов, обеспечивающих устойчивость ТСЭС: Э. Малецки, Р. Штернберг, Э. Стэм, Б. Асхайм, П.Я. Бакланов, А.Н. Пилясов и др.
Социальная	– создание рабочих мест и решение социальных проблем: Б. Йованович, М. Фрич, М. Белицкий, А.Ю. Чепуренко, Н.В. Зубаревич, А.В. Виленский, В.А. Барина и др.
Инновационная	– создание и распространение технологий, новых товаров и услуг: Й. Шумпетер, У. Баумоль, Т. Хегерstrand, З. Акс, Э. Саксениан, Д. Одрич, А.Ю. Юданов, Н.А. Кравченко, В.Л. Бабурин, А.Н. Пилясов и др. – адаптация экономики к быстро меняющимся условиям: Ф. Найт, П. Друкер, Р. Мартин, Р. Бошма, Ф. Маккан, Е.А. Коломак и др.

Источник: составлено автором.

¹⁷² Владельцами капитала могут быть венчурные инвесторы, банки, крупный бизнес в случае интрапренерства.

В социальных науках из разных составляющих складывается междисциплинарное направление – *теория предпринимательства, или энтрепреномика* (Thurik, 2009). В последние годы оно подвержено влиянию эволюционной парадигмы. Предпринимательская активность может рассматриваться как социально-экономическое явление¹⁷³, обладающее исторически устойчивыми характеристиками, но изменяемое под влиянием условий внешней среды и внутренних факторов. Долгое время эти теоретические построения не находили должной квантификации в пространственных исследованиях. Для этих целей может использоваться категория *конструктивного предпринимательства*¹⁷⁴, которое развивается из малых форм хозяйствования, обладающих способностью к масштабированию и потенциально высокой социально-экономической значимостью. Можно пойти далее и утверждать, что именно оно имплицитно выступает основным объектом пространственных исследований, т.к. большинство закономерностей размещения выполняются на уровне малых предприятий, а корпорации и государство могут преодолевать влияние традиционных факторов, неформальная же занятость подчинена иным закономерностям (Laing et al., 2022). Используемый в работе индикатор конструктивной предпринимательской активности, *плотность малого бизнеса* (Djankov et al., 2010; Барина и др., 2018b; Korosteleva, Belitski, 2017), является предметом исследований региональной экономики с точки зрения эволюционной парадигмы¹⁷⁵. Показатель сочетает возможность применения теорий региональной экономики о факторах размещения предприятий в сочетании с подходами эволюционной экономики к моделированию поведения фирм, сохраняя при этом связь с наработками из теории предпринимательства.

Региональные характеристики делового климата, выявленные в обзоре эмпирических исследований (табл. 1, п. 1.4), использовались для формулировки базовых (верхнеуровневых) гипотез. Предпринимательская активность в России может быть связана с:

- природно-географическими характеристиками территории и, как минимум, соседних регионов (пространственные эффекты);
- особенностями размещения населения и экономической активности, в частности проявлением агломерационных эффектов, наличием крупных рынков;
- структурными особенностями экономики, в частности ролью сырьевых отраслей;

¹⁷³ В диссертационном исследовании как объекты исследования рассматриваются не столько фирмы и предприниматели, сколько деятельность пространственно ограниченных (региональных) совокупностей предпринимателей, создающих относительно устойчивые и полужамкнутые популяции малых и средних предприятий, которые обладают исторически устойчивыми характеристиками и изменяются под влиянием условий внешней среды и внутренних факторов.

¹⁷⁴ Деструктивное и непроизводительное предпринимательство почти не рассматриваются в диссертационном исследовании, хотя также значимы для регионального развития (Acs, Desai, Hessels 2008; Strenze, 2013).

¹⁷⁵ В то время как выручка субъектов МСП относится к вопросам макроэкономики, занятость в субъектах МСП – к экономике рынков труда, а изучение характеристик предпринимателей – к социологии.

- историко-географической динамикой и связанными с ней социокультурными особенностями региональных сообществ;
- современными институциональными условиями, включая доступность капитала;
- уровнем образования занятых, а также наличием крупных университетов;
- внутрирегиональным спросом на продукцию и услуги предпринимателей;
- особенностями рынка труда, в т.ч. уровнем безработицы;
- технологическими сдвигами.

Значимость и сочетание этих детерминант могут существенно различаться между странами и регионами, а также во времени. Многие из них не имеют должной количественной оценки на региональном уровне в России и ранее не использовались в соответствующих статистических расчетах. При этом сложно отделить универсальные детерминанты социально-экономического развития¹⁷⁶ от тех, которые влияют исключительно на предпринимательскую активность, из-за большого числа взаимосвязей. Для некоторых переменных обнаруживается двунаправленная связь. Эволюционный подход в теории предпринимательства подталкивает исследователей к большему вниманию к долгосрочным (историческим) и пространственным закономерностям, что ранее редко встречалось в работах по предпринимательской тематике.

С возрастанием внешних вызовов для России характеристики предпринимателей, в частности их толерантность к риску, адаптивность, ориентированность на создание нового, позволяют рассматривать их как значимый фактор долгосрочного развития регионов, импортозамещения, а соответственно национальной и региональной безопасности (Виленский, 2022; Мальгина и др., 2024; Егорова, Бушанский, 2024). Важно избежать ситуации чрезмерной монополизации экономики и огосударствления, т.к. исчезновение одного из производственных факторов (предпринимательской активности) может иметь долгосрочные негативные последствия. Необходимы более подробные исследования детерминант, которые могут способствовать накоплению и более полному использованию этого фактора в региональной экономике, в т.ч. с учётом исторического опыта.

¹⁷⁶ Например, американский исследователь и финансист Рей Далио, объясняя многовековые изменения социально-экономического развития стран и регионов, значимую роль отводит долговременному сочетанию понижающей или повышающей волны комплекса детерминант (Dalio, 2021). Причём эти сочетания для разных стран и для разных периодов могут существенно различаться. Он настаивает на том, что в целом циклы развития и упадка могут предсказываться неким относительно устойчивым (универсальным) набором переменных: уровень образования и изобретательской активности населения, сильная стимулирующая культура, справедливое распределение ресурсов, высокая конкурентоспособность, наличие сильного лидера.

Глава 2. Эволюция предпринимательской активности в регионах России¹⁷⁷

В главе проведен историко-географический анализ эволюции предпринимательской активности в пространстве России как явления и дана оценка влияния отдельных факторов, в т.ч. институциональных, на процессы её долгосрочного распространения (Земцов, Царева, 2023; Belitski et al., 2024). Хотя значение предпринимательства в экономической истории трудно переоценить (Hebert, Link, 2007; Landes et al., 2010; Mokyr, 2012; Landstrom, Lohrke, 2012), региональных исследований по этой теме немного. В России работы концентрируются в основном на изучении современного периода, посвящены обобщающим историческим описаниям (Бовыкин, 1997; Хорькова, 2002; Расков, 2012; Давлетов, 2015), иногда – отдельным векам (Ленин, 1897; Рыбников, 1922; Май, 1994), но редко выявляются статистические связи.

С точки зрения эволюционного подхода одним из методов исследования служит анализ пространственного распространения некоего явления за продолжительный период, например в рамках теории диффузии нововведений¹⁷⁸ (п. 1.3). Проникновение предпринимательской деятельности, соответствующих компетенций и практик на ту или иную территорию в этом случае во многом может объясняться структурой региональных сообществ, в частности долей жителей¹⁷⁹, которые потенциально могут быть вовлечены в создание предприятий: свободные, образованные, с достаточным капиталом, чаще всего, горожане. Потенциально максимальная плотность предприятий зависит от сложности осваиваемых технологий, т.к. каждая новая технология гипотетически может порождать новые формы предпринимательской деятельности по мере углубления ТРТ. Деловая активность населения¹⁸⁰ в предшествующие эпохи в этом подходе служит некоторым прообразом современной предпринимательской активности, выступает основой её последующей эволюции, но полностью не отождествляется с ней, так как существует в примитивных формах (без создания юридически обособленного предприятия) и иных внешних условиях, в первую очередь, институциональных.

¹⁷⁷ Представленные в данной главе результаты частично ранее опубликованы в статьях автора диссертации с соавторами: Земцов С.П., Царева Ю.В. Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России // Вопросы экономики. 2023. № 7. С. 115—141; Belitski M., Tsareva Y., Zemtsov S. Geography and persistence of entrepreneurship in Russia // Regional Studies. 2024. Vol. 58. №. 5. P. 1076–1095.

¹⁷⁸ Она пригодна для общего описания исторических процессов, но для корректного моделирования статистика должна отражать процессы с помощью сопоставимых данных, с высокой точностью и без существенной задержки в сборе информации (Бабулин, Земцов, 2017). Исторические данные не обладают ни одной из этих характеристик. Процесс принятия инновации должен быть бинарным (принята или нет), но предприниматель может открывать и закрывать множество компаний. Должен быть верхний предел насыщения, например, когда все пользуются новой технологией, но в случае с плотностью малого бизнеса его наличие неочевидно.

¹⁷⁹ Деловая активность, а соответственно и экономический рост, могут зависеть от способности общества вовлечь в созидательную деятельность как можно больше потенциальных предпринимателей; в противном случае многие из них будут заняты деструктивной деятельностью (Баумоль, 2013).

¹⁸⁰ Создание и обмен товарами и услугами внутри местной общины, например осуществляемое обособленными ремесленниками, можно считать деловой активностью жителей, но лишь с большими оговорками можно отнести к предпринимательской активности, которая возникает при распространении прав частной собственности, горизонтальных отношений между свободными экономическими агентами в рамках договоров. В полной мере предпринимательство развивается по мере создания и распространения предприятий (юридических лиц).

Для понимания возможностей проведения долгосрочной экономической политики требуется оценить влияние базовых, то есть медленно изменяющихся, параметров управляемой системы и их восприимчивость к воздействию. В исследовании впервые собраны и обработаны данные о деловой активности населения в региональном разрезе за многовековой период. Катастрофические события и радикальные изменения трансформировали социально-экономические системы регионов, эволюционировали формы хозяйственной деятельности, политика в советский период была направлена на повсеместную смену прежних институтов, например частно-предпринимательская деятельность была ограничена. Поэтому проследить долгосрочные закономерности сложно, и это требует большого числа допущений. Глава не претендует на полноту охвата всех тенденций, связанных с предпринимательством, акцент сделан лишь на наиболее заметных и важных для последующего анализа.

2.1. Историко-географические закономерности распространения предпринимательской активности в России

В истории России некоторыми предпринимательскими свойствами и функциями обладали различные агенты (Баринов, 2019): купцы, ремесленники, гости, коробейники, торговцы, негоцианты, коммерсанты, фабриканты, кустари, промышленники, нэпманы, артельщики, кооператоры, челноки, бизнесмены, стартаперы и др. Деловая активность населения – исторически значимый фактор развития страны: приращение больших территорий требовало хозяйственного, зачастую пионерного, освоения за счет предприимчивости жителей.

Деловая активность на территории России растет вместе с формированием государственности в конце первого тысячелетия нашей эры. Она во многом определялась природными особенностями, в частности возможностями занятия несельскохозяйственной деятельностью. Вероятно, Киевская Русь состоялась как единое государство благодаря уникальному предпринимательно-географическому положению: наличие речного торгового пути «из варяг в греки», то есть из Балтийского в Черное море. Снижение рисков ведения торговли между Скандинавией и Византией требовало контроля пути, что могло быть обеспечено в рамках единого государственного образования¹⁸¹. Вероятно, необходимость осуществления международной торговли (гостьбы) оказало свое влияние и на политическое решение о принятии христианства: внедрение единых норм и правил с основным торговым партнером (Византией) должно было повысить надежность и частоту сделок, а соответственно и поступления в казну.¹⁸²

¹⁸¹ Более того, первые князья продавали собранную дань, то есть вели себя как купцы (Радаев, 1997). Как и в Средневековой Западной Европе (Baumol, 2010) распространены были примитивные формы силового предпринимательства, когда дружины князей совершали набеги на иные территории: известны походы на Царьград (Константинополь), в т. ч. с целью установления более благоприятных условий торговли для купцов из Руси (907 г.).

¹⁸² Так, в Новгороде как минимум с XII в. многие сделки между купцами заключались в храмах, что должно было снижать вероятность оппортунистического поведения партнеров. Сохранились Церковь Иоанна Предтечи в Опоках (XII в.), Церковь Параскевы-Пятницы на Торгу (XIII в.).

Построение длинных многовековых трендов в территориальном разрезе позволяет выявить устойчивые историко-географические закономерности, но на ранних этапах нет статистических данных, а лишь обрывочные исторические сведения, например об основании городов (рис. 12). Торговля по рекам способствовала превращению разрозненных поселений восточных славян в центральные места¹⁸³ – пункты обмена товарами и услугами для окрестных земель, центры ремесел, купечества. Рост числа новых городов¹⁸⁴ на душу населения (Бабурин, Земцов, 2012) можно считать косвенным отражением процессов распространения деловой активности населения с некоторыми оговорками: города часто создавались с иными целями¹⁸⁵, но постепенно обрастали торгово-ремесленными функциями (посадами)¹⁸⁶, а в противном случае – исчезали, а соответственно не попадали в статистику.

В *первой пространственно-временной волне* роста деловой активности населения в XI–XIII вв. (рис. 12, врезка справа вверху), начавшейся после реформ Ярослава Мудрого, установивших основные формальные нормы¹⁸⁷ («Русская правда»), ведущую роль играли новые города Волжского-Окского междуречья¹⁸⁸ и Северо-Запада (Новгородская Русь). В этот период основаны, например Ярославль, Суздаль, Рязань, Курск, Владимир, Великие Луки. При этом ремесленники, кустари, хлебопашцы, рассредоточенные по территории, зависели от торговцев, купцов в центральных местах. Торговля, вероятно, воспринималась обществом положительно, а в ряде случаев – даже как проявление героических усилий, например при осуществлении международных обменов¹⁸⁹.

Монголо-татарское нашествие замедлило, а в ряде случаев и остановило¹⁹⁰ процессы распространения новых городов и соответствующей деловой активности, *вторая волна* роста, связанная с некоторым смещением на север в погоне за пушниной и в поисках безопасности от набегов с юга, наблюдалась уже в XIV в. после Куликовской битвы. В этот период Новгород войдет в состав Ганзейского Союза¹⁹¹, что подчеркивает роль торговой (купеческой) деятельности в развитии государства того периода.

¹⁸³ Хотя большую часть экономики составляло натуральное хозяйство, значимую роль, вероятно, играли крепости и пункты сбора княжеской дани, вокруг многих из которых могли формироваться центральные торговые места, позднее – города. Роль торговли подтверждают многочисленные берестяные грамоты, большинство которых обнаружено в Новгороде, с упоминанием сделок, например купчих.

¹⁸⁴ В этот ранний период есть свидетельства того, что Русь называли «Гардарикой», то есть страной городов.

¹⁸⁵ Например, Паншин городок на р. Дон, город-крепость Палатов Белгородской засечной черты.

¹⁸⁶ По современным историческим данным невозможно определить, какова была численность занятых деловой активностью или их структура, но данные о плотности новых городов дают нам некую приблизительную оценку их доли для сравнения разных периодов. Города требовали большего вовлечения жителей в деловую активность.

¹⁸⁷ Защита имущества, порядок наследования, регулирование торговых сделок и взыскания долгов.

¹⁸⁸ Ядро современного Центрального Федерального округа, включая г. Москву и Ополье – природно-исторический район Владимирской и Ивановской областей с плодородными лесными почвами, пригодными для пашни.

¹⁸⁹ Например, в известной новгородской былине о Садко, купец-предприниматель показан как герой. Позднее в XV в. тверской купец Афанасий Никитин опишет свои подвиги в «Хождении за три моря».

¹⁹⁰ Отдельные города домонгольского периода были уничтожены, например в Рязанском княжестве.

¹⁹¹ Союз свободных торговых городов на Балтийском и Северном море с XIV по XVII в., обеспечивающий возможность международной торговли.

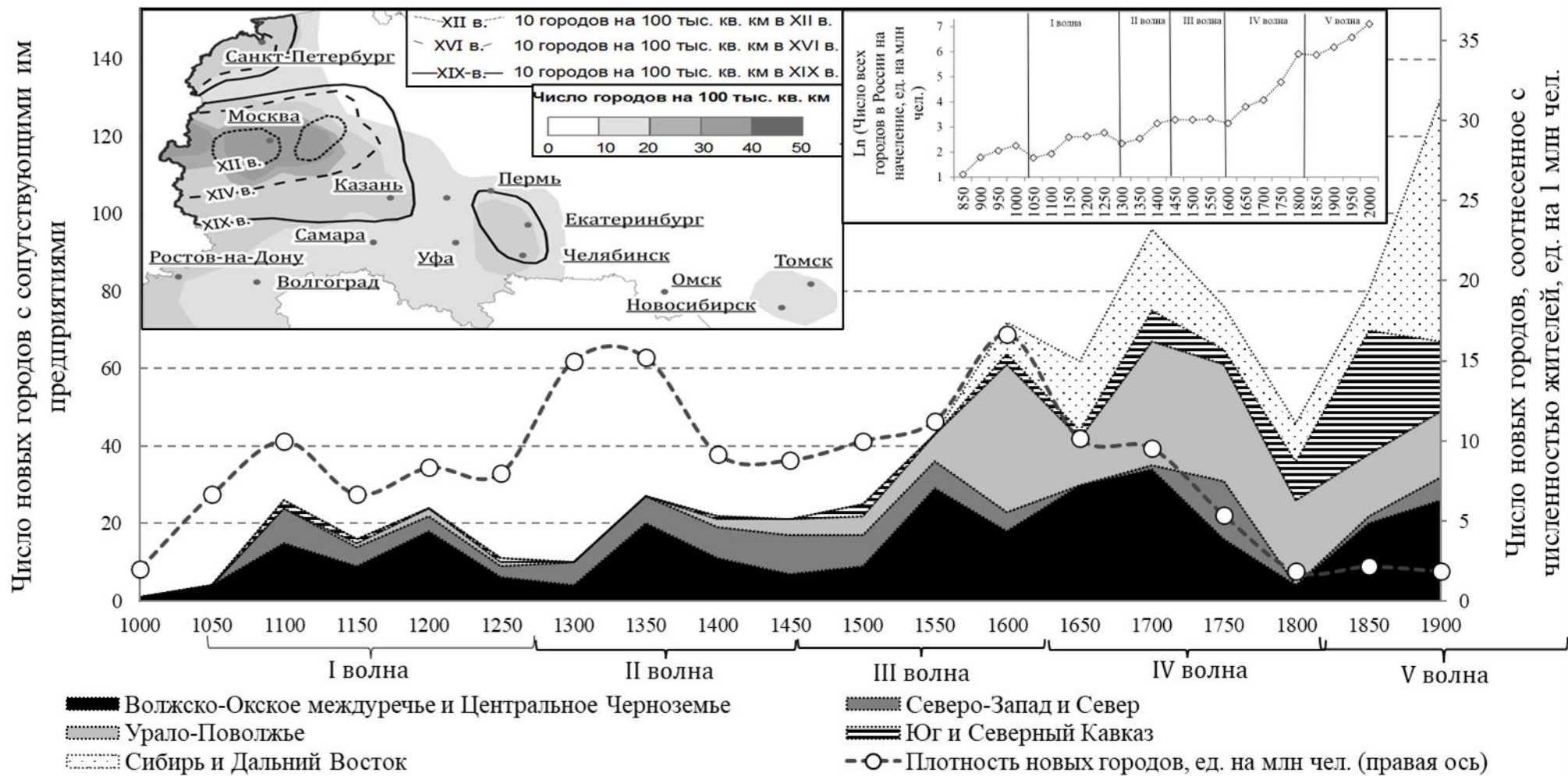

Рисунок 12 – Эволюция системы городов России как центров предпринимательства и деловой активности.

Источник: составлено по данным: Бабурин, Земцов, 2012.

Становление и централизация Московского Царства требовали увеличения государевых доходов, в т. ч. за счет расширения торговли. Число городов снова растет с конца XV века (*третья волна*), в состав государства войдет торговый маршрут по р. Волге в Персию и арабские страны, а г. Архангельск станет международным портом для торговли с Англией, активнее привлекаются иностранные специалисты. Разработка нового свода законов – Судебника Ивана III, утвердившего принципы частной собственности и наследования, в 1497 г. создаст институциональные условия для роста деловой активности. Строгановы, одни из первых крупных промышленников, организуют солеваренный промысел на Урале, впоследствии получают владения для организации рудного и иных промыслов; создаются железоделательные, оружейные, самоварные, скобяные и другие фабрики в г. Тула. Роль государства в экономике растет, появляются казенные предприятия, вводятся импортные пошлины. В Азиатской части России пушной промысел¹⁹² – один из факторов освоения и роста числа городов.

После Смутного времени число городов и деловая активность в них растут (*четвертая волна*) вместе с расширением государства в конце XVII–XVIII вв. По мере снижения угроз с юга, в т.ч. благодаря системе крепостей Белгородской засечной черты, крестьянами заселяется Центральное Черноземье («Дикое поле»), что стимулирует развитие хлебопашества и торговли зерном. Постепенно обрastaют торгово-ремесленными функциями крепости: Тамбов, Воронеж, Козлов (сегодня – Мичуринск) и др. Формируется линейно-узловая структура всероссийского рынка: сеть речных, сухопутных торговых путей и ярмарок. Многочисленные институциональные реформы Петра I для развития промышленности, включая создание Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии, способствовали распространению фабрик и заводов: предоставлялись беспроцентные ссуды, строились дороги и сооружения, которые передавались промышленникам¹⁹³. Если в XVII в. число мануфактур не превышало 30, то к 1725 г. их стало более 200. Для освоения новых производственных технологий, в частности кораблестроения, привлекаются иностранные специалисты, создаются предприятия в сфере добычи и обработки руд. Деловая активность смещается на Северо-Запад, где на Балтийском море основан г. Санкт-Петербург, что создает условия для роста международной торговли. Растет число городов и предприятий на Урале и частично в Сибири, где обнаружены многочисленные руды. Созданы старейший судостроительный завод (Адмиралтейские верфи в г. Санкт-Петербург), на реках Иж, Нейва, Липовка, Ворона – железоделательные заводы, использующие энергию воды, заложив основы городов Ижевск, Невьянск, Липецк и Кирсанов соответственно. Благодаря усилиям промышленников Демидовых создаются горнорудные производства и города Урала, Алтая и других частей Сибири. Впоследствии вокруг них вырастут соответствующие кустарные

¹⁹² В 1601 г. основана Мангазея – заполярный город в Сибири, один из крупнейших центров торговли пушниной.

¹⁹³ Что можно назвать первыми примитивными формами государственно-частного партнерства (ГЧП).

промыслы по мере обучения мастеров технологии. На основе текстильных ремесел создаются первые ткацкие мануфактуры в с. Иваново и с. Павлово; формируется вологодский промысел кружевоплетения, Гжельский куст производителей глиняной и позднее – фарфоровой посуды, камнерезный промысел на Урале¹⁹⁴. На юге казачьи и старообрядческие станицы становятся центрами торговли и хлебопашества. Модернизация хозяйства требует развития образования и науки, поэтому создаются: Московский университет, Академия наук, Вольное экономическое общество, стимулировавшие деловую активность¹⁹⁵. Организована Великая Северная экспедиция для картирования и изучения богатств Северной Евразии. Манифест о свободе предпринимательства от 1775 года сократил многочисленные сборы с охотников и рыболовов, разрешал свободно заниматься кузнечным делом и текстильными ремеслами.

Одновременно с этим создание заводов требовало закрепощения и эксплуатации заводских крестьян, усиливалось обособление сословий, преобладающим стал дворянско-помещичий тип землевладения и землепользования с большой долей неграмотных крепостных. Деловая активность смещается за пределы исторического ядра, что ограничивается большими расстояниями и разреженной транспортной сетью. Ареал с высокой плотностью городов невелик (левая врезка на рис. 12). В начале XIX в. плотность возникновения новых городов падает, деловая активность и экономический рост замедляются (Broadberry, Korchmina, 2022). Это может быть вызвано последствиями Отечественной войны, приведшей к сокращению числа жителей ряда центральных губерний, отложенными реформами, особенно в сфере земельных отношений, и замедлением внедрения новых технологий, в т.ч. железных дорог¹⁹⁶. Высокие природные издержки, низкая плотность жителей и коммуникаций, массовая неграмотность дополнялась неэффективностью помещичьих хозяйств и консервативной крепостнической средой (Энгельгардт, 1999) (рис. 13). Крепостное право и общины после его отмены ограничивали деловые инициативы крестьян. Росли различия между регионами с массовым закрепощением крестьянства в прошлом с проблемами перенаселения, голода (например, Центральное Черноземье) и центрами нового освоения, например, Дальним Востоком с развитой международной торговлей. При этом роль крепостного права могла быть неоднозначна. В Центральном Черноземье, с плодородными почвами и большой плотностью жителей была широко распространена барщина¹⁹⁷. Она повышала зависимость крестьян от помещика, снижала

¹⁹⁴ Подобные очаги деловой активности эволюционировали в кластеры, или специализированные предпринимательские экосистемы (см. 1.4). В зависимости от капиталоемкости отрасли кластерообразование шло «сверху» – от крупного предприятия или «снизу» – из кустарных ремесел.

¹⁹⁵ Например, развитие пуховязального промысла в Оренбуржье связывают с именем П.И. Рычкова, экономиста, члена-корреспондента Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге.

¹⁹⁶ Консервативная политика министра финансов Е.Ф. Канкрин в первой половине XIX в., направленная на укрепление помещичьей аристократии, сохранение аграрного уклада, ограничивала деловую активность (Acemoglu, Robinson, 2012), в частности создание государственных фабрик, розничных банков, железных дорог и т. д.

¹⁹⁷ Отработка трудовой повинности на землях помещика.

их возможности для иной продуктивной деятельности и могла дестимулировать¹⁹⁸. Оброк¹⁹⁹, широко распространенный в северных регионах вблизи городов, мог способствовать развитию ремесел, стимулировал предпринимательский поиск. Ряд крупных предпринимателей вышли из среды крепостных, например Морозовы – владельцы ткацких мануфактур (г. Орехово-Зуево), кондитеры Абрикосовы²⁰⁰. Оброчные крестьяне активно мигрировали в города (отходничество), в т. ч. став основой зарождавшегося пролетариата; поэтому они могла не влиять на культурные нормы территорий исхода, а вот менее мобильные барщинные крестьяне, наоборот, могли сохранять и передавать через поколения некоторые консервативные нормы.

Рисунок 13 – Доля крепостных в населении в 1859 г., %.

Источник: расчёты автора по данным: Федоров, 1966.

Примечание: картограмма составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Предпринимательство в близких к современным формам формировалось в России по мере распада феодального строя, ускорившись после Великих реформ во второй половине XIX в. (*пятая волна*). Ранее крупные помещики, получавшие основной доход от имений (рантье), не были предпринимателями в полном смысле. Слабым в России был класс городских ремесленников²⁰¹, сравнительно редки были семейные бизнесы в отличие от ряда европейских

¹⁹⁸ Отсутствие экономической свободы, передающееся из поколения в поколение, невозможность реализовать свои экономические интересы может формировать признаки *выученной беспомощности*, склонность к фатализму, усиливать самоотбор на этих территориях в сторону менее инициативного населения.

¹⁹⁹ Выплата налога помещику продуктами или деньгами.

²⁰⁰ С.В. Морозов – крепостной крестьянин из деревни Зуево Московской губернии, С.Н.Абрикосов – из крепостной крестьянин из села Троицкое Чембарского уезда Пензенской губернии,

²⁰¹ Доля населения, занятого кустарно-ремесленной деятельностью, не превышала 4% в 1897 г. по данным Всеобщей переписи населения, выше всего в современных Ивановской, Костромской, Вологодской, Нижегородской и Архангельской областях, где формировались кластеры легкой промышленности и художественных промыслов.

стран: Северная Италия, Фландрия, Бавария, Англия и др. (Туган-Барановский, 1997). По мере распространения второго технологического уклада (паровой двигатель, железные дороги) меняются и формы деловой активности: на смену вотчинно-дворянской мануфактуре с крепостным трудом приходит промышленно-купеческая фабрика с вольнонаемным; отдельные ремесла и промыслы преобразуются в мелкотоварное производство (Ленин, 1897). Растет число новых вузов²⁰² и грамотность населения вслед за усложнением хозяйства (рис. 17).

Начиная с XIX века, то есть после промышленной революции, связь между плотностью возникновения городов²⁰³ и распространением деловой активности снижается и постепенно утрачивается. В этот период сильнее проявляются эффекты масштаба: крупные промышленные предприятия (Broadberry, Korchmina, 2022) способствуют формированию крупных городских агломераций с высокой плотностью и разнообразием по масштабу и специализации предприятий, то есть плотность городов, число которых почти не растёт, уже не отражает изменений в деловой активности, что требует поиска иных индикаторов. На рис. 14 и 15 представлены расчеты динамики плотности малых предприятий на душу населения²⁰⁴ в России, в т.ч. в региональном разрезе. Для верификации на рис. 15 дается усредненная частота упоминания термина «предприниматель» в оцифрованных русскоязычных книгах с начала XIX в.²⁰⁵ Предполагалась, что упоминаемость явления²⁰⁶ отражает его роль в общественных процессах.

Заметно ускорение деловой активности населения после отмены личной зависимости крепостных крестьян от помещиков в 1861 г. (Leonard, 2010; Markevich, Zhuravskaya, 2018). В преимущественно крестьянской стране XIX века²⁰⁷ личная свобода расширила возможности крестьян по торговле сельскохозяйственной продукцией, освоению новых навыков в городах, например извоз, кожевенный, токарный, строительный промысел и т. д. (Бессолицын, 2013).

²⁰² В 1810 г. основана Московская практическая академия коммерческих наук, центр предпринимательского образования, где впоследствии обучались известные купцы и промышленники: Рябушинские, Найденов А.Н., Смирнов С.А., Леденцов Х.С. и др.

²⁰³ Система расселения (городских поселений) стала достаточно устойчивой: по плотности новых городов на рис. 12 и S-образной кривой кумулятивной плотности городов на правой верхней врезке того же рисунка хорошо видно завершение тысячелетней интенсивной урбанизации на территории современной России.

²⁰⁴ Качество и полнота охвата статистикой существенно хуже в ранние периоды. Изменения границ страны и регионов также вносят искажения. Это требует осторожности при интерпретации результатов. Плотность малых фирм определяется разной структурой экономических агентов, отражая эволюционные изменения в предпринимательской активности. В 1897 г. – это преимущественно купцы, кустари, ремесленники, в 1913 г. – мелкие торговцы, кустари и кооперативные хозяйства, в 1929 г. — «нэпманы» и кооперативы, в 1959 г. – почти исключительно кооперативы, малые госпредприятия, личные подсобные хозяйства (ЛПХ), в 1985 году – торговые кооперативы, народные промыслы, малые госпредприятия; позднее – малые предприятия – юридические лица.

²⁰⁵ Для сравнения упоминаемость понятия «entrepreneur» в англоязычной литературе ежегодно росла за рассматриваемый период с наличием нескольких волн (ступеней), что требует дальнейшего изучения.

²⁰⁶ Коэффициент корреляции с плотностью малых предприятий – около 0,85, причем он выше, если взять лаг 5–10 лет у упоминаемости. Возможно, рост интереса к предпринимательству через несколько лет порождает рост самой предпринимательской активности, то есть является в некоторой степени ее предиктором. Похожая методика для интернет-запросов использовалась, например, для оперативной оценки динамики деловой активности (Федюнина и др., 2024), или в исследовании о восприятии населением технологий искусственного интеллекта (Земцов, 2024).

²⁰⁷ Во второй половине XIX в. более 85% населения проживает в сельской местности, более 65% ВВП создается в сельском хозяйстве (Zhuravskaya et al., 2021).

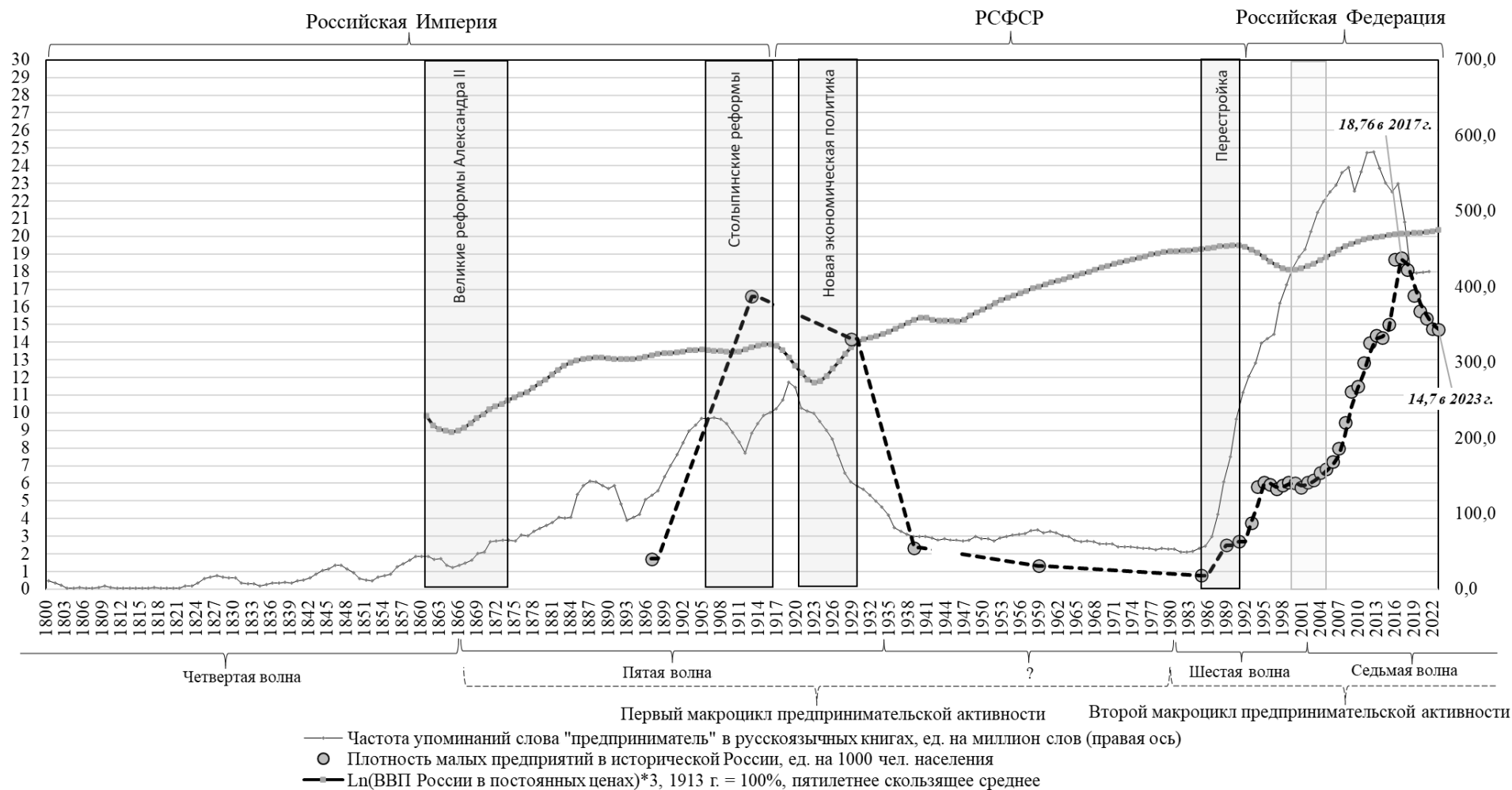

Рисунок 14 – Историческая динамика распространения предпринимательства и экономического роста в России.

Примечание: рассчитано автором²⁰⁸.

²⁰⁸ Данные о числе малых предприятий: до 1917 г.: Перепись населения 1897 г.; Рыбников, 1922; в 1929 г. – отчеты Наркомзема, в т.ч. «Малая торговля в СССР в 1929 году»; 1939, 1959, 1985, 1989 гг.: «Народное хозяйство СССР», «Малая торговля в СССР»; 1991 – 1995: Басарева, 2013; 1996 – 2018: Росстат; с 2019 г.: ФНС России. Данные о частоте упоминаний: Google Books Ngram Viewer. Данные о ВВП: 1861–1885 гг. – динамика промпроизводства (Смирнов, 2012); 1885–1913: Грегори, 2003; 1913–1928: Markevich, Harrison, 2011; 1928–1940, 1946–1989: Maddison, 2008; 1940–1946: Оценки Госплана СССР и ЦСУ СССР; 1989–2023: Росстат.

Рост предпринимательской активности со второй половины XIX в. связан с урбанизацией и внедрением новых технологий промышленного (фабричного) производства в Центральной России. Развитие железных дорог способствовало расширению торговли и сельского хозяйства в южной России и Сибири, доля этих территорий растет в числе малых предприятий (рис. 15). Предпринимательство все больше влияет на настроения в обществе (рис. 14)²⁰⁹. Постепенно в ряде регионов складываются производственные кластеры, формирующие уникальную предпринимательскую культуру, например, в Ивановской области возник текстильный кластер, в Вологодской — молочно-сырный, в Уральской и Тульской областях — железоделательные. Для подготовки кадров создаются соответствующие коммерческие училища и вузы, в т.ч. на деньги меценатов и предпринимателей²¹⁰. Развивается наука, например в 1897 г. проведена первая Всероссийская перепись населения.

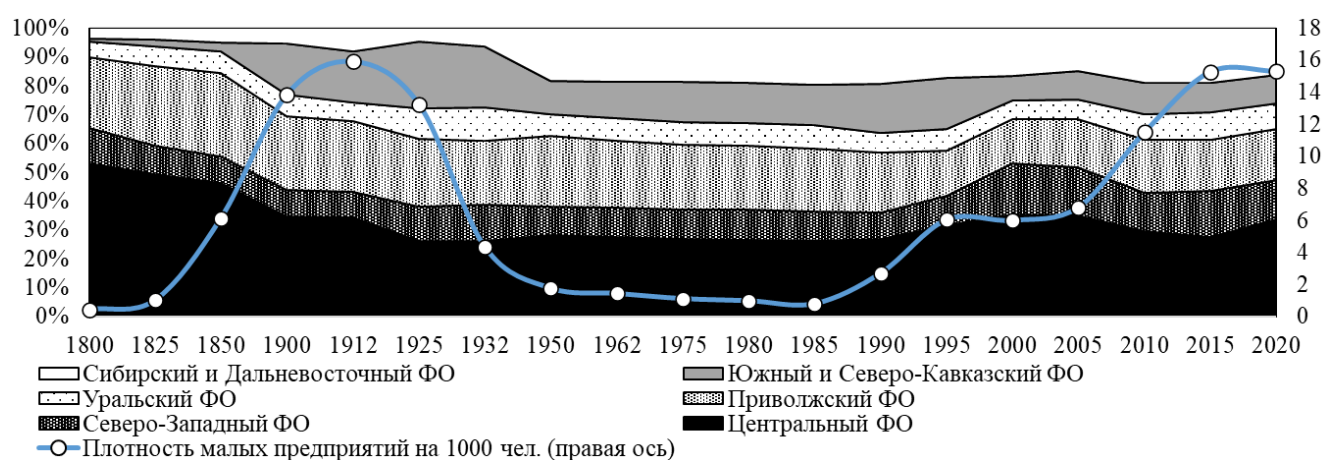

Рисунок 15 – Историко-географическая динамика предпринимательской активности в России.

Примечание: распределение малых предприятий (диаграмма) рассчитано с учетом собственных экспертных оценок на основе региональной структуры населения²¹¹.

Известные династии купцов, например, Морозовы, Третьяковы, Рябушинские, Смирновы, Путиловы, Асеевы и др., в т.ч. выходцы из крестьянства и старообрядцы²¹², формировались в городах европейской части (Баринов, 2019): Санкт-Петербург, Москва, Ярославль и др. (рис. 16).

²⁰⁹ Например, в этот период прошли первые форумы отечественных предпринимателей – первый купеческий съезд (1865 г.) и первый Всероссийский съезд фабрикантов и заводчиков (1870 г.).

²¹⁰ Например, вологодский купец Леденцов Х.С. завещал личный капитал на создание «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений», спонсировавшего известных ученых и изобретателей: П.Н. Лебедева, В.И. Вернадского, И.П. Павлова, К.А. Тимирязева, Н.Е. Жуковского, К.Э. Циолковского и др.

²¹¹ Источник данных по плотности малых предприятий см. в примечании к рис. 14: до 1897 – оценка автора по частоте упоминания термина «предприниматель». Региональное распределение – аппроксимация по численности населения с 1800 по 1985 гг. в границах современных федеральных округов; <https://istmat.org/node/72>; <https://istmat.org/node/74>, «Народное хозяйство РСФСР», «Народное хозяйство СССР»; Жиромская, 2001. Предполагалось, что корреляция между численностью потенциальных потребителей и числом малых предприятий была высока. В 1990–1995 гг. – это данные о числе предприятий сборника «Регионы России» (Росстат); 1996–2018 – «Малое и среднее предпринимательство» (Росстат); с 2019 г. – ФНС России.

²¹² В середине XIX в. старообрядцы могли составлять до трети купцов в отдельных отраслях и регионах. В условиях гонений и частого отсутствия церквей требовались высокая грамотность для чтения Библии и сплоченность общины, что расширяло возможности в деловой сфере (Расков, 2012). Способствовало деловому успеху и набор этических

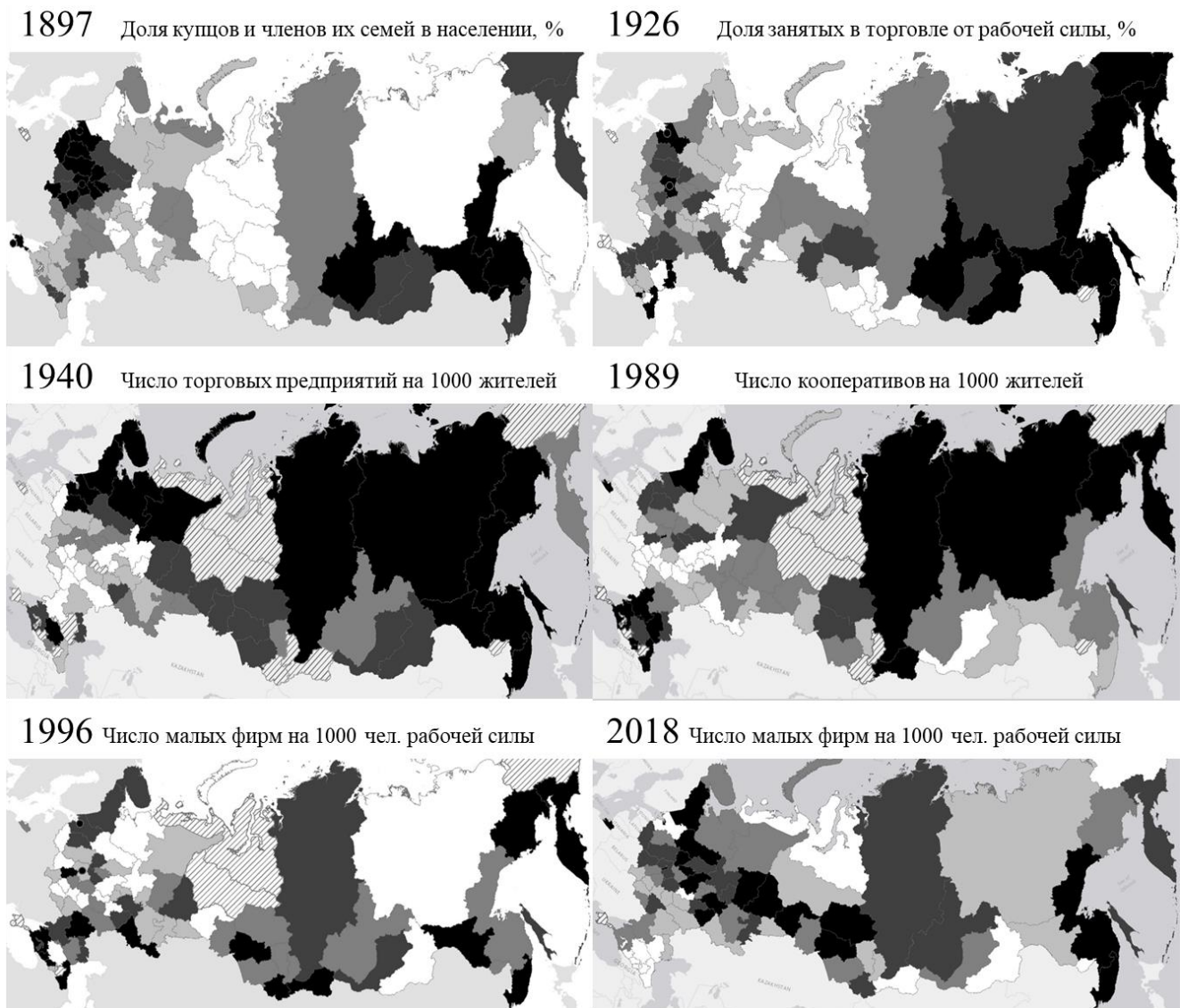

Рисунок 16 – География предпринимательства в России в разные периоды.

Примечание: картосхемы составлены по данным до 2022 г. и не учитывают последних изменений территориальных границ. Источники данных указаны в таблице 4. Градации выполнены с помощью квантилей: более высокие значения – более темным цветом.

Доля купцов и членов их семей не превышала 0,25% от населения территории России в современных границах; выше – в Московской и Санкт-Петербургской губерниях, в древних городах Волжско-Окского междуречья (Ярославле, Владимире, Суздале и др.) и Северо-Запада (Псков, Новгород и др.). Прослеживаются исторические закономерности городского заселения Северо-Восточной Руси, а также влияние крупнейших рынков товаров и услуг двух столиц и связей между ними. Выше доля купцов в центрах крупнейших ярмарок: Нижегородской, Успенской (Новая Ладога, Санкт-Петербургская губерния), Ирбитской²¹³ (современная

норм, основанных на идеях «Домостроя»: честный труд, замкнутые саморегулируемые хозяйства, самоограничение («нестяжательство»). По мере улучшения институтов деловые преимущества замкнутых общин сокращались.

²¹³ Одна из крупнейших, основана в 1643 г. До постройки Транссибирской магистрали поддерживала экономические связи Азиатской и Европейской частей страны.

Свердловская область), Верхнеудинская (современная Бурятия). Активно идет международная торговля чаем и другими товарами из Китая, а соответственно выше доля купцов в Иркутской губернии, в Кунгуре (Пермская губерния) – чайной столице России, в Кяхте (Забайкальская область, современная Бурятия) – одном из центров перевалки чая²¹⁴. Морская торговля зерном и исторические связи Причерноморья способствует высокой концентрации купцов в Таврической губернии, в частности в Крыму. В Приморской области, объединявшей все Тихоокеанское побережье Дальнего Востока, доля купцов высока из-за низкой плотности населения, удаленности региона от Центральной России и потребности в торговле товарами²¹⁵. В Астраханской губернии – центр торговли на Каспии. В Сибири доля купцов была низка из-за слабой транспортной освоенности, недостатка потребителей и финансового капитала.

На рубеже XX в. происходит укрупнение хозяйств, создание крупных производств с привлечением иностранного капитала²¹⁶, например на Донбассе, плотность малых предприятий продолжает расти. В 1910-е гг. доля крупных предприятий – более половины производства и занятости, доля малых оставалась высокой в швейной промышленности – 96% производства, кожевенно-обувной – около 89%, пищевой – 51%, металлообработке – 20% (Рыбников, 1922; 1923). Наибольшее число кустарных промыслов наблюдалось в Вятской, Московской и Нижегородской губерниях – центрах традиционных промыслов с крупными ярмарками и оброчным крестьянством. Наибольшая плотность на душу сельскохозяйственного населения зафиксирована в те же регионах, а также в Костромской губернии (промыслы в легкой и лесной промышленности) и Вологодской (кружевоплетение, маслоделие и сыроварение). При этом в ряде регионов Центральной России нарастают проблемы, связанные с наследием крепостничества – слабая индустриализация и урбанизация, перенаселенность и бедность сельских районов (Buggle, Nafziger, 2019). Сохраняющийся сословный характер общества, высокое неравенство, коррупция и некомпетентность чиновников на местах, а также отсутствие антимонопольного законодательства ограничивали предпринимательскую инициативу. Столыпинские реформы, призванные создать условия для роста частной предпринимательской активности на селе, должны были изменить ситуацию, но оказались запоздалыми.

В результате Первой Мировой войны, последовавшей революции и Гражданской войны экономика страны оказалась разрушена, хозяйственные связи распались, многие предприятия были закрыты или уничтожены, иностранные инвесторы и компании покинули страну, деловая активность снизилась до минимума. Для восстановления хозяйства и ликвидации голода с 1920-

²¹⁴ К концу XIX в. утрачивает свои функции по мере строительства Транссибирской магистрали.

²¹⁵ Фронтальный (первичный) характер освоения требует большой вовлеченности в торговые процессы для выживания. Самообеспеченность невозможна из-за нехватки опыта, разнообразия специалистов и т. д.

²¹⁶ Заметная доля иностранных инвестиций осуществлялась в рамках ГЧП (концессий). Одними из наиболее успешных иностранных предпринимателей в России были братья Нобели, известные, например, развитием нефтяных промыслов в Баку (Ергин, 2012).

х гг. в СССР принято решение о проведении Новой экономической политики (НЭП) (Мау, 1994), разрешавшей открытие концессий²¹⁷, торговых заведений, установлен упрощённый порядок регистрации для малых производств, которые могли иметь до 20 сотрудников, проводилась денационализация малых предприятий. Многие хозяйства основывались на том же месте бывшими работниками дореволюционных предприятий. Иными словами, наблюдалась определенная преемственность очагов предпринимательской активности. Наибольшими темпами росла занятость в торговле, представленной «нэпманами» и их работниками. Доля занятых в торговле в этот период выше в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге) – около 0,3% занятых, в их окрестностях и между двумя столицами. Всего в СССР в 1925 г. в городах насчитывалось около 300 тыс. малых предприятий, из них – около 9% – в г. Москва и 4,5% – в г. Ленинград. Несмотря на государственную монополию внешней торговли, сохраняется высокая концентрация малых предприятий на Дальнем Востоке. Выше доля в крупных городах на Волжском торговом пути: в Нижнем Новгороде и Самаре, а также на побережье: в Ростове-на-Дону, в Астрахани. Заметен рост влияния торговли в Сибирских регионах, где растут крупные центры благодаря постройке железных дорог и крестьянскому освоению (Chernina et al., 2014): Омск, Новосибирск, Красноярск, Томск и др. Широко распространялись вынужденные²¹⁸ и формы спекулятивного, или непроизводительного, предпринимательства. НЭП, способствовавшая развитию мелкотоварных хозяйств (и буржуазии), уже к концу 20-х гг. XX в. сворачивается как противоречащая коммунистической идеологии и задачам индустриализации. НЭП сыграла свою значимую роль в восстановлении народного хозяйства, в насыщении потребительских рынков городов (Мау, 1994).

Развитие новой индустриальной экономики требовало более широкого вовлечения граждан в хозяйственные процессы, поэтому в довоенный советский период основаны учебные заведения, ставшие впоследствии вузами, в большинстве регионов в их современных границах (рис. 17)²¹⁹. Сохранялись многочисленные кустари-одиночки, сбытовые и иные кооперативы, личные подсобные хозяйства (ЛПХ) также могли продавать свою продукцию на ярмарках. В период Великой Отечественной войны многие из них производили нужную для фронта продукцию. До конца 1950-х гг. на этих предприятиях производилась существенная часть потребительской продукции, т.к. большая часть крупных заводов была ориентирована на военные заказы. Многие технические новшества²²⁰ кооперативные предприятия освоили раньше

²¹⁷ К 1929 г. в СССР действовало около 350 концессий, в т.ч. с привлечением иностранных капиталов и специалистов (Левин, Шевелев, 2016).

²¹⁸ Например, «мешочничество» – поиск продуктов питания в сельской местности для продажи в городе.

²¹⁹ В 47 из 85 рассматриваемых.

²²⁰ Например, ленинградская артель «Прогресс-Радио» одной из первых в СССР освоила производство телевизоров с электронно-лучевой трубкой (1939 г.). Черно-белый телевизор ТК-1 с электронно-лучевой трубкой (кинескопом) на заводе имени Козицкого в Ленинграде начал выпускаться лишь за год до этого.

крупных государственных заводов. На потребкооперацию даже к началу 50-х г. XX в. приходилась около 1/3 торговли. Выше плотность торговых предприятий (рис. 16) на Северо-Западе и Дальнем Востоке, что может быть связано с активными стройками того периода в районах нового освоения²²¹: Беломоро-Балтийский канал, Воркута, Мурманск, Магадан, Норильск и др.²²² Население росло, что требовало потребительских товаров. Средневысокие значения характерны и для крупных растущих городов – Екатеринбург (Свердловск), Пермь (Молотов), Омск, Томск, Самара (Куйбышев). В традиционных центрах заселения (ранее с высокой долей купцов) плотность торговых предприятий была ниже средней: Московская, Нижегородская, Калужская, Владимирская области. Ниже всего значения в аграрных регионах с высокой концентрацией сельских жителей, где были распространены натуральное хозяйство и личные подсобные хозяйства (ЛПХ): современные Ростовская, Тамбовская, Липецкая, Воронежская области и др.²²³, а также в быстрорастущей столице советского государства.

Несмотря на масштабные разрушения в период Великой Отечественной войны, плотность торговых предприятий выросла (2,3 предприятия на 1000 жителей в 1940 г., 2,8 – в 1950 г.), а география осталась почти идентичной; сильнее всего пострадали регионы, где велись активные боевые действия: современные Карелия, Мурманская, Курская, Тульская, Новгородская области, Краснодарский край и блокадный Ленинград. Предпринимательство сохранялось и играло свою роль в восстановлении хозяйства и уровня жизни граждан в послевоенный период. Так, сельские жители центрально-черноземных и южных регионов продавали излишки своей продукции как вблизи лежащие города, так и в новые районы освоения: Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и т. д. В конце 1950-х гг. вводятся запреты на большинство форм предпринимательской деятельности, предприятия действуют в рамках заданного плана. Постепенно формируется административный рынок²²⁴ (Кордонский, 2006). В 60-е гг. XX в. нарастают ограничения деятельности кооперативов, происходит их национализация (Пасс, Рыжий, 2012). Государственные органы частично взяли на себя предпринимательские функции. Размещение и деятельность новых предприятий были подчинены потребностям народного хозяйства, определяемым властями с учетом рекомендаций специализированных организаций (Госплан, СОПС и др.). Так, например, централизованное распределение предприятий сферы социального обслуживания должно было соответствовать разработанным подушевым нормам.

²²¹ Ценность предпринимательского труда проявляется при создании городской среды новых городов, ведь отсутствие различных услуг, мастерских, магазинов ощущается наиболее остро.

²²² Значения могут быть завышены, т.к. статистика не учитывала лагеря ГУЛАГа (Главного управления исправительно-трудовых лагерей), торговые предприятия создавались и с учетом потребности этих учреждений.

²²³ Сельские жители были бедны и имели меньше возможностей в покупке товаров. В южных регионах была ниже потребность в товарах из-за высокой самообеспеченности населения и колхозов.

²²⁴ «Жестко, но многомерно иерархичная синкретичная система (где экономическая и политическая компоненты не могли быть разделены), в которой социальные статусы и потребительские блага конвертируются друг в друга по определенным отчасти неписаным правилам, меняющимся во времени» (Кордонский, 2006).

Введение всеобщего бесплатного высшего образования²²⁵ способствовало вовлечению граждан в передовые (на тот момент) формы хозяйственной деятельности. Предприимчивые инженеры, генеральные конструкторы могли в некоторой мере реализовать свой предпринимательский потенциал, в частности создавать новые предприятия, товары и услуги, ориентируясь на плановые показатели и потребности общества (Ageev et al., 1995). Вот только оценка этих потребностей была затруднена по мере усложнения экономики, технологий и роста уровня жизни населения. Ограничения частично могли быть заложены в модели плановой экономики и советской системе управления (Валовой, 1991). В отсутствии понятных сигналов рынка предприятия распределяли ресурсы и производили продукцию по валовым показателям в рамках заданного плана, который корректировался в зависимости от выполненных ранее показателей и договорённостей на разных уровнях (административно-командная система), но мог быстро устареть из-за постоянного изменения соотношения спроса и предложения²²⁶ (Долгопятова и др., 2009; Кувалин, 2009). Сложности могли возникать при закрытии или модернизации предприятий в условиях необходимости постоянного роста плановых показателей, а увеличение числа новых заводов рассматривалось как возможность восполнить недостающие ресурсы, выполнить план и получить различного рода поощрения²²⁷.

Рост потребностей жителей в разнообразии продукции и услуг, не мог в полной мере быть удовлетворен крупными предприятиями в силу специфики массового унифицированного производства²²⁸. Плотность торговых предприятий в РСФСР периода т. н. «развитого социализма» сократилась в сравнении с периодом послевоенного восстановления (2,27 в 1970 г. против 2,8 в 1950 г.) и была ниже довоенной (2,3 в 1940 г.)²²⁹. Наименьшая обеспеченность (менее 2 предприятий на 1000 чел.) наблюдалась в крупнейших хозяйственных центрах с высокообразованным населением и модернизированным образом жизни: Москва, Ленинград, Куйбышев (Самара), Ростов-на-Дону, Горький (Нижний Новгород), Воронеж, Челябинск, Сталинград (Волгоград). Благодаря искусственным стимулам, таким как северные надбавки, экономическая активность сдвигалась на север и восток, поэтому плотность торговых

²²⁵ Постановление Совета министров СССР «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР» от 06.06.1956.

²²⁶ В условиях полной цифровизации, когда все процессы производства и потребления контролируются дистанционно и в режиме онлайн, теоретически можно построить экономику с заданными нормативными потребностями жителей, например основываясь на принципах бережливого потребления. Но замедляющееся развитие советской микроэлектроники, а соответственно и ИКТ не позволяло осуществить подобный сценарий. Замедление могло быть также связано с ошибочным выбором стратегии заимствования зарубежных микросхем, а ранее могло быть связано с отнесением кибернетики к «буржуазной лженауке».

²²⁷ С точки зрения отчетности местных руководителей куда более предпочтительным выглядело строительство нового завода и рост плановых показателей капиталовложений, чем закрытие или модернизация старых предприятий с вынужденным временным сокращением рабочих мест и невыполнением плана (Яременко, 2000).

²²⁸ При этом органы планирования были заинтересованы в снижении числа управляемых объектов для упрощения расчётов, то есть косвенно и / или напрямую стимулировали объединение, укрупнение предприятий.

²²⁹ Различия между регионами в среднем сокращались, что было основой выравнивающей региональной политики того периода. Коэффициент вариации сократился с 0,45 в 1950 г. до 0,24 в 1970 г.

предприятий максимальна в Сахалинской, Кировской, Томской, Магаданской, Архангельской областях, в Карелии²³⁰. Эффективность советской экономики при этом снижалась, т.к. росли издержки на отопление, транспортировку товаров и т. д. (Mikhailova, 2000). Для большой и разнообразной страны, учесть все местные особенности и потребности из центра было проблематично. А если рассматривать плотность малых предприятий как косвенную оценку одного из факторов регионального развития (см. главу 1), то его падение в советский период (рис. 15) могло сказаться на снижении темпов роста, например через временные издержки²³¹ (очереди), чрезмерное потребление ресурсов (Яременко, 2000), сохранение неэффективных предприятий в условиях мягких бюджетных ограничений (Kornai, 1980). В конце советского периода новые заводы и оборудование могли простаивать, т.к. не были в должной мере обеспечены трудовыми кадрами на фоне снижения рождаемости в большинстве регионов РСФСР, наблюдались проблемы в поставках материалов из-за перегрузки транспортных систем²³², проблем в логистике и планировании. Отношение инвестиций к основным фондам было максимальным в истории страны (Валовой, 1991; Бабурин, Горячко, 2009; Маевский и др., 2016), но темпы экономического роста сокращались. Наблюдались перекосы и перепроизводства в одних отраслях (ОПК) и нехватка в других (потребительские товары) (Маевский и др., 2016), что исправить в отсутствие предпринимательской инициативы и соответствующих сигналов (нерегулируемых цен) было затруднительно (Полтерович, 2007). Потребность в новых технологиях росла, в частности в ИКТ; их внедрение ограничивалось из-за санкций со стороны США и их союзников (КОНКОМ) на импорт технологий и, вероятно, из-за отсутствия технологического предпринимательства.

В 1985 г. плотность малых предприятий находится на минимуме. Общество столкнулось с дефицитом ряда потребительских товаров (Яременко, 2000). Описанные ограничения и нерыночные принципы размещения предприятий могли снижать и искажать стимулы к деловой активности населения (Fritsch et al., 2014). Предпринимательская активность осуществляется в своих низших формах — в виде субкриминальной деятельности цеховиков, фарцовщиков, а также при продаже крестьянской продукции и т. п. (Чепуренко и др., 2004; Андрюхин, 2011). Предприимчивые граждане вопреки запретам находили и заполняли подобные рыночные ниши, сохраняя и передовая предпринимательскую культуру, хотя и в искаженном виде. В рамках политики перестройки²³³ в мае 1987 г. вступил в действие Закон СССР «Об индивидуальной

²³⁰ Могли влиять и институциональные факторы, когда преимущества при планировании открытия новых торговых объектов отдавались стратегическим районам «больших» строек.

²³¹ Например, в экономике с большим числом предпринимателей ремонтные функции, поставки и производство компонентов рассредоточены. В СССР гарантийный ремонт техники, например автомобилей, был затруднен.

²³² Чему способствовал рост валовых показателей в отсутствии достаточных критериев качества и востребованности продукции (Валовой, 1991; Яременко, 2000).

²³³ Д. Аджемоглу и П. Робинсон (Acemoglu, Robinson, 2012) считают, что в СССР преобладали экстрактивные политические институты (запрет всех партий кроме одной, диктат коммунистической идеологии), которые хотя и

трудовой деятельности», который легализовал предпринимательство. Закон «О кооперации в СССР» (1988 г.) позволил создавать предприятия в строительстве, производстве товаров, массовом питании, бытовых услугах: численность занятых в этих отраслях в тот же год выросла в 10 раз, а объемы выпуска товаров и услуг – почти в 20 раз (Чепуренко и др., 2004) (*шестая волна деловой активности*). География кооперативных хозяйств в 1989 г. схожа с географией довоенной торговли (рис. 16). По-прежнему высока роль регионов недавнего освоения: Магаданская²³⁴, Сахалинская, Калининградская область, Камчатка, Красноярский край, где выше доля молодых возрастов, активных и предприимчивых граждан, в т. ч. из других регионов. Особую роль здесь сыграли такие формы кооперации как Центры научно-технического творчества молодежи в Москве, Санкт-Петербурге, в крупнейших агломерациях и наукоградах. Высокая плотность наблюдалась на юге, где сохранились традиции сельскохозяйственных ярмарок: Ростовская область, Ставропольский край, Краснодарский край; в традиционных центрах дореволюционного мелкотоварного бизнеса: Костромская, Владимирская, Ивановская области. Выше среднего значения в крупных городах с высоким потребительским спросом: Москва, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Томск, Санкт-Петербург, Екатеринбург. Ниже значения в Центральном Черноземье с высокой долей более консервативного и небогатого сельского населения: Липецкая, Курская, Тамбовская области, где укоренились коммунистические нормы²³⁵ (Туровский, 2006; Granville, Leonard, 2010).

Закон РСФСР от 25.12.1990 г. №445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» установил право граждан создавать частные фирмы. Неудовлетворенный потребительский спрос стимулировал предпринимательскую активность. В 1992 г. были достигнуты максимальные за весь постсоветский период темпы роста числа малых предприятий (в 2,1 раза) и численности занятых в них (*шестая волна*) (Чепуренко и др., 2004). Отдельные университеты и институты РАН становятся центрами зарождающегося технологического предпринимательства, обеспечивая их помещениями, оборудованием и кадрами. К сожалению, экономический и политический кризисы 1990-х, разрушение цепочек добавленной стоимости из-за распада СССР и Совета экономической взаимопомощи, ошибки в проведении приватизации привели к тому, что многие советские предприятия не смогли переориентировать свое производство, обанкротились или остановили свою деятельность (Шкредов, 1999). Первичный этап накопления капитала привел к концентрации собственности и созданию крупных

обеспечивали высокие темпы роста, рано или поздно должны были вступить в противоречие с необходимостью расширения инклюзивных экономических институтов, что происходило в период НЭПа и реформ М.С. Горбачева.

²³⁴ в т.ч. потомки купцов и кулаков, переселенных в Сибирь и на Север.

²³⁵ Коммунистическая идеология, основанная на трудах К. Маркса, Ф. Энгельса (см. п. 1.1), фактически запрещала частнопредпринимательскую деятельность, особенно предполагавшую найм сотрудников, как форму эксплуатации рабочего класса. Такие представления могли сохраняться и передаваться как нормы на отдельных территориях, где первые предприниматели были (и, возможно, остаются) объектами социального неодобрения.

вертикально-интегрированных холдингов с широкой сетью предприятий (Кузнецова и др., 2017), обогащению отдельных граждан и обеднению большинства. Возможность формирования сообщества независимых собственников, предпринимателей, среднего класса была упущена. Вынужденное предпринимательство стало источником заработка для многих семей (Радаев, 1997; Aidis et al., 2008; Aidis et al., 2010; Estrin et al., 2013; Яковлев и др., 2007; Долгопятова и др., 2007). В 1996 г. плотность малого бизнеса выше в крупнейших городах страны (г. Москва, г. Санкт-Петербург) и на приграничной периферии благодаря широкому распространению «челноков»²³⁶: Тыва, Дагестан, Алтай, Краснодарский край, Амурская область и т. д. (рис. 16). Во многих республиках значение выше из-за повышенной доли молодых возрастов и отсутствия иных мест приложения труда. В Центральном Черноземье доля невысока из-за меньших доходов сельских жителей и иных форм адаптации к кризису (ЛПХ). Распространяются рэкет, рейдерство и другие формы деструктивного бизнеса²³⁷ (Волков, 2002).

Предпринимательство постепенно эволюционировало: с начала 2000-х (*седьмая волна деловой активности населения*) высокие цены на нефть, рост доходов жителей в совокупности с экономическим реформами, направленными на либерализацию законодательства способствовали упорядочиванию и легализации МСП (Яковлев, 2006; Cherpurenko, Vilenskiy, 2016). Постепенно по мере укрепления формальных институтов, *первая «суццессия»* хищнических форм сменилась более широким распространением конструктивного предпринимательства в зависимости от базовых условий делового климата региона: на юге – формировались фермерские хозяйства, складывались агрохолдинги и туристические фирмы, в крупных агломерациях – различного рода сервисные компании, в промышленных центрах – производственные объединения, в центрах добычи – крупные вертикально интегрированные холдинги. В отдельных регионах с высоким инновационным потенциалом стали появляться технологические стартапы; появились быстрорастущие фирмы-«газели», связанные с распространением ИКТ, новых форм сервисов: МТС, «Яндекс», «Теремок», «Т-Банк» и другие.

Существенные преобразования в истории России должны были полностью изменить пространственные и иные закономерности и факторы деловой активности (рис. 16). Но исследования в странах, не проходивших этапов социалистической трансформации, показывают, что территориальная структура деловой активности, хотя и подвержена изменениям, обладает определенной инертностью, зависимостью от пройденного пути. Для понимания российской ситуации требуется более точная эконометрическая оценка.

²³⁶ Доставляли в Россию и продавали товары повседневного спроса (Яковлев и др., 2007), среди них было много женщин (Барсукова, 1999). В начале 2020-х гг. женщины-предприниматели возглавляют до 20% малых и средних предприятий в России, что выше среднемирового уровня женского предпринимательства в несколько раз.

²³⁷ Например, в 1990-е гг. некоторые иностранные компании, поглощая производственные активы, закрывали предприятия (потенциальных конкурентов), то есть в широком смысле вели деструктивную деятельность.

2.2. Оценка влияния историко-географических закономерностей на современную предпринимательскую активность в регионах России

Учитывая значимую роль предпринимательства в экономике многих стран и регионов (см. п. 1.3), ученые и политики проявляют интерес к выявлению долгосрочных (исторических) факторов, стимулирующих деловую активность жителей. Есть ряд подобных клиометрических работ и о России. Например, показано, что советские и российские малые предприятия в Калининградской области расположены и создаются в тех же поселениях, что и в довоенной Пруссии (Fritsch et al., 2019), то есть даже полное исчезновение предыдущих поколений предпринимателей (этнических немцев) не изменило закономерностей размещения. В регионах, где кооперативная деятельность в конце 1980-х гг. была выше, доля работающих не по найму в населении выше и в современный период (Заздравных, 2019). Регионам с большим удельным весом занятых в НИОКР в конце советского периода удалось добиться большего успеха в развитии современных наукоемких бизнес-услуг (Ivanov, 2016), таких как инжиниринг и информационные технологии, благодаря наличию университетов и НИИ, создававших необходимый человеческий капитал. Вузы играют заметную роль в стимулировании предпринимательской динамики в городах СНГ в постсоветский период (Korosteleva, Belitski, 2017). Плотность малого бизнеса в современный период положительно и сильно связана с уровнем его развития в конце 1990-х гг. XX в. (Земцов, Царева, 2018), при этом связь со временем убывает. Есть основания полагать, что предпринимательская активность в России является высоко персистентным явлением (Fritsch et al., 2019), что может быть связано со способностью сохранения некоторых норм в культуре отдельных региональных сообществ (Acemoglu, Robinson, 2012; Веселов, Яркин, 2022), например сформированных под воздействием университетов и высшего образования (Glaeser et al., 2012; Fritsch, Wyrwich, 2023) или крепостного права (Markevich, Zhuravskaya, 2018).

В соответствии с задачами исследования и на основе проведенного анализа сформулировано несколько гипотез для эконометрической оценки связи между современной предпринимательской активностью (*седьмая волна* с 2000 г., рис. 15), ее проявлениями в предыдущие периоды (*четвертая, пятая волна*, советский период) и долгосрочными факторами:

1) Долгое существование в регионе университета может положительно влиять на деловую активность местного населения. Распространение университетов и высшего образования в России, отвечавшее потребностям развивающейся и усложняющейся хозяйственной деятельности, можно считать движением к более инклюзивным экономическим институтам, т.к. оно позволяло вовлечь в современную хозяйственную деятельность большее число граждан, в т.ч. из других регионов. Классические университеты постепенно формировали вокруг себя культуру познания и преобразования мира, схожую с культурой созидательного

предпринимательства. Более долгое существование университетов могло способствовать укоренению подобной культуры и ее сохранению в местных сообществах (Korosteleva, Belitski, 2017; Fritsch, Wyrwich, 2018; Zemtsov et al., 2021; Glaeser et al., 2012). При этом современные университеты через формирование человеческого капитала регионов положительно влияют на предпринимательскую активность (см. п.1.4.), и сложно разделить два направления влияния. Для этого предложено учитывать уровень образования в современный период (контрольная переменная), а для институциональной (социокультурной) переменной использовать прокси – время основания вуза.

2) Отдельные экстрактивные институты досоветского периода, в частности крепостное право, могут закрепляться в ментальных особенностях и поведенческих практиках местных сообществ и оказывать негативное влияние на современную деловую активность населения ряда регионов России вопреки существенным изменениям XX в. Это может быть связано с высокой укорененностью наследия крепостничества, в первую очередь – барщины, в культуре и представлениях местных жителей, и выражаться, в частности, в более высоком патернализме, меньшей склонности к риску, большей дистанции власти и т. д. (Аузан и др., 2017). К сожалению, здесь возможно смешивание эффектов крепостничества и общего низкого уровня социально-экономического развития территорий, которое могло быть обусловлено распространением крепостного права в прошлом, поэтому используются контрольные переменные для оценки уровня экономического развития.

3) Плотность малого бизнеса в России в современный период связана с деловой активностью населения в предыдущие периоды, в т.ч. с дореволюционной. Здесь проверяется связь между двумя основными циклами предпринимательской активности (рис. 15) в конце XIX – начале XX вв. и в конце XX – начале XXI вв. Купечество²³⁸ как институт могло заложить основы предпринимательской культуры в ряде регионов, например в Ярославской области. Впрочем, в ранний советский период купечество могло быть одним из наиболее пострадавших слоев населения в результате репрессий, а потому в регионах, где оно было представлено, плотность малого бизнеса, наоборот, может быть снижена.

4) География малого бизнеса в современный период не коррелирует с размещением торговых предприятий в советский период из-за различных принципов размещения в плановой и рыночной экономике. Современный малый бизнес в существенной мере связан с торговлей (см.

²³⁸ Распространение купечества в России можно рассматривать как движение от экстрактивных институтов к более инклюзивным, т.к. несмотря на сословную структуру российского общества того периода, купцами могли стать представители различных сословий, в т.ч. бывшие крепостные. Впрочем, купечество могло выступать и как консервативный фактор, когда интересы торговли и развития промышленности не совпадали. Например, некоторые купеческие (процветавшие) города России пришли в упадок, когда местные купцы противодействовали строительству железных дорог (г. Болхов Орловской области). Впрочем, позднее купцы составляли существенную долю промышленников Российской империи.

3.4), а предприятия размещаются исходя из объективных факторов спроса и предложения, которые могут сохраняться продолжительное время, поэтому связь гипотетически возможна, по крайней мере, для раннего СССР. В позднем СССР превалировало нормированное подушевое распределение, в т.ч. в зависимости от размещения промпредприятий и обслуживающей их работников торговой инфраструктуры (отделы рабочего снабжения) (Никольский, 1986).

5) Вынужденное предпринимательство, возникавшее в периоды тяжелых экономических шоков, например, в 1920-е гг. после Гражданской войны или в 1990-е гг. после распада СССР, не оказывает влияния на распространение современного конструктивного предпринимательства, т.к. последний в большей мере формировался уже в сравнительно нормальных рыночных условиях. Шоки могут существенно исказить естественное распределение деловой активности и стимулы к ней, в частности в 1990-е в стране расширялось влияние деструктивных, хищнических форм. Это может на долгое время оказывать негативное влияние на представления о предпринимательстве в обществе.

При эмпирической проверке гипотезы о воздействии институтов на деловую активность установить причинно-следственную связь может быть затруднительно ввиду проблемы эндогенности: предпринимательство влияет на качество институтов (см. п. 1.4) и / или на них влияют иные факторы (Acemoglu, Robinson, 2012). Для того, чтобы избежать этой проблемы, могут применяться различного рода инструменты – переменные, которые напрямую не связаны с современной предпринимательской активностью, но определяют институциональные условия, например в прошлом²³⁹. В расчетах используются исторические переменные, которые вряд ли могли повлиять напрямую на зависимую переменную, но при этом могли сформировать определённые традиции, культуру в регионах, которая передавалась бы на протяжении продолжительного времени. Большую роль при этом играют квазиестественные эксперименты, когда только часть социально-экономической системы подвергалась изменениям (Fritsch, Wyrwich, 2023). Крепостное право было распространено лишь на части территории России, а университеты размещались по территории весьма неравномерно.

Зависимой переменной, оценивающей современное состояние конструктивной предпринимательской активности в регионах, выступило уже подробнее рассмотренное в п. 1.3 отношение числа малых (включая микро-) предприятий к численности рабочей силы (ЭАН), или плотность малого бизнеса. Для исторических оценок подобраны косвенные переменные деловой активности (табл. 4, формула 14). Для проверки гипотез при построении эконометрических моделей необходимо учесть базовые региональные характеристики (подробнее описано в п. 1.4),

²³⁹ Например, в качестве такого инструмента в уже упоминавшейся в п. 1.4 работе (Acemoglu et al., 2005) использовалась плотность коренного населения в колониях Нового света. Там, где плотность жителей до прихода колонизаторов была выше, складывались экстрактивные институты.

тогда остаток может объясняться недоучётом искомым историко-географических факторов (Fritsch et al., 2019; Барина и др., 2018b; Audretsch, Belitski, 2022; Барина и др., 2023):

$$EA_{i,t} = \alpha_1 Aglom_{i,t} + \alpha_2 Struct_{i,t} + \alpha_4 Instit_{i,t} + \alpha_5 Demand_{i,t} + \alpha_6 HumCap_{i,t} + \alpha_5 Unempl_{i,t} + \alpha_6 History_{i,t} + \delta_{i,t} \quad (14);$$

где EA – оценка деловой активности населения через плотность малого бизнеса в регионе i в период t (1998-2018 гг.); $Aglom$ – оценка агломерационных эффектов и доступа к рынкам; $Struct$ – оценка структурных особенностей экономики, $Instit$ – оценка особенностей современной институциональной среды, $HumCap$ – оценка качества человеческого капитала; $Demand$ – оценка потенциального спроса; $Unempl$ – уровень безработицы; $History$ – переменные интереса, связанные с оценкой влияния социокультурных факторов и исторического уровня деловой активности, δ – случайная ошибка и необъясненный остаток.

Таблица 4 – Основные переменные и источники данных

Факторы	Переменные	Источник	Связь ²⁴⁰
Контрольные переменные. Базовые факторы			
Рынок труда (<i>Unempl</i>)	Уровень безработицы, %	Росстат	-
Человеческий капитал (<i>HumCap</i>)	Среднее число лет обучения	Zemtsov et al., 2021	+
Потенциальный спрос (<i>Demand</i>)	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Росстат	+
Институциональные условия (<i>Instit</i>)	Индекс обеспеченности банковскими условиями	Барина и др., 2018	+
Структурные особенности (<i>Struct</i>)	Доля добывающей промышленности в ВРП, %	Барина и др., 2018	-
Агломерационные эффекты и объем рынков (<i>Aglom</i>)	Плотность населения, чел на кв. км	Росстат	+
	Урбанизация (доля горожан), %	Росстат	+
	Объем доступных рынков, млрд руб.	Земцов и др., 2021	+
Пространственные эффекты (<i>nEA</i>)	Предпринимательская активность в соседних регионах	Belitski et al., 2023	+
Историко-географические переменные интереса			
Культура крепостничества	Доля крепостных крестьян в населения в 1859 г., %	Федоров, 1966	-
Университетская среда	Возраст старейшего университета в регионе, лет	Открытые данные вузов	+
Дореволюционная купеческая культура	Доля купцов и членов их семей в населении в 1897 г., %	Перепись населения в 1897 г.	+
Наследие периода НЭП	Доля занятых в торговле в 1926 г., %	Перепись населения в 1926 г.	+/-
Унаследованность функций места советского периода ²⁴¹	Число предприятий розничной торговли на 1 тыс. чел. в 1940, 1950, 1970 гг.	Народное хозяйство РСФСР	+/-
Наследие периода перестройки	Число действовавших кооперативов на 1 тыс. человек в 1989 г.	Народное хозяйство РСФСР	+
Наследие реформ 1990-х гг.	Число малых предприятий на 1 тыс. чел. рабочей силы в 1996 г.	Росстат. Регионы России	-

Источник: составлено автором.

²⁴⁰ Ожидаемое направление связи: «+» - положительная, «-» - отрицательная, «+/-» - неоднозначно.

²⁴¹ Косвенное влияние плановых методов управления.

Рассматриваются несколько этапов деловой активности в России, *соответствующие волнам ее распространения*, которые могли накладываться друг на друга, сохраняясь в территориальных особенностях предпринимательской активности:

- 1) дореволюционный период (повышательная стадия *четвертой волны деловой активности населения*) – доля купцов и их семей в населении в 1897 г., %;
- 2) период новой экономической политики (понижательная стадия *четвертой волны деловой активности населения*) – доля занятых в торговле в 1926 г., %;
- 3) советский период (*падение уровня предпринимательской активности*) – число торговых предприятий на душу населения в предвоенном 1940 г. и в 1970 г.;
- 4) перестроечный период (начало *пятой волны деловой активности, второго цикла распространения предпринимательской активности*) – число кооперативов на душу населения в 1989 г.;
- 5) ранний постсоветский период, реформы 1990-х гг. (конец *пятой и начало шестой волны деловой активности*) – число малых фирм к численности рабочей силы в 1996 г.

Для подтверждения гипотезы о долгосрочном влиянии институтов были собраны и агрегированы данные по доле крепостных в населении регионов в 1859 г. перед отменой крепостного права (1861 г.), а также данные об основании университетов ²⁴² в регионах России. Безусловно, за весь рассматриваемый период существенно изменилось административно-территориальное деление в России. Поэтому расчеты для значений показателей до 1940 г. выполнены путем наложения границ современных регионов и существовавших ранее губерний путем осреднения значений для разных частей и ручных (экспертных) корректировок на основе сопоставления расположения крупных городов. Поэтому возможны искажения в результатах, но более точные данные в России отсутствуют.

При проведении эконометрического исследования использовалась следующая стратегия. На первом этапе были проведены оценки методом наименьших квадратов (МНК) с нелогарифмированными переменными (Приложение А.2). Эти оценки могли быть смещенными из-за использования содержательно близких показателей деловой активности за разные периоды, в т.ч. лага зависимой переменной для 1996 г. При использовании лаговых значений может возникать проблема низкой точности оценок стандартных ошибок (Blundell et al., 2001). Поэтому на втором этапе использован обобщающий метод моментов (ОММ; Приложение А.2) для верификации и проверки робастности результатов, то есть их устойчивости к выбросам. Но его результаты могли быть искажены влиянием высокой наблюдаемой гетероскедастичности, а

²⁴² Есть проблема определения возраста университета, которая связана с различным статусом образовательных организаций. Отдельные вузы были созданы как коммерческие училища, потом действовали как педагогические институты. Преимущественно использовались данные о времени получения статуса высшего учебного заведения.

разный размер выборки для разных лет²⁴³ также мог вносить искажения. Поэтому на третьем (финальном) этапе для дополнительной проверки робастности результатов обеспечен одинаковый размер выборки и логарифмированы все переменные. Для решения проблемы автокорреляции между лаговыми и зависимой переменной и гетероскедастичности использовались предназначенные для этого оценки со стандартными ошибками в форме Ньюи-Уеста (Fritsch, Wygwich, 2014). Расчеты проверялись на наличие мультиколлинеарности (см. матрицу парных корреляций в Приложении А.1). Из-за проблемы мультиколлинеарности исторические переменные одновременно не использовались в одной модели, а гипотезы проверялись последовательно. Упомянутая проблема потенциальной эндогенности решалась путем включения в модель большого числа контрольных переменных и проведения различного рода проверок робастности результатов.

Результаты моделирования в целом подтвердили выдвинутые гипотезы (табл. 5, приложение А.2). Контрольные переменные²⁴⁴ оказывают ожидаемое влияние на плотность малого бизнеса в России: деловая активность выше в регионах с более высоким уровнем экономического развития (ВРП на душу населения), близостью к крупным рынкам и высоким качеством человеческого капитала, в регионах с негативной экономической динамикой и высокой безработицей – плотность малого бизнеса ниже.

Первая гипотеза о *позитивном влиянии университетской культуры* в целом подтверждается после учета контрольных переменных. Значимое влияние университетов на формирование соответствующей культуры поиска и предприимчивости проявляется преимущественно для тех вузов, которые были созданы в досоветский период²⁴⁵: из 20 регионов, где университеты созданы до революции 1917 г. (рис. 17), 12 входят в число лидеров по деловой активности: г. Санкт-Петербург, г. Москва, Татарстан, Томская, Нижегородская, Вологодская, Самарская, Свердловская, Рязанская, Тюменская области, Приморский, Пермский край. В советское же время вузы создавались преимущественно с целью подготовки инженерных

²⁴³ Для разных лет доступно разное число наблюдений, данных по регионам. Чаще всего выпадают малые регионы, республики и вложенные субъекты, где недостаточно статистических данных: Ненецкий АО, ХМАО, ЯНАО, Еврейская АО, Чукотский АО, Чечня, Ингушетия.

²⁴⁴ Плотность населения значима только в расчетах с использованием нелогарифмированных переменных, она существенно различается между регионами и не отражает реального распределения жителей. Современный уровень урбанизации (не включен в таблицу) также не значим. Процессы урбанизации замедлились при существенном росте предпринимательской активности в постсоветский период. Хотя некоторая связь деловой активности и возникновения городов может быть обнаружена и сегодня. Например, город Котельники, возникший в 2004 году, – пример города, развивавшегося вместе с *седьмой волной деловой активности* и связанного с распространением торговой сферы вблизи крупной Московской агломерации. Город Иннополис в Республике Татарстан создан для развития компаний в сфере информационных технологий (ИТ).

²⁴⁵ Доля студентов-выходцев из дворян, духовенства и купечества была на порядок выше, чем из других сословий, поэтому институт следует считать лишь условно инклюзивным. По данным: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год. Пг., 1916. С.11.

кадров²⁴⁶ для работы на стройках и гигантах советской промышленности и вряд ли могли кардинально повлиять на зарождение предпринимательских инициатив. Для формирования культуры требуется долгое время, несколько поколений образованных людей, поэтому влияние недавно созданных вузов минимально, поэтому деловая активность низка в регионах, где вузов нет или они созданы уже в постсоветский период.

Таблица 5 – Результаты оценки влияния историко-географических региональных характеристик на современную предпринимательскую активность в России в 1998–2018 гг.

Зависимая переменная – число микро- и малых предприятий на 1000 чел. рабочей силы							
Переменные / модели	1	2	3	4	5	6	7
ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,27*** (0,05)	0,23*** (0,05)	0,28*** (0,05)	0,25*** (0,05)	0,27*** (0,05)	0,27*** (0,05)	0,34*** (0,04)
Безработица, %	-0,3*** (0,04)	-0,3*** (0,05)	-0,29*** (0,05)	-0,3*** (0,04)	-0,29*** (0,04)	-0,3*** (0,04)	-0,23*** (0,05)
Плотность населения, чел. на кв. км	0,01 (0,01)	0,001 (0,01)	0,01 (0,01)	0,02 (0,01)	-0,01 (0,02)	0,01 (0,01)	-0,02 (0,01)
Рыночный потенциал, млрд руб.	0,21*** (0,03)	0,22*** (0,03)	0,21*** (0,03)	0,21*** (0,03)	0,21*** (0,03)	0,21*** (0,03)	0,23*** (0,03)
Число лет обучения	2,3*** (0,28)	2,37*** (0,28)	2,27*** (0,27)	2,33*** (0,28)	2,26*** (0,27)	2,28*** (0,28)	1,99*** (0,26)
Доля крепостных в 1859 г., %	-0,013*** (0,005)	-0,011** (0,005)	-0,01* (0,006)	-0,01* (0,005)	-0,011* (0,006)	-0,013** (0,005)	0,001 (0,005)
Возраст старейшего университета, лет	0,11** (0,04)	0,15*** (0,05)	0,08* (0,05)	0,1** (0,04)	0,1** (0,04)	0,1** (0,04)	0,04 (0,04)
Доля купцов, %		0,01 (0,05)					
Квадрат доли купцов		0,02** (0,008)					
Доля занятых в торговле в 1926 г., %			0,02 (0,02)				
Число торговых предприятий в 1940 г. на 1 тыс. чел. населения				0,18*** (0,05)			
Число торговых предприятий в 1970 г. на 1 тыс. чел. населения					-0,15 (0,1)		
Число кооперативов на 1 тыс. чел. населения в 1989 г.						0,03* (0,02)	
Число малых предприятий на 1 тыс. чел. рабочей силы в 1996 г.							0,3*** (0,04)
Константа	-4,48*** (0,73)	-4,79*** (0,72)	-4,25*** (0,73)	-4,59*** (0,73)	-4,21*** (0,75)	-4,38*** (0,73)	-4,42*** (0,7)
R ²	0,55	0,55	0,55	0,55	0,55	0,55	0,57

Источник: составлено автором.

Примечание: Все переменные логарифмированы. Панельная модель с фиксированными эффектами (использована в соответствии с тестами). В скобках указаны стандартные ошибки в форме Ньюи-Уеста. Указаны значимые оценки: *** — наиболее значимые (p-value <0,01), ** — менее значимые (p-value <0,05), * — наименее значимые (p-value <0,1).

²⁴⁶ Кроме того, существовала система распределения выпускников, то есть подготовленные кадры часто не работали впоследствии в регионе, в котором учились.

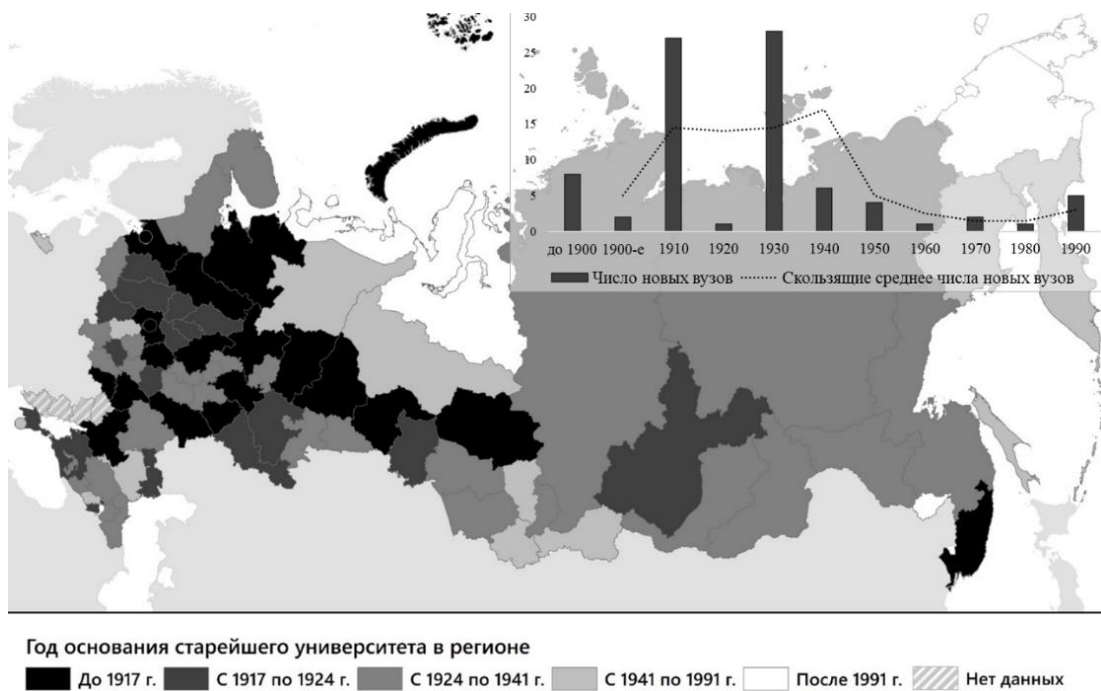

Рисунок 17 – Период основания старейшего в регионе университета.

Источник: расчеты автора.

Вторая гипотеза о негативном влиянии культуры крепостного права на деловую активность населения в целом подтверждается проведенными расчетами: чем больше была доля крепостных²⁴⁷ в регионе перед отменой крепостного права, тем ниже плотность малого бизнеса в современный период при прочих равных условиях. Заметим, что это влияние нельзя выявить напрямую из-за очевидно низкой корреляции между двумя переменными. Так, например крепостное право отсутствовало в северокавказских регионах, где, однако, плотность малого бизнеса низка из-за других институциональных проблем, высоких издержек ведения бизнеса в горной местности и иных факторов. В то же время, доля крепостных была весьма высока на территории нынешних Нижегородской, Ярославской и Рязанской областей, где распространена была оброчная система, а деловая активность населения традиционно высока, в т.ч. в дореволюционный период. В советский период политика государства была во многом направлена на снижение влияния дореволюционного наследия, в частности стимулировалось активное горизонтальное и вертикальное перемещение населения²⁴⁸, создавались многочисленные предприятия в городах и на неосвоенных территориях. Поэтому изучаемая связь проявляется только в том случае, когда с помощью контрольных переменных удастся учесть многочисленные изменения социально-экономических условий в России. Необъясненный

²⁴⁷ При изучении влияния крепостничества не выделялись отдельно разные группы крепостных: государственные, монастырские и т. д. и не различаем оброк или барщину в качестве основных повинностей крепостных. Влияние разных групп крепостных могло быть различным, что требует дальнейших исследований.

²⁴⁸ С другой стороны, в ранний советский период создание совхозов и колхозов, отсутствие паспортов у крестьян может рассматриваться как политика закрепления крестьянства, а соответственно оно могло, наоборот, влиять на сохранение в культуре наследия крепостничества. Наиболее активные жители стремились в города.

остаток после учета основных факторов деловой активности может быть связан с долгосрочными институциональными факторами, в частности с культурой крепостничества. Безусловно, усиливает влияние фактора крепостничества эффект самоотбора: наиболее активное население районов преобладания барщины покинули эти регионы, в частности в период Столыпинских реформ, последующей урбанизации и индустриализации, освоения северных и восточных территорий. Оставшееся население могло быть в большей степени связано с консервативными практиками и представлениями предков, приток же пришлого населения в эти регионы был минимален в условиях ограничения ресурсов.

Описываемые Д. Аджемоглу и соавторами (Acemoglu et al., 2005) закономерности зависимости характера институтов от природных условий и плотности населения (п. 1.4) можно увидеть и в России: в некоторых районах нового освоения (в Сибири, на Русском Севере, например) изначально формировались более инклюзивные институты²⁴⁹, ближе к Центру с большей плотностью населения – крепостное право²⁵⁰. Но позднее к середине XIX в. там, где высока плотность населения, в т.ч. на периферии (например, в Прибалтике) уже созданы университеты и внедрен оброк, но одновременно в густозаселенном Черноземье, по-прежнему, преобладает барщина. То есть там, где природных ресурсов было больше, например, для выращивания зерновых, помещики были заинтересованы в сохранении барщины, а на севере с редкими ресурсами крепостные нередко выкупали себя и становились купцами: Морозовы, Абрикосовы, Елисеевы и др. Таким образом, не только внедрение, но и сохранение экстрактивных институтов зависит от наличия ренты.

Третья гипотеза *о связи малого бизнеса России с дореволюционным купечеством* частично подтверждается, но эта связь нелинейная – квадратичная (модель 2; рис. 18): плотность малого бизнеса выше в тех регионах, где доля купцов в конце XIX века была, соответственно, выше и ниже средней. Некоторые регионы, где укоренилась культура предпринимательства²⁵¹ и / или сохранились схожие факторы деловой активности, поэтому они лидировали в оба периода: это столичные агломерации, Ярославская, Костромская, Тверская, Рязанская и Смоленская области

²⁴⁹ На практике отделить экстрактивные от инклюзивных институтов непросто, много переходных форм, например оброк. Концепция двух типов норм весьма схожа с идеями о порядках закрытого и открытого доступа Д. Норта с соавторами (Полтерович, 2018).

²⁵⁰ Следует различать разные механизмы освоения территории европейскими странами и в России.

²⁵¹ Купеческая региональная культура могла передаваться из поколения в поколение даже в советский период с помощью образов известных предпринимателей, а уже в постсоветский период воплощаться через создание соответствующих памятников. Например, в Ярославской области, одном из традиционных и современных предпринимательских центров России, на железнодорожном вокзале установлена статуя С. Мамонтову, в г. Москве у Третьяковской галереи – памятник П. Третьякову, в Пермском крае рядом с Пермским государственным университетом – меценату университета Н. Мешкову, в Вологде рядом с университетом – Х. С. Леденцову. Для сравнения в Орловской области была установлена скульптурная композиция, посвященная современному предпринимателю, который тянет по России воз налогов, проверок и т.д., что ярко показывает различия в культурных нарративах. Несколько памятников посвящены челнокам 1990-х гг., в т.ч. в приграничных регионах: Белгородской и Амурской областях. В Туле и на Урале установлены памятники промышленникам Демидовым.

(исторические купеческие города и современный туризм), Приморский и Хабаровский край (международная торговля с Китаем). Есть регионы советского освоения, в которых практически не было купцов, но сложились благоприятные факторы для малого бизнеса в новую эпоху: Сахалинская, Тюменская области (добывающие центры с большим потребительским рынком), Омская, Новосибирская, Воронежская, Челябинская области, Татарстан (крупнейшие города с большими рынками). С другой стороны, в некоторых исторических центрах купечества плотность малого бизнеса сейчас ниже среднероссийской: Тульская, Брянская, Владимирская, Новгородская области. Эти регионы пострадали в период Великой Отечественной войны, утратили значительную часть коренного населения, а новые советские предприятия обрабатывающей промышленности создавались при привлечении новых кадров, которые, не имели никакой связи с местной дореволюционной культурой. Кроме того, население многих регионов с развитым купечеством пострадало в ходе репрессий в ранний советский период, что могло ликвидировать культурные традиции.

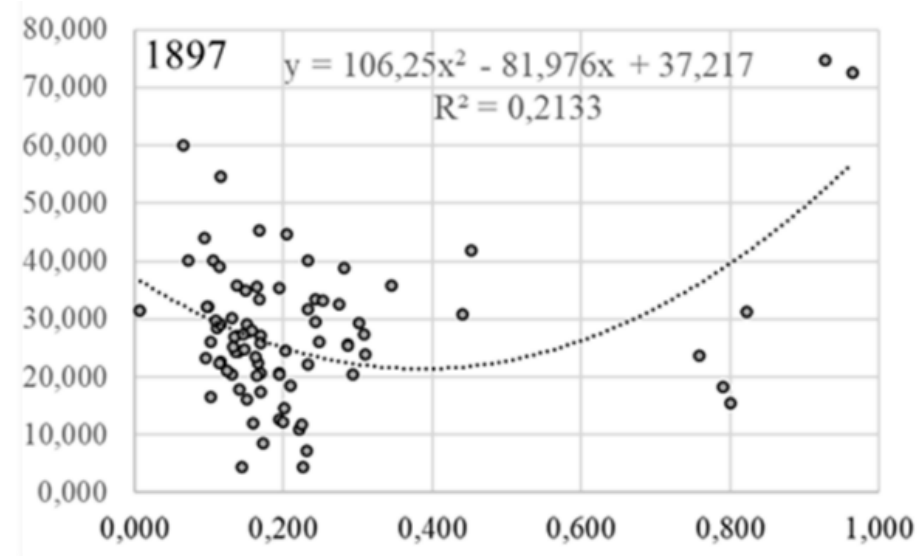

Рисунок 18 – Взаимосвязь между долей купцов и их семей в населении региона в 1897 г. (% , ось x) и плотностью малого бизнеса (ед на 1000 чел. рабочей силы) в 2018 г.

Источник: расчеты автора.

Четвертая гипотеза об отсутствии связи между пространственным распределением советских предприятий и современных малых бизнесов частично подтверждается. Заметим, что в регионах, где плотность торговых предприятий в довоенный период (1940 г.) была выше на одно учреждение (в расчете на 1000 человек населения), плотность малого бизнеса сейчас выше на 0,071 малого предприятия (в расчете на 1000 человек рабочей силы) (табл. 5). А вот связь с развитием торговли в 1970 г. не прослеживается (переменная не значима), т.к. плановые методы управления, широко распространившиеся после огосударствления кооперативов, привели к существенным изменениям в структуре пространственного распределения торговых

предприятий²⁵². В РСФСР принципы размещения торговых предприятий²⁵³ могли учитывать государственные приоритеты, а потому плотность торговых заведений была выше в районах нового освоения (Сахалин, Север, Сибирь), но ниже в сельскохозяйственных регионах и в крупнейших городах (Москва, Ленинград, Куйбышев), где потребность в числе и разнообразии подобных учреждений была высока.

Связь с процессами вынужденного предпринимательства во время Новой экономической политики и в период реформ 90-х гг. подтверждается только для моделей с нелогарифмированными переменным (Приложение А.2), а связь с плотностью кооперативов в период реформ М.С. Горбачева в 1989 г.²⁵⁴ – для всех моделей, что частично опровергает пятую гипотезу об отсутствии связи с периодами шоков, когда стимулы и закономерности деловой активности искажены. Это может быть обусловлено тем, что современный малый бизнес частично сформировался в период реформ и пережил многочисленные кризисы последних лет (1998, 2008, 2015, 2020, 2022), то есть также связан с вынужденным предпринимательством. Кроме того, там, где население в принципе более предприимчиво, оно в периоды радикальных изменений чаще ищет выход из положения через вынужденное предпринимательство, особенно в регионах, граничащих с большими рынками (Европа, Китай).

Лишь в шести регионах оценки деловой активности населения были выше среднерегиональных значений в досоветском, советском и современном периодах: крупнейшие агломерации с развитой предпринимательской культурой (Москва, Санкт-Петербург), дальневосточные прибрежные территории: Сахалинская область, Камчатский, Хабаровский и Приморский край и Балтийское побережье – Ленинградская область, то есть наличие и близость крупных рынков (крупнейших агломераций, других стран) всегда стимулировало различные формы обмена и предприимчивости. Среди исторически сложившихся центров предпринимательства можно также назвать Ярославскую, Ивановскую, Иркутскую области (центры купечества), Томская область (предприимчивые высококвалифицированные мигранты, старейший вуз Сибири), Краснодарский край и Крым (международная торговля, туризм, сельское хозяйство). При этом в большой группе регионов (15) значения ниже среднероссийских

²⁵² Распределение новых предприятий в теории должно было осуществляться на основе научно-обоснованных принципов размещения, которые вырабатывались многочисленными научно-исследовательскими институтами, например в структуре АН СССР, Госплана. Однако на практике оно учитывало государственные приоритеты, которые существенно могли различаться между отраслевыми ведомствами, а тем более между членами партийной номенклатуры, оказывавшим влияние на конечные решения.

²⁵³ Отнесение торговых предприятий советского периода к предпринимательской деятельности проблематично, т.к. они в значительной степени подчинялись государственному планированию, но розничная торговля была, возможно, самой рыночной отраслью советской экономики. Индикатором предпринимательства могло бы быть распределение кустарных промыслов, но их роль для экономики была незначительной, и было важно среди исторических переменных иметь те, на которые непосредственно влияли институты планового хозяйства.

²⁵⁴ Многие из этих кооперативов существуют в форме успешных предприятий, а некоторые основатели стали серийными предпринимателями. Например, одна из крупнейших компаний по производству и продаже одежды и обуви в России Gloria Jeans («Глория Джинс») основана В. Мельниковым как кооператив «Глория» в 1988 г.

наблюдались во все периоды: слаборазвитые республики Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия) и Поволжья (Мордовия, Марий Эл, Чувашия), регионы Центрального Черноземья и вблизи них с высокой долей сельского населения и наследием крепостничества (Тамбовская, Курская, Белгородская, Пензенская, Саратовская области), северные регионы с высокими издержками ведения бизнеса, сырьевой экономикой и отсутствием университетской культуры (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа).

Подводя итог, у эффекта *персистентности* (жизнестойкости, долгосрочной выживаемости) предпринимательства можно выделить три основных объяснения:

Географическое. Первое связано с наличием уникальных внешних по отношению к предприятию условий, не всегда формализуемых с точки зрения больших выборок, например, близость редкого ресурса, уникальный ландшафт (Видаль де ла Блаш, 2020), что предопределяет выгоды от восстановления и / или размещения предприятий схожей специализации. Например, сильный изгиб реки – один из факторов возникновения центральных мест (городов) на р. Оке, т.к. излучина обеспечивала большее проникновение на окружающую территорию. Полученное преимущество может накапливаться в течение столетий, а в современный период может не прослеживаться, например если ресурс исчерпан или уже не используется. Кроме того, на предпринимательство может влиять ситуация в соседних регионах (Земцов, Царева, 2018). Иными словами, *унаследованы внешние уникальные факторы размещения.*

Функциональное. Второе объяснение связано с *преемственностью функций места* (Минц, Преображенский, 1970) *при размещении* основных фондов предприятий, например, многие советские предприятия возникли на месте дореволюционных, в т.ч. путем национализации, а российские – на развалинах советских заводов и путем приватизации²⁵⁵. Похожие процессы происходили после перехода территории в другую национальную юрисдикцию, например, в Калининградской области (Fritsch et al., 2019). Зачастую основные фонды небольших предприятий остаются на одном и том же месте долгие годы²⁵⁶, переживая за период своего существования многократную смену владельцев и даже функций: от магазина – к аптеке, от аптеки – к парикмахерской и т. п. Отраслевая специфика территории, для которой может быть характерна как высокая, так низкая концентрация малых фирм, также сохраняется в течение десятилетий и столетий. Более того, новые отрасли и предприятия с большей вероятностью возникают в регионе, если они связаны с ранее существовавшими в них видами деятельности из-за накопленных специализированных фондов (Neffke et al., 2011; Xiao et al.,

²⁵⁵ Так, бывшее товарищество «Абрикосов и сыновья» стало «Фабрикой имени П. А. Бабаева» в советский период, превратившись в «Кондитерский концерн „Бабаевский“» впоследствии. Научно-производственная компания «МедИнж» в г. Пензе в 1994 г. создана на территории бывшего Пензенского завода вычислительной техники.

²⁵⁶ В работах В.Л. Бабурина (Бабурин, 2002), П.Я. Бакланова (Бакланов, 2007) основные фонды рассматривались как аналог «генов» территориально-хозяйственных систем.

2018). Даже если изначальные факторы размещения прекращают свое действие, то изменения в размещении производительных сил происходят достаточно медленно, т.к. связаны с высокими издержками (Куценко, 2012). Так, в России сохраняются металлургические кластеры, возникшие до XIX века, например, в Тульской области, хотя месторождения железа и угля уже иссякли. Этот эффект можно обнаружить и в инфраструктуре. Например, различия в предпринимательской активности в регионах Германии и Великобритании возникают из-за сохранения римского наследия в дорожной сети (Fritsch et al., 2021a); многие дороги прокладываются по историческим трактам.

Социокультурное. Третье объяснение связано с институциональными факторами, сложившейся культурой местных сообществ, в которых произошло *укоренение предпринимательства* и передача соответствующих представлений потомкам. Это может быть передача воспоминаний, образов известных предпринимателей, некоторых практик, общая ориентация семьи и поселения на выполнение определенных хозяйственных функций. Фактически частно-предпринимательская деятельность в СССР в легальных формах массово прерывалась всего на одно поколение (с конца 50-х до конца 80-х), то есть живы были носители предпринимательских традиций в семьях. Укоренение происходит на местном и региональных уровнях (Jack, Anderson, 2002; Audretsch, Belitski, 2022), т.к. важна передача неявных знаний, в частности, от предпринимателя-учителя к предпринимателю-новичку; от бабушек, торговавших излишками с огорода, к внуку – торговцу компьютерами и т. д. Важно, как в семье и в местном сообществе относились к деятельности предпринимателей, к предприимчивости, инициативности в целом²⁵⁷. Эти эффекты могут вызвать неявную передачу знаний из поколения в поколение и социальное обучение, формируя региональную культуру предприимчивости (Fritsch, Wyrwich, 2019; Fritsch, Wyrwich, 2023), которая сохраняется независимо от формальных институтов, например, советских. Особая культура созидания и преобразования мира, перекликающаяся с принципами созидательного предпринимательства, сформировалась в регионах, где продолжительное время действуют университеты. Их можно считать проводниками инклюзивных институтов в местных сообществах, а соответственно, косвенно они влияют на формирование среды, поощряющей деловую активность населения (Korosteleva, Belitski, 2017; Zemtsov et al., 2021). Кроме того, вузы извне привлекают наиболее активных жителей²⁵⁸. В предшествующих зарубежных работах внимание было сосредоточено почти исключительно на социокультурном объяснении, что не всегда было обоснованным.

²⁵⁷ В некоторых сообществах сложились отрицательные образы предпринимателей как ростовщиков, кулаков и эксплуататоров. Подобные нарративы могут глубоко укореняться и дестимулировать деловую активность жителей.

²⁵⁸ Так, например, в Кремниевой долине вблизи Стэнфордского университета – более 50% предпринимателей родились за пределами США (Kerr, Kerr, 2020).

Краткие выводы

Изучая многовековые тренды необходимо понимать их некоторую условность (рис. 12, 14–15), связанную как с проблемами сбора статистики, так и с сущностной эволюцией исследуемого явления. При некоторых оговорках на территории исторической России за последнюю тысячу лет можно выделить как минимум *семь нерегулярных пространственно-временных волн*²⁵⁹ *деловой активности населения*²⁶⁰:

- *Первая* (с XI по XIII вв.): от реформ Ярослава Мудрого («Русская правда») до монголо-татарского нашествия – значимая роль торгового пути «из варяг в греки», рост в пределах Волжско-Окского междуречья и Северо-Запада, развитие ремесел в городах;
- *Вторая* (с XIV по XV вв.): возвышение Москвы и Московского княжества, постепенная концентрация купцов в столице; освоение Европейского Севера жителями Новгородской Руси и международная торговля на Балтике;
- *Третья* (с XV по XVII вв.): формирование Московского Царства, в т. ч. реформы Ивана III («Судебник») – развитие Волжского торгового пути и освоение Урало-Поволжья, международная торговля через Архангельск;
- *Четвертая* (с XVII по XIX вв.): от воцарения Романовых, включая реформы Петра I и Екатерины III; внедрение технологий 1 технологического уклада, развитие первых мануфактур, освоение Урала, Сибири, Центрального Черноземья;
- *Пятая* (с XIX по XX вв.): от Великих реформ Александра II до раннесоветского периода; развитие капиталистических отношений; внедрение технологий 2 технологического уклада, освоение Сибири, Дальнего Востока, юга России;
- *Шестая* (с 1980-х гг. до первой половины 2000-х): от Перестройки до роста мировых цен на нефть; вынужденное освоение предпринимательских компетенций;
- *Седьмая* (со второй половины 2000-х гг.): современный период от реформ начала 2000-х гг., совпавших с ростом мирового и внутрироссийского спроса; распространение технологий 5 технологического уклада; концентрация и усложнение конструктивной предпринимательской активности в крупнейших агломерациях.

Последние три волны гипотетически формируют *два крупных предпринимательских макроцикла* в капиталистический период²⁶¹ (рис. 14–15), связанных в т.ч. с распространением новых технологий и соответствующих форм конструктивной предпринимательской активности в соответствии с моделью диффузии инноваций.

²⁵⁹ Для подтверждения наличия указанных волн требуется более масштабное и подробное изучение исторических данных, применение похожих процедур для других стран и регионов мира.

²⁶⁰ При этом подразумевается конструктивная деятельность, которую невозможно отделить от иных форм при использовании имеющихся индикаторов и архивных данных.

²⁶¹ Проследить подобные циклы на советских данных не представляется возможным.

Первый макроцикл начинается после реформ Александра II и связан с окончанием распространения технологий первого технологического уклада²⁶² (энергия воды, механизация труда – прядильные машины, текстильная, железоделательная промышленность) и началом второго (энергия пара, добыча угля, железные дороги и черная металлургия). Развитие рыночных отношений стимулировало переход к соответствующим формам предпринимательской активности: мелкотоварные (кустарно-ремесленные) производства, созданные в легкой, пищевой и железоделательной промышленности. Пространственные закономерности соответствуют теории диффузии нововведений: хорошо заметна определяющая роль в освоении предпринимательских компетенций наиболее заселённой части страны, традиционного ядра инноваций (Бабурин, 2002) – регионов Центра (рис. 15). Затем они распространяются на северо-запад и крупнейшие города, в конце цикла – равномерно расширяются по всей территории.

Второй большой цикл, состоящий из двух волн, – выявляется уже в постсоветский период²⁶³. Сначала на основе волны распространения вынужденных рыночных форм хозяйствования (челноки, ЛПХ) до 2000-х гг., позднее – на основе волны внедрения ИКТ (пятый технологический уклад): сотовой связи, интернета, современных бизнес-моделей и роста потребительского спроса. Здесь также можно увидеть соответствующие пространственные закономерности²⁶⁴: роль регионов Центральной России и Северо-Запада, ориентированного на связи с ЕС, высока, но затем нарастает значение иных регионов, в т.ч. Дальнего Востока с интенсивными связями со странами АТР (п. 3.1.).

Сравнивать масштабы двух волн, которые кажутся сопоставимыми на графике (рис. 14) нельзя, т.к. в начале XX в. используются данные обо всех кустарных производствах и промыслах (Рыбников, 1922), часть которых сегодня были бы отнесены к ИП и самозанятым, в современный же период использованы данные только о малых предприятиях – ЮЛ. Кроме того, расчеты за XIX – начало XX в. возможны только для нескольких лет. Тем не менее, при некотором приближении допустимо утверждать, что число предпринимателей вернулось к своим досоветским значениям и превысило их.

Проведенный историко-географический анализ показывает, что описанные в п. 1.4 факторы предпринимательской активности проявлялись в той или иной степени на протяжении

²⁶² В отличие от технологических циклов предпринимательские волны охватывают собой практически всё пространство; технологические же циклы обычно концентрируются в немногочисленных ареалах (Бабурин, 2002).

²⁶³ Колебания экономической и предпринимательской активности не синхронизированы (рис. 14), что может говорить об их сложных взаимосвязях. Экономический подъем в послевоенный период в СССР, связанный с развитием крупных госпредприятий, сопровождался снижением плотности малых предприятий. Снижение темпов роста в СССР в конце 1970-х гг. может быть частично объясняться недостатком предпринимательского капитала. Рост вынужденного предпринимательства может быть обусловлен кризисными явлениями в экономике. Подъем конструктивной предпринимательской активности в постсоветский период, связанный с изменением технологий и методов ведения бизнеса, согласуется с экономическим ростом (с лагом в 2–3 года). В регионах России наблюдается положительная двунаправленная взаимосвязь плотности малого бизнеса и ВРП на душу населения (п. 4.1).

²⁶⁴ Например, при распространении торговых сетей, сотовой связи, интернета (Бабурин, Земцов, 2017).

многих столетий. Например, природные ограничения долгое время лимитировали крестьянское освоение Сибири, которое стало возможным с развитием железнодорожного транспорта. Доступ к рынкам, например через торговые пути по рекам, был основой развития городов и деловой активности. Расширение рынков способствовало росту деловой активности: например, при создании единого государства, по мере распространения железных дорог, при снятии монополии на внешнюю торговлю; при высоких ценах на нефть (потребительский спрос). Важным было улучшение институциональных условий: реформы Ярослава Мудрого, Ивана III, Екатерины II, Александра II и др. При этом многие реформы были так или иначе связаны с военными действиями того периода и необходимостью обеспечения потребностей армии. Предпринимательство складывается из двух относительно самостоятельных секторов: крупного частно-государственного, обеспечивающего доходы казны, концентрирующегося в немногих местах, и мелкого семейно-общинного, широко распространенного и работающего на удовлетворение потребностей местного населения (Радаев, 1997). Конструктивное же менее развито в силу природных, культурно-исторических и иных факторов.

Волны предпринимательской активности связаны с изменением технологий, а каждый предпринимательский цикл отражается на территории, часто укореняясь и сохраняясь до современного периода. Так во время четвертой предпринимательской волны (преимущественно XVIII в.), сопровождаемой внедрением технологий первого технологического уклада, возникают будущие кластеры лёгкой (Костромская, Ивановская области), пищевой (Вологодская), железоделательной промышленности (Удмуртия, Липецкая область). Во время пятой предпринимательской волны (распространение технологий второго технологического уклада) во второй половине XIX – начале XX в. формировался кластер тяжёлых производств на Донбассе, на Урале: Нижний Тагил, Златоуст и др. Третий и четвертый технологические уклады формировались уже в советский период и были преимущественно основаны на плановых механизмах, тем не менее, развивающееся в этот период тяжёлое машиностроение тяготеет к уже упомянутым центрам металлургии. Массовое стандартизированное производство (автомобилестроение, нефтехимия) требует больших размеров (эффект масштаба), поэтому число малых предприятий невелико, к тому же они хуже поддаются планированию и управлению. Уже в современный период производство качественной потребительской продукции потребовало расширения аутсорсинга и числа малых компаний – поставщиков разнообразных компонентов, обслуживающих организаций: продажа, аренда, ремонт, лизинг, переработка вторсырья и т. д. Так, например, в России сформируются автомобильные кластеры вокруг крупных советских предприятий в Самарской области, Татарстане. За рубежом пятый технологический уклад приносит возникновение и широкое распространение кластеров стартапов в сфере электроники, например Кремниевая долина в США, Шэньчжэнь в Китае. В

СССР создаётся группа заводов и исследовательских центров по микроэлектронике в Зеленограде, радиоэлектроники – в Рязанской области. Укоренение шестого технологического уклада (роботы, искусственный интеллект, биотехнологии и др.), вероятно, можно ожидать в современных инновационных центрах: «Сколково» и «Технологическая долина МГУ» (Москва), Иннополис (Татарстан), Федеральная территория «Сириус». При этом предпринимательские волны накладываются друг на друга в точках-«аттракторах» пространства, так железоделательный кластер на Урале преобразовался в металлургический, а затем – в машиностроительный, в перспективе – центр технологий роботизации (Земцов, 2024).

Полученные результаты дополняют область региональных исследований. Подтверждается гипотеза о высокой персистентности²⁶⁵ (жизнестойкости, долгосрочной устойчивости) предпринимательства для России. Выделяются три основных канала влияния исторического уровня деловой активности населения на современный: *географический, функциональный и социокультурный*. Вероятно, в разных регионах наблюдается различное сочетание указанных каналов влияния, что требует более подробного рассмотрения. Идентифицированы исторически устойчивые центры (столицы, юг Дальнего Востока) и периферия (некоторые регионы Северного Кавказа, Центрального Черноземья и Поволжья).

Гипотезу о долгосрочной роли институциональной среды в деловой активности населения в целом можно считать подтвержденной. Более раннее возникновение университетов способствовало распространению деловой культуры, а вот крепостное право, наоборот, могло ограничивать стимулы к предпринимательству²⁶⁶. Поэтому трудно изменить долгосрочные, базовые тренды деловой активности даже при условии кардинальной смены политической и экономической системы²⁶⁷. В России плотность малого бизнеса условно вернулась к досоветским значениям после отмены ограничений и деконструкции планового хозяйства. Похожие закономерности можно увидеть, например, в Германии (Fritsch et al., 2014; Fritsch et al., 2022; Fritsch, Wyrwich, 2023). Это может быть подтверждение универсальности персистентности предпринимательской активности в разных исторических контекстах, а также служит некоторым доказательством внеисторической сущности предпринимательства.

²⁶⁵ Понятие «персистентности» в русскоязычных экономических работах в подобном значении не использовалось.

²⁶⁶ За границами исследования остается спор о взаимосвязи институциональных и природно-географических факторов, например известный спор Д. Родрика, Д. Аджемоглу с Дж. Саксом и Д. Даймондом (Rodrik et al., 2002; Sachs, 2003; Полтерович, 2018). Так, географические условия в России могли сказаться на формировании крепостного права и соответствующей культуры.

²⁶⁷ Персистентность предпринимательства может быть утрачена. Например, правительство может уделять приоритетное внимание поддержке крупных фирм и перераспределению инвестиций в ОПК. Неблагоприятные внешние условия (санкции) могут привести к дальнейшему перераспределению предпринимательских навыков и компетенций, включая «утечку мозгов» и отток финансового капитала за пределы России. Показателен опыт Восточной Германии, когда предприниматели и фирмы до 1961 г. мигрировали в Западную Германию (Falck et al., 2013). В подобном сценарии Россия рискует вернуться к *регрессивным формам* деловой активности: вынужденное и деструктивное предпринимательство.

Глава 3. Пространственные паттерны и тенденции предпринимательской активности в постсоветский период в России²⁶⁸

Историко-географический анализ при изучении многовековых изменений (глава 2) основан на косвенных источниках информации, в частности динамике городской системы. Выявленные признаки наличия *седьмой волны* деловой активности в 2000-2010-е гг. требуют подтверждения с помощью построения и обработки многолетних рядов сопоставимых статистических данных. Это необходимо для понимания современных региональных факторов и закономерностей, их соотношения с историческими и выявленными в других работах для выработки частных гипотез для дальнейшего эконометрического анализа (см. главы 4–5). При этом необходимо понять, какие регионы в постсоветский период выиграли в наибольшей степени от распространения конструктивного предпринимательства, какие могли проиграть.

Предпринимательство выполняет различные функции в региональной экономике, поэтому для целей верификации необходимо провести региональную диагностику²⁶⁹ с разных сторон. Для оценки экономической составляющей использовались показатели вклада МСП в экономику регионов (п. 3.2), социальной – показатели занятости в МСП (п. 3.3), инновационных функций – структурные сдвиги и технологическое предпринимательство (п. 3.4). Пространственно-организующие функции МСП присутствуют при описании всех характеристик, но особенно при изучении плотности малого бизнеса (п. 3.1). При этом наличие современных пространственно-временных закономерностей кроме регионального анализа, требует доказательств с помощью эконометрических процедур (п. 3.5).

Статистические данные о развитии МСП предоставляет Росстат по сопоставимой методике выборочных обследований с 2008 г.²⁷⁰, для малых предприятий – с 1996 г., но на результаты накладываются ошибки при сдаче информации, размер теневого сектора и другие искажения, характерные для экономики в целом. Раз в 10 лет проводятся корректирующие и более полные сплошные наблюдения. В 2008 и в 2016 г. были пересмотрены (расширены) критерии отнесения предприятий к сфере МСП. В 2017 г. создан и функционирует *Единый реестр субъектов МСП* ФНС России²⁷¹, ставший основным источником информации о числе субъектов МСП и численности их работников.

²⁶⁸ Частично использованы материалы из статьи и монографии автора с соавторами: Барина В.А., Земцов С.П., Михайлов А.А., Царёва Ю.В. Пересмотр долгосрочных трендов развития малого и среднего предпринимательства в России и регионах в постсоветский период // Экономическое развитие России. 2022. Том 29. №7. С. 29–44; Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. В поисках предпринимательства в России // Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. М.: Дело. 2023. 300 с.

²⁶⁹ Комплексная оценка тенденций развития некоторого явления в региональном разрезе, включая описание основных параметров и выявление проблем (Кузнецова, Кузнецов, 2012)

²⁷⁰ Росстат. 2019. Малое и среднее предпринимательство в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>.

²⁷¹ ФНС России. 2021. Единый реестр субъектов МСП. URL: <https://ofd.nalog.ru/>.

3.1. Региональная диагностика пространственно-организующей роли конструктивной предпринимательской активности

К конструктивному предпринимательству можно отнести деятельность владельцев большей части микро, малых, средних предприятий (юридических лиц), части крупных компаний, выросших из МСП. Их доля составляет чуть более 66% всех ЮЛ в России 2022 г.²⁷². Эта доля максимальна за постсоветский период, т. к. предшествующая *шестая волна* во многом была связана с различными формами вынужденного и плохо масштабируемого предпринимательства, например с деятельностью челноков (см. 2.1).

Согласно теории диффузии нововведений (см. п. 1.3) и результатам историко-географического анализа (п. 2.1), плотность малого бизнеса во время *седьмой волны* деловой активности должна вначале расти, а затем – может сокращаться по мере укрупнения предприятий и ухода с рынка менее конкурентоспособных до момента начала новой волны. В отдельные периоды подобное восстановление активности затягивалось на десятилетия (см. рис. 14). Обычно началу новой волны предшествовали изменения базовых факторов, в т. ч. заметное расширение рынков, значимые институциональные реформы, внедрение технологий и т. д. Описываемые волны могут существенно влиять на размещение экономических агентов: дифференциация между регионами может нарастать в начале распространения волны и снижаться к концу (п. 1.3, рис. 2D, рис. 15). Регионы с оптимальным сочетанием факторов для новой волны должны выигрывать с точки зрения роста деловой активности.

На рис. 19 показана динамика числа и плотности малых, включая микро-, предприятий (ЮЛ) в регионах России с 1996 по 2023 г. Судя по динамике и изменениям соотношения между лидерами и отстающими регионами, хорошо выделяемую *седьмую волну* деловой активности можно разделить на повышательную (начало 2000-х – середина 2010-х) и понижательную (с середины 2010-х) стадии.

Рост конструктивной предпринимательской активности в начале 2000-х начался в крупнейших центрах (г. Москва, г. Санкт-Петербург) и взаимосвязан с распространением новых технологий, в первую очередь, сотовая связь, затем – интернет и мобильный интернет (Земцов, Бабурин, 2019) и соответствующих им новых форматов бизнеса: по франшизе²⁷³, торговые сети, позднее – торговые электронные площадки. Все это происходило на фоне роста доходов

²⁷² Число средних и крупных предприятий, выросших из МСП, почти не влияет на общую оценку. Хотя к описываемой категории может относиться некоторая часть индивидуальных предпринимателей, по мере масштабирования бизнеса они вынуждены будут переходить в иные категории, создав юридическое лицо. И тогда будут учтены в исследуемой категории и общем числе организаций (ЮЛ).

²⁷³ Франшиза (фр. franchise «льгота») – договор франчайзинга между владельцем бренда (франчайзер) и другим предпринимателем (франчайзи), по которому второй получает готовую схему ведения бизнеса, а первый разрешает использовать товарный знак, консультирует и оказывает поддержку открывшемуся бизнесу. Например, так открывались многочисленные салоны связи, дилерские центры, автозаправочные станции, рестораны «МакДональдс», «Сабвэй», кофейни, салоны красоты и многое другое.

населения и после серии реформ. Доля двух столиц превышала в этот период треть от общего числа малых фирм при 10% доле в населении, что согласуется с первым этапом пространственной диффузии нововведений.

В 2000–2003 гг. была разработана и внедрена программа по либерализации законодательства (Cherurenko, Vilenskiy, 2016), которая предполагала ослабление бюрократического давления на бизнес за счет снижения барьеров входа (см. п. 5.2). Потребительский спрос увеличивался, в т.ч. за счёт высоких цен на нефть, и становился разнообразнее, что создавало новые рыночные ниши для малого бизнеса, особенно в крупных городах. Соответственно росла и доля малых предприятий в общем числе организаций (с 2005 г.)²⁷⁴, конструктивная предпринимательская активность распространялась по стране. Ее распространение из крупнейших агломераций на соседние территории (Московская, Тульская, Рязанская, Ярославская, Ленинградская области), а также по иерархии городов (Новосибирская, Самарская, Омская, Ростовская области) и в точках с выгодным ЭГП (Приморский край, Калининградская область, Краснодарский край) в 2000-е вело к сокращению межрегиональной дифференциации. В целом коэффициент вариации, оценивающий различия между регионами по плотности малого бизнеса, сократился с 0,68 в 1999 г. до 0,4 в 2023 г.

С 2015 г. число созданных организаций в России меньше, чем ликвидированных. Вероятно, цикл роста предпринимательской активности завершается на фоне внешних ограничений, ухода ряда инвесторов, сокращения доходов населения с 2014 по 2019 гг. Определенный стимул в 2016 г. могло дать повышение критериев применения УСН, что вело к дроблению крупных бизнесов (Антонова и др., 2020), но этот эффект оказался краткосрочным, подобные механизмы стали менее распространены, в т.ч. в результате действий регулятора. ФНС России со второй половины 2010-х стала уделять более пристальное внимание организациям, которые не сдавали отчетность, имели признаки фирм-однодневок, дробления бизнеса благодаря широкому распространению отчетности в электронной форме. Доля малого бизнеса в общем числе организаций продолжала расти из-за более быстрого сокращения общего числа юридических лиц²⁷⁵.

²⁷⁴ В 90-е гг. доля малых предприятий в общем числе организаций была, вероятно, максимальна из-за наличия множества незанятых рыночных ниш, низких финансовых барьеров входа на рынок, низких издержек на преодоление административных барьеров вследствие слабости государства как контролера. Но эта доля постепенно уменьшалась до 2005 г. (20,5%) по мере роста государственного и некоммерческого секторов экономики, представленных государственными и муниципальными унитарными предприятиями (ГУПы, МУПы), различными НКО. Также уменьшение доли малых предприятий может быть связано и с повышением роли крупных компаний (например, торговых сетей), с процессами слияний и поглощений по мере развития рыночной экономики. Во второй половине 2000-х образуются многочисленные государственные корпорации и холдинги: «Объединенная авиационная корпорация» (2006), «Объединенная судостроительная корпорация» (2007), «Ростех» (2007), «Росатом» (2007) и другие. Они объединили многочисленные разрозненные государственные и частные предприятия в своих отраслях, снизив таким образом общее число организаций в стране.

²⁷⁵ Происходит укрупнение бюджетных организаций и госпредприятий. Оптимизация бюджетной сети привела к ликвидации малокомплектных школ, больниц, поликлиник и их объединению для снижения административных

Судя по растущему отношению числа ИП к числу малых бизнесов, сближению рождаемости и смертности организаций, есть признаки новой волны деловой активности с 2018 г. Расширение числа пунктов выдачи заказов (ПВЗ) стимулирует развитие частной инициативы, предоставляя ИП и самозанятым доступ к большому числу потребителей, локальные магазины также одновременно открывают ПВЗ. Но распространение ПВЗ одновременно может отрицательно влиять на плотность малых предприятий. Традиционные малые бизнесы, сформировавшиеся во время шестой волны в 1990-е гг., в т.ч. киоски, магазины электроники, палатки на сельских рынках и ярмарках, не могут конкурировать по цене и номенклатуре товаров с цифровыми торговыми платформами (маркетплейсами): «Озон», «Вайлдберриз», «ЯндексМаркет» и др. Например, ярмарки в городах становятся менее востребованными на фоне распространения маркетплейсов. Вероятно, многие традиционные бизнесы 90-х постепенно уходят с рынка вместе с их основателями, оставаясь лишь в тех немногих местностях, где слабо развит интернет и нет возможностей быстрой доставки.

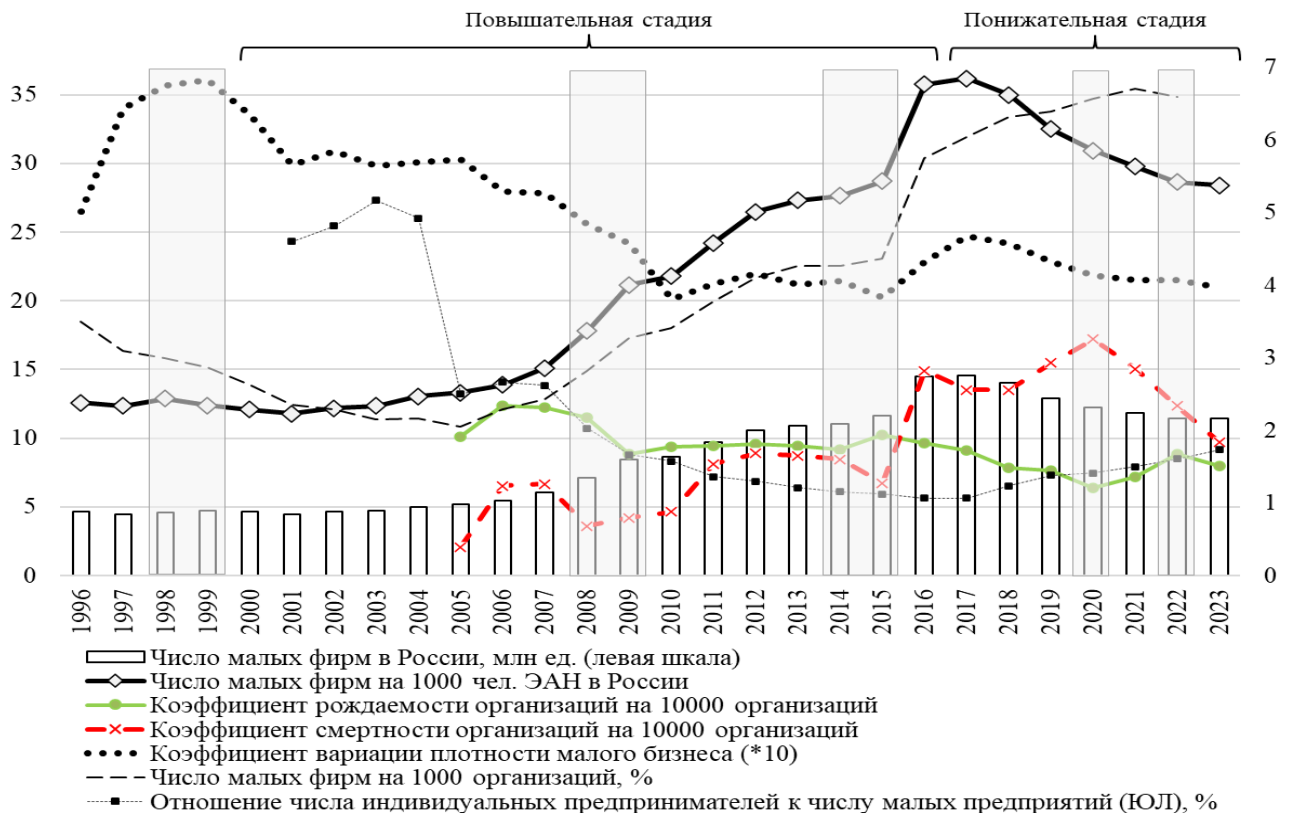

Рисунок 19 – Динамика предпринимательской активности в России в постсоветский период.

Примечание: рассчитано автором по сопоставимым данным Росстата (до 2018 г.) и ФНС России. Серыми прямоугольниками отмечены периоды кризисных явлений в экономике.

Изменение критериев отнесения к сфере МСП предприятий ставит под сомнение правомерность построения длинных рядов данных без соответствующих корректировок, а

расходов. Сегодня многие бюджетные организации являются подразделениями (филиалами) более крупных структур. К тому же в последние годы идут процессы укрупнения в торговле из-за развития торговых сетей. Так доля малого бизнеса в обороте розничной торговли в России сократилась с 22,7% в 2019 г. до 16,1% в 2024 г.

соответственно и возможность выявления закономерностей и моделирования предпринимательской активности. На рис. 20 приведено сравнение разных источников данных: выборочных и сплошных обследований Росстата²⁷⁶, информации Единого реестра субъектов МСП ФНС России²⁷⁷ и базы СПАРК-Интерфакс²⁷⁸. Единый реестр МСП включает фирмы с нулевой выручкой, при этом в разные периоды использованы разные критерии отнесения к субъектам МСП. Если Росстат собирал данные по выборочным обследованиям, то ФНС РФ – по всей совокупности, но не учитывал тех предпринимателей, которые не подавали вовремя отчетность. Данные СПАРК не содержат фирм, отчетность которых отсутствует в финансовой отчетности ФНС, но результаты были очищены от фирм с нулевой выручкой и использовались единые критерии для всего периода по выручке (не более 2 млрд руб.). Применение единого критерия в целом подтвердило общие закономерности. Расширение критериев отнесения к субъектам МСП в 2016 г. хотя и позволило статистически увеличить размер сферы МСП, но не изменило общий тренд на стагнацию / снижение числа МСП-ЮЛ после 2016 г. Число малых предприятий с ненулевой выручкой (СПАРК) несколько выше в 2022-2023 гг., чем в 2016 г., что может быть еще одним признаком начала нового предпринимательского цикла.

Рисунок 20 – Динамика числа малых и средних предприятий ЮЛ в России за 2008-2021 гг.

Источник: рассчитано автором совместно с соавторами статьи (Баринова и др., 2022b).

Конструктивная предпринимательская активность распределена относительно неравномерно, но менее дифференцирована, чем ВРП на душу населения (Баринова и др., 2023). Среднероссийское значение составляет около 28 малых предприятий на 1 тыс. человек²⁷⁹ рабочей

²⁷⁶ Малое и среднее предпринимательство в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>.

Сплошное статистическое наблюдение за деятельностью малого и среднего предпринимательства. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/per_Mal-i-Sr.htm.

²⁷⁷ Единый реестр субъектов МСП. URL: <https://ofd.nalog.ru/>.

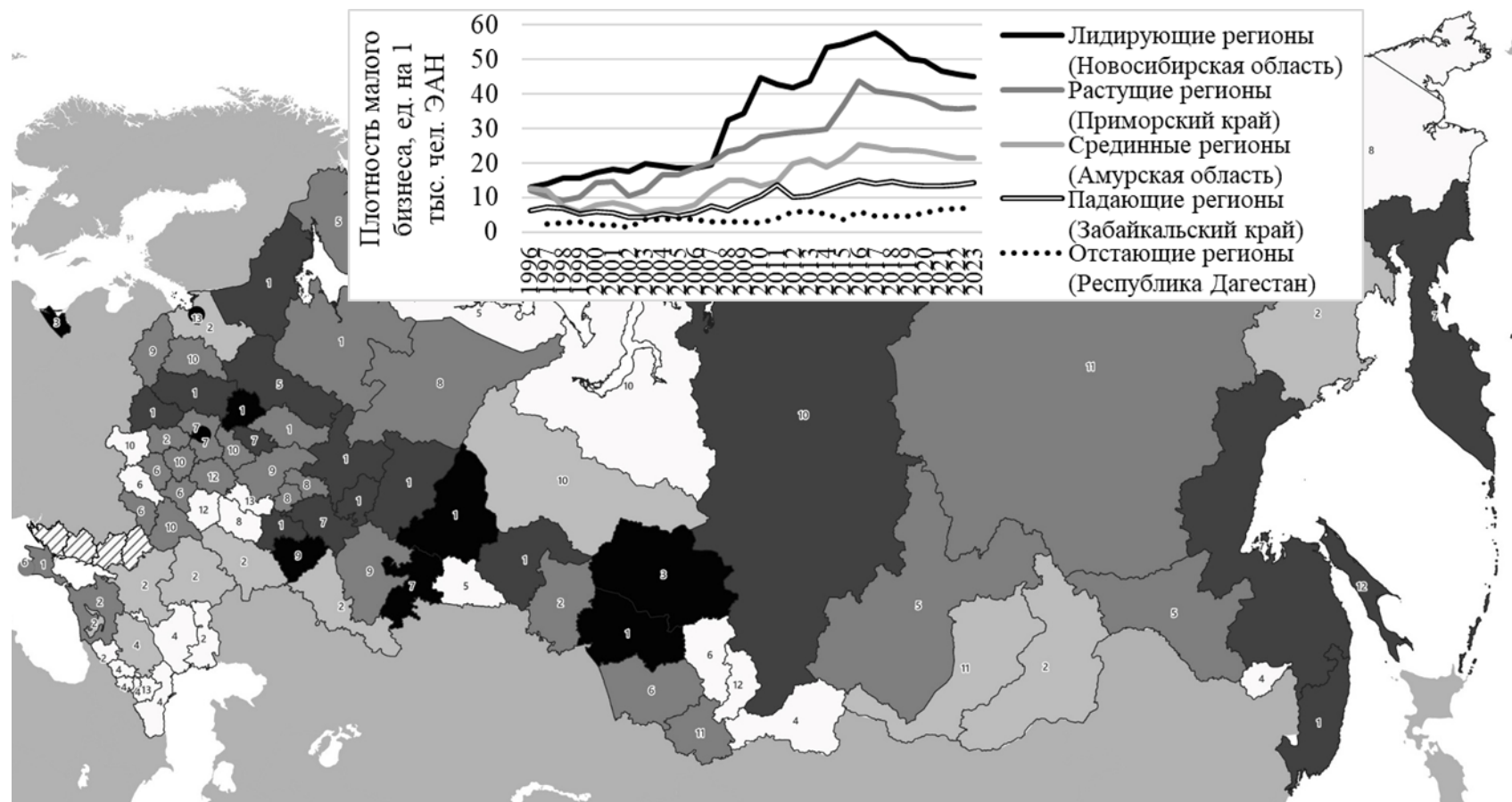
²⁷⁸ СПАРК-Интерфакс. URL: <https://spark-interfax.ru/>.

²⁷⁹ ~15 малых и средних предприятий на душу населения (рис. 22), что существенно ниже значений большинства стран (Баринова и др., 2019). Так, в ЕС в среднем – 43,8, ОЭСР – 31,9, а близкие значения – в США и Бразилии. Если учесть ИП, то соотношение в России вырастет до 38. Выше плотность МСП в туристический ориентированной Чехии, где также представлены многочисленные поставщики немецких компаний, в Португалии, где развит сельскохозяйственный бизнес, включая винодельни, в Швеции – одном из лидеров по условиям ведения бизнеса, в Италии, где многочисленны семейные предприятий, функционируют промышленные округа.

силы. Регионы-лидеры: г. Санкт-Петербург (62,7), Новосибирская (43,7), Тюменская (43,3), Калининградская (42,0), Ярославская области (37,9), г. Москва (35,3), Томская (34,7), Свердловская области (31,9) и Приморский край (28,6). Исходя из описанных в п. 1.4 факторов, можно предполагать до проведения эконометрического анализа, что плотность малого бизнеса в современный период выше в более экономически развитых регионах с крупными агломерациями (Санкт-Петербург, Новосибирск, Москва, Томск, Екатеринбург), лучшими институциональными условиями для ведения бизнеса (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская, Ярославская области)²⁸⁰, а также с выгодным ЭГП, то есть близко расположенные к крупным зарубежным (Калининградская область, Приморский край, Сахалинская область) и российским рынкам (Ярославская, Ивановская области). В агломерациях выше разнообразие хозяйственной деятельности, соответственно ниже монополизация экономики, зачастую выше качество человеческого капитала. Кроме того, в них больше объем потребительского рынка, на который ориентируется значительная часть малых предприятий из сферы торговли и ремонта (п. 3.4).

Число малых бизнесов росло по мере распространения предпринимательской активности за пределами столиц и крупных агломераций, но весьма неоднородно. Хотя динамика в отдельных регионах в 1990-е гг. имела признаки случайного процесса (Земцов, Царева, 2018), что характерно для ранних стадий распространения нового явления с учетом переходного периода, могут быть выделены типичные траектории (рис. 21). Они связаны с различиями в начале и окончании предпринимательских волн в центрах и на периферии, а также наложением местных особенностей. Траектория постоянного роста (/ -образная траектория) наблюдалась в Новосибирской, Тюменской, Ульяновской, Ярославской, Вологодской областях, то есть в регионах, где предпринимательская волна на повышательной фазе благодаря благоприятному сочетанию местных условий и факторов, ускоренности предпринимательства. Г-траектория характерна для регионов с неблагоприятными условиями для развития предпринимательства в начале периода, как например в Калининградской области, не имевшей сухопутного сообщения с Россией, но впоследствии после создания ОЭЗ получившей существенный импульс. В ряде аграрных регионов по мере укрупнения предприятий, прихода крупных агрохолдингов наблюдается траектория устойчивого падения (\): Волгоградская, Оренбургская, Ростовская, Астраханская области, Краснодарский край. Похожие причины, вероятно, в ряде регионов Центрального Черноземья, куда агрохолдинги проникли несколько позднее по мере освоения более прибыльных южных территорий (∩ -образная траектория) (Узун и др., 2022). L-траектория в ряде северокавказских регионов связана с ростом вынужденного предпринимательства в 1990-е гг., что постепенно сменялось расширением более современных форматов бизнеса.

²⁸⁰ В числе 20 регионов-лидеров по данным Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации – Агентство стратегических инициатив – https://asi.ru/government_officials/rating/.

Типы динамики предпринимательской активности

Лидирующие Растущие Срединные Падающие Отстающие Нет данных

Траектории динамики предпринимательской активности региона

1 - / 2 - \ 3 - Г 4 - L 5 - U 6 - ∩ 7 - V 8 - Λ 9 - N 10 - И 11 - W 12 - M 13 - —

Рисунок 21 – Типы динамики конструктивной предпринимательской активности в регионах России за 1996-2023 гг.

Примечание: рассчитано автором. Цифрами показан вид траектории динамики предпринимательской активности в регионе: 1 - /; 2 - \; 3 - Г; 4 - L; 5 - U; 6 - ∩; 7 - V; 8 - Λ; 9 - N; 10 - И; 11 - W; 12 - M; 13 - —.

Угловые траектории (V, Λ) характерны для регионов с неким выдающимся социально-экономическим событием, например, отмена единого налога на вмененный доход (ЕНВД), активно использовавшегося торговыми предприятиями, в г. Москве в 2012 г. привела к временному сокращению плотности малых предприятий (V-траектория). U и более сложная N-траектории связаны с окончанием предыдущей и началом новой предпринимательской волны, например развитием туристической сферы в последние годы в Нижегородской и Псковской областях; И – траектория, наоборот, свидетельствует об окончании действия предшествующих факторов предпринимательской активности, например замедление роста потребительских рынков в Ханты-Мансийском АО. Наиболее неустойчивые траектории (W и M-образные) у регионов, в которых действуют разнонаправленные процессы: например, в Тамбовской области (M-траектория).

Выявленные траектории были обобщены в 5 основных типов региональной динамики.

1. *Лидирующий регионы.* Это субъекты Российской Федерации, которые в среднем на протяжении всего постсоветского периода входили в первый или второй квартиль по уровню предпринимательской активности. К таким регионом относятся, например г. Москва, г. Санкт-Петербург, Свердловская, Самарская, Челябинская, Калининградская, Новосибирская, Томская, Ярославская области. Исторически это традиционно крупные рынки, концентрирующие высокий человеческий капитал и сформировавшие развитые рыночные институты. В терминах диффузии инноваций это преимущественно *регионы-новаторы* (Бабурин, Земцов 2016), в которых распространение конструктивной предпринимательской активности началось раньше (врезка на рис. 21). Иерархическая диффузия в России, распространение социальных, технологических и иных нововведений преимущественно начинается с таких регионов. Благодаря высокообразованному населению с относительно высоким уровнем жизни нововведения проникают в местные сообщества быстрее. Немаловажную роль играют связи с внешним миром, так в 1990-е гг. именно в крупнейшие города приходили иностранные инвесторы, которые также переносили практики частнопредпринимательской деятельности, действовали различного рода обучающие ведению бизнеса организации²⁸¹, в т.ч. в рамках взаимодействия между местными и зарубежными вузами. Ярославская область, традиционный исторический центр купечества и советский центр ряда высоких технологий, в т.ч. машиностроения, в постсоветский период становится крупным туристическим направлением (часть «Золотого кольца»). Калининградская область – центр постсоветского предпринимательства благодаря своей близости к рынку ЕС, развитию туризма, ОЭЗ для привлечения как иностранных, так российских инвесторов. Новосибирская область – крупный рынок товаров, услуг и труда, традиционный с советского

²⁸¹ Впрочем, их роль далеко не всегда имела созидательный характер.

периода научно-технологический центр с крупным университетом и институтами РАН. Томская область – традиционный университетский центр Сибири с большой плотностью технологических стартапов. Самарская область – крупный индустриальный центр советского периода, ранее купеческий город на р. Волге, крупный научно-образовательный центр; процессы деиндустриализации привлекли в малый бизнес большое число бывших работников заводов, например «АвтоВАЗа». Свердловская область – классический крупный индустриальный центр советского периода, при этом центр предпринимательства досоветской эпохи²⁸², выполняющий роль центрального места для всего Уральского федерального округа.

2. *Растущие центры.* Переместились из нижних квартилей в первый и второй. Классическим примером служит Республика Татарстан, переместившаяся из средней части в топ-10. Татарстан – советский крупный производственный центр с высокой занятостью в промышленности и сельском хозяйстве; благодаря своему политическому весу постоянно привлекал федеральное финансирование на улучшение инвестиционных условий путем создания ОЭЗ («Алабуга», «Иннополис»), индустриальных парков; развитие кооперации индустриальных гигантов, частично подотчетных региональным властям, с местными поставщиками способствовало росту плотности малого бизнеса. Кроме того, большие усилия направлялись в развитие сервисной экономики путем проведения крупных международных мероприятий, например Универсиада, Чемпионат мира по футболу, что стимулировало развитие туризма и творческих индустрий. Ивановская область – традиционный российский центр лёгкой промышленности, находившийся в глубоком кризисе в 1990-е гг., нашедший новые точки роста в туризме, легкой промышленности и творческих индустриях. Камчатский край – классический пример развития туристической сферы и рыболовства. Приморский и Хабаровский край – традиционные центры торговли с Китаем и другими странами растущего Азиатско-Тихоокеанским региона. В девяностые годы здесь преобладали различного рода неформальная занятость, но постепенно с развитием институтов она легализовывалась. Тюменская область – пример расширения рыночного потенциала благодаря капиталам и мигрантам из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов: действуют местные банки, у регионального бюджета есть финансовые возможности для развития инвестиционной инфраструктуры. Для Сахалинской области характерно сочетание растущего спроса благодаря развитию сырьевой отрасли, молодого человеческого капитала и развития уникального рыбохозяйственного комплекса. Ульяновскую область можно отнести к регионам с невысоким потенциалом для развития предпринимательства: вдали от крупных центров со средним уровнем доходов и кризисным машиностроением, но активной политикой властей.

²⁸² Например, здесь располагалась Ирбитская ярмарка (см. п. 2.1); в местной культуре сохранялись представления о деятельности уральских мастеров.

3. *Срединные регионы.* Третий наиболее многочисленный тип динамики регионов, имеющий множество траекторий. К этому типу относятся многочисленные регионы центральной России, например Тульская, Владимирская, Липецкая, Рязанская, Орловская области. Это регионы часто не обладают неким уникальным набором условий и факторов для развития предпринимательства; это вторичные центры распространения предпринимательства, то есть малый бизнес здесь формировался во многом благодаря связям с регионами-новаторами. Например, малый торговый, строительный бизнес преимущественно ориентировался здесь на поставки из Москвы. Есть среди срединных регионов и крупные агломерации, например Нижегородская и Воронежская, которые из-за большого и малорентабельного индустриального наследия в 2000-е гг. несколько отстали в распространении предпринимательских компетенций. Благодаря активному развитию туристической инфраструктуры и творческих индустрий с высокой вероятностью Нижегородская область в скором времени можно будет отнести ко второму типу, но в 1990-е гг. высокая доля обрабатывающей промышленности, существенно пострадавшей от постсоветских реформ, не позволяла сформировать достаточный спрос для МСП. К этому типу также относятся Липецкая и Калужская области, которые активно развивали малые предприятия благодаря созданию промышленных и технологических парков, особых экономических зон. Краснодарский край, несмотря на наличие уникальных условий приморского и южного положения, активного развития туристической сферы, не входит в число лидеров; большая часть предпринимателей в туризме и сельском хозяйстве здесь осуществляют свою деятельность в форме ИП, хотя развитие и усложнение Краснодарской агломерации в перспективе должно привести к росту плотности малого бизнеса. Исторические центры предпринимательства такие как Новгородская и Псковской области в условиях старения населения уже не претендуют на лидирующие позиции. Мурманская и Архангельской области, а также Республика Коми не входят в число лидеров из-за чрезмерных природных издержек и оттока населения с Севера. Республика Саха, имеющая относительно молодое и предприимчивое северное население с развитым сектором творческих индустрий (кино, ремесла) (Земцов, 2022), тем не менее, пока не входит в число лидеров в т.ч. из-за объективных природных и инфраструктурных ограничений.

4. *Падающие.* К четвёртому типу регионов относятся те, кто одними из первых освоили предпринимательские практики, преимущественно вынужденного предпринимательства, но условия для развития конструктивного предпринимательства в 2000-е гг. оказались в них недостаточно благоприятными. Например, к этому типу относятся Магаданская, Волгоградская, Ростовская, Саратовская области, Ставропольский край. Магаданская область благодаря довольно инновационно активному северному населению, включая потомков ссыльных, золотодобытчиков, была одним из лидеров по плотности малого бизнеса; в регионе было много

высокообразованных граждан, но при этом практически не было крупных предприятий. Это регион нового освоения, куда в советский период привлекалось предприимчивых работников. Но большой набор неблагоприятных факторов таких как высокие природные издержки, удаленность, неразвитость инфраструктуры привели к существенному оттоку населения, в т.ч. предпринимателей. В Ханты-Мансийском автономном округе была похожая ситуация. Большое число предприимчивых мигрантов из других регионов и стран, молодых и относительно высокообразованных людей, приехавших в поисках лучшей жизни в начале 1990-х, стимулировало рост малого бизнеса, но позднее по мере расширения вахтовых методов добычи, по мере укрупнения производств и влияния сырьевых транснациональных корпораций плотность малого бизнеса стала сокращаться. Волгоградская область – один из крупных производственных центров советского периода существенно пострадал от деиндустриализации, а вместе с этим снижалась покупательная способность населения. Ростовская, Волгоградская, Саратовская области и Ставропольский край — центры крестьянско-фермерского хозяйства, но плотность аграрного малого бизнеса в этих регионах сокращалась по мере укрупнения сельскохозяйственных угодий, роста влияния агропромышленных холдингов: ГК «Содружество», ГК «Русагро», ГК «Эфко», «Группа Черкизово», «Мираторг», ГК «Продимекс» и др. (Гатаулина и др., 2022; Узун и др., 2022). Ленинградская область с уникальным сочетанием условий для развития предпринимательства вблизи европейского рынка, имеющая приморское положение и крупный внутренний рынок (г. Санкт-Петербург) воспользовалась этим положением вначале, но впоследствии концентрация бизнеса во второй столице привела к снижению плотности малого предпринимательства в области.

5. *Отстающие.* К пятому типу относятся регионы, в которых предпринимательская активность традиционно ниже среднероссийского уровня. Это регионы центральной России с сельской консервативной средой, освоившие социальные инновации, в т.ч. рыночные институты, с запозданием. Это Курская, Тамбовская, Брянская, Пензенская области. Исторически это центры барщинного крепостного права. К регионам пятого типа относятся слаборазвитые республики Северного Кавказа, где неблагоприятные природные условия (горность) (Гусева и др., 2009) сочетаются с некомфортной институциональной средой: Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Ингушетия, Чечня. Малая плотность бизнесов характерна для арктических геосистем с запретительными природными издержками, например Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского АО. В Кемеровской области ограничивать развитие малого бизнеса может консервативная культура, формирующаяся в угледобывающих районах (Glaeser et al., 2015; Fritsch, Wyrtwich, 2018).

3.2. Региональная диагностика экономической роли малого и среднего предпринимательства

Региональная диагностика экономических функций предпринимательства, то есть его влияния на объем создаваемых товаров и услуг, возможна через оценку производительности сферы МСП²⁸³. Это также служит задачам верификации выявленных ранее закономерностей. По мере роста числа новых компаний в новых отраслях в начале предпринимательской волны производительность труда может быть невысока. Но затем по мере укрупнения малых бизнесов она растет и приближается к средней по экономике, хотя различия между регионами высоки из-за разной отраслевой специализации. Выигрывают те регионы, которым удастся создать условия для быстрого роста (масштабирования) предприятий тех отраслей, спрос на которые растет.

Оценить экономическую роль МСП можно, сравнив значения с другими странами (рис. 22), но в них используются разные критерии отнесения компаний к субъектам МСП, что необходимо учитывать (Баринова, Земцов, 2019).

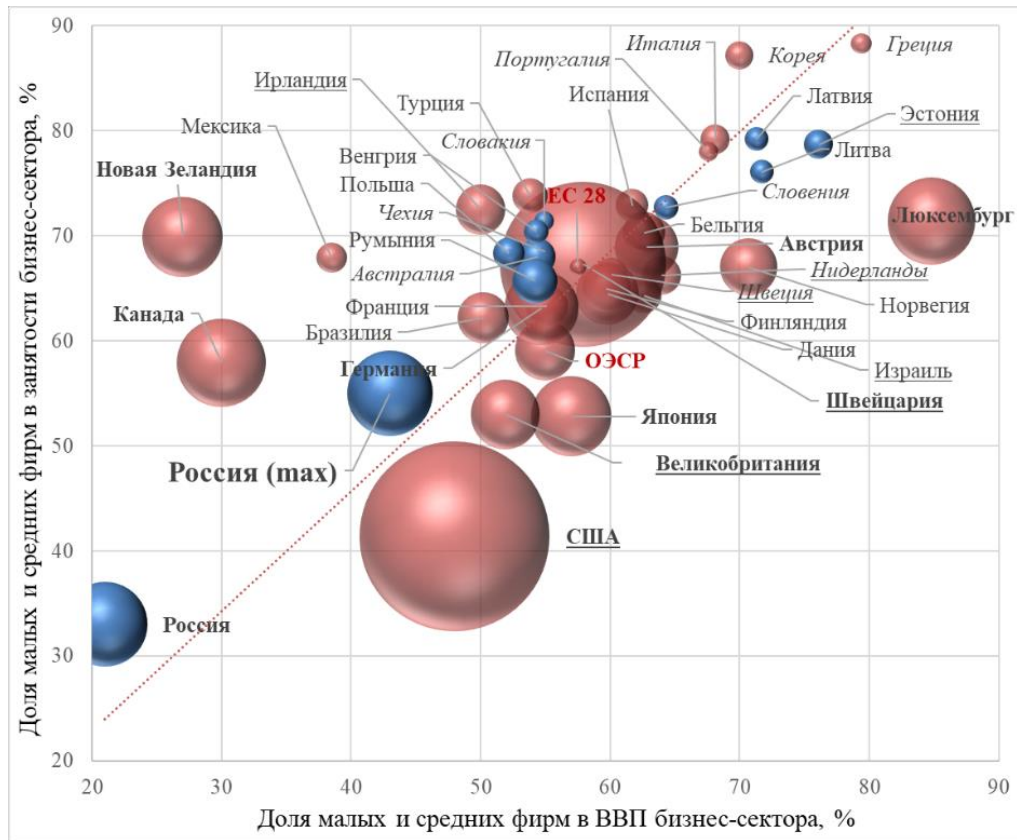

Рисунок 22 – Соотношение долей сферы МСП в ВВП и занятости разных стран.

Источник: Баринова и др., 2023.

Примечание: размер круга зависит от среднего размера компаний, полученного путем соотношения объема ВВП и числа фирм; полужирным шрифтом отмечены названия стран из

²⁸³ Индикатор используется как целевой в обновленной в 2024 г. версии национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

первой десятки по указанному соотношению; курсивом выделены топ-10 стран по числу малых предприятий на душу населения; подчеркнуто топ-10 стран с максимальным соотношением числа технологических компаний на душу населения; темным цветом закрашены постсоциалистические страны; под объектом «Россия (max)» понимаются скорректированные оценки рассматриваемых показателей для Российской Федерации.

Для сопоставления могут применяться данные ОЭСР, которые собираются по малым и средним предприятиям без учета ИП и самозанятых и за исключением государственного и финансового сектора (!) (OECD, 2017). Поэтому для корректного сопоставления с другими странами из структуры ВВП России и ВРП регионов необходимо исключить долю государственного (46%) (Абрамов и др., 2018) и финансового секторов (4,3%). В этом случае доля субъектов МСП в добавленной стоимости *бизнес-сектора* России в 2017 г. составляла около 44%, что близко к таким странам как США, Канада, Мексика, сопоставимым по доле трудозатратных и капиталоемких отраслей и, соответственно, – среднему размеру компаний.

Рассчитываемая Росстатом доля МСП в ВВП России за пятилетний период 2015–2022 гг. снизилась с 23% до 21%²⁸⁴, но несколько выросла по сравнению с 2011 г. (рис. 23). Средний размер субъекта МСП, как и предполагалось, рос на повышательной стадии предпринимательской волны до 2015 г., затем несколько снизился.

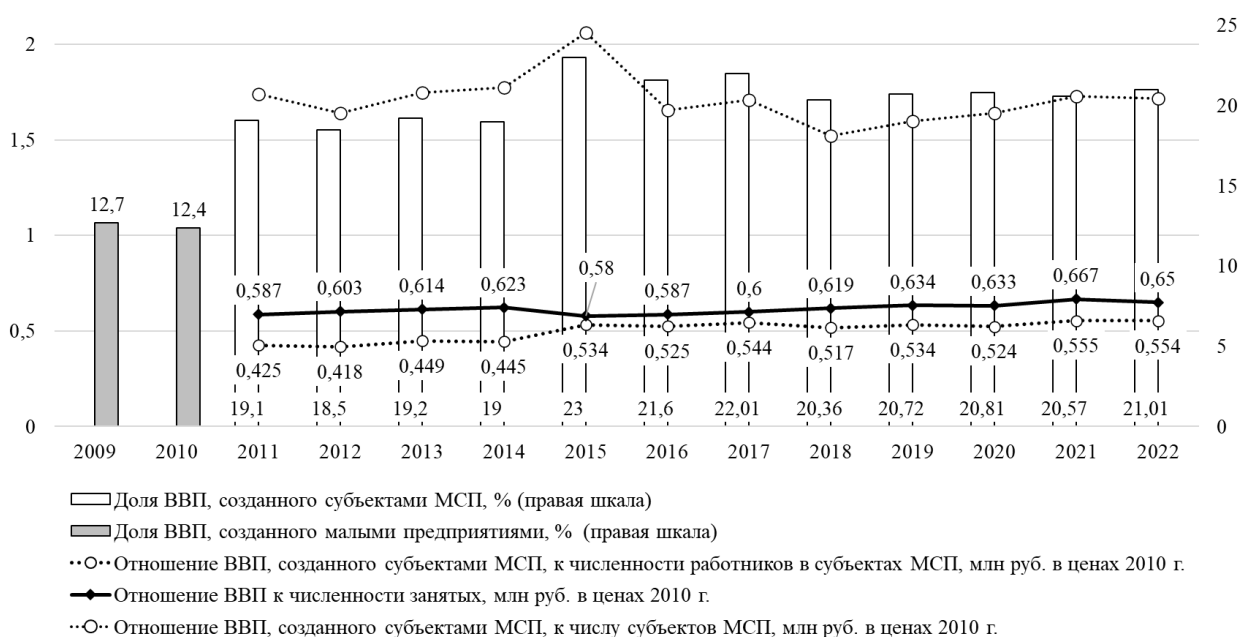

Рисунок 23 – Динамика экономических характеристик МСП в России.

Источник: составлено автором по данным Минэкономразвития России и Росстата²⁸⁵.

²⁸⁴ Хотя значения показателя и ниже большинства развитых стран, это, скорее, связано не с низкой ролью МСП, а с высокой долей государственного сектора в экономике, которая превысила 46% (Абрамов и др., 2018).

²⁸⁵ Росстат начал публиковать официальные данные по этому показателю лишь с 2017 года, а до этого предоставлял примерные оценки Министерству экономического развития России по их запросу. При этом Росстат сам отмечает несопоставимость оценок из-за изменения ОКВЭД и критериев выявления субъектов МСП.

Максимальна в 2022 г. доля МСП в ВВП Новосибирской области, традиционном центре высоких технологий и стартапов, - около 40%, что сопоставимо с крупными странами. В городских агломерациях (Новосибирская, Воронежская, Ростовская, Екатеринбургская и др.) высокая доля МСП объясняется локализацией сервисных функций седьмой предпринимательской волны, а также началом новой. В приграничных регионах высокая доля МСП объясняется наличием предприятий, занятых в транспортной отрасли, ориентацией на трансграничную торговлю: Калининградская область, Смоленская область, Приморский край. В сельских регионах значение показателя составляет более 25%: в республиках Северного Кавказа: Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания, а также в Чувашии, Алтайском крае. Это связано с недостатком крупных промышленных предприятий и большим числом частных фермерских хозяйств. В регионах Крымского, Южного и Северо-Кавказского федерального округов также высока доля МСП за счет частных туристических организаций, ИП и самозанятых. Наименьшая доля МСП (ниже 15%) наблюдается в крупных сырьевых центрах Сибири и Дальнего Востока, где чрезмерны транспортные, энергетические и иные издержки ведения бизнеса (Земцов и др., 2022), в регионах с высокой долей добычи полезных ископаемых (более 40%): Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Сахалинская область, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Республика Коми. Последнюю закономерность хорошо иллюстрирует график (рис. 24). График мог бы быть подтверждением проявления «ресурсного проклятия» на региональном уровне (см. п. 1.4), но требует более тщательных исследований.

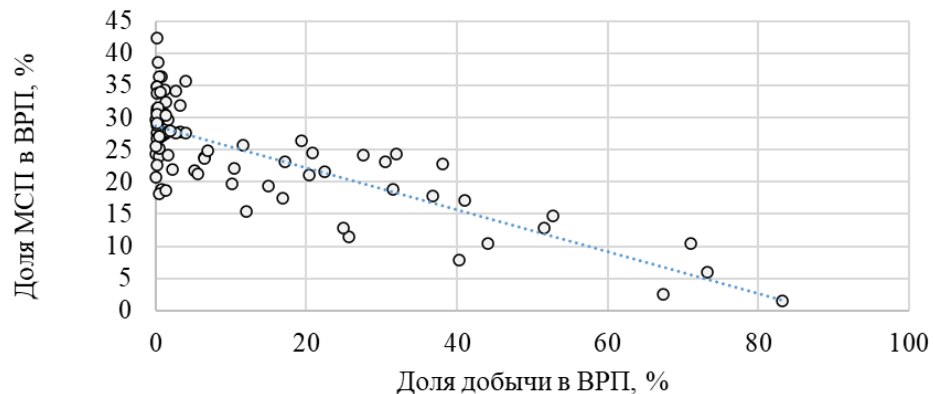

Рисунок 24 – Распределение регионов России по доли МСП и доли добычи в ВВП.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Рассчитав производительность труда в МСП²⁸⁶, обнаружена положительная динамика до 2020 г., и до 2017 г. она сближалась с производительностью труда в экономике, составив в 2017 г. 90% от нее. Но по мере роста доли индивидуальных предпринимателей в последние годы, производительность МСП стала отставать от общеэкономической.

²⁸⁶ Отношение добавленной стоимости, создаваемой субъектами МСП, к численности работников в субъектах МСП.

Среднерегиональная производительность труда в г. Москве из-за высокой концентрации экономической активности (регистрации многих ЮЛ) и высоких доходов населения выше, чем в среднем по стране. Выше среднероссийского значение и в г. Санкт-Петербурге. Также относительно высока производительность МСП в районах Крайнего Севера: Магаданская, Мурманская области, Чукотка, Саха, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Камчатка и на Северном Кавказе: Дагестан, Чечня, Ингушетия и др. В Арктике и на Севере это связано с тем, что каждое зарегистрированное предприятие должно преодолеть существенные издержки входа (Земцов и др., 2022). Впрочем, производительность МСП в этих регионах существенно ниже, чем в среднем по региональной экономике из-за наличия крупных сырьевых предприятий: «Лукойл», «Роснефть», «Газпром», «Норильский никель» и т. д. На Северном Кавказе же малые и средние предприятия могут занижать численность работников, что статистически завышает значение производительности. Похожая ситуация в некоторых сельскохозяйственных регионах, где высока теневая занятость на селе: Белгородская, Липецкая, Курская, Воронежская области. Ниже производительность МСП в наименее развитых регионах (Алтай, Тыва), а также в Крыму, что может быть связано с недоучетом туристической отрасли.

Напрямую рассчитать *долю конструктивного предпринимательства* в экономике страны и регионов затруднительно из-за сложности определения и недостатка статистики, но можно провести косвенную оценку, сделав ряд предположений. Предположим, что к конструктивному предпринимательству относятся все компании, созданные из малых форм хозяйствования, то есть не путем приватизации, и имеющие ненулевую выручку (способные к изменению, создающие добавленную стоимость). Тогда косвенно одной частью оценки должна стать добавленная стоимость крупных частных компаний, созданных с нуля, например АО «Тандер» (сеть магазинов «Магнит»), зарегистрированное в 1996 г.²⁸⁷ По расчетам на основе данных СПАРК-Интерфакс, прибыль крупных частных компаний, созданных после 1990 г. не в результате приватизации государственных активов, превысила 19,44 трлн руб. в 2022 г., что составляет около 12,8% от ВВП. Все малые и средние бизнесы, создающие добавленную стоимость, можно относить к конструктивному предпринимательству. Доля малых и средних предприятий в ВВП в 2022 г. составила около 21%. Суммируя эти оценки, можно говорить, что доля конструктивного предпринимательства составляет *более трети ВВП России*.

²⁸⁷ Также можно назвать: АО ТД ПЕРЕКРЕСТОК (Москва; Торговля розничная; 1994 г.); ООО ДНС РИТЕЙЛ (Приморский край; Торговля розничная телекоммуникационным оборудованием; 2010); ООО МВМ (МВИДЕО) (Москва; Торговля розничная аудио- и видеотехникой; 2005); АО ДИКСИ ЮГ (Московская область; Торговля розничная; 2001); ООО ВАЙЛДБЕРРИЗ (Московская область; Торговля розничная при помощи сети Интернет; 2006); ПАО ВЫМПЕЛКОМ (Москва; Деятельность по предоставлению услуг подвижной связи; 1993); ООО КРЦ ЭФКО-КАСКАД (Белгородская область; Торговля оптовая пищевыми маслами и жирами; 2004); АО НПК КАТРЕН (Новосибирская область; Торговля оптовая фармацевтической продукцией; 1993); АО Р-ФАРМ (Москва; Производство лекарственных препаратов; 2001); ООО ТЕХНОНИКОЛЬ-СТРОИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ (Москва; Торговля оптовая неспециализированная; 2004).

3.3. Региональная диагностика социальной роли субъектов малого и среднего предпринимательства

На следующем этапе региональной диагностики исследовалось, как проявляется современная волна предпринимательской активности с точки зрения социальных функций предпринимательства – создания занятости. В начале волны, вероятно, вовлеченность населения в предпринимательство может расти как и занятость в субъектах МСП за счет новых компаний; на завершающих этапах должен расти средний размер субъекта МСП по мере их укрупнения, а доля занятых в МСП – сокращаться из-за перехода занятых в более крупные компании и иные формы предпринимательской деятельности по мере разворачивания новой волны. Кроме того, проверялось, насколько соотносится динамика плотности малого бизнеса с более широкими показателями вовлеченности населения в предпринимательскую деятельность.

Во время седьмой волны предпринимательской активности численность работников малых предприятий (ЮЛ) постепенно росла до середины 2010-х (рис. 25), в т.ч. в 2000-е гг. за счет укрупнения предприятий. Другие закономерности проследить труднее. Общее число работников субъектов МСП, включая ИП²⁸⁸, и их доля в занятости сокращались с 2008 г. до 2019 г. на фоне роста крупных предприятий, например, торговых центров. Доля малых предприятий в занятости субъектов МСП сокращалась. Возможно, последнее связано с новым циклом роста, основанным на распространении онлайн-сектора и ИП, о котором уже говорилось. На это также указывает рост коэффициента вариации по доле занятых в МСП между регионами, снижавшегося по мере распространения волны, а затем увеличивающегося.

Доля занятых в субъектах МСП²⁸⁹ от общей численности занятых выше всего в крупнейших агломерациях-центрах предпринимательской активности с массовыми сервисными функциями: Московской, Санкт-Петербургской и Новосибирской (более трети всех занятых), высока в традиционных и растущих центрах предпринимательства (рис. 21): Калининградская, Костромская, Ивановская, Ярославская, Рязанской, Кировской, Вологодской области. Ниже всего в регионах с высокой долей теневой занятости: республики Северного Кавказа, Тыва, Чукотский АО, а также в отстающих с точки зрения динамики предпринимательской активности

²⁸⁸ Вопрос о включении в сферу МСП самозанятых, например плательщиков налога на профессиональный доход (ФЗ от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ) дискуссионный. Самозанятые часто представлены вынужденными предпринимателями, не имеют цели развивать и масштабировать бизнес. Во многих странах самозанятые не могут нанимать работников. Одна из групп самозанятых – арендодатели квартир – являются рантье и не могут в полной мере рассматриваться как часть МСП. Более того, статус самозанятого может совмещаться с работой по найму, наличием ИП и другой деятельностью. В России более 10 млн плательщиков налога на предпринимательский доход (зарегистрированные самозанятые) на май 2024 г., а потенциально – около 18 млн чел. – столько занято в неформальном секторе экономики (Земцов и др., 2021).

²⁸⁹ По данным ОЭСР (OECD, 2017) в России в малых и средних компаниях (менее 250 занятых) сосредоточено около 33% работников выборки отечественных фирм (рис. 22), что существенно меньше, чем в любой из стран ОЭСР, например, в Греции – 88,4%, в США – 41,3%. Для сравнения: в Китае более 80% работников в городах занято в МСП. Доля МСП может превышать 38%, если учитывать самозанятых – плательщиков налога на профессиональный доход, а вместе с теневым сектором эта оценка увеличивается до 55% (см. Земцов и др., 2021).

(рис. 21): Ямало-Ненецкий АО, Кемеровская, Астраханская, Мордовия, Брянская область. То есть в целом повторяются региональные закономерности предпринимательской активности, что может свидетельствовать о связи роста новых компаний и занятости (Fritsch, Mueller, 2004; Салимова и др., 2022).

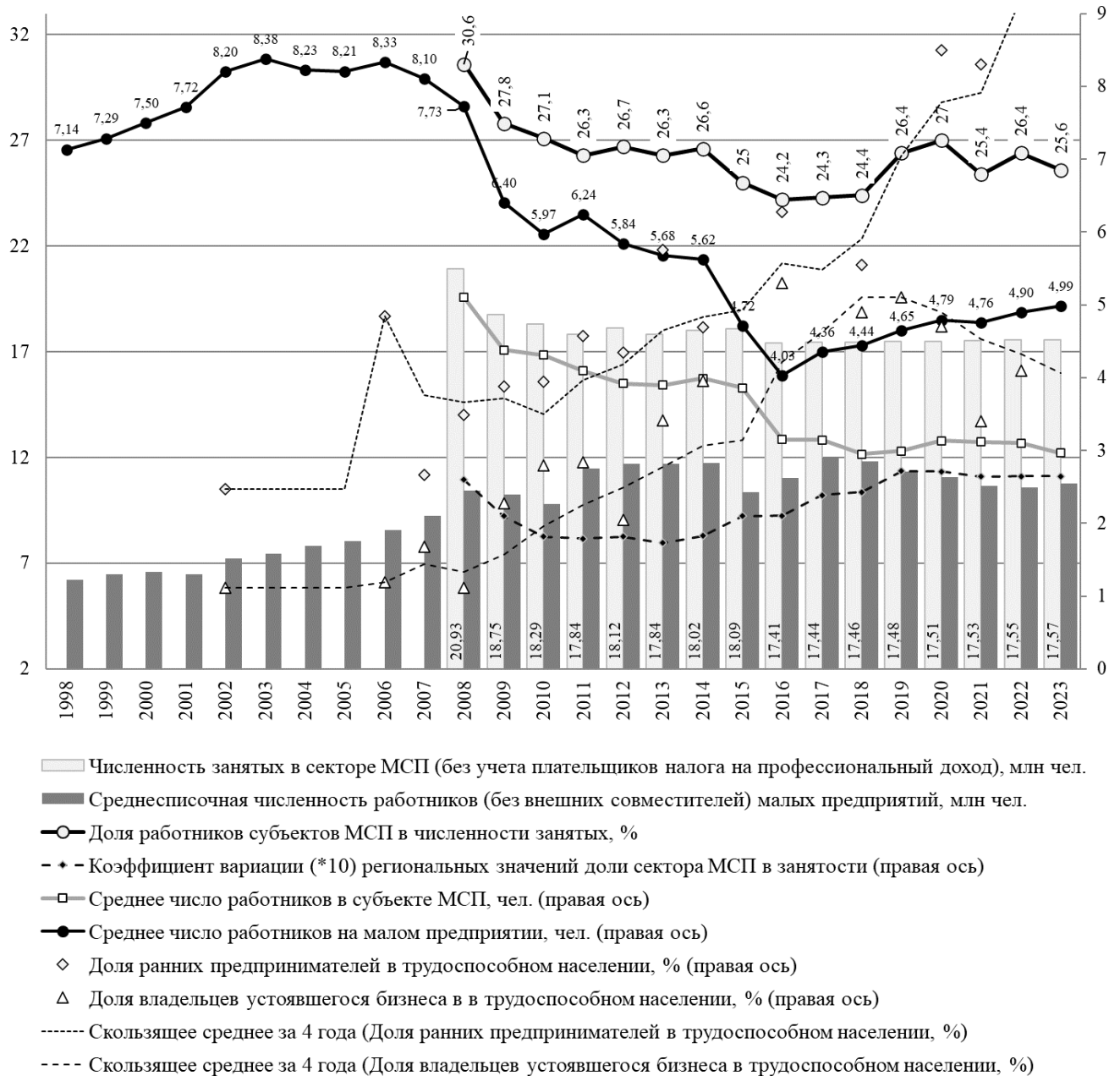

Рисунок 25 – Динамика занятости в МСП в России (без учета самозанятых).

Источник: рассчитано автором по данным Росстата до 2018 г., позднее – ФНС РФ.

Занятость в сфере МСП²⁹⁰ в России выросла в период понижительной фазы предпринимательского цикла согласно сопоставимым данным Росстата с 2008 по 2023 гг. лишь в 22 регионах. В периоды шоков регионы с неблагоприятными условиями, со слабыми связями

²⁹⁰ Существенный рост занятости в сфере МСП, включая самозанятых, связан с регистрацией плательщиков налога на профессиональный доход. Но эти процессы нельзя напрямую связать с ростом предпринимательской активности, т.к. хозяйственная деятельность могла уже вестись ранее, а впоследствии была лишь легализована.

внутри предпринимательской экосистемы испытывали большое падение занятости в субъектах МСП, например в кризис 2014–2015 гг. в Арктической зоне, в ряде регионов Дальнего Востока и Северного Кавказа.

Наиболее сильное сокращение численности занятых в МСП наблюдалось в Ставропольском крае, Волгоградской, Ростовской, Брянской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Оренбургской областях и Республике Мордовия, что может быть связано с укрупнением сельскохозяйственных производителей, в северных регионах – Мурманская, Архангельская области, Камчатский край – снижение занятости может быть связано с оттоком населения, в крупных индустриальных центрах – Свердловская, Кемеровская, Рязанская, Владимирская области – с перетоком занятости в обрабатывающую промышленность.

При этом среди лидеров по росту занятости в субъектах МСП – республики Чечня, Ингушетия, Калмыкия, Чукотский АО, где прирост, скорее всего, связан с выходом части бизнеса из тени, а также с изначально низкой базой. В г. Санкт-Петербурге, Новосибирской и Белгородской, Московской областях рост занятости в МСП совпал с притоком населения. Некоторый рост в 2018 г. происходил в ряде крупных регионов, где проводился Чемпионат мира по футболу, создавшему условия для развития сектора услуг за счет временного расширения спроса: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Самарская, Ленинградская, Московская области. Это произошло за счет развития сервисов, обслуживающих болельщиков: торговля, питание, аренда жилья, развлечения.

В период пандемии занятость снижалась в большинстве регионов из-за сокращения числа субъектов МСП, в 2023 г. – несколько выросла. Пока неясно, насколько будет устойчива тенденция и отражает ли она изменение предпринимательского цикла или является временным эффектом от ухода иностранных компаний с рынка и разрешения параллельного импорта. Но на динамику занятости в секторе серьезное негативное влияние будет оказывать общее сокращение рабочей силы из-за демографических тенденций.

Расчет занятости в сфере МСП не дает информации о доле предпринимателей и ее динамике, т.к. учитывает наемных работников. Для оценки вовлеченности населения в предпринимательство традиционно используются опросы²⁹¹. В начале нового цикла предпринимательской активности эта доля должна возрасть. В целом выявленные закономерности подтверждаются: доля владельцев устоявшегося бизнеса росла до середины 2010-х гг. (рис. 25), но затем стала снижаться, а вот доля ранних предпринимателей²⁹², наоборот, по мере зарождения новой волны (восьмой) постепенно нарастает. Общая вовлеченность

²⁹¹ Глобальный мониторинг предпринимательства. GEM. URL: <https://www.gemconsortium.org>. С 2022 г. продолжение исследований в России поддерживается Сбером, ВЦИОМом после ухода международных партнеров.

²⁹² Доля открывших бизнес или желающих его открыть в ближайшее время в общем числе опрошенных.

населения (сумма ранних предпринимателей и владельцев бизнеса) в 2022 г. максимальна – 14,9% за весь период наблюдений (Верховская и др., 2023), что может быть связано с необходимостью поиска и освоения новых рыночных ниш в условиях ухода иностранных компаний с российского рынка²⁹³.

Ранняя предпринимательская активность в 2022 г. достигла максимального значения в 10,8%²⁹⁴, хотя это пока и ниже, чем в странах со средним уровнем дохода – 14,1% (Верховская и др., 2021; 2023). Долгосрочное значение показателя может быть сильно связано с различного рода социокультурными условиями, — такими, как доверие, открытость, принятие риска и т. д. (Земцов, 2020), в т.ч. формирующимися под действием институтов прошлого. К сожалению, в большинстве регионов России эти условия не оптимальные, в т.ч. в связи с историческим наследием (см. п. 2.1). Так, на ее низкие значения может влиять продолжительные ограничения в советский период.

В 2022 г. наблюдается рекордный уровень предпринимательских намерений, под которыми понимается готовность индивида создать свой бизнес в ближайшем будущем, - 29,9 % (в 2018 г. – всего 5,1%).

Большинство владельцев бизнеса, по-прежнему, — вынужденные предприниматели, у которых нет иных возможностей занятости, но эта доля сокращалась по мере снижения влияния предпринимательской волны 1990-х гг.: с 51,5% в 2010 г. до 43,5% в 2016 г., затем наметился рост по мере ухудшения социально-экономической ситуации в ряде регионов, ускорившийся в период пандемии – до 78,8% (около 71,4% в 2021 г.). Легализация самозанятых, которые в опросах стали относить себя к предпринимателям, также могла повлиять как на общую динамику вовлеченности населения, так и на рост доли вынужденных предпринимателей.

К сожалению, подобная статистика на уровне регионов отсутствует²⁹⁵. Некоторую приближенную оценку может дать статистика по доле занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица и доли занятых в собственном домашнем хозяйстве²⁹⁶. Речь идет о занятых не по найму или о широком круге самозанятых и ИП. Их численность постепенно возрастала с 3,5% до 5,1% занятых, что подтверждает ранее описанные тенденции (на примере ТЕА). Активность самозанятых не может быть отнесена к конструктивной деятельности, что доказывается, в частности, иным распределением самозанятых в региональном разрезе.

²⁹³ В 2022 году число создающих бизнес в 4,7 раз превысило число вышедших из него (Верховская и др., 2023).

²⁹⁴ Уровень Индии, Словакии, Сербии и Венгрии.

²⁹⁵ За исключением работы (Cherupenko et al., 2017).

²⁹⁶ Рабочая сила, занятость и безработица в России. ВМ.: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211>.

Доля лиц, не занятых наемным трудом, в общей численности занятых *меньше* в крупнейших агломерациях с высоким уровнем экономического развития – Московской, Санкт-Петербургской, Свердловской, Самарской. Здесь довольно развитый рынок наемного труда, большое число рабочих мест в различных сервисах, головных офисах крупных предприятий и в бюджетном секторе. Похожая ситуация характерна для крупных индустриальных (Тульской, Калужской, Ярославской, Челябинской областей, Пермского края) и добывающих (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Республики Коми, Мурманской области) центров, где также высок спрос со стороны крупных предприятий на наемный труд. В подобных регионах в структуре занятости выше доля крупного бизнеса (Кузнецова и др., 2015). Высокие значения доли ненаемных работников наблюдаются в регионах Северного Кавказа, наибольшее – в республиках Дагестан и Ингушетия, Чечня, где величина показателя составляет 26-28% от общей численности занятых, а также в регионах юга Европейской части России: Белгородская, Тамбовская, Ростовская области, Краснодарский край, в республиках юга Сибири. Здесь эта категория занятых пополняется за счет вынужденного предпринимательства, порождаемого безработицей, и существенной ролью сельского хозяйства в структуре занятости.

В отдельных случаях значимым фактором становится локальная специфика предпринимательской деятельности (Земцов, Бабурин, 2019). Например, в случае Астраханской области повышенная доля ненаемных работников в занятости может быть связана с распространением рыболовецкой деятельности в дельте реки Волги и прилегающей акватории Каспийского моря, в Карелии и Якутии – со значительной занятостью в лесном хозяйстве и сборе дикоросов.

Отрицательная динамика доли ненаемных сотрудников за счет сокращения занятых в домашнем хозяйстве наблюдалась в сельских регионах, где население старело: Воронежская, Пензенская, Брянская, Курская области и активно переезжало в города: Дагестан и др.

Пока не разработана методика расчета численности конструктивных предпринимателей. Но можно предположить, что владельцы устоявшегося бизнеса относятся к ним. Скорее всего, представители деструктивных форм предпринимательства не приняли бы участие в опросах. При этом среди владельцев бизнеса около 70,4% — это вынужденные предприниматели (многие из них самозанятые и ИП), у которых основной мотив – обеспечение заработка и вряд ли они будут масштабировать свой бизнес. В России в 2022 г. около 4,1% трудоспособного населения – владельцы устоявшихся бизнесов, или около 3,85 млн чел., из них к добровольным предпринимателям относится около 2,7 млн чел., или 1,85% *жителей*. Последнее может служить примерной оценкой доли конструктивных предпринимателей в населении страны.

3.4. Региональная диагностика инновационной роли технологического предпринимательства

С точки зрения инновационных функций предпринимательства важно было понять, стало ли МСП источником структурных трансформаций для экономики регионов России, в т.ч. за счет собственных пространственно-отраслевых сдвигов. Предполагается, что на завершающих стадиях плотность технологического предпринимательства сокращается, а на новом витке технологического развития должна расти. При этом МСП должно испытывать структурный переход от вынужденного предпринимательства, связанного с торговлей, к конструктивному предпринимательству в различных сервисных секторах, в т.ч. в наукоемких услугах. Для дальнейшего обоснования роли региональных факторов нелишним будет понять, насколько структурные сдвиги определяются общероссийской, отраслевой и региональной составляющей, т.к. если они детерминированы отраслевыми изменениями, то необходимы иные методы моделирования и анализа.

По данным Росстата²⁹⁷ есть возможность проанализировать отраслевую структуру сферы МСП с 2008 по 2020 гг.²⁹⁸. Для исследования использованы данные о структуре числа малых и средних предприятий (ЮЛ) и их обороте для верификации тенденций²⁹⁹ (рис. 26, 27). В структуре числа предприятий выше всего доля торговли ($\approx 31\%$), как и в структуре оборота ($\approx 47\%$), но в обоих случаях доля торговли сократилась за рассматриваемый период, что отражает тренд на усложнение МСП в рамках новой волны деловой активности. Эти тенденции подтверждают завершение торговой волны предпринимательской активности. Снижение происходило почти повсеместно, кроме некоторых менее развитых регионов, за счет роста иных отраслей: интернет-экономика; услуги для бизнеса, рост производств (Антонова и др., 2020). Кроме того, снижение доходов населения с 2014 по 2020 гг. (Barinova, Zemtsov, 2020) могло повлиять на сокращение доли торговли.

При этом в числе фирм и обороте с начала 2010-х гг. росла доля производственного МСП, в т. ч. в ряде южных регионов это происходило благодаря развитию агропромышленного комплекса: Брянская, Липецкая, Тамбовская области и др., а в центрах обрабатывающей промышленности – благодаря расширению промышленных кластеров: Липецкая, Челябинская, Калужская, Тульская, Тверская, Калининградская, Ленинградская, Свердловская области и др.,

²⁹⁷ Малое и среднее предпринимательство в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>.

²⁹⁸ За этот период изменился основной классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД). С 2017 г. произошел переход к ОКВЭД-2, что могло привести к некоторым искажениям в отраслевой структуре. Сами компании могут произвольно изменять свой код ОКВЭД, то есть указывать тот вид деятельности, который, по их мнению, в наибольшей степени соответствует их реальной активности. Ранее субъекты МСП не придавали этому большого значения, что также могло налагать определенные искажения на статистику.

²⁹⁹ В оборот организаций включается стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг, а также выручка от продажи приобретенных на стороне товаров (без налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей) (Росстат).

после 2022 г. – из-за необходимости импортозамещения, в т.ч. благодаря мерам дополнительной поддержки производственных проектов. Первичный сектор также рос благодаря усилиям властей по развитию сельского хозяйства и режиму контрсанкций, введенному в 2014–2015 гг.³⁰⁰ Выиграли здесь преимущественно регионы Центрального Черноземья: Белгородская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Липецкая и юга России: Ростовская, Волгоградская, Краснодарский и Ставропольский края.

Рисунок 26 – Изменение отраслевой структуры сферы МСП по числу предприятий.

Источник: составлено автором по последним доступным данным Росстата.

Росла доля прочих услуг, включая Интернет-сервисы, транспортировку, гостиничный бизнес, доставку продуктов и иные услуги, но их доля в обороте выросла существенно меньше, чем в числе фирм. В обороте несколько увеличилась доля наукоёмких услуг: наука, образование и здравоохранение, что связано с развитием технологических стартапов. С 2008 г. условиях распространения цифровых технологий росла доля онлайн-услуг, в т.ч. интернет-торговли. В целом вынужденная цифровая трансформация бизнеса³⁰¹ во время пандемии COVID-19 могло ускорить эти процессы в наиболее развитых регионах.

³⁰⁰ Как ответ на санкционное давление после 2014 г. в России были введены контрсанкционные меры (Агаева и др., 2019), запрещающие импорт ряда сельскохозяйственных и других товаров из стран, объявивших о санкциях в отношении России: США, ЕС и др.

³⁰¹ В период локдауна действовали активно те бизнесы, которые смогли перейти на предоставление услуг или продажу товаров онлайн.

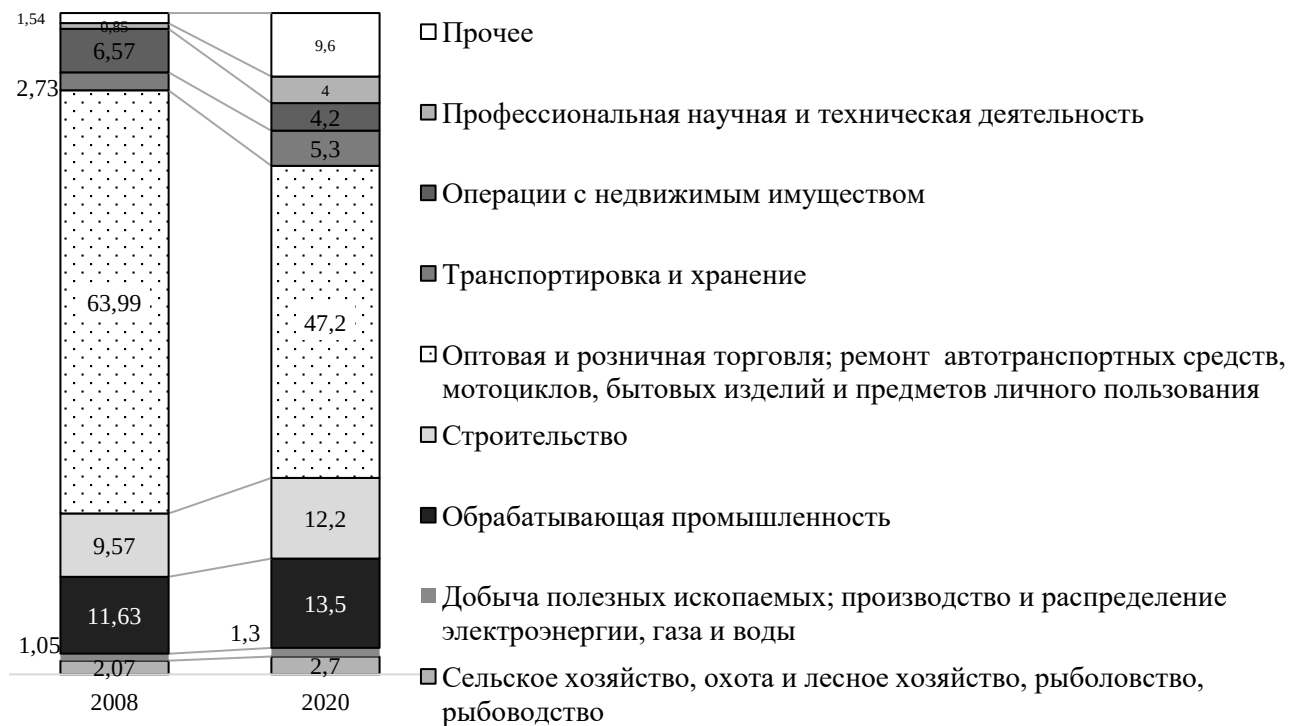

Рисунок 27 – Изменение отраслевой структуры сферы МСП по выручке.

Источник: составлено автором по последним доступным данным Росстата.

Для понимания причин отраслевых и региональных изменений в динамике числа малых предприятий применен метод анализа структурных сдвигов (от англ. shift-share analysis) (Котов, 2021). Большая часть изменений (около 63%, если брать среднерегionalное значение) связана с национальными факторами изменения числа малых предприятий (рис. 28), около 31% - с особыми региональными условиями и только около 6% - с отраслевыми изменениями. В Тюменской области, Пермском крае и Вологодской области рост числа малых предприятий более чем наполовину определялся региональными особенностями. Вероятно, кроме благоприятного делового климата, уникальной особенностью регионов является привлечение предприятий для регистрации из более северных регионов, где издержки несколько выше, например, из-за необходимости обеспечения северных надбавок. В республиках Тыва и Чечня более 50% снижения числа предприятий также связано с региональными особенностями, определяемыми, вероятно, институциональной средой.

В России ниже доля фирм-экспортеров (Баринова, Земцов, 2019). В связи с ослаблением российского рубля, сокращением объема внутреннего рынка, а также благодаря мерам по развитию региональных экспортных центров доля последних в числе малых и средних фирм с 2020 по 2023 гг. выросла на 60%, в т.ч. на 36% в 2023 г.³⁰² После 2022 г. рост частично связан с необходимостью переориентации внешнеторговых потоков, разрешением параллельного импорта.

³⁰² <https://news.tpprf.ru/ru/opinion/5530683/>.

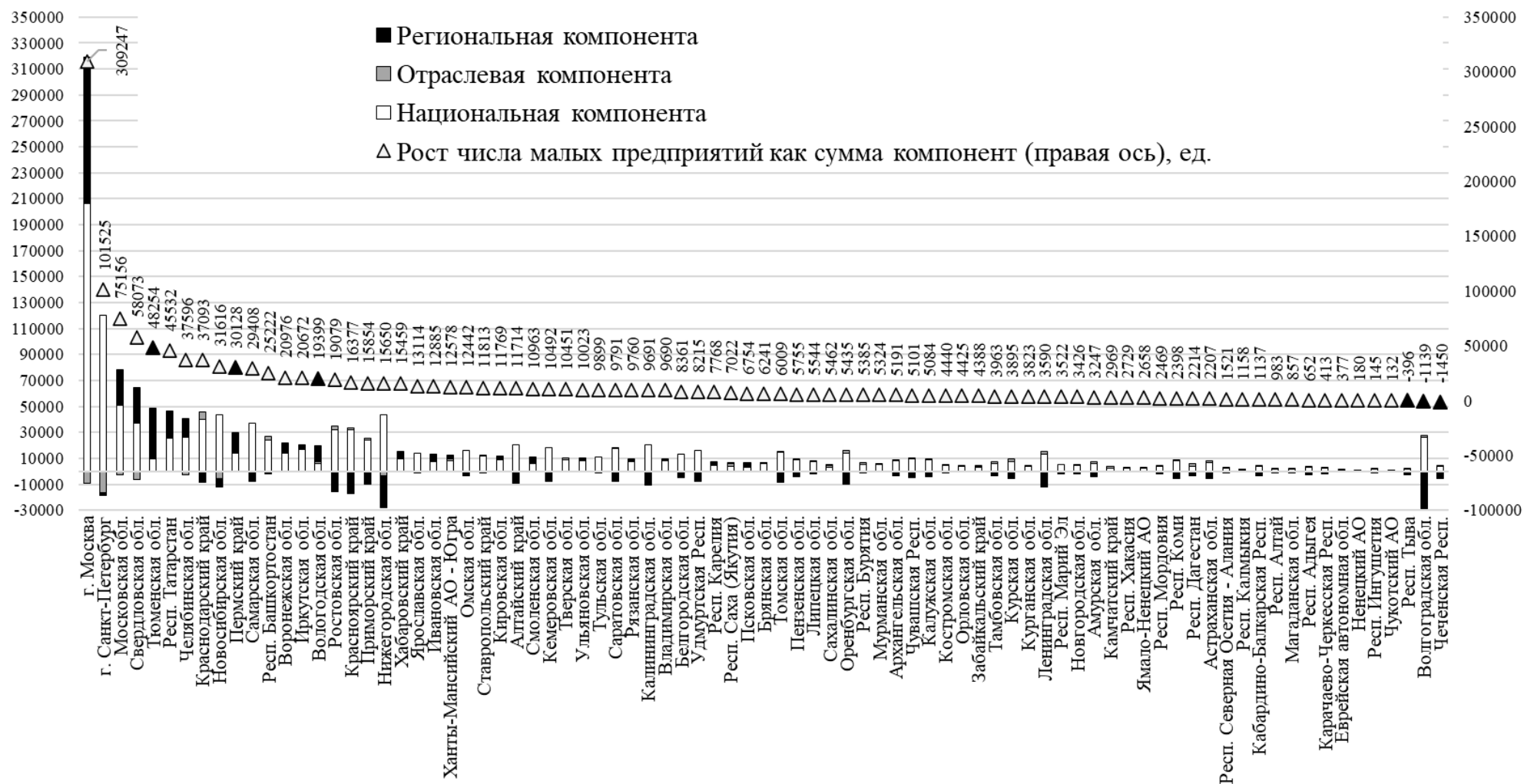

Рисунок 28 – Региональный анализ структурных сдвигов в динамике числа малых предприятий в 2008 и 2018 гг.

Источник: составлено автором по последним доступным сопоставимым данным Росстата.

Примечание: темными треугольниками выделены регионы, в которых доля региональной компоненты выше 50%.

Многие малые бизнесы преимущественно создаются в низкотехнологичных секторах для обслуживания локальных рынков, но усложнение МСП позволяет добиться большего вклада в ВВП, создание рабочих мест. К *технологическим стартапам* в исследовании относятся новые (открытые в этом году) частные компании, имеющих код ОКВЭД средне- и высокотехнологичной отрасли промышленности или наукоемких услуг (Баринова и др., 2020). К конструктивному предпринимательству можно отнести стартапы с готовым продуктом, то есть имеющие ненулевую выручку, т.к. некоторые из открываемых компаний не создают продукта, не ориентированы на ведение предпринимательской деятельности вовсе.

Технологические стартапы оказались устойчивее к воздействию пандемии, чем малый бизнес в целом, появились стартапы в новых рыночных нишах, связанных с цифровой экономикой и медициной (Zemtsov et al., 2021; Dahlke et al., 2021; Kuckertz et al., 2020). Некоторый рост числа стартапов наблюдался в 2022 г. в результате ухода иностранных компаний с российского рынка и необходимости импортозамещения, то есть происходит постепенная структурная трансформация сферы МСП³⁰³. В результате доля технологических стартапов в общем числе малых предприятий выросла с 0,34% в 2018 г. до 0,45% в 2023 г. Плотность подобных компаний в России в целом невысока в сравнении с другими странами³⁰⁴. В России создается около 1,3–1,4 стартапа на 10 тыс. чел. рабочей сил

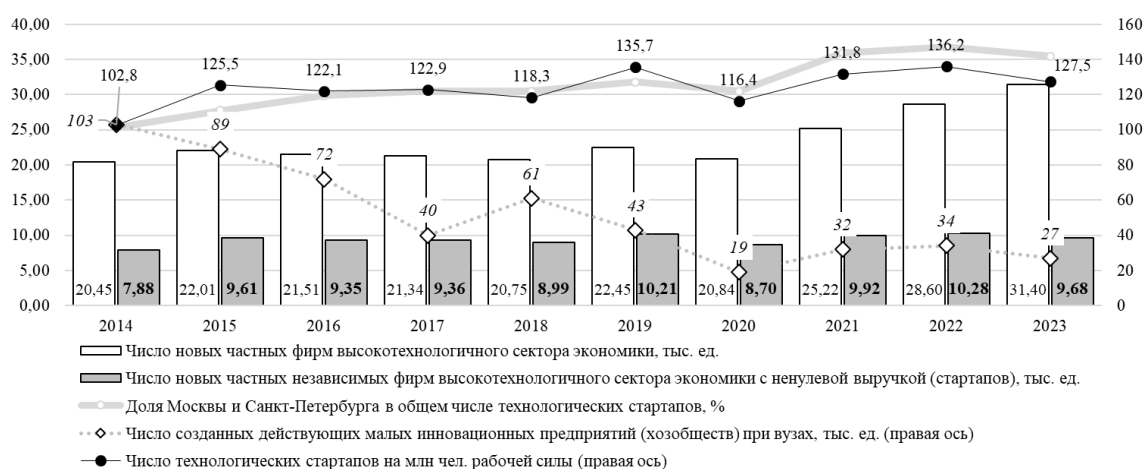

Рисунок 29 – Динамика технологического предпринимательства в регионах России.

Источник: составлено автором по данным СПАРК-Интерфакс и открытым данным.

³⁰³ Во время шестой волны в начале 1990-х структура экономики изменялась в рамках адаптации к сильному шоку. Многие крупные советские предприятия заменялись микрофирмами, создаваемыми часто бывшими сотрудниками заводов и образующие вокруг них пояса со схожей или дополняющей специализацией. Во время седьмой волны создавались компании 5 технологического уклада, например «Яндекс», «Озон», «Касперский» и т. д., распространялись многочисленные салоны сотовой связи и электроники, включая принадлежавшие МТС, «Билайн» и другим быстрорастущим компаниям. Во время шестой волны электроника преимущественно продавалась на различного рода ярмарочных комплексах, например на «Горбушке» в г. Москве. В будущем большая часть электроники будет продаваться в рамках онлайн-магазинов.

³⁰⁴ Число технологических компаний на душу населения ниже большинства развитых стран: 29-е место из 34 рассмотренных (рис. 22) (Земцов, 2022). В США сконцентрировано около 44% таких компаний, в России — около 0,6%, или 5331 (22-е место из 40). В предпринимательской экосистеме Москвы плотность стартапов в разы ниже, чем в глобальных городах-лидерах, хуже ситуация по объему венчурных сделок (Боос и др., 2020).

В отраслевой структуре рассматриваемых стартапов около половины составляют наукоемкие сервисы для бизнеса (B2B): юридические, бухучет, подбор персонала, управление и т. д. (Приложение А.6). Сектор ИКТ также значим: пятая часть новых фирм.

Велики межрегиональные различия по числу создаваемых стартапов; более трети (35,5% в 2023 г.) рассматриваемых компаний создается в Москве и Санкт-Петербурге³⁰⁵, хотя в начале рассматриваемого периода эта доля немногим превышала четверть. Рост концентрации может быть признаком начала новой волны распространения предпринимательства. Десять регионов-лидеров (включая столицы, Татарстан, Свердловскую, Новосибирскую, Самарскую, Нижегородскую области, Краснодарский край и Башкортостан) концентрируют примерно 62% (в 2013 г. – около 54%), хотя в них проживает 42% рабочей силы. Плотность стартапов (рис. 30) выше в крупных агломерациях³⁰⁶, где сосредоточены основные образовательные и исследовательские центры, высока концентрация человеческого капитала, высоких переделов и сервисной экономики (Zemtsov et al., 2021; Барина и др., 2020). Распределение стартап активности по регионам довольно устойчиво, так коэффициент корреляции между значениями за 2020 г. и 2000 г. составляют 0,78, что выше, чем для малого бизнеса в целом (0,65). При этом сами стартапы в России обладают низкой выживаемостью³⁰⁷.

Рисунок 30 – Технологическое предпринимательство в регионах России.

Источник данных: СПАРК. URL: <https://www.spark-interfax.ru/>. Росстат.

³⁰⁵ Некоторые успешные стартапы из регионов с невысоким потенциалом мигрируют в крупнейшие центры высоких технологий, где есть инфраструктура, доступ к финансированию, выше возможность получить поддержку институтов развития. Впоследствии часть стартапов переносят головной офис в иные страны. Например, компания Playrix, мировой разработчик игр, основана в Вологодской области, но работает в Дублине.

³⁰⁶ Среди лидеров Калмыкия благодаря регистрации предпринимателей из других регионов для использования существенных налоговых льгот: налоговая ставка по УСН снижена с 6% до 1% для тех, кто выбрал объектом налогообложения доходы, и с 15% до 5% – для тех, кто учитывает доход минус расходы.

³⁰⁷ Но банкротство в этом случае не является исключительно негативным явлением, т.к. остаются квалифицированные кадры с опытом, да и сама идея может быть реализована позднее в новом проекте.

3.5. Оценка пространственно-временных эффектов в конструктивной предпринимательской активности³⁰⁸

Предпринимательская активность в регионе имеет определённую временную инертность и зависимость от активности в других регионах. В постсоветский период коэффициент корреляции между предпринимательской активностью в регионах России в этом году и предыдущим в среднем за рассматриваемый период составлял 0,94, но снижался при увеличении временного лага, до 0,6 при 15-летнем лаге. Обнаружены относительно устойчивые центры и периферия (рис. 21, п. 3.1). Регионы со схожими уровнями и динамикой предпринимательской активности могут образовывать межрегиональные кластеры, в которых центрами являются регионы с укоренившимся предпринимательством.

Для доказательства подобных пространственно-временных закономерностей необходимо применение более строгих оценок, например с помощью эконометрических методов. Ранее распределение предпринимательской активности по регионам и ее динамика в них могла считаться случайной, то есть неподдающейся строгому описанию без явных закономерностей. Это имело под собой теоретические основы, связанные, например, с правилом Жибра (Гидрата), утверждавшего, что темпы роста и, соответственно, частота закрытий предприятий стохастичны, следовательно, изменение их числа в целом случайно в естественных рыночных условиях. Закон Жибра эмпирически не раз опровергался на определенных выборках в некоторые моменты времени, например на рынках с сильным присутствием государства (Земцов, Чернов, 2019). Тем не менее, правило использовалось для правдоподобного объяснения высокой волатильности динамики числа предприятий в постсоциалистических странах. Если закон Жибра выполняется, то выявление факторов предпринимательской активности и разработка соответствующих мер политики не дадут результата.

Согласно теории диффузии нововведений распространение новой волны конструктивной предпринимательской активности из центров может происходить в соседние регионы, что отражается на формировании упомянутых межрегиональных кластеров. Схожие процессы в периоды устойчивого (равновесного) состояния обычно обозначают как пространственные эффекты и часто связывают с межрегиональными *перетоками знаний*. Предприниматели могут получать опыт в регионах-соседях, или фирмы в менее развитых регионах являются предприятиями из более развитых регионов-соседей. Кроме того, речь может идти о схожих экономико-географических условиях, как например на юге Дальнего Востока вблизи крупных рынков Азиатско-Тихоокеанского региона, или о схожих институциональных условиях на

³⁰⁸ Частично использованы результаты статьи автора с соавтором: Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса //Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 37. №. 1. С. 145–165.

близко расположенных территориях, ведь границы регионов в отличие от стран довольно условны, а потому практики ведения бизнеса, культурные нормы в одном регионе могут быть весьма близки с таковыми в соседнем регионе. Например, близкие нормы могли сложиться на Урале, на Северном Кавказе, в Центральном Черноземье и т. д.

Формально доказать гипотезу о наличии процессов кластеризации регионов (Klotz, 2004) позволяет метод оценки пространственной авторегрессии, оценивающий пространственную корреляцию между ошибками наблюдений с помощью индекса Морана (Moran, 1950):

$$I = n \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n w_{i,j} z_i z_j / \left[S_0 \sum_{i=1}^n z_i^2 \right], \quad (15),$$

где z_i — отклонение характеристики региона i от его среднего значения; w_{ij} — расстояние между регионами i и j ³⁰⁹; n — число регионов; S_0 — сумма расстояний. Индекс Морана для предпринимательской активности по регионам России равен 0,078 ($z\text{-scores} = 4,8$ при $p\text{-value} = 0,000002$), что указывает на потенциальное наличие территориальной концентрации регионов с близкими значениями³¹⁰. Для выявления подобных межрегиональных кластеров требуется построить диаграммы рассеяния локального индекса пространственной ассоциации (LISA). Могут быть выделены четыре типа корреляции между исследуемым регионом и его соседями: высокая — высокая, низкая — низкая, высокая — низкая, низкая — высокая (Anselin, 1995). Первые два показывают, что предпринимательская активность в рассматриваемом регионе также высока (или также низка) как в соседних. В остальных случаях высокая активность в регионе может сочетаться с низкой активностью в регионах-соседях и наоборот. В большинстве регионов России пространственная автокорреляция не наблюдается, но в Томской и Новосибирской областях высокая предпринимательская активность положительно коррелирует с таковой в регионах-соседях³¹¹ (Земцов, Царева, 2018). Высокий инновационный потенциал этих регионов (Бабурин, Земцов, 2017) может приводить к образованию новых или дочерних компаний на соседних территориях — межрегиональный переток знаний. Показатели регионов Южной России и Северного Кавказа, наоборот, характеризуются отрицательной взаимной корреляцией. Это может быть связано с высокими инвестиционными рисками и институциональными барьерами, которые распространяются по всей территории макрорегиона, или распространяются представлениях о них среди инвесторов на весь макрорегион.

³⁰⁹ В данном случае речь идет о географическом расстоянии между региональными центрами, где в большинстве случаев и сконцентрирована большая часть МСП.

³¹⁰ Если значение $z\text{-scores}$ индекса Морана положительно и значимо, то это может служить подтверждением кластеризации регионов, если около нуля, то, скорее, характерно случайное распределение, а если ниже нуля — высокая дисперсия (Moran, 1950).

³¹¹ Эконометрически доказано, что проявление описанных пространственных эффектов усиливается при высоком качестве институциональной среды и высоком уровне деловой активности региона (Демидова, Камалова, 2021).

Для оценки значимости описанных выше эффектов использовалась соответствующая эконометрическая модель (Fossen, Martin, 2016), дополненная контрольными переменными.

$$Entr\_act_{i,t} = const + \beta_i' \times WEntr\_act_{i,t} + \beta_i'' \times Entr\_act_{i,t-n} + \beta_i''' \times Control_{i,t} + \varepsilon_{i,t}, \quad (16)$$

где $Entr\_act$ — число малых фирм, включая микропредприятия, на 1 тыс. человек ЭАН; i — регионы России; t — годы; $WEntr\_act$ — пространственные эффекты предпринимательской активности; W — матрица пространственных весов, или расстояний³¹²; $Entr\_act_{t-n}$ — предпринимательская активность предыдущих периодов; n — число предыдущих периодов; $Control$ — контрольные переменные; ε — необъясненная часть регрессии.

Для оценки влияния предыдущих периодов применялся обобщенный метод моментов, т.к. использование традиционных методов, например, панельной регрессии с фиксированными эффектами, ограничено из-за проблемы низкой точности оценок стандартных ошибок (Blundell et al., 2001) при высокой корреляции регрессоров.

Регионы России существенно различаются по уровню социально-экономического развития, институциональным условиям и структуре экономики, что влияет на предпринимательскую активность, поэтому необходимо было учесть данные факторы, введя контрольные переменные. Для оценки уровня развития экономики региона и косвенно — потребительского спроса на продукцию малых и средних фирм — использовался показатель ВРП на душу населения.³¹³ Оценка институциональных условий проведена с помощью включения в модель индекса обеспеченности банковскими услугами Банка России³¹⁴. Индекс показывает уровень развития рыночных институтов в регионах и косвенно — доступность финансирования для МСП (см. п. 1.4). Для оценки влияния различий в структуре экономики использован показатель доли добывающей промышленности в ВРП (см. обсуждение в п.1.4.).

Предварительно отдельно оценивалось влияние временных и пространственных эффектов без учета контрольных переменных (рис. 33). Для оценки влияния пространственных эффектов, в первую очередь, регионов-соседей, было использовано несколько способов определения расстояния между регионами. Если малый бизнес в соседних регионах в 150 км от искомого развит на одну малую фирму на 1 тыс. ЭАН сильнее, то уровень активности в искомом регионе будет выше на 0,48 малого предприятия. Иными словами, рост числа малых бизнесов в Москве

³¹² Чтобы выявить механизм взаимодействия между предпринимателями разных регионов, для оценок использовались доступные расстояния между столицами по железным дорогам (в ряде случаев — автомобильным и речным путям). В целом подобный подход обоснован для России, где существенная часть грузов и людей перемещается по железной дороге. Прямые же расстояния по карте не учитывали бы рельефа и других факторов, повышающих реальное расстояние между объектами. В региональных центрах сконцентрировано основное число МСП, и между центрами в подавляющем большинстве случаев есть транспортное сообщение.

³¹³ Расчеты выполнены на основе официальных данных Росстата, представленных в сборниках «Регионы России», Социально-экономические показатели» (см. материалы сайта Росстата: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156).

³¹⁴ <http://www.cbr.ru/publ/?PrtId=nadzor>.

может напрямую повлиять на рост числа таковых в Подмосковье и даже в Калужской области. На рисунке 33 показано снижение влияния по мере увеличения расстояния между регионами с 0,48 для регионов в радиусе до 150 км до 0,1 – для регионов на удалении более 500 км от исследуемого. Это связано не только с перетоками знаний, описанными ранее, но и цепочками поставок, которые порождаются новыми предприятиями, причем в обоих направлениях. Так, например, появление молочных ферм в Калужской области может приводить к открытию молочных магазинов в Москве, а открытие кафе в столице увеличивает спрос на молочные продукты, а соответственно косвенно ведет к открытию фермы в каком-либо близлежащем регионе, в т.ч. в Калужской области.

Выводы согласуются с результатами схожего исследования в Германии (Fossen, Martin, 2016), в котором показано, что влияние соседних регионов резко уменьшается после 200 км, когда связи между предпринимателями и локальными рынками становятся случайными и редкими. Например, строительные бригады готовы закупать материалы на рынках, расположенных не далее 200 км от места своей деятельности. Формирование подобного рода локализованных групп регионов с близкими характеристиками и тесными связями может приводить к образованию экономических районов.

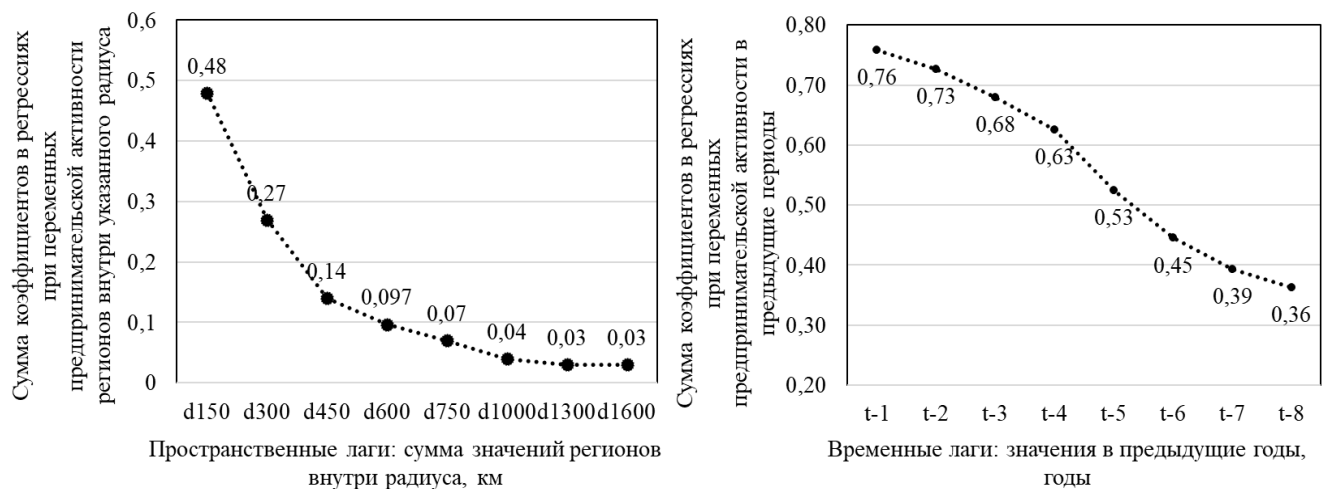

Рисунок 31 – Пространственные и временные эффекты в предпринимательской активности.

Источник: расчеты автора.

Если число малых предприятий на 1 тыс. ЭАН в прошлом году было на одно малое предприятие больше в этом регионе, чем в других, то, согласно однофакторной модели, оно будет больше на 0,76 малого предприятия в текущем году в этом регионе по сравнению с другими (рис. 31 слева). Наименьшее значимое влияние будет характерно для лага в восемь лет. Наблюдается зависимость от предшествующего уровня развития предпринимательства, убывающая с годами; возможное объяснение этого эффекта связано с инертностью конструктивной предпринимательской активности, а на значительных периодах – с ее укоренением в региональных сообществах. Влияние предшествующего развития (предпринимательская

активность в предыдущие периоды) оценивается в 0,54–0,65, а влияние соседних регионов существенно ниже³¹⁵ — 0,02–0,07 без учета и с учетом контрольных переменных (табл. 6). Уровни развития экономики и банковских услуг ожидаемо положительно влияют на уровень предпринимательской активности, роль добывающих отраслей неоднозначна³¹⁶ (переменная незначима в моделях).

Таблица 6 – Оценки влияния пространственно-временных эффектов в конструктивной предпринимательской активности в регионах России

Зависимая переменная: число малых предприятий, включая микро, к численности рабочей силы. 83 региона. GMM 1. Двухшаговый метод оценивания. Асимптотические стандартные ошибки		
Модели	1	2
Число наблюдений	1064	760
Предпринимательская активность в соседних регионах, расположенных в радиусе от 0 до 150 км	0,02* (0,01)	0,01 (0,014)
Предпринимательская активность в соседних регионах, расположенных в радиусе от 150 до 300 км	0,07*** (0,01)	0,06*** (0,008)
Предпринимательская активность 1 год назад (t-1)	0,65*** (0,01)	0,53*** (0,016)
Предпринимательская активность 2 года назад (t-2)	0,04*** (0,008)	0,04** (0,014)
Контрольные переменные		
ВРП на душу населения, тыс. руб. в постоянных ценах		0,01*** (0,001)
Индекс обеспеченности региона банковскими услугами		0,53* (0,290)
Доля добывающей промышленности в ВРП, %		0,00 (0,020)
Константа	0,39*** (0,01)	0,56*** (0,049)
Оценки качества моделей		
Тест на AR(1)-ошибки		–3,74 (0,0002)
Тест на AR(2)-ошибки		0,75 (0,454)
Тест на сверхидентификацию Саргана (Sargan)		72,58 (0,9900)

Примечание. В таблице символами «*», «**», «***» отмечены оценки, значимые на уровне 10, 5 и 1% соответственно. В круглых скобках приведены стандартные ошибки для коэффициентов регрессии и р-значения для тестов. Рассматривается доковидный период с относительно стабильной ситуацией 2008–2018 гг., когда при определении зависимой переменной могут быть использованы последние доступные сопоставимые данным Росстата.

Источник: составлено автором.

³¹⁵ Также пространственные эффекты оценивались как сумма предпринимательской активности в других регионах, деленная на расстояние до них, но оценка оказалась ниже – около 0,02.

³¹⁶ Влияние ресурсного проклятия на конструктивную предпринимательскую активность в регионах России выявить сложно из-за наложения многочисленных противоположенных эффектов. В диверсифицированной Республике Татарстан, где высока доля добычи полезных ископаемых, но одновременно есть крупнейшие агломерации и благоприятная институциональная среда, малый бизнес развит широко, а вот в Ямало-Ненецком автономном округе, центре добычи газа и нефти, малый бизнес развит существенно меньше из-за непомерных природно-хозяйственных издержек на отопление, доставку грузов и т. д. на фоне относительно высокой покупательной способности населения.

Краткие выводы

В целом на региональном уровне в России заметна взаимосвязь между основными индикаторами развития МСП, отражающими социальную, экономическую и инновационные функции предпринимательства (рис. 32). Выделяется группа регионов с крупнейшими агломерациями и выгодным экономико-географическим положением, обладавших высокими показателями предпринимательской активности за весь постсоветский период: г. Санкт-Петербург, г. Москва, Калининградская, Новосибирская, Самарская, Ярославская, Свердловская области. Они составляют ядро национальной предпринимательской экосистемы.

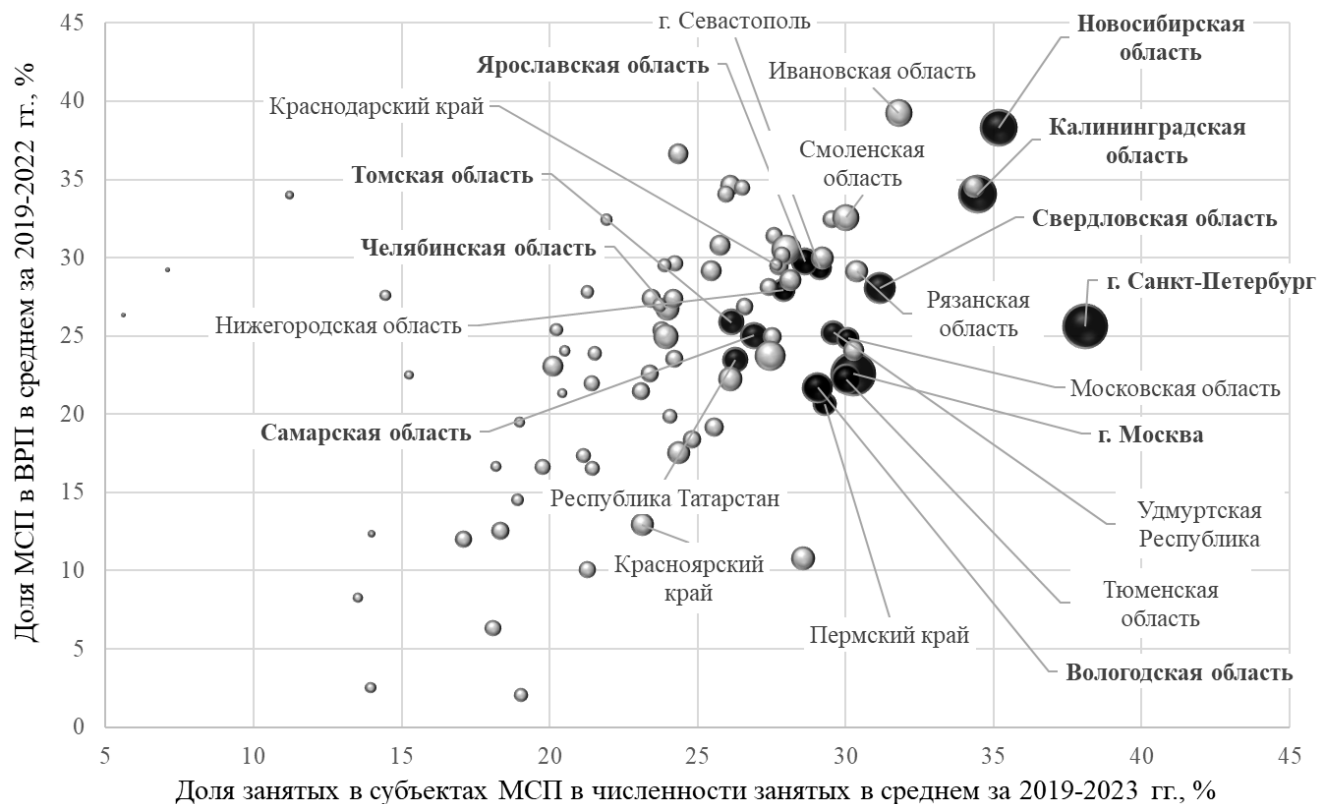

Рисунок 32 – Основные показатели развития сферы МСП в регионах России.

Источник: расчеты автора.

Примечание: Размер круга зависит от плотности малого бизнеса в среднем за 2019–2023 гг., полужирным шрифтом выделены названия регионов-лидеров плотности малых предприятий за 1996–2023 гг. (рис. 21). Черным фоном отмечены регионы-лидеры (топ-15) по плотности технологических стартапов за 2019–2023 гг.

На графике ниже (рис. 33) заметны различия в динамике основных индикаторов сферы МСП в регионах России, отражающие повышательную и понижительную стадии в пространственно-волновых процессах эволюции предпринимательской активности. Вероятно, пик последнего на сегодня предпринимательского цикла (*седьмая волна деловой активности населения*) достигнут в середине 2010-х (рис. 33): 36–37 малых предприятий на 1000 чел. рабочей силы – максимальная плотность малого бизнеса в текущих институциональных и технико-

экономических условиях, то есть в рамках торгово-сырьевой модели экономики. Хотя доля сложных услуг в МСП³¹⁷, включая цифровые сервисы, выросла с 16,9% в 2005 г. до 26,8% в 2020 г. (см. п. 3.4), в период высоких цен на нефть и роста спроса у крупных экономических агентов не было достаточных стимулов для углубления территориального разделения труда (ТРТ), в частности увеличения плотности обслуживающих предприятий для обрабатывающих производств.

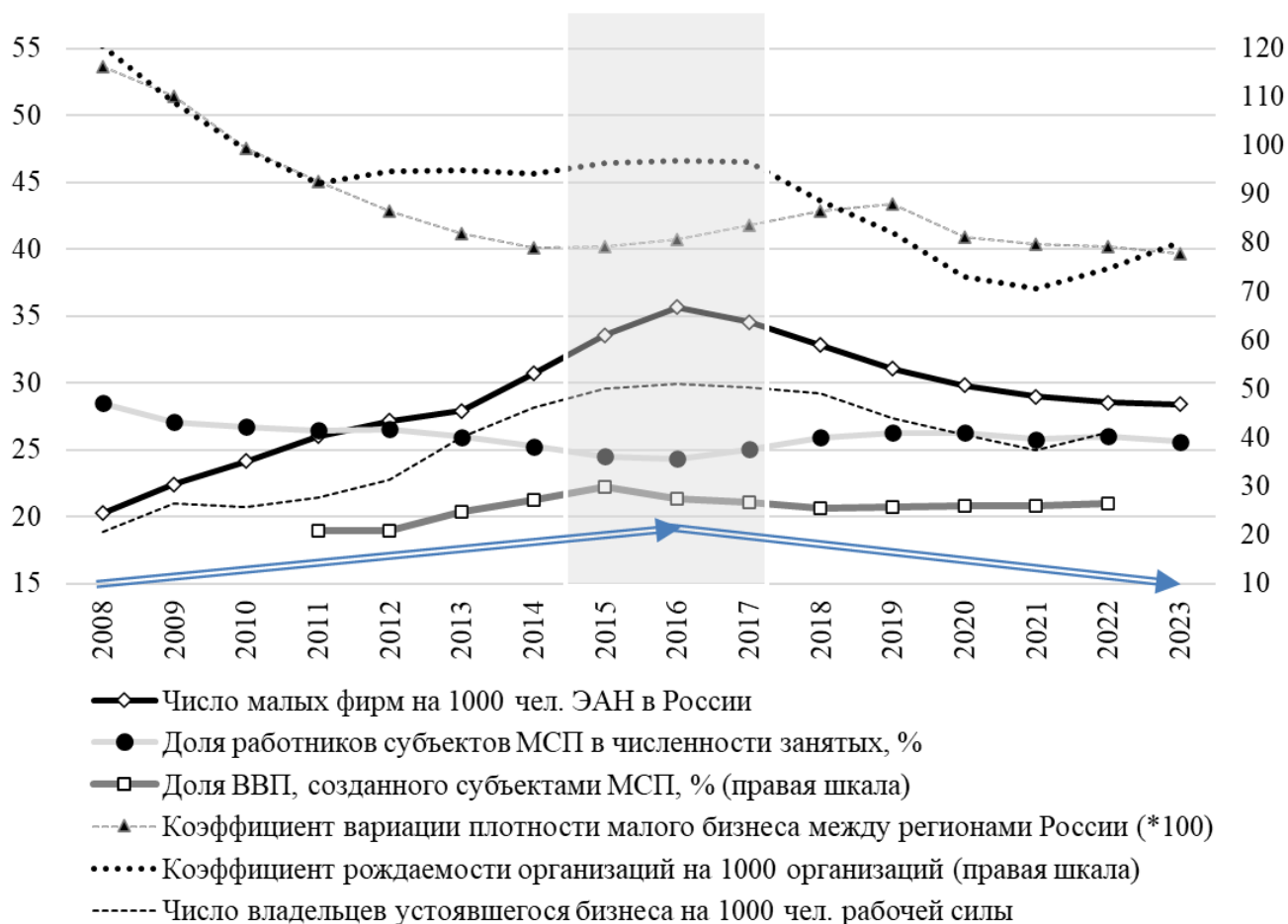

Рисунок 33 – Основные характеристики предпринимательской активности и развития сферы МСП в период седьмой волны деловой активности населения.

Источник: расчеты автора.

Примечание: для сглаживания трендов использовано скользящее среднее за три года. Стрелкой схематично показаны повышательная и понижательная стадии. Серым прямоугольником выделен предположительный период пиковых значений пространственно-временной волны.

Можно выявить некоторые базовые признаки разных этапов пространственно-временной волны (табл. 7) для будущих исследований. В начале 2000-х гг. комплекс мер, направленных на

³¹⁷ Операции с недвижимым имуществом, профессиональная научная и техническая деятельность, образование, здравоохранение и социальные услуги.

дерегулирование (либерализацию) законодательства для бизнеса, на фоне растущих доходов населения стимулировал рост значений основных показателей сферы МСП³¹⁸. Но с 2016–2017 гг. число субъектов МСП и занятость в них постепенно сокращаются вслед за резким превышением числа закрытых организаций над созданными. Производительность труда в сфере МСП сокращается вслед за снижением среднего размера предприятия. В среднестатистическом субъекте МСП в 2022 г. занято 3,17 работника (3,4 работника в 2019 г.) и его оборот не превышает 159,8 млн руб. В период понижательной стадии стала нарастать роль государственного сектора, кроме того, снижается потенциальный человеческий капитал, то есть численность молодого поколения, которое бы могло быть задействовано в предпринимательской деятельности. При этом предыдущее поколение (*шестая волна*) вынужденных предпринимателей уходит из бизнеса, в т.ч. по естественным демографическим причинам.

Таблица 7 – Обобщенные характеристики разных этапов предпринимательской волны

Признаки – характеристики	Начало волны	Пик	Окончание
Плотность малых предприятий	Низка, но повышается	Максимальная	Высока, но снижается
Коэффициент межрегиональной вариации плотности малого бизнеса	Максимален	Снижается	Минимален
Доля крупнейших агломераций (Москвы и Санкт-Петербурга) в числе новых предприятий	Максимальна и снижается	Снижается	Минимальная
Рождаемость и смертность организаций	Рождаемость выше смертности	Рождаемость и смертность сопоставимы	Рождаемость ниже смертности
Среднее число работников на малом предприятии	Высока и снижается	Минимальна	Растет
Производительность труда в сфере МСП	Растет	Максимальная	Снижается
Доля владельцев устоявшихся бизнесов, %	Растет	Стабилизируется	Сокращается
Плотность технологических стартапов на ЭАН	Растет	Стабилизируется	Снижается

Источник: составлено автором.

В 2020-е гг. есть признаки начала новой волны: ранняя предпринимательская активность растет, плотность технологических стартапов повышается, смертность и рождаемость организаций уравнились (Кудрин и др., 2022, 2023, 2024); возрастает доля крупнейших агломераций в числе малых предприятий, а коэффициент вариации несколько вырос в соответствии с теорией диффузии нововведений. Основой новой волны может стать распространение сложных цифровых технологий и повторная вынужденная индустриализация. Одной из целей предпринимательской политики должно стать распространение новых форм конструктивной предпринимательской деятельности.

³¹⁸ Оптимизация бюджетных учреждений совпала с автоматизацией ряда производств, что стимулировала рост численности вынужденных предпринимателей. Ряд крупных предприятий провели модернизацию производств и вынуждены были сократить персонал. Например, автоматизация конвейера «АвтоВАЗа» привела к ликвидации более 70 тыс. рабочих мест.

По предварительной оценке, конструктивные предприниматели составляют менее 2% жителей страны, но их предприятия создают более трети добавленной стоимости. Для сравнения доля нефтегазового сектора в ВВП России составила в 2022 г. - 18%, в 2023 г. - 16,5%³¹⁹. Иными словами, конструктивных предпринимателей можно считать одним из самых редких, но ценных ресурсов России.

Уровень предпринимательской активности в России характеризуется определенной изменчивостью и высокой территориальной неоднородностью. Ряд регионов способны сохранять высокий уровень развития предпринимательства продолжительное время. При этом регионы с быстро развивающимся МСП могут располагаться рядом с регионами-лидерами по развитию предпринимательства, а регионы со стагнирующей сферой МСП – вблизи друг друга. Выявлены межрегиональные кластеры с концентрацией регионов-лидеров (Новосибирская и Томская области) и отстающих регионов (Северный Кавказ). В диссертационной работе дана оценка подобных пространственно-временных эффектов, которые могут игнорироваться при принятии политических решений³²⁰.

Исходя из эконометрических расчетов, конструктивная предпринимательская активность в регионе существенно зависит от ее уровня в предшествующие годы и находится под влиянием активности в соседних регионах. Первый – временной эффект, или инертность процессов, в максимальной степени проявляется при лаге в 2 года. Второй – пространственный эффект – проявляется на расстоянии не более 300 км с учетом уровня регионального развития, институциональной среды и структуры экономики. Необходимо учитывать, что развитие МСП не может быть кардинально изменено за несколько лет, если ситуация была неблагоприятной в предыдущие периоды и остается таковой в регионах-соседях.

³¹⁹ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

³²⁰ Например, ограничения работы бизнеса в крупных агломерациях во время пандемии COVID-19 влияло не только на регионы, где вводились ограничения, но и на предпринимательство в соседних регионах (см. п. 5.3).

Глава 4. Современные региональные условия и факторы предпринимательской активности в России

Описанные ранее закономерности проверяются в главе с помощью комплекса строгих эконометрических процедур³²¹. Для целей верификации, как и в предыдущем разделе, используются зависимые переменные, отражающие разные функции предпринимательства³²²: уровень конструктивной предпринимательской активности, рост занятости в сфере МСП и плотность технологических стартапов. По сопоставимым данным Росстата преимущественно рассматривается период с 2008 по 2018 гг. как наиболее стабильный с точки зрения распространения *седьмой волны деловой активности*, так и с точки зрения экономических циклов. В главе тестируется значимость региональных условий и факторов, чтобы понять направление их влияния за рассматриваемый период. При этом предполагается, что сами факторы или их группы в определенной степени являются универсальными, для каждой волны деловой активности различаются переменные, которыми они могут оцениваться.

Результаты послужат основой для проведения *доказательной*, или научно-обоснованной, *политики*, когда решения принимаются не на основе представлений политиков, а на основе строгих оценок и доказательств³²³. Многие закономерности, выявленные за рубежом, могут не работать в специфических условиях российской экономики — с ее высокой ролью госпредприятий, низким уровнем развития частного венчурного капитала, большим сырьевым сектором, сохранением советских и досоветских норм, лимитирующих вовлечение населения в предпринимательство и др. особенностями. Поэтому полученные в зарубежных исследованиях оценки (п. 1.4) требуют проверки на российских данных, важен и поиск специфических для России факторов. В главе основное внимание уделено современным региональным характеристикам, влияющим на предпринимательство, за исключением уже рассмотренных ранее историко-географических и пространственно-временных эффектов.

³²¹ Сравнение двух потенциально связанных переменных, например, с помощью коэффициента корреляции, не позволяет сделать вывод о наличии зависимостей, т. к. такой подход игнорирует другие существенные факторы, а сама зависимость может оказаться ложной. Тем более, таким способом нельзя установить причинно-следственную связь. Например, неясно, предпринимателей много в тех регионах, где выше доходы населения, или доходы населения выше там, где больше предпринимателей. Поэтому применяются многофакторные регрессии, оценивающие влияние многих детерминант одновременно на продолжительном промежутке времени. В этом случае могут возникать различного рода проблемы, например многократный учет одного фактора разными показателями, что приведёт к мультиколлинеарности и искажениям оценок. Поэтому во всех моделях проверялось наличие высокой корреляции между независимыми переменными.

³²² К сожалению, недостаточность временного ряда по данным об экономических функциях МСП не позволила в должной мере проверить гипотезы с этой точки зрения.

³²³ К таковым относятся: результаты моделирования, изучения общественного мнения, экспертные оценки (Campbell et al., 2007; Волошинская, Комаров, 2015). В частности, за разработку, улучшение и популяризацию эконометрических методов для доказательной политики, в 2021 г. была присуждена Нобелевская премия по экономике Д. Карду, Дж. Ангристу и Г. Имбенсу. Авторы развивали методы «естественных экспериментов» в экономике, что позволило устанавливать причинно-следственные связи во многих областях исследований.

4.1. Моделирование конструктивной предпринимательской активности³²⁴

В качестве зависимой (объясняемой) переменной использован прокси *конструктивной предпринимательской активности* – отношение числа малых предприятий, включая микро-, к численности рабочей силы (*EA*). Исходя из сформулированных гипотез (краткие выводы к главе 1) впервые предложена следующая спецификация эконометрической модели:

$$\ln EA_{it} = \text{const} + \alpha_1 * \ln Natur_{it} + \alpha_2 * \ln Geogr_{it} + \alpha_3 * \ln Agglom_{it} + \alpha_4 * \ln Struct_{it} + \alpha_5 * \ln Instit_{it} + \alpha_6 * \ln Demand_{it} + \alpha_7 * \ln HumCap_{it} + \alpha_8 * \ln Unempl_{it} + \alpha_9 * \ln NewTech_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (17)$$

где *i* – регион России, *t* – год, – число малых фирм, включая микро, к численности рабочей силы, $\alpha_1 \dots \alpha_9$ – искомые коэффициенты влияния факторов на плотность малого бизнеса, *const* – константа, ε_{it} – случайная ошибка, остаток; остальные переменные – в табл. 8.

1. Проверялось влияние природных условий (*Natur*), задающих рамки развитию МСП. Модель содержит оценки природных издержек через среднюю температуру января³²⁵, а также фиктивные (бинарные) переменные, которыми тестировалась специфичность условий Севера и Арктики с учетом иных факторов: I – Арктические регионы, относящиеся к Арктической зоне³²⁶; II – регионы, частично входящие в неё³²⁷; III – Северные регионы³²⁸, в которых расположены районы Крайнего Севера и/или местности, приравненные к ним.

2. Второй оцениваемый фактор первичной природы (в терминологии П. Кругмана) – экономико-географическое положение (ЭГП), или удаленность от рынков товаров и услуг (*Geogr*). Чем ближе регион расположен к малым и сокращающимся рынкам, тем меньше спрос на товары и услуги его фирм при прочих равных условиях. Отдельно оценивалось влияние на малый бизнес близости к рынкам других регионов – потенциал межрегионального ЭГП и доступность рынков других стран – потенциал международного ЭГП (см. п. 1.4). Косвенно здесь проверялась весьма распространенное представление о том, что малый бизнес преимущественно работает на местных рынках в пределах своих регионов.

³²⁴ Частично использованы материалы статей автора диссертации с его соавторами: Баринова В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. 2018. Т. 6. С. 92–116; Земцов С.П., Бабурин В.Л., Царева Ю.В. Сложности ведения бизнеса в Арктике и в северных регионах России // Известия Русского географического общества. 2022. Т. 154. №2. С. 1–15; Земцов С.П., Царева Ю.В., Павлов П. Рыночный потенциал регионов и развитие предпринимательства в России // География и природные ресурсы. 2021. №42(3). С. 139–147. 497. Zemtsov S., Tsareva Y., Barinova V., Belitski M., Krasnoselskikh A. Small business in Russia: institutions, market potential, taxes, and digitalization // Post-Communist Economies. 2022. Vol. 34. №. 8. P. 1029–1053.

³²⁵ Показывают наиболее суровые природные условия, требующие повышенных расходов на отопление, утепление зданий и т.п. Летние температуры в России различаются не столь существенно между регионами.

³²⁶ Мурманская обл., Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий АО.

³²⁷ Красноярский кр., Мурманская обл., респ. Карелия, Коми, Саха, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий АО.

³²⁸ Амурская, Архангельская, Иркутская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская, Томская, Тюменская обл., Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Хабаровский кр., АО, Пермский, Приморский кр., респ. Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Саха, Тыва, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий АО.

Таблица 8 – Независимые переменные и гипотезы, используемые в эконометрическом анализе

Условие / фактор	Использованные для оценки переменные	Источник	Гипотеза о влиянии
Новые технологии <i>NewTech</i>	Доля населения, имеющего доступ к интернету, %	Росстат ³²⁹	+
Рынок труда <i>Unempl</i>	Уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ) в среднем за год, в %	Росстат	- / +
Человеческий капитал <i>HumCap</i>	Среднее число лет обучения	Расчеты по данным Росстата	+
Спрос на товары и услуги субъектов МСП <i>Demand</i>	Реальные денежные доходы, тыс. руб.	Росстат	+
	Доходы населения за вычетом прожиточного минимума, тыс. руб.	Расчеты по данным Росстата	+
	ВРП в ценах базового года (с учетом межрегионального индекса цен) к численности населения, руб./человека	Росстат	+
Институциональные условия <i>Instit</i>	Преступность на душу населения	Росстат	-
	Число лиц, совершивших преступления в сфере экономики, на 100 тыс. жителей	Росстат	-
	Индекс обеспеченности банковскими услугами	Отчеты ЦБ РФ ³³⁰	+
	Оценка инвестиционного риска RAEX	АО «Эксперт РА» ³³¹	-
Структура экономики <i>Struct</i>	Доля добывающей промышленности в ВРП, %	Расчеты автора по данным ЕМИСС ³³²	-/+
Агломерационные эффекты, включая размер рынка <i>Aglom</i>	Объем доступных рынков, млрд руб.	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
	Плотность населения, чел. на кв. км	Росстат	+
	Доля горожан в населении, %	Росстат	+
Географическое положение <i>Geogr</i>	Потенциал международного ЭГП, млрд руб.	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
	Потенциал межрегионального ЭГП, млрд руб.	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
Природные условия <i>Natur</i>	Средняя температура января, °K	Расчеты автора (Земцов и др., 2019)	-
	Дамми-переменная: Северные и Арктические регионы	Расчеты автора (Земцов и др., 2019)	-

Источник: составлено автором.

3. Для оценки влияния объема всех доступных предпринимателям рынков рассчитывался рыночный потенциал. В регионах с крупными рынками, более высокой плотностью населения и долей горожан выше проявление агломерационных эффектов (*Aglom*), выше разнообразие рыночных ниш для занятия бизнесом. Плотность малого бизнеса выше средней и росла благодаря увеличивающимся возможностям для импорта и экспорта продукции вблизи крупных зарубежных рынков: Калининградская, Псковская области, Санкт-Петербург, Карелия,

³²⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

³³⁰ Банк России. URL: <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=nadzor>.

³³¹ Рейтинг инвестиционной привлекательности. URL https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab02/

³³² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). <https://www.fedstat.ru/indicator/43890>.

Приморский, Хабаровский, Краснодарский край. Существенная доля субъектов МСП в России относится к торговле (31,4%), широко распространена продажа импортных товаров. Также в Приморском³³³ и Хабаровском краях есть крупные вещевые рынки, для которых импортируется китайская продукция.

4. Для учета особенностей структуры экономики (*Struct*), особенно с точки зрения возможного проявления «ресурсного проклятья» в моделях использовался индикатор доли добычи полезных ископаемых в ВРП, влияние которого может быть неоднозначно (см. п. 1.4, 3.5). С одной стороны, добывающий сектор может дестимулировать другие отрасли из-за перетока специалистов, высоких цен, с другой стороны, создает крупный потребительский рынок.

5. Среди институциональных факторов (*Instit*) для малого бизнеса в России наиболее значимым может быть качество финансовых институтов. Исследовалось влияние общего уровня инвестиционных рисков, в частности преступности.

6. Для расчета потребительского спроса (*Demand*) в регионе используются оценки ВРП на душу населения и средние доходы жителей; в регионах с высокими значениями преимущественно выше и разнообразнее потребности, удовлетворяемые малым бизнесом.

7. Концентрация человеческого капитала (*HumCap*), оцениваемая через уровень образования занятых, может стимулировать создание бизнесов, особенно в более технологичных секторах экономики. В свою очередь, это стимулирует ТРТ и рост плотности малых предприятий.

8. Рост безработицы (*Unempl*) ведет к сокращению спроса на продукцию и услуги МСП, но в то же время может стимулировать расширение вынужденного предпринимательства.

9. Цифровизация (*NewTech*) увеличивает активность малого бизнеса, т.к. доступ к Интернету меняет потребительское поведение, создавая рыночные ниши для разных рынков, в том числе на многочисленных цифровых платформах для продаж. Последние обеспечивают бизнесам доступ к большому числу потребителей в большинстве регионов.

В ходе эконометрического анализа преимущественно использованы модели с фиксированными эффектами (ФЭ), позволяющие учитывать индивидуальные особенности регионов³³⁴. Алгоритм оценивания предполагал тестирование каждого из факторов, выбор наиболее релевантных переменных на основе оценок качества моделей (R^2 и критерий Шварца) с последующим подбором их сочетания с наибольшей объясняющей силой. Одновременно необходимо было избежать проблемы мультиколлинеарности, для чего использовались

³³³ Например, до 2009 г. в Приморском крае процветали автомобильные рынки, где малый бизнес осуществлял продажу поддержанных автомобилей из Японии.

³³⁴ Специальные тесты подтверждают обоснованность использования ФЭ в сравнении со случайными (СЭ) и общей (пул) регрессией. В первой модели (табл. 9) из-за наличия бинарных переменных применялись СЭ.

соответствующие тесты и матрица парных корреляций, и возможных смещений, порождаемых отсутствующими переменными (Greene, 2003; Носко, 2021).

В целом выдвинутые гипотезы подтвердились. Суровые климатические условия – негативный фактор развития МСП. Если температура января на 1% ниже в регионе, то и плотность малого бизнеса в нем будет на 0,78% ниже. Для регионов, целиком или частично входящих в Арктическую зону (приложение А.3), при прочих равных условиях характерна низкая плотность малого бизнеса: на 0,74% ниже, чем в других регионах³³⁵. Для северных регионов в целом эта закономерность не подтверждается.

Влияние географического положения неоднозначно в зависимости от спецификации модели. Близость международных рынков оказалось важной для малых фирм (модель 2. ФЭ), особенно приграничных и приморских регионов. Связи с другими регионами и странами важны для закупки материалов, товаров. (Земцов и др., 2021а). Сокращение числа микро- и малых предприятий на 1 фирму (на 1000 чел. рабочей силы) при прочих равных условиях возможно при снижении доступа к зарубежным рынкам на 1 трлн руб.³³⁶ (см. приложение А.3). Многие малые предприятия являются импортерами. Близость только рынков других регионов России оказалась незначимым фактором (приложение А.3). Удаленность регионов друг от друга, особенно в Азиатской части России, сочетается с их недоступностью сухопутным транспортом, а соответственно изолированностью его малых предприятий, например в Магаданской области, на Чукотке. Близость к Москве, крупнейшему внутреннему рынку страны³³⁷, может оказывать положительное влияние, но эта закономерность работает только для Европейской части страны.

Влияние агломерационных эффектов неоднозначно. Рыночный потенциал, учитывающий одновременно удаленность регионов от зарубежных экономических центров и внутренних крупных рынков, – значимый фактор (см. табл. 9). При сокращении объема доступных российских и зарубежных рынков на 1% число микро- и малых фирм может снизиться приблизительно на 0,2% (в расчете на 1000 чел. рабочей силы) (модель 3. ФЭ). В регионах, где выше плотность населения (в Европейской части России, в регионах с крупными агломерациями), малый бизнес может быть развит лучше, но в целом для компаний важно не столько расположение в крупном плотно населенном городе и высокий уровень урбанизации, сколько близость крупного рынка, доходы населения.

³³⁵ Это может быть обусловлено также намеренной регистрацией компаний в более южных регионах для снижения издержек на заработную плату, так называемых «северных надбавок».

³³⁶ Например, полное закрытие китайского рынка в связи с карантинными мероприятиями может означать при прочих равных банкротство большинства малых фирм в Приморском крае.

³³⁷ В целом чем больше город, тем для большего по охвату рынка он является «центральным местом», то есть центром обслуживания для потенциальных потребителей.

Таблица 9 – Отобранные результаты оценки связи конструктивной предпринимательской активности с основными современными региональными характеристиками (подробнее см. Приложение А.3)

Условие / фактор	Использованные для оценки переменные	1. СЭ	2. ФЭ	3. ФЭ	4. ФЭ	5.ФЭ
Новые технологии	Доля населения с доступом к интернету, %				0,16***	
Рынок труда	Уровень безработицы (MOT), %	-0,005	0,057	-0,49**	0,1*	0,09
Человеческий капитал	Среднее число лет обучения			1,26**		0,79*
Спрос на товары и услуги	Реальные денежные доходы, тыс. руб.	0,52***				
	ВРП на душу населения, тыс. руб.		0,643***	0,02**	0,27	0,01*
Институциональные условия / деловой климат	Преступность на душу населения	-0,46***				
	Индекс обеспеченности банковскими услугами		6,122***			9,25**
	Индекс инвестиционного риска					-4,25***
Структура экономики	Доля добывающей промышленности в ВРП, %			0,23**		0,05
Агломерационные эффекты, включая размер рынка	Объем доступных рынков, млрд руб.	0,36***	0,467***	0,19***		0,13***
	Плотность населения, чел. на кв. км		0,035***	0,01		0,01
	Доля горожан в населении, %			-0,06		-0,05
Геоположение	Потенциал международного ЭГП, млрд руб.		0,001***			
Природные условия	Средняя температура января, °K	-0,78***				
	R2	0,69	0,79	0,83	0,52	0,87

Источник: составлено автором. Ранее опубликовано в статьях: Баринова и др., 2018; Земцов и др., 2020; Земцов и др., 2022; Zemtsov et al., 2022

Примечание. Переменные логарифмированы в моделях 3 и 4, не логарифмированы в моделях 1, 2 и 5. Рассматривается доковидный период с относительно стабильной ситуацией 2008–2018 гг., когда при определении зависимой переменной могут быть использованы последние доступные сопоставимые данным Росстата. Спецификации моделей выбраны в зависимости от целей, доступности данных и результатов проверок робастности результатов. Число наблюдений различно в зависимости от имеющейся информации, но это не должно оказывать содержательного воздействия на оценку направления влияния переменных, т.к. рассматривается относительно устойчивый период. ***, ** и * означают, что коэффициент значим на уровне 1%, 5 и 10% соответственно. Сокращения: СЭ – случайные эффекты, ФЭ – фиксированные эффекты. Оценки для константы не приводятся.

В сырьевых регионах, хотя малый бизнес ограничен конкуренцией с крупными корпорациями, выше спрос на его продукцию и услуги благодаря высоким зарплатам занятых. Поэтому в ряде моделей связь положительная: чем выше доля добычи в экономике, тем выше плотность малого бизнеса. С другой стороны, большинство сырьевых центров расположены на севере России, где высоки издержки ведения бизнеса, поэтому в конечной модели (5. ФЭ) влияние не обнаружено.

Доступ к финансированию – один из значимых факторов. Увеличение индекса обеспеченности банковскими услугами на 1 пункт приводит к росту числа микро- и малых фирм приблизительно на 6–9 (на 1000 чел. рабочей силы). Для создания предприятия требуется заёмное финансирование, а в регионах с большой плотностью банков можно найти более выгодные условия для получения кредитов. Положительное влияние отражает необходимость расширения объемов кредитования МСП, что ограничено в условиях высоких ставок и неопределенности в экономике.

Рост инвестиционных рисков приводит к снижению конструктивной предпринимательской активности (модель 6. ФЭ): в регионах, где индекс инвестиционного риска на 1 балл выше, число малых фирм ниже на 4,25 (на 1000 чел. рабочей силы). Например, в Москве, где хорошо развиты СМИ, правоохранительная и судебная система, существенно выше плотность малого бизнеса, чем в Калмыкии или Тыве. Фактор, отражающий уровень преступности в регионе, также отрицательно значим³³⁸.

Для развития малого бизнеса необходимо наличие в регионе большого числа лиц с хорошим образованием, достаточного для ведения бизнеса в России, что доказывает положительная значимость переменной среднего числа лет обучения занятых.

Рост доходов населения в регионе на 1% стимулирует потребительский спрос и приводит к увеличению плотности малых предприятий на 0,5% (модель 1. СЭ), что связано с формированием новых рыночных ниш.

Рост уровня безработицы на 1 % может привести к сокращению доходов и спроса на услуги и товары МСП, а, соответственно, к закрытию малых фирм (модель 3. ФЭ). При этом повышение безработицы может и увеличивать плотность малого бизнеса, особенно в регионах Европейской части страны, где высок рыночный потенциал и проникновение интернета. В этом

³³⁸ Регистрируемая преступность, то есть число лиц, совершивших преступление по данным статистики, и реальная преступность могут различаться в зависимости от качества работы правоохранительных органов. А в рамках своих целевых показателей, органы правопорядка могут быть склонны занижать число преступлений и завышать их раскрываемость. Но хуже всего то, что статистика по экономическим преступлениям может содержать случаи, когда дело возбуждается как инструмент давления на предпринимателя со стороны конкурентов или надзорных органов. В последнем случае – это может быть индикатором давления на бизнес в регионе. Очевидно, что предприниматели будут стремиться покинуть такие регионы и вести в них бизнес в форме ИП (без образования юрлица) или в теневом секторе.

случае уволенные сотрудники становятся вынужденными предпринимателями, т. к. могут открыть бизнес благодаря наличию спроса, в т.ч. в соседних регионах.

Увеличение доли домохозяйств с доступом к Интернету на 1% может привести к увеличению плотности малых предприятий на 0,16% благодаря описанным ранее эффектам расширения доступных предпринимателям рынков.

Высокий уровень ВРП на душу населения влияет на предпринимательскую активность, но из обзора литературы (Audretsch, Keilbach, 2004; Acs et al., 2004; Audretsch, Keilbach, 2005; Audretsch et al., 2006; Gries, Naudé, 2009; Carree, Thurik, 2010) известно, что есть и обратная связь, когда высокая плотность бизнеса влияет на развитие регионов и стран (см. п. 1.3). Налицо возможная проблема взаимного влияния, эндогенности, что требовало дополнительной верификации на примере регионов России (Земцов, Михайлов, 2024). Для этого использован специально разработанный для решения подобных проблем метод системы одновременных уравнений (формулы 18 и 19, табл. 10).

Модель регионального развития:

$$regdev_{i,t} = capital_{i,t} + aglom_{i,t} + EA_{i,t} + \gamma_{i,t} \quad (18)$$

Модель предпринимательской активности:

$$EA_{i,t} = regdev_{i,t} + aglom_{i,t} + labm_{i,t} + \delta_{i,t} \quad (19)$$

где i – регионы России; t – годы: 1998 – 2020 г., $regdev$ – уровень социально-экономического развития региона; $capital$ – характеристика накопленного капитала в регионе; $aglom$ – уровень концентрации экономической активности в городах; EA – характеристика предпринимательской активности; $labm$ – характеристика рынка труда.

Таблица 10 – Используемые для расчета переменные.

Фактор	Переменные	Источник
Уровень регионального развития ($regdev$)	ВРП к численности рабочей силы в ценах 1998 г. с учетом межрегионального индекса цен, тыс. руб.	Расчет по данным Росстата
	Несырьевой ВРП ³³⁹ к рабочей силе (ЭАН), тыс. руб. на чел. в ценах 1998 г. с учетом межрегионального индекса цен	Расчет по данным Росстата
	Несырьевой ВРП к занятости, тыс. руб. на чел. в ценах 1998 г. с учетом межрегионального индекса цен	Расчет по данным Росстата
Капитал ($capital$)	Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП, %	Расчет по данным Росстата
	Стоимость основных фондов, отнесенная к рабочей силе, млн руб. на чел.	Расчет по данным Росстата
Рынок труда ($labm$)	Уровень безработицы в среднем за год (по методике МОТ), %	Росстат
	Среднесписочная численность работников в субъектах МСП, чел.	ФНС РФ
	Доля занятых горожан с высшим образованием в населении, %	(Земцов, Смелов, 2018)

³³⁹ За исключением добычи полезных ископаемых и сельского хозяйства.

Концентрация в городах (<i>aglom</i>)	Доля городского населения, %	Росстат
	Численность населения городов более 100 тыс. человек, чел.	Росстат
	Плотность населения, чел. на кв. км	Росстат
	Численность населения города-центра региона, тыс. чел.	Росстат
	Объем доступных рынков, трлн руб. в ценах 1998 г.	(Земцов и др., 2020)
Предпринимательская активность (EA)	Число малых и средних предприятий на 1000 чел. рабочей силы, ед.	(Барина и др., 2023)
	Число новых организаций на 1000 чел. рабочей силы, ед.	Росстат
	Число новых фирм высокотехнологичного сектора с ненулевой выручкой на 10 тыс. чел. рабочей силы, ед.	(Барина и др., 2023)

Источник: составлено автором.

В результате было построено несколько спецификаций моделей (табл. 11). Уровень регионального развития может быть значимым фактором, влияющим на предпринимательскую активность, при этом связь сильнее при исключении из ВРП первичных отраслей. Но одновременно с этим подтверждается, что конструктивная предпринимательская активность – один из значимых факторов экономического развития регионов России.

Таблица 11 – Результаты оценки взаимосвязей регионального развития и предпринимательской активности в России

Показатели	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Первое уравнение. Зависимая переменная: отношение ВРП к рабочей силе, тыс. руб.			
Константа	-2,51(0,27)***	0,24 (0,17)	0,729 (0,15)***
Удельный вес инвестиций в ВРП, %	0,36 (0,03)***	0,14 (0,02)***	0,14 (0,02)***
Число МСП к рабочей силе	0,38 (0,03)***	0,5 (0,02)***	0,51 (0,02)***
Численность населения городов более 100 тыс. чел.		0,1 (0,01)***	0,08 (0,01)***
Доля горожан в населении, %	0,98 (0,06)***		
Второе уравнение. Зависимая переменная: отношение числа малых фирм к рабочей силе, ед.			
Константа	1,83 (0,33)***	2,24 (0,6)***	1,34 (0,55)**
ВРП к рабочей силе, тыс. руб.	0,26 (0,07)***		
Несырьевой ВРП к рабочей силе, тыс. руб.	-	0,330 (0,13)**	-
Несырьевой ВРП к числу занятых, тыс. руб.	-	-	0,15 (0,13)***
Уровень безработицы (по МОТ), %	-0,43 (0,04)***	-0,54 (0,08)***	-0,44 (0,06)***
Рыночный потенциал, млн руб.	0,29 (0,02)***	0,14 (0,01)***	0,18 (0,02)***
Оценки качества моделей			
R2 (первое уравнение)	0,34	0,37	0,38
R2 (второе уравнение)	0,43	0,46	0,49
Число наблюдений	1722	1617	1617

Источник: составлено автором.

Примечание: Все переменные логарифмированы. * p-value < 0,1; ** p-value < 0,05; *** p-value < 0,01.

Выявленная двунаправленная положительная взаимосвязь³⁴⁰ требует учета при принятии политических решений о мерах стимулирования предпринимательства в разных регионах и впоследствии потребует более подробных исследований, не входивших в цели работы.

³⁴⁰ Это же подтверждается проведенными тестами Грейнджера на причинность.

4.2. Моделирование занятости в малом и среднем предпринимательстве³⁴¹

Рост конструктивной предпринимательской активности с точки зрения социальных функций предпринимательства должен вести к росту занятости в субъектах МСП (Verheul et al., 2002; Acs, Armington, 2004; Van Stel, Storey, 2004; Fritsch, Mueller, 2004; Stuetzer et al., 2017; Robson, 1998; Li, Zhao, 2011; Барина и др., 2018b; Салимова и др., 2023).

Для целей верификации результатов предшествующих исследований (п. 1.4.) и подтверждения гипотезы о социальной роли МСП предложена следующая эмпирическая модель:

$$\begin{aligned} SMEempl_{gr_{i,t}} = & const + \beta_1 * SMEempl_{i,t-1} + \beta_2 * SMEact_{i,t} + \beta_3 \ln Natur_{it} + \beta_4 * \\ & \ln Geogr_{it} + \beta_5 * \ln Agglom_{it} + \beta_6 * \ln Struct_{it} + \beta_7 * \ln Instit_{it} + \beta_8 * \ln Demand_{it} + \beta_9 * \\ & \ln HumCap_{it} + \beta_{10} * \ln Unempl_{it} + \beta_{11} * \ln NewTech_{it} + \varepsilon_{it} \end{aligned} \quad (20)$$

где i – регионы России; t – 2009-2018 гг.; β – искомые коэффициенты, оценивающие влияние региональных характеристик на рост занятости в субъектах МСП, $SMEempl_{gr}$ – рост занятости в субъектах МСП: отношение среднесписочной численности работников субъектов МСП, включая ИП, год к году, % (без учета самозанятых)³⁴²; $SMEempl_{t-1}$ – занятость в сфере МСП в предыдущий год; $SMEact$ – различные оценки предпринимательской активности; ε – случайная ошибка; остальные переменные представлены в табл. 12.

В целом гипотезы соответствуют сформулированным ранее для предпринимательской активности, но есть ряд исключений. Чтобы учесть эффект низкой базы, проявляющийся в более быстром росте занятости МСП в регионах с ее изначально низким уровнем, в модель в качестве регрессора включена численность занятых в МСП в предыдущем периоде ($SMEempl_{t-1}$), при которой ожидалось отрицательное значение коэффициента (Земцов и др., 2022). При анализе природных условий применялся индикатор доли аграрного сектора в занятости, который существенно выше в регионах с более мягким климатом. Изменения рынка труда, такие как сокращение занятости в госсекторе, должно стимулировать вынужденное предпринимательство, снижать цену на рабочую силу и, как результат, приводить к росту числа работников в субъектах МСП. Неформальная занятость – одновременно индикатор резерва доступной рабочей силы; также свидетельствует о неблагоприятной для развития зарегистрированного бизнеса институциональной среде в регионе.

³⁴¹ Частично использованы материалы статьи автора диссертации с его соавторами: Земцов С.П., Царева Ю.В., Салимова Д.Р., Барина В.А. Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // Вопросы экономики. 2021. №12. С. 66–93.

³⁴² Занятость в субъектах МСП в данном случае учитывает и индивидуальных предпринимателей (ИП) из-за их существенной роли с точки зрения социальных функций предпринимательства, но не учитывает самозанятых из-за особенностей статистики: процесс регистрации и обеления экономики продолжается.

Таблица 12– Описание используемых переменных

Условие / фактор	Использованные для оценки переменные	Источник	Гипотеза о влиянии
Предпринимательская активность <i>SMEact</i>	Число субъектов МСП, включая ИП, в расчете на 1 тыс. человек рабочей силы	ФНС РФ	+
	Число новых предприятий и организаций на 1000 чел. рабочей силы	ФНС РФ	+
	Число новых высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой на 1000 чел. рабочей силы в предшествующем году	СПАРК-Интерфакс (Барина и др., 2020)	+
Новые технологии <i>New_Tech</i>	Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, % год к году	Росстат	+
	Число используемых передовых производственных технологий на 1000 чел. ЭАН	ЕМИСС	+
Рынок труда и предложение занятости для сферы МСП <i>Unempl</i>	Уровень безработицы по методике МОТ в среднем за год, в %	Росстат	- / +
	Численность работников на государственных и муниципальных предприятиях, %, год к году	Росстат	-
Человеческий капитал <i>HumCap</i>	Среднее число лет обучения в регионе в предыдущем году	Росстат	+
Расширение рынков и спрос на занятость <i>Demand</i>	Отношение реальных денежных доходов населения, % год к году	Росстат	+/-
Институциональные условия <i>Instit</i>	Число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. чел., % год к году	Росстат	-
	Численность неформально занятых в этом году к предыдущему году, %	Росстат	-
	Значение индекса обеспеченности банковскими услугами, % год к году	Банк России	+
Инертность / Эффект низкой базы <i>SMEempl</i>	Занятость в субъектах МСП в предыдущий год	Росстат	-
Структура экономики <i>Struct</i>	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП, %	Росстат	-
Агломерационные эффекты <i>Agglom</i>	Отношение объема потенциально доступных российских и зарубежных рынков в постоянных ценах, % год к году	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
	Плотность населения, чел. на 1 кв. км в предыдущем году	Росстат	+
	Численность населения центрального города региона, тыс. чел.	Росстат	+
	Доля городского населения, %	Росстат	+
Географическое положение <i>Geogr</i>	Потенциал международного ЭГП, млрд руб.	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
	Потенциал межрегионального ЭГП, млрд руб.	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
Природные условия <i>Natur</i>	Доля работников в аграрном секторе в среднесписочной численности работников, %	Росстат	+

Источник: составлено автором.

В последние годы все больше работ было посвящено оценке влияния новых технологий, в частности, цифровизации и автоматизации труда на занятость (Sorgner, 2017; Acemoglu, Restrepo, 2019; Zemtsov et al., 2019; Zemtsov et al., 2020). Цифровизация может вести к расширению объема доступных для предприятия рынков за счет онлайн-торговли, а впоследствии – к росту числа малых предприятий (см. 4.1) и занятости в них. Автоматизация процессов на крупных производствах может приводить к сокращению числа работников. Для оценки уровня автоматизации применялся индикатор числа используемых передовых производственных технологий: управление производством, промышленные роботы и др. Более высокие значения предполагают больший потенциал для сокращения занятости на крупных предприятиях (Земцов, 2017; Zemtsov et al., 2019; Земцов, 2019; Земцов, 2021), а соответственно возможен их переток в сферу МСП. Впрочем, передовые производственные технологии также могут влиять и на снижение занятости в самих субъектах МСП.

Если в регионе численность занятых в субъектах МСП в предыдущий период была на 1% ниже, чем в остальных, то рост занятости будет на 0,38–0,54% выше благодаря эффекту низкой базы, например, в Чечне, Ингушетии, на Чукотке. Определенную роль в подобной сходимости³⁴³ значений показателя разных регионов могла сыграть и выравнивающая политика федеральных властей, когда больший объем средств на поддержку МСП выделялся менее развитым регионам (см. п. 5.2). Регионы-лидеры по объему бюджетных субсидий на один субъект МСП – это Адыгея, Смоленская область, Чечня, Карелия (Антонова и др., 2020), где занятость в секторе выросла или сократилась слабо.

В регионах с развитым сельским хозяйством выше доля микропредприятий, фермерских хозяйств, ИП; занятость в субъектах МСП по мере укрупнения этих предприятий сохранялась и росла в аграрных регионах (модель 4 в табл. 13), например, в Белгородской, Липецкой, Воронежской областях, Краснодарском крае, Республике Адыгее. Это может быть также связано с влиянием контрсанкций, введенных Россией после 2014 г. против ряда стран, а также значительными субсидиями и льготами для фермеров в последние годы.

Подтверждается значимое влияние географических условий и структуры экономики. В регионах с повышенной долей добывающей промышленности в ВРП занятость в субъектах МСП сокращалась быстрее (модель 5). Это может быть связано с монополизацией местных рынков труда крупными корпорациями, особенно в северных сырьевых центрах. Из-за высоких издержек, в т.ч. ввиду необходимости доплат занятым (северные надбавки), малые фирмы неконкурентоспособны по привлекательности для работников в сравнении с крупными. Это может быть интерпретировано и как одно из проявлений «ресурсного проклятия» (см. п. 5.2).

³⁴³ Когда регионы с меньшим уровнем занятости в МСП догоняли регионы-лидеры благодаря более высоким темпам роста.

Таблица 13 – Результаты оценки связей между региональными характеристиками и ростом занятости в субъектах МСП (зависимая переменная) в России в 2009–2018 гг.

Условие / фактор	Использованные для оценки переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Предпринимательская активность	Число субъектов МСП, включая ИП, в расчете на 1 тыс. чел. рабочей силы	0,2***			0,26***	0,29***	0,29***
	Число малых предприятий на 1 тыс. чел. рабочей силы		0,01**				
	Число новых высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой на 1000 чел. рабочей силы в предшествующем году			0,35**			
Новые технологии	Рост доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, % год к году		0,04***	0,03			0,07***
	Число используемых передовых производственных технологий на 1000 чел. ЭАН						-0,05***
Рынок труда и предложение занятости для сферы МСП	Уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ) в среднем за год, в %	0,04*			0,03	0,05*	
	Рост занятости на государственных и муниципальных предприятиях, %, год к году	-0,5***					
Расширение рынков и спрос на занятость	Рост реальных денежных доходов населения, % год к году	0,35***	0,31***	0,2**	0,34***	0,37***	
Институциональные условия	Рост численности неформально занятых в этом году к предыдущему году, %						-0,01***
	Рост индекса обеспеченности банковскими услугами, % год к году		0,11**	-0,04			0,1***
Инертность процессов	Занятость в субъектах МСП в предыдущий год	-0,38***	-0,48***	-0,5***	-0,5***	-0,54***	-0,52***
Структура экономики	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП, %					-0,02**	
Агломерационные эффекты	Рост объема потенциально доступных российских и зарубежных рынков в постоянных ценах, % год к году	0,08***	0,07***	0,09***	0,08***	0,09***	0,1***
Природные условия	Доля аграрного сектора в занятости в текущем периоде				0,07**		
R2		0,39	0,4	0,4	0,5	0,52	0,51

Источник: расчеты автора, ранее опубликовано (Земцов и др., 2021)

Примечание: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$. Робастные стандартные ошибки. Все переменные логарифмированы. Не показаны значения стандартных ошибок и оценки для константы (см. Приложение А.4).

Рост объема зарубежных и российских рынков, потенциально доступных субъектам МСП с учетом их удаленности, на 1% положительно влиял на рост занятости в субъектах МСП на 0,2–0,4% (модели 1–6), т.к. многие малые и средние предприятия ориентированы на импорт и торговлю зарубежной продукцией (Земцов и др., 2021а). Больше всего рынок вырос в дальневосточных регионах вблизи растущих рынков Китая, Южной Кореи и стран юго-восточной Азии, поэтому в Приморском крае занятость в субъектах МСП возросла в 1,3 раза. К сожалению, ограничения на мировых рынках с 2022 года в результате санкций усиливаются. Вероятно, часть малого бизнеса в регионах вблизи Европейского Союза и Украины не сможет продолжить свою деятельность (Земцов и др., 2023). Это субъекты МСП, ориентированные на транспортировку и импорт продукции, обслуживание транспортных потоков, расположенные в Калининградской, Ленинградской, Псковской, Смоленской, а также Белгородской, Курской и Воронежской областях. С другой стороны, увеличивается число бизнесов, ориентированных на организацию параллельного импорта, то есть закупку товаров у неофициальных поставщиков, вблизи Турции (южные регионы) и Китая (дальневосточные регионы).

Во всех моделях одним из наиболее значимых факторов повышения занятости в субъектах МСП было наличие спроса. В 57 регионах доходы населения в 2018 г. были выше, чем в 2008 г., в т.ч. в крупных центрах с высокой концентрацией МСП: Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Воронежская, Белгородская области, Татарстан. При этом доходы населения в России почти ежегодно сокращались с 2014 по 2019 гг. (Barinova, Zemtsov, 2019), сократились они и в кризисные периоды 2020 и 2022 гг.

Сокращение неформальной занятости на 1 п.п. приводит к росту числа занятых и в субъектах МСП на 0,17 п.п. (модель 6). Вероятно, усилия по улучшению делового климата могут способствовать росту предпринимательской активности.

В регионах, где индекс обеспеченности банковскими услугами вырос, численность занятых в субъектах МСП сократилась меньше (модели 2, 6): Сахалинская, Тюменская, Липецкая, Ленинградская области, Башкортостан. Это подтверждает необходимость повышения доступности финансовых средств для малого бизнеса.

В некоторых моделях оказалось положительно значимо избыточное предложение рабочей силы: чем выше уровень безработицы в предыдущий период, тем больше возможностей для найма со стороны малых и средних фирм, а также выше число вынужденных предпринимателей. Например, занятость в субъектах МСП выросла в Чечне, Ингушетии, Карелии, Смоленской области, где уровень безработицы выше среднероссийского. В большинстве расширенных моделей переменная незначима, то есть доступ к капиталу, цифровизация и иные факторы важнее свободных кадров, которые могут быть недостаточной квалификации и могут пополнять неформальный сектор (Shane, 2009).

Ряд потенциальных предпринимателей уходит в бюджетный сектор из-за дополнительных социальных льгот, поэтому рост занятости в нем ожидаемо ведет к ее сокращению в субъектах МСП (модель 1). С другой стороны, госпредприятия создают рынок за счет госзакупок у малого бизнеса, но влияние последних может быть неоднозначно (см. п. 5.1). Хотя в 2010-е гг. доля работников государственных и муниципальных предприятий уменьшалась, доля всего госсектора в ВВП и распределении финансовых потоков росла (Абрамов и др., 2018), а соответственно сокращалось число рыночных ниш для малого бизнеса. В России вопрос расширения сферы МСП во многом связан с сокращением госсектора, но вопросы приватизации не входили в задачи диссертационного исследования³⁴⁴.

Расширение доли пользователей интернета в регионе на 1% увеличивает рост занятости в субъектах МСП на 0,05% (модели 2, 6), прежде всего, за счет развития онлайн-торговли, которая позволяет расширить рынок сбыта и снижает барьеры входа на рынок. Распространение ИКТ ускоряет внедрение иных новых технологий, например искусственного интеллекта. Параллельно снижаются транзакционные издержки бизнеса по взаимодействию с государством. В 2020 году именно внедрение ИКТ позволило многим малым предприятиям выжить на основе перестройки бизнес-моделей на онлайн- и дистант-форматы. Например, в крупных агломерациях активно развивались онлайн-сервисы доставки продуктов (Земцов, Михайлов, 2021): г. Москва, г. Санкт-Петербург, также Адыгея³⁴⁵, Воронежская, Ульяновская и Новосибирская области. Влияние цифровых технологий на МСП в течение нескольких лет наблюдалось через расширение доли наукоемких услуг (п. 3.4) и увеличение доли бизнесов, использующих интернет для размещения заказов.

В регионах с высокой плотностью малого бизнеса возможности адаптации региональных рынков труда к социальным рискам автоматизации выше благодаря специализации новых компаний на информационных и интернет-технологиях, распространению новых форм занятости (Zemtsov, 2020; Земцов, 2019; Zemtsov et al., 2019). В то же время увеличение интенсивности использования технологий автоматизации и цифровизации (модель 6) идет в тех же регионах, где быстрее сокращается занятость в субъектах МСП. Это ставит вопрос о возможности адаптации региональных экономик к вызовам технологической революции за счет предпринимательства. К сожалению, методика индикатора ППТ менялась и сложно говорить о полной сопоставимости, поэтому этот вопрос требует дополнительного исследования.

³⁴⁴ Результаты приватизации не всегда приводят к улучшению общественного благосостояния, даже если ведут к росту предпринимательской активности. Так, развитие частных маршрутных такси во многих регионах привело к банкротству электротранспорта и ликвидации троллейбусных и трамвайных депо, что в результате способствовало увеличению транспортных заторов и ухудшению экологической ситуации.

³⁴⁵ Малый бизнес республики обслуживает Краснодарскую агломерацию – одну из наиболее быстро растущих в стране. Сюда идет активная миграция из северных сырьевых центров. Новые жители формируют высокий потребительский спрос.

Рост плотности субъектов МСП может влиять на увеличение занятости в сфере МСП (модели 1, 4–6). В среднем увеличение числа субъектов МСП (к рабочей силе) на 1% ведет к росту занятости в МСП на 0,2–0,3%. В регионах с высокой плотностью МСП занятость растет благодаря более успешным фирмам через обмен идеями, лучшими практиками, формированию позитивного образа предпринимателя и другим направлениям развития предпринимательской экосистемы. Приведены оценки для разных типов субъектов МСП (Приложение А.4). Так, появление 1 средней фирмы может привести к росту занятости в субъектах МСП примерно на 230 рабочих мест с учетом перехода компаний от категории крупных в категорию средних, а появление новой организации – 10 новых рабочих мест в тот же год.

Оценки влияния создания новых предприятий на занятость в России не так однозначны (Салимова и др., 2023). Полноценный прямой подсчет влияния невозможен из-за многочисленных пересечений и перетока рабочей силы между секторами и предприятиями, различной выживаемости разных категорий организаций и неполноты статистики. Существуют разнонаправленные краткосрочные прямые и среднесрочные косвенные эффекты.

Значим региональный контекст, а от типа региона зависит превалирование одного эффекта над другим. Так, для крупных агломераций с высокой производительностью труда и активным МСП выявлена S-образная лаговая структура зависимости занятости от создания новых фирм: с краткосрочными положительными (новые рабочие места), среднесрочными отрицательными (закрытие неконкурентоспособных предприятий и рабочих мест в результате конкуренции) и далее положительными эффектами (быстрый рост занятости на предприятиях, выигравших конкуренцию). Для регионов с низкой урбанизацией и производительностью труда наиболее ярким является краткосрочное положительное влияние на занятость от открытия фирм, которое спустя 2–3 года сменяется отрицательным. В среднем в регионах, где создавалось на одну новую фирму (на 1000 человек рабочей силы) больше, рост занятости суммарно был на 0,51 п. п. выше.

Увеличение плотности действующих технологических стартапов (модель 3) оказывает существенное положительное влияние на рост занятости в МСП через год. Так, одна новая частная технологическая компания с ненулевой выручкой (см. п. 3.4) может создать до 60 рабочих мест в сфере МСП. Большинство же новых предприятий не имеют выручки либо закрываются в первый год, поэтому влияние общей предпринимательской активности существенно ниже. Становится очевидным из представленных расчётов, что для повышения занятости в субъектах МСП необходимо создавать условия для развития нового бизнеса, особенно в секторе высоких технологий (Zemtsov et al., 2021).

4.3. Моделирование технологической предпринимательской активности³⁴⁶

Специфика технологического предпринимательства (п. 1., 2, рис. 1) связана с особенностями его функционирования и инновационной ролью в региональной экономике. Риски создания и масштабирования компаний в высокотехнологичном секторе выше, чем ведение массового бизнеса из-за более высокого уровня неопределенности при внедрении неопробованных решений на формирующихся рынках (Земцов, 2022b; Юсупова, Халимова, 2017; Тюрчев, Милова, 2024). И оно требует от предпринимателя существенно большего набора компетенций и выстраивания связей с другими контрагентами. Для расчетов в качестве зависимой переменной, оценивающей стартап активность, предложен показатель числа *новых (открытых в этот год) частных высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой* к численности рабочей силы (см. п. 3.4). Гипотезы соответствуют сформулированным ранее для конструктивной предпринимательской активности (табл. 14), но некоторые уточнены.

1. На появление технологических стартапов сильное влияние может оказывать структура региональной экономики. Сырьевая специализация может снижать число новых технологических компаний из-за низкого спроса на передовые технологии и иных проявлений «ресурсного проклятия» (см. п. 1.4). Подобной проверки на уровне регионов не проводилось. В регионах с более капиталоемкими отраслями, где выше средний размер организации, выше могут быть барьеры входа на рынок, а соответственно ниже плотность новых фирм (Lee et al., 2003; Plummer, 2010). Специализация региона на высокотехнологичных отраслях, наоборот, должна за счет повышенного спроса порождать поток подобных предприятий (Максименко, 2023).

2. Для технологических стартапов важна укорененность предпринимательских и инновационных процессов, а соответственно, чем раньше в регионе появился вуз, тем выше вероятность, что в университете выполняются инновационные функции (Zemtsov, Kotsemir, 2019), а в регионе выше плотность стартапов (Fritsch, Wyrwich, 2018; см. п. 2.2). Впрочем, большая часть вузов России возникла в советский период и выполняла преимущественно образовательные функции, поэтому их влияние на стартап активность неочевидно.

3. Большой поток стартапов в одних регионах может порождать новые компании в соседних (Plummer, 2010) через эффект межрегионального перетока знаний (см. п. 3.5). Для крупной страны с большими расстояниями и институциональными барьерами между субъектами Федерации и различными организациями³⁴⁷ эффект может не проявляться.

³⁴⁶ Частично использованы материалы статей автора диссертации с его соавторами: Zemtsov S., Chepurens A., Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions. Foresight and STI Governance. 2021. Vol. 15. №. 4. P. 61–77; Земцов С.П. Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. №1. Т. 53. С. 212–223.

³⁴⁷ Для экосистемы стартапов важны горизонтальные связи между предпринимателями, инвесторами, властями, вузами и т. д. В регионах России многие организации имеют свою систему иерархического управления («вертикаль власти»), затрудняющую сетевое взаимодействие.

Таблица 14 – Описание переменных моделей стартап активности

Условия / Факторы	Использованные для оценки переменные	Источник	Гипотеза
Новые технологии как основа для предпринимательского поиска	Доля организаций, использующих доступ к сети Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе организаций, %	Росстат	+
	Доля внутренних затрат на НИОКР в ВРП, %	Росстат	+
	Доля вузов в затратах на НИОКР, %	Росстат	+
	Доля предпринимательского сектора в затратах на НИОКР, %	Росстат	+
Рынок труда	Уровень безработицы (МОТ), %	Росстат	-
Человеческий капитал	Число студентов на 1000 чел.	Росстат	+
	Доля выпускников вузов и ссузов со STEAM-специализацией, %	(Семенова и др., 2019; 2023)	+
	Число лет обучения занятых	Расчеты автора: Росстат	+
Спрос на товары и услуги	Доходы за вычетом прожиточного минимума в месяц на человека, руб.	Расчеты автора: Росстат	+
	Сумма денежных доходов населения за вычетом прожиточного минимума, млрд руб.	Расчеты автора: Росстат	+
Институциональные условия	Индекс обеспеченности региона банковскими услугами, ед.	Банк России	+
	Индекс инвестиционного климата, баллов	АСИ	+
	Число участников кластеров и резидентов технопарков на 1000 занятых	Расчеты автора (Барина и др., 2020)	+
	Объем поддержки стартапов институтами развития на 10 тыс. чел. рабочей силы	Расчеты автора (Земцов и др., 2019)	+
Социокультурные нормы	Возраст старейшего университета, лет	Веб-сайты вузов	+
Инертность / Эффект низкой базы	Стартап активность год назад (t-1)	Расчеты автора: СПАРК-Интерфакс	+
Пространственные эффекты	Стартап активность в соседних регионах	Расчеты автора: СПАРК-Интерфакс	+
Структура экономики	Доля добычи полезных ископаемых в ВРП, %	Росстат	-
	Средний размер организации – отношение числа занятых к числу организаций, чел.	Расчеты автора: Росстат	-
	Доля высокотехнологичного сектора в ВРП, %	Росстат	+
Агломерационные эффекты / размер рынка	Рост объема доступных рынков, %	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
	Численность жителей центрального города в регионе, %	Росстат	+
Геоположение	Потенциал международного ЭГП, млрд руб.	Расчеты автора (Земцов и др., 2020)	+
Природные условия	Средняя температура января, °K	Росгидромет	+

Источник: составлено автором.

4. Регионы с крупными рынками, агломерациями и вблизи них, с высокими доходами населения имеют повышенный спрос на новые продукты и услуги, а соответственно формируют

новые рыночные ниши для стартапов (Audretsch, Fritsch, 1994; Fritsch, Mueller, 2007). Наличие спроса на новые технологии обусловлено высокой покупательной способностью населения. Но это обосновано для малого бизнеса, работающего на местный рынок, влияние же на технологические стартапы требует подтверждения.

5. Благоприятная институциональная среда повышает вероятность создания технологических стартапов (Audretsch, Belitski, 2017; Eriksson, Rataj, 2019). В России в целом улучшались формальные условия для ведения бизнеса (Земцов, 2020), в т.ч. благодаря деятельности АСИ, но неясно, насколько это сыграло роль в развитии технологических стартапов, требующих специфических институтов. Доступность банковского капитала могла не влиять на них из-за ограничения возможностей заимствований в отсутствии залога и неразвитости рынка интеллектуальной собственности. Государство стремилось заменить слабо развитые венчурные фонды институтами развития (Земцов и др., 2019); создавались кластеры и технопарки в большинстве регионов (Баринова и др., 2020; Zemtsov et al., 2016), но роль упомянутых инструментов в формировании стартапов требует проверки.

6. Повышение уровня образования, привлечение высококвалифицированных кадров, студентов в регион (Wright et al., 2007) позволяет сосредоточить человеческие ресурсы для открытия и развития высокотехнологичных бизнесов. При этом вузы с большей долей STEM-направлений подготовки³⁴⁸ за рубежом обеспечивают большой поток стартапов (Fritsch, Wyrwich, 2019; Perignat, Katz-Buonincontro, 2019). В последние годы с ростом креативных индустрий искусство (от англ. art) также включено в число приоритетов (STEAM) (Семенова и др., 2019; Семенова и др., 2023). Результаты неочевидны для России из-за различий в качестве образования, низкой роли вузов в НИОКР и в создании стартапов (п. 1.4).

7. Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) создает больше возможностей для развития компаний за счет цифровых технологий и доступа к онлайн-рынкам поэтому стартапам важен доступ к интернету (Audretsch, Belitski, 2017; Chepurensko et al., 2017). Современные цифровые платформы обеспечивают доступ к потребителям, технологиям, кадрам и иным ресурсам практически по всему миру³⁴⁹. Но влияние ИКТ на всю совокупность технологических стартапов может быть незначимым.

Развитие научной сферы, в т.ч. финансирование научных исследований (Qian et al., 2012), создает условия для развития новых технологий, но влияние на стартап активность ранее в России не проверялось. Оно может быть минимальным из-за низкой эффективности бюджетного сектора НИОКР (Zemtsov et al., 2016; Zemtsov, Kotsemir, 2019).

³⁴⁸ STEM (от англ. Science, Technology, Engineering, Mathematics) – естественные науки, технологии, инженерия и математика – стратегически важные академические дисциплины (Семенова и др., 2019).

³⁴⁹ В условиях санкций эти возможности несколько ограничены для российских предпринимателей, поэтому некоторые из них приняли решение о переносе штаб-квартир и релокации части сотрудников за пределы России.

Для проверки гипотез предложена спецификации эконометрической модели, в которых в качестве зависимых переменных выступают число и прирост числа новых частных высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой (Приложение А.5). Для целей верификации были построены модели нескольких типов – по методу наименьших квадратов (МНК) с коррекцией гетероскедастичности показателей (только для 2020 г.), фиксированными эффектами (ФЭ) и со случайными эффектами (СЭ) для включения фиктивных (бинарных) переменных. Конечные результаты представлены в табл. 15.

Технологические стартапы в России чаще возникают в регионах с увеличивающимся рыночным потенциалом (модели 4–6), включающем внешние рынки, и в больших и растущих городах (модель 6). В крупнейших агломерациях создаются новые рыночные ниши, активнее идет переток знаний (Lee et al., 2004; Audretsch, Keilbach, 2008; Plummer, 2010; Goel, Saunoris, 2017), выше доступность интернета и спрос на онлайн-сервисы, поэтому размер города был значимым фактором сохранения стартап активности и в 2020 г. (Приложение А.5, модель 8). Даже в условиях высокой подвижности и ориентации стартапов на глобальные рынки местный рыночный спрос важен на ранних этапах, но если он небольшой, то экспорт становится значимым фактором роста (Земцов, Чернов, 2019). К сожалению, Россия удалена от глобальных экономических центров, а санкционные ограничения ухудшают эту ситуацию.

Из неблагоприятных для стартапов структурных особенностей региональных экономик выделяется средний размер организаций (модели 1–6), т.к. может быть косвенным индикатором барьеров входа на рынок. Например, в Кабардино-Балкарии, Дагестане, Забайкальском крае, Ямало-Ненецком АО, Кемеровской области выше число крупных организаций, в т.ч. бюджетных и естественных монополий. Рост доли высокотехнологичного сектора в целом создает возможности для прироста технологических стартапов (модель 6).

В регионах с высокой долей добычи сырья в ВРП ниже прирост стартап активности. Инвестиции здесь преимущественно направлены в менее рискованный и более рентабельный добывающий сектор. Часто отсутствуют экосистемы, поддерживающие стартапы, т. к. большинство крупных добывающих компаний свою инновационную активность реализуют внутри организации по месту расположения головных офисов, то есть в двух столицах. Можно говорить о выявленном в исследовании новом канале негативного влияния ресурсного изобилия на региональное развитие – через снижение плотности технологических стартапов, но это утверждение требует более тщательных исследований.

Подтвердилась необходимость учета эффектов межрегионального перетока знаний (п. 3.5): высокая плотность стартапов в соседних регионах повышает их плотность и динамику в рассматриваемом регионе (модели 2–3, табл. 15).

Таблица 15 – Результаты оценки связи между региональными характеристиками и числом новых частных высокотехнологичных фирм с ненулевой выручкой на 10 тыс. чел. рабочей силы (модели 1-3), приростом зависимой переменной, % (4-6) в России в 2013–2019 гг.

Условие / Фактор	Переменная	1. СЭ	2. СЭ	3. ФЭ	4. СЭ	5. СЭ	6. ФЭ
Новые технологии	Доля организаций, использующих доступ к высокоскоростной сети Интернет, %		0,19*				
	Доля коммерческого сектора в затратах на НИОКР, %	0,1**	0,13***				
	Доля вузов в затратах на НИОКР, %	-0,05*	-0,06**				
Человеческий капитал	Среднее число лет обучения	0,26*	0,55***	0,35*			
	Число студентов на 100 человек	0,52***					
	Доля выпускников вузов и ссузов со STEAM-специализацией, %		0,29**				
Спрос	Сумма денежных доходов населения за вычетом прожиточного минимума			0,16*			
Институциональные условия, в т. ч. госполитика	Индекс обеспеченности банковскими услугами				0,43***	0,25***	
	Индекс инвестиционного климата АСИ				0,8***		
	Число резидентов кластеров и технопарков на душу населения					0,02*	
Социокультурные нормы	Возраст старейшего вуза, лет	0,22***	0,26***		0,19***	0,07*	
Пространственные эффекты	Среднее число стартапов к рабочей силе в соседних регионах		0,12***	1,13***			
Структурные особенности экономики	Средний размер организации в регионе	-1,02***	-1,17***	-0,42**	-0,46***	-0,41***	-0,7***
	Доля высокотехнологичного сектора в ВРП, %	0,22**					
	Прирост доли высокотехнологичного сектора в ВРП, %						0,29**
	Доля добывающих отраслей в ВРП, %						-0,04*
Агломерационные эффекты / размер рынка	Прирост числа жителей центрального города в регионе, %						6,3**
	Прирост рыночного потенциала региона, %				0,42***	0,22***	0,23***
R ²				0,9			0,61

Источник: составлено автором.

Примечание: *p-value <0,1; **p-value <0,05; ***p-value <0,01. Все переменные логарифмированы. Включено 83 региона за доступный для расчета период 2013–2020 гг. Робастные стандартные ошибки.

Как и в случае с массовым предпринимательством (см. п. 2.2) более раннее основание вуза в регионе приводит к более высокой плотности и росту числа стартапов (модели 1–2, 4–5): г. Санкт-Петербург, г. Москва, Татарстан, Тверская и Томская области.

Плотность технологических стартапов растет в регионах, где лучше развита банковская сфера (модели 4–5): г. Москва, г. Санкт-Петербург, Калининградская, Воронежская, Новосибирская области. В этих регионах выше доступность различных инструментов финансирования, в том числе ориентированных на ранние стадии развития компаний. Новые технологические фирмы вынуждены прибегать к привлечению внешнего капитала для масштабирования, вывода продуктов или услуг на рынок.

Плотность стартапов растет быстрее в регионах с благоприятным инвестиционным климатом (модель 5). Рейтинг АСИ включает оценку политики региональных властей, косвенно подтверждается значимость их деятельности по улучшению формальных условий ведения бизнеса и для технологического предпринимательства.

Не выявлена связь появления стартапов в регионах с показателями поддержки их институтами развития – переменная незначима во всех моделях. Большинство новых компаний в регионах не могли получить доступ к подобной поддержке, т. к. либо были недостаточно осведомлены, либо отмечали недостаточные объемы поддержки в сравнении с возможными издержками, либо опасались и / или сомневались в возможности взаимодействия с госинститутами (Земцов, 2020). Вероятно, начатая Правительством России в начале 2021 г. реформа институтов развития частично связана с их неудовлетворительными результатами с точки зрения создания новых бизнесов. Подавляющая часть объемов поддержки институтами развития приходится на «Роснано» и Фонд развития промышленности, которые менее ориентированы на поддержку стартапов на ранних стадиях (Земцов и др., 2019).

Лишь в одной из моделей подтвердилась слабо значимая роль кластеров и технопарков в выращивании стартапов (модель 5). Это влияние прослеживается только в тех регионах, где росли рынки и было доступным внешнее финансирование, например в Калужской и Ленинградской областях, в большинстве же регионов, вероятно, технопарки остаются не заполненными, либо выполняют функции офисного центра. Таким образом, само по себе развитие инновационной инфраструктуры в регионе без соответствующих базовых факторов может не иметь влияния на развитие технологического предпринимательства³⁵⁰.

В регионах, где доходы населения выше среднего на 1%, плотность стартапов выше на 0,16% (модель 3). Большинство стартапов создают услуги и продукты для частных домохозяйств, поэтому их благосостояние и его изменение сильно влияют на них.

³⁵⁰ В отдельных регионах целью создания инновационной инфраструктуры преимущественно было освоение федеральных бюджетных средств, а вопросы функционирования созданной инфраструктуры ушли на второй план.

Интенсивность создания стартапов выше в регионах, где выше доля лиц, потенциально обладающих более сложными компетенциями: Тюменская, Ярославская обл., Башкортостан, Санкт-Петербург и др. Так, если среднее число лет обучения занятых в регионе выше на 1%, то плотность стартапов в нем выше на 0,26–0,55%, а прирост – выше на 0,35% (модели 1–4). Причем это один из двух значимых факторов, способствующих сохранению стартап активности в период пандемии (модель 8 в приложении А.5). Несмотря на различия в качестве обучения между регионами, роль уровня образования занятых в технологическом развитии высока (модель 3), что обосновывает расширение мер поддержки системы высшего и среднего профессионального образования. Но в большинстве случаев региональным властям довольно сложно влиять на вузы, находящиеся в федеральном подчинении³⁵¹.

Несмотря на малое число инновационных компаний при вузах (менее 0,5% от числа технологических стартапов), подтвердилась значимость потока студентов для создания стартапов. Если в регионе на 1% больше число студентов, то в нем на 0,5% больше число стартапов (модель 1) и на 0,13% выше прирост их числа (модель 4). Хотя большинство успешных технологических компаний не создается молодыми предпринимателями (Azoulay et al., 2020), близость университетов обеспечивает доступ к технологиям и квалифицированным специалистам, в т.ч. через эффекты перетока знаний.

В регионах с высокой долей выпускников вузов и ссузов со STEAM-специализацией, например Томская, Ростовская, Самарская области, г. Санкт-Петербург, Татарстан и др., также выше плотность стартапов, что может служить дополнительным обоснованием необходимости поддержки и трансформации системы образования в сторону расширения подготовки по этим дисциплинам.

Затраты на НИОКР напрямую не влияют на стартап активность. Они традиционно составляют около 1% ВВП, около 64,4% затрат приходится на бюджетный сектор, который с точки зрения создания новых компаний малоэффективен. Но если в регионе доля предпринимательского сектора в затратах на НИОКР на 1% выше, то в нем на 0,1–0,13% выше плотность и на 0,07% прирост стартапов. Частные лаборатории ориентированы на конечный результат, благодаря которому возникают перетоки знаний в новые компании: сотрудники открывают свое дело, возникают филиалы, спин-оффы и т. д. Классический пример – это одна из лучших в мире предпринимательских экосистем г. Боулдера (США), где размещался крупный центр исследований IBM (Mason, Brown, 2013). В России таким примером может служить Научно-технический центр «АвтоВАЗа» (Тольятти), из которого вышло большое число

³⁵¹ Лишь в отдельных регионах вузы подчинены региональным властям, например в Ханты-Мансийском автономном округе: Сургутский государственный университет и Сургутский педагогический университет, впрочем, они не входят в число лидирующих в России.

предпринимателей в сфере инжиниринга. А вот высокая доля вузов в затратах на НИОКР, например в Марий Эл, Костромской области, в Чечне и др. регионах, наоборот, снижает вероятность возникновения и роста числа стартапов, т.к. вузовская наука в регионах слабо развита без сильных научных центров и кооперации с бизнесом.

В период пандемии цифровизация бизнеса стала одним из условий его выживания (Кудрин и др., 2021), что дало толчок развитию интернет-сектора и стартапов (Fossen, Sorgner, 2021). Но и ранее цифровизация создавала условия для появления стартапов (модель 2).

В последние годы усиление глобализации привело к росту высококвалифицированной миграции, в т.ч. технологических предпринимателей (Земцов, 2022b; Barinova et al., 2022; Земцов, Кидяева, 2020). Высокое культурное и иное разнообразие, обеспечиваемое мигрантами, положительно влияет на рост числа инновационных компаний в Германии. Около 25% новых компаний в США основаны иммигрантами, в Кремниевой долине – более 50% предпринимателей родились за пределами США; 44% основателей фирм-«единорогов» в США являются выходцами из других стран³⁵². Советская диаспора сыграла значимую роль в создании ИТ-отрасли США. Среди 1096 стартапов мирового уровня, в которых основатели закончили российские университеты, в России зарегистрированы лишь 36,1%, в Северной Америке – 29,5%, в Европе – 16,2% (Толмачев, Чукавина, 2020). В России есть определенная недооценка ресурсов мигрантов и диаспоры как потенциальных технологических предпринимателей.

В целом неблагоприятные социокультурные условия (Аузан и др., 2019; Земцов, 2020), тренды огосударствления экономики и снижающегося вовлечения в мировую экономику (пандемия, санкционное давление) ранее негативно сказывались на стартап активности, которая снижалась. При этом современная роль большинства вузов (образовательная) недостаточна для кардинального изменения числа стартапов. Так как динамика технологического предпринимательства служит индикатором будущих преобразований в экономике, ее тренды представляют не только исследовательский интерес. С одной стороны, многие факторы влияют отрицательно на развитие технологических стартапов: сокращение числа иностранных студентов и специалистов, эмиграция STEAM-специалистов и выпускников, ограничения на международных рынках, в т.ч. в доступе к венчурному капиталу и технологиям. С другой стороны, в России растет потребность в новых предприятиях, технологиях взамен ушедших с российского рынка, разработаются новые государственные меры поддержки. Большой пакет инструментов направлен непосредственно на развитие ИТ-стартапов: обнуление налога на прибыль, льготная ипотека для сотрудников, государственные заказы и т. д.

³⁵² 90 founders among 500 US unicorns were India born: study (https://economictimes.indiatimes.com/tech/startups/90-founders-among-500-us-unicorns-were-india-born-study/articleshow/88919258.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst).

Краткие выводы

Проведенные эконометрические расчеты для относительно устойчивого периода³⁵³ позволили выявить ряд *региональных характеристик, отражающих универсальные условия и факторы предпринимательской активности*, в целом составляющих деловой климат территории. На основе идей А. Маслоу, П. Кругмана, Р. Капелло, Н.В. Зубаревич, О.В. Кузнецовой и др. региональные характеристики можно классифицировать исходя из возможности влияния политики на них и скорости изменений (табл. 16): от базовых медленно изменяющихся природных условий до потенциально преобразуемых факторов, созданных человеком. Предложена эмпирическая модель, учитывающая описанные характеристики (формула 21), а вот их сочетание, используемые переменные для конкретной спецификации эконометрической модели (табл. 17) зависят от целей, периода исследования, доступных данных и иных параметров.

$$\ln EA_{it} = \text{const} + \alpha_1 * \ln Natur_{it} + \alpha_2 * \ln Geogr_{it} + \alpha_3 * \ln Aglom_{it} + \alpha_4 * \ln Struct_{it} + \alpha_5 * \ln nEA_{it} + \alpha_6 * \ln EA_{it-n} + \alpha_7 * \ln Cult_{it} + \alpha_8 * \ln Instit_{it} + \alpha_9 * \ln Demand_{it} + \alpha_{10} * \ln HumCap_{it} + \alpha_{11} * \ln Unempl_{it} + \alpha_{12} * \ln NewTech_{it} + \varepsilon_{it}, (21)$$

где i – регион России, t – год, EA – оценка предпринимательской активности³⁵⁴, $\alpha_1 \dots \alpha_6$ – искомые коэффициенты влияния, const – константа, $Natur$ – природные условия, ресурсы; $Geogr$ – географическое положение; $Aglom$ – агломерационные эффекты; $Struct$ – структура экономики; nEA – пространственные эффекты; EA_{t-n} – инертность предпринимательства; $Instit$ – институциональная среда; $Demand$ – спрос на товары и услуги МСП; $Unempl$ – *потенциальное предложение предпринимательских услуг* и иные значимые особенности рынка труда; $HumCap$ – человеческий капитал; $NewTech$ – новые технологии, ε_{it} – случайная ошибка, остаток.

Таблица 16 – Категории региональных характеристик предпринимательской активности

Категория	Обозначение	Региональное условие / фактор
Изменяемые факторы «второй природы», на которые преимущественно ориентирована государственная политика в сфере предпринимательства	NewTech	Новые технологии
	Unempl	Ситуация на рынке труда
	HumCap	Человеческий капитал
	Demand	Спрос на товары и услуги МСП
	Instit	Институциональные условия
Долгосрочные факторы «второй природы», которые могут медленно изменяться под влиянием общесистемных политических мер	Cult	Социокультурные условия
	EA _{t-n}	Инертность / Персистентность
	nEA	Пространственные эффекты / перетоки знаний
	Struct	Структура экономики
	Aglom	Агломерационные эффекты, в т. ч. размер рынка
Базовые долгосрочные факторы «первой природы»	Geogr	Географическое положение
	Nature	Природные условия, ресурсы

Примечание: составлено автором на основе результатов исследования (п. 1.4–4.3).

³⁵³ Охватывающего период седьмой пространственно-временной волны деловой активности (см. п.2.1).

³⁵⁴ Из формулы следует, что число предприятий в экономике зависит от объема рабочей силы и коэффициента, определяющего долю в ней предпринимателей, который и зависит от набора параметров делового климата.

Таблица 17 – Основные региональные характеристики, некоторые переменные их описывающие и установленные направления влияния на: 1 – конструктивную предпринимательскую активность, 2 – занятость в субъектах МСП, 3 – технологическое предпринимательство

Условие / фактор	Переменная	1	2	3
Новые технологии	Доступ к сети Интернет	+	+	+
	Затраты предпринимательского сектора на НИОКР	...	...	+
Рынок труда	Уровень безработицы	?	+	?
	Огосударствление занятости	...	–	...
Человеческий капитал	Среднее число лет обучения	+	?	+
	Плотность студентов, в т. ч. STEAM	...	...	+
Спрос на товары и услуги	Рост или уровень доходов населения	+	+	+
Институциональные условия	Обеспеченность банковскими услугами	+	+	+
	Преступность	–	–	?
	Благоприятные инвестиционные условия	+	?	+
Социокультурные нормы	Возраст старейшего вуза	+	...	+
Инертность/ Эффект низкой базы	Значение показателя в предыдущие годы	+	–	–
Пространственные эффекты	Значение показателя в соседних регионах	+	...	+
Структура экономики	Роль сырьевого сектора в экономике	?	–	–
Агломерационные эффекты	Рост и размер доступных предпринимателям рынков	+	+	+
Геоположение	Потенциал международного ЭГП	+	?	?
Природные условия	Неблагоприятные климатические условия	–	–	?

Источник: составлено автором на основе результатов проведенных расчетов (п. 4.1–4.3).

Примечание: средняя оценка влияния по построенным автором моделям на выборке регионов России: «+» – значимое положительное, «–» – значимое отрицательное, «?» – незначимое или неоднозначное, «...» – оценка автором не проводилась.

Препятствия на пути развития МСП при первом приближении отражают проблемы, которые испытывает экономика большинства регионов России:

- высокие природные издержки,
 - удаленность от мировых рынков,
 - зависимость от сырья и внешнеторговой конъюнктуры,
 - большая роль государственного сектора и неформальной занятости,
 - иные неблагоприятные институциональные условия, например преступность,
 - нехватка капитала из слабости банковской сферы,
 - недостаток квалифицированных кадров, особенно для технологических секторов,
- в т.ч. из-за недостаточной ориентированности вузов на потребности рынка,
- цифровое неравенство.

Отдельные малые предприятия, особенно стартапы, более требовательны к среде и уязвимы для внешних шоков, у них меньше финансовые и иные возможности для преодоления барьеров; они сильнее страдают от высоких транзакционных издержек, в т.ч. регуляторной, налоговой нагрузки, судебных разбирательств, им недостаёт ресурсов для масштабирования

даже на растущих рынках. Поэтому в условиях неблагоприятного делового климата роль МСП в экономике региона невысока, широко распространены вынужденные формы занятости, а технологические стартапы редко становятся крупными трансформирующими экономику компаниями. Предприниматели в условиях высоких рисков и недостатка доверия стремятся вкладывать средства и усилия в более простые отрасли экономики, где понятна отдача, нет необходимости многочисленных взаимодействий, нет потребности в сложных компетенциях, а главное – не требуется реализация долгосрочных капиталоемких проектов. Региональная экономика вслед за предпринимательским сектором примитивизируется, в ней сокращается число и качество связей, цепочек добавленной стоимости, компаний-поставщиков. Для усложнения экономики, роста потока действующих технологических стартапов необходимы не только указанные базовые условия, но и пространственная концентрация специалистов с современных компетенциями (STEAM), укорененная в региональном сообществе университетская среда, близость крупного высокотехнологичного бизнеса и взаимодействие с ним. В некотором приближении на основе полученных результатов можно предложить стандарт условий, необходимых для успешного технологического развития региона.

Выявленные с помощью эконометрических методов закономерности прошли многократную проверку устойчивости с помощью различных статистических процедур, включая взаимный учет многочисленных факторов, а также с помощью картографических и социологических методов. Значимость описанных факторов в России частично подтверждается результатами опросов предпринимателей, проведенными ранее (Барина и др., 2023), а также автором в ходе полевых исследований³⁵⁵: высокие издержки, в т.ч. тарифы (транспортные, энергетические и др.), низкий спрос на продукцию и услуги (спрос и рыночный потенциал); высокие налоги, сложность доступа к кредитным ресурсам (институциональные условия и доступность капитала) и нехватка квалифицированных кадров, в последние годы важным стала неопределенность экономической ситуации из-за внешних шоков (см. п. 5.3). Тем не менее, необходимо упомянуть и о некоторой ограниченности используемых методов с точки зрения качества исходной статистики.

Выявленные региональные условия и факторы³⁵⁶ предпринимательской активности могут подвергаться воздействию государственной политики (рис. 3, п.1.4), что требует более подробного исследования для выработки последующих рекомендаций.

³⁵⁵ Для подтверждения выдвинутых гипотез и более качественного анализа ситуации и выявления проблем в сфере МСП Земцовым С.П. с 2014 г. в рамках разработки стратегических документов регионов и муниципалитетов проводились многочисленные экспертные интервью, в частности весной-летом 2023 г. в рамках госзадания РАНХиГС проводилось обширное полевое исследование малых предприятий в нескольких регионах России, в 2024 г. проведен опрос малых технологических компаний (при поддержке Минэкономразвития России).

³⁵⁶ Во многом определяются возможности развития местного бизнеса, так как его перенос в другой регион зачастую требует значительных издержек, если не говорить о формальной перерегистрации.

Глава 5. Государственная политика поддержки предпринимательства в региональной проекции

В предыдущем разделе намерено почти не рассматривалось влияние государственной политики. Во-первых, это связано со стремлением выявить объективные факторы предпринимательской активности, не зависящие от политического воздействия³⁵⁷. Во-вторых, специфика влияния государственных решений, особенно в контексте регионального развития, требует отдельного рассмотрения. На практике поддержка сферы МСП является одним из приоритетов во многих странах и регионах (Arshed et al., 2020), но оценка ее влияния на МСП осложнена большим числом косвенных положительных и отрицательных эффектов.

Условия естественного (идеального) рынка с минимальным вмешательством государства³⁵⁸ как регулятора могут порождать негативные внешние эффекты (по А. Маршаллу, А. Пигу и др.), снижающие впоследствии динамику регионального развития и общественное благосостояние: монополизация и рентоориентированное поведение экономических агентов, рост цен, неравенства и преступности, увеличение экологических издержек и т. д. Концептуально проведение государственной политики обосновывается с точки зрения ликвидации подобного рода «провалов рынка», например при необходимости преодоления чрезмерных издержек на ранних этапах создания бизнесов, при большой рыночной власти отдельных корпораций, при внешних шоках и т. д. С точки зрения эволюционного подхода в большинстве регионов России сложились неблагоприятные условия для создания бизнесов: низкие зимние температуры, горность, оторванность от мировых рынков (глава 4), социокультурные ограничения (глава 2). Таким образом, государственное вмешательство кажется необходимым и обоснованным.

С точки зрения целей исследования важно понять, какие меры принимали власти, чтобы стимулировать распространение конструктивного предпринимательства, локализовать пространственно-временную волну деловой активности на своей территории. Политические решения создают для предпринимателей стимулы, которые не всегда побуждают к созидательной деятельности и могут иметь результаты противоположные ожидавшимся. Государственная политика влияет в разной степени на каждую из выявленных характеристик предпринимательской активности (глава 4), что задаёт весьма широкую рамку для анализа, потому предпринимательская политика не может ограничиваться мерами поддержки МСП в рамках одного ведомства³⁵⁹.

³⁵⁷ Достичь подобной цели в полной мере невозможно, т.к. подобное влияние так или иначе оказывается на большинство социально-экономических процессов.

³⁵⁸ Популярная в 1980-1990-е гг. идея радикального либерализма, в т. ч. в рамках т. н. Вашингтонского консенсуса (Полтерович, 2007), во время проведения реформ в латиноамериканских и постсоциалистических странах, приведших к неоднозначным результатам.

³⁵⁹ В России таким ведомством преимущественно выступает Минэкономразвития России, в частности ответственное за реализацию соответствующего национального проекта.

5.1. Обзор нежелательных эффектов государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность отдельных территорий³⁶⁰

Одной из основных целей политики региональных властей в сфере поддержки предпринимательства (глава 1 и глава 4), должно быть *улучшение делового климата*, включающее большое число характеристик (табл. 16, выводы к главе 4).

На практике государственное вмешательство в предпринимательскую деятельность часто связано с прямым или косвенным перераспределением финансовых средств и иных ресурсов между экономическими агентами, то есть может приводить к выгодам для одних и / или ограничениям для других, даже если это не предполагалось изначально. В условиях недостатка информации³⁶¹ и компетенций, слабого публичного контроля и недостаточного развития *инклюзивных институтов*, то есть норм и правил для всех, высоки риски, что адресная (прямая) господдержка приведет к реализации менее результативных проектов, закрывающихся после ее получения, создаст преимущества отдельных субъектов экономики, зачастую менее эффективных, но аффилированных с лицами, принимающими решения, в ущерб региональной экономике. Прямая безвозвратная поддержка (помощь) бизнеса может стимулировать иждивенческие настроения и рентоориентированное поведение (Djankov et al., 2008).

Возможен ряд иных негативных эффектов от вмешательства, а также невмешательства, обозначаемых как *«провалы государства»* (Радыгин, Энтов, 2012). Подобные нежелательные эффекты могут способствовать распространению *деструктивного предпринимательства* (Baumol, 1990)³⁶², целью которого является получение ренты за счет создаваемых государством выгод, участия в потенциальном перераспределении денежных средств. Государственные органы в ответ могут усиливать контроль с помощью внедрения новых запретов в законодательстве, увеличения числа проверок и ограничений бизнеса³⁶³, что приводит к росту рисков и транзакционных издержек для предпринимателей, в отдельных случаях – порождает коррупцию и схожие явления. Среда недоверия, высокие издержки бизнеса (бюрократия, невыполнимые и чрезмерные требования и т. д.) и неопределенность экономической ситуации не позволяют

³⁶⁰ Частично использованы материалы статей автора с соавторами: Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Барина В.А., Красносельских А.Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. №10. С. 44–67; Barinova V. A., Zemtsov S. P. From Direct SMEs' Support to Entrepreneurship Policy in Russia: Why Do Regional Entrepreneurial Ecosystems Matter? // Regional Research of Russia. 2023. №. 3. P. 440–457.

³⁶¹ Для более сложных регулируемых (централизованных) систем требуется на порядок больше информации для управления, чем для саморегулируемых. При ограниченном числе независимых экономических агентов на рынке (например, при появлении монополистов, большой роли государства) риски асимметрии информации растут. Даже если государство как «беневоле́нтный (благожелательный) диктатор» беспокоится исключительно о благе народа, в условиях принципиальной неопределенности и изменчивости функции общественного благосостояния: имманентное изменение интересов, потребностей, предпочтений агентов, их влияния и т. д., недостатке и асимметрии информации возможны негативные искажения рынков (Радыгин, Энтов, 2012).

³⁶² Например, при создании отдельной новой меры поддержки могут специально открываться компании, подходящие под условия программ и связанные с чиновниками, знающими о новой программе.

³⁶³ В России подобного рода политика часто образно называется «закручиванием гаек».

конструктивному предпринимательству расти, вынуждают часть предпринимателей уходить в тень (Estrin, Mickiewicz, 2010). Поэтому проведение политики прямого вмешательства центральных властей в предпринимательскую деятельность часто является объектом критики в постсоциалистических (Cherparenko, 2011; Cherparenko, Vilenski, 2016) и развивающихся странах с недостаточно развитыми институтами публичного контроля, достаточной защитой прав собственности. В этих условиях отдельные эксперты³⁶⁴ склонны вовсе отрицать необходимость поддержки предпринимательства, считая, что издержки «провалов государства» превышают негативные эффекты от «провалов рынка» (Радыгин, Энтов, 2012).

В региональных политико-экономических исследованиях в России встречаются работы по изучению негативных эффектов государственного вмешательства³⁶⁵, но преимущественно посвящены оценке общесистемных проблем (Rochlitz, 2014; Marques et al., 2020; Yakovlev, Ivanov, 2021). В целом худшие практики представлены в научных и аналитических исследованиях куда реже, чем лучшие³⁶⁶, поэтому ценность подобного анализа на региональном уровне может быть высока. Далеко не всегда при изучении влияния экономической политики возможно проведение количественной оценки эффектов. Как уже отмечалось, определить даже сами критерии общественной пользы, не говоря уже о соотношении выгод и издержек подобной политики, представляется невозможным в момент реализации политики и трудно выполнимым даже при большом объеме собранной информации впоследствии. Чаще всего, это возможно для группы факторов предпринимательской активности, легко подверженных изменениям (табл. 16). Поэтому для целей исследования важны были качественные, экспертные оценки, позволяющие понять риски и потенциальные последствия проведения той или иной политики в будущем.

Следуя логике анализа значимых региональных характеристик делового климата (глава 4), в первую очередь, следует рассмотреть некоторые примеры государственной политики, направленной на снижение влияния *природных условий* на предпринимательскую активность. Последние влияют на издержки предприятий, а действия государства в этом случае во многом

³⁶⁴ Не говоря уже о том, что в постсоветской России заметная часть жителей (см. п. 3.3) не только не вовлечена в предпринимательскую деятельность, но и относится к ней с недоверием, а соответственно сама государственная поддержка сферы МСП может восприниматься как нежелательная, не соответствующая представлениям об общественном благосостоянии. Сами же предприниматели по результатам полевых исследований часто отмечали необходимость снижения государственного вмешательства как альтернативу росту господдержки.

³⁶⁵ Одной из классических работ по оценке долгосрочных последствий государственных изменений можно назвать исследование Д. Норта на примере Революции 1917 г. в России (Норт, 2010).

³⁶⁶ Это во многом связано с эффектом «ошибки выжившего» – стремлением исследователей искать важные характеристики по группе объектов, представляющих истории успеха («выжившие»), по которым довольно много данных, нежели по группе выбывших, неудачных решений, среди которых могут быть более важные характеристики. Поэтому истории неудач, неверных решений и факторы, ведущие к низкой предпринимательской активности не менее важны. Это же относится к результатам социологических опросов действующих предпринимателей, эконометрического анализа только по выжившим стартапам. Например, если опрашивать предпринимателей о барьерах роста, то они почти никогда не упоминают природные издержки, в которых уже ведут свою деятельность, или недоступность рынков, хотя для новых предпринимателей – это может быть ключевым ограничением входа. Так же сложно по соцопросам понять влияние государственной политики, т. к. ее нежелательное воздействие можно узнать только у ушедших с рынка предпринимателей.

связаны со стремлением обеспечить более равномерные (справедливые) условия жизни и ведения бизнеса во всех регионах: снижение налогообложения, различные льготы для работников, реализация крупных проектов, субсидирование тарифов и т. д. Например, на Аляске (наиболее северный регион США) нет подоходного налога с физических лиц или налога с продаж на уровне штата, что делает его с этой точки зрения одним из наиболее привлекательных штатов для переезда и открытия бизнеса (Walczak et al., 2017). Подобная политика, имеющая в большей степени социальную направленность, во многом базируется на наличии крупнейшего месторождения углеводородов (Прадхо-Бей) и соответствующей инфраструктуры, что обеспечивает ресурсные дивиденды для жителей Аляски и постоянные поступления в бюджет. Оценок влияния подобной региональной политики на местные бизнесы не обнаружено: Аляска не входит в первый квартиль регионов с наибольшей плотностью малого бизнеса в США³⁶⁷ (Lee et al., 2004; Chatterji et al., 2014), а также в число центров быстрорастущего бизнеса, а занимает срединное положение. Уже упоминавшийся опыт пространственной политики освоения северных регионов в СССР показывает, что чрезмерные стимулы по перемещению предприятий и работников, в северные регионы, в т.ч. принудительными мерами, могут привести к росту издержек и снижению общеэкономической эффективности (Mikhailova et al., 2004) (п. 1.4).

Власти для развития местных бизнесов часто стремятся компенсировать невыгодное *географическое положение* отдельных периферийных частей. Например, при освоении удаленных и слабо заселенных районов предоставляют максимальные преференции вплоть до отмены большинства налогов и иных сборов с выделением займов и земельных участков. Например, подобная политика применялась при освоении Сибири и Дальнего Востока в России в рамках Столыпинской аграрной реформы (Казьмин, 2015), или при заселении «Дикого Запада» в США. «Золотая лихорадка» в Калифорнии (США), привлекавшая множество предприимчивых золотодобытчиков из других регионов и стран, также связана с минимальными барьерами входа на территориях нового освоения, в т. ч. с отсутствием государственного регулирования. Подобная политика, вероятно, может быть оправдана на отдельных исторических этапах, но рано или поздно требует государственного вмешательства. Иначе может приводить к «войне всех против всех», чрезмерным социальным, экологическим и иным издержкам. Причем даже цели освоения далеко не всегда достигаются: многие города золотодобытчиков в США впоследствии опустели, хотя деловая активность вблизи них могла сохраняться благодаря уже многократно описанным процессам укоренения предпринимательства (Dunn, Siodla, 2024). Похожий результат можно наблюдать после «нефтяного бума» в Пенсильвании в XIX в. (Ергин, 2012). В

³⁶⁷ В США в наиболее жёстких условиях пустынного и арктического климата созданы преференции для ведения игрового и традиционных видов бизнеса коренными жителями, но подобные меры по целям и причинам внедрения трудно отнести к политике поддержки МСП.

Китайской народной республике (КНР) набор мер современной региональной политики связан со стимулированием деловой активности на периферийных территориях: горного Тибета, Синьцзян-Уйгурского автономного округа, пустынной Внутренней Монголии. Активное создание многочисленных точек роста за счёт массового жилищного и транспортного строительства в малоосвоенных регионах, например Внутренней Монголии, пока не привело к соответствующему росту деловой активности, но создало условия для появления «городов-призраков» с малым числом жителей (Woodworth, Wallace, 2017). Это довольно яркий пример того, что создание инфраструктурных условий недостаточно для формирования устойчивой городской деловой среды и системы центральных мест.

Для усиления *агломерационных эффектов*, связанных с расширением и повышением разнообразия рынков, власти часто стремятся расширять инфраструктуру, в т.ч. скоростных дорог, вблизи или между крупными агломерациями. Например, создание высокоскоростных железнодорожных магистралей (ВСМ) в Китае благодаря расширению доступа к рынкам и интенсификации межрегиональных перетоков знаний привело к росту числа предпринимателей (Ma et al., 2021), причем эффект сохраняется и нарастает как минимум через 3 года после появления дороги. Тем не менее, существенный эффект наблюдается только для крупных городов вблизи станций и неясны его долгосрочные тенденции в то время, как периферийные города теряют наиболее талантливых предпринимателей и высококвалифицированные кадры (Liu et al., 2023). В целом строительство ВСМ порождает большой поток прямых и косвенных положительных эффектов, стимулирующих деловую активность, но возможны эффекты перераспределения последней (Пономарев, Радченко, 2023).

Для роста внутригородского спроса на продукцию и услуги малый бизнес стремится размещаться вблизи пересечения потоков людей (Имангалин, 2013). Но в СССР размещение предприятий внутри города подчинялось иным закономерностям, определяемым государством, которые далеко не всегда отражали потребности жителей (п. 2.1). Существовали определенные нормы плотности объектов социальной инфраструктуры, но то, насколько эти объекты удалены или востребованы населением было вторичным вопросом для городской планировки. Поэтому удаленность домов от пешеходных улиц, отсутствие технических помещений на первых этажах, чрезмерно строгие градостроительные и строительные нормы – все это создавало ограничения для развития малого бизнеса в городах в ранний постсоветский период. И это потребовало кардинального изменения городского культурного ландшафта. Значительная часть предпринимателей в крупных городах по-прежнему не владеют помещениями, где они размещают свой бизнес из-за высокой и растущей стоимости недвижимости. Поэтому власти в отдельных случаях, в частности для социальных предпринимателей прибегают к различным формам имущественной поддержки. Без должного публичного контроля возможно искажающее

воздействие, если отдельные фирмы получали преимущества благодаря неформальным связям с лицами, принимающими решения в регионах. В ущемленном и уязвимом положении окажутся добросовестные предприниматели, арендующие частные помещения на рыночных условиях.

Политика *расширения рынков* для предпринимателей включает довольно большое число мер, связанных с регулированием экспорта и импорта³⁶⁸. Например, многие страны внедряют протекционистские меры для защиты собственного рынка от иностранных компаний, сохранения рыночных ниш для местных производителей, что может иметь пространственно неоднородные выгоды, более жесткие / мягкие условия могут внедряться на отдельных территориях. Протекционистские меры, в 1990-е гг. внедрявшиеся даже в некоторых регионах России, могут быть эффективными на отдельных исторических этапах, например когда местная промышленность слабо развита, но при этом необходимы стимулы и верное целеполагание, в частности ориентация на экспорт (Полтерович, Попов, 2006; Райнерт, 2011; Идрисов, 2016); в противном случае дополнительная прибыль местных производителей приведет к их дальнейшему рентоориентированному поведению и издержкам общества от роста цен³⁶⁹. Система поддержки сельскохозяйственных предприятий в Европейском Союзе (ЕС)³⁷⁰ оказывает искажающее влияние на рынки и создаёт повышенные издержки для общеевропейского бюджета, но большая часть подобных негативных эффектов лежит за пределами ЕС, т.к. с помощью сертификации, квотирования, и других косвенных и прямых (особенно в период санкций) ограничений импорта продукция предпринимателей других стран, в т.ч. из южных регионов России, не могла попасть на высокомаржинальные рынки европейских стран³⁷¹.

³⁶⁸ Усилия по выходу на рынки других стран, включая создание торговых, таможенных и иных интеграционных объединений, развитие трансграничного сотрудничества обычно не входят в полномочия региональных властей. Но есть вопросы межрегионального взаимодействия, например снятие различного рода санитарных ограничений при продаже сельскохозяйственной продукции в другом регионе России.

³⁶⁹ Одним из примеров неудачной политики служит развитие автомобилестроения и некоторых других отраслей в Северной Корее или на Кубе, где в условиях существенной изоляции от внешнего мира и национализации предприятия не проводили необходимую модернизацию и существенно отстали технологически. Например, в Кубинской Республике стоимость личного автомобиля существенно выше, чем среднемировая. Впрочем, и противоположная политика «невмешательства», проводимая в России в 1990-е гг., привела к чрезмерному проникновению зарубежных компаний при слабости внутренних производителей, что создало условия для банкротства и закрытия местных предприятий, в т. ч. приватизированных иностранными собственниками.

³⁷⁰ Для сельских районов и фермеров в Европейском Союзе создана широкая система косвенных субсидий и иных мер поддержки, в т.ч. на проведение научных исследований, сертификацию, маркетинг и т. д. В отдельных случаях предприниматели получают субсидию на сохранение культурного ландшафта, неизменность пастбищных угодий, как например в Великобритании. В целом искажающее влияние государства связано в данном случае с созданием искусственных стимулов для ведения предпринимательской деятельности на территориях, где подобная деятельность неконкурентоспособна в сравнении с более южными регионами и странами.

³⁷¹ В истории есть и более одиозные примеры политики расширения рынков, связанные с эпохой Великих географических открытий и последующими колониальными завоеваниями, когда европейские страны-метрополии намеренно ограничивали развитие местного предпринимательства в своих африканских, американских и азиатских колониях, получая природные, людские (работорговля) и иные ресурсы. Неравные условия торговли и навязанные тарифы стали одними из причин слабого развития производительного предпринимательства и последующего экономического отставания многих развивающихся стран. Одним из примеров здесь можно также упомянуть навязанные неравные условия торговли Китаю Британской империей и отделение Гонконга после Опиумных войн. США возникли частично как результат борьбы против ограничивавшей развитие политики Британской империи.

Часть из внешнеэкономических мер имеют региональную привязку, например создание зон трансграничной торговли, внедрение режима свободного порта, портовых ОЭЗ. Они использовались для закрепления глобального бизнеса, который, в свою очередь, должен был стимулировать развитие местного предпринимательства (Wiig, 2019). В США примером может служить зона свободной торговли, созданная на месте Филадельфийской военно-морской верфи (штат Пенсильвания), закрытой после окончания Холодной войны. Хотя зона и способствовала ревитализации пространства, регистрации якорных инвесторов – отделений крупных компаний современных секторов экономики, она не стала центром местного предпринимательства и усилила внутригородские контрасты (Wiig, 2019). Зачастую подобная политика направлена на привлечение транснациональных компаний (ТНК) без должной политики локализации цепочек добавленной стоимости³⁷², что повышает конъюнктурные и иные риски в случае ухода ТНК. Примером могут служить «макиладорас» – экспортно-производственные зоны с льготным режимом предпринимательства, возникшие в 1960-х гг. в северных штатах Мексики на границе с США (Тамаулипас, Нуэво-Леон, Коауила и Чиуауа), позднее распространившиеся по Латинской Америке. Например, автосборочные предприятия, были перенесены из США для использования дешевой рабочей силы, но по мере роста издержек ТНК стали переводить производства в Китай и другие страны. Успешным примером с точки зрения развития малого бизнеса следует считать китайские портовые ОЭЗ (Jiang et al., 2018), создававшиеся в юго-восточных прибрежных регионах, но и здесь следует учитывать рост нежелательных последствий, в частности увеличение межрегионального и социального неравенства. При реализации крупных проектов для иностранных ТНК могут нарушаться права, например земельные, местных предпринимателей и жителей (Zhang 2006).

Отдельным большим направлением государственной политики является *диверсификация экономики*, в частности повышение производительности и доли обрабатывающих производств. Усилия властей в рамках промышленной политики направлены на создание стимулов для возникновения и расширения собственных производств. Можно назвать как минимум три типа «провалов рынка», нуждающихся в регулировании (Hausman, Rodrik, 2006): потребность в координации и концентрации усилий и ресурсов на начальных этапах возникновения предприятий новой отрасли, потребность в наращивании инвестиций для их роста на фоне недооценки перспектив развития этих предприятий инвесторами и потребность в подготовке новых кадров в отсутствии соответствующих компетенций на рынке. Решение этих проблем играет решающее значение для развития регионов и предпринимательской активности как с

³⁷² Интересы ТНК могут не совпадать с интересами региональных властей. Например, приобретение производств ТНК без предварительных обязательств может привести к их закрытию или переносу его отдельных функций, релокации специалистов в другие страны. Например, в рамках группы Renault-Nissan планировалось перенести исследовательские функции из Научно-технологического центра «АвтоВАЗа» (г. Тольятти) в Румынию.

точки зрения теории (см. Scott, Storper, 1987; Fujita et al., 2001), так и на практике (Полтерович, Попов, 2006; Райнерт, 2011; Идрисов, 2016). Но и здесь возможны нежелательные эффекты, в частности искажающие стимулы для экономических агентов: создание привилегированных институциональных условий в ущерб иным предприятиям и отраслям при выборе и поддержке некоторых национальных и региональных чемпионов³⁷³, особенно если последние имеют государственную форму собственности. В истории найдется большое число неудачных попыток изменения структуры экономики, например во многих странах Латинской Америки³⁷⁴, Африки, а успешные примеры единичны (Любимов и др., 2019): СССР, КНР, Япония, Южная Корея, Сингапур и ряд других стран, но и в этих примерах можно найти нежелательные последствия. В Китае в период "Большого скачка" предполагалось, что развитие многочисленных малых металлургических производств в сельской местности должно привести к росту производства металла и принудительной индустриализации села; результаты этой политики оказались неоднозначными, особенно для отдельных сельских территорий. Другим историческим примером может служить ускоренная индустриализация в СССР, направленная на создание многочисленных заводов для производства широкой группы ранее не выпускавшихся в России промышленных товаров, в первую очередь, средств производства. Реализация политики, хотя и решила многие из поставленных задач, сопровождалась беспримерным перетоком рабочей силы, в т. ч. принудительным, из сельских территорий в города, из малых предприятий и городов – в большие, из южных регионов – в северные, что могло создать условия для последующей деградации сельскохозяйственных предприятий и рынков потребительских товаров (Leonard, 2011). Недостаточное внимание к малым предприятиям, политика укрупнения, в т.ч. в рамках ТПК, направленная на использование эффекта масштаба, не создавала достаточных стимулов к развитию разнообразных поставщиков для сложных производств, снижало вариацию товаров и услуг. Крупнейшие предприятия и отрасли, в частности связанные с ОПК, в конце советского периода могли оказывать чрезмерное влияние на политические решения, усиливая военную направленность экономики. Крупные предприятия без должного развития малых формировали моноотраслевую специализацию экономики ряда регионов и городов, что становилось проблемой и барьером экономического роста, если основной ресурс головного предприятия

³⁷³ Проблемы назначенных чемпионов наблюдаются даже в странах с развитыми институтами публичного контроля. Например, компания Nokia в Финляндии считалась основой экономического роста и стабильности («слишком большая, чтобы упасть»), но проиграла Apple, Samsung и др. при наступлении новой технологической и предпринимательской волны. Многочисленные китайские производители смартфонов, обеспечившие лучшее качество по более дешевой цене, вынудили Nokia уйти с рынка мобильных устройств. Благо в Финляндии для снижения этих рисков заблаговременно создавалась сеть технопарков, довольно успешных с точки зрения развития стартапов, готовились современные кадры, в т.ч. в рамках передовой в мире системы образования. Поэтому стране удалось относительно благополучно преодолеть сложности крупнейшей компании.

³⁷⁴ Промышленная политика требует большого отвлечения государственных ресурсов, что ведет к разбалансировке бюджетов в условиях, когда новые предприятия и отрасли не генерируют прибыль долгое время.

заканчивался или наступал структурный кризис, как например во многих ЗАТО³⁷⁵ в 1990-е гг. по мере ослабления роли ОПК. Приватизация и иные реформы в 1990-е гг., направленные в т.ч. на развитие сферы услуг, в ряде регионов России могли вести к деиндустриализации (Кувалин, 2009), существенному падению уровня жизни, покупательного спроса, а за ними – росту неформального сектора. Классическим примером можно назвать Тамбовскую область, где развитая ранее отрасль химического машиностроения оказалась в глубоком кризисе.

Для усиления *кластерных эффектов*, связанных со специализацией территории, во многих странах и регионах проводится кластерная политика (Ketels, 2013), имеющая разнообразные инструменты (см. 6.2): предоставление инфраструктуры, поддержка связей между предпринимателями, консалтинговые и образовательные услуги, распространение лучших практик и т. д. К негативным последствиям здесь относят проявления «эффекта блокировки», когда невозможно впоследствии сменить укоренившуюся специализацию (Zamyatina, Pilyasov, 2016). К крайним проявлениям можно отнести образование моногородов.

К *улучшению институциональных условий* стремятся власти многих стран и регионов. С точки зрения институциональных преобразований Эрнан де Сото считал решение *земельного вопроса*, то есть определение прав на землю – одним из главных условий повышения деловой активности населения (Soto, 2013), а соответственно и регионального развития, без чего земельные ресурсы представляют собой фактически «мертвый капитал», который не создает возможности накопления первичного капитала³⁷⁶. Подготовленная командой Э. де Сото реформа системы собственности в Перу (около 400 нормативных актов) помогла легализовать около 380 тыс. бизнесов, ранее действовавших в тени. Земельные реформы в России в разные периоды также косвенно имели цели повышения деловой активности³⁷⁷, но все они несли и нежелательные эффекты. Влияние крепостного права уже подробнее рассмотрено (п. 2.1), его ликвидация привела к продолжительной зависимости крестьян от общины, результаты коллективизации в раннесоветский переел были весьма неоднозначны, но в совокупности с репрессиями свели к минимуму предпринимательскую активность в сельской местности³⁷⁸, реформы 1990-х не

³⁷⁵ Закрытые административно-территориальные образования – муниципальные образования, на территории которых установлен особый режим функционирования и охраны государственной тайны, чаще всего, были связаны с ОПК. Некоторые из них в постсоветский период были преобразованы в наукограды.

³⁷⁶ Более того, Э. де Сото считает решение проблемы частной собственности на землю – главным фактором взрывного роста капиталистической деловой активности в странах Западной Европы в XVIII–XIX вв. (Soto, 2013), т. к. это позволило создать условия для первичного накопления капитала и развития большинства современных рыночных институтов: залоговое кредитование, фондовые биржи и т. д.

³⁷⁷ закрепощение крестьянства должно было стимулировать создание крупных (дворянских) хозяйств, а также обеспечивало промышленные предприятия рабочей силой; реформы Александра II были призваны раскрепостить деловую активность зависимых крестьян, способствовать формированию мелкотоварных производств; советские реформы заявлялись в т.ч. как способ индустриализации села, а приватизация 1990-х должна была раскрыть фермерский потенциал

³⁷⁸ В косвенных формах существовало весь советский период: продажи ЛПХ излишков продукции на ярмарках, в заготовительные конторы, кооперативам. ЛПХ могли самостоятельно определять потребителя своей продукции.

привели к долгосрочному росту фермерского хозяйства в большинстве регионов страны (Leonard, 2011) (см. п. 3.1). И в современной России нерешенность земельных вопросов в ряде регионов Северного Кавказа может играть существенную негативную роль в его хозяйственном развитии (Стародубровская и др., 2011). Вообще говоря, возможность получения ренты от использования природного капитала часто порождает многочисленные конфликты и соответствующие негативные эффекты для экономики. Правительства стран и регионов стремятся снизить влияние «ресурсного проклятия» (Полтерович и др., 2007), но их действия также могут приводить к нежелательным последствиям³⁷⁹.

Совокупность реформ начала 1990-х в России была направлена на приватизацию государственной собственности и быстрое заимствование рыночных институтов (Полтерович, 2007; Гринберг, Комолов, 2020). Это должно было через либерализацию законодательства стимулировать в регионах многократное увеличение предпринимательской активности. Но, во-первых, расчеты показывают (п. 2.2), что последняя обладает определенной инертностью, зависимостью от социокультурных условий. Во-вторых, в периоды кризисов возрастают преимущественно вынужденные и деструктивные формы. А в условиях отсутствия должных институтов силового контроля, защиты прав собственности, антимонопольного законодательства либерализация законодательства привела к концентрации капитала у узкой группы собственников (Шкредов, 1999), в частности в некоторых промышленно развитых регионах. Результатом стало банкротство многих предприятий³⁸⁰, особенно в менее развитых регионах, и снижение уровня жизни во всех регионах³⁸¹. Распространение различных форм деструктивного предпринимательства и олигархии привело к обесцениванию и усилению негативных коннотаций феномена предпринимательства в представлениях жителей страны³⁸².

³⁷⁹ Например, внедрение аукционов на вылов рыбы в регионах России привело к закрытию многих малых рыболовецких предприятий и лишению средств к существованию некоторых приморских поселков (Полтерович, 2007), т. к. требовалось 30% обеспечение стоимости ожидаемого вылова. Масштабы браконьерства возросли.

³⁸⁰ При этом сам по себе институт банкротства в регионах использовался для захвата не самых убыточных предприятий местными заинтересованными лицами (Полтерович, 2007).

³⁸¹ Иные итоги реформ наблюдаются в Китае, где не применялась «шоковая терапия», а происходил постепенный переход к желаемому состоянию через промежуточные институты (Полтерович, 2007): внедрение отдельных рыночных норм, в т. ч. за счет их трансфера от иностранных компаний и хуацяо (китайских предпринимателей из других стран и регионов), поощрение предпринимательской инициативы в свободных экономических зонах, и постепенное расширение эксперимента (Барина и др., 2024). Преимуществом Китая в период реформ 80-90-х гг. стало наличие большого числа предприимчивых сельских жителей, не имевших многих социальных гарантий, а потому перемещавшихся в крупные города. Многие из них имели предпринимательский дух и в условиях жесткой конкуренции готовы были открывать новые предприятия. Создавая совместные предприятия и филиалы, ТНК постепенно передавали технологии и компетенции китайскому персоналу и бизнесу (см. п. 6.2). В современной КНР около 22% рабочей силы – предприниматели различной формы, более 50% занятых работают в малом бизнесе, а в городах эта доля превышает 80%, то есть фактически построено предпринимательское общество с социалистической спецификой. Как показывает опыт привлечения иностранных брендов во время Олимпиады 1980 г., СССР также обладал высоким потенциалом для привлечения ТНК и последующего роста предпринимательской активности, что и произошло в 1990-е гг., но в иных формах и без должного регулирования со стороны властей.

³⁸² В отдельных регионах советские образы о предпринимателях-капиталистах (олигархах), имеющих исключительно цели обогащения, глубже укоренилось в социокультурных нормах (глава 2), что ограничивает развитие конструктивного предпринимательства в современный период.

Одним из способов улучшения *местных институциональных условий* является создание некой организационной структуры, часто имеющей определенные территориальные границы, отдельной от остальной институциональной системы³⁸³. Возможен ряд нежелательных последствий. Во Вьетнаме выявлены отрицательное влияние деятельности ОЭЗ на малый бизнес соседних территорий из-за эффектов замещения, когда деятельность новых предприятий, имеющих пониженные издержки из-за размещения в ОЭЗ, приводит к банкротству уже существующих предприятий, либо их переносу в зону с преференциальными условиями из соседних регионов (Vu, 2022). Для Китая эффекты развития местного бизнеса от прихода иностранных компаний и передачи компетенций превышают таковые от эффекта замещения (Wang, 2013). Но сами положительные эффекты ограничены по площади и быстро затухают уже на расстоянии в 50 км. Кроме того, зоны, расположенные в более отдаленных районах, по-видимому, оказывают слабое положительное влияние на соседние районы (Frick, Rodríguez-Pose, 2019). Схожим известным методом стимулирования предпринимательской активности в городах долгое время было выделение различного рода «*предпринимательских зон*» – небольших ранее неблагополучных территорий с преференциальными условиями ведения бизнеса, преимущественно производственного³⁸⁴. Обычно для этого выделялись неиспользуемые территории, промышленные зоны, бывшие военные базы, как уже упоминавшаяся в г. Филадельфия (США). Подобные зоны были призваны стимулировать ревитализацию пространства, наделение его новыми функциями, в т. ч. развитие местного малого бизнеса. Обзор опыта США, Великобритании и Франции (Dabney, 1991) показывает, что лишь около половины исследований находят положительный эффект создания предпринимательских зон с точки зрения роста занятости на новых предприятиях. В 2017 г. в США разработка программы «Зон возможностей» предполагала выделение средств на инфраструктурное развитие малообеспеченных районов, но в Нью-Йорке эта программа не оказала статистически значимого влияния на результаты местного малого бизнеса (Shen 2024), в Чикаго способствовало ревитализации территории и снижению преступности, но слабо влияла на создание бизнесов (Shybalkina, 2022). Массовое централизованное финансирование создания технопарков, бизнес-инкубаторов, кластеров и иных объектов инфраструктуры поддержки МСП одновременно усиливает межрегиональное неравенство, если создается в регионах-лидерах (Ефери́на и др., 2017; Adamaitis, 2021), а может приводить к их неэффективности в регионах со слабыми институтами (Барина́ва и др., 2014), т.к. местные администрации могут быть заинтересованы только в освоении бюджетных средств, а не в наполнении и повышении эффективности функционирования таких объектов (Charlot et al., 2015). Еще одним нежелательным эффектом

³⁸³ Иногда носят обобщающее название «карманов эффективности».

³⁸⁴ Начало этой политики было положено после работ британского регионалиста П. Холла (Hall, 1982).

становится реализация проектов развития инфраструктуры в рамках закрытых ведомственных программ³⁸⁵, соответственно ни региональные власти, ни местное предпринимательское сообщество не имеют инструментов влияния на ситуацию, а созданная инфраструктура не может ими использоваться, т.к. это нарушает правила выделения субсидий.

Малый бизнес традиционно заявляет налоговую нагрузку одним из основных барьеров развития (Антонова и др., 2020) (рис. 34, п. 5.2). Повышение налогов в рамках бюджетного федерализма в целом отрицательно сказывается на привлечении инвестиций: фирмы стремятся размещаться в регионах с меньшими налоговыми ставками (Gupta, Hofmann, 2003). Ранее в ЕС в 1980-е – 1990-е гг. было довольно популярным введение налоговых каникул для регистрируемых малых предприятий, но эта практика активно использовалась как средство ухода от налогов: перерегистрации, дробление бизнеса³⁸⁶. К тому же чрезмерная конкуренция между регионами может вести к неоправданному снижению налоговой базы. ТНК могут использовать регионы - оффшорные юрисдикции для ухода от налогообложения: например, Остров Джерси в Великобритании, Кипр, зона экономического благоприятствования «Ингушетия»³⁸⁷ в 1994–1997 гг. в России. В Канзасе (США) малые бизнесы выступили против снижения налога на прибыль организаций на фоне падения зарплат бюджетных работников, качества социальных услуг, объема госзакупок и потока туристов, на которые они ориентировались (Alvord, 2020). Основные выгоды от отмены налогов получили крупные фирмы извне региона, в то время как местные бизнесы пострадали не только от сжатия местных рынков, но и от роста конкуренции.

Центральные и региональные власти, понимая значимость *доступа предприятий к капиталу*, прибегали к различного рода мерам прямой финансовой поддержки (табл. 18) (OECD, 2019; Lerner, 2009). Политики часто требуют расширения объёмов финансирования. Во-первых, осуществление прямой поддержки предполагает понятные процедуры и часто не требует изменения законодательства, внедрения и развития новых институтов³⁸⁸. Во-вторых, прямая поддержка может быть осуществлена в рамках коротких бюджетных и электоральных циклов, а соответственно привлекательна для политиков. В-третьих, рост бюджетных расходов на МСП обоснован в случае чрезвычайных ситуаций, внешних шоков. Наконец, финансовые

³⁸⁵ Например, ранее бизнес-инкубаторы, технопарки и центры коллективного пользования в университетах России, подчинявшихся Минобрнауки России (федеральному ведомству), могли оставаться незаполненными, а их оборудование простаивать при нехватке инфраструктуры для развития местных невузовских стартапов.

³⁸⁶ В России повышение порогов применения упрощенной системы налогообложения могло стимулировать дробление крупных и средних предприятий (Антонова и др., 2020). С 2018-го по август 2023 года в судах рассматривалось 643 дела о дроблении бизнеса с целью ухода от налогов, общая сумма налоговых доначислений составила 56 млрд рублей по данным ФНС РФ. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/499178-fns-ocenila-verhusku-ajsberga-userba-ot-droblenia-biznesa-v-0-5-trln-rublej>.

³⁸⁷ В результате эксперимент был завершен из-за существенных потерь бюджета.

³⁸⁸ Поэтому ее применение оправдано, например, с точки зрения антикризисной политики быстрого реагирования.

инструменты оправданы применительно к новым областям, где господдержка вносит минимальные искажения в конкурентную среду, а издержки бизнеса высоки.

Систематический обзор 30 работ, оценивающих влияние *финансовых мер поддержки* (гранты и субсидии) на развитие МСП в странах ЕС (Dvouletý et al., 2020), показал положительное влияние этих мер на выживаемость и занятость и оборот поддержанных фирм, при неоднозначном влиянии на производительность труда. Последнее может быть связано с эффектом замещения собственных финансовых ресурсов более дешевыми государственными, что приводит к снижению эффективности их расходования. Существует риск снижения общественного благосостояния из-за поддержки непроизводительного предпринимательства (Conlon, Litchfield, 2012) и усиления отдельных экономических агентов, особенно вне процедур распределения средств профессиональными инвесторами в рамках открытого конкурсного отбора. В ряде случаев государственные служащие могут не обладать достаточными компетенциями для понимания рынков, могут неправильно оценивать риски выделения финансирования в отсутствии угроз собственному капиталу или злоупотреблять своим положением, поддерживая определенных экономических агентов. Это может быть как результатом неверных решений в условиях недостатка информации, так и проявлением коррупции или nepотизма. Весьма актуальна и проблема асимметрии информации, когда отдельные участники рынка лучше осведомлены о возможностях получения поддержки.

Таблица 18 – Некоторые примеры количественных оценок влияния искажающих рынки мер традиционной поддержки МСП в регионах разных стран

Направление	Мера государственной политики	Оценка результатов
Институциональные условия	Территориальные преференциальные режимы США, Великобритания, Франция, Южная Корея	Отсутствие роста числа малых бизнесов (Dabney, 1991; Shybalkina, 2022; Shen, 2024), их перераспределение из соседних районов (Einiö, Overman, 2016; Vu, 2022)
Доступ к капиталу	Льготное кредитование Штаты США (SBA)	Льготное государственное кредитование вытесняет частные инвестиции, может снижать их эффективность (Lee, 2014; Lerner, 2009)
	Региональные программы субсидирования инвестиций Великобритания	Увеличивает занятость и инвестиции, но снижает производительность поддержанных компаний (Criscuolo et al., 2012)
	Гранты для местного бизнеса Северная Ирландия	Повышают уровень занятости, но снижают производительность (Roper, Hewitt-Dundas, 2001)
Расширение спроса	Выделение квоты в госзакупках для малых фирм Великобритания, США	Снижается эффективность закупок; корпорации создают связанные с ними малые фирмы (Loader, 2013; Nicholas, Fruhmman, 2014)
Рынок труда	Поддержка самозанятости и создания новых фирм за счет субсидий, грантов Великобритания	Вытеснение эффективных предпринимателей с рынка; снижение среднего размера фирм и их эффективности (Storey, Strange, 1992; Shane, 2009)
Новые технологии	Федеральные и региональные субсидии на НИОКР Китай, Россия,	Компании замещают свои расходы государственными, снижая их эффективность (Симачев и др., 2014; Eberle, Boeing, 2019)

Источник: составлено автором.

Территориальные и отраслевые особенности МСП часто игнорируются при массовой централизованной поддержке: субсидии регионам, льготные кредиты центральных банков, гранты федеральных ведомств и схожих структур и пр. Между тем, лишь немногие фирмы в перспективных / быстрорастущих отраслях могут стать основой экономического роста (Wong et al., 2005) преимущественно в регионах и городах с благоприятной средой (Li et al., 2016; Земцов и др., 2015). Для неоднородной России это обстоятельство имеет существенное значение. После ряда публикаций Д. Бёрча и др. (Birch et al., 1997) о фирмах-«газелях» в 1980-1990-х гг. в развитых странах широкое распространение получили меры прямой поддержки новых фирм (стартапов); позднее эта политика трансформировалась в стимулирование компаний с высоким потенциалом роста, и эти меры показали более высокую эффективность (OECD, 2000, 2004, 2005; Autio et al., 2007; Storey, Strange, 1992; Mason, Brown, 2013; Медовников и др., 2016). Впрочем, зачастую показатели получателей поддержки выглядят предпочтительными, если не учитывается «эффект отбора» (Hart, Scott, 1994; Storey, 2000), т.к. эти фирмы обладали заведомо лучшими характеристиками. Без строгих и открытых процедур оценивания, например, с помощью метода «разность разностей», сделать вывод об эффективности подобных мер нельзя. Так, поддержка растущих компаний может вести к снижению их производительности (Craig et al., 2008; Young et al., 2014): вытеснение традиционных источников капитала льготными приводит к возникновению сверхприбыли (ренды), а затем – к снижению требований и усилий (Lee, 2014).

Для *расширения спроса* на товары и услуги МСП власти часто прибегают к увеличению госзакупок; например, популярным методом служит выделение в них квот для МСП. Но сохраняются риски аффилированности малых фирм с крупным бизнесом и отдельными чиновниками (Loadar, 2013). В США около 2/3 всех госзакупок, выделяемых для МСП, выполняются фирмами, связанными с крупными корпорациями или купленными ими позднее (Cullen, 2012). Это может вести к повышению уровня коррупции и nepотизма, усилению роли отдельных компаний, поддержке многочисленных непроизводительных посредников, а в итоге – возникновению институциональной ловушки – дальнейшему усилению влияния в экономике политических предпринимателей и хищнических компаний (Tonoyan et al., 2010).

Одним из провалов рынка постсоциалистических стран следует считать *недостаток навыков и компетенций* ведения бизнеса, особенно в период трансформации 1990-х гг., что требовало государственного участия путем внедрения соответствующих образовательных программ, создания «мягких» сервисов с консалтинговыми условиями, привлечения консультантов³⁸⁹. Нежелательными эффектами может быть нецелевое использование средств,

³⁸⁹ Обучение бизнес-технологиям со стороны западных консалтинговых компаний в России в начале 1990-х гг., особенно в период активной приватизации государственного имущества, могла нанести ущерб развитию конструктивного предпринимательства из-за хищнических схем обогащения обученных «бизнесменов» и самих

связанное с ограниченностью контроля в сфере получения и освоения знаний и навыков³⁹⁰. Развитие предпринимательских университетов в отдельных случаях может вести к образованию «предприимчивых» вузов, в которых нет научно-образовательного ядра, а ориентированы они лишь на предоставление образовательных, а иногда – псевдообразовательных сервисов.

Региональными и местными властями используются различные стратегии *привлечения человеческого капитала*: инвесторов, предпринимателей, творческих профессионалов. Например, модернизируются пришедшие в упадок урбанистические районы путем благоустройства (джентрификация), создания комфортной городской среды, возведения инфраструктуры, например стадионов, отелей, выставочных пространств, формирования креативных кластеров³⁹¹. Власти городов, конкурируя друг с другом, переходят к модели «предпринимательского города» (Harvey, 1989). Впрочем, эта политика в США неоднократно подвергалась критике (Harvey, 2012³⁹²; Landry, 2012). Принудительная джентрификация, в том числе ревитализация промышленных зон, в США привела к росту социального и территориального неравенства за счет притока более состоятельных граждан с вытеснением социально незащищенных групп и отчуждением целых районов, а в отдельных случаях – значительным расходам местных бюджетов старопромышленных городов, которые не окупились. Создание творческой среды не всегда приводит к росту предпринимательской активности в форме креативных индустрий (Florida, 2017): ремесла, кино, музыка и т.д., особенно в городах, не имевших достаточного культурно-исторического потенциала.

Популярная политика *поддержки рынков труда* путем поощрения массовой самозанятости через гранты, призванная снизить уровень безработицы, ведет к увеличению числа вынужденных предпринимателей, которые создают новый бизнес, как правило, в отраслях с низкими барьерами входа и локальным спросом: автосервис, ремонт одежды, такси и т. д. (Acs et al., 2016; Storey, Strange, 1992). Есть риск, что получившие поддержку новые фирмы вытеснят с рынка других состоявшихся предпринимателей (Criscuolo et al., 2012), что может привести к росту банкротств и снижению эффективности в МСП (Shane, 2009; Stem et al., 2012). При этом нет уверенности, что новые фирмы продолжат свою деятельность, то есть возможно, что общая

консультантов. В частности, в США на ряд консультантов того периода были заведены уголовные дела в связи с конфликтом интересов: консультирование и участие в приватизации.

³⁹⁰ Проблема контроля в образовательной сфере связана с появлением таких явлений как «инфоцыганство», когда «коучи» и блогеры без должных компетенций и предпринимательского опыта обучают ведению бизнеса новичков. В редких случаях формируются целые сообщества, которые со временем могут вырождаться в сектантские, подобно американской NXIVM — американская сетевой организации, предлагавшей платные семинары профессионального развития. Ущерб от такой деятельности для общественного благосостояния может быть высок и требует дальнейших исследований и государственного регулирования.

³⁹¹ В России примерами служат центр «Винзавод» в г. Москве, проект кампуса на месте Большой Ивановской мануфактуры в г. Иваново, креативный кластер «На заводе» в г. Сысерти (Свердловская область) и др.

³⁹² Более того, Д. Харви находил причины мирового экономического кризиса 2008–2009 г. в политике неуправляемого капитализма в сфере городской недвижимости (Harvey, 2012).

занятость в результате такой поддержки через несколько лет снизится, особенно эти эффекты видны в менее развитых регионах (Салимова и др., 2022). Ухудшает ситуацию то, что отдельные получатели поддержки изначально могли быть ориентированы на вывод средств, а не на развитие хозяйственной деятельности. Значимость понятных, открытых процедур отбора и последующей оценки эффективности возрастает. При этом механизмы стимулирования самозанятости часто включают обучение безработных – потенциальных предпринимателей неким основам ведения бизнеса, что порождает целый поток сопутствующих проблем: правильный учет слушателей, контроль знаний, оценку влияния на создание компаний. Поэтому за рубежом подобные практики обычно передаются на аутсорсинг независимым образовательным организациям со строгими стандартами контроля и публичной отчетности. Чаще всего, в небольших и менее развитых регионах возможности такого контроля ограничены, а связи между заинтересованными сторонами могут быть более неформальными и тесными, что может создать дополнительные условия для злоупотреблений.

Внедрение новых технологий и создание стимулов для этого, то есть научно-технологическая политика, – один из значимых инструментов повышения предпринимательской активности. Но здесь также возможны искажающие эффекты: начиная от обоснованности внедряемых технологий и заканчивая подменой частного финансирования государственным. В истории к искажающим действиям государства следует отнести принудительное внедрение в СССР в 1930-е – 1960-е гг. методов яровизации и других научно слабо обоснованных агротехнических приемов в агрокультуру северных регионов («Лысенковщина»³⁹³). Это привело к снижению продуктивности, плановым убыткам сельхозпроизводителей. Опыт создания кластера микроэлектроники в Зеленограде (г. Москва) на основе заимствованных технологий в ущерб отечественным разработкам также может быть примером выбора неудачной стратегии. В экономике с большим числом предпринимателей подобные риски и ответственность распределяются более равномерно, к тому же отдельные действия предпринимателей не нанесут столь значительного урона деловой активности в целом. Отказ от протекционизма, поддержки и модернизации многих высокотехнологичных предприятий в 1990-е гг. с последующим переходом на зарубежные технологии в гражданском авиастроении, станкостроении, микроэлектронике и других отраслях привел к чрезмерной импортозависимости и угрозе технологическому суверенитету в современный период.

Отстающие от глобальной технологической границы страны и регионы вынуждены внедрять инструменты для стимулирования научно-технологической деятельности компаний

³⁹³ "Лысенковщина" – псевдонаучная система взглядов, отрицающая наличие генов как факторов наследственной передачи информации, распространение которой связывается с именем Т.Д. Лысенко. Имело деструктивные последствия также для сельскохозяйственных наук, биологии и генетики в СССР.

(Полтерович, 2007; Полтерович, Попов, 2006). Опыт программ инновационного развития госкорпораций в рамках политики «принуждения к инновациям» в России вряд ли может быть назван успешным (Гершман и др., 2015) судя по увеличивавшимся значениям показателей импортозависимости экономики (Землянский, Чуженькова, 2023; Кузьминов и др., 2023). При прямой поддержке научно-исследовательской деятельности частных компаний со стороны государства, например при выделении субсидий, грантов, может происходить вытеснение частного капитала более дешевым государственным, что может вести к снижению эффективности его использования (Симачев и др., 2014). В ряде случаев при создании инновационной инфраструктуры не учитывалась ее удаленность от университетов и НИИ, то есть от потенциальных пользователей, что снижало её эффективность (Комаров и др., 2016). Возможен и конфликт функции места (Минц, Преображенский, 1970) – размещение стартапов вблизи грязных производств, например в промышленных парках.

В ряде стран для развития новых технологий создавались специализированные государственные венчурные фонды, например Yozma в Израиле, которые должны были создать на условиях софинансирования (до 40% стартового капитала) с частными инвесторами частно-государственные фонды и запустить волну технологических стартапов. Случай Израиля уникален тем, что большая часть соинвестиций приходит из других стран, в том числе от диаспоры из Кремниевой долины, что создает возможности перетока компетенций и дополнительного внешнего контроля. В России роль русскоязычной диаспоры в реализации подобных проектов в целом недооценивается. К сожалению, подобного рода «фонд фондов» «Российская венчурная компания» (АО «РВК») в рамках усилий по созданию региональных венчурных фондов не смог обеспечить прорывное развитие индустрии рискованных инвестиций за пределами столицы. В целом, институты развития оказали недостаточное влияние на создание новых компаний в регионах России (п. 4.3). Одной из причин является отсутствие публичного контроля, в том числе со стороны финансовых рынков, «токсичность» большинства форм бюджетного финансирования и отсутствие «права на риск» у руководителей государственных организаций. Любое выделение средств частной компании сопровождается соответствующим набором ограничений, проверок, в т.ч. со стороны силовых ведомств, например прокуратуры. Это серьёзным образом дестимулирует других потенциальных инвесторов, а также пользователей поддержки. В таких условиях участвовать в программах господдержки чаще решаются люди, имеющие некие «гарантии» от властей³⁹⁴, либо склонные к чрезмерному риску, нередко – непроизводительные предприниматели³⁹⁵.

³⁹⁴ В какой-то степени примерами могут служить чеболи в Южной Корее (Любимов и др., 2019).

³⁹⁵ Существует даже отдельная категория граждан, многократно обращающихся за поддержкой, но так и не создающих конкурентоспособного предприятия («грантоеды»).

5.2. Достижения, проблемы и угрозы современной политики по развитию предпринимательства в России в региональной проекции³⁹⁶

Согласно предложенной ранее схеме (табл. 16, выводы к главе 4) выполнен краткий обзор современных инструментов федеральной и региональной политики в сфере развития предпринимательства в России, что позволит выработать гипотезы для эконометрической проверки возможного воздействия различных мер (см. п. 5.3).

Неопределенность и изменчивость государственной политики снижают стимулы предпринимателей разрабатывать и реализовывать планы долгосрочного роста своих компаний (Tan, 1996; Spencer, Gómez, 2004). Предпринимательство в России заявлено как один из приоритетов (Барина и др., 2018а; Мау и др., 2019; Барина и др., 2019; Антонова и др., 2020; Arshed et al., 2020). Принята и действует Стратегия развития МСП в России до 2030 г.³⁹⁷, реализуется национальный проект «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В число новых национальных целей развития до 2030 г. включен опережающий рост производительности труда в сфере МСП. В Стратегии пространственного развития (СПР) Российской Федерации на период до 2025 г. одной из проблем назван низкий уровень предпринимательской активности в большинстве малых и средних городов, на сельских территориях. Для снижения уровня межрегионального и внутрирегионального социально-экономического неравенства предложено содействовать расширению поддержки инициатив населения в сфере МСП, в т. ч. за счет преференциальных режимов.

Для достижения стратегических целей применяется широкая система *прямых и косвенных мер* поддержки МСП (Lundström, Stevenson, 2005). К прямым мерам относятся гранты, субсидии, льготные кредиты и др., а к косвенным: программы обучения, популяризации предпринимательства, создание инфраструктуры, консалтинг, снижение административной нагрузки и др. Последние не предполагают прямого перераспределения денежных средств между

³⁹⁶ Частично использованы материалы статей автора диссертации с его соавторами: Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 168–180; Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Улучшение делового климата для МСП как ответ на текущий кризис и пандемию коронавируса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. №. 7. С. 54–65; Антонова М.П., Барина В.А., Громов В.В., Земцов С.П., Красносельских А.Н., Милоголов Н.С., Потапова А.А., Царева Ю.В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2020. 88 с.

³⁹⁷ Ранее в России формальная выполняемость федеральных стратегий была невысока (Белановский и др., 2016). План реализации Стратегии развития МСП в значительной мере выполнен (Барина и др., 2018), как и большинство национальных проектов до 2024 г., несмотря на пандемию и санкционное давление. Но ценность стратегических документов не только и не столько в достижении конкретных индикаторов, хотя индикативное планирование, безусловно, важно, сколько в самом процессе определения, согласования стратегических целей, инструментов их достижения. Фактически в России нет единой Стратегии социально-экономического развития, но есть национальные цели развития, обновляемые каждые 6 лет в начале избирательного цикла. Процесс стратегирования позволяет властям взаимодействовать с обществом, в т. ч. с помощью мониторинга общественного мнения (АНО «Диалог», ФОМ, ФСО России и другие структуры), с экспертами, научными организациями и бизнесом, например, во время стратегических сессий при обсуждении национальных проектов. Публикация стратегических документов позволяет всем контрагентам лучше понимать долгосрочные цели, приоритеты и возможные тренды (Комаров и др., 2019).

предприятиями, а направлены на формирование благоприятной среды. Если раньше речь шла о государственной поддержке субъектов МСП, то в условиях расширения не прямых мер все чаще говорят о *предпринимательской политике*.

Изменение базовых условий

В России применяется совокупность мер по *снижению влияния природных условий* на социально-экономическое развитие, которые могут оказывать неоднозначное влияние на МСП. Например, социальная политика, связанная с выплатами работникам «северных надбавок», увеличивает издержки малого бизнеса, стимулирует предпринимателей регистрировать предприятия в соседних регионах, не имеющих соответствующих издержек (Пилясов, Замятина, 2016); эффект заметен в более южных приграничных муниципалитетах (Баринова и др., 2019). В то же время отмена подобных льгот только для малого бизнеса приведет к его еще большей неконкурентоспособности из-за оттока кадров в бюджетный сектор и крупные компании. Опыт полевых исследований автора в Республике Карелии показывает, что МСП в северных условиях может быть менее конкурентоспособным из-за особенностей тарифного регулирования. Тарифы естественных монополий (энергетическая, железнодорожная инфраструктура) из-за влияния властей и общественных организаций могут быть ниже для населения, а также для крупных компаний, которые могут получать различного рода скидки благодаря своим масштабам. Малый и средний бизнес выплачивает полную стоимость. Возможно, по этой причине сравнительно благоприятные условия Мурманской области с расположением вблизи международных транспортных маршрутов, богатством природной среды не конвертируются в развитие конструктивного предпринимательства (Пилясов, Замятина, 2016; Горячевская и др., 2016). Внедрение режима ОЭЗ в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) в соответствии со Стратегией развития АЗРФ³⁹⁸ пока не привело к росту плотности малых предприятий: 9,6 ед. на 1000 чел. рабочей силы в 2019 г., 9,49 в 2023 г., хотя доля Арктических регионов в числе субъектов МСП несколько выросла с 1,59% в 2019 г. до 1,63% в 2023 г. (рис. 34) Дальнейшее развитие Северного морского пути и опорных зон АЗРФ может способствовать возникновению малых обслуживающих предприятий.

Значимую роль в *расширении рынков* для МСП играют усилия властей по снижению транспортных ограничений, в частности развитию магистральной инфраструктуры³⁹⁹. В целом плотность автодорог в России росла (рис. 34), возведены новые пограничные переходы на Восточном полигоне и на Северном Кавказе, что обеспечило возможности расширения поставок

³⁹⁸ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972>.

³⁹⁹ Транспортная стратегия России до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/7enYF2uL5kFZlOOOpQhLl0nUT91RjCbeR.pdf>; Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года. URL: <http://government.ru/docs/34297/>.

товаров из дружественных и нейтральных стран в рамках параллельного импорта после 2022 г. Но сохраняются проблемы внутри крупнейших агломераций, отсутствует устойчивое высокоскоростное сообщение между большинством из них, с 2022 г. растет загруженность магистралей по направлению «Север – Юг» в сторону Индии, Турции и Ближнего Востока, в частности на трассе «Каспий» (Р-22), и по направлению «Запад – Восток» в сторону Китая.

Актуальна поддержка выхода отечественных компаний на рынки дружественных и нейтральных стран как с точки зрения расширения рынков, так и усложнения экономики (Любимов и др., 2019). Для снижения издержек переориентации экспорта с 2022 г. действуют транспортные субсидии для производителей⁴⁰⁰. С 2019 г. выросло число субъектов МСП-экспортеров⁴⁰¹ и их доля в несырьевом экспорте, в т.ч. за счет развития региональных центров поддержки экспорта, оказывающих комплекс консалтинговых услуг. Ранее Россия по условиям международной торговли занимала в рейтинге «Ведения бизнеса» Мирового банка лишь 99-е место в 2020 г. Время и стоимость оформления документов, длительность и стоимость прохождения пограничного и таможенного контроля для экспорта и импорта были выше значений для стран ОЭСР (Барина и др., 2020). Это частично было связано с недостаточной цифровизацией соответствующих госуслуг и контроля.

Структурная (промышленная) политика в России направлена на рост несырьевых отраслей. Из-за высокой импортозависимости страны значимость политики растет в условиях внешних шоков (Идрисов, 2016; Земцов и др., 2023). К сожалению, в постсоветский период шли процессы деиндустриализации: доля обрабатывающей промышленности в сумме ВРП регионов России сократилась с 20,4% в 2004 году до 16,3% в 2022 г. без опережающего роста производительности труда в сравнении с развитыми странами (Зайцев, 2015). В это же время политика создания индустриальных парков, кластеров, ОЭЗ в регионах могла играть положительную роль в росте доли производств в структуре выручки субъектов МСП с 11,6% в 2008 до 13,5% в 2020 г. (п. 3.4). Например, создание автомобильного кластера в Калужской области стимулировало создание малых и средних бизнесов – поставщиков компонентов и сервисов. Но уход ТНК привел к серьезному кризису в период санкционных ограничений. Федеральное правительство выделяло субсидии регионам на развитие инфраструктуры поддержки МСП (Чепуренко, 2012; Cherpurenko, Vilenskiy, 2016; Виленский, 2020а). Но объем субсидий сокращался до начала реализации тематического нацпроекта (рис. 34). Сегодня действуют отдельные программы Фонда развития промышленности (ФРП), созданы региональные ФРП, кластерная инвестиционная платформа, промышленная ипотека и много

⁴⁰⁰ Постановление Правительства РФ № 1347 от 27.08.2022. URL: <https://base.garant.ru/405081401/>.

⁴⁰¹ Важен эффект “обучения через экспорт”, когда повышение производительности малых предприятий достигается за счет выхода на зарубежные рынки. Предприятия подстраивают продукцию под международные стандарты, повышают ее качество, учатся выходить на новые рынки: преодолевать логистические и иные ограничения.

других региональных инструментов. Значимый барьер для производственного малого бизнеса – это отсутствие возможности подключиться к электрическим и иным сетям или запретительная стоимость подключения. Формально в России (г. Москве и г. Санкт-Петербурге) условия подключения к электросетям были одними из лучших в мире – 7-е место в рейтинге «Ведение бизнеса» (World bank, 2020). Реальный же срок подключения, по мнению пользователей, составляет в стране 38 дней, тогда как лучшая практика в этом блоке – 18 дней (Республика Корея). Между тем, в ряде регионов подключение к электросетям представляет собой ключевое ограничение: например, в Орловской области этот процесс в 2018 г. мог занимать более 130 дней (Барина и др., 2020). В отдельных муниципалитетах нет достаточных сетевых мощностей для подключения новых производств⁴⁰², хотя регион может быть формально энергоизбыточным.

С 2015 г. после ввода первых санкционных ограничений индекс уверенности⁴⁰³ предпринимателей в производственном секторе рос, достигнув пиковых значений в 2021 г. (рис. 34)⁴⁰⁴. К сожалению, в целом результаты политики импортозамещения в технологической сфере за этот период нельзя признать успешными (Калинин, 2024): доля импорта к выручке высокотехнологичных производств выросла с 58,7% в 2015 г. до 76% в 2021 г., превысив 90% в станкостроении и микроэлектронике (Кодзоев, Земцов, 2024).

Усложнение сферы МСП в регионах предполагает в рамках стратегии умной специализации выбор наиболее перспективных отраслей и направлений развития исходя из инновационного потенциала региона и возможностей дополнения и диверсификации производственных цепочек (Foray, 2014; Земцов, Барина, 2016; Михайлов и др., 2024). При разработке предыдущей версии Стратегии пространственного развития России до 2025 г. регионы могли сами выбирать перспективную специализацию, но это привело лишь к большому набору обобщенных приоритетов, но не могло способствовать реальной структурной политике, например развитию кластеров. Проводимая Минэкономразвития РФ кластерная политика (Бортник и др., 2015), предполагавшая выделение субсидий на развитие промышленной инфраструктуры и обучение региональных команд, способствовала формированию представлений о выгодах кооперации МСП и крупного бизнеса. Среди наиболее успешных примеров можно назвать автомобильный кластер в Калужской области и Татарстане (Иннокам), проект ИНО Томск в Томской области, авиакосмический кластер в Самарской области. При этом новая специализация часто связана с предыдущей (Kutsenko et al., 2023), что свидетельствует о проявлении эффектов укорененности.

⁴⁰² В частности, во время полевых исследований предприниматели Гавриловского района Тамбовской области отмечали дефицит газа и электроэнергии, из-за ограниченности сетей, не позволяющий создавать крупные производства. При этом весь регион потребляет меньше электроэнергии, чем создает.

⁴⁰³ Позволяет по ответам руководителей организаций о прогнозе выпуска продукции, остатках и спросе на неё охарактеризовать экономическую деятельность организаций.

⁴⁰⁴ Значения могут быть выше в 2023 г., но данные Росстатом не раскрывались.

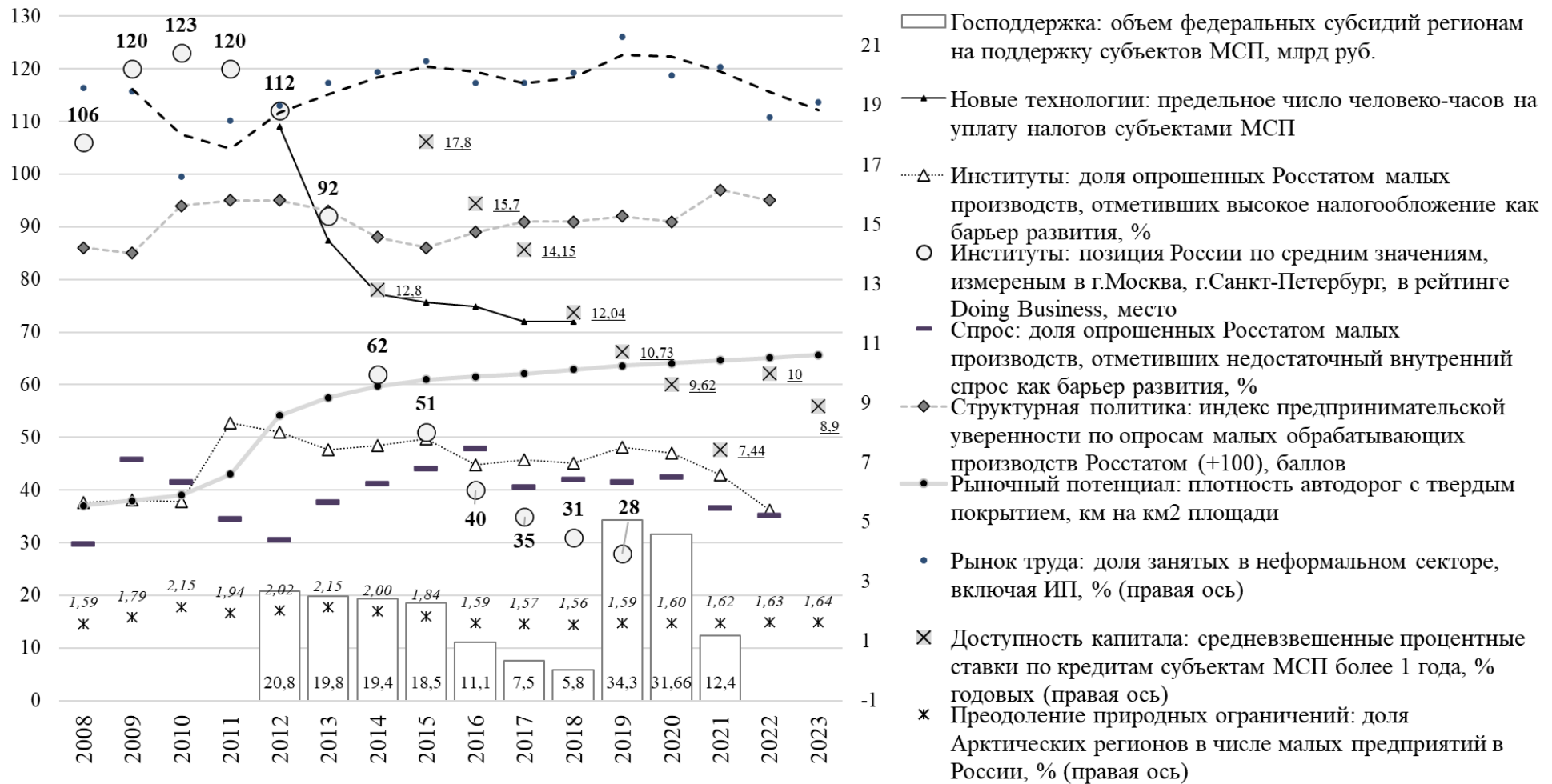

Рисунок 34 – Некоторые индикаторы, отражающие результаты государственной политики в сфере поддержки и развития предпринимательства в России.

Источник: составлено автором по последним доступным данным: ЕМИСС, Росстат, ФНС РФ, Мировой банк.

Улучшение институциональной среды

Либерализация законодательства по ведению бизнеса в начале 2000-х гг. заложило основы распространения конструктивной предпринимательской активности (Cherurenko, Vilenskiy, 2016): регистрация ЮЛ по принципу “единого окна”; сокращение перечня лицензируемых видов деятельности и ведение единого порядка лицензирования; упрощение процедуры согласования инвестиционной документации, устранения технических барьеров в процессе производства и торговли и др. Закон о проверках и инспекциях (2001 г.) ограничивал число проверок в год; закон о лицензировании (2002 г.) сделал уведомительным характер предпринимательской деятельности, закон о регистрации (2002 г.) существенно упростил процедуру регистрации, закон о техническом регулировании (2003 г.) упростил процедуры надзора. Закон о введении упрощенной системы налогообложения (2003 г.) позволил сократить налоговую нагрузку на малый бизнес. Поправки в Таможенный кодекс упростили процедуру переправки товаров через границу. Либерализация рынка земли упростили ведение бизнеса фермерам и агрохолдингам. Поправки в Лесной кодекс способствовали образованию малых предприятий в лесопереработке. Меры по внедрению рыночного механизма в процесс исполнения ряда государственных функций стимулировали развитие соответствующих рынков для МСП, например в сфере кадастровых работ⁴⁰⁵. При этом региональные различия в институциональных условиях влияют на результативность политики. Например, положительное влияние указанных реформ на создание новых фирм (Yakovlev, Zhuravskaya, 2013) выявлено только для регионов с развитыми институтами публичного контроля, в частности наличием независимых СМИ⁴⁰⁶.

Россия в рейтинге *Doing Business* к 2020 г. поднялась на 28-е место со 123-го в 2010 г.⁴⁰⁷ (World bank, 2020) за счет продвижения по ряду формальных показателей (табл. 19.): разрешение на строительство, подключение к электросетям, регистрация предприятий, собственности. Но рейтинг не в полной мере отражает реальные условия ведения предпринимательской деятельности во всей стране; фактически его показатели относятся только к г. Москве и г. Санкт-Петербургу. По данным АСИ Россия в 2024 г. среди 50 сравниваемых стран оказалась одним из лидеров по условиям делового климата⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ Отдельные чиновники на местах могли создавать аффилированные структуры для предоставления госуслуг при получении лицензий, сертификатов и т. д. быстрее в сравнении с официальными процедурами. Речь может не идти о коррупции, но конфликт интересов налицо. Вероятно, поэтому уже в 2010-е гг. внедрение инвестиционного стандарта АСИ (Фрейнкман, Яковлев, 2014; Freinkman, Yakovlev, 2016), упрощавшего и ускорявшего основные процедуры для бизнеса, встретило определенное непонимание и противодействие бюрократии на местах.

⁴⁰⁶ Если местные СМИ подконтрольны главе региона, не заинтересованному в распространении негативной информации о регионе, населению и федеральным властям вряд ли удастся узнать о случаях коррупции, злоупотребления полномочиями, рейдерстве и проявлениях деструктивного предпринимательства. В тех же регионах, где свободные СМИ и гражданское сообщество играют значимую роль, например, в г. Москве, г. Санкт-Петербурге, в Томской области, власти более тщательно следят за выполнением реформ.

⁴⁰⁷ Для сравнения Россия в 2006 г. занимала 79-е место.

⁴⁰⁸ АСИ. URL: <https://asi.ru/news/202816/>.

Таблица 19 – Положение России в рейтинге «Ведения бизнеса»⁴⁰⁹ (*Doing Business*)

Показатели	Место в 2010 г.	Место в 2020 г.	Рост за 2010–2020 гг., позиций
Глобально	120	28	92
Подключение к системе электроснабжения	-	7	-
Регистрация собственности	45	12	33
Обеспечение исполнения контрактов	19	21	-2
Получение кредитов	87	25	62
Получение разрешений на строительство	182	26	156
Регистрация предприятий	106	40	66
Налогообложение	103	58	45
Защита миноритарных инвесторов	93	72	21
Международная торговля	162	99	63

Источник: World bank, 2020.

Для улучшения условий ведения бизнеса до 2024 г. реализован правительственный план «Трансформации делового климата» (ТДК), в т.ч. как часть так называемой «регуляторной гильотины». Большинство направлений в плане соответствует структуре рейтинга «Ведение бизнеса», расширяя и дополняя его. Эксперты, однако, критиковали план за отсутствие коренных изменений, в нем не были затронуты проблемы коррупционных рисков, рейдерства, силового давления на предпринимателей и др. Агентством стратегических инициатив (АСИ) для регионов разработан, внедрен и обновляется стандарт инвестиционной деятельности и соответствующий рейтинг инвестиционного климата⁴¹⁰. По последним доступным (доковидным) данным в России наблюдалась региональная дифференциация в скорости регистрации предприятий: так, например, в Московской области требовалось менее 8 дней, тогда как в менее развитых регионах в отдельные годы – более 15 дней, например в Калмыкии, Марий Эл, Дагестане, Чукотском АО, а среднее число процедур составляло от 3 до 5, хотя в некоторых странах требовалось выполнение лишь одной. Если максимально упростить условия онлайн-регистрации и закрытия предприятий без личного обращения, то возможно сократить время на эти процедуры с 11 дней до 0,5 дня, как в Новой Зеландии (Барина и др., 2020).

Высокая налоговая нагрузка увеличивает издержки ведения бизнеса и может уменьшить желание людей становиться предпринимателями (Djankov et al., 2010; Gentry, Hubbard, 2000). Для ее снижения для МСП были введены специальные налоговые режимы: упрощенная система налогообложения (УСН), патентная система налогообложения (ПСН)⁴¹¹, позднее – налог на профессиональный доход (НПД) для самозанятых. В то же время, внедрение онлайн-касс и повышение ставки НДС в 2019 г. привело к некоторому усилению недовольства налоговой политикой (рис. 34). В 2023 г. специальные налоговые режимы, в первую очередь – УСН,

⁴⁰⁹ Продвижение в рейтинге, оценивающим формальные условия ведения бизнеса, может не приводить к улучшению деловой среды из-за сохранения ограничивающих неформальных норм (Земцов, 2020; Барина и др., 2020), но в целом влияние на инвестиционную активность положительное (Картаев, Полунин, 2019).

⁴¹⁰ После 2020 г. рейтинг был закрыт Мировым Банком из-за возможных искажений результатов ряда стран.

⁴¹¹ В т.ч. патенты для иностранных граждан на ведение предпринимательской деятельности.

использовались подавляющим большинством субъектов МСП после отмены единого налога на вмененный доход (ЕНВД)⁴¹². По мере наблюдаемого усиления фискального контроля, включая внедрение онлайн-касс, часть бизнеса могла уходить в теневой сектор. Одновременно по мере внедрения новых технологий сокращались издержки на формирование и подачу отчетности, например снижалось число необходимых для этого человеко-часов (рис. 34)⁴¹³.

Ограничения налогово-бюджетной системы для развития сферы МСП: заметная централизация принятия решений о распределении бюджетных потоков, низкая бюджетная обеспеченность регионов и муниципалитетов, а также малая доля налогов, поступающих в муниципальные бюджеты от МСП. Это приводит к снижению заинтересованности местных властей в сокращении неформальной занятости и развитии сферы МСП (табл. 20) (Alexeev, Nabodaszova, 2012; Sobel et al., 2014; Бухарский, 2021). При этом местные власти активно привлекают предпринимателей к участию в местных инициативах (партиципаторное бюджетирование) и различным формам благотворительности⁴¹⁴. Предприниматели могут в меньшей степени быть заинтересованы в уплате налогов в федеральный центр из-за слабого участия в местном управлении.

Таблица 20 – Распределение налогов от МСП по уровням бюджетной системы в России

Налоги субъектов МСП	Распределение по уровням бюджетной системы
НДС, водный налог	Федеральный бюджет (ФБ) – 100%
Налог на прибыль организаций (20%)	3% от прибыли - ФБ, 0–17 % - региональный (РБ)
УСН (15% с доходов-расходы или 6% с доходов, 0% - отдельные случаи)	РБ – 100% (регион может установить нормативы отчисления в местные бюджеты (МБ))
Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) (0–6% с доходов-расходы)	МБ: гор. поселение – 50%; сел. поселение – 70%; межселенные территории – 100%; РБ – остаток
НПД (4% - для ФЛ, 6% - для ЮЛ)	ФБ – 37%; региональный бюджет – 63%
Налог на имущество организаций (до 2%), транспортный налог	РБ – 100%
Торговый сбор, земельный налог (до 1,5%), ПСН (0–6%)	МБ – 100%

Источник: Антонова и др., 2020.

⁴¹² Более выгодные налоговые режимы для микро- и малых предприятий и ИП могут приводить к дроблению более крупных фирм с целью налоговой оптимизации (Антонова и др., 2020). Механизм дробления заключается в формальном разделении одного хозяйствующего субъекта на несколько налогоплательщиков – подконтрольных взаимозависимым лицам – с последующим распределением на них выручки для соответствия условиям применения УСН. На практике сотрудникам ФНС РФ довольно сложно выделить и определить единые и понятные всем критерии дробления, хотя бизнес заинтересован в их появлении для снижения собственных рисков. Применение подобных методов налоговой оптимизации стало формальной причиной решения властей об отмене ЕНВД с 2021 г. несмотря на недовольство бизнес-сообщества.

⁴¹³ Внедрено освобождение от обязанности представления налоговой декларации субъектами МСП, применяющих УСН с объектом налогообложения в виде доходов и использующих контрольно-кассовую технику (онлайн-кассы). Автоматизированная система позволяет снижать издержки бизнеса за счет экономии на услугах бухгалтеров. Но в условиях недоверия предпринимателей к государству сами предприниматели предполагали рост нагрузки на бизнес из-за возможного большого числа ошибок и необходимости их исправления.

⁴¹⁴ Проведенные в 2022 г. полевые исследования в регионах России показывают, что практически все опрошенные предприниматели так или иначе участвовали в благотворительной деятельности: организация социальных мероприятий, сбор гуманитарной помощи, финансовая поддержка школ, колледжей, университетов и т. д.

Создание территорий с преференциальными условиями для развития МСП не везде приводило к запланированному росту инвестиционной и предпринимательской активности (Зайцев, 2020). Только в г. Санкт-Петербурге, Республике Татарстан («Алабуга»), Липецкой и Самарской (ОЭЗ «Тольятти») областях, в регионах с благоприятным деловым климатом, ОЭЗ оказались успешны. Но есть признаки эффекта замещения, когда число малых предприятий в муниципалитете с ОЭЗ росло за счет перетока из соседних регионов, а общее число в регионе могло даже сокращаться из-за конкуренции (Герцовский, Земцов, 2023). При этом есть большие недостатки в сборе статистических данных, не позволяющие в полной мере проследить все эффекты. Портовые ОЭЗ создавались не в тех регионах, где были наибольшие возможности для развития трансграничной деятельности малого бизнеса (торговли, транспортировки), например в удаленной от зарубежных рынков Ульяновской области. Впрочем, в развитых регионах создание ОЭЗ могло повышать производительность предприятий (Pushkarev et al., 2024).

В России значимым административным барьером для развития МСП ранее считались проверки предприятий контрольно-надзорными органами⁴¹⁵: ФНС, МЧС, Роструд, Ростехнадзор, Росприроднадзор и др. Сохраняется проблема избыточности и противоречивости ряда требований, в частности нет единого реестра, описывающего их конечный набор⁴¹⁶. Более 40% хозяйствующих субъектов несли административные издержки, связанные с доступом к информации о проверках (Добролюбова и др., 2017), и соответственно часто не знали требований до выявления нарушения⁴¹⁷. Впрочем, общее число проверок за последние 15 лет многократно сократилось, сохраняется мораторий⁴¹⁸ на проверки большей части малого бизнеса. Для примера если в 2011 г. на десять предприятий МСП (включая ИП) приходилось 8 проверок, то к 2018 г. этот показатель снизился приблизительно в три раза (Антонова и др., 2020), а к 2023 г. – стал еще ниже. Но есть региональные различия (Антонова и др., 2020), в ряде регионов растет число не входящих в статистику рейдов, осмотров, административных расследований и других форм проверок, которые не учитываются статистикой. Согласно рейтингу инвестиционного климата АСИ среднее число запрошенных не предусмотренных к обязательному представлению по закону документов на фирму в год варьируется в регионах России от почти нуля до 5; доля компаний, столкнувшихся со случаями коррупции со стороны органов власти или естественных

⁴¹⁵ В доковидный период плановые проверки проходили на 93,6% опрошенных предприятиях (РСПП, 2017), а внеплановые – на 54,2%. Среди респондентов, столкнувшихся с проверкой налоговой инспекцией, 59% считали, что она мешает работе предприятия. Ранее в отдельных случаях проверки могли использоваться как инструмент давления на бизнес (Яковлев, 2012).

⁴¹⁶ В рамках мероприятий по «Трансформации делового климата» проводилась актуализация и исключение неконкретных требований с участием объединений предпринимателей, разрабатывались проверочные листы.

⁴¹⁷ При этом при разрешении конфликта между предпринимателем и государством в суде вероятность выигрыша первого невысока (Титаев и др., 2014).

⁴¹⁸ С 2016 по 2018 г. был введен мораторий на проведение плановых проверок малого бизнеса. Мораторий продлен в кризисных условиях 2020 г. и 2022 гг.

монополий, различается от 12% до 50%. Хуже институциональные условия в ряде регионов Северного Кавказа, Центрального Черноземья, более благоприятные – в крупнейших агломерациях страны с развитым публичным контролем. С 2021 г. смягчены штрафные санкции: за первое правонарушение – предупреждение.

В 2015 г. в рамках реализации Стратегии развития МСП до 2030 г. была создана Корпорация МСП⁴¹⁹, во многом ориентированная на предоставление финансовых мер поддержки: кредиты, гарантии по кредитам и др. Корпорация проводит мониторинг, но не оценивает эффективность мер поддержки. При этом у Корпорации МСП в отличие, например, от ее американского аналога (SBA)⁴²⁰, нет сети региональных представительств с «мягкими» сервисами, которые бы лучше учитывали местную специфику при адресной поддержке. Некоторым аналогом последних стали центры «Мой бизнес». В рамках специализированного нацпроекта расширены многие инструменты⁴²¹, включая льготное кредитование и создание гарантийной системы (Кудрин и др., 2021; 2022). Создание кредитно-гарантийной системы с привлечением банков к оценке потенциальных заемщиков улучшало институциональную среду в сравнении с выделением прямых субсидий со стороны региональных властей, что могло приводить к описанным ранее негативным эффектам. Реальная процентная ставка кредита для МСП сокращалась с 2017 г. по 2021 гг.; в 2022 г. при существенном росте ключевой ставки Банка России⁴²² средневзвешенное значение для субъектов МСП росло медленнее, чем для экономики в целом (рис. 34). Для стартапов важно привлечение венчурных инвесторов, но за исключением г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, венчурная индустрия развита слабо.

В целом господдержкой в 2018–2019 гг. было охвачено около 2–3% всех субъектов МСП, но лишь 50% поддержанных компаний улучшили свои показатели (Антонова и др., 2020). Из опрошенных РАНХиГС представителей МСП в 2018 г. лишь 9% обращались к программам господдержки, остальные объясняли свое неучастие отсутствием доступа к информации (92%), малыми суммами поддержки (51%), недоверием государству (45%) и чрезмерной отчетностью (34%) (Барина и др., 2023).

⁴¹⁹ АО «Федеральная корпорация по развитию МСП»/ URL: <https://corpmsp.ru/about/deyatelnost/>.

⁴²⁰ Small Business Administration – Управление по делам малого бизнеса США.

⁴²¹ Для упрощения и автоматизации поиска мер поддержки создан портал «МСП.РФ».

⁴²² Инфляционное таргетирование, например повышение базовой ставки кредитования с целью снизить инфляцию в России в 2022 и 2024 гг., может создавать условия для роста затрат бизнеса (Сухарев, 2020) и снижения производства новых товаров и услуг (предложения), особенно в странах со слабо развитыми финансовыми институтами (Картаев и др., 2016). Бизнесу становится труднее взять кредит и обслуживать долг; предприниматели сокращают иные расходы, сосредотачиваются на наиболее прибыльных направлениях, сворачивают инвестпрограммы и штат. Население при этом не готово увеличить норму сбережения, т. к. не доверяет банкам и опасается обесценивания денежных средств. Сжатие предложения товаров и услуг на фоне растущего спроса из-за роста зарплат на трудоемком рынке может вести к новому витку роста цен. Для сравнения в Китае снижение ставки и увеличение госрасходов не ведут к росту инфляции, что может объясняться более высокой долей средств, идущих на инвестиции и расширение основного капитала (Маевский и др., 2016). Последнее может быть связано с большей долей предпринимателей (примерно в 2 раза выше, чем в России), способных быстро расширять предложение и экспортировать товары и услуги при высокой норме сбережений, поощряемой культурой бережливости.

Расширение спроса

В последние годы снижается доля предпринимателей респондентов, отмечающих нехватку внутреннего спроса как барьера развития малых производственных компаний (рис. 34), особенно после ухода из России ряда иностранных компаний и переориентации спроса на отечественные продукты и услуги (п. 5.3). Одним из инструментов поддержки спроса для субъектов МСП традиционно является увеличение доступного им объема и позиций госзакупок. В 2016 г. была создана система контроля обеспечения доступа субъектов МСП к закупкам крупнейших заказчиков, определена и повышалась доля в госзакупках, обязательно выделяемая малым и средним предприятиям. Одновременно были снижены требования к закупочной документации и финансовые обязательства участников, внедрены цифровые технологии (электронные торги). Объем закупок компаний с госучастием у субъектов МСП составил 8 трлн руб. в 2023 г.⁴²³ Минимальная доля закупок по 223-ФЗ у МСП с 2023 г. года установлена на уровне 25% от общей суммы договоров. Но с ростом объемов госзакупок в доковидный период выросла и сумма соответствующих нарушений, выражающихся в основном в завышении стоимости контрактов и невыполнении требований по приемке и оплате работ⁴²⁴. В то же время увеличился объем сэкономленных государством средств при проведении торгов. Существует риск участия субъектов МСП, аффилированных с крупными компаниями (Блохин, Глухов, 2024), хотя по данным Корпорации МСП⁴²⁵ доля таких сделок не превышает 0,3%. При этом в России, в отличие от ряда зарубежных стран, почти отсутствует приоритизация госзакупок с точки зрения государственных, региональных целей и социально значимых групп МСП.

Трансформация рынков труда

Одним из наиболее заметных результатов политики в сфере МСП следует считать сокращение неформального сектора в большинстве регионов России за счет легализации самозанятых (рис. 34). Для этого ФНС РФ в пилотных регионах внедрен наиболее упрощенный и щадящий налоговый режим – налог на профессиональный доход с разработкой и внедрением соответствующего мобильного приложения. На конец 2024 г. в приложении зарегистрировано более 7 млн физических лиц – плательщиков нового налога⁴²⁶ во всех регионах страны; 85% из них ранее не вели официальную предпринимательскую деятельность. Но часть из них могут быть результатом перетока из субъектов МСП для снижения издержек.

⁴²³ Корпорация МСП. URL: https://corpmsp.ru/pres_slujba/news/belousov_goskompanii_zakupili_u_malogo_biznesa_tovary_i_uslugi_na_rekordnye_8_trln_rubley_v_2023_god/.

⁴²⁴ Счетная Палата Российской Федерации. URL: http://www.ach.gov.ru/activities/annual_report/951/ ПБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b>.

⁴²⁵ Корпорация МСП. URL: https://corpmsp.ru/pres_slujba/news/korporatsiya_msp_proanalizirovala_affilirovannost_krupneyshikh_zakazchikov_s_pos_tavshchikami_iz_malo/.

⁴²⁶ По данным ФНС России. <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html>.

Сокращение бюджетной занятости и рабочих мест на крупных предприятиях может стимулировать вынужденное предпринимательство и самозанятость. Первое происходило в 2010-е гг. в результате целенаправленной политики по оптимизации бюджетных учреждений. А второе – в результате повышения производительности труда на крупных предприятиях за счет автоматизации, внедрения новых технологий⁴²⁷ (Zemtsov et al., 2020); многие бывшие работники пополняли ряды предпринимателей: водители такси, торговцы, ремонтники и прочие. Внедрялись меры по обучению предпринимательству высвободившихся кадров на основе Центров занятости и обеспечению стартовым капиталом. В России подобная политика реализовывалась ранее в моногородах (Замятина, Пилясов, 2016). О негативных эффектах создания массового бизнеса уже говорилось (см. 5.1).

Для роста занятости внедрялись меры акселерации малых компаний за счет создания во многих регионах индустриальных парков, предоставления льготных кредитов на расширение основных фондов, лизинговой поддержки и пр.⁴²⁸. Разработаны программы выявления и поддержки быстрорастущих фирм – потенциальных национальных чемпионов (Медовников и др., 2016), создающих значительное число новых рабочих мест. Создаются стимулы для предпринимательской деятельности незанятых групп граждан: молодежное, «серебряное», женское предпринимательство за счет сниженных налогов для социальных предприятий и иных преференций, в частности при предоставлении муниципального имущества.

С 2022 г. проблема низкой занятости и соответственно относительная обеспеченность субъектов МСП кадрами сменилась существенным дефицитом, особенно среди более квалифицированных специалистов, которых трудно заменить мигрантами. При этом риски высоки в большинстве регионов из-за долгосрочных демографических тенденций, в т. ч. низкой рождаемости в 1990-е гг.: рабочая сила будет сокращаться в течение многих лет.

Привлечение предпринимателей

Привлечение предпринимателей в регион требует не только высокой заработной платы, но и набора иных местных благ, повышающих комфортность проживания (Ullman, 1954; Varinova et al., 2022). Недаром усилия властей многих регионов направлены на городское благоустройство, в т.ч. создание предпринимательских пространств, включая пешеходные торговые улицы. Аналоги столичного Арбата⁴²⁹ появились к 2024 г. во многих региональных центрах России. АСИ предложило использовать метод соучаствующего проектирования, предполагающий активное

⁴²⁷ Например, на «АвтоВАЗе» численность сотрудников сократилась со 125 тыс. чел. перед кризисом 2008 г. до 33 тысяч в 2021–2022 гг., затем начала расти. Процесс высвобождения кадров ускорился в 2014–2016 гг., когда происходила модернизация и автоматизация большинства процессов, преимущественно за счет иностранных технологий и по инициативе зарубежных инвесторов компании.

⁴²⁸ Федеральный проект «Акселерация субъектов МСП». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/akseleraciya_subektov_msp/.

⁴²⁹ Например, Большая Покровская улица в Нижнем Новгороде, ул. Урицкого в Иркутске, Почтовая ул. в Рязани.

вовлечение жителей, бизнеса и экспертов при создании или реновации торгово-пешеходных улиц. Ревитализация заброшенных зданий и промзон – один из инструментов пропредпринимательского городского планирования⁴³⁰.

Накопление предпринимательского капитала

Недооценена роль университетов как источника предпринимательской инициативы. Большинство студентов вузов в России хотели бы стать предпринимателями (Shirokova et al., 2016), а около 17 % ранних предпринимателей в России – люди 18–24 лет⁴³¹. Предпринимательское образование, способствующее повышению компетенций и возможностей потенциальных предпринимателей, медленно распространяется в России (Чепуренко, 2017; Духон и др., 2018). Системная работа по обучению студентов предпринимательским навыкам ведется только в отдельных университетах, например в МФТИ (Cherurenko et al., 2019). Преподавателями и руководством большинства вузов предпринимательские функции воспринимаются как инородные⁴³² (Чепуренко, Сутормина, 2024). Проблемой является и неготовность и/или неспособность работников вузов создавать бизнесы, проводить соответствующие консультации для студентов; нет должного внимания к подготовке и стимулированию научно-преподавательского состава. В вузах России функционирует множество инициатив⁴³³, но администрации вузов не во всем готовы учитывать интересы команд начинающих предпринимателей. Университеты в регионах России ориентированы преимущественно на образовательные функции с недостаточным уровнем НИОКР (п. 4.3). Среди университетов-лидеров по предпринимательскому потенциалу: МГУ им. Ломоносова, МГТУ им. Н.Э. Баумана и МФТИ. Обособленность университетов от предпринимательской экосистемы регионов (Cherurenko et al., 2019), в частности, невозможность использования инфраструктуры вузов предпринимателями регионов, снижает эффективность университетской экосистемы. Федеральный закон №217 от 02.08.2009 был призван облегчить использование университетской собственности для создания малых инновационных предприятий (МИП). Но сохраняются риски

⁴³⁰ Но переход от менеджеральной модели управления городом как набором услуг к предпринимательской (Harvey, 1989), ориентированной на развитие и привлечение инвесторов и предпринимателей, в России ограничен слабыми возможностями городских бюджетов и почти повсеместным отсутствием прямых выборов мэров.

⁴³¹ SBS. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/be8/be86d6fca345e0a53e8efcc8907dd2c9.pdf>.

⁴³² Первые попытки внедрить предпринимательские курсы, взаимодействие с бизнесом в других странах, например в США, также приводили к конфликтам и противодействию со стороны академических сотрудников. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы в ведущих вузах сформировалась соответствующая культура: Стэнфордский университет, Массачусетский технологический университет в США, или позднее – Кембриджский университет в Великобритании.

⁴³³ Техпред-50: рейтинг университетов-лидеров технологического предпринимательства 2024. URL: <https://expert-ural.com/analytics/ratings/tehpred-50-reyting-universitetov-liderov-tehnologicheskogo-predprinimatelstva-2024.html#тренды>. 15 научно-образовательных центров; 38 центров трансфера технологий; 80 инжиниринговых центров; 50 передовых инженерных школ; 24 центра компетенций НТИ; 17 центров инженерных разработок, 12 инновационных научно-технологических центров (ИНТЦ). При реализации эксперимента в рамках «Платформы университетского технологического предпринимательства», ориентированный на раскрытие предпринимательского потенциала молодежи, было запущено 22 стартап-студии в 19 регионах страны, 60 предпринимательских точек кипения в 44 городах, 302 акселерационные программы, 17 кампусов мирового уровня.

для предпринимателей: неточности при использовании бюджетных средств могут стать основанием для судебного преследования. Многие МИПы создавались для отчётности и не преследовали бизнес-целей. По статистике максимальное число МИПов было создано в 2011 г. – 376, но постепенно оно снижалось (рис. 29, п. 3.4).

Поощрение инноваций

Значимой для развития массовых интернет-бизнесов было решение властей в 1990-е гг. о выделении частот сотовой радиосвязи в регионах на основе конкурсов, в т.ч. за счет передачи частот от силовых структур⁴³⁴. Это привело к конкуренции и созданию нескольких крупных глобальных компаний, впоследствии повысило доступность мобильного интернета, косвенно стимулировало распространение цифровых технологий и предпринимательской активности⁴³⁵. Схожее влияние на рынок геоинформационных, метеорологических и космических услуг⁴³⁶ оказало снижение секретности картографических данных.

Для поддержки высокотехнологичных компаний во второй половине 2000-х гг. в регионах России введено большое число инструментов: расширил свою деятельность в регионах Фонд содействия инновациям (ФСИ)⁴³⁷ и другие институты развития (Земцов и др., 2019) на каждой стадии инновационного цикла (табл. 31, п. 6.1), расширена инновационная инфраструктура: успешными в ряде регионов инструментами стали инновационные и промышленные кластеры⁴³⁸ (Kutsenko et al., 2015), ОЭЗ технико-внедренческого типа и индустриальные парки. В большинстве регионов эти меры пока оказывают недостаточное влияние на стартап активность (Yusupova, Ryazantseva, 2022; п. 4.3). Например, лишь 7% малых компаний осуществляли инновационную деятельность, хотя в сравнимых по условиям постсоветских странах Восточной Европы эти значения в разы выше. Число технологических стартапов в России в целом снижалось: в 2020 г. темпы снижения замедлились благодаря росту числа ИТ и медицинских компаний, а в 2022 г. наблюдался некоторый рост, так как было внедрено большое число мер, в т.ч. поддержки ИТ-сектора.

⁴³⁴ В некотором смысле расширение доступа было движением к инклюзивным институтам.

⁴³⁵ Россия – один из лидеров по соответствующим показателям согласно Глобальному инновационному индексу. URL: <https://www.wipo.int/web/global-innovation-index>. Предпринимательские достижения современной России: цифровые экосистемы (МТС, «Билайн», Мегафон, Т-Банк, Яндекс, Сбер и др.), национальная система интернет-поиска (Яндекс), антивирусная защита (Касперский, Доктор Веб), социальные сети и мессенджеры (Telegram, VK, OK), маркетплейсы (Вайлдберриз, Ozon, ЯндексМаркет, Avito) и др.

⁴³⁶ Возникли компании «СКАНЭКС», «Геоскан», 2GIS, SmartLoc, «Фобос» и многие другие.

⁴³⁷ Если в регионе поддержка ФСИ на 1% выше, чем в остальных, то плотность технологических стартапов в среднем может быть на 0,2% выше при прочих равных условиях согласно дополнительным регрессионным расчётам. В среднем по регионам отношение грантополучателей ФСИ и всех новых частных высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой составляет около 14% за 2015–2023 гг. Выручка всех поддержанных с 2015 г. ФСИ компаний в 2023 г. соответствует 0,37% ВВП, а их прибыль составляет около 0,25% прибыли всех компаний страны, что следует считать заметным вкладом в экономику страны. В 2024 г. среди опрошенных РАНХиГС малых технологических компаний 65% получали поддержку ФСИ.

⁴³⁸ Например, Камский инновационный территориально-производственный кластер «Иннокам» в Татарстане (автомобилестроение), судостроительный кластер Архангельской области, аэрокосмический кластер Самарской области, ИНО Томск в Томской области.

Поддержка в периоды внешних шоков

В периоды внешних шоков, таких как глобальные кризисы, пандемии или санкции, персистентность предпринимательской активности может быть нарушена. Требуются меры государственного вмешательства, т.к. в условиях недостаточного предпринимательского капитала в большинстве регионов России, потеря большого числа конструктивных предпринимателей может иметь существенные негативные долгосрочные последствия для экономического развития⁴³⁹. Меры поддержки следует разделить на краткосрочные и долгосрочные (Земцов и др., 2020; Коломак, 2020; Барина и др., 2020; 2022; Виленский, 2020b; Кузнецова, 2020; Кузнецова, 2021; Кузнецова, 2022; Гришина, Полянев, 2020; Барина и др., 2023). Краткосрочные меры, которые вводились во многих странах и в России⁴⁴⁰, призваны сгладить прямые негативные последствия экономических шоков, в частности падение выручки субъектов МСП. Так, весной - летом 2020 года в период распространения коронавирусной инфекции и внедрения противоковидных мероприятий, ограничивающих возможности ведения бизнеса, Правительство России предложило комплекс мер поддержки МСП (Мау и др., 2020): отсрочка налоговых и страховых выплат, освобождение от налогов на II квартал, снижение страховых выплат, отсрочка по кредитам и их реструктуризация, кредитные каникулы для ИП, льготная аренда помещений, находящихся в госсобственности, финансовая поддержка и беспроцентные ссуды на возмещение заработной платы, мораторий на налоговые проверки, автоматическое продление всех лицензий и разрешений, введение моратория на банкротства⁴⁴¹. Многие меры носили временный характер и давали отложенный эффект, так как любые отсрочки бизнесу придется когда-то покрывать, что могло повышать риски падения их финансовой стабильности в посткризисный период. В то же время высоки были риски поддержки различных хищнических форм предпринимательства, что могло исказить мотивацию и структуру предпринимательских сообществ.

Поэтому власти стремились выделить приоритетные группы поддержки в условиях почти ежедневных изменений. Для этого был предложен список наиболее пострадавших от кризиса отраслей, предполагавших прямое личное общение с клиентами, ограниченное в условиях пандемии: транспорт, культура, развлечения, спорт, туризм, общественное питание, образование, бытовые услуги, здравоохранение, розничная торговля, СМИ. Но определение отраслей по кодам

⁴³⁹ Создание бизнеса требует существенных усилий, преодоления барьеров, но его закрытие в результате внешних, не зависящих от предпринимателей, факторов может быть моментальным.

⁴⁴⁰ Спасение предпринимателей: какие меры помощи вводят правительства стран Европы, США и России в условиях кризиса. URL: <https://vc.ru/finance/114412-spasenie-predprinimateley-kakie-mery-pomoshchi-vvodyat-pravitelstva-stran-evropy-ssha-i-rossii-v-usloviyah-krizisa>.

⁴⁴¹ Законопроект №931192-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».

ОКВЭД⁴⁴² имело свои недостатки. Обращаясь за поддержкой, у компаний возникали проблемы с ее получением, если их первый код ОКВЭД не входил в список, а реальная деятельность велась в пострадавшей сфере, возможны были и обратные ситуации. Позже список кодов ОКВЭД стал регулярно обновляться. Но при должном уровне цифровизации экономики⁴⁴³ было бы возможным и целесообразным сразу установить единый критерий для получения антикризисной поддержки конкретными компаниями⁴⁴⁴, например, исходя из процента снижения выручки. Впоследствии обсуждалась реформа системы ОКВЭД, чтобы реальные виды деятельности верно отражались в статистике. Поддержку могли получить только компании из Единого реестра субъектов МСП ФНС России. До кризиса 2020 года некоторые компании не попадали в реестр, т.к. не обращались за поддержкой и предпочитали не сдавать годовые отчеты о средней численности сотрудников. Весной 2020 года компаниям разрешили досдать эти отчеты и использовать дополнительные коды ОКВЭД.

Приостановка проверок в середине марта 2020 года снизила административную нагрузку и число потенциальных личных контактов. В то же время был введен ряд новых санитарно-эпидемиологических требований, предполагающих дополнительную дезинфекцию и соблюдение дистанции, поэтому в целом снижения административной нагрузки не произошло. Чтобы компенсировать внезапные затраты, были введены субсидии на дезинфекцию и профилактику. Мораторий на проведение проверок действует до сих пор.

Ускоренная цифровизация госуслуг сыграла важную роль в оперативном предоставлении господдержки в периоды экономических изменений. Ранее неоднократно предпринимались попытки создания «единого окна» по всем мерам поддержки для МСП. Ближе всего к решению этой проблемы подошел портал «МСП.РФ», который пока не включает все региональные меры. Более ранние версии характеризовались быстрым устареванием данных, слабым охватом отдельных ведомств, что снижало востребованность системы.

Наиболее важные оперативные меры касались поддержки спроса, что было обеспечено косвенно за счет субсидий беднейшим слоям населения, семьям с детьми, безработным, а также за счет увеличения закупок крупнейших компаний. Субсидии и беспроцентные ссуды на выплату заработной платы были направлены на поддержание стабильной занятости.

В 2020 г. в России создан Единый реестр субъектов МСП – получателей поддержки⁴⁴⁵ ФНС России. Общая помощь субъектам МСП в 2020 г. в России превысила 434,2 млрд руб., что

⁴⁴² Основной классификатор видов экономической деятельности.

⁴⁴³ С введением онлайн-касс появилась возможность фиксировать доходы компаний оперативно, но мощности серверов ФНС РФ, особенно в регионах, не позволяли быстро обрабатывать столь значительный поток информации. Но подобную работу мог осуществлять Сбер, владеющий производителем онлайн-касс «Эвотор».

⁴⁴⁴ Как это было сделано для поддержки физических лиц.

⁴⁴⁵ <https://rmsp-pp.nalog.ru/>. Ранее существовали многочисленные разрозненные источники информации, что не позволяло в полной мере оценивать работу Правительства России в этой сфере.

составило около 13% от антикризисного плана (доля МСП в ВВП на тот момент 20,8%), из них 177,3 млрд руб. — банковские гарантии и поручительства (40,8%) (Барина и др., 2022а). Федеральная прямая помощь выросла в 8 раз в сравнении доковидным периодом 2019 г., когда не было режима самоизоляции. Удельная поддержка составила около 41 тыс. руб. на один субъект МСП, или 6 тыс. руб. на каждого работника, а в расчете на одно поддержанное предприятие — 160 тыс. руб. В 2020 г. всеми формами поддержки было охвачено более 22,4% субъектов МСП против 2–3% в 2018 г., 0,9% в 2019 г. (Антонова и др., 2020). Охват в 2021 г. снизился до 0,5% на середину 2021 г., то есть вернулся на уровень 2019 г. Объем финансовой помощи составил 37,5% от налоговых поступлений от субъектов МСП по специальным налоговым режимам в 2015–2019 гг.⁴⁴⁶

В период санкционных шоков в 2022 г. — первой половине 2023 г. финансовые меры господдержки субъектов МСП составили около 931,4 млрд руб., что в 1,7 раза больше, чем в период коронакризиса, но более 83% — это косвенные меры: банковские гарантии и поручительства. Производственный малый бизнес требовал больших усилий и ресурсов для переориентации потоков, был наиболее важным с точки зрения импортозамещения, поэтому расширилась линейка поддержки, например через Фонд развития промышленности, промышленную ипотеку и т. д., но одновременно снижался охват получателей поддержки (до 6,3%). Большую роль сыграл рост доходов населения за счет увеличения зарплат, пособий, социальных расходов (Земцов и др., 2023). Такой же эффект имели общее переориентирование экономики на импортозамещение, увеличенное финансирование госпроектов и рост инвестиций (бюджетный стимул). Разрешение параллельного импорта вместе с распространением торговых онлайн-платформ могло стимулировать развитие малого бизнеса, особенно в регионах, соседствующих с дружественными странами, в связи с переориентацией потоков товаров.

Для ИТ-предпринимательства подготовлен большой пакет мер, затронувший практически все составляющие делового климата: доступ к рынкам — продажи отечественного программного обеспечение освобождаются от НДС (Громов, 2022); доступ к капиталу — льготные кредиты, гранты, в т.ч. ФСИ; нулевой налог на прибыль до конца 2024 г.; привлечение кадров и изменение условий на рынке труда — снижены страховые взносы с 14% до 7,6% для ЮЛ, снижена ставка по УСН, могут привлекаться иностранные работники; для сотрудников доступна льготная ипотека. Технологически развитые регионы также вводили меры поддержки. Например, в Московской области в 2 раза снижены ставки аренды, налога на имущество и земельного налога.

⁴⁴⁶ Некоторые эксперты заявляли, что нужно поддерживать субъекты МСП согласно ранее уплаченным ими налогам для соблюдения социальной справедливости. Рассматриваемое соотношение в республиках Крым, Алтай, Курганской области — выше 100%, то есть субъектам МСП выделялась поддержка, превышавшая налоговые поступления от них за предыдущие 5 лет. Менее 20% получили бизнесы нескольких регионов: Московская, Сахалинская, Мурманская области, г. Москва, Камчатский край, Чукотский АО, Ингушетия.

5.3. Оценки влияния государственной политики на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России

Обзора исследований и анализа статистических индикаторов недостаточно для оценки влияния государственной политики на конструктивную предпринимательскую активность. Доказательная (научно-обоснованная) политика требует более точных расчетов и оценок влияния господдержки, особенно в периоды внешних шоков, когда она растет.

В соответствии с результатами п. 5.1 и 5.2 проверялось несколько гипотез:

1. Высокое налогообложение – один из главных барьеров развития МСП согласно результатам опросов предпринимателей (рис. 34, п. 5.2), поэтому их снижение в отдельных регионах должно вести к региональному перераспределению и открытию новых компаний⁴⁴⁷.

2. Преференциальные территории, такие как ОЭЗ, стимулируют рост числа субъектов МСП вне кризисных периодов, хотя возможны и негативные эффекты замещения (см. п. 5.1). Многие ОЭЗ создавались в регионах с благоприятной институциональной средой, поэтому значимость переменной может быть низка с учетом контроля на различия в инвестклимате.

3. Прямая государственная поддержка субъектов МСП могла не влиять на плотность и динамику малого бизнеса из-за описанных в п. 5.1 негативных экстерналий такой поддержки и низкого охвата субъектов МСП вне периодов внешних шоков.

4. В регионах, где создавались условия для улучшения инвестиционного климата, снижавшие издержки малых предприятий, вероятность сохранения предпринимательской активности в кризисный период выше, в т.ч. благодаря накопленным местными предприятиями ресурсам, привлекательности регионов для внешних инвесторов.

5. В период внешнего шока пандемии основным фактором гибели МСП в регионе была особенность его отраслевой структуры, связанная с преобладанием наиболее потенциально подверженных карантинным мерам отраслей; противозидемиологические меры, вводимые региональными властями, могли усиливать этот эффект, а господдержка субъектов МСП с ускоренной цифровизацией бизнесов и госуслуг – снижать.

6. В период шока санкционных ограничений пострадало МСП в регионах, где преобладали хозяйственные связи со странами, ведущими недружественную политику⁴⁴⁸, но освобождение рынка ушедшими иностранными компаниями, а также существенный бюджетный стимул, должны были нивелировать негативные последствия санкций.

⁴⁴⁷ Пример – активный рост субъектов МСП в Калмыкии после снижения региональной части налогов (см. п. 3.1). За пределами рассмотрения остается вопрос о месте реальной деятельности зарегистрированного предприятия.

⁴⁴⁸ Страны, осуществляющие санкционные и иные подобные действия, все чаще в научной литературе называют недружественными (Zemtsov, 2024), причем в России этот термин получил официальный нормативно-правовой статус. См. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р, 2022.

*Налоговые льготы как инструмент региональной политики*⁴⁴⁹

Проверялась значимость основных мер госполитики в сфере предпринимательской деятельности в России, имеющих региональную специфику, в относительно стабильный период 2008–2018 гг. Использовалась модель (п. 4.1), в которой основные региональные характеристики выполняли роль контрольных переменных (табл. 21) (Zemtsov et al., 2022d).

Таблица 21 – Описание основных переменных для оценки влияния государственной политики.

Факторы	Переменные	Источник	Возможное влияние
Новые технологии	Доля населения с доступом к интернету, %	Росстат	+
Рынок труда	Уровень безработицы, %	Росстат	-
Спрос на услуги МСП	Доходы населения за вычетом прожиточного минимума (ПМ), тыс. руб.	Расчеты	+
	ВРП на душу населения год назад, млн руб.	Росстат	+
Институциональные условия и государственная политика	Индекс обеспеченности банковскими услугами	Банк России	+
	Число преступлений на 100 тыс. чел.	Росстат	-
	Налоговые льготы на 1 организацию, тыс. руб.	ФНС РФ	+
	Налоговые каникулы для малых фирм (1 - есть, 0 - нет)	ФНС РФ	+
	Число выездных налоговых проверок на 1 организацию	ФНС РФ	-
	Наличие региональных льгот по УСН (1 - есть, 0 - нет)	ФНС РФ	+
	Число особых экономических зон в регионе	Расчеты автора	+
Агломерационные эффекты и размер рынков	Плотность населения, чел. на кв. км	Росстат	+
	Объем доступных рынков, млрд руб.	Земцов и др., 2019	+

Источник: составлено автором.

Описанные ранее закономерности подтвердились (п. 4.1): положительно влияют высокий спрос и благоприятная институциональная среда, значима роль цифровизации экономики и агломерационных эффектов в росте плотности малых предприятий (табл. 22).

В соответствии с гипотезой 1 усилия региональных властей по снижению налоговой нагрузки в рамках бюджетного федерализма являются значимым фактором роста числа малых предприятий. В регионе с налоговыми каникулами плотность малого бизнеса выше на 0,11%, а увеличение суммы налоговых льгот на одну фирму на 1% может привести к увеличению плотности малых фирм на 0,02%. Во втором случае хотя льготы преимущественно направлены на крупные компании, их привлечение может влиять на создание малых бизнесов за счет расширения потенциальных рынков.

Влияние административной (регуляторной) нагрузки неоднозначно. Так, число выездных проверок ФНС России значимо не влияет на плотность малого бизнеса, если учесть уровень

⁴⁴⁹ Частично использованы материалы статей автора диссертации с его соавторами: Zemtsov S., Tsareva Y., Barinova V., Belitski M., Krasnoselskikh A. N. Small business in Russia: institutions, market potential, taxes and digitalization // Post-Communist Economies. 2022. 34(8). P. 1029-1053; Барина В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. 2018. Т. 6. С. 92–116. Tsareva Y., Zemtsov S., Barinova V. Regional institutions and small business in Russia // Unlocking Regional Innovation and Entrepreneurship: The Potential for Increasing Capacities. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 157–184.

цифровизации и качество регуляторной среды благодаря снижению числа таких проверок и издержек бизнеса (рис. 34, п. 5.2)⁴⁵⁰. Отрицательное влияние выявлено лишь в случае недоучета указанных переменных (Zemtsov et al., 2022).

Вторая гипотеза не подтверждается с учетом различий в институциональных условиях регионов (табл. 22, модель 3). Наличие ОЭЗ может играть положительную роль в росте числа субъектов МСП (модель 2), но это влияние незначимо, если учесть доступность капитала и уровень инвестиционных рисков (преступность), т.к. наиболее эффективные ОЭЗ уже создаются в регионах с оптимальными условиями (Виленский, 2020а; Зайцев, 2020). Кроме того, возможно влияние упоминавшихся эффектов переноса, когда предприятия в других муниципалитетах закрывались, перерегистрировались в ОЭЗ (Герцовский, Земцов, 2023).

Таблица 22 – Результаты оценки влияния государственной политики на распространенность конструктивной предпринимательской активности в регионах России.

83 региона, 2008–2018 гг. ФЭ (модель 1), СЭ (модели 2–4). Все переменные логарифмированы					
Факторы	Переменные	1	2	3	4
Новые технологии	Доля населения с доступом к интернету, %			0,16***	0,17***
Рынок труда	Уровень безработицы, %		-0,4		
Спрос на услуги МСП	Доходы населения за вычетом ПМ, тыс. руб.	0,45***		0,0001**	0,0001**
	ВРП на душу населения год назад, млн руб.		0,34***	0,25***	0,26***
Институциональные условия и государственная политика	Индекс обеспеченности банковскими услугами	0,27***		0,48***	0,48***
	Число преступлений на 100 тыс. чел.	-0,24***		-0,15*	-0,18**
	Налоговые льготы на 1 организацию, тыс. руб.	0,01*		0,02*	0,02*
	Налоговые каникулы для малых фирм		0,18***	0,11***	0,11***
	Наличие региональных льгот по УСН		0,02***	0,02	
	Число ОЭЗ в регионе		0,1**	0,06	
	Выездные налоговые проверки на 1 организацию	-0,03			
Агломерационные эффекты	Плотность населения, чел. на кв. км	0,0...	0,0001***	0,0001***	0,0001***
	Константа	-0,4	1,8***	2,01***	2,06***
	Within R ²	0,55	0,41	0,54	0,54

Источник: составлено автором. Подробнее см. Zemtsov et al., 2022.

Примечание: знаком «*» показаны р-значения: * - 0,1, ** - 0,05, *** - 0,01.

Третья гипотеза о незначимости влияния субсидий в доковидный период подтверждается (рис. 34, п. 5.2). Влияние господдержки, оказанной субъектам МСП Минэкономразвития России через субсидии из федерального в региональные бюджеты, на предпринимательскую активность не установлено (Приложение А.3, модель 9). Это может быть связано с тем, что слабым регионам оказывается большая поддержка. На рис. 35 заметна отрицательная корреляция за доступный для анализа период между удельной господдержкой и плотностью субъектов МСП в регионах

⁴⁵⁰ В отдельных моделях без контроля на уровень цифровизации отрицательное влияние обнаруживалось (модель 10, Приложение А.3).

России. Среди регионов-лидеров, где выделено более 100 тыс. руб. субсидий на 1 субъект МСП суммарно за 2012–2021 гг., Чукотский, Ненецкий АО, республики Ингушетия, Алтай, Тыва, Чечня, Адыгея, Мордовия, то есть регионы с невысоким уровнем развития, низкой предпринимательской активностью и высокими издержками ведения бизнеса. Иными словами, субсидии играли роль выравнивающего инструмента региональной политики. Г. Москве с 2017 г. субсидия не выделялась, а наименьшую удельную поддержку получили субъекты МСП в крупных и развитых регионах с высокой бюджетной обеспеченностью: г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Московская, Оренбургская, Тюменская, Челябинская, Волгоградская, Ростовская, Самарская области. Кроме того, в регионах с высоким уровнем урбанизации удельная поддержка ниже также из-за отсутствия большого числа сельскохозяйственных предприятий и соответствующих субсидий.

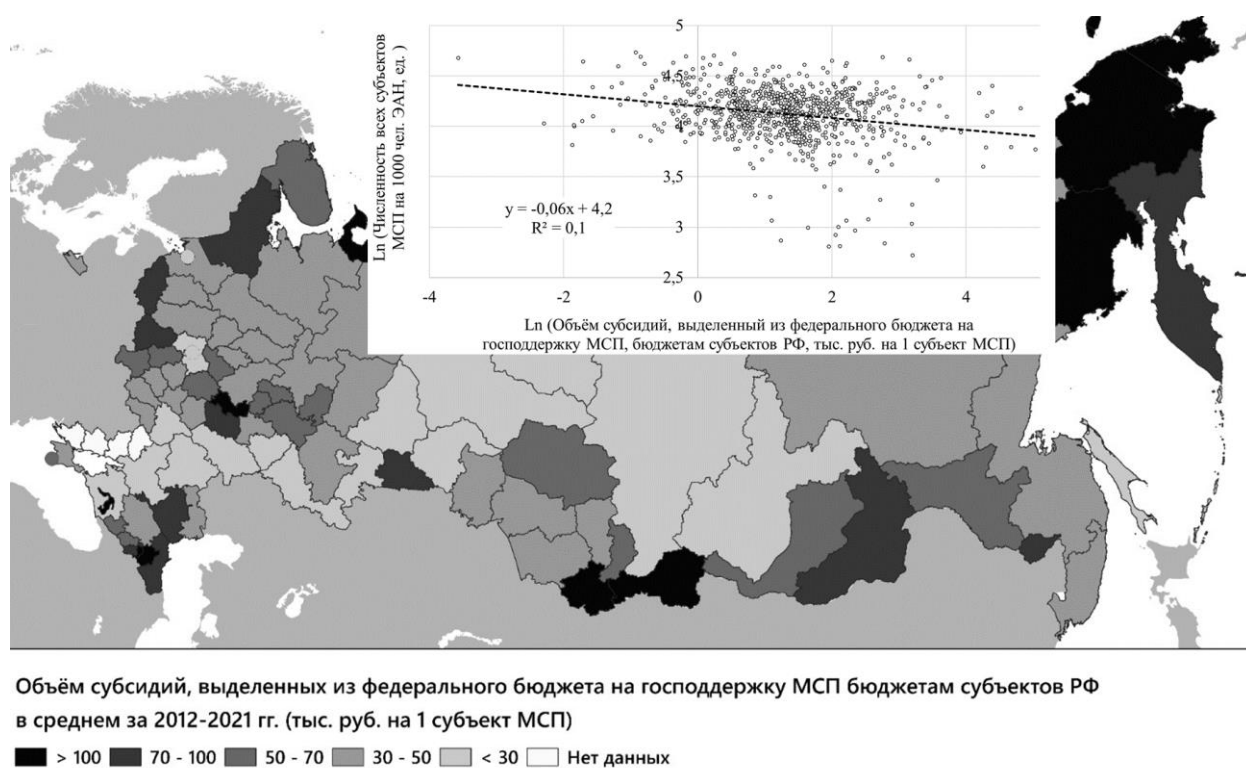

Рисунок 35 – Связь господдержки и плотности МСП в регионах России в 2012-2021 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата и Минэкономразвития РФ.

Используя результаты для прогнозирования динамики конструктивной предпринимательской активности, можно установить, что в кризисный 2020 г. сокращение мировых рынков на 4,3%, российского ВРП – на 3,1%, а доходов домохозяйств – на 3%, должно было привести к 1,54% падению плотности малых предприятий без учета иных переменных. Но фактически их число сократилось на 4,2% (см. п. 3.1), то есть влияние новых факторов, возникших в результате внешнего шока (коронакризиса), было определяющим в сравнении с изменением базовых предпосылок. Это одно из обоснований необходимости отдельных расчетов для периодов внешних шоков.

*Проактивность региональных властей в период коронакризиса*⁴⁵¹

Беспрецедентные масштабы, скорость распространения пандемии COVID-19⁴⁵² и последовавший за ней экономический кризис создали тяжелые условия для МСП во многих странах из-за снижения доходов и спроса домохозяйств, закрытия внешних рынков и экономической неопределенности (May и др., 2020; Dvoulety et al., 2022; Zemtsov et al., 2022). Распространение заболевания сильнее затронуло крупные города с разнообразным бизнесом. Противозидемиологические ограничения также оказали негативное влияние из-за роста издержек и простоев бизнеса (Титов, 2021; Ruzhanskaya et al., 2022; Brunn, Gilbreath, 2023); сильнее пострадали те отрасли, деятельность которых в той или иной форме была ограничена (Земцов, Царева, 2020): гостиницы и рестораны (оборот денежных средств упал почти на 30%), операции с недвижимостью (-23%), торговля (-19%), культура, спорт и досуг (-18%), грузовой автотранспорт (-20%). Открытие новых компаний было объективно затруднено, хотя многие государственные сервисы стремились перейти на удаленные режимы работы и предоставление электронных услуг (May и др., 2020). На долю наиболее пострадавших отраслей пришлось примерно 11% от числа субъектов МСП (Земцов, Царева, 2020), но многие отрасли были затронуты косвенно из-за мультипликативного эффекта и связей между отраслями (Пономарев, Евдокимов, 2020) – около 64,2% всех субъектов МСП (табл. 23).

Таблица 23 – Число субъектов МСП в наиболее пострадавших во время пандемии коронавируса отраслях и связанных с ними видах деятельности

Вид деятельности	Число субъектов МСП	%
Всего малых и средних предприятий	5 304 409	100
<i>Наиболее пострадавшие отрасли, из них:</i>	<i>591 478</i>	<i>11,2</i>
гостиницы и общепит	135 177	2,5
образование	26 290	0,5
культура, спорт, организация досуга и развлечений	206 546	3,9
прочие услуги	223 465	4,2
<i>Отрасли, которые могут пострадать в результате мультипликативного эффекта, из них:</i>	<i>3 403 121</i>	<i>64,2</i>
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2 081 011	39,2
строительство	458 895	8,7
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	356 686	6,7
транспортировка и хранение	493 383	9,3
обеспечение электроэнергией, газом и паром	13 146	0,2

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴⁵³ (Земцов, Царева, 2020).

⁴⁵¹ Частично использованы материалы публикаций автора с соавторами: Земцов С. П., Михайлов А. А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. №. 4. С. 34–45; Zemtsov S., Barinova V., Semenova R., Mikhailov A. Entrepreneurship policy and SME development during pandemic crisis in Russia // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12. №. 3. P. 321–334.

⁴⁵² Быстрое экспоненциальное распространение коронавируса, затрудняющее анализ, прогнозирование и реагирование властями (Земцов, Бабуринов, 2020; Zemtsov, Baburin, 2020).

⁴⁵³ Росстат. Малое и среднее предпринимательство в России. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359.

Доля пострадавших и связанных с ними отраслей превышала 50% субъектов МСП в северных регионах (рис. 36) (Земцов, Михайлов, 2021): Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский АО, Магаданская и Мурманская области, республики Коми, Карелия и др. В них была выше доля МСП в сфере транспорта и деловых услуг. Выше доля была в крупнейших агломерациях: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Екатеринбургская, Новосибирская и Нижегородская и др., где более развита сервисная экономика (Зубаревич, Сафронов, 2020). В кризисных условиях МСП могло быть менее уязвимо на Северном Кавказе и в ряде южных регионов с более высокой долей сельского хозяйства, поскольку спрос на продукты питания оставался стабильным.

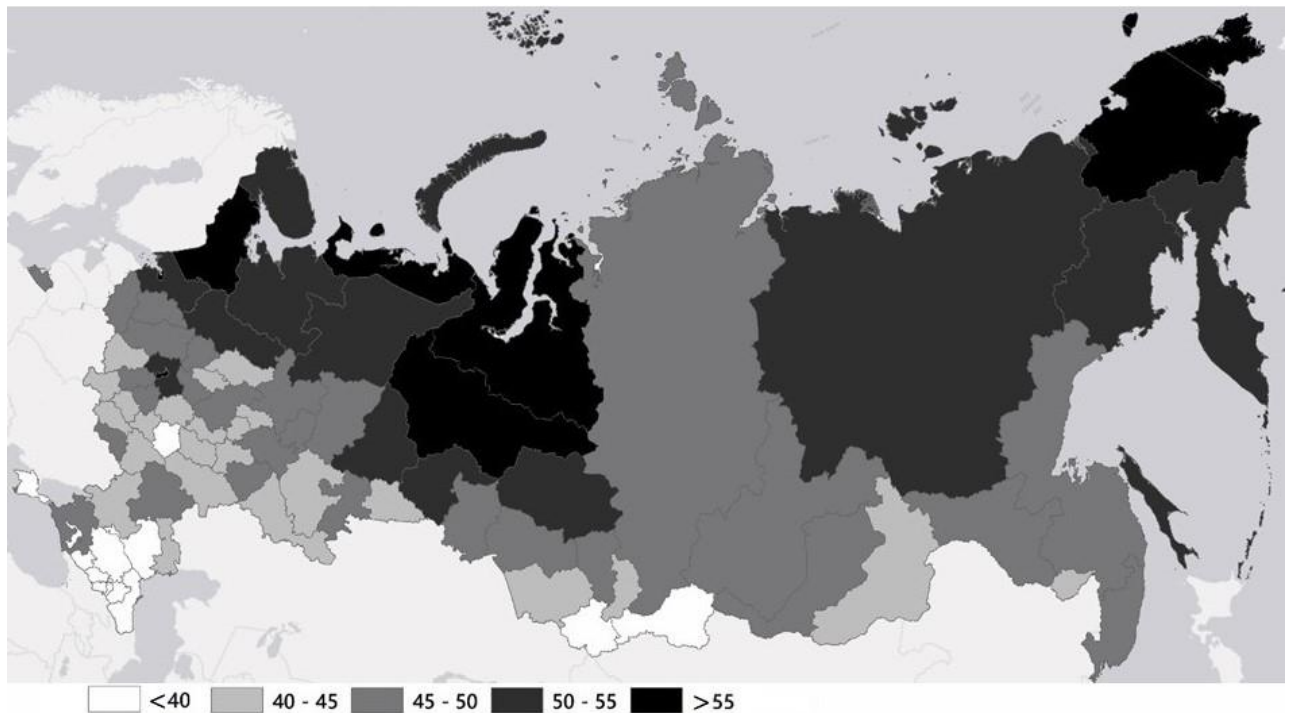

Рисунок 36 – Доля наиболее пострадавших и смежных отраслей в общем числе субъектов МСП.

Источник: составлено автором, впервые опубликовано (Земцов, Михайлов, 2022).

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

В соответствии с гипотезой 5 важным фактором, влияющим на динамику числа субъектов МСП в регионах России в 2020 г. должна была стать строгость карантинных мер в регионе. Региональные власти могли определять охват мер в зависимости от эпидемиологической ситуации. Уровень строгости мер оценивался в баллах в зависимости от количества введенных ограничений (Мау и др., 2020): ношение масок, режим самоизоляции граждан и въезжающих, пропускной режим, ограничение передвижения, административная ответственность, карантин и т. д. Строгость карантинных мероприятий (рис. 37) была выше в ряде регионов с крупными агломерациями из-за высокой частоты взаимодействия между людьми, а соответственно и вероятности заражения (Земцов, Бабуринов, 2020а; Земцов, Бабуринов, 2020b; Zemtsov, Baburin, 2020): Краснодарский, Красноярский край, Нижегородская, Свердловская областях, республики

Татарстан и Башкортостан, г. Москва. Так, сокращение числа субъектов МСП в г. Москве превысило -5,2%, что выше среднего по стране (-4,2%).

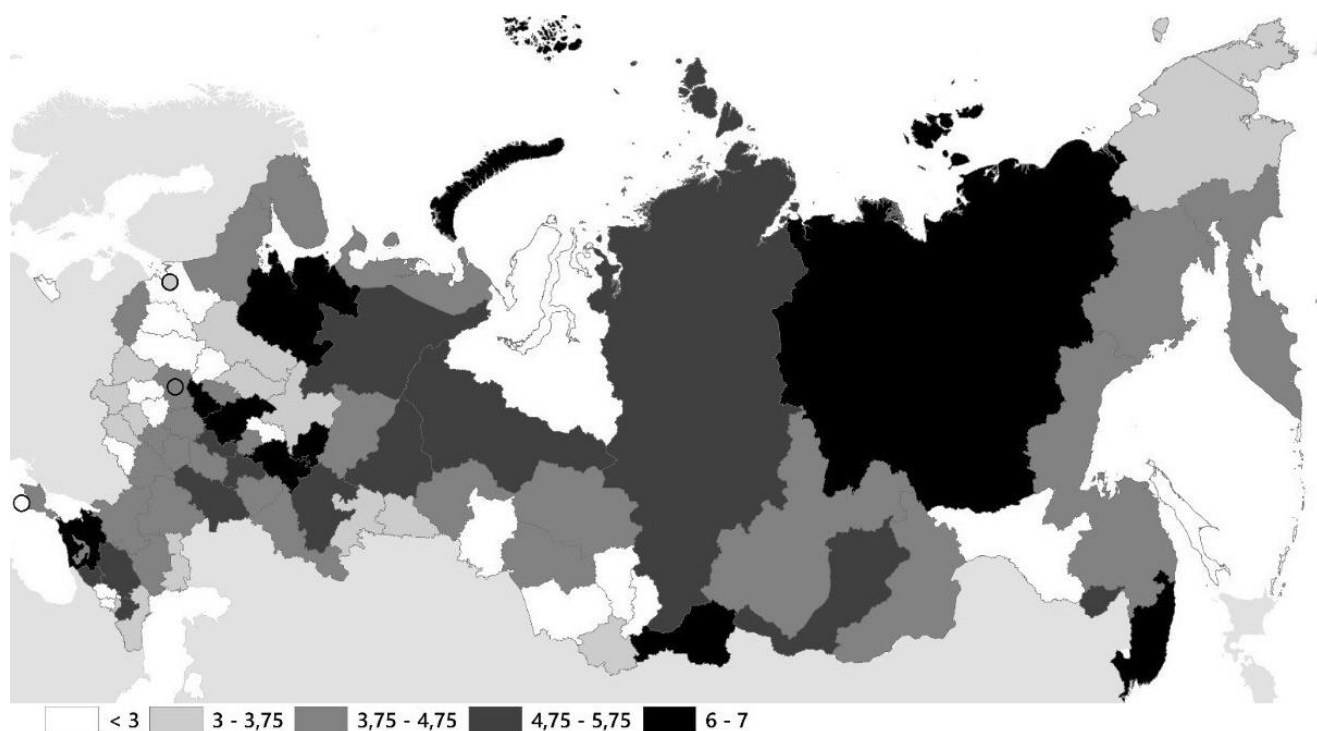

Рисунок 37 – Индекс строгости противоковидных ограничений в России в 2020 г., баллы.

Источник: составлено автором по данным (Мау и др., 2020), впервые опубликовано (Земцов, Михайлов, 2022).

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Федеральными и региональными властями были выделены существенные средства на поддержку МСП. В предыдущие годы поддержкой было охвачено не более 3% субъектов МСП (Барина и др., 2023). В период коронакризиса 2020 г. ей было охвачено более 22% субъектов МСП. При этом поддержка была более существенной в тех регионах, где доля региональной части поддержки была выше. Выше всего доля получателей поддержки в северных регионах (рис. 38): республики Саха (42%) и Коми (36), Ненецкий (41) и Ханты-Мансийский АО (32,8), а также в регионах с высокой долей сельского хозяйства: Липецкая (35), Волгоградская (33,9), Тамбовская (33,6), Белгородская (33,1) области, Чувашия (33,5), Мордовия (33,1). В первом случае это может быть связано с невысокой плотностью субъектов МСП при существенной доле пострадавших отраслей; во втором – с активным распределением сельскохозяйственных субсидий.

В среднем на один субъект МСП в 2020 году пришлось 26,9 тыс. руб. федеральной и региональной финпомощи (0,9 тыс. руб. в 2018 г.), или 8 тысяч руб. на каждого работника субъектов МСП. Одной из основных и наиболее востребованных мер поддержки стали субсидии на сохранение занятости (Барина и др., 2020; Мау и др., 2020).

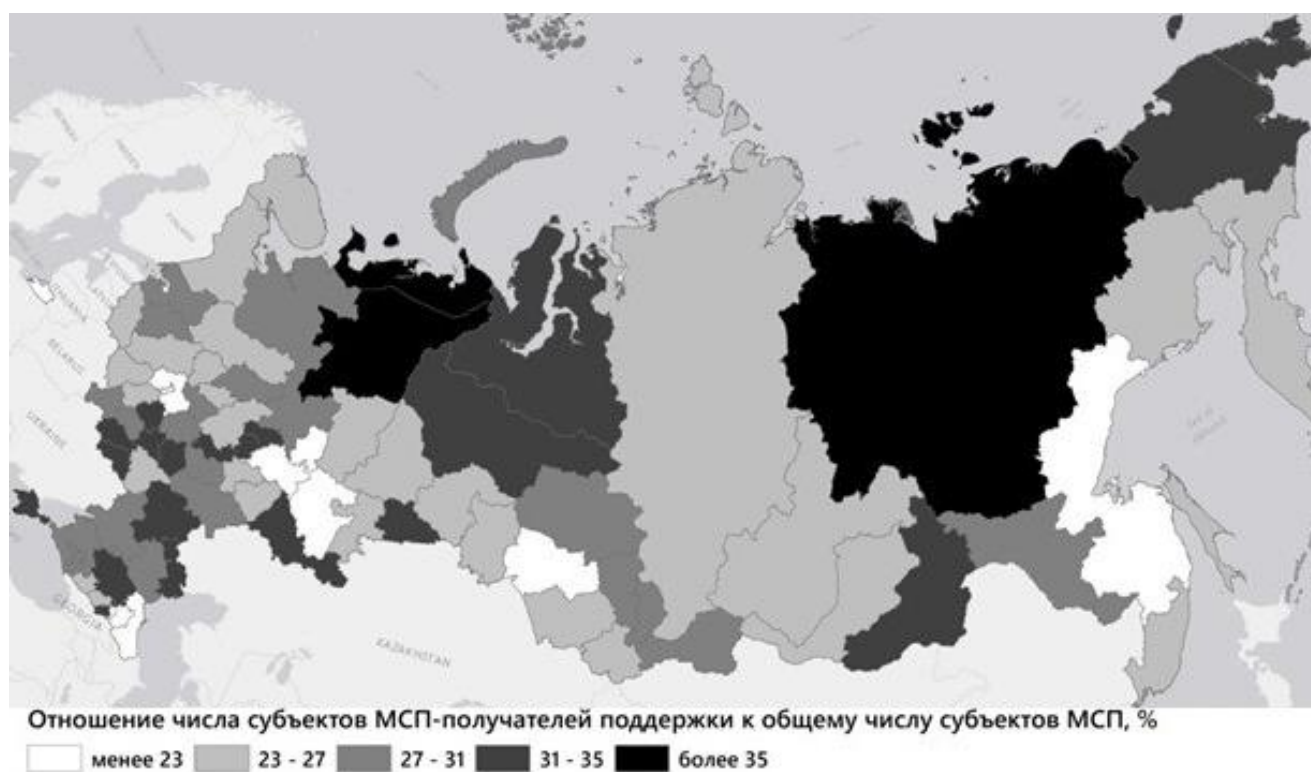

Рисунок 38 – Охват господдержкой субъектов МСП в 2020 г.

Источник: составлено автором по данным ФНС.

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Наибольший объем поддержки на один субъект МСП (рис. 39) был характерен для отдельных северных и восточных регионов с высоким уровнем бюджетной обеспеченности: Ямало-Ненецкий, Ненецкий АО, Сахалинская область. В то же время сравнительно высокий объем поддержки наблюдался и в некоторых регионах с низким уровнем предпринимательской активности, что объясняется эффектом «низкой базы» (республики Алтай и Мордовия). Сравнительно малый объем поддержки на один субъект МСП наблюдался в крупных городских агломерациях с многочисленным МСП: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, а также в регионах Северного Кавказа, Тыве, Бурятии и Калмыкии с низкой бюджетной обеспеченности и недостаточными возможностями для помощи МСП. На карте прослеживается зависимость между объемом поддержки и долей в ней региональной составляющей. Большую поддержку получили предприниматели тех регионов, где региональные власти желали и были способны ее выделить. Наибольшие значения показателя были характерны для ряда регионов Севера и Дальнего Востока (Ненецкий АО, Магаданская, Сахалинская области, Чукотский АО), а также для крупных экономически развитых регионов (Новосибирская, Тюменская, Вологодская области, Республика Татарстан), ориентированных на развитие предпринимательства. Наименьшая доля региональных средств в объеме выделенной субъектам МСП поддержки приходилась на большинство республик Северного Кавказа и Республику Тыва.

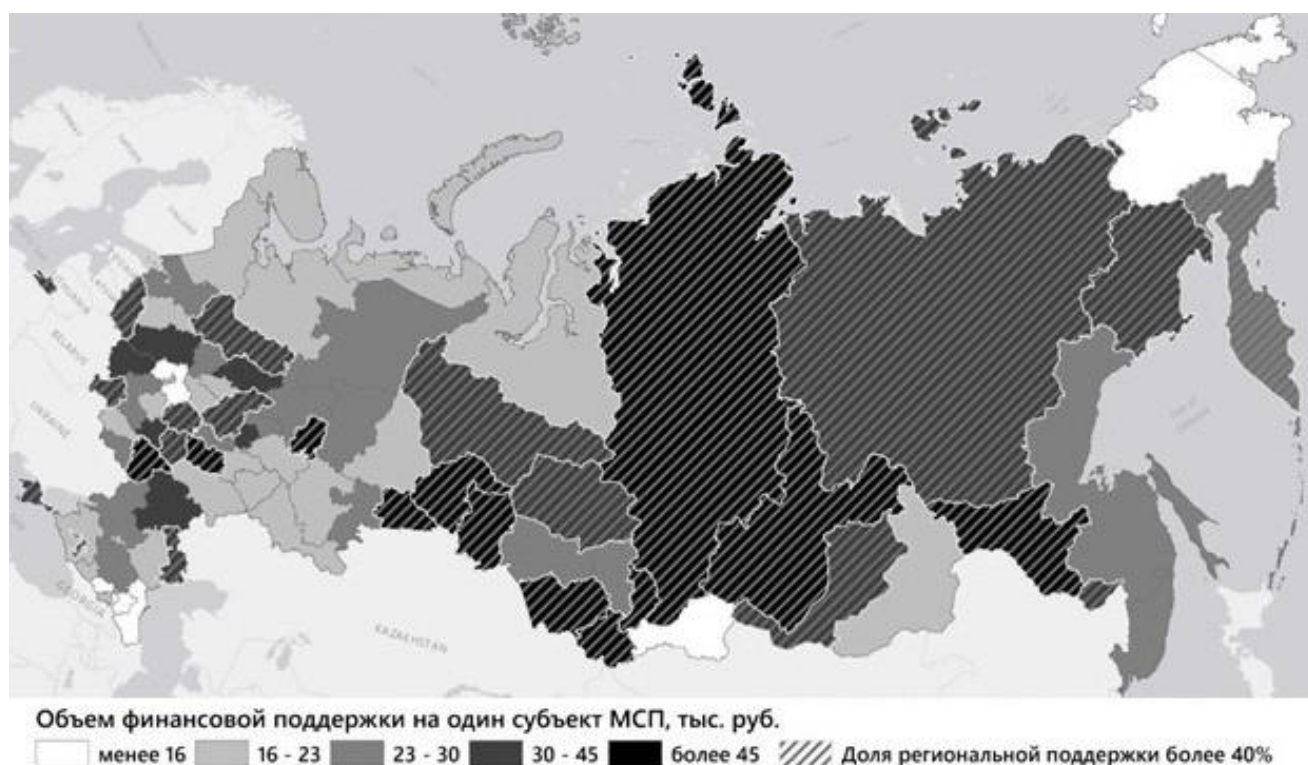

Рисунок 39 – Удельная господдержка субъектов МСП в 2020 г.

Источник: составлено автором по данным ФНС.

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

В условиях внешнего шока доля ИП в числе субъектов МСП росла в результате закрытия предпринимателями юридических лиц для снижения издержек ведения бизнеса (Кудрин и др., 2021), поэтому для расчетов в качестве зависимой переменной использована динамика всех субъектов МСП. В среднем сокращение их числа составило около -4,23% при падении ВРП регионов на -2,2%, то есть шокоустойчивость сферы МСП, как и предполагалась властями, была ниже, чем для экономики в целом. Пространственный анализ (рис. 40) позволяет выявить существенные отличия от предшествующих кризисов⁴⁵⁴. Регионы, где падение было выше:

- крупнейшие агломерации (Московская, Санкт-Петербургская, Волгоградская и Самарская области, Пермский и Краснодарский края), где МСП играет важную роль в предоставлении рыночных услуг, а введенные карантинные меры были более жесткими;
- северные ресурсные регионы (республики Коми и Саха, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский край), где падение экспорта сырья привело к снижению доходов населения, сокращению транспортных и других деловых услуг;

⁴⁵⁴ В частности, агломерации благодаря размеру и разнообразию рынков считаются более шокоустойчивыми в условиях кризисов, а МСП может быстрее адаптироваться. В условиях внутренних кризисов близость к другим рынкам могла способствовать сохранению деловой активности, но в период коронакризиса границы стали играть барьерные функции.

– приграничные регионы (Еврейская автономная область, Псковская и Брянская области), где противозидемиологические меры ограничили возможность импорта продукции из соседних стран, а также негативно сказались на привлечении внутренних и иностранных туристов (Краснодарский край, Республика Крым, Астраханская область).

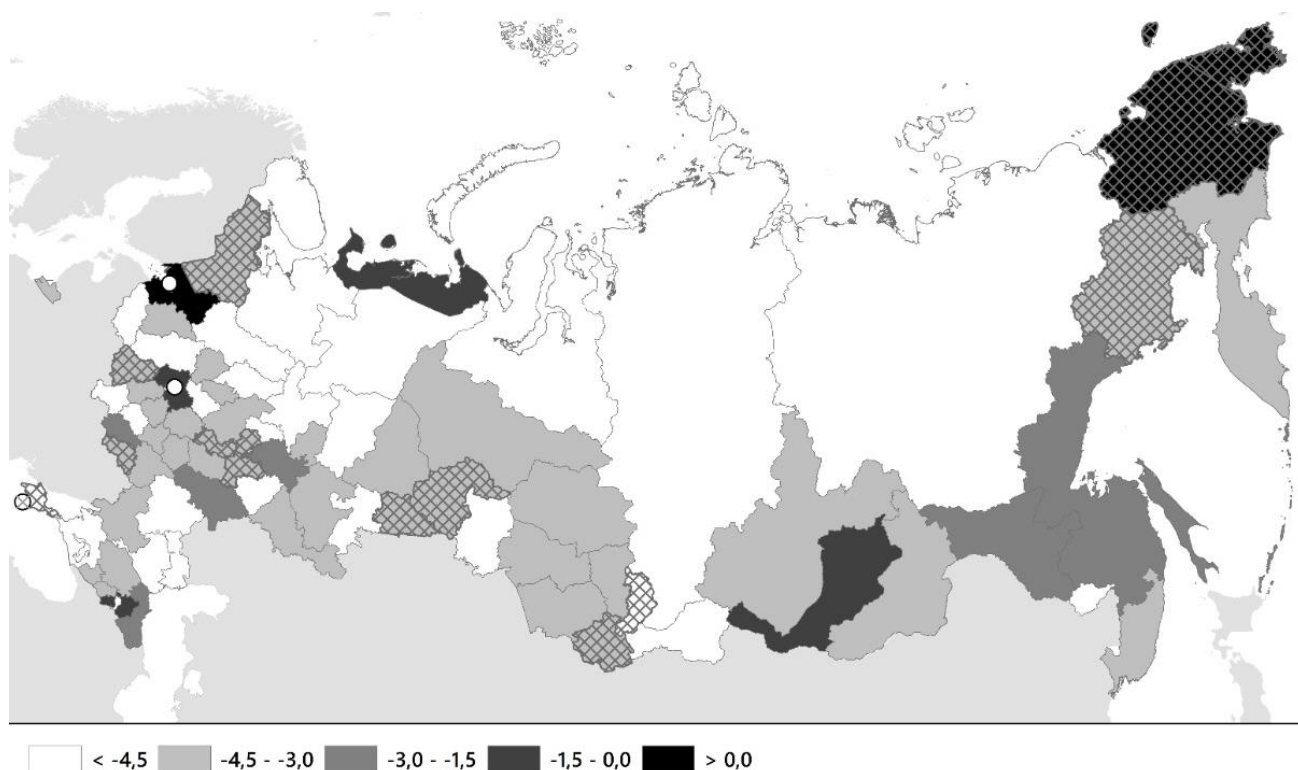

Рисунок 40 – Динамика численности субъектов МСП в регионах России в августе 2020 г., % к аналогичному периоду 2019 г.

Источник: составлено автором по данным ФНС.

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ. Заштрихованы регионы, в которых в 2020 г. проводилась проактивная политика поддержки МСП (см. далее).

Необходима эконометрическая проверка описанных выше закономерностей с учетом взаимного влияния факторов. В качестве контрольных переменных использовались ранее предложенные региональные характеристики⁴⁵⁵ (табл. 24; Приложение А.7). При построении многофакторной регрессии из-за высокой гетероскедастичности⁴⁵⁶ использована модель МНК с соответствующей поправкой.

⁴⁵⁵ Имплицитно для переноса результатов анализа панельных данных на пространственные (один год по всем регионам) необходимо сильное предположение о том, что ТСЭС обладает свойством эргодичности, то есть математическое ожидание по временным характеристикам региона совпадает с математическим ожиданием по пространственным характеристикам всех регионов. Тогда закономерности влияния изменения региональных факторов во времени для одного региона будут идентичны (или похожи) на закономерности, выявленные за короткое время для многих регионов (Доманьский, 2010).

⁴⁵⁶ Сильный и нарастающий разброс данных между регионами с различным уровнем развития МСП.

Таблица 24 – Переменные для эконометрического анализа в период коронакризиса

Фактор	Переменная	Источник	Возможное влияние
Новые технологии	Рост доли компаний, имеющих веб-сайт, %	Росстат	+
Рынок труда	Уровень безработицы, % (по методике МОТ)	Росстат	-
Спрос со стороны населения	Доходы населения за вычетом прожиточного минимума, тыс. рублей	Расчеты по данным Росстата	+
Институциональные условия и государственная поддержка	Индекс инвестиционного климата АСИ, баллов	АСИ	+
	Индекс строгости противоэпидемиологических (противоковидных) мер, ед.	(Мау и др., 2020)	-
	Общий объем государственной финансовой поддержки субъектов МСП, руб. на один субъект МСП	ФНС РФ	+/-
	Доля регионов в государственной финансовой поддержке субъектов МСП, %	ФНС РФ	+
	Доля поддержанных субъектов МСП в общем числе субъектов МСП, %	ФНС РФ	+/-
Инертность	Число субъектов МСП в 2019 г., ед.	ФНС РФ	-
Пространственные эффекты	Потенциал межрегионального ЭГП, скорректированный на индекс строгости карантинных мер	Расчеты автора	+/-
Структура экономики	Доля потенциально пострадавших и связанных с ними отраслей в числе субъектов МСП, в %	(Земцов, Михайлов, 2021)	-
Агломерационные эффекты	Численность населения региональной столицы, чел.	Росстат	+
	Рыночный потенциал региона	(Земцов и др., 2021)	+/-
Географическое положение	Потенциал международного ЭГП	(Земцов, Бабурин, 2020)	+/-
Природные условия	Доля растениеводства в ВРП, в %	Росстат	+

Источник: составлено автором.

Субъекты МСП аграрных регионов пережили коронакризис несколько легче (модель 1, табл. 25; приложение А.7). Влияние сельскохозяйственных субсидий и рост потребления отечественной продукции могли послужить стимулом для фермерских хозяйств. Связь динамики числа субъектов МСП с близостью к зарубежным рынкам оказалась отрицательной из-за ограничений на внешнеторговые связи, например в приграничной Брянской области сокращение составило -7,5% при среднерегиональном значении – в -4,23%. При прочих равных, наличие в регионе крупного регионального центра с большим рынком разнообразных потребителей и потребностей с высоким уровнем использования дистанционных технологий способствовало сохранению малого бизнеса. То есть не наличие агломераций являлось отрицательным фактором, как можно было предполагать исходя из результатов пространственного анализа (рис. 40), а высокая доля в них пострадавших сервисов и строгость ограничений.

В подтверждение гипотезы 5 число субъектов МСП быстрее сокращалось в регионах с высокой долей пострадавших отраслей и повышенной строгостью карантинных мер (табл. 25). Если в регионе на 1% была выше доля пострадавших отраслей, то число субъектов МСП

сократилось в нем на 0,016% сильнее, чем в других. При этом негативное влияние карантинных мероприятий распространялось и на соседние регионы, о чем говорит отрицательная значимость потенциала межрегионального ЭГП (модель 4, табл. 24). Например, малые бизнесы соседних регионов не могли воспользоваться товарами и услугами крупных агломераций.

Таблица 25 – Результаты выявления факторов динамики числа субъектов МСП в регионах России в 2020 г.

Зависимая переменная: число субъектов МСП в августе 2020 г., в % к августу 2019 г. Модель МНК с поправкой на гетероскедастичность. 82 региона					
Фактор	Переменная	1	2	3	4
	Константа	4,3***	4,3***	4,3***	4,2***
Новые технологии	Рост доли компаний с веб-сайтом, %		0,02	0,02	0,02*
Спрос со стороны населения	Доходы населения за вычетом прожиточного минимума, тыс. руб.	0,01***	0,01*	0,01*	0,01**
Институциональные условия	Индекс инвестиционного климата АСИ, баллов	0,05***	0,05***	0,04***	0,04***
	Индекс строгости противоковидных мер, ед.	–0,004*	–0,01**	–0,01***	–0,01***
	Доля регионов в государственной поддержке субъектов МСП, %		0,002**		
	Объем государственной поддержки субъектов МСП, руб. на один субъект МСП			0,003*	
	Объем государственной поддержки на один субъект МСП *Доля компаний с веб-сайтом				0,001*
Инертность	Число субъектов МСП в 2019 г., ед.	–0,01***	–0,01***	–0,01**	–0,01 ***
Пространственные эффекты	Потенциал межрегионального ЭГП, скорректированный на индекс строгости противоковидных мер				–0,01 ***
Структура экономики	Доля потенциально пострадавших и связанных с ними отраслей в числе субъектов МСП, в %	–0,02***	–0,03***	–0,02***	–0,02 ***
Агломерационные эффекты	Число жителей региональной столицы, чел.	0,01***	0,01***	0,01***	0,01***
	Потенциал международного ЭГП	–0,01***			
Природные условия	Доля растениеводства в ВРП, в %	0,002***			
Исправленный R ²		0,51	0,51	0,54	0,55

Примечание: Знаком «*» показаны р-значения: * - 0,1, ** - 0,05, *** - 0, 01.

Источник: составлено автором.

Высокие доходы жителей стимулировали потребительский спрос, сохраняя деятельность субъектам МСП, особенно при условии цифровизации бизнеса (модель 4), т.к. в условиях пандемии был востребован дистанционный формат получения услуг и онлайн-покупки.

Регионы-лидеры рейтинга инвестиционной климата АСИ (см. п. 1.4, рис. 8) сохраняли благоприятную деловую среду в условиях шока, чем могли воспользоваться предприниматели

для сохранения своих бизнесов. Гипотеза 4 подтверждается, а соответствующую проактивную политику властей следует признать значимой для сохранения МСП. В этих регионах могут быть ниже транзакционные издержки, благодаря чему малые предприятия ранее накопили резервы, быстрее выделялась государственная поддержка благодаря большей эффективности властей.

Больше субъектов МСП сохранилось в регионах, где была выше удельная поддержка субъектов МСП (модель 3) и региональная составляющая в ней (модель 2). Региональная поддержка могла иметь более позитивный эффект, поскольку власти субъектов федерации лучше понимают потребности местного бизнеса. А вот стратегия по увеличению объемов поддержки конкретных предприятий (объем поддержки на одно поддержанное предприятие) ожидаемо оказалось незначимой с точки зрения сохранения массового бизнеса. Перемножение удельной поддержки и доли организаций, имеющих веб-сайт, одновременно учитывает объем господдержки и возможность ее оперативного предоставления в электронной форме. Положительная значимость переменной может подтверждать преимущества регионов, где была возможность получения электронных госуслуг в период карантинных ограничений. Таким образом, государственная поддержка в нормальных условиях может быть незначима (гипотеза 3, табл. 23), но в условиях шоков играет положительную роль в сохранении МСП.

Однако использованный для оценки влияния господдержки подход имеет свои недостатки. В частности, расчеты по данным за один год не помогают выявить причинно-следственные связи. Возникает и проблема потенциальной эндогенности и обратной зависимости: размер удельной поддержки может быть связан с уровнем падения сферы МСП, когда региональные власти стремились увеличить поддержку на фоне ухудшения ситуации. Поэтому использован также метод разность разностей (Imbens, Wooldridge, 2009), который часто используется для оценки воздействия мер как основы доказательной политики (Storey, 2000). Метод предполагает наличие двух групп наблюдений (опытной и контрольной) и двух временных периодов (до и после проведения мероприятий политики).

$$y_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 dEProactive_i + \sum \beta_t dT_t + \gamma dEProactive_i * dT_t + u_{it}, \quad (11)$$

где y – прирост числа субъектов МСП; i – регионы России, t – 2018-2019 гг.; $dEProactive$ — фиктивная переменная, равная 1, если регион входит в список проактивных, и 0 в противном случае; dT — фиктивная переменная для каждого года; $dEProactive * dT$ — переменная взаимодействия, равная 1 в 2020 г., когда регион проводил проактивную политику, и 0 для остальных случаев. В качестве экспериментальной группы наиболее проактивных регионов в плане мер поддержки субъектов МСП в условиях пандемии ($dEProactive$) были выбраны те, которые увеличили объем государственной поддержки субъектов МСП более чем в два раза, увеличили удельную поддержку, региональную часть и охват поддержкой выше среднерегиональных значений (рис. 40): Белгородская, Тюменская, Ульяновская, Курганская,

Магаданская, Смоленская области, республики Алтай, Карелия, Мордовия, Хакасия, Чувашия, Крым, Чукотский АО, Севастополь.

Фиктивная переменная $dEProactive$ выявляет различия между двумя группами наблюдения (опытной и контрольной) до реализации мер поддержки (табл. 26). Переменные dT определяют внешние факторы, которые вызвали бы изменение числа субъектов МСП даже при отсутствии политики поддержки. Интересующий коэффициент γ определяет средний эффект проактивной политики поддержки в 2020 г., то есть разницу в изменении между экспериментальной и контрольной группами. Этот метод устраняет систематическую ошибку при сравнении двух групп во втором периоде, которая может быть обусловлена только стойкими различиями между этими группами, определенную другими факторами, а также устраняет систематическую ошибку при сравнении во времени, которая может быть связана с временными тенденциями, а не результатом политики (Imbens, Wooldridge, 2009).

Таблица 26 – Результаты оценки воздействия проактивной политики регионов в 2020 г.

Зависимая переменная: рост числа субъектов МСП, %. Случайные эффекты (СЭ). 2018–2021 гг. 85 регионов.	
Константа	106,4*** (0,8)
$dEProactive$	-1,14** (0,58)
$dEProactive*dT$	1,59** (0,67)
dT_{2019}	-7,73*** (0,66)
dT_{2020}	-10,62*** (0,86)
dT_{2021}	-6,83*** (0,62)
R^2	0,52

Примечание: Знаком «*» показаны р-значения: * - 0,1, ** - 0,05, *** - 0, 01.

Источник: составлено автором.

Рост числа субъектов МСП в отмеченных регионах, проводивших проактивную политику в 2020 г. (экспериментальная группа), до пандемии была в среднем ниже, чем в других регионах: коэффициент при переменной $dEProactive$ отрицательный. То есть эти регионы не имели неких преимуществ в сравнении с другими регионами.

Число субъектов МСП в 2019 г. уменьшилось в большинстве регионов, что подтверждается и расчетами – отрицательное значение коэффициента dT_{2019} . В период пандемии ситуация в России ухудшилась, поэтому темп роста числа МСП в 2020 г. был на 10,6% ниже (значение коэффициента dT_{2020}), чем мог бы быть в сравнении с условиями стабильного 2018 г. Но в регионах, где проводили проактивную политику, коэффициент был на 1,6% выше, чем в других регионах – значение коэффициента $dEProactive*dT$. Иными словами, подтверждается положительный эффект увеличения государственной поддержки в наиболее проактивных регионах, который, однако, ниже негативного влияния пандемии.

Бюджетные стимулы в условиях санкций

В последние годы санкционная политика, то есть введение различного рода экономических ограничений со стороны одних стран и международных организаций в отношении других стран, регионов, отдельных юридических или физических лиц с целью изменения действий последних, стала значимым инструментом мировой политики и фактором мировой экономики (Timofeev, 2022; Zemtsov, 2024). Можно утверждать, что на начало 2024 г. большинство стран мира так или иначе были вовлечены в эти процессы. Выросла вероятность того, что любая страна, регион в той или иной форме могут быть подвержены прямым или косвенным внешним ограничениям, которые следует рассматривать как экзогенные шоки для их экономики. Необходимы: понимание масштабов, направлений и последствий возможных угроз, их мониторинг и митигация (снижение влияния), поэтому анализ санкционных рисков становится актуальной и значимой научной темой в ближайшие десятилетия (Хмелева и др., 2024).

В 2022—2023 гг. Россия оказалась подвержена беспрецедентному числу санкций со стороны преимущественно западных государств (Timofeev, 2022): США и зависящие от них страны ЕС, Япония, Австралия и Канада. Были введены различного рода финансовые ограничения, в т.ч. отказ от кредитования, инвестирования и страхования грузов, экспорта отдельных товаров, в т.ч. энергоресурсов, импорта отдельных товаров, в т.ч. высоких технологий, а также иные ограничения. Компании из стран, оказавшись под давлением своих правительств и общественных организаций⁴⁵⁷, были вынуждены уйти с российского рынка и закрыть и/или продать свои предприятия, свернуть инвестиции.

В 2022 г. волна санкционных ограничений (Zemtsov, 2024) оказала негативное влияние на МСП в целом (Земцов и др., 2023), но наблюдался некоторый рост числа новых предприятий, вызванный открытием рыночных ниш после ухода иностранных компаний, переориентацией спроса на отечественные продукты и услуги. В 2023 г. в целом ситуация стабилизировалась (Дерюгин, 2023; Земцов, Волошинская, 2024; Кудрин и др., 2024; Малкина, 2024) как и динамика субъектов МСП (см. п. 3.1). Причиной отсутствия роста можно назвать экономическую неопределенность, а также потери предпринимательского капитала, вызванные отъездом части предпринимателей в зарубежные страны⁴⁵⁸. Снижение числа МСП в 2023 году наблюдалось в заметно меньшем числе субъектов Российской Федерации, чем в 2022 году (рис. 41), но в ряде регионов динамика отрицательная два года подряд.

⁴⁵⁷ К сожалению, часть глобальных компаний с российскими корнями вынуждены были покинуть рынок России: Playrix, Astronics, Miro и др. Из компании «Яндекс» было выделено независимое зарубежное подразделение.

⁴⁵⁸ Рост числа регистрируемых фирм наблюдается в Казахстане, Грузии, Армении, Турции и даже в Европейском Союзе. РБК, URL: <https://www.rbc.ru/business/20/03/2023/6418578c9a79470d84a33362?ysclid=lrigitke74a325578521>. VC.ru. URL : <https://vc.ru/s/1226831-biznes/889180-rekord-registraciy-kompaniy-russkimi-v-evrope?ysclid=lrgiswe9gr509745442>.

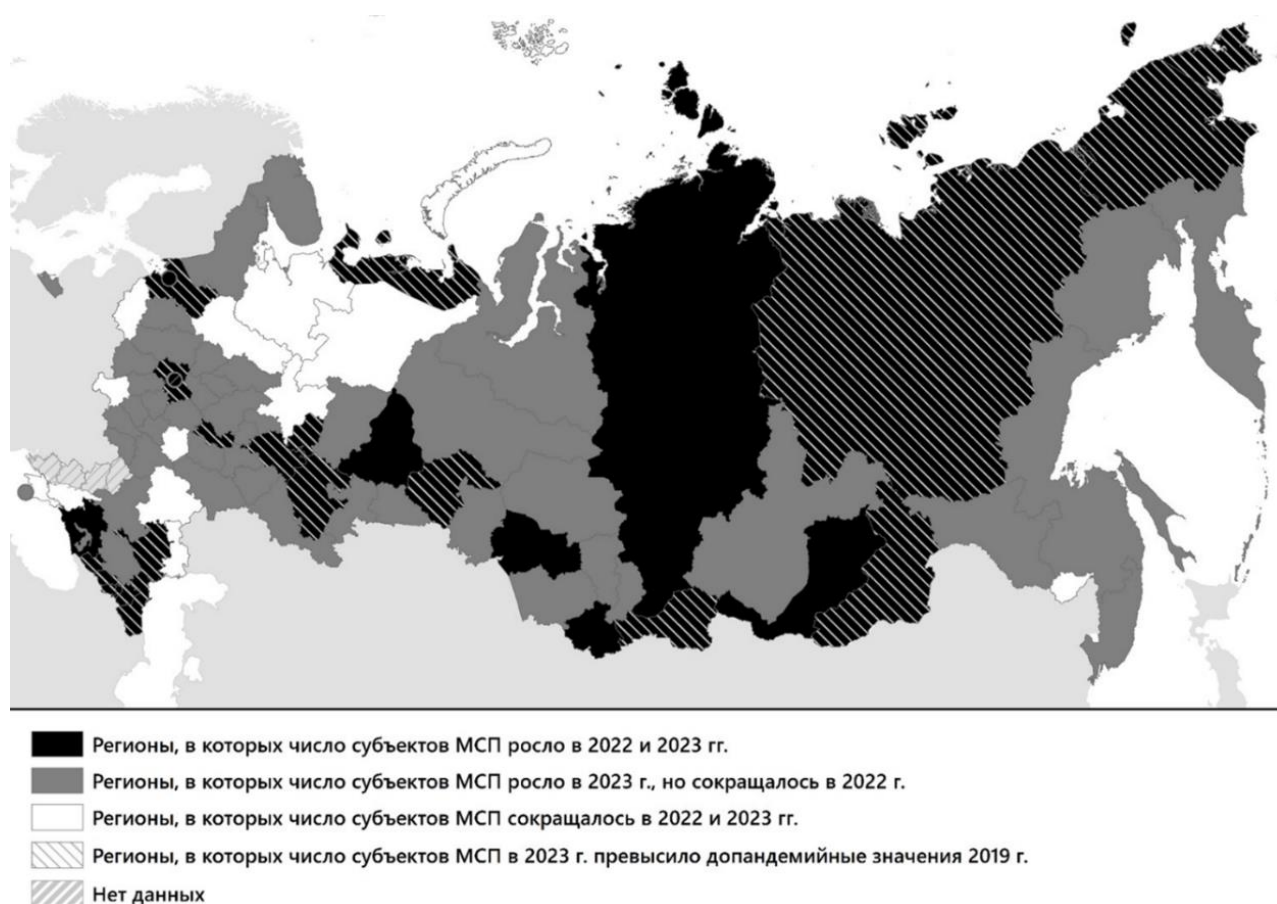

Рисунок 41 – Динамика числа субъектов МСП в регионах России в 2022 и 2023 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата и ФНС.

На Европейском Севере (Архангельская, Кировская области, Республика Коми) она связана с уходом иностранных компаний лесопромышленного комплекса. В западных приграничных регионах субъекты МСП столкнулись с разрывом экономических взаимосвязей с недружественными странами: Псковская и Брянская области, Республика Крым. Восстановления сектора не наблюдается в ряде регионов расположения крупных экспортоориентированных промышленных (Вологодская область) и добывающих производств (Астраханская область), где основные предприятия попали под санкции. Во многих регионах в 2023 году наблюдался восстановительный рост числа субъектов МСП по отношению к спаду предыдущего года: в части приграничных регионов запада страны (Республика Карелия, Калининградская, Курская и Белгородская области), крупных в экспортноориентированных центрах добычи углеводородного сырья (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Стабильный рост числа субъектов МСП (и в 2022, и в 2023 гг.) наблюдался в регионах расположения крупных городских агломераций с диверсифицированной экономикой и развитым обрабатывающим сектором: Свердловская и Новосибирская области, Краснодарский и Красноярский край. В ряде подобных регионов – в частности, в Москве, Московской, Ленинградской и Тюменской областях, Республиках Татарстан и Башкортостан – значения рассматриваемого показателя превосходили

допандемийные значения 2019 года. Также стабильное увеличение числа субъектов МСП было зафиксировано в ряде регионов Дальнего Востока с диверсифицированными торговыми связями (Республика Якутия, Забайкальский край) и на Северном Кавказе (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия), граничащем с нейтральными странами, что можно связать с сохранением торговых связей и развитием параллельного импорта.

Согласно гипотезам 3 и 4 институциональные условия и проактивная политика властей регионов по поддержке предпринимательства должны оказать положительное влияние на рост числа МСП (Zemtsov et al., 2022a) в новых условиях. В период санкционных шоков в 2022 г. – первой половине 2023 г. финансовые меры государственной поддержки МСП составили около 931,4 млрд руб., что в 1,7 раза больше, чем в период коронакризиса (2020–1-й кв. 2021 гг.), но более 83% – это косвенные меры: гарантии и поручительства; ранее их доля не превышала половины. Охват получателей поддержки снизился с 20% в период пандемии до 6,3% от всех субъектов МСП, но это, по-прежнему, заметно выше значений допандемийного периода (2–3%).

Согласно гипотезе 6 подверженность региона санкционным рискам негативно сказывается на скорости восстановления сферы МСП. В регионах, где сложились более плотные связи с вводившими санкции странами, деловая активность снижалась или медленнее восстанавливалась и в 2023 г. Гипотеза была сформулирована на основе анализа научных исследований (Кнобель и др., 2019; Иванов, Бухвальд, 2022; Зубаревич, 2022; Бобровский, 2023; Землянский, Чуженькова, 2022; Кузнецова, 2022; Кузык, Симачев, 2022; Ушкалова, 2022; Полтерович, 2022; Timofeev, 2022; Смородинская, Катуков, 2022; Михеева, 2023; Трушкова, 2023; Kuznetsova, 2023; Malkina, 2023) и оценки тенденций развития сферы МСП. В качестве ключевого индикатора подверженности региона негативным экономическим последствиям санкций был предложен авторский индекс санкционных рисков (Zemtsov, 2024). Он был рассчитан посредством агрегирования нескольких показателей.

Во-первых, учитывалось интенсивность связей со странами, вводившими ограничения: доля недружественных стран в экспорте и импорте региона до введения ограничений (в среднем в 2019–2021 гг., в %) (Земцов и др., 2023), а также общая производственная импортозависимость (Землянский, Чуженькова, 2023). Более 90% экспорта на страны, вводившие санкции, наблюдалась в Ненецком автономном округе, Костромской и Мурманской областях (рис. 42), высока была эта доля в регионах — экспортерах энергоресурсов: в Тюменской области, Ханты-Мансийском АО, Татарстане, Коми и Кемеровской области, а также в регионах, ориентированных на экспорт древесины и пиломатериалов в ЕС: Республика Карелия, Архангельская, Вологодская области и Республика Коми. При этом в России доля компаний, которые экспортировали свою продукцию только в недружественные страны, составляла около

18,7 % в 2020 г., но более половины бизнесов — в приграничных с недружественными странами регионах: Псковской, Калининградской, Белгородской, Мурманской областях, Карелии; для импорта аналогичный показатель был около 6 %.

Рисунок 42 – Роль недружественных стран в импорте и экспорте регионов России.

Источник: составлено автором по данным ФТС РФ.

Ниже всего вовлеченность в торговлю со странами, вводившими санкции, отмечается в южных регионах Дальнего Востока, ориентированных на рынки Китая, и на приграничных с Казахстаном территориях. Также обладали меньшей вовлеченностью некоторые крупные диверсифицированные центры, удаленные от границ и ориентированные на внутренний рынок: Пермский край, Челябинская, Омская, Новосибирская области.

Предприятия довольно быстро начали процесс переориентации внешнеторговых потоков. Так, доля недружественных экономик в экспорте из России к концу 2022 г. снизилась до 35 %, тогда как еще в начале года занимала 58 %. Переориентация потоков потребовала существенных вложений бюджетных и частных инвестиций в инфраструктуру в восточных и приграничных с нейтральными странами регионах России.

Перечисленные выше регионы, активно вовлеченные в торговлю с западными странами, закупали оборудование этих стран, поэтому в импорте производственных предприятий была высока доля иностранных материалов и комплектующих. Выше эта доля была в регионах, где ранее создавали иностранные автомобилестроительные заводы: Калининградская, Калужская,

Ленинградская, Самарская области, Татарстан. Ниже была производственная импортозависимость в наименее развитых регионах, которые слабо интегрированы в глобальные цепочки, а также в регионах Урала и Сибирь, удаленных от мировых торговых потоков. В России сохраняется высокая импортозависимость по отдельным высокотехнологичным отраслям (станкостроение, микроэлектроника, авиационная промышленность и др.), что снижает экономическую безопасность наиболее технологически развитых регионов (Кодзоев, Земцов, 2024).

Кроме того, интегральный индекс непосредственно учитывал введение против компаний регионов России санкции. США и страны ЕС ввели санкционные ограничения в отношении 567 юридических лиц (ЮЛ) в России (Zemtsov, 2024). Компании из санкционного списка представлены в 53 регионах (60 % от их числа) и составляют примерно 2,3 % выручки всех компаний в России (рис. 43).

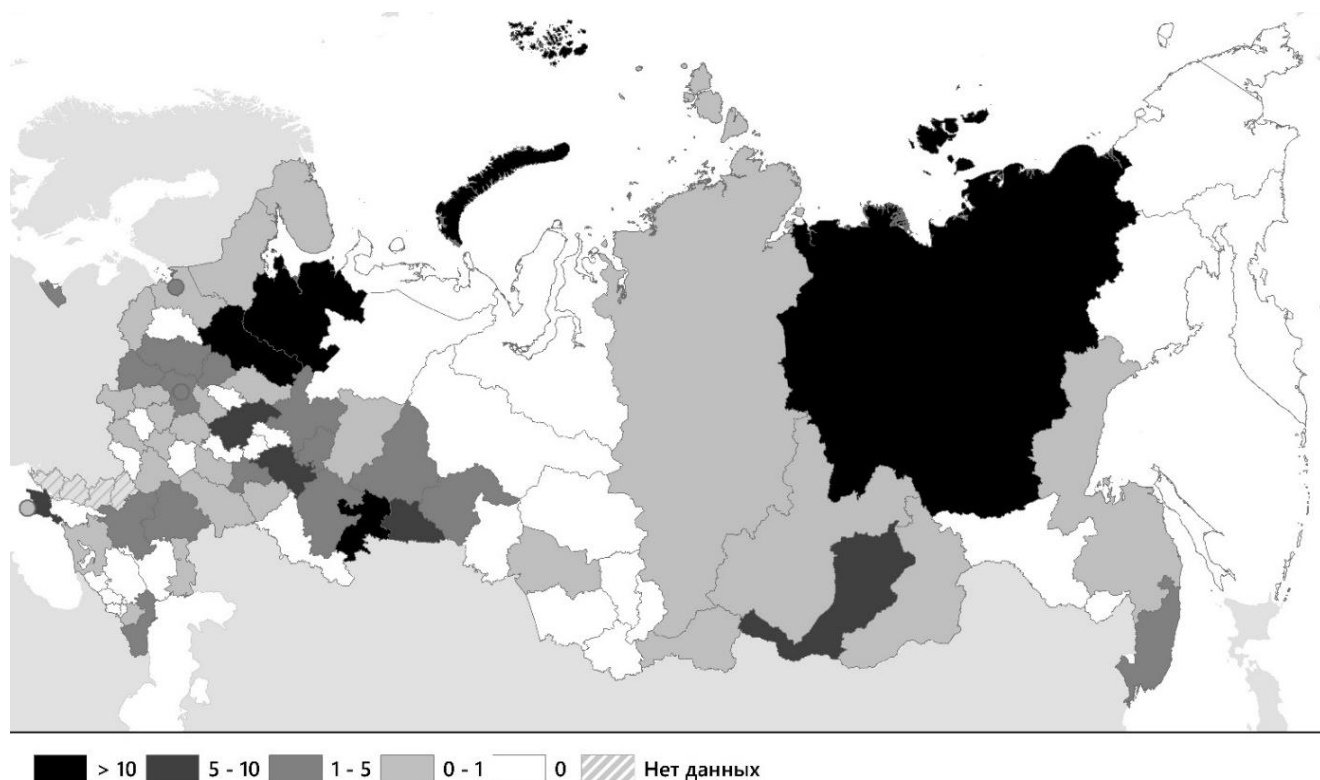

Рисунок 43 – Доля российских компаний из санкционных списков США и ЕС в обороте всех компаний региона в 2017–2021 г., %.

Источник: составлено автором по данным СПАРК-Интерфакс.

В санкционных списках представлены крупнейшие банки и предприятия России, в т.ч. научно-исследовательские организации и высокотехнологичные производства. Высокая доля этих компаний на рынке наблюдалась в нескольких субъектах Российской Федерации с развитой обрабатывающей промышленностью (Вологодская, Архангельская, Челябинская области), а также в Крыму, вошедшем в состав России после 2014 г. Предполагаемое негативное влияние

санкций на предприятия на практике не было реализовано из-за их высокой интеграции во внутрироссийское разделение труда и интенсивной политики импортозамещения и увеличения государственных закупок и заказов у предприятий обрабатывающей промышленности. Часть этих предприятий существенно нарастила инвестиции в запасы и расширение фондов внутри страны, в регионах своей деятельности за счет сокращения вложений в зарубежные активы (риски отъема средств) и софинансирования со стороны государства.

На последнем этапе оценивалось, как санкционные ограничения могли повлиять на иностранные компании, работающие в регионах России. Поэтому была рассчитана доля иностранных компаний из недружественных стран в выручке всех компаний региона в 2018–2020 гг., % (Земцов и др., 2023) и доля заявивших об уходе из России компаний в обороте всех компаний региона в 2017–2021 гг., % (Бобровский, 2023). В России насчитывалось около 22,9 тыс. компаний, на 50 % и более принадлежавших юридическим и/или физическим лицам из недружественных стран в 2020 г. (кроме Кипра⁴⁵⁹). Объем их выручки составлял приблизительно 16 трлн руб., а их доля в выручке всех компаний России — примерно 10%. Большая часть выручки принадлежала компаниям, чьи собственники зарегистрированы в Нидерландах, Германии, Швейцарии и Франции. Около 52 % выручки этих компаний создавалось в оптовой и розничной торговле, еще 29 % — в обрабатывающих производствах. Высока была доля этих компаний в выручке ряда отраслей сферы услуг: гостиницы и рестораны, финансы, информационно-коммуникационные технологии и торговля. В целом по обрабатывающей отрасли эта доля немногим превышала 10 %. В торговле и сфере услуг одновременно высока доля МСП, ниже барьеры для входа стартапов, а значит, выше возможности заполнения возникавших рыночных ниш после ухода иностранных компаний. В производственных сферах возможности для быстрой перестройки меньше из-за необходимости больших капиталовложений, освоения компетенций, кооперации и других факторов.

Регионы России отличаются высокой неоднородностью по доле выручки, создаваемой иностранными компаниями из недружественных стран (рис. 44). Наиболее высокая доля наблюдалась в ряде крупных индустриальных центров, где иностранные компании были представлены в обрабатывающих производствах (г. Москва, Московская, Ленинградская, Калужская, Владимирская, Белгородская области, Республика Коми), а также в регионах с выгодным приграничным положением (Калининградская, Ленинградская области, Приморский край). Эти регионы столкнулись с наибольшими рисками, но в некоторых из них выше и возможности для развития МСП в сфере услуг, например в крупных агломерациях и вблизи них: в г. Москве, Московской и Нижегородской областях. Ниже доля компаний из недружественных

⁴⁵⁹ На Кипре зарегистрированы многие компании с российскими конечными бенефициарами.

стран на рынках регионов, менее интегрированных в западные производственные цепочки из-за ориентации на восток (Хабаровский край, Красноярский край, Иркутская область), из-за значимой роли крупных местных бизнесов (Красноярский край, Томская, Омская области, Башкортостан), из-за неблагоприятного делового климата, например, в некоторых южных регионах.

Рисунок 44 – Оценочная доля иностранных компаний из недружественных стран в совокупном объеме выручки организаций регионов в 2018—2021 гг., %.

Источник: составлено автором по данным СПАРК-Интерфакс.

На середину 2023 г. 890 компаний заявили о полном уходе из России, из них только 462 ранее зарегистрировали юридическое лицо в России, а потому имели официально фиксируемую налоговыми органами выручку. Эти компании имели приблизительно 2,1 % выручки всех компаний в России и были представлены в 41 регионе (46 %). Наибольшая доля крупных иностранных компаний, заявивших о своем уходе, отмечается в Республике Коми (11,5 % выручки обеспечивала только одна компания «Mondi», которая связана с целлюлозно-бумажным производством) и в Самарской области (10 % выручки обеспечивали три компании, связанные с автопромом). Также значимая доля крупных иностранных компаний, заявивших о своем уходе, была в Ленинградской, Московской области, Москве и в Свердловской области (рис. 45) (Бобровский, 2023). Последние два показателя также необходимы для оценки роли (как фактического, так и потенциального) на внутреннем рынке региона иностранных компаний, которые могли покинуть рынок (Землянский и др., 2022), а соответственно это косвенно могло показать размер освободившихся рыночных ниш для МСП.

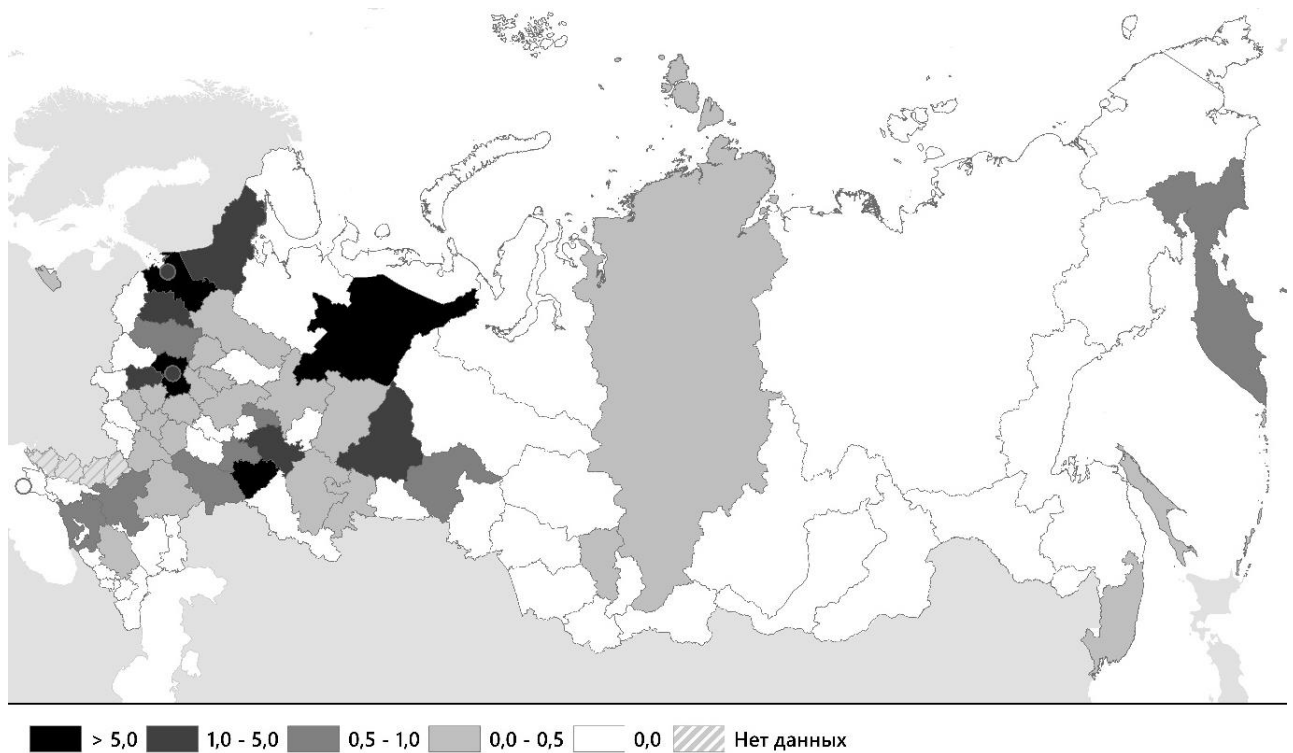

Рисунок 45 – Оценочная доля заявивших об уходе из России компаний в совокупном объеме выручки по регионам в среднем в 2017—2021 гг., %.

Источник: составлено автором по данным СПАРК-Интерфакс.

В результате был рассчитан интегральный индекс подверженности экономики регионов России санкционным рискам (рис. 46; Zemtsov, 2024). Выше было значение индекса для экономик северо-западных регионов (Республика Коми, Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Архангельская области, Республика Карелия), где сформировались тесные торговые и кооперационные связи с географически близкими странами Европейского союза, а также в автомобилестроительных центрах, интегрированных в глобальные производственные цепочки (Калужская, Ленинградская, Калининградская, Самарская области, Республика Татарстан, г. Москва), откуда ушли транснациональные корпорации-автогиганты. Все три региона на Балтийском море: г. Санкт-Петербург, Калининградская и Ленинградская области, как и ожидалось, оказались подвержены наибольшему влиянию санкционных рисков. Для Калининградской области наиболее значительные санкционные риски стали существенным стимулом кардинальной трансформации экономики и внешнеторговых связей. Пониженная подверженность рискам характерна для многих крупных диверсифицированных регионов с высокой долей обрабатывающей промышленности: Пермский, Хабаровский край, Ростовская, Томская, Новосибирская, Иркутская, Омская, Челябинская, Волгоградская, Воронежская, Брянская, Тульская, Рязанская области, Республика Башкортостан, Удмуртия. В этих регионах действуют крупнейшие производственные предприятия. Для большинства азиатских и дальневосточных регионов с пониженной и средней подверженностью рискам характерна

высокая диверсификация торговых потоков, в т.ч. ориентация на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона: Иркутская, Амурская, Томская области, Хабаровский, Красноярский, Забайкальский край. Наименьшее влияние рисков наблюдалось в удаленных от глобальных рынков (Алтайский край, Республики Тыва и Алтай) и менее развитых регионах (Республики Дагестан, Чечня, Калмыкия, Алтай, Тыва), а соответственно, менее вовлеченных в торговлю, производственные и иные связи с развитыми недружественными странами. Республики Северного Кавказа в силу своей близости к нейтральным странам смогли воспользоваться перенаправлением торговых потоков, в т.ч. в результате разрешения параллельного импорта, а также привлекли дополнительных внутренних туристов из-за ограничений на перемещения российских граждан за рубежом.

Рисунок 46 – Индекс подверженности санкционным рискам по регионам России.

Источник: составлено автором.

Для подтверждения гипотез в качестве зависимой переменной рассматривалось изменение числа субъектов МСП в июле 2023 года к июлю 2022 года⁴⁶⁰. Полный перечень переменных, предложенных для использования при проверке выдвинутых гипотез, представлен далее (табл. 27).

⁴⁶⁰ В июне каждого года происходит очистка Единого реестра субъектов МСП ФНС РФ от недействующих компаний, поэтому данные корректны именно на этот период, а затем в них накапливается ошибка.

Таблица 27 – Перечень переменных, используемых при построении регрессионных моделей.

Фактор	Переменная	Измерение переменной	Источник
Новые технологии	Цифровизация	Рост доли онлайн-торговли в объеме розничной торговли, %	Росстат
Рынок труда	Уровень безработицы	Уровень безработицы по методологии МОТ (в %)	Росстат
Человеческий капитал	Уровень образования	Среднее число лет обучения	Росстат
Спрос, включая рыночные ниши после ухода иностранных компаний	Рост доходов населения	Индекс реальных доходов населения (в % к предыдущему периоду)	Росстат
	Рост инвестиций	Индекс физического объема инвестиций в 2023 г.	Росстат
	Доля компаний из недружественных стран на рынке региона	Доля иностранных компаний из недружественных стран в совокупной выручке компаний региона (усреднено за 2017–2021 гг.)	Расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, (Земцов и др., 2023)
	Доля ушедших компаний на рынке региона	Доля ушедших компаний в совокупном обороте компаний региона (усреднено за 2017–2021 гг.)	Расчеты автора по данным СПАРК-Интерфакс, Росстат, (Бобровский, 2023)
Институциональные условия	Инвестиционный климат	Средний ранг региона в рейтинге инвестклимата АСИ в 2021–2022 гг.	АСИ
	Параллельный импорт	Бинарная переменная: 1 – регионы СКФО, 2 – остальные регионы РФ	Росстат
	Охват господдержкой	Число получивших поддержку предприятий к общему числу МСП в регионе, %	ФНС РФ
	Доля региона в господдержке	Доля региональной части в общем объеме поддержки МСП, %	ФНС РФ
	Объем господдержки на один субъект МСП	Государственная поддержка МСП, деленная на число МСП в регионе, руб.	ФНС РФ
	Охват льготным кредитованием	Охват субъектов МСП льготными кредитами, %	ФНС РФ
Структура экономики	Индекс санкционных рисков	Комплексный индекс, отражающий подверженность экономики разрыву связей с недружественными странами	Расчеты автора по данным Росстата и СПАРК-Интерфакс
	Доля сырьевых отраслей в ВРП	Доля видов экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство» в ВРП, %	Росстат, расчеты автора
	Доля высокотехнологичных отраслей в ВРП	Доля средне- и высокотехнологичных наукоемких отраслей (по методологии Росстата ⁴⁶¹) в ВРП, %	Росстат, расчеты автора
Инертность / Персистентность	Базовое значение	Число субъектов МСП в предыдущем году, ед.	Росстат, расчеты автора
	Плотность МСП	Число субъектов МСП на 10 тыс. человек населения	Росстат, реестр МСП ФНС РФ

⁴⁶¹ Приказ Росстата от 15.12.2017 N 832 (ред. от 17.01.2019) "Об утверждении Методики расчета показателей "Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте" и "Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации".

Агломерационные эффекты	Размер внутреннего рынка	Численность населения региональной столицы, человек	Росстат, расчеты автора
	Размер доступного рынка, включая зарубежных стран	Рыночный потенциал	Расчеты автора
Географическое положение и доступ к рынкам	Близость к крупным российским рынкам	Совокупный объем ВРП регионов России, поделенный на расстояние до них	Расчеты автора
	Близость к крупным зарубежным рынкам	Совокупный объем ВВП стран мира, поделенный на расстояние до них	Расчеты автора
Природные условия	Доля аграрного сектора	Доля растениеводства в ВРП, в %	Росстат, расчеты автора

Источник: составлено автором.

Все модели были построены посредством метода наименьших квадратов (МНК) с поправкой на гетероскедастичность с использованием робастных стандартных ошибок (табл. 28).

Гипотеза о негативном влиянии санкций в целом подтверждается. В регионах, где индекс санкционных рисков выше на 1%, число субъектов МСП в 2023 году сократилось в среднем на 0,02% сильнее, чем в среднем. Расширение санкционных и иных схожих рисков требует большего внимания исследователей, можно даже говорить о появлении нового направления научных исследований — «санкционномики» — об инструментах и последствиях соответствующей политики для разных стран и регионов. Оценка санкционных рисков для регионов как раздел нового направления может иметь некоторое теоретическое значение с точки зрения развития концепции шокоустойчивости (резильентности) региональных экономик, а с прикладной точки зрения служит целям укрепления экономической безопасности. Санкционные риски оказывают пространственно разнородное влияние. В регионах с более интенсивными связями со странами, вводившими санкции, риски спада предпринимательской активности были выше из-за разрыва поставок, ограничения доступа к рынкам. Впрочем, возможна переориентация торговых потоков при условии наличия финансовых, транспортных, кадровых и иных ресурсов и компетенций. Санкции против крупных юридических лиц, например, против группы «Северсталь» в Вологодской области, создают риски снижения предпринимательской активности в регионах регистрации этих организаций из-за снижения кооперации с субъектами МСП в условиях падения выручки, но рост спроса на местную продукцию компенсирует это влияние, в т.ч. за счет госзакупок. К тому же владельцы многих из этих предприятий стремятся снизить риски экспроприации собственности за рубежом, больше инвестируя внутри страны и базовых регионов (вынужденный решоринг). Уход иностранных компаний приводит к разрыву производственных цепочек, в отдельных случаях — к оттоку специалистов (релокации

сотрудников в другие страны), но одновременно высвобождает рыночные ниши для местного бизнеса. Доля компаний из стран, вводивших санкции, на рынке регионов оказалась преимущественно малозначимой переменной, но доля ушедших компаний на региональном рынке оказалась положительно значима. Высвобождение рыночных ниш стало благоприятным фактором для развития МСП, особенно в сфере услуг: рестораны, гостиницы, торговые предприятия. Иностранные производства были в недостаточной степени локализованы, поэтому их уход потребовал наращивания производственных цепочек, в том числе за счет малых предприятий.

Таблица 28 – Результаты построения регрессионных моделей.

Зависимая переменная: отношение числа субъектов МСП в 07.23 к 07.22, %. Все переменные (кроме бинарных) логарифмированы. 85 регионов			
Фактор	Переменная	1	2
Спрос, включая влияние санкций	Рост инвестиций	0,03**	0,06***
	Рост доходов населения		0,15*
	Доля компаний из недружественных стран на рынке	0,004*	
	Доля ушедших компаний на рынке	0,02***	0,02***
Институты, включая господдержку	Средний ранг рейтинга АСИ в 2021–2022 гг.		-0,009*
	Объем господдержки на один субъект МСП	0,01**	0,01**
	Доля региона в господдержке	-0,01*	-0,01**
	Вхождение региона в СКФО (дамми)	0,11***	
Структура экономики	Доля добывающих отраслей в ВРП	0,003*	
	Индекс санкционных рисков	-0,02***	-0,02***
Инертность	Плотность МСП в предыдущий год	-0,01	-0,07***
Географическое положение	Близость к крупным зарубежным рынкам	-0,007	
Исправленный R2		0,75	0,95

Источник: составлено автором.

Гипотеза о значимости институциональных условий и политики властей подтверждается. Более высокий объем поддержки, приходящегося на один субъект МСП, ассоциируется с более высокими темпами роста числа субъектов МСП в 2023 г., правда, в отличие от периода пандемии региональная часть поддержки была существенно ниже федеральной. Характеристика институциональной среды и рост инвестиций оказались положительно значимыми переменными. Иными словами, усилия властей по созданию условий для инвесторов и открытия новых фирм оказались востребованными и в период активного восстановления экономики и деловой активности. Рост инвестиций связан частично с существенным *бюджетным импульсом*: реализация национальных проектов, инвестиционные бюджетные кредиты, инвестиционные стандарты, льготные кредиты на инвестиционные цели и т. д. Реализация крупных инфраструктурных и иных проектов потребовала активного привлечения местного МСП. В регионах с диверсифицированной экономикой и внешнеторговыми связями, с проактивной

политикой властей в целом ниже вероятность снижения предпринимательской активности; эти регионы могут пользоваться результатами контрсанкционной политики импортозамещения федеральных властей (рост госзаказов, повышенный спрос на отечественные аналоги) и переориентации торговых, инвестиционных и иных потоков. Например, одной из наиболее подверженных санкционным рискам в России оказалась Липецкая область, но регион относительно диверсифицированный, в предыдущие годы власти региона проводили проактивную политику по привлечению инвесторов и развитию обрабатывающей промышленности, в новых условиях повышенный спрос на продукцию металлообработки и машиностроения создал основы для роста экономики и числа субъектов МСП.

В торговле после разрешения параллельного импорта возникли возможности появления и роста малых торговых фирм в регионах, граничащих с дружественными и нейтральными странами. Росли в 2023 г. объемы внутреннего туризма, а соответственно, и сектора услуг из-за ограничений на пересечение границ с недружественными странами. Поэтому если регион входил в состав Северо-Кавказского федерального округа, расположенного на границе с нейтральными странами и имеющими большой туристический потенциал, то в силу выгодного ЭГП здесь происходило наиболее активное развитие параллельного импорта, а соответственно число субъектов МСП не сокращалось. Последнее совпадает с результатами анализа для вновь созданных предприятий в 2022 г. (Земцов и др., 2023), то есть тенденция сохраняется.

Многие контрольные переменные, то есть значимые региональные характеристики предпринимательской активности стабильного периода (см. главу 4), в большинстве моделей оказались незначимыми (Приложение А.7, табл. 28). Это может свидетельствовать о кардинальном изменении параметров функционирования сферы МСП и всей региональной экономики. В ряде моделей рыночный потенциал территории оказался отрицательно значимым параметром, а близость к зарубежным рынкам – незначимым: разрыв связей с зарубежными рынками негативно сказался на изменении числа субъектов МСП, особенно в регионах Европейской России. При этом росло число субъектов МСП в регионах, где их плотность была ниже в предыдущие периоды, что связано как с уже упомянутым изменением базовых факторов, так и может быть проявлением эффекта низкой базы.

Показатели роста доходов населения в регионах оказались положительно значимыми (Zemtsov et al., 2022), что связано с переориентацией потребительского спроса на отечественные товары и услуги. В частности, в 2023 г. активно рос внутренний туризм, а соответственно и ресторанно-гостиничный бизнес. Конкуренция на рынке труда порождает рост заработных плат; на рост доходов населения также оказывает влияние выплаты служащим в армии.

Краткие выводы

За рубежом и в России часть экономической политики направлена на снятие барьеров и создание стимулов для развития МСП (Чепуренко, 2013a; Чепуренко, 2013b; Земцов и др., 2020; Барина и др., 2023). Традиционные меры поддержки субъектов МСП требуют значительных бюджетных ресурсов, но зачастую не решают их проблем (Bennett, 2008; Acs et al., 2016): охвачено малое число фирм (Антонова и др., 2020), поддержку могут получать не те фирмы, которые нуждаются, в т.ч. аффилированные с крупным бизнесом (Блохин, Глухов, 2024); поддержанные фирмы могут вытеснять более эффективные. В государствах со слабыми институтами общественного контроля, такими как независимые СМИ, некоммерческие организации (НКО) и т.д., подобная политика может создавать новые *институциональные ловушки*: коррупцию, «привилегированные» компании, рентное поведение экономических агентов, недоверие бизнеса к государству и т. д. Поэтому федеральные и региональные власти в большей мере должны быть ориентированы на улучшение общих условий ведения бизнеса, косвенные меры поддержки. К таким инструментам относят создание различного рода преференциальных режимов. Они не подразумевают прямого распределения финансовых средств между предпринимателями и в меньшей степени влияют на стимулы к формированию деструктивного предпринимательства, хотя и могут исказить деловой климат (п. 5.1).

Кратко некоторые описанные в главе примеры мер государственной политики в регионах России за последнее десятилетие описаны в табл. 29. Предложенная схема, основанная на принципах SWOT-анализа⁴⁶², может использоваться региональными властями и исследователями в дальнейшем для описания и предварительной оценки полноты и эффективности различных инструментов региональной или предпринимательской политики.

Эконометрические расчеты на региональных данных в целом подтверждают важность усилий региональных властей по улучшению делового климата (табл. 22), значимое влияние на повышение плотности малого бизнеса оказывают различного рода федеральные и региональные налоговые льготы. Эффективные зоны с преференциальными режимами уже создавались в регионах с благоприятными условиями и проактивными региональными властями, поэтому их влияние неоднозначно. Влияние налоговых проверок в основном незначимо благодаря снижению издержек бизнеса при их проведении. Увеличения формальных показателей добиться несравнимо легче, чем повлиять на неформальные институты: на отношение к предпринимателям со стороны чиновников и правоохранителей, на доверие между государством и бизнесом. При этом социокультурные нормы могут сохраняться десятилетиями или даже столетиями (см. главу 2).

⁴⁶² SWOT – сильные, слабые стороны, возможности и угрозы.

Таблица 29 – Примеры практик предпринимательской политики в регионах России

Направление	Примеры государственной политики	Достижения	Проблемы	Угрозы	Возможный целевой региональный индикатор
Новые технологии	Набор мер поддержки ИТ-сектора	Удалось снизить отток ИТ-специалистов	Выпадение налоговых поступлений	Рентоориентированное поведение	Плотность технологических стартапов, ед. на чел. ЭАН
Рынок труда	Введение налога на профессиональный доход	Обеление экономики	Преимущественно статистический рост	Переток работников из сферы МСП	Доля неформально занятых, %
Человеческий капитал	Предпринимательское образование	Внедрение платформ университетского технологического предпринимательства	Недостаточная открытость инструментов поддержки	Невозможность проверки влияния поддержки на результаты МСП	Число университетских МИПов, ед.
Спрос на товары и услуги	Рост госзакупок у МСП	Расширение квоты МСП в госзакупках	Искажение стимулов к конкуренции	Рост аффилированности с крупными компаниями	Доля госзакупок, приходящихся на МСП, %
Институциональные условия	Доступность капитала	Льготное банковское кредитование / гарантии	Недостаток венчурного капитала	Волна банкротств из-за закредитованности	Средняя ставка кредита для субъекта МСП, %
	Налоговые льготы	Внедрение преференциальных налоговых режимов	Низкая эффективность территорий с преф. режимами	Выпадение налоговых поступлений	Наличие региональных льгот по налогам
	Административная нагрузка	Цифровизация процедур, госуслуг для бизнеса	Рост издержек цифровизации	Угрозы кибербезопасности	Число проверок на один субъект МСП
Структурная политика	Развитие инфраструктуры поддержки промышленных МСП	Рост доли промышленности в структуре МСП	Конкуренция со стороны китайских и иных партнеров	Неконкурентоспособность продукции на мировых рынках	Доля производственного сектора в выручке субъектов МСП, %
Географическое положение и рыночный потенциал	Развитие магистральной инфраструктуры, в первую очередь, трансграничной на востоке	Расширение автодорожной сети, расширение инфраструктуры пограничных переходов	Пропускная способность магистральной инфраструктуры на востоке ограничена	Расширение ограничений со стороны юго-восточных партнеров. Запрет параллельного импорта	Плотность автодорог с твердым покрытием, км на км ² площади
Природные условия	«Северные надбавки»	Снижение оттока рабочей силы с северных территорий	Рост издержек малых бизнесов	Отток субъектов МСП в соседние южные регионы	Доля регионов Арктической зоны в общем числе субъектов МСП, %

Источник: составлено автором.

Во время внешних шоков влияние государственной политики на МСП растет (табл. 30). Так, отдельные вынужденные решения региональных и федеральных властей в России могли серьёзно снижать деловую активность: в 2020 г. к этим мерам относятся противоэпидемиологические ограничения, в 2022 г. – повышение ключевой ставки Банка России. Параллельно антикризисные меры поддержки МСП в 2020 и 2022 гг. вводились относительно оперативно: в 2020 г. – это субсидии, льготные кредиты на сохранение занятости, а соответственно и предприятий, а в 2022 г. – целый комплекс мер федеральных и региональных, включая льготное кредитование, расширение гарантийной системы, существенное расширение госзакупок и госзаказов (бюджетный стимул). Иными словами, государственная политика оказывает значимое влияние на шокоустойчивость МСП.

Таблица 30 – Сравнение результатов оценки влияния государственной политики на динамику числа субъектов МСП в 2020 г. (шок пандемии) и 2023 г. (санкционный шок).

Зависимая переменная: годовой рост числа субъектов МСП, %				
Условие / фактор	Переменная	Оценка	2020	2023
Новые технологии	Рост доли компаний с веб-сайтом, п.п.	+	0,02*	
Рынок труда	Уровень безработицы (МОТ), %	?		
Человеческий капитал	Среднее число лет обучения	?		
Спрос на товары и услуги	Доходы за вычетом ПМ, тыс. руб. / Рост доходов населения, %	+	0,01**	0,15*
	Рост инвестиций, %	+		0,06***
	Доля ушедших из России компаний на рынке	+		0,02***
Институциональные условия и государственная политика	Инвестиционный рейтинг АСИ, пунктов	+	0,04***	0,01*
	Индекс строгости карантинных мер, пунктов	-	-0,01***	
	Поддержка МСП*доля компаний с веб-сайтом / Объем господдержки на 1 субъект МСП	+	0,001*	0,012**
Инертность / Эффект низкой базы	Число субъектов МСП в предыдущем году, ед.	-	-0,01***	-0,07***
Пространственные эффекты	Объем рынка (ВВП) соседних регионов, скорректированный на индекс строгости карантинных мер в них	-	-0,01***	
Структура экономики: пострадавшие от шока отрасли	Доля МСП в наиболее затронутых коронакризисом отраслях и отраслях, связанных с ними, % / Индекс санкционных рисков, отражающий долю пострадавших отраслей от разрыва связей с недружественными странами, баллов	-	-0,02***	-0,02***
Агломерационные эффекты	Население столицы региона, чел.	+	0,01***	
Геоположение	Потенциал международного ЭГП, млрд руб.	-	-0,01***	-0,007
Природные условия	Доля растениеводства в ВРП, в %	+	0,002***	
	R2	+	0,55	0,95

Источник: составлено автором на основе результатов проведенных расчетов.

Примечание: оценка влияния: «+» – значимое положительное, «-» – значимое отрицательное, «?» – незначимое или неоднозначное.

Эконометрические оценки подтверждают положительную роль мер господдержки в сохранении субъектов МСП (табл. 30). Крупные агломерации первыми были подвержены внешнему шоку: в 2020 г. из-за большой доли сервисных отраслей и строгих противокоронавирусных ограничений, в 2023 г. из-за ухода иностранных инвесторов и разрыва международных связей, но в обоих случаях предпринимательская активность в них быстро восстанавливалась и росла благодаря диверсифицированной структуре их экономики и высокому спросу. Шоки затронули различные группы отраслей: в период коронакризиса сильнее пострадали многие северные и приграничные регионы с высокой долей экспортных поставок, развитыми транспортными сервисами, а в южных регионах благодаря устойчивому спросу на продукты питания, серьезных изменений не произошло; в период санкций сокращалась активность в северо-западных регионах, а также в ряде областей, граничащих с введшими санкции странами, а росла – в регионах Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, где ее можно связать с переориентацией внешнеторговых связей и ростом параллельного импорта. Особенности рынков труда, включая уровень образования занятых, оказались незначимы, вероятно, из-за их высокой инертности. Итак, ключевыми факторами, определившими различные направления изменения числа субъектов МСП в периоды внешних шоков 2020 и 2023 гг. (табл. 30), стали подверженность экономики региона этим шокам, характеристики инвестиционного климата⁴⁶³ и регуляторной среды, рост / сжатие доступных рынков, в т.ч. в соответствии с действиями властей по поддержке социально уязвимых слоев населения и увеличению бюджетных расходов в форме госзакупок, а также доступность господдержки.

В долгосрочной перспективе без адекватной вызовам и состоянию общества предпринимательской политики страны и регионы не смогут преодолеть базовые «провалы рынка», будь то недостаточный уровень диверсификации экономики, привилегированное положение отдельных компаний⁴⁶⁴ или высокое неравенство. И меры не могут сводиться только к помощи малому бизнесу, а требуют кардинальных реформ по улучшению институциональной среды и расширению соответствующих полномочий местных органов власти. С учетом скорости глобальных изменений возможности проведения централизованной политики («сверху») снижаются, что обосновывает необходимость расширения полномочий и инструментов региональных властей⁴⁶⁵.

⁴⁶³ Значимость условий инвестиционного климата в регионе приводит к ряду неочевидных выводов. Так как рейтинг АСИ – это во многом косвенный индикатор качества регионального управления, то оно выступает важным условием развития предпринимательства и внедрения государственных новаций в этой сфере, опровергая тезис о преимуществах минимального вмешательства государства в рыночные процессы (Полтерович, 2007).

⁴⁶⁴ И преобладание порядков ограниченного доступа (North et al., 2009), когда значительная часть экономики сосредоточена в руках ограниченной группы лиц.

⁴⁶⁵ Во время коронакризиса региональным администрациям во многих странах, включая Россию, были переданы полномочия по регулированию противоэпидемиологических мероприятий, в т.ч. по работе малого бизнеса. То есть была признана ограниченность возможности принятия решений из единого центра в условиях быстрых изменений.

Глава 6. Новые подходы к региональной предпринимательской политике⁴⁶⁶

Государственная политика влияет на ускорение / замедление прохождения пространственно-временных волн деловой активности населения (см. п. 2.1, 5.1) за счет радикального снижения издержек и барьеров для потенциальных предпринимателей, расширения их возможностей, в первую очередь, потенциального спроса (см. 1.4, 2.1., 5.1).

Для улучшения экономико-географического положения страны при Петре I был обеспечен доступ к незамерзающему Балтийскому морю вблизи европейских рынков, а одновременно создан рынок внутренний для промышленности: флот и армия потребляли сталь, древесину и многие другие материалы, производимые новыми предприятиями во многих регионах. Освоение новых пространств создавало волны предпринимательской активности, например, сельскохозяйственное заселение восточных регионов после Столыпинских реформ при одновременном углублении процессов урбанизации. Волны часто начинались с фундаментальных реформ, направленных на распространение инклюзивных институтов, например, появление первого письменного свода законов «Русская Правда» при Ярославе Мудром⁴⁶⁷, великие реформы Александра II⁴⁶⁸. Вероятно, реформы по либерализации законодательства в начале 2000-х гг., внедрение в регионах инвестиционных стандартов, упрощавших формальные процедуры в 2010-е гг. (см. п. 5.2), также способствовали распространению конструктивной предпринимательской активности. Рост предпринимательского капитала требует вовлечения большего числа жителей в деловую активность, например отмена крепостного права высвободила миллионы граждан для свободного рынка труда. Важны были усилия по повышению уровня образования: в преддверии реформ Петра I появились первые высшие учебные заведения, привлекались иностранные специалисты, перед Великими реформами росла грамотность населения и создано несколько университетов в разных регионах, в преддверии волны 2000-х гг. средний уровень образования занятых рос на фоне распространения новых способов обучения (см. п. 1.4). Внедрение новых технологий часто становилось основой распространения новых форм предпринимательской активности, например расширение железнодорожного строительства интенсифицировало обмен товарами и услугами в начале XX в., уже в 2000-е гг. новые ИКТ обеспечили возможность повсеместного расширения

⁴⁶⁶ Частично использованы материалы статей автора диссертации с его соавторами: Земцов С.П., Бабуринов В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. №2. С. 4–14; Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Баранова В.А., Красносельских А.Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. №10. С. 44–67; Baranova V. A., Zemtsov S. P. From Direct SMEs' Support to Entrepreneurship Policy in Russia: Why Do Regional Entrepreneurial Ecosystems Matter? // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13. №. 3. P. 440–457.

⁴⁶⁷ Судебные обычаи дружины (элиты) стали распространяться на более широкие слои населения, то есть речь могла идти о внедрении более инклюзивных институтов.

⁴⁶⁸ Кроме отмены крепостного права не менее значимую роль для стимулирования предпринимательской активности сыграла судебная реформа, в частности провозглашение равенства всех перед судом.

интернет-торговли. *Новая предпринимательская политика* также должна включать меры воздействия на каждый из факторов (глава 4) в регионах.

Исторически роль государства в изменении базовых условий, регулировании деловой активности в России высока (см. главу 2). При этом политики в мире часто стремятся к внедрению быстрых с точки зрения электоральных циклов и понятных избирателям мер, но стоит опасаться подобной «магии простых решений»⁴⁶⁹. Опыт традиционной государственной политики поддержки МСП не всегда можно признать успешным, зачастую государственное вмешательство в предпринимательскую деятельность может иметь негативные последствия и / или косвенные отрицательные эффекты (см. главу 5). Политики не хотят быть обвиненными в ангажированности, поэтому постепенно происходит переход от простых форм прямой поддержки предприятий к косвенным инструментам, направленным на последовательное формирование деловой среды регионов. При этом простое заимствование и/или быстрое внедрение различного рода зарубежных институтов в разнообразном деловом климате российских регионов не всегда возможны⁴⁷⁰ и могут не привести к позитивным результатам (Дружинин, Шувалов, 2004; Полтерович, 2007; Гринберг, Комолов, 2020) (п. 5.1), а лишь к их имитации. Поэтому требуется учет многих региональных факторов, внедрение экспериментальных режимов с последующим тиражированием, расширение публичной многокритериальной оценки и других инструментов современной доказательной политики.

Фокус в региональных исследованиях с анализа факторов размещения конкретных предприятий сместился в сторону изучения среды – делового климата территории, в котором они формируются, существуют и взаимодействуют. Региональные характеристики объясняют большую часть вариации предпринимательской активности в России (глава 4), высокая доля региональной компоненты в структурных изменениях МСП (п. 3.4) доказывают необходимость проведения региональной политики. Но в России региональные власти ограничены в инструментах воздействия⁴⁷¹, а федеральные меры могут не иметь должной региональной проекции и учёта особенностей регионов (глава 5). В условиях многочисленных внешних вызовов (климатических, технологических, геополитических) и постоянных изменений важны новые подходы и инструменты.

⁴⁶⁹ «Простые решения» могут не только вести к негативным последствиям, но и могут укореняться в культуре и экономике, порождая негативные экстерналии на протяжении многих лет. К подобным "институциональным ловушкам" можно отнести распространение крепостного права в России (Травин, 2023).

⁴⁷⁰ Например, внедрение координационно-совещательных органов с представителями МСП в большинстве регионов и муниципалитетов ранее сложно признать успешным опытом (Виленский, 2012). Создание института Уполномоченного по правам предпринимателей и его региональных подразделений нельзя оценить однозначно из-за ограниченности их полномочий.

⁴⁷¹ Например, региональные власти имеют немного рычагов влияния на отделения федеральных органов: прокуратура, Роспотребнадзор, Росреестр и др. За исключением, вероятно, г. Москвы, Республики Татарстан и нескольких других крупных регионов, где влияние и авторитет главы высоки на федеральном уровне в силу историко-институциональных особенностей (Туровский, 2006).

6.1 Предпринимательские экосистемы и геосистемы как новые категории региональной науки и политики

В соответствии с эволюционными представлениями и в тесной связи с теорией систем в региональной науке все чаще используется понятие «*экосистема*», которое пришло из биологии. Применяются аналогии с разными рыночными нишами, которые занимают бизнес-агенты, использующие разные стратегии выживания⁴⁷²: «мыши», «слоны», «газели» и т. д. Большая часть субъектов МСП в России относится к небольшим фирмам с низким потенциалом роста («мыши»); для своих владельцев они предоставляют альтернативу наемному труду. Подавляющее большинство из них останутся небольшими. Существенную долю в экономике занимают крупнейшие медленно растущие корпорации⁴⁷³ («слоны»), например, ПАО «НК „Роснефть“» и др. (Абрамов и др., 2017). И лишь небольшая доля компаний относится к быстрорастущим «газелям», причем эта доля сокращается во время кризисов (Полунин, Юданов, 2016): ≈2% в 2021 г., 4,5% – 2019 г.⁴⁷⁴ К этой группе на ранних этапах относились компании, ставшие впоследствии «национальными чемпионами» в своих нишах: «МТС», «Яндекс», «Вкусвилл», «Фаберлик», «Лента», «Бэст Прайс» (Fix Price), «Озон», «Вайлдберриз» и др. (Бортник и др., 2015а; Юданов, 2010; Барина и др., 2015; Земцов, Маскаев, 2018)⁴⁷⁵. В России признанные компании-«единороги»⁴⁷⁶ отсутствуют из-за небольшого размера фондового и венчурного рынков, слабой вовлеченности в глобальную экономику высоких технологий (Толмачев, Чукавина, 2020), но есть претенденты⁴⁷⁷.

Предпринимательскую экосистему можно определить как динамичное, институционально выстроенное взаимодействие между экономическими агентами, которое влияет на распределение ресурсов посредством создания и эксплуатации новых предприятий (см., например, Acs et al., 2014). Но в данном случае речь, скорее, идет о *бизнес-экосистеме* (Moore, 1996), т.к. нет учета особенностей среды, поэтому предложено иное определение.

⁴⁷² Например, в рамках биологического подхода Л. Г. Раменского – Дж. П. Грайма может быть выявлено 4 стратегии конкурентной борьбы: виолентная (крупные компании), патиентная (специализированные чемпионы), коммутантная (массовый бизнес) и эксплерентная (технологические компании) (Юданов, 2024).

⁴⁷³ Вопрос об эффективности госкомпаний (Абрамов и др., 2017) не входил в задачи исследования, но в высокотехнологичных отраслях в России в некоторый период не выполнялся закон Жибра (Гибрата) о стохастическом характере среднего роста компаний: крупные предприятия, связанные с государством, могли расти быстрее средних (Земцов, Чернов, 2017), а соответственно нарастала концентрация их рыночной власти.

⁴⁷⁴ Росстат. Показатели предпринимательской активности предприятий по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics>.

⁴⁷⁵ «Газели» обеспечивают до 50% прироста ВВП в развитых странах. В России на фирмы-«газели» приходится до 35% прироста выручки малых и средних предприятий и 25% прироста рабочих мест (Земцов, Маскаев, 2016).

⁴⁷⁶ The unicorn report. URL: <https://www.cbinsights.com/research/unicorn-club-global-trends-infographic/>.

⁴⁷⁷ «Яндекс», Avito, Ozon, Wildberries, 1C, Группа Астра, «Лаборатория Касперского», «Делимобиль» (г. Москва), VK (г. Калининград), СКБ Контур (г. Екатеринбург) и др.; компании с российскими корнями: Telegram (г. Санкт-Петербург), inDriver (г. Якутск), Playrix (г. Вологда), OCSiAl (г. Новосибирск), Miro (г. Пермь), Revolut, Acronis и др. (Босс и др., 2020; Земцов, 2022b), а 14 выходцев из России есть среди 1078 основателей «единорогов» в США (1,3%). URL: US Unicorn Founders by Country of Origin/ URL: <https://medium.com/fact-of-the-day-1/august-31-us-unicorn-founders-by-country-of-origin-ae20894c3cae>.

Предпринимательская экосистема – это динамичные сети взаимодействия бизнес-агентов⁴⁷⁸ и иных взаимосвязанных с ними стейкхолдеров разной природы, формируемые в определенных условиях деловой среды, влияющей на издержки и возможности развития предприятий. Региональная предпринимательская экосистема, в первую очередь, связана с выявленными в диссертации региональными характеристиками, или доменами (Isenberg, 2011): институты, рынок труда и т. д., каждому из которых соответствуют некоторые стейкхолдеры – группы заинтересованных лиц (см. рис. 47). При этом предпринимательская политика может оказывать влияние различными мерами на каждую из групп⁴⁷⁹. Контрагенты взаимодействуют друг с другом, формируя устойчивые формальные и неформальные сети: производственные, технологические и иные, конфигурации которых меняются, как и интересы игроков.

Отличительной чертой предпринимательских экосистем является их способность к саморегуляции. Поэтому, как только взаимодействие между всеми частями экосистемы станет устойчивым, а сами элементы – достаточно сильными, участие государства может быть значительно сокращено. Предприниматели, как и другие экономические агенты, ограничено рациональны, но их ошибки в развитой экосистеме не ведут к катастрофическим последствиям, в отличие от потенциальных решений регуляторов или крупных доминирующих компаний. В целом развитые экосистемы благодаря наличию большого числа агентов и связей повышают устойчивость региональной экономики (Malecki, 2018, Земцов, Бабурин, 2019).

Целенаправленное формирование предпринимательских экосистем можно считать *проявлением системного подхода в политике*. Для оценки развитости экосистемы в соответствии с теорией систем (см., например, Бабурин, 2022) следует измерять плотность агентов, их изменчивость, разнообразие и связанность. Чем выше плотность агентов, тем выше число связей, устойчивость всей системы. *Изменчивость* отражает динамику предпринимательской активности, долю быстрорастущих фирм в экосистеме. *Разнообразие* предполагает учет уровня диверсификации сферы МСП, доли технологически сложных отраслей. *Связанность* экосистемы зависит от числа и интенсивности связей между бизнес-агентами и стейкхолдерами.

Конкретные региональные предпринимательские экосистемы являются уникальными, поскольку возникают в результате взаимодействия большого числа элементов. В качестве примера развитых экосистем можно привести высокотехнологичные кластеры⁴⁸⁰. Разные группы стейкхолдеров могут стимулировать *создание новых предприятий*. Так, центральные и региональные власти сыграли значимую роль в формировании экосистемы ИТ-компаний в г.

⁴⁷⁸ К бизнес-агентам в России относятся несколько категорий: самозанятые, индивидуальные предприниматели, микро-, малые, средние и крупные предприятия.

⁴⁷⁹ Политическое вмешательство должно сконцентрироваться на предпринимателях-актерах в экосистеме, поставщиках ресурсов, коннекторах (ассоциации и т.д.) и деловой среде (Mason, Brown, 2014).

⁴⁸⁰ Развитые экосистемы могут включать в себя несколько кластеров. В общем случае кластер – более узкая (видовая) категория предпринимательских экосистем (Zemtsov et al., 2021).

Бангалор (Карнатака, Индия), совместно с ТНК – в развитии экосистемы микроэлектроники в г. Шенчжень (Гуандун, Китай). Это может быть университет, как в случае г. Бостона (Массачусетс, США), г. Кембриджа (Великобритания): Массачусетский технологический и Кембриджский университеты сформировали вокруг себя благоприятную для развития технологических стартапов университетскую экосистему со специализированными курсами, бизнес-инкубаторами, технопарками, центрами трансфера технологий и т. д. Это может быть кооперация крупной корпорации, местного университета и правительственных организаций, как в г. Эспоо (Финляндия): штаб-квартира Nokia, Университет Аалто и Фонд Tekes (Мальцева, Кархунен, 2012). В г. Остине (Техас, США) основой *повышения разнообразия* экосистемы стала кооперация действий местных властей, стремившихся уйти от нефтяной зависимости, и Техасского университета; здесь сформирована комфортная городская среда, а различные налоговые льготы позволили привлечь технологических гигантов, например Oracle. Экосистема г. Боулдера (Колорадо, США), известная своей *динамичностью и большой концентрацией быстрорастущих компаний*, формировались как сеть спин-оффов⁴⁸¹ крупных компаний-«инкубаторов», в первую очередь, IBM и Университета Колорадо (Cooper, 1985). Один из примеров фирмы-инкубатора для серийного предпринимательства в экосистеме Кремниевой долины (Калифорния, США) – компания PayPal⁴⁸², в команде которой зародились впоследствии проекты фирм Tesla Motors, LinkedIn, SpaceX, YouTube и др. В России цифровые бизнес-экосистемы выстраиваются вокруг крупнейших технологических компаний («Сбер», «Яндекс», МТС и др.), но пока почти исключительно в г. Москве. *Связанность бизнес-агентов* выше внутри экосистем со сложившимися рыночными институтами и сервисами. Организации поддержки предпринимательства, обеспечивающие консалтинговые услуги, помогающие в привлечении финансов, сыграли значимую роль в построении успешных экосистем г. Канзас-Сити (США), Сингапура, г. Минска (Беларусь) и др. В России эту роль выполняют с разной степенью успешности институты развития: АСИ, Фонд содействия инновациям и др. (Земцов и др., 2019), Корпорация МСП, организации инфраструктуры поддержки МСП («Мой бизнес») и др. Для развития устойчивых экосистем важно формировании многочисленных горизонтальных (равнозначных) связей между бизнес-агентами и стейкхолдерами⁴⁸³.

⁴⁸¹ Новая или дочерняя фирма, отделившаяся от материнской компании, часто создаваемая для выполнения непрофильной для последней деятельности.

⁴⁸² Оператор одноименной платежной системы. Команду проекта часто называют «мафия PayPal».

⁴⁸³ В России преобладают различные иерархические связи, когда одни агенты находятся в подчинении других: филиалы госкорпораций в регионах подчинены головным офисам в Москве, региональные власти – федеральным, университеты – федеральным ведомствам и т. д. Существенные ресурсы при сотрудничестве между агентами внутри региона тратятся на транзакционные издержки взаимодействия с их «головными офисами», административные согласования и т. д., а зачастую связи и вовсе невозможны – в случае, если один из контрагентов относится к ОПК и выполняет гособоронзаказ. Рост интенсивности вертикальных связей часто связан с высокими транзакционными издержками взаимодействия, а также особенностями корпоративной культуры – в России традиционно высока дистанция власти (Аузан, 2022).

Рисунок 47 – Факторы предпринимательской активности, заинтересованные стороны (стейкхолдеры) региональной предпринимательской экосистемы и некоторые соответствующие инструменты предпринимательской политики.

Источник: составлено автором с учетом: Isenberg, 2011; Mason, Brown, 2014; Stam, 2015; Бабурин, Земцов, 2016; Audretsch, Belitski, 2017; Feld, 2020.

Примечание: серые скругленные прямоугольники отображают основные региональные характеристики (домены), связанные с предпринимательством, эллиптические окружности – основные заинтересованные стороны (стейкхолдеры), таблицы на периферии – некоторые возможные меры предпринимательской политики, соотносящиеся с выявленными региональными факторами.

Для описания предпринимательской экосистемы в регионах с высокой технологической составляющей может использоваться представленная ниже (табл. 31) модель стадий инновационного цикла (п. 1.3), или уровней технологической готовности (УГТ). Целевым состоянием региональной экосистемы является развитие каждой из стадий.

Таблица 31 – Модель национальной предпринимательской экосистемы России с точки зрения развития технологического конструктивного предпринимательства.

Стадии развития бизнеса	Число компаний, ед.	Число регионов, ед.	Действующие и <i>потенциальные</i> элементы экосистемы с точки зрения господдержки
Предпосевная стадия. Потенциальные технологические предприниматели – доля выпускников STEM-специальностей, желающих открыть бизнес (Семенова и др., 2023; Shirokova et al., 2019)	≈170 000	83	Деловые игры. Обучение предпринимательству + рост набора на STEM-специальности. <i>Предпринимательские университеты</i> . Стартап как диплом. Точки кипения. Гранты ВЭБ.РФ. Обучение за рубежом. Передовые инженерные школы. <i>Программы для предпринимателей-мигрантов</i> . «Приоритет-2030».
Посевная стадия. Число новых высокотехнологичных компаний (Барина и др., 2020; Земцов, 2022) ⁴⁸⁴	99 359	83	Бизнес-инкубаторы. <i>Предпринимательские советы в вузах</i> . Обучение ведению бизнеса, консалтинг. Научноград. Улучшение условий ведения бизнеса. Стартап-студии. Регуляторные песочницы.
Действующий стартап. Число новых частных высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой ⁴⁸⁵ (Zemtsov et al 2021)	9945	83	Бизнес-ангелы. Поддержка ННПКР. Налоговые и иные льготы. <i>Инновационные ваучеры</i> . Национальная технологическая инициатива. Технопарки. Кластерные инициативы.
Прибыльный стартап. Число новых частных высокотехнологичных компаний с ненулевой прибылью (СПАРК-Интерфакс)	7295	≈80	Акселераторы. Инвестфонды. Государственные закупки. Связанные гранты. Проекты-маяки с офсетными контрактами. Кластерная инвестиционная платформа.
Технологические компании-экспортеры. (Земцов, Чернов, 2019)	≈1490	≈70	Экосистема поддержки экспорта. Инновационные научно-технологические центры. Индустриальные парки. ОЭЗ.
Стартапы, привлекавшие венчурный капитал ⁴⁸⁶	281	≈30	Частно-государственные венчурные фонды. АО «РВК». <i>Привлечение венчурных инвесторов, в т.ч. диаспоры</i> . <i>Реэмиграция предпринимателей</i> .
Технологические «газели» ⁴⁸⁷ , национальные чемпионы (Барина и др., 2015; Медовников и др., 2016)	107	24	Отбор компаний с привлечением международных инвесторов, в т.ч. <i>диаспоры</i> . Экономическое садоводство. Поддержка чемпионов. Связанные гранты.
«Единороги» ⁴⁸⁸	≈2	1	<i>Консьерж-поддержка на уровне вице-премьеров</i>

Источник: расчеты и оценки автора на 2020–2021 гг.

⁴⁸⁴ RUSLANA (<https://ruslana.bvdep.com>).

⁴⁸⁵ СПАРК-Интерфакс (<https://spark-interfax.ru/>).

⁴⁸⁶ Tadviser (https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Венчурные_инвестиции_в_России).

⁴⁸⁷ TexУспех (<http://ratingtechup.ru/>).

⁴⁸⁸ Рейтинг Inc. 100 Россия (<https://incrussia.ru/understand/top-100/>).

Прослеживается сужающаяся «воронка»: от 170 тыс. потенциальных предпринимателей (на стадии идеи) во всех регионах страны до 1–2 фирм-«единорогов» (на стадии крупной компании) в столице (Земцов, 2022b). В России существует довольно много мер политики поддержки на каждой стадии⁴⁸⁹, которые пока не привели к созданию признанных глобальных технологических компаний. Инструменты неравномерно действуют на территории страны. Так, число объектов поддерживающей инфраструктуры⁴⁹⁰ в г. Москве превышает полсотни, но объекты отсутствуют в Тыве, на Алтае, в Калмыкии и др. регионах.

Описанный *экосистемный подход* не учитывает в полной мере базовых региональных условий, которые не имеют непосредственных заинтересованных лиц (табл. 32). В первую очередь, к ним относятся природная среда и географическое положение. Федеральные меры могут не иметь должной региональной проекции и учёта особенностей регионов. В отличие от экосистемного подхода, ориентированного на интенсификацию связей бизнес-агентов, в *геосистемах* соизмеримую роль играют условия среды территории, в которых эти связи формируются, или деловой климат. Результаты докторской работы подчеркивают значимость региональных характеристик (см. главу 4). *Предпринимательская геосистема – территориально ограниченное пространство взаимодействия бизнес-агентов, где отдельные компоненты внешней среды, включая природные и социально-экономические, находятся в системной взаимосвязи друг с другом и со взаимосвязанными с ними предпринимательскими сетями.* Геосистемный подход предполагает более глубокий анализ местных ограничений и возможностей, в т.ч. с учетом построения геоинформационных систем (ГИС).

Таблица 32 – Сравнение экосистемного и геосистемного подходов в политике

Характеристики	Предпринимательская экосистема	Предпринимательская геосистема
Объект политики	Сети взаимодействия	Пространство взаимодействия
Основные связи, взаимодействия	Внутри между бизнес-агентами и стейкхолдерами	Взаимодействие бизнес-агентов внутри и вовне, оценка взаимовлияния с внешней средой
Учет внешней по отношению к системе среды	Слабый	Равноценно внутренним связям
Учет природных и географических особенностей	Минимальный	Применяются методы регионального анализа, в т. ч. ГИС ⁴⁹¹
Учет исторических закономерностей	Минимальный	Важно для выявления устойчивых типов геосистем
Ожидаемый результат политики	Повышение числа и плотности быстрорастущих компаний	Повышение числа и плотности конструктивного предпринимательства

Источник: составлено автором.

⁴⁸⁹ К сожалению, нежелательным последствием развитая системы «инновационного лифта» может быть формированию компаний-«зомби», ориентированных на получение господдержки на всех этапах своего развития без должного эффекта для экономики (рентоориентированное предпринимательство).

⁴⁹⁰ <https://invest.gov.ru/>.

⁴⁹¹ В последние годы это направление развивается, например в рамках геомаркетинга (Имангалин, 2013).

6.2. Цели, принципы и лучшие практики предпринимательской политики

В диссертационном исследовании *системным подходом* в предпринимательской политике будет обозначаться *проактивная политика властей, учитывающая особенности делового климата регионов и сочетающая комплекс мер косвенной и прямой поддержки по улучшению предпринимательской среды и выстраиванию устойчивых связей между предпринимателями, местным сообществом, властями разных уровней и другими стейкхолдерами с целью повышения плотности, разнообразия и связанности бизнес-агентов. Геосистемный подход* в этом случае отличается более полным учетом особенностей конкретной территории, включая использование геоинформационных технологий. При этом предприниматели и их объединения выступают не только объектами политики, но и ее активными участниками (Stam, 2015). Лучшие примеры сочетания косвенных и прямых мер поддержки МСП (табл. 33) позволяют преодолеть отдельные недостатки традиционных подходов в политике, рассмотренных в предыдущей главе. Подобную политику следует считать предпринимательской в противовес существующему до этого набору мер прямой поддержки МСП, включая распределение средств, а проактивные регионы можно назвать *предпринимательскими*. Довольно давно (Harvey, 1989; Hall, Hubbard, 1996; Kolosov et al., 2002) идет обсуждение перехода региональной политики от менеджерального (бюрократического) подхода к управлению к модели «предпринимательского региона», когда власти конкурируют друг с другом за предпринимателей, создают бизнес-инфраструктуру, улучшают деловой климат для привлечения новых индустрий, инвесторов.

На основе результатов проведенного диссертационного исследования сформулированы *шесть базовых принципов* новой предпринимательской политики.

Инклюзивность. Меры способствуют формированию в отдельных регионах и городах прогрессивных норм и правил «для всех», институтов развития (в широком смысле) для большого числа контрагентов. Например, вместо прямой поддержки отдельных фирм может быть создан пул местных инвесторов, впоследствии – институты венчурного капитала⁴⁹². Неприемлема, например, поддержка отдельных компаний и лиц, аффилированных с чиновниками и корпорациями.

⁴⁹² В 60-е гг. в США в ответ на опережающее научно-технологическое развитие СССР, в частности в космической сфере, происходит переосмысление роли предпринимательства: «Америка потеряла предпринимательский дух», которые необходимо возродить. Но вместо роста прямых финансовых вложений в новые предприятия создаются специальные институты (институты развития), которые бы впоследствии смогли сформировать долгосрочные нормы, направленные на рост предпринимательских намерений. Одним из важнейших стали «Инвестиционные компании малого бизнеса» (от англ. Small Business Investment Company – SBIC), которые на условиях государственного софинансирования предоставляют долгосрочные ссуды конструктивным предпринимателям: малым и средним компаниям, имеющим потенциал роста (Бабурин, Земцов, 2017). Впоследствии это приведет к развитию венчурной индустрии и буму технологических стартапов. Инвестиционные компании до 70% своего капитала могли формировать за счет государственных средств и получили налоговые стимулы, но обязаны были финансировать проекты малого бизнеса.

Взаимосвязанность. Меры предполагают кооперацию большого числа стейкхолдеров для выработки решений: МСП, крупные компании, университеты, органы власти, общественные организации и др. Недоверие между агентами и отсутствие практики реализации совместных проектов ограничивает проведение подобной предпринимательской политики. Не всегда интересы стейкхолдеров совпадают⁴⁹³.

Согласованность. Координация различных мер политики на общестрановом, региональном и локальном уровнях на основе принципа «Сначала думай о малом»; согласование ведомственных программ. Действия отдельных контролирующих органов, заинтересованных в снижении нарушений путем усиления надзора и повышения отчетности, могут противоречить этому принципу⁴⁹⁴.

Публичность (открытость). Создание открытой системы отбора направлений и объектов поддержки с использованием внешней экспертизы, мониторинга и внешней оценки эффективности используемых мер. Информация о поддержанных за счет бюджетных средств субъектах МСП и их результатах деятельности не всегда публикуется онлайн, как и оценки эффективности, что может снижать доверие к мерам госполитики в целом.

Локальность. Меры учитывают специализацию и иные особенности МСП в регионах и городах, интересы местных стейкхолдеров, что не всегда возможно из федерального центра. Большая часть малого бизнеса создается и развивается в рамках региональных рынков, имеет свою специфику.

Приоритетность (селективность). Открытый профессиональный отбор и дифференцированная поддержка наиболее перспективных отраслей с точки зрения роста и выхода на внешние рынки; определение и учет в политике умной специализации региона. Например, повсеместная поддержка биотехнологических компаний в регионах России, не имеющих научных исследований в соответствующей сфере, вряд ли будет успешной, как и распыление поддержки на всех предпринимателей без учета их потребностей, мотивов и т. д.

В соответствии с обзором литературы (Stam, 2015; Isenberg, 2016; Stangler, Bell-Masterson, 2015; Земцов, Бабурин, 2017; Земцов, Бабурин, 2019) на основе системного подхода можно выделить несколько целей для новой предпринимательской политики на федеральном и региональном уровне (табл. 33). Они отличаются от традиционных целей поддержки МСП, в т. ч. в рамках ведомственного подхода Минэкономразвития РФ в соответствующем нацпроекте

⁴⁹³ Поэтому, например, в России активные, но крайне разнородные бизнес-сообщества («РСПП», «Деловая России», «Опора России»), которые должны обеспечивать взаимосвязанность агентов, не всегда способны сформулировать устраивающие всех рекомендации для властей и отстаивать их. Отраслевые сообщества, например «Федерация Рестораторов и Отельеров России», оказались более успешны в период пандемии, например при расширении пороговых критериев отнесения к субъектам МСП.

⁴⁹⁴ Показателен пример успешной трансформации ФНС России из надзорного органа в суперсервис для бизнеса и граждан. Исчезло и ранее наблюдавшееся негативное влияние проверок на плотность малых бизнесов (п. 5.3). Отделения ФНС РФ также выполняют консультационные функции, особенно в сельских районах.

(Антонова и др., 2020). Подобраны индикаторы и примеры мер поддержки. Предложенные индикаторы менее подвержены манипулированию, если будут дополнительно верифицированы с помощью независимых опросов достаточного числа субъектов МСП и населения⁴⁹⁵.

Таблица 33 – Цели и инструменты новой предпринимательской политики

Цель	Потенциальные индикаторы (возможные источники данных)	Примеры инструментов поддержки МСП
Повышение плотности бизнес-агентов, производительного предпринимательства, что потенциально приведет к повышению интенсивности связей, конкуренции, а соответственно повышению устойчивости экономики	Доля предпринимателей в численности рабочей силы, % (опросы населения GEM). Число малых фирм за исключением микропредприятий на 1000 чел. рабочей силы (Росстат).	Популяризация и обучение предпринимательству. Формирование благоприятной предпринимательской среды. Проведение взвешенной антимонопольной политики. Создание фаблабов ⁴⁹⁶
Формирование стимулов и инструментов для масштабирования бизнеса и выращивание местных быстрорастущих компаний-экспортеров, что должно вести к экономическому росту, повышению занятости	Динамика числа малых и средних предприятий, % (Росстат). Доля малых и средних фирм-экспортеров, % (ФТС РФ). Доля быстрорастущих компаний, % (Росстат).	Создание акселераторов, промышленных парков, системы менторства, поддержки экспорта. Формирование цифровых платформ для предпринимателей
Повышение разнообразия и технологическое усложнение предпринимательской экосистемы, что приведет к диверсификации и повышению устойчивости экономики	Число высокотехнологичных стартапов к рабочей силе, % (СПАРК-Интерфакс). Доля производственных субъектов МСП, % (Росстат).	Формирования инфраструктуры поддержки стартапов. Рынок государственно-частных венчурных инвестиций.
Повышение связанности сети бизнес-агентов, что должно привести к росту доверия к институтам и между агентами, снижению неформального сектора, а в итоге – повышению устойчивости экономики, привлекательности предпринимательской деятельности	Доля занятых в неформальном секторе, % (Росстат). Доля субъектов МСП, состоящих в бизнес-ассоциациях и кластерах, % (опросы).	Развитие рыночных институтов, поддержка бизнес-ассоциаций и кластерных инициатив. Поддержка связанных грантов и инновационных ваучеров, реализующих проекты вузов и МСП.

Источник – составлено автором.

Внедрение описанных целей и принципов выглядит маловероятным в тех регионах и странах, где не решены базовые институциональные проблемы. Концепция предъявляет очень высокие требования к компетенциям и заинтересованности региональных элит. Впрочем, наличие множества регионов с разными условиями и результатами развития МСП в России,

⁴⁹⁵ Формализованные инструменты оценки результатов следует применять с осторожностью: имеющиеся статистические индикаторы могут использоваться для имитации результатов (Мюллер, 2019), пока не сформирована культура независимой экспертизы.

⁴⁹⁶ Некоммерческая организация, арендующая на льготных условиях помещение с промышленным оборудованием для обучения потенциальных предпринимателей, отработки ими промышленных технологий, разработки промышленных образцов. Получаемая, таким образом, продукция не может выходить на общий рынок.

ограничения и недостатки существующей модели федерализма при снижении рентных доходов от добычи нефти и газа диктуют необходимость проведения подобной политики.

Для понимания того, какие меры способствовали локализации предпринимательских волн на территории региона, может быть полезен международный опыт (табл. 34).

Таблица 34 – Некоторые лучшие практики экосистемной предпринимательской политики на разных территориальных уровнях

Цель	Мера поддержки	Результат / Оценка эффективности
Повышение плотности малого бизнеса	Внедрение инвестиционного стандарта в регионах России (АСИ)	Рост инвестиций, плотности малого бизнеса (Картаев, Полунин, 2019; п. 4.1, 4.3, 5.3)
	Предпринимательские курсы и обучение ведению бизнеса Чили (CORFO), Россия (МФТИ)	Рост компетенций, намерений открыть бизнес (Чепуренко, 2017; Духон и др., 2018), рост производительности (Benavente, Crespi, 2003)
	Гранты на оплату услуг бизнес-консультантов Великобритания (Локальная предпринимательская инициатива)	Выживаемость фирм выросла на 4%, темпы роста – на 10% (Wren, Storey, 2002; Баринаова, Красносельских, 2019)
Масштабирование малого бизнеса	Система поддержки инновационных фирм с потенциалом роста: акселераторы, консалтинг, ГЧП Финляндия (VIGO)	Рост выручки более высокими темпами с учетом эффекта отбора (Rannikko, Autio, 2015)
	Экономическое садоводство: отбор мотивированных предпринимателей, «мягкие» сервисы и т. д. США (Стратегия Литлтона)	Занятость в муниципалитете возросла в 2 раза, налоги – в 3 раза (Gibbons, 2005)
	Поддержка экспорта: обучение, консалтинг, лицензирование, переводы, проверка контрагентов США (Торговый центр Канзаса)	Экспорт достиг трети от производства (Istrate et al., 2019)
Рост разнообразия (сложности) предпринимательской активности	Научные парки при ведущих университетах; бизнес-услуги ЕС (Кембридж)	Рост числа стартапов, привлечение зарубежных инвесторов (Löfsten, Lindelöf, 2002; Garnsey, Heffernan, 2005)
	Кластерная политика: кооперация технологических компаний и вузов Германия (Бавария)	Рост инновационной активности, увеличение занятости и совместных с вузами НИОКР (Falck et al., 2010)
	Создание фонда фондов Израиль (Yozma)	Рост венчурной индустрии, плотности стартапов (Яковлев, Гончар, 2004)
Рост связанности предпринимательской экосистемы	Региональные инновационные ваучеры на разработку новых продуктов в университетах Голландия, Бавария	Рост кооперации с вузами. Реализация ИКТ проектов (Cornet et al., 2006)
	Кластерная политика: стимулы для совместных НИОКР проектов Фландрия, Бельгия (SHC VLAIO)	Рост обще факторной производительности компаний (Angelino et al., 2024)
	Цифровые платформы (Alibaba, YouDo, Avito и др.)	Рост числа и оборота малых фирм, обеспечение спроса (Srinivasan, Venkatraman, 2018; Nambisan et al., 2018)

Источник: составлено автором.

Значимое направление новой политики связано с формированием предпринимательского капитала. В первую очередь, это связано с соответствующими компетенциями в вузах, предоставляющих предпринимательское образование (Chepurenko et al., 2019). При университетах создается инфраструктура для поддержки будущих предпринимателей: бизнес-инкубаторы, центры коммерциализации и т. д. Компании с высоким потенциалом роста часто создаются рядом с ведущими университетами, центрами разработок, которые передают часть своей деятельности на аутсорсинг, а также создают спин-оффы. Это способствует развитию всего региона за счет коммерциализации НИОКР, формирования новых бизнесов, участия в принятии политических решений (Bramwell, Wolfe, 2008). Успешными примерами следует считать кластеры высоких технологий в Баварии (Мюнхенский технический университет, Германия), в Софии-Антиполис (Университет Лазурного берега, Франция), в Фландрии (Лёвенский католический университет, Бельгия) и др. (Löfsten, Lindelöf, 2002; Garnsey, Heffernan, 2005; Бабурин, Земцов, 2017; Земцов, 2024). При этом существенную роль в формировании подобных экосистем сыграло кардинальное изменение законодательства в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность, а также обязательства университетов по коммерциализации результатов исследований⁴⁹⁷. Предпринимательские навыки и компетенции при этом могут формироваться еще в раннем возрасте (Kuzminov et al., 2019).

Может показаться что цели по увеличению плотности конструктивного предпринимательства и масштабирование бизнеса противоречат друг другу. В развивающихся экономиках число малых предприятий растет за счет неформального сектора, что одновременно является масштабированием бизнеса. При этом основная цель предпринимательской экосистемы во многом связана с повышением потока быстрорастущих, ориентированных на рост и масштабирование предприятий (Mason, Brown, 2014). На уровне отдельных городов применима модель «экономического садоводства» (Gibbons, 2005), направленная на выращивание быстрорастущих фирм («газелей») (Медовников и др., 2016) и последовательное многолетнее выстраивание вокруг них системы мер поддержки: повышение компетенций менеджмента и сотрудников, поиск рынков сбыта и вузов-партнеров, мониторинг конкурентов и анализ трендов и т. д. (Gibbons, 2005). Из-за быстрого роста газели испытывают нехватку компетенций и кадров, финансовых ресурсов и подходящих помещений (Lee, 2014). Но высоки риски: неверный отбор компаний – проблема «назначенных победителей» (Hindle et al., 2011), выстраивание коммерческих связей между предпринимателями-бенефициарами и представителями администрации региона, формирование моноспециализации и др. Поэтому важно обеспечить

⁴⁹⁷ Например, законы Бэя-Доула (1980 г.) и Стивенсона-Уайдлера (1980) в США, предполагавшие передачу прав на результаты интеллектуальной собственности, созданной на бюджетные средства, от госучреждений, которые ее не использовали, университетам и научным организациям – для создания инновационных компаний на этой основе и коммерциализации патентов.

внешнюю экспертизу, открытость отбора компаний и инструментов поддержки, а среди целей политики должен быть выход на межрегиональные и экспортные рынки для объективной внешней оценки.

В некотором смысле операционализацией экосистемного подхода является *кластерная политика* (Ketels, 2013; Kutsenko, 2015; Бортник и др., 2015b) в рамках стратегии *умной специализации* (Foray, 2014; Земцов, Баринаева, 2016). На первом этапе она направлена на выявление наиболее перспективных отраслей и регионов в стране с учетом особенностей делового климата, инновационного потенциала, научно-технологической и отраслевой специализации региона (Земцов, 2013; Бабурин, Земцов, 2013; Zemtsov et al., 2016), а затем – на выстраивание сетей взаимодействия производительного малого бизнеса близкой и дополняющей специализации на ограниченной территории с крупными компаниями, вузами, научными центрами и иными бизнес-агентами (Ketels, 2013; Foray, 2014). На практике речь идет о постоянной и кропотливой работе местных администраций или соответствующих сервисов управляющих компаний кластера по стимулированию развития горизонтальных связей⁴⁹⁸ с целью облегчения поиска и реализации совместных проектов участниками экосистемы. При этом тиражирование лучших практик кластерной политики далеко не всегда возможно из-за существенных региональных особенностей (Hospers, 2002). Стратегии развития многих кластеров связаны с инструментами государственно-частного партнерств (ГЧП), когда государство создавало важную инфраструктуру для субъектов МСП – членов кластеров. Большую роль играли программы картирования кластеров, которые заказывались у консультантов и ученых. Кластерные организации способны сами выступать как институциональные предприниматели, то есть способствовать улучшению деловой среды, а также стимулировать предпринимательскую активность внутри сети входящих организаций (Lupova-Henry et al., 2021).

Часто выделяются различные типы *предпринимательских зон* (территорий с особыми преференциальными режимами), где фирмам кластера могут быть предложены более выгодные условия ведения деятельности, производственные площади и готовая инфраструктура (Виленский, 2020а): особые экономические зоны (ОЭЗ), промпарки, технопарки, акселераторы и т. д.⁴⁹⁹ Для преодоления возможных нежелательных эффектов (см. п. 5.1.) важно внедрение в них различного рода «мягких» сервисов: консалтинга, построения профессиональных сетей, координация мер поддержки и т. д. В итоге политика должна вести к обмену знаниями и

⁴⁹⁸ Реализация подобной политики в регионах России сильно затруднена, т.к. многие местные предприятия входят в вертикально интегрированные холдинги с высокой централизацией принятия решений и низкой самостоятельностью местных подразделений.

⁴⁹⁹ Организация этих зон может быть не связана с умной специализацией региона и кластерной политикой, что приводит к размыванию отраслевого профиля региона, привлечению фирм-конкурентов, невозможности проведения целевой политики поддержки и т. д., а соответственно неэффективности самого инструмента (см. п. 5.1).

компетенциями (Falck et al., 2010), взаимному дополнению производственных цепочек («умная диверсификация» региона) (Земцов, Баринаова, 2016), повышению доверия между контрагентами (Sölvell, Williams, 2013; Москвитина и др., 2015). Фактически реализация подобной политики для крупных стран не может не учитывать местной специфики. Так, в отдельных регионах со слабым инновационным потенциалом размещение технопарков имеет мало перспектив.

Одним из наиболее эффективных считается создание ОЭЗ на прибрежных территориях в Китае. Они же считаются самыми успешными в мире по привлечению транснациональных компаний (далее – ТНК), прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и формированию прилегающих поясов малого и среднего обслуживающего бизнеса. ОЭЗ предполагали минимальные тарифы при открытии предприятий иностранными компаниями с требованием локализации производства на территории КНР (Sadoi, 2008), то есть размещение производств компонентов, создание совместных предприятий. ТНК, создавая совместные предприятия и филиалы на территории КНР, постепенно передавали технологии и компетенции китайскому бизнесу, стимулировали формирование эффективной производственной и корпоративной культуры. При этом вокруг ОЭЗ действовали многочисленные китайские малые и средние предприятия, которые в отдельных случаях воспроизводили продукцию ТНК с помощью обратного инжиниринга. Создавались условия для быстрого внедрения зарубежных технологий, так называемое обучение посредством делания, а позднее соответствующие рыночные институты, компетенции и технологии постепенно распространялись на всю территорию. За счет дешевой рабочей силы вначале создавались в основном предприятия в низкотехнологичных отраслях, например в легкой промышленности. Наличие крупного внутреннего рынка способствовало дальнейшему росту ПИИ; при этом правительство КНР стимулировало создание совместных предприятий с ТНК (Jiang et al., 2018). Уже к концу 2000-х годов потенциал стратегии заимствования и копирования себя исчерпал, т.к. стоимость рабочей силы выросла, а производственный процесс приблизился к технологическому фронтиру. Рыночная конкуренция вынуждала разрабатывать собственные передовые технологические решения. Политика Китая была переориентирована на дальнейшее улучшение институциональных условий ведения бизнеса и стимулирование разработки собственных технологий и продуктов. Китайское правительство увеличивало инвестиции в экспортноориентированные отрасли (автомобилестроение, микроэлектроника, станкостроение), стимулируя создание высокотехнологичных компаний через различные преференциальные режимы, в т.ч. в рамках университетских проектов. Развитие высокотехнологичных отраслей требует существенных затрат НИОКР, для чего предоставлялись специальные субсидии и гранты, налоговые льготы, в частности налоговый вычет с коэффициентом, в государственных закупках сохранялись требования по приобретению местной продукции, расширялась инновационная инфраструктура,

создавались стимулы для переноса зарубежных лабораторий и увеличения потока венчурных инвестиций. В результате современный Китай – один из мировых центров технологического предпринимательства. Результатом описанной выше научно-технологической политики стало появление крупных китайских технологических корпораций: Alibaba Group, Foxconn, Huawei, Tencent, Xiaomi, Lenovo, Geely и др. Китай — второй в мире по числу компаний-единорогов с капитализацией более 1 млрд долл. (Kutsenko et al., 2022). Несколько китайских компаний представлены в рейтинге глобальных лидеров по объемам затрат на НИОКР: Huawei — 17,4 млрд евро, Baidu, Alibaba, Tencent, Xiaomi — 30,5 млрд евро совокупно⁵⁰⁰, а доля бизнеса в общем объеме затрат на НИОКР в КНР превышает 75%⁵⁰¹. В Китае с 2017 г. создаются зоны высокотехнологичного развития с экспериментальными правовыми режимами. Среди них есть те, которые специализируются на наиболее передовых технологиях искусственного интеллекта в провинциях: Чжэцзян (г. Ханчжоу), где расположена штаб-квартира Alibaba Group; Гуандун (г. Гуанчжоу, г. Шенчжень⁵⁰²), где зарегистрирована Tencent Holdings, ZTE; Гуйчжоу (г. Гуйян), где в экспериментальной зоне больших данных имеются офисы, дата-центры и исследовательские центры Huawei, Tencent, Alibaba, Foxconn, Microsoft, Qualcomm и Apple.

Одновременно значима политика по встраиванию участников кластера и вообще субъектов МСП в глобальные цепочки добавленной стоимости, то есть поддержка экспортной кооперации, а также обучение основам внешнеэкономической деятельности, консультирование по выходу на рынки, лицензирование, переводы, проверка зарубежных контрагентов и т. д. Для целей политики важно, что внешний рынок дает объективную оценку достижениям компаний и самой политики, одновременно в регион привносятся новые более эффективные практики и компетенции (Istrate et al., 2019). Значимость системной политики повышается в условиях сжатия внутреннего рынка. Многие лучшие практики, в т.ч. в КНР, связаны с формированием устойчивых связей между ТНК и местным малым средним бизнесом (Altenburg, 2000).

В новых условиях особое значение имеет построение цифровой экосистемы, предполагающей оказание всех услуг бизнесу в электронной форме и возможность ведения бизнеса онлайн. Цифровые платформы, такие как Alibaba, YouDo, Avito и другие, обеспечивают связь МСП с потребителями их продукции и услуг, то есть способствуют существенному расширению спроса. В то же время цифровые платформы способствуют существенному снижению цен на кастомизированные услуги и товары для конечных пользователей с возможностью открытой оценки качества. Поддержка подобных платформ и цифровизации бизнеса может стать более эффективным инструментом обеспечения спроса, чем выделение квот

⁵⁰⁰ <https://issek.hse.ru/news/704062411.html>.

⁵⁰¹ Is China a Global Leader in RnD? <https://chinapower.csis.org/china-research-and-development-rnd/>.

⁵⁰² Неслучайно здесь создан первый российско-китайский университет совместными усилиями МГУ им. М.В.Ломоносова с Пекинским Политехническим институтом.

в госзакупках. Цифровые сервисы государства снижают транзакционные издержки бизнеса, в т. ч. при взаимодействии с госорганами.

Сформировавшаяся экосистема предпринимательства более устойчива к изменениям макроэкономической ситуации, нежели отдельные предприятия. В идеальном случае сплоченное и разнообразное сообщество местных конструктивных предпринимателей, ученых, чиновников может повысить спрос на прозрачные инструменты поддержки и инклюзивные институты. У скоординированного сообщества появляются рычаги влияния на более крупных контрагентов и политику в целом. Местные истории успеха формируют доверие к экосистеме и усиливают предпринимательские намерения (Feld, 2012; Suresh, Ramraj, 2012), что ведет к дальнейшему развитию сферы МСП и экономическому росту.

Одной из задач системной политики является масштабирование перспективных бизнесов. Для увеличения числа компаний с высоким социально-экономическим влиянием, например транснациональных компаний (ТНК), можно выделить несколько моделей национальной и региональной предпринимательской политики, которые ведут к формированию разных типов кластеров (см. 1.4.) (Markusen, 1996; Бакланов, 2007).

Модель расширяющейся «воронки», формирующая маршалловы промышленные районы с большим числом малых предприятий, предполагает улучшение условий ведения бизнеса, рост числа стартапов и плотности МСП. Используется в регионах с укоренёнными рыночными институтами, например в Нидерландах, Бельгии, Италии, Швеции, США и др. В регионах России это потребует обучения и популяризации предпринимательства со школы, открытости и упрощения всех формальных процедур, развитие предпринимательских университетов для расширения «воронки» потенциальных предпринимателей (Zemtsov et al., 2021). Важен рост набора на STEM-специальности, развитие инженерных школ с одновременным внедрением бизнес-курсов, стартап-студий. Модель часто основана на привлечении будущих предпринимателей из-за рубежа. Частично подобная модель использовалась властями Томской области, делавшими долгое время ставку на университетские стартапы (Раднабазарова и др., 2014), формирование благоприятной городской среды; успешен в этом контексте пример НПО «Микран» (радиоэлектроника), созданный выпускниками ТУСУР⁵⁰³.

Модель внутренней диверсификации за счет потенциальных чемпионов, формирующая часто кластеры-«хабы», основана на поиске и целевой поддержке отечественных компаний с высоким потенциалом роста: опыт Южной Кореи, Тайваня, Финляндии, Бразилии и др. (Медовников и др., 2016). Высоки риски выбора ошибочных приоритетов и коррупции (проблема «назначенных чемпионов»), поэтому привлекаются профессиональные инвесторы, в т.ч.

⁵⁰³ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

представители диаспоры из зарубежных фондов (опыт Израиля). Система поддержки выстраивается вокруг потенциальных компаний-лидеров («экономическое садоводство»), которым задаются цели по ускоренной диверсификации для выхода на зарубежные рынки. Частично модель использовалась в Свердловской области, где одним из региональных чемпионов стал СКБ «Контур» (ИТ), другим примером является создание сыроваренного завода «Сармич» в г. Инсар в Мордовии (Юданов, Яковлев, 2018).

Модель внутреннего роста за счет крупных окологосударственных компаний, связанная с образованием государственно-ориентированных кластеров. Преобладала в России до недавнего времени (Радыгин и др., 2015), частично ориентировалась на опыт Южной Кореи («чеболи»), Японии, Китая. Имеет ограниченный успех: Россия занимает доли процента от мирового экспорта высокотехнологичной продукции, что связано с высокой забюрократизированностью госкорпораций и санкционным давлением; рост за счет импортозамещения ограничен скромными размерами внутреннего рынка. Принуждение к инновациям плохо работает с сырьевыми компаниями и монополиями, не имеющими потребности в новых технологиях и рынках (Гершман и др., 2015). Модель частично использована в Татарстане, где поддерживались ГК «ТАИФ» (Яковлев и др., 2018), частично – ПАО «КАМАЗ», в Республике Удмуртия – АО «Концерн «Калашников».

Модель внешнего роста за счет ТНК, формирующая «промышленные платформы». Предполагает за счет выгодных налоговых, таможенных и инфраструктурных условий привлечение транснациональных корпораций (ТНК) для создания филиалов, совместных производств, формирование экосистемы вокруг них и реэмиграцию предпринимателей на поздних стадиях: опыт регионов Ирландии, Индии, Китая и др. Реализация модели затруднена в условиях санкций, ранее реализовывалась Калужской областью (Москвитина и др., 2015), которая смогла привлечь иностранных автопроизводителей благодаря развитой инвестиционной инфраструктуре и другим улучшениям делового климата.

В регионах России вряд ли возможна ставка на одну из перечисленных моделей в чистом виде из-за обозначенных ограничений. К тому же, вероятно, применимость модели зависит от стадии экономического развития (Полтерович, 2007). Так на стадии перехода к экспортноориентированной модели роль крупных компаний определяющая. В наиболее развитых регионах⁵⁰⁴ с уже имеющимися крупными экспортирующими корпорациями потребуется поддержка внутренних и внешних связей бизнес-агентов, выявления региональных и отраслевых приоритетов, повышения роли и полномочий региональных и муниципальных властей, поддержки открытости и цифровизации на основе обозначенных принципов и целей.

⁵⁰⁴ Это не отменяет необходимости внедрения общих мер по всей стране, в т.ч. улучшения делового климата, снижения регуляторной нагрузки, изменения бюджетно-налоговой системы и т. д.

6.3. Типы региональных предпринимательских геосистем в России: особенности и возможности для региональной политики

Проведение региональной политики требует выделения некоторых более или менее однородных типов территорий для их системного описания и диагностики развития (Бутс и др., 2004; Барина и др., 2016). В рамках *концепции умной специализации* (Земцов, Барина, 2016), в первую очередь, необходимо понимание отраслевой специфики сферы МСП, а соответственно и профиля предпринимательских геосистем регионов, который может существенно отличаться от их общеэкономической специализации (рис. 48). Для этого использовались два показателя:

- доля укрупненного вида деятельности в занятости субъектов МСП-ЮЛ⁵⁰⁵;
- индекс кластеризации как среднее арифметическое субиндексов от доли отрасли в общей занятости субъектов МСП-ЮЛ в регионе, ее доли в занятости по отрасли в России и коэффициента локализации: отношение доли отрасли в занятости региона к соответствующему отношению в стране⁵⁰⁶.

В подавляющем большинстве регионов и в среднем в занятости субъектов МСП-ЮЛ преобладают торговля и услуги (врезка на рис. 48): торговля (25%), операции с недвижимым имуществом, аренда и бизнес-услуги, включая инжиниринг, НИОКР, геологоразведку и др. (22%), обрабатывающие производства (17%), строительство (12%), транспорт и связь (6%)⁵⁰⁷.

В среднем в сельском и лесном хозяйстве занято около 5% работников субъектов МСП-ЮЛ. В южных регионах, где развито наиболее рентабельное для фермеров зерновое хозяйство, ожидаемо выше доля сельского хозяйства: Курская, Саратовская и Оренбургская области, Алтайский, Ставропольский и Краснодарский края. В отдельных регионах его доля наибольшая среди всех отраслей: Дагестан, Калмыкия. В *рыболовстве* в России занято лишь 0,3% работников малых и средних компаний, более 5% эта доля в Ненецком АО, Мурманской и Сахалинской областях, Камчатском крае. Индекс кластеризации максимален еще в 6 регионах вокруг основных рыболовных районов России: Архангельская, Магаданская, Астраханская области, Приморский (+марикультура), Хабаровский край и Карелия (+форелеводство).

Добыча полезных ископаемых относится к капиталоемким отраслям с большим средним эффективным размером фирм. Поэтому в МСП в отрасли занято лишь около 0,5% работников. В Чукотском АО, где ведется добыча золота, в отрасли занято около 33% работников, в Республика

⁵⁰⁵ Использованы данные сплошного наблюдения за МСП Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/small_business. В связи с высокими искажениями в сфере индивидуального предпринимательства для анализа занятости в субъектах МСП использовались данные только по малым и средним фирмам – юридическим лицам (ЮЛ).

⁵⁰⁶ Коэффициент часто используется для оценки потенциального уровня кластеризации отрасли (Isard, 1966; Zemtsov et al., 2016). В целом индекс кластеризации показывает наиболее перспективную отрасль для образования кластера – сети взаимодействия фирм (горизонтальных связей) в рамках одной специализации на ограниченной территории (см. п. 1.4).

⁵⁰⁷ Чем меньше размер категории субъектов МСП (средние, малые фирмы, ИП), тем выше в их структуре доля торговли и ниже доля обрабатывающих производств, что очевидно связано с эффективным масштабом фирмы.

Саха и Ханты-Мансийском АО занято более 5%, преимущественно в нефте- и газодобыче. Но потенциал к формированию кластеров есть также в Тюменской области, Ямало-Ненецком АО, Коми (углеводороды) и Забайкальском крае (полиметаллы).

В технологически сложных отраслях обрабатывающей промышленности большее значение играет возможность кооперации и построения кластерных структур с крупными компаниями. В среднем в России в рассматриваемых отраслях занято около 17,3% работников субъектов МСП-ЮЛ (выше доли по экономике в целом); доля максимальна в 19 регионах – преимущественно традиционных центрах машиностроения вблизи крупных агломераций, а минимальна – в наиболее удаленных регионах Дальнего Востока и Арктики, где высоки транспортные и иные издержки для развития сложных производств. В Ульяновской, Калининградской, Нижегородской, Челябинской областях и Татарстане вблизи крупнейших автозаводов возникли малые фирмы-смежники по производству автокомпонентов и ремонту транспортных средств, в Севастополе – судоремонтные малые предприятия (Zemtsov et al., 2016); в Ивановской области развито производстве строительной и специальной техники (экскаваторы, краны и иные). Рядом с крупными нефтеперерабатывающими заводами в Адыгее, Рязанской, Самарской, Ростовской, Томской областях, Башкортостане возникли малые фирмы, производящие топливо, смазочные масла, различные нефтехимические продукты, то есть сформировались нефтехимические кластеры (Zemtsov et al., 2016). Во Владимирской, Калужской, Пензенской, Тверской, Тульской и Ярославской областях, крупные компании которых имеют машиностроительную специализацию, наибольший потенциал создания кластеров малых фирм наблюдается в легкой промышленности, ориентированной на столичный рынок⁵⁰⁸. На обработке древесины специализируются Марий Эл, Кировская и Ленинградская области, серьезно пострадавшие после 2022 г. из-за разрыва внешнеторговых связей с ЕС.

Высокая доля работников субъектов МСП-ЮЛ в строительстве может быть связана с реализацией крупных инвестиционных проектов в активно развивающихся нефте- и газодобывающих центрах: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО; Тюменская и Сахалинская области, Саха. В Липецкой (16.51%) и Белгородской областях высокая доля может быть обусловлена развитием малоэтажного домостроения в пригородных зонах.

Доля торговли наибольшая среди отраслей в 56 регионах, но выше среднерегионального уровня (25%) она в крупных агломерациях: Воронежская; Екатеринбургская; Новосибирская области, Уфимская и Московская, а также в регионах, имеющих доступ к международному обмену: Хабаровский и Приморский край; Карелия.

⁵⁰⁸ Историческое объяснение может быть связано с политикой Госплана СССР, когда рядом с крупными заводами машиностроения (часто ОПК) строились фабрики легкой промышленности (кожевенная, текстильная, обувная подотрасли) для обеспечения баланса мужской и женской занятости.

В крупных агломерациях максимальна доля деятельности в сфере недвижимости, аренды и предоставления услуг: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Омская область и Красноярский край. Предпринимательские экосистемы крупных агломераций имеют диверсифицированную структуру с преобладанием сервисов и наличием ряда наукоемких отраслей: деятельность рекламных агентств; консалтинг, разработка программного обеспечения, юридические услуги. Высокая доля занятых в МСП в гостиницах и ресторанах характерна для центров туризма и рекреации: Республика Крым, Севастополь, Карелия и Краснодарский край. Доля выше 10% в транспорте и связи в северных труднодоступных регионах: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, в Магаданской области, а также в приграничных регионах и на крупных магистралях: Приморский край, Смоленская и Калининградская области.

Более 4% занятых в МСП задействованы в образовании, здравоохранении и социальной сфере в наиболее дотационных регионах: Дагестан, Ингушетия, Чечня, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, где немного иных сфер занятости кроме бюджетной и связанных с ней.

Рисунок 48 – Специализация предпринимательских геосистем.

Источник: составлено автором, впервые опубликовано в (Земцов, Бабурин, 2019).

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ.

Для целей диссертационного исследования важно было понять, как следует дифференцировать меры региональной политики исходя из новых целей (см. п. 6.2) и с учётом типов предпринимательских геосистем регионов России⁵⁰⁹. Был проведен кластерный анализ по 12 нормированным показателям⁵¹⁰ (Приложение А.9), которые могут использоваться как целевые при индикативном планировании и стратегировании⁵¹¹ (Пчелинцев, 2004; Замятина, Пилясов, 2017; Barinova, Zemtsov, 2023). Анализ индикаторов позволяет выявить ограничения, возможности для развития МСП в регионе и проведения политики.

Для оценки базовых условий предпринимательской геосистемы региона учитывались:

- издержки субъектов МСП – средние затраты на одно рабочее место как оценка базовых природно-хозяйственных условий (Земцов и др., 2022);
- экономико-географическое положение как прокси доступа фирм к рынкам товаров и услуг (Земцов и др., 2021а).

Для оценки *плотности* бизнес-агентов использовано отношение числа малых фирм к численности рабочей силы, а также оценки ранней предпринимательской активности (Cherurenko et al., 2017). В первый показатель не включались микропредприятия, чтобы повысить вероятность учета потенциально масштабируемых бизнесов. Ранняя предпринимательская активность – это доля владельцев нового бизнеса и желающих создать бизнес в ближайшее время (см. п. 1.4, 3.3).

Изменчивость геосистем оценена через динамику роста числа малых предприятий без учета микрофирм в 2015–2017/2009–2010 гг., а также как отношение числа быстрорастущих компаний к численности рабочей силы. Наиболее динамичные геосистемы обладают условиями для постоянного роста числа предприятий и возникновения большого числа фирм-«газелей», а в отдельных и крайне редких случаях – «единорогов».

Оценка *разнообразия* предполагает учет уровня диверсификации сферы МСП, поэтому использовано отношение числа высокотехнологичных стартапов к численности рабочей силы (Zemtsov et al., 2021), доля обрабатывающей промышленности в обороте и доля сельского и лесного хозяйства в занятости субъектов МСП⁵¹². Последний показатель необходим был для выявления регионов со специализацией на технологически менее сложных отраслях.

Связанность экосистемы может определяться вовлеченностью фирм в деятельность организаций поддержки, плотностью рыночных институтов. Для этого использован индекс

⁵⁰⁹ Подход схож с региональным индексом развития предпринимательства – REDI (Szerb et al., 2013), хотя в диссертационном исследовании не проводилось подробных социокультурных оценок, кроме использования показателя ранней предпринимательской активности.

⁵¹⁰ Подробнее о кластерном анализе для типологии регионов России: Бутс и др., 2004.

⁵¹¹ В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁵¹² Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов МСП за 2015 г. URL [^]http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/itog2015/itog-spn2015.html.

обеспеченности банковскими услугами (см. п. 1.4). Индекс выше в развитых регионах с высоким уровнем доверия к рыночным институтам. Кроме того, банки – важный элемент сети поддержки МСП, т.к. предоставляют льготные кредиты и консалтинговые услуги. Обратный показатель – доля неформальной занятости – косвенный индикатор доверия в местной геосистеме, без которого устойчивые связи невозможны⁵¹³. Третий индикатор для оценки связанности – плотность компаний-участников кластеров и резидентов технопарков на 1 тыс. чел. занятого населения (Барина и др., 2020; Zemtsov et al., 2021). Технопарки и кластеры способствуют формированию связей внутри бизнес-сообщества через совместные мероприятия, единую инфраструктуру и сервисы.

Выявлено семь типов региональных предпринимательских геосистем в России (приложение А.9, рис. 50), имеющих разную конфигурацию линейно-узловых структур (рис. 49):

1. *Центры предпринимательства*: крупнейшие центры с наибольшей и растущей плотностью разнообразных бизнесов, включая технологические стартапы, с высокой интенсивностью сложных связей между ними в наиболее благоприятном деловом климате.

2. *Развитые диверсифицированные*: крупногородские предпринимательские геосистемы с высокой активностью, динамичностью и разнообразием субъектов МСП с благоприятной средой.

3. *Развитые производственные*: предпринимательские геосистемы с преобладанием производственного сектора в МСП с пониженной изменчивостью, наличием крупных промышленных предприятий, развитой инвестиционной инфраструктурой.

4. *Южные диверсифицированные*: со среднеразвитой сферой МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса, имеющего некоторый экспортный потенциал.

5. *Северные*: слабо диверсифицированные с низкой активностью МСП, усложненным доступом к рынкам, высокими природными и сопутствующими издержками, повышенной связанностью с крупными предприятиями.

6. *Восточные удаленные*: вдали от основных российских рынков со сравнительно низкой плотностью малых бизнесов, малым числом и разнообразием связей между ними, относительно простой отраслевой структурой МСП.

7. *Южные слаборазвитые*: с высокой вынужденной предпринимательской активностью, слаборазвитой сферой МСП в условиях недостаточного доступа к капиталу и высоких природных и институциональных издержек.

⁵¹³ В регионах с высокой долей неформального сектора институциональная среда неблагоприятна для диверсификации экономики, развития производительного предпринимательства. Для технологически сложных отраслей важно доверие между контрагентами, развитие институтов и доверие к ним. В условиях высоких инвестиционных рисков низкий уровень доверия не позволяет создавать устойчивые горизонтальные связи и способствует уходу фирм в неформальный сектор. В этих регионах, вероятно, наблюдается и более высокое давление на бизнес со стороны контролирующих органов.

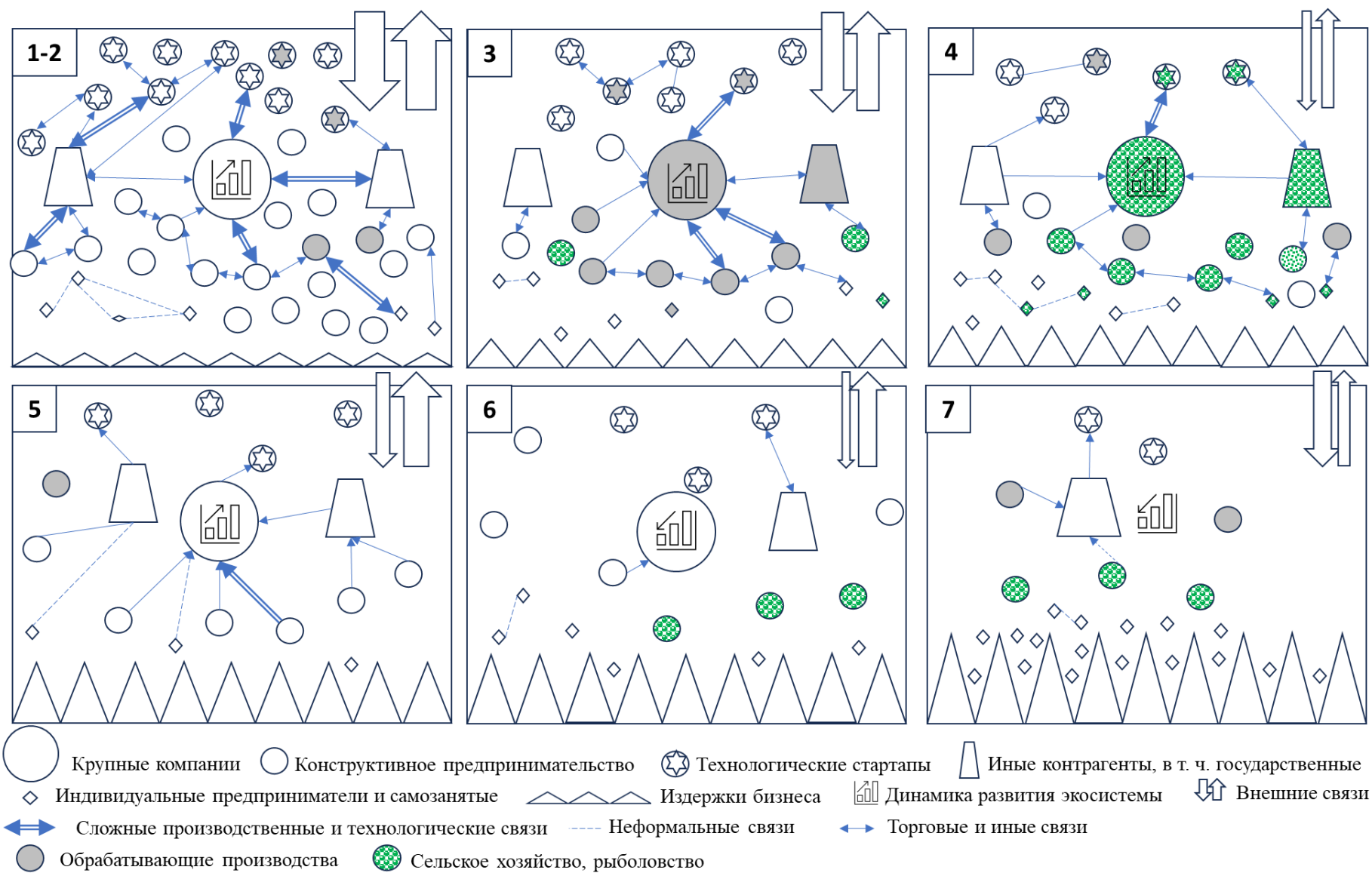

Рисунок 49 – Основные параметры и схемы линейно-узловых структур типов региональных предпринимательских геосистем в России.

Источник: составлено автором на основе собственных расчетов (Приложение А.9).

Типы региональных предпринимательских геосистем в России

1 Центры предпринимательства	5 Северные
2 Развитые диверсифицированные	6 Восточные
3 Развитые производственные	7 Южные слаборазвитые
4 Южные диверсифицированные	

Рисунок 50 – Типы региональных предпринимательских геосистем в России.

Источник: составлено автором.

Примечание: карта составлена по данным до 2022 г. и не учитывает последних изменений территориальных границ. Цифрами показаны номера в Приложении А.9.

Сравнение выявленных типов с результатами проведенных ранее типологий регионов России (Бутс и др., 2002; Зубаревич, 2003; Польшин, 2003; Григорьев и др., 2011; Барина и др., 2015; Польшин, Гришина, 2019) доказывает определенную взаимообусловленность регионального развития и предпринимательской активности⁵¹⁴, а также показывает сложные связи последней с деловым климатом региона⁵¹⁵. Это дает основания говорить о наличии относительно устойчивых типов *предпринимательских геосистем*. Каждый из них обладает набором особенностей, которые следует учитывать при проведении региональной политики⁵¹⁶.

⁵¹⁴ В п. 4.1 это взаимосвязь выявлена эконометрически. Тогда выявленные типы не только служат описанием объективной дифференциации делового климата, но и в некоторой мере отображением стадий регионального развития, что необходимо учитывать при внедрении разных мер новой предпринимательской политики.

⁵¹⁵ Типология предпринимательских геосистем имеет некоторые черты экономического районирования из-за высоких межрегиональных перетоков знания, взаимного влияния делового климата одних регионов на близлежащие (см. п. 3.5) и благодаря интенсивным межрегиональным связям, в т.ч. технологическим и производственным. Например, предпринимательские экосистемы юга России обладают совокупностью культурных, институциональных и иных особенностей, порождаемых развитым сельским хозяйством и большой долей сельского населения; природные условия многих северных и восточных регионов также способствует формированию близких по плотности, характеру взаимодействия и других характеристик предпринимательских геосистем.

⁵¹⁶ Образно можно говорить о выделении «7 России» с разными условиями для деловой активности населения.

Развитые со сложной структурой МСП

Увеличение числа малых фирм наблюдалось в ряде регионов *первого и второго типов*, проводивших проактивную предпринимательскую политику в постсоветский период: Белгородская, Воронежская, Калининградская, Нижегородская, Новосибирская, Самарская, Свердловская, Калужская, Тюменская области, г. Москва, г. Санкт-Петербург и Республика Татарстан. В них высокая плотность предпринимателей на протяжении последних десятилетий обусловлена хорошим доступом к рынкам, капиталам и низкими издержками ведения бизнеса; относительно высокая ранняя предпринимательская активность не носит вынужденного характера. Указанные регионы в разные годы были в числе лидеров по условиям ведения бизнеса (см. п. 1.4), т.к. они традиционно проводят скоординированную политику по развитию кластеров, привлечению федеральных мер поддержки (ОЭЗ, технопарки) (Виленский, 2020а), вовлечению малого бизнеса в хозяйственные связи. В 9 из 15 регионов проходил Чемпионат мира по футболу, оказавший влияние на развитие строительства и рост туристических сервисов (Барина и др., 2018). Строительный сектор крупных агломераций порождает существенные мультипликативные эффекты для МСП в сфере отделки, продажи строительных материалов, транспортировки и т. д.

Г. Москва и г. Санкт-Петербург – центры предпринимательства: крупнейшие внутренние рынки России с наибольшей плотностью и разнообразием сферы МСП, оптимальными институциональными условиями с развитой инфраструктурой поддержки МСП. Благодаря высокому научно-образовательному потенциалу (Земцов и др., 2015; Бабурин, Земцов, 2017) здесь развит высокотехнологичный бизнес (Zemtsov et al., 2022с). Московский инновационный кластер⁵¹⁷ стал единым окном взаимодействия властей, бизнеса, науки и инновационной инфраструктуры: свыше 50 технопарков, более 200 площадок пилотного тестирования, ОЭЗ, коворкинги и др. Реализовано более 14 тыс. проектов, из них около трети – в кооперации.

Предпринимательские геосистемы первого и второго типа преимущественно характеризуются высокой стартап активностью; в некоторых регионах сложились оптимальные условия для развития технологического предпринимательства – за рубежом получившие название – инновационные милье (см. п. 1.4). Властями создаются условия для распространения новых технологий, в частности искусственного интеллекта (Земцов, 2024; Zemtsov, 2024).

Во *втором типе* представлены преимущественно крупногородские регионы с высокой плотностью диверсифицированного МСП с благоприятным инвестиционным климатом, хорошим доступом к рынкам товаров, услуг и капитала: *Самарская, Воронежская, Новосибирская, Тюменская, Свердловская, Челябинская области, Татарстан*. В большинстве

⁵¹⁷ Цифровая платформа <https://i.moscow/>.

регионов проводится активная предпринимательская политика, направленная на создание инфраструктуры, упрощение аренды помещений, доступ к госзакупкам, построению связей между крупными заказчиками и МСП и т. д.

В *Белгородской области* до 2022 г. политика руководства по привлечению переселенцев из других регионов и стран за счет развития пригородного малоэтажного домостроения способствовала развитию соответствующих бизнесов: нестационарная торговля, фермерство, строительство и перевозки; в последние годы усилия направлены на усложнение сферы МСП. Пригородная система расселения требует развития нестационарной торговли ($\approx 15\%$ субъектов МСП), способствует развитию семейных ферм, чему способствовала специальная программа поддержки. Выгодное экономико-географическое положение стимулировало развитие грузоперевозок ($\approx 17\%$ субъектов МСП).

В *Калужской области* создана специализированная инфраструктура: индустриальные парки, ОЭЗ; поддерживается кластер малых фирм, обеспечивающих крупные автосборочные заводы, созданные ТНК, резиновыми и пластмассовыми изделиями, металлозаготовками и оборудованием (Москвитина и др., 2015); формируется кластер биотехнологий в г. Обнинске.

В приморских *Калининградской и Ленинградской областях*, расположенных вблизи европейского рынка, долгие годы действуют особые режимы для предпринимательства, развит малый бизнес в производстве, перевозках и туризме. В Калининградской области действует ОЭЗ, создан «Дом предпринимателя», где бизнесы получают поддержку по принципу «одного окна», инвестиционный совет рассматривает проекты комплексной помощи быстроразвивающимся предприятиям региона, есть программа релокации кадров, действует частный инновационный кластер «Технополис GS» в г. Гусеве. В Ленинградской области выделяются гранты для молодых предпринимателей и стартовые субсидии, возможно предоставление земельных участков.

В *Новосибирской области* сложились уникальные условия для развития высокотехнологичного бизнеса благодаря высокому научному потенциалу Сибирского отделения РАН, Новосибирского государственного университета. Создан Технопарк новосибирского Академгородка. Крупная Новосибирская агломерация формирует устойчивый спрос для новых товаров и услуг. Регион – один из лидеров по условиям развития высокотехнологичного бизнеса (Барина и др., 2020; Кравченко и др., 2018).

В *Татарстане* проводят успешную политику по выстраиванию связей между малым и крупным бизнесом в рамках кластеров (Иннокам⁵¹⁸), ОЭЗ (Алабуга, Иннополис). В регионе созданы стимулы для закупок крупных компаний у малого бизнеса, в т.ч. ярмарки закупок, единый реестр закупок и т. д.

⁵¹⁸ Один из немногих кластеров в стране, имевший федеральную концепцию развития.

С преобладанием производственного МСП

В третьем типе экосистем большую роль играют производственные фирмы, высокая плотность стартапов, поддерживаемая развитой сетью технопарков и кластеров.

В *Рязанской области* сформировались предпосылки для развития радиоэлектронного кластера: несколько крупных заводов, специализированный вуз, около трети занятых в МСП⁵¹⁹. К сожалению, все организации имеют разное подчинение, разные головные офисы и фактически не могут наладить горизонтальное взаимодействие⁵²⁰. Без федерального участия в дальнейшем будет невозможен переход к производству гражданской продукции. Вероятно, необходимы стимулы для развития внутрифирменного предпринимательства, в частности создание пула самостоятельных дочерних предприятий крупных концернов.

В *Липецкой области* активно формируется кластер машиностроения и металлообработки благодаря ОЭЗ во взаимосвязи с крупным металлургическим комбинатом.

В *Томской области* сложился уникальный кластер информационных технологий, радиоэлектроники и фармацевтики благодаря взаимопроникновению образования, науки, бизнеса и местной администрации (Монастырный и др., 2017)⁵²¹; в Томске действует несколько предпринимательских университетов. Но ограничен доступ к рынкам из-за удаленности региона от морей, недостаточно развита банковская сфера, что пока не позволяет отнести предпринимательскую геосистему региона ко второму типу.

Малые фирмы *Тульской области* специализируются на производстве машин и оборудования благодаря развитому ОПК. В *Республике Удмуртия* сформирован машиностроительный кластер, поддерживаемый концерном «Калашников».

В целом производственные предпринимательские геосистемы в России могут оказаться наиболее значимыми для долгосрочного развития страны, т. к. сохранили редкую производственную культуру, формировавшуюся в кластерах столетиями, производственные фонды и технологии для импортозамещения.

Многие регионы этого типа существенно пострадали из-за санкций, в т.ч. ограничений на импорт технологий и станков, а также из-за ухода из России ряда иностранных производителей. Формируемые в этих регионах производственные кластеры с большой группой малых предприятий – смежников могут стать основой посткризисного восстановления на фоне вынужденного импортозамещения и растущих государственных заказов. В целом более плотные экосистемы с большим числом контрагентов и связей способны лучше адаптироваться в периоды экономической турбулентности.

⁵¹⁹ Формально существует кластер «Электронные приборы и оптоэлектроника». В июле 2024 г. создан образовательно-производственный кластер «Радиоэлектроника».

⁵²⁰ Установлено по результатам полевых исследований.

⁵²¹ В частности, реализовывался федеральный проект инновационного территориального центра «ИНО Томск».

Южные с особыми институциональными условиями

В четвертом типе представлены преимущественно регионы южной части основной зоны расселения со среднеразвитым диверсифицированным МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса и неформального сектора. В южных регионах (*типы 4 и 7*) аграрные и промышленные элиты конкурируют друг с другом за ресурсы и власть, что влияет на технологическое и институциональное развитие (Лахман, 2020). В регионах, где представители аграрного бизнеса, сельских территорий, аграрной науки и др. преобладали в управлении и принятии стратегических решений, могли блокироваться усилия по индустриализации, так как рассматривались как угрожающие их интересам (особенно в 7 типе). С другой стороны, приход крупных агрохолдингов в ряде случаев приводил к развитию агропромышленного комплекса, например в Курской, Тамбовской, Волгоградской областях и Ставропольском крае (см. п. 3.1). Крупные компании могли приносить соответствующую корпоративную культуру, внедрять новые технологии, разрешать конфликты местных элит.

Высокая доля неформальной занятости в сельском хозяйстве может быть взаимосвязана с консервативными социокультурными нормами (Аузан и др., 2017), и ограничивает возможности регионального и муниципального управления, в частности с точки зрения сбора налогов, проведения реформ, стимулирования предпринимательских инициатив и т. д. В ряде случаев руководящие должности в административных структурах занимают люди с недостаточной квалификацией, использующие устаревшие методы управления, что связано как с уже упоминавшийся конкуренцией элит, так и нехваткой компетентных специалистов в сельской местности. В замкнутых сельских сообществах более выражены могут быть проявления nepотизма. С другой стороны, сообщества с коллективистскими и традиционными ценностями могут больше внимания уделять упорному труду и достижению общих целей, что важно в условиях рискованного земледелия⁵²².

На Северном Кавказе и в республиках Южной Сибири (*тип 7*) к возможным негативно влияющим на предпринимательство особенностям сельскохозяйственных территорий добавляются высокие природные издержки, связанные с расположением в горах, а также различного рода межэтнические, земельные и иные противоречия (Стародубровская и др., 2011). Высокая ранняя предпринимательская активность населения здесь носит преимущественно вынужденный характер в отсутствие иных сфер приложения труда, но также связана с традиционно высоким престижем профессии предпринимателя. Кабардино-Балкария и Северная Осетия отличаются высокой долей производственного малого бизнеса, что роднит их с типом 3. В мусульманских регионах в последние годы распространяются исламские финансы.

⁵²² Есть свидетельства, что в агропромышленной корпорации ЭФКО со штаб-квартирой в Белгородской области придерживаются стратегии привлечения специалистов с подобными ценностями и психотипом.

Арктические и Северные с экстремальными природными условиями

Издержки и риски для ведения бизнеса в арктических и северных предпринимательских геосистемах (*тип 5*) практически запретительны для многих видов деятельности (табл. 35) (п. 4.1). Повышена доля затрат на оплату труда, что связано с малым количеством трудовых ресурсов и северными надбавками. Минимальна доля работ и услуг сторонних организаций: слабо развит аутсорсинг непрофильных функций при малом числе организаций. Традиционно малые предприятия более активно используют госконтракты (Пилясов, 2021).

Таблица 35 – Структура затрат МСП (ЮЛ) в разных типах регионов в год

Виды затрат субъектов МСП – юридических лиц	Арктические регионы	Северные регионы	Российская Федерация
Сумма затрат, деленная на среднесписочную численность сотрудников, тыс. руб. на чел.	2050,4	107,9	16,1
Отношение затрат к выручке, %	30,9	1,7	0,2
Доля затрат на сырье и материалы в объеме затрат, %	36,3	41,8	42,1
Доля работ и услуг сторонних организаций, %	33,2	34,7	36,1
Доля затрат на труд, %	23	16,5	14,3

Источник: составлено автором по данным Росстата (Земцов и др., 2021).

Бизнес выживает на Севере, если становится достаточно производительным. Но это скорее связано с позицией на рынке, спецификой продукции и услуг, а не внедрением новых технологий: доля инновационно активных организаций в арктических регионах в среднем 6,4% (9,1% – в России), ниже плотность технологических стартапов.

В отраслевой структуре заметно выше доля транспорта и хранения из-за больших расстояний и продолжительных зим, а вот развитие производств и массового сельского хозяйства, за исключением оленеводства, затруднено вследствие высоких издержек. Относительно развито лесное хозяйство, сбор дикоросов и рыболовство. В северных регионах есть успешные примеры использования местных ресурсов, компетенций местного сообщества для развития новых проектов (Пилясов, 2009; Пилясов, Замятина, 2015)⁵²³. Например, в Ханты-Мансийском АО⁵²⁴ (*тип 5*) активно развивается бизнес по адаптации транспортной техники к неблагоприятным северным условиям, здесь действует экспериментальный режим для беспилотной техники, создается инновационная инфраструктура.

При этом регионы внутри неоднородны. Например, высокая концентрация и разнообразие фирм, банковских институтов в г. Петрозаводске, близость к рынкам Финляндии и Санкт-Петербурга не позволяют отнести Карелию в полной мере к типу северных экосистем. Здесь представлено большое разнообразие малого бизнеса в сфере услуг, в т. ч. туризме, лесопереработке, большую роль играет Петрозаводский университет (Горячевская и др., 2016).

⁵²³ Арктическое и северное предпринимательство – специфическое явление, требующее особых подходов к исследованию и поддержке (Пилясов, Замятина, 2016; Пилясов, 2021). Просматриваются параллели с коренными малочисленными народами севера в особенностях поведения и стратегиях адаптации.

⁵²⁴ Один из немногих регионов России, имеющий отдельную Стратегию инновационного развития.

Дальневосточные, удаленные от центров

В Дальневосточной федеральном округе (ДФО) большинство региональных предпринимательских геосистем отнесены к *шестому типу*: удаленные от рынков с низкой активностью бизнеса, высокой долей неформальной занятости, представлены и развитые диверсифицированные центры (Приморский, Хабаровский край) и северные (Сахалинская, Магаданская области, Камчатский край).

Доля ДФО в общем числе субъектов МСП в стране устойчиво сокращалась с 2015 г. из-за оттока населения и предпринимателей из региона, внедрения различного рода ограничений на торговлю со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)⁵²⁵. Пандемия, а также частично санкционные ограничения привела к разрыву торговых, производственных и иных связей со многими странами АТР. В целом предпринимательские экосистемы дальневосточных регионов менее развиты, чем в основной полосе расселения.

Регионы ДФО существенно дифференцированы по плотности субъектов МСП. Наиболее велика она в крупнейших экономических центрах (Сахалинская область, Приморский край) с хорошим потребительским спросом и выгодным ЭГП вблизи крупнейших мировых рынков Китая и Японии. В портовых регионах плотность субъектов МСП выше благодаря развитию соответствующей транспортно-логистической сферы. В Сахалинской области внутренний спрос на продукцию и услуги МСП обусловлен высокими доходами от добычи нефти и газа, в Приморском крае – благодаря реализации большого числа мегапроектов, в частности при подготовке к саммиту АТЭС в 2012 г. Высока плотность в ряде удаленных изолированных регионов (Камчатский край, Якутия, Магаданская область), где в силу небольшого объема локальных рынков МСП берет на себя ключевую функцию в обслуживании потребительского спроса. В Камчатском крае большое число рыбохозяйственных и туристических МСП, в Магаданской области представлены добывающие предприятия, в Якутии – промыслы КМНС. Наименьшее количество субъектов МСП на душу населения наблюдается в регионах с малым размером внутренней экономики (Еврейская АО, Чукотский автономный округ), где для малых и средних фирм меньше потенциальных рыночных ниш.

Дальневосточные регионы в силу специфики расположения территории вдали от федерального центра характеризуются не только довольно интенсивными связями со странами-соседями, но и наличием специфичной институциональной среды, в которой эффективность государственного управления снижается из-за труднодоступности многих поселений, недостатка квалифицированных кадров (Туровский, 2006). Это отрицательно влияет и на развитие предпринимательства.

⁵²⁵ Например, ограничения на импорт поддержанных автомобилей из Японии

6.4. Подходы к формированию предпринимательской политики для регионов

Полученный в ходе моделирования набор параметров делового климата региона (см. главу 4) может быть подвержен влиянию государственной политики (глава 5). В преддверии новой волны предпринимательской активности необходимы усилия региональных властей по всем ключевым направлениям для локализации волны на своей территории.

1. В России существуют объективно разные природно-географические условия для ведения бизнеса. Издержки почти запретительны в Арктических регионах, высоки на Севере и в горных территориях. К сожалению, эти различия не всегда учитываются при принятии федеральных норм⁵²⁶, выделении поддержки. Здесь возможны меры по снижению издержек путем тарифной политики в сфере перевозки грузов и электроэнергетике, не говоря уже о развитии транспортной инфраструктуры, но издержки перемещения экономической активности в северные регионы могут стать непомерными для экономики (см. п. 1.4). В 2023 г. впервые в постсоветской истории зафиксирован положительный миграционный прирост в Арктической зоне России. В новых условиях важно не допустить повторения ошибок советского периода (п. 5.1). Это требует ориентации предпринимателей и бизнесов на расширение вахтовых методов освоения с применением технологий автоматизации, в том числе с помощью беспилотных технологий, а также развития транспортного комплекса для переориентации на быстрорастущие рынки стран «Востока» и «Юга». Уже сегодня это требует расширения соответствующих экспериментальных правовых режимов (регуляторные песочницы) (Земцов, 2024), где предприниматели могут тестировать и внедрять инновационную продукцию и технологии.

Потребуется более полное использование земли как капитала (Soto, 2013). В России до сих пор не создано единой, покрывающей всю страну, геоинформационной системы с точной привязкой всех земельных отношений и прав. Это приводит как к обострению земельных споров, так и курьезам⁵²⁷. Проблема решается в рамках государственной программы «Национальная система пространственных данных». Создание и наполнение системы должно обеспечить инвентаризацию, последующее развитие земельных отношений и соответствующих форм хозяйственной деятельности.

2. Ограничения на внешнюю торговлю снижают возможности для развития малого бизнеса по всей стране, но сильнее – в приграничных и приморских регионах. В целом могло бы повысить плотность и занятость в МСП совершенствование транспортной инфраструктуры (порты, дороги, мосты и т.д.), расширение числа пограничных переходов и снижение институциональных барьеров внешней торговли: упрощение и цифровизация таможенного

⁵²⁶ Например, одновременное внедрение онлайн-касс в крупных агломерациях с хорошим доступом к ИКТ и в северных удаленных поселениях могло приводить к снижению числа субъектов МСП в последних.

⁵²⁷ Например, согласно данным кадастрового учета площадь земель не менее, чем в 1,5 раза больше, чем фактическая площадь всей России из-за наложения участков.

контроля, транспортно-логистических операций, пересечения границы и т.д., что преимущественно находится в ведении федеральных властей.

Вероятно, современный рост возможностей связан с большим числом открывающихся рынков ИТ сферы, зарубежных рынков в рамках БРИКС+ и при распространении российских торговых онлайн-платформ, при обеспечении беспрепятственного выхода отечественных производителей на зарубежные маркет-плейсы. При этом большинству регионов не хватает собственных индустриальных мощностей, дешевых средств производства, в т.ч. в сфере микроэлектроники, а без этого развитие новых рынков и форм предпринимательской активности может быть в любой момент ограничено внешними шоками.

В условиях санкционного давления необходимо проведение более открытой и проактивной политики по расширению торговых и иных деловых связей со всеми потенциальными партнерами. Позитивный эффект подобной политики можно наблюдать в росте деловой активности в регионах, приграничных к нейтральным и дружественным странам (например, членам Шанхайской организации сотрудничества): северокавказские республики, Оренбургская и Курганская области, Забайкальский край. Требуется продолжить работы по расширению пунктов пропуска и в целом модернизации, автоматизации и цифровизации пограничной инфраструктуры. Необходимо создание трансграничных преференциальных режимов в указанных регионах. Будут востребованы меры по ликвидации визовых ограничений для привлечения внешних туристов.

Внутри крупнейших агломераций сохраняются транспортные проблемы, отсутствует устойчивое высокоскоростное сообщение между ними. Из-за переориентации грузопотоков на южные и восточные направления отдельные трассы (например «Каспий», «Урал») могут оказаться чрезмерно перегруженными грузовым транспортом. Растет загрузка и в связи с более широким распространением пунктов выдачи товаров онлайн-магазинов; в этом случае роль региональных властей в поддержании местных дорог возрастает. В целом транспортная политика не входит в число инструментов, рассматривающийся в рамках политики поддержки МСП, но оказывает очевидное влияние⁵²⁸. Эта политика в меньшей степени подвержена влиянию решений региональных властей, тем не менее, зачастую отдельные точки роста в регионах могут быть не обеспечены достаточной инфраструктурой. Например, местные дороги в новых туристических дестинациях⁵²⁹ Центральной России и Северного Кавказа. Для цифрового торгового бизнеса

⁵²⁸ Связи между центральными местами во все эпохи способствовали росту деловой активности, например во времена Киевской Руси наиболее важное значение имел путь «из варяг в греки»; первый макроцикл предпринимательской активности во многом был основан на развитии железнодорожного сообщения и освоении восточных территорий.

⁵²⁹ Для проведения полевого исследования в туристическом кластере с. Даньшино в Белинском районе Пензенской области потребовался объезд по полевой дороге из-за разрушения дорожного полотна на основной местной автодороге. В то же время проезд к интервьюерам в большинство мест соседнего Гавриловском района Тамбовской области не вызвал таких затруднений.

необходима разветвлённая сеть автодорог т. к. преимущественно товары доставляются в пункты выдачи заказов (ПВЗ) с помощью автотранспорта. ПВЗ создаются почти повсеместно, даже в небольших населённых пунктах, плотность контактов, то есть поездок, доставок растёт, постепенно это становится барьером для развития бизнеса. Необходимо кардинальное расширение дорожной сети и средней скорости проезда. В современный период важны связи с дружественными странами, Китаем, Казахстаном, Закавказьем. Например, двухполосная магистраль трассы Р-22 «Каспий» соединяющей Москву со странами Центральной Азии и Закавказья в ближайшие годы перестанет соответствовать нарастающему потоку товаров и людей. На Северном Кавказе развитие дорожной сети, в т. ч. трассы Р-22, будет способствовать не только увеличению потоков грузов, но и обеспечит растущий внутренний туристический поток. В пригородной зоне активное дорожное строительство будет способствовать распространению субурбанизации, что было одним из драйверов развития малого строительного бизнеса, например в Белгородской области в 2000-е гг.

3. Крупные сырьевые госкорпорации России могут не иметь достаточных стимулов для развития стартапов и инноваций. Поэтому среди целей их развития должен быть указан рост объемов экспорта высокотехнологичной продукции, что потребует увеличения корпоративных НИОКР⁵³⁰ за счет внедрения модели внутреннего предпринимательства (интрапренерства), расширение практики связанных грантов с вузами и развитие корпоративных венчурных фондов (Яковлев, Гончар, 2004; Сараев и др., 2020). Долгосрочное развитие регионов с высокой долей оборонно-промышленных предприятий потребует усилий по конверсии таких производств с целью импортозамещения. В этой ситуации необходим пакет мер по сокращению соответствующих регуляторных ограничений. Потребуется создание отдельных подразделений для производства гражданской продукции, что может быть неэффективно без соответствующих предпринимательских инициатив, взаимодействия с университетами и научными центрами.

Серьёзный барьер развития производственных МСП во многих регионах связан с недостатком энергоёмностей. Здесь есть несколько вариантов решения этой проблемы. Первый связан с расширением энергоёмностей на основе традиционных источников энергии, в частности строительством тепловых электростанций, работающих на газовом топливе, на каменном угле. Ограничивает применение подхода недостаток собственных мощностей по производству такого оборудования, нехватка технологий и возможный рост экологических проблем. Во многих местностях, в т. ч. в крупных агломерациях подобный подход менее желателен, чем использование альтернативных источников энергии. Наиболее развит сектор технологий альтернативной энергетики в Китае; политическое решение о развитии

⁵³⁰ Что заложено в новых национальных целях развития России до 2030 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>.

альтернативной генерации в России могло бы способствовать проникновению новых технологий. Например, в туристическом районе строительство крупных электростанций снижает привлекательность территории. Нехватка мощностей электричества и газа в отдельных муниципалитетах вызвана недостаточным развитием сетевого хозяйства и требует ГЧП.

С точки зрения долгосрочного развития политика государства должна быть направлена на создание наиболее благоприятных условий для технологических производств и сервисов с высокой добавленной стоимостью. На практике реализовать такую политику удаётся весьма немногочисленному числу регионов, проводивших политику поддержки и защиты обрабатывающей промышленности. Например, заградительные пошлины по отдельным видам стратегической продукции возможны, но на определённый промежуток времени с конкретными целевыми индикаторами для участников рынка, в частности целями по экспорту. Есть основания обсуждать дальнейшую либерализацию правового режима на рынках интеллектуальной собственности, например применение механизмов параллельного импорта технологий. Потребуется развитие дополнительных центров реинжиниринга в регионах; под эти задачи может быть частично переориентирована работа передовых инженерных школ.

4. Несмотря на значимость социокультурных факторов, разработать адекватные политические меры в этой сфере довольно сложно, т. к. нормы сообществ являются сложно изменяемыми. Во-первых, необходимо учитывать социокультурный контекст регионов при проведении дифференцированной политики. Вероятно, преимущественно развитие новых технологий и услуг возможно в регионах, где сообщества более склоны к принятию нововведений (Аузан и др., 2019); в более консервативных – необходимо искать иные способы к поощрению предпринимательской деятельности и кооперации разных стейкхолдеров, соответствующие традиционным установкам и укладам. При этом сложность заключается в необходимости не только учета специфик, но и поиска компромиссных решений. Во-вторых, распространение новых форм предпринимательской деятельности возможно через различного рода промежуточные институты (Полтерович, 2007). Например, технологическое предпринимательство при слабой роли университетских стартапов может опираться на различные формы кооперации вузов, научных институтов и предприятий, например в рамках научно-производственных объединений. Легализация самозанятости может также вести к постепенному расширению предпринимательской активности за счет предпринимательских практик. Венчурные инвестиции могут развиваться за счет создания частно-государственных инвестиционных компаний малого бизнеса. В-третьих, изменение норм возможно при обучении нового поколения предпринимательским навыкам, популяризации положительных примеров.

5. Благоприятная институциональная среда может способствовать более высокой плотности малого бизнеса. А новые предприятия, особенно технологические стартапы, в свою

очередь, создают рабочие места и повышают занятость. Иными словами, усилия федеральных и региональных властей по улучшению инвестиционного климата необходимо продолжать. Понятные прозрачные правила (например, инвестиционный стандарт), устанавливаемые во всех регионах для всех инвесторов и предпринимателей на продолжительный период, – это основа долгосрочного роста. Региональные власти могут вести работу по улучшению формальных условий ведения бизнеса: скорость выделения земли, подключения к сетям и прочее. Вероятно, расширение объема налогов, передаваемых на более низкий уровень, могло бы стимулировать выход ряда предпринимателей из неформального сектора и расширению их участия в местных инициативах. Для повышения бюджетной обеспеченности муниципалитетов следует проработать возможность выбора налогоплательщиком места уплаты налогов, например, в месте ведения деятельности, вне зависимости от его фактической регистрации («налог родного села»).

В целом необходимы актуализация, упрощение и размещение на едином интерактивном государственном ресурсе, например, на портале «МСП.РФ», конечного списка форм и направлений проверок бизнеса с открытым доступом на него для федеральных и региональных органов власти, институтов развития и других организаций. Фактически необходимо обеспечить, чтобы любая фирма, внося в систему ключевые параметры своей деятельности, в режиме онлайн могла бы отслеживать все значимые для нее и возможные проверочные мероприятия. Между тем, сейчас о некоторых нарушениях компании узнают только по результатам проверки. Необходимо ускоренное внедрение риск-ориентированного подхода к организации проверок и в дальнейшем перевод отдельных проверок в электронный режим с использованием электронной подписи.

Начало следующей волны деловой активности может быть связано с комплексом реформ, которые были проведены в 2022–2023 гг., в частности резкое снижение налоговой и иных видов нагрузки на технологических предпринимателей в сфере информационных технологий (ИТ). Но есть и существенные ограничения, связанные с внешними шоками и нехваткой специалистов. От вузов потребуются внедрение новых моделей обучения STEM и предпринимательству. Новый этап, вероятно, будет связан со всеобщим внедрением технологий искусственного интеллекта (Земцов, 2024), что обеспечит кардинальное сокращение издержек⁵³¹.

6. Региональный доступ к банковским услугам, а соответственно к капиталу (дешевым и длинным деньгам) – один из значимых факторов развития МСП. Развитая банковская система России, которая поддерживалась государством многие годы, в новых условиях могла бы играть более существенную роль в процессах создания бизнесов. Региональные власти заинтересованы в развитии кредитования малого бизнеса, но также ограничены в своих возможностях. Изменение ключевой ставки Банка России – наиболее влиятельный рычаг влияния на доступность кредитов.

⁵³¹ В России действует федеральный проект «Искусственный интеллект» по внедрению ИИ в госуправлении и частном секторе, хотя далеко не все регионы в полной мере охвачены этими процессами (Земцов, 2024).

Создаются государственные микрофинансовые организации для поддержки бизнеса, действуют гарантийные организации, что позволяет сдерживать стоимость капитала для предпринимателей. Для ряда регионов Северного Кавказа и Поволжье важным стимулом развития предпринимательства может стать внедрение института исламских финансов, что потребует совершенствования контрольно-надзорной деятельности.

Важно создать новые стимулы для перевода компаний российских бенефициаров из оффшорных юрисдикций (Кипр, Нидерланды, Великобритания и др.) в российскую для снижения санкционных рисков. В России уже внедрен режим специальных административных районов на о. Русский (Приморский край) и о. Октябрьский (Калининградская область)⁵³².

Среди институциональных барьеров немаловажную роль играет концентрация финансовых, политических и иных ресурсов в г. Москве и частично в г. Санкт-Петербурге. Крупные бизнесы стимулируют дальнейшую концентрацию средних и малых. Новая предпринимательская волна может способствовать более равномерному распределению экономической активности: многие ИТ-специалисты, представители творческих индустрий, сферы образования благодаря развитию новых технологий могут вести свою деятельность из любой точки страны. Поэтому привлекательность сельских территорий, малых городов в перспективе может расти⁵³³. К сожалению, большинство малых поселений не обеспечены должной социальной, дорожной и иной инфраструктурой. Поэтому в проекте Стратегии Пространственного развития до 2030 г. предложено выделить категорию опорных населённых пунктов, которые получают приоритет при реализации различных государственных инициатив⁵³⁴.

Региональные власти часто ориентированы на решение многочисленных текущих задач в ограниченных бюджетных рамках, особенно это касается менее развитых регионов с высоким уровнем дотационности. Это не позволяет вовремя оказывать поддержку значимым предпринимательским проектам. Требуется приоритизировать усилия в соответствии с федеральными и региональными целями, что невозможно без должной трансформации системы управления. Существует потребность в создании специализированных центров развития с широкими полномочиями, подотчетные главе региона; некоторые функции могли бы взять на себя создаваемые Региональные координационные центры⁵³⁵. Во-первых, они призваны провести цифровизацию административных органов, используя подходы на основе управления данными. Во-вторых, они могут способствовать координации усилий федеральных и региональных

532

Минэкономразвития

России.

URL:

https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/specialnye_administrativnye_rayony/.⁵³³ Примером может служить проект «Доброград» во Владимирской области, но это скорее исключение.⁵³⁴ Как уже отмечалось в п. 6.1., здесь важно избежать проблемы «назначенных чемпионов», когда предпринимательские проекты за границами опорных населённых пунктов не будут получать должной поддержки.⁵³⁵ Региональные координационные центры повышают эффективность работы местных органов власти. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/regionalnye-koordinacionnye-centry-povysaut-effektivnost-raboty-mestnyh-organov-vlasti-27868>

органов власти, в том числе эффективному стратегическому целеполаганию на региональном уровне. Это достигается путем привлечения экспертного сообщества и предпринимателей к выработке общих решений, в том числе во время стратегических сессий. В-третьих, они позволяют оцифровывать, проводить мониторинг и приоритизировать поддержку инвестиционных проектов на основе независимых оценок их значимости. В-четвертых, новый инструмент позволит разработать систему мониторинга долгосрочных внешних рисков, которые следует учитывать при реализации инициатив. Для защиты интересов предпринимателей под руководством губернаторов могут создаваться отдельные «Штабы». Они должны быть наделены не только совещательными функциями, но и правами по медиации конфликтов с юридической точки зрения. Потребуется информационная открытость и прозрачность в их деятельности, рекомендуется привлекать для участия независимых представителей экспертного сообщества. В отдельных крупных предпринимательских центрах могут быть созданы проектные офисы с широкими полномочиями на федеральном и региональном уровнях (по аналогии с проектом ИНО Томск⁵³⁶) по взаимодействию с местным бизнесом, органами власти, институтами развития, университетами и другими стейкхолдерами предпринимательских экосистем. Сейчас же многие институты развития даже не имеют региональных представительств (Земцов и др., 2019).

7. Образовательная политика должна быть направлена на поощрение и популяризацию конструктивной предпринимательской деятельности⁵³⁷. Вероятно, необходимо проводить массовые ориентированные на выявление предпринимательских наклонностей и способностей тестирования школьников, студентов и безработных во всех регионах. Такого рода тестирования можно сделать обязательными при обучении на образовательных программах по предпринимательству.

Уровень и качество образования высоки в ряде традиционных научно-технологических и образовательных центрах страны (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск и т. д.), где существенно выше и плотность технологических компаний. Для них важен доступ к человеческому капиталу, наличие крупного вуза, хотя малые инновационные компании при вузах составляют менее трети процента от общего числа стартапов, а большинство вузов вообще не заинтересованы в развитии предпринимательства. Близость ведущих университетов обеспечивает доступ к последним технологиям и квалифицированным специалистам. Отдельные (предпринимательские) университеты должны сформировать вокруг себя эффективные региональные стартап-экосистемы.

⁵³⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации. URL; <http://static.government.ru/media/files/rkbbqeqE1vMY2wSRRd6Xf5RQHmGHoZsj.pdf>.

⁵³⁷ Например, А. Шапиро (Shapiro, 1975) чтобы сделать регионы более предпринимательскими предлагал демонстрировать людям, что у них есть внутренний контроль, они могут изменить ситуацию, в т.ч. за счет примеров успешных местных предпринимателей.

В России недооценивается роль зарубежных мигрантов и российской диаспоры в развитии технологического бизнеса⁵³⁸, во всяком случае государственные инициативы по привлечению технологических предпринимателей практически отсутствовали в России до последнего времени. В новых условиях после 2022 г. реализация подобных инициатив может усложниться, хотя Правительство России уже заявило о мерах по возврату российских мигрантов, студентов, ИТ-специалистов из-за рубежа.

8. Влияние безработицы неоднозначно. С одной стороны, высокий уровень безработицы одновременно связан с экономическими проблемами и снижением потребительского спроса. С другой стороны, всплеск безработицы в предыдущие годы может стимулировать вынужденное предпринимательство, но только в тех регионах, где есть возможность для расширения рынков. Поэтому обучение безработных предпринимательству может быть не столь эффективным в малых «угасающих» экономиках моногородов, как в крупных агломерациях с достаточно развитым сектором ИКТ. В общем смысле власти стремятся обучать безработных предпринимательству, выделяют гранты на открытие новых фирм⁵³⁹.

В условиях нехватки человеческих резервов для субъектов МСП потребуется внедрение трудосберегающих технологий, в частности внедрение массовых технологий ИИ (Земцов, 2024), в частности необходимо разработать типовые решения по внедрению ИИ в субъектах МСП на основе лучших практик. Требуется отдельная программа поддержки роботизации госкомпаний, присутствующих во многих регионах России, что может создать новые локальные рынки для соответствующих стартапов.

9. Цифровизация бизнеса и в целом распространение новых цифровых технологий создало возможности для расширения рынков за счет интернет-торговли и онлайн-сервисов, поэтому требует усилий властей по снижению цифрового неравенства. С распространением цифровых технологий увеличивается интенсивность взаимодействия между участниками экономической деятельности. Это приводит к формированию различного рода сетевых структур:

- цифровые торговые платформы (маркетплейсы), объединяющие многих предпринимателей, например You.Do, «Авито», «Яндекс.Маркет» и др.;
- цифровые экосистемы ИТ-гигантов: «Яндекс», МТС, Сбер Тинькофф и др.;

⁵³⁸ Возвратные мигранты обладают новыми знаниями, компетенциями и связями, что способствует перетоку знаний от них местным предпринимателям. Предприниматели-реэмигранты из США и высококвалифицированные специалисты из стран бывшего СССР во многом способствовали созданию высокотехнологичной экономики Израиля. В Китае (г. Гуанчжоу) и Индии (г. Бангалор) при создании стартапов все большую роль играет возвратная, или «солнечная», миграция из развитых стран после того, как на родине сложились предпосылки для экономического роста и представлены глобальные компании, то есть «взошло солнце».

⁵³⁹ Необходимость обучения и переобучения специалистов, в том числе тестирование на наличие предпринимательских навыков с последующей консультационной и финансовой поддержкой начинающих бизнесов во многих регионах, в первую очередь, на новых территориях, может возникнуть в ближайшие годы по мере завершения специальной военной операции.

– государственные экосистемы, в т.ч. созданные вокруг госуслуг.

Многие малые предприятия пережили период коронакризиса и шоки 2022 года благодаря цифровизации процессов продажи. Теперь требуется более полная интеграция в цифровые платформы и автоматизация производственных процессов. Для этого необходимо существенное расширение и дополнение платформы по продажам российского программного обеспечения, дополнительные программы и консалтинг. Это создаст рынок для российских стартапов и позволит снизить зависимость от иностранного программного обеспечения и сохранить отдельных квалифицированных специалистов в России.

Развитие цифровой экономики, внедрение ИИ, требует доступа к интернету. В России высоко цифровое неравенство (Zemtsov et al., 2022). И если доступ к интернету, хотя и различается, но благодаря активному проникновению сотовой связи есть у большинства домохозяйств, существенны различия в его использовании. Так, по данным Росстата в Москве более 50% фирм размещали заказы онлайн, то в Дагестане — менее 20%. Приоритетом в развитии цифровой среды в субъектах РФ должно стать создание и расширение инфраструктуры ИКТ (включая широкополосный Интернет, 5G), что само по себе создаст условия для формирования новых индустрий в рамках развития гиг-экономики: 3D-печать, технологии дополненной и виртуальной реальности, телемедицина и т. д. Возможно использование как инструментов ГЧП, так и выпуск долговых инструментов для финансирования соответствующих проектов в регионах. Но обязательным условием должно быть софинансирование со стороны частных инвесторов (Cumming et al., 2017). Цифровое неравенство — это не только техническая доступность, но и умение использовать ИИ, получать прибыль, поэтому ИИ-продукты пока не могут использоваться повсеместно, а лишь ограниченным числом потребителей в тех немногих местах, которые обладают сочетанием финансовых, человеческих и иных ресурсов для внедрения. Например, при использовании беспилотных автомобилей, удаленной роботизированной хирургии, виртуальной реальности, где требуется высокая скорость передачи данных (непрерываемый поток), существует проблема доступности и скорости сигнала, например, 5G. Вблизи крупнейших агломераций условия лучше, чем во многих городах Дальнего Востока, Арктики, Северного Кавказа, где еще отсутствует доступ к широкополосному интернету.

Повышение уровня цифровизации и автоматизации процессов может кардинально снизить издержки ведения бизнеса. Например, новые автоматизированные налоговые режимы, введенные в форме эксперимента, позволяют бизнесам на УСН⁵⁴⁰ экономить на бухгалтерских и

⁵⁴⁰ Автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН) предполагает сокращение отчетности, автоматическую уплату налогов; эксперимент проводится в Москве, в Московской, Калужской области и в Республике Татарстан. Новым налогом смогут воспользоваться организации и ИП с годовым доходом до 60 млн руб. и численностью работников до 5 человек.

иных финансовых расчетах. Новая технологическая волна фактически позволяет производственному бизнесу продавать свою продукцию в любой точке мира. Но это же может ликвидировать местные бизнесы, которые оказываются менее конкурентоспособными.

Конкурентоспособность бизнеса зависит от сочетания исследованных условий и факторов, встречающихся в ограниченном количестве мест (глава 4). Региональные власти могут стремиться сформировать подобные условия на своей территории. Потребуется внедрение *новой предпринимательской политики*, направленной на развитие региональных экосистем предпринимательства: условий максимального благоприятствования для создания бизнесов, снижения административного и налогового давления, увеличения региональной поддержки и консалтинга для формирования устойчивых сетей экономических агентов (МСП, власти, вузы, НИИ, крупные предприятия, НКО и т.д.) и производственных цепочек. Такой подход потребует увеличения роли региональных властей, а соответственно будет предполагать определенную децентрализацию налоговой и бюджетной системы (Барина и др., 2023). Федеральный центр может реагировать на угрозы с опозданием, а региональные власти уже имеют опыт принятия оперативных решений. Подобная политика требует выделения различных групп МСП и разных типов регионов для дифференцированной поддержки (Чепуренко, 2012).

Типы предпринимательских геосистем (см. п. 6.3) задают общие рамки для проведения подобной политики. Иными словами, пытаться создавать кластеры микроэлектроники в арктических регионах с низкой плотностью бизнесов, недостаточным человеческим капиталом и уровнем развития технологий выглядит бесперспективным. Неоднозначно воспринимается и политика развития старых индустрий в границах крупных городов, которые уже долгие годы выполняет сервисные и технологические функции⁵⁴¹. В то же время политика бездумной деиндустриализации приводят к потере компетенций и возможности будущего развития. Существенной проблемой является отсутствие каналов диффузии предпринимательских волн предшествующих периодов из крупных городов на периферию⁵⁴².

Описанные типы и успешные практики российских и зарубежных регионов, которые изучались в диссертационном исследовании, могут помочь формированию дифференцированной предпринимательской политики. Несмотря на определенную устойчивость выявленных типов, они могут изменяться в зависимости от скоординированных взаимных действий стейкхолдеров предпринимательской экосистемы (п. 6.1.).

⁵⁴¹ Например, политика размещения автомобильных, нефтехимических или иных массовых и экологически грязных производств на территории г. Москвы.

⁵⁴² Например, знаменитый «Завод имени Лихачёва» в г. Москве не мог выдержать конкуренцию с сервисными бизнесами (торгово-развлекательным) из-за высокой стоимости земли, рабочей силы в столице, но его полная ликвидация выглядит непродуманным решением. В идеальной ситуации предприятие и его бренд сохраняются, но производственные мощности переносятся в регионы с соответствующей специализацией с сохранением отдельных сервисных функций заводууправления, например инжиниринг, промышленный дизайн, высокоточные измерения.

В регионах *первого и второго типа* необходима концентрация усилий на поддержке средних быстрорастущих компаний (т. н. «экономическое садоводство»), особенно в высокотехнологичном секторе экономики. Потребуется создание системы акселерации субъектов МСП. Перспективно применение различных форм венчурного финансирования, востребован инструмент инновационных ваучеров и связанных грантов. Потребуется более интенсивное участие университетов в формировании предпринимательских экосистем; сегодня федеральные вузы часто слабо взаимодействуют с региональными бизнес-агентами. Для фирм творческих индустрий необходимо развитие сети коворкингов, взаимодействие с туристическими и культурными объектами региона, поддержка выставок. В отличие от социальной политики поддержка технологических стартапов не может быть выравнивающей и единообразной. Так, софинансирование стартапов в добывающих и аграрных регионах будет менее эффективным, чем в научно-образовательных центрах. В этом контексте важно создание условий для предпринимательства в студенческой среде, в т.ч. формирование университетской экосистемы для стартапов⁵⁴³: бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий и др. Вузовская наука в большинстве регионов России слаба, а развивается она только при наличии сильных научных центров, при кооперации с бизнесом. Важны усилия по коммерциализации результатов НИОКР, в частности необходимо продумать новые инструменты создания совместных с бизнесом компаний, например научно-производственных объединений. Необходимо активнее вовлекать технологические компании во взаимодействие с университетами посредством предоставления бизнесу налоговых льгот и иных дополнительных условий, например, передача по символической цене имеющихся и простаивающих производственных площадей и прочей инфраструктуры, при организации базовых кафедр, инжиниринговых центров и центров прототипирования в региональных университетах. Возможно привлечение институтов развития для финансовой поддержки проектов.

Необходима имплементация концепции «предпринимательских университетов». Грантовая поддержка предпринимательских университетов в ведущих научно-технологических центрах в рамках новой программы стратегического академического лидерства – с целью расширения программ обучения предпринимательству студентов (Чепуренко, 2017; Духон и др., 2018; Чепуренко, Сутормина, 2024), а также формирования инфраструктуры поддержки стартапов. Для менее развитых регионов необходима разработка и внедрение сетевых программ, в т. ч. совместно с ведущими технологическими компаниями.

⁵⁴³ Созданная на федеральные бюджетные средства в вузах инфраструктура часто не используется, т.к. студенты, выпускники и преподаватели предпочитают не вступать во взаимодействие с вузовской администрацией при создании бизнеса из-за высокого уровня бюрократии (потому так мало малых инновационных предприятий при вузах), а внешним предпринимателям чаще всего запрещено пользоваться внутривузовской инфраструктурой.

С учетом опыта пандемии, в первую очередь поддержку должны получить инициативы по созданию платформенных решений как база для возникновения стартапов, предлагающих формы коммерциализации таких разработок, а также по развитию услуг в области дистанционной диагностики, ухода за больными и пожилыми, в сфере искусственного интеллекта. Это возможно в тех региональных вузовских и академических центрах, где имеются соответствующие кадры и компетенции, то есть там, где есть сильные медицинские и технические вузы. Среди новых объектов инфраструктуры необходимы фаблабы, обеспечивающие возможность создания пилотных продуктов. Нужны разработка и внедрение инновационных образовательных программ на стыке STEM и творческих направлений с использованием современных ИКТ-технологий, создание высших инженерных школ и зеркальных лабораторий, проведение всевозможных технологических конкурсов, разработка новых образовательных программ в тех региональных вузах, где есть соответствующие кадры и компетенции. Формирование коллабораций ведущих российских университетов с региональной вузовской наукой: создание в регионах «зеркальных лабораторий» ведущих столичных вузов (МФТИ, МИСИС, НИУ ВШЭ, ИНЖЭКОН и др.), система стажировок молодых ученых в ведущих предпринимательских университетах Москвы и Санкт-Петербурга. Отметим, что на федеральном уровне реализуются программы «ПРИОРИТЕТ 2030», проекты «Платформа технологического предпринимательства» и «Передовые инженерные школы», в рамках которых частично запланировано воплощение выше указанных инструментов, создается система международных вузовских кампусов в регионах с высоким научно-технологическим потенциалом (рис. 51).

При смене технологических укладов возникают новые отрасли, например связанные с искусственным интеллектом (ИИ), стартапы, а соответственно и рабочие места (Zemtsov et al., 2020; Земцов, 2017; 2019) в отдельных точках пространства, где для этого сконцентрированы оптимальные условия. Поэтому необходимо расширение сети кампусов, в которых сочетаются образовательные, научные и предпринимательские компетенции мирового уровня и филиалов ведущих университетов в регионах с высоким научно-исследовательским потенциалом с учетом комфортности проживания. Среди подобных регионов, не охваченных в рамках текущей версии программы создания кампусов: Ростовская, Ульяновская, Калужская области, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Крым, Белгородская область, Ставропольский край, г. Севастополь, Тульская, Воронежская, Пензенская и Рязанская области. При создании кампусов важно учесть перспективную учебную и научно-технологическую специализацию регионов и вузов (Михайлов и др., 2024). Необходимо определить сферы специализации кампусов на этапе проектирования, в частности, необходимо поддержать проекты по стратегическим направлениям развития: микроэлектроника, авиакосмический комплекс, станкостроение и робототехника, ИКТ и др.

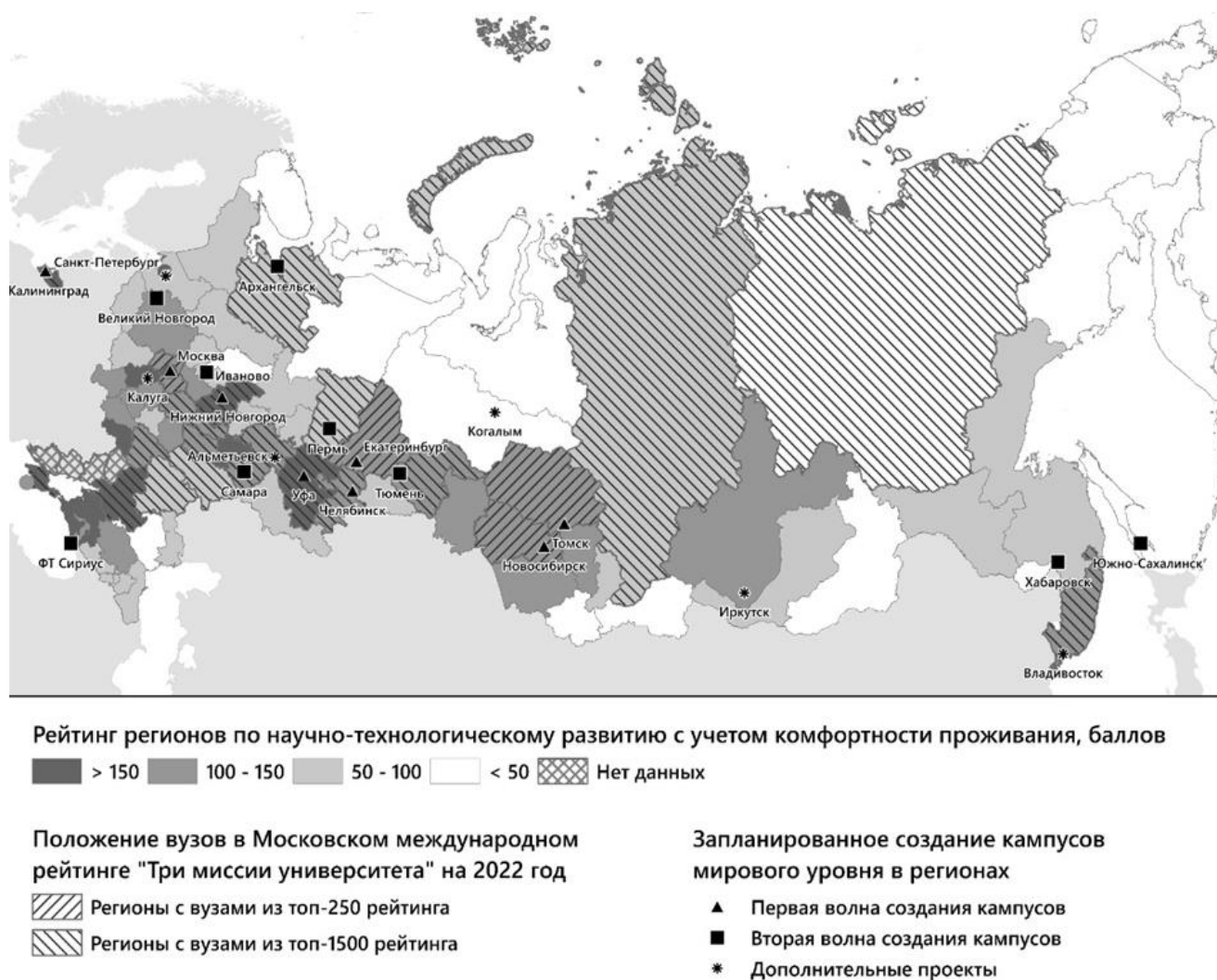

Рисунок 51 – Проекты по строительству кампусов мирового уровня и условия для их развития в регионах России.

Источник: составлено автором по данным Минобрнауки России.

Кампусы создаются для формирования и усиления региональной предпринимательской и инновационной экосистемы, то есть для улучшения среды для обучения, проведения исследований и ведения технологического бизнеса, а также – интенсификации взаимодействий между вузом, научным и бизнес-сообществом. Создание кампуса предполагает выбор долгосрочных приоритетов образовательной, научно-исследовательской и производственной специализации вуза и региона на основе имеющегося потенциала и глобальных возможностей и угроз, так называемая стратегия «умной специализации» (Земцов, Баринаева, 2016). Конечной целью является достраивание производственных цепочек для создания более сложного конечного продукта за счет взаимодействия вузов, фирм, властей, НИИ и т. д. Создание кампуса предполагает широкое привлечение частного бизнеса на основе ГЧП, иначе проекты останутся слабо интегрированными в местную экономику.

Необходимо рассмотреть возможность разработки стандарта развития кампуса, учитывающего лучшие практики их размещения и функционирования. В частности, реализацию

модели полноценных студенческих городков, включая не только студенческие общежития и учебные корпуса, но и условия для ведения внеучебной, научной и предпринимательской деятельности, а также общественные и открытые пространства для общения и отдыха. В частности, стоит учесть несколько взаимосвязанных этапов уже при проектировании и защите проектов:

- создание общей инфраструктуры (общежития, общественные пространства);
- создание учебной инфраструктуры и разработка программ обучения;
- создание научной инфраструктуры и разработка исследовательской программы;
- создание предпринимательской инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, технопарки, ЦТТ, лаборатории корпораций и т. д.) и разработка программы внедрения результатов НИОКР.

В регионах *третьего типа* и ряде регионов *четвертого типа* с большим числом производственных субъектов МСП перспективно развитие кластерных инициатив по формированию сетей взаимодействия с госкомпаниями и транснациональными корпорациями. Часто возможности развития кластеров упираются в различную ведомственную принадлежность крупных компаний, невозможность взаимодействия с малыми фирмами из-за участия в гособоронзаказе. Эффективным инструментом служит развитие индустриальных парков, акселераторов и фаблабов⁵⁴⁴, привлечение соответствующих управляющих компаний для ревитализации пустующих промышленных площадок.

В центрах обрабатывающей промышленности, потерявших иностранных инвесторов (Калужская, Калининградская, Ульяновская обл. и др.) потребуются меры по ускорению импортозамещения и настраиванию новых производственных связей. Для снижения импортозависимости потребуется более широкая интеграция образования, науки и производственного сектора, в т.ч. МСП, с целью разработки новых продуктов и услуг в рамках умной специализации регионов (Егорова, Бушанский, 2024). Важную роль могут сыграть ведущие средние высокотехнологичные компании (Медовников и др., 2016), способные закупать, дорабатывать и эксплуатировать подсанкционное оборудование через инструмент параллельного импорта. Важным может быть опыт Китая по созданию технологических корпораций, в т.ч. в рамках университетских проектов. Для поддержки потребуется разработать дополнительные долгосрочные программы льготного кредитования, в т.ч. в рамках дальнейшей докапитализации региональных фондов промышленности. Необходимы новые инструменты беззалогового кредитования для МСП. Важно расширение практики использования офсетных контрактов, то есть контрактов полного жизненного цикла для МСП: от идеи, производства до

⁵⁴⁴ Некоммерческая организация, арендующая на льготных условиях помещение с промышленным оборудованием для обучения потенциальных предпринимателей, отработки ими промышленных технологий, разработки промышленных образцов. Получаемая, таким образом, продукция не может выходить на общий рынок.

готового рынка сбыта. Это позволит точно решать проблемы в импортозамещении товаров и услуг. Возможно расширение форм поддержки компаний – «региональных чемпионов», с обязательным полным раскрытием информации о грантах и участниках на конкурсной основе, с обязательным привлечением внешних экспертов и последующими мониторингом и оценкой эффективности программ такого рода.

Для расширения числа потенциальных производителей необходимо расширение и повышение эффективности использования центров коллективного пользования, создание фаблабов в регионах, в т.ч. на мощностях ушедших иностранных компаний. Потенциальные предприниматели могли бы отработать производственные процессы на оборудовании и получить консультацию мастеров (наставников), которые оказались менее загруженными. При этом необходимо обеспечить взаимодействие колледжей и других образовательных организаций с ЦМИТаи, фаблабами – с целью получения обучающимися (и переобучающимися) узкоспециализированных профессиональных навыков, пригодных для создания предприятий.

В регионах с менее развитыми предпринимательскими экосистемами и ухудшающейся динамикой (*типы 4–7*) необходимы меры по выводу предпринимателей из теневого сектора, в частности, возможна ликвидация налоговых сборов для самозанятых в сельской местности. Необходимы дополнительные меры социальной политики: бесплатное обучение предпринимательству и бесплатные консультации по развитию МСП, в т.ч. по снижению издержек. Для преодоления институциональных барьеров важно внедрение методов соучастного проектирования и финансирования на региональном и местном уровнях, в частности для коммерциализации культурного и туристического потенциала.

Для южных диверсифицированных регионов (*тип 4*) перспективна политика по поддержке фермеров⁵⁴⁵, содействие кооперации сельскохозяйственных производителей для выхода на рынки Москвы, в т.ч. в нише органических продуктов.

В северных регионах (*тип 5 и 6*) унифицированные подходы к стимулированию конкуренции и поощрению массового предпринимательства могут привести к снижению рентабельности и закрытию высоко рискованных по определению бизнесов, что не раз отмечалось в литературе даже для обжитых территорий. Важны системные меры по снижению энергетических и транспортных расходов, затрат на оплату труда. Субсидирование затрат на отопление может вести к росту энергоемкости экономики, более обоснованным кажется выделение льготных кредитов на внедрение новых технологий, энергосбережение, развитие альтернативных источников энергии, причем роль государства здесь может быть в распространении лучших практик среди предпринимателей.

⁵⁴⁵ В ЕС есть и примеры ограничения работы сетевых магазинов в выходные дни, особенно в период сбора урожая осенью для того, чтобы фермеры могли завезти в город собственную продукцию и беспрепятственно продать ее.

Важно стимулировать взаимодействие между бизнесами с помощью кластерных инициатив, ярмарок закупок и др. Важны гранты и консультации для начинающих предпринимателей в специфичных для Арктики видах деятельности, в т. ч. традиционных промыслах. При этом применим положительный опыт стран Северной Европы, связанный с широким распространением системы общественных консультантов, обычно это опытные предприниматели и специалисты, находящиеся на пенсии. Перспективы арктического и северного предпринимательства во многом связаны с уникальностью продуктов и услуг, что позволит обеспечить дополнительную ренту и особое положение на рынках. Это могут быть традиционные промыслы, северные продукты, туризм, альтернативная энергетика, новые подходы к энергосбережению, дикоросы, новые средства передвижения и др. Есть возможности для развития интернет-экономики благодаря высокой обеспеченности населения и бизнеса соответствующими технологиями, в т.ч. спутниковой связью.

С изменением климата природные риски растут из-за таяния многолетнемерзлотных грунтов, отступления берегов, пожаров, соответственно возрастают издержки из-за разрушения инфраструктуры, дополнительных расходов на адаптацию. Ориентация на возобновляемые источники энергии в мире и санкционное давление могут подорвать возможности освоения Арктики за счет крупных сырьевых корпораций (Рахимова, 2020). Малый бизнес благодаря своей гибкости может быстрее приспосабливаться. Для северных регионов перспективны стартапы, создающие технологии беспилотного транспорта и изолированных систем жизнедеятельности, которые могут использоваться и в космических исследованиях.

На Дальнем Востоке актуальна поддержка экспорта, улучшение таможенной инфраструктуры, возможно расширение транспортных льгот.

В горных и северных регионах (*тип 5 и 7*) эффективным механизмом может стать разработка бренда экологически чистых продуктов, в т.ч. в рамках поддержки культуры и образа жизни местных народов. Тиражирование лучших практик и технологий в уникальных условиях (Севера, горных территорий и т. д.) их патентование, оформление, организация тиражирования и продвижение должно было бы стать предметом деятельности государственной инфраструктуры по поддержке предпринимательства.

В моногородах и на других территориях с высокой безработицей возможны меры массовой прямой поддержки, включая гранты на начало деятельности с условием создания новых рабочих мест.

Во всех случаях обязательна публичная отчётность и оценка эффективности принимаемых решений, проверка их соответствия принципам и целям предпринимательской политики.

Краткие выводы

Последняя глава диссертационного исследования может служить основой для стратегического планирования, разработки соответствующих нормативно-правовых актов (Комаров и др., 2021). Необходима стыковка образовательной, научно-технологической, предпринимательской и региональной политики (Земцов и др., 2020). На основе всего проведенного анализа предложены цели, принципы и инструменты для новой предпринимательской политики. Предложения могут использоваться при разработке федеральных Стратегии пространственного развития, Стратегии развития МСП, Стратегии научно-технологического развития, а также в региональных и городских стратегиях. Обязательно при этом создание системы корректной оценки эффективности проводимой политики. При этом во многих современных документах стратегического планирования на уровне регионов и городов в России часто отсутствует раздел, посвящённый предпринимательству, а в своём развитии региональные и местные власти ориентируются на внешних инвесторов, в том числе на привлечение государственного финансирования.

В условиях слабых институтов традиционная политика стимулирования предпринимательства оказывается неэффективной. Современные глобальные тенденции цифровой трансформации, увеличения роли альтернативной энергетики меняют условия функционирования крупных фирм и бюджетного сектора в России, но создают стимулы и открывают новые возможности для внедрения системных подходов в политике. Учет специфики сложившихся геосистем предпринимательства позволяет выявлять региональные точки роста, масштабировать конструктивное предпринимательство, внедрять новые технологии управления, контрольно-надзорной деятельности и поддержки при экономии бюджетных средств. В идеале высокоразвитые предпринимательские экосистемы более устойчивы в кризисных условиях, бизнес-сообщество способно лучше отстаивать свои интересы, предъявляя спрос на инклюзивные институты, что способствует социально-экономическому развитию всей страны.

Использование экосистемного и геосистемного подходов предполагает изучение предпринимательской деятельности не как отдельного изолированного феномена, а с позиции, рассматривающей индивидуальное поведение предпринимателей, которые встроены в широкий контекст региональных условий (Welter, 2011). Другими словами, признается важность как индивидуальных предпринимательских действий, так и средовых факторов (Cherupenko, 2019). До недавнего времени экосистемный подход в исследованиях МСП был недостаточно формализован (Cavallo et al., 2019): для него характерно перечисление многочисленных стейкхолдеров, условий, факторов без аргументации причин и следствий, должной формализации и квантификации. Проведенное исследование частично ликвидирует этот пробел.

Для России новые подходы видятся предпочтительной альтернативой традиционной политике. Внедрение изложенных принципов не предполагает быстрых и простых решений, требуется долгая и кропотливая взаимосвязанная работа различных стейкхолдеров в регионах и городах, что часто противоречит краткосрочным задачам политиков. Нет никаких гарантий успешности нового подхода, но есть надежда на использование 30-летнего опыта поддержки МСП. Исчерпание возможностей для развития за счет получения и перераспределения природной ренты требует от ответственных элит нахождения альтернативных драйверов роста. К числу таковых в условиях цифровой трансформации относятся развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение, наука), в первую очередь, его предпринимательской составляющей, и расширение возможностей для экономической и социальной мобильности граждан, в т.ч. самозанятость, открытие новых бизнесов.

В изменяющихся условиях, в которых оказались регионы России в 2022 г., необходим поиск новых источников внутреннего роста и занятости, которые может обеспечить предпринимательская инициатива. *Новая предпринимательская политика* (с точки зрения ее миссии) должна быть ориентирована на увеличение вероятности выбора индивидом занятия конструктивной предпринимательской деятельностью. Сегодня лишь 2–3% рабочей силы вовлечено в эту деятельность. Предпринимательское общество и соответствующая экономика могут быть построены, когда таковых будет, по экспертной оценке, не менее 10%. При этом политика должна быть направлена на развитие предпринимательских экосистем: повышение их плотности, изменчивости, разнообразия и связанности, то есть потребуются формирование благоприятного делового климата и интенсивных связей внутри каждого региона между основными стейкхолдерами: МСП, самозанятыми, властями, университетами, институтами развития. Это может быть достигнуто влиянием государственных мер на каждую из выявленных ранее региональных характеристик делового климата, для чего должны быть разработаны соответствующие целевые индикаторы.

Подход потребует от региональной властей определенной предпринимательской ориентации деятельности, то есть проактивность во внедрении новых инструментов и мер поддержки, новых технологий в условиях большой неопределенности. Особенно важны усилия региональных и местных властей в выстраивании связей, развитии кооперации, достраивании отсутствующих производственных цепочек, в т. ч. в целях импортозамещения, выходе на экспорт в третьи страны. Для улучшения доступа МСП к информации и мерам поддержки потребуется запуск полного функционала интерактивного Единого портала всех мер федеральной, региональной и муниципальной поддержки с последующим встраиванием в него всех норм контрольно-надзорной деятельности. При этом новая политика должна учитывать существенные территориальные различия как в деловом климате, так и в возможностях государственного

вмешательства. Потребуется внедрение риск-ориентированного подхода не только в контрольно-надзорной деятельности, но и во всей системе государственного управления, в том числе учет внешних угроз, рисков реализации / нереализации политических решений и т. д.

Новый подход требует увеличения роли региональных властей, соответственно, определенной децентрализации налоговой и бюджетной систем. В целом пандемия показала необходимость повышения роли региональных властей (Образцова, Чепуренко, 2020): не случайно многие противоэпидемиологические меры и инструменты поддержки были переданы из центра в регионы. Впрочем, здесь сохраняется проблема недостаточной обеспеченности большинства регионов и городов собственными бюджетными средствами.

Успешное развитие большого числа стартапов от идеи до глобальной компании-«единорога» возможно в ограниченном числе регионов с наиболее благоприятным деловым климатом и высоким научно-исследовательским потенциалом. На роль подобных *суперрегионов* для привлечения отечественных и зарубежных ученых, предпринимателей могут претендовать регионы, где сложились предпринимательские геосистемы первого и второго типов: Московская и Петербургская агломерации, Краснодарский край и ФТ «Сириус», Приморский край, Калининградская область. Перспективны также: Татарстан, Самарская, Нижегородская, Новосибирская, Свердловская, Томская области, Пермский край. Отдельные регионы активно развивались, но лишены некоторых условий: Калужская, Тюменская, Ульяновская области. В упомянутых центрах необходимо создавать особые условия ведения инновационного бизнеса, включая развитие основных элементов предпринимательской экосистемы, использование преференциальных и экспериментальных правовых режимов для технологических стартапов, внедрение модели предпринимательских университетов. Перспективно внедрение налоговых и иных льгот для компаний новых быстрорастущих отраслей⁵⁴⁶: «зеленые» технологии, квантовые вычисления, искусственный интеллект, биотехнологии, новые материалы и др. Необходимо ежегодно проводить открытый отбор потенциальных региональных и национальных чемпионов с привлечением внешних независимых консультантов и венчурных инвесторов. Вокруг этих компаний потребуется выстроить сети взаимодействия (вузы, НИИ, малые и средние компании, корпорации, венчурные инвесторы) и систему консердж-сервисов.

Все меры поддержки должны быть открытыми, интерактивными и включать последующую оценку эффективности⁵⁴⁷ в соответствии с принципами и целями новой предпринимательской политики (п. 6.2).

⁵⁴⁶ Например, аналог налогового маневра в информационных технологиях. См. Федеральный закон "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" от 31.07.2020 N 265-ФЗ.

⁵⁴⁷ Последний пункт практически никогда не используется, а контроль ограничивается мониторингом и финансовыми проверками. Использование эконометрических и иных строгих методов для оценки эффективности должно стать нормой доказательной предпринимательской политики.

Заключение

Основные результаты, выводы диссертационной работы и некоторые рекомендации заключаются в сформулированных и подробно описанных ниже положениях.

1. В первой главе в соответствии с первой задачей исследования содержательно дополнено определение понятия «предпринимательство» включением в его характеристики пространственной обусловленности: деятельность по поиску, созданию и/или освоению новых рынков товаров / услуг на определенной территории в условиях неопределённости с целью получения вознаграждения. Выявлены роли предпринимательства в региональном развитии: экономическая, социальная, инновационная и пространственно-организационная, ранее эксплицитно не выделявшаяся. Для целей регионального анализа обоснована целесообразность введения в научный оборот категории «конструктивного предпринимательства», которое развивается из малых форм хозяйствования, обладающих способностью к масштабированию и составляющих основу предпринимательских экосистем.

Прообразы предпринимательства как общечеловеческой деятельности по созданию и/или привнесению новых товаров на местную территорию за вознаграждение зародились вместе с процессами добровольного обмена результатами труда, а потому деловая активность населения в некотором смысле имеет характер внеисторического явления. С эволюционной точки зрения явление не может возникнуть в неизменном виде, поэтому современная предпринимательская активность может считаться продолжением некоторых форм деловой активности в прошлом: купечество, ремесленничество и др., но в полной мере сложилась уже в условиях институциональной системы капиталистического периода хозяйствования.

Предпринимательство – это социально-экономическая деятельность, направленная на поиск, создание и/или освоение новых рынков товаров / услуг на определенной территории, выполняемая индивидуумами (предпринимателями) на свой страх и риск с целью получения выгоды и основанная на их опыте, знаниях, связях, интуиции, культуре и особенностях среды, в которой они сформировались и развивают свое дело. Под предпринимательской активностью на определенной территории понимаются различные проявления подобной деятельности, которые могут быть описаны соответствующими удельными характеристиками, например долей предпринимателей в численности жителей, числом их предприятий на душу населения и т. д.

В диссертации выделяются созидательное предпринимательство, которое повышает общественное благосостояние, и деструктивное, действующее противоположным образом. Для целей регионального анализа предложена и описана категория конструктивного предпринимательства, которое преимущественно относится к созидательному предпринимательству, развивающемуся из малых форм хозяйствования, обладающих

способностью к изменению и масштабированию (микро-, малые и средние фирмы). Оно отличается как от условного предпринимательства в рамках крупных корпораций, которыми управляют менеджмент и советы директоров, так и от различных форм немасштабируемого (преимущественно вынужденного) предпринимательства: промыслов, самозанятых, значительной части индивидуальных предпринимателей и т. д., которые изначально не предполагают расширения деятельности. Конструктивное предпринимательство, как наиболее многочисленная категория, охватывающая большинство юридических лиц в России (более 65%), формирует основу региональных предпринимательских экосистем.

В диссертации систематизированы основные функции предпринимательства, в первую очередь, конструктивного, в региональной экономике (табл. 3, краткие выводы к главе 1):

- Пространственно-организационные: формирование центральных мест и зон их обслуживания; образование полюсов роста различного генезиса; поддержание долгосрочной устойчивости пространственных структур.
- Экономические: производство товаров и предоставление услуг; повышение производительности экономики за счет более эффективного распределения ресурсов, снижения издержек; поддержание равновесных цен на рынках путем обеспечения соответствия предложения спросу; формирование сетей и институтов, обеспечивающих резильентность (шокоустойчивость) экономики.
- Социальные: создание рабочих мест и решение социальных проблем.
- Инновационные: создание и распространение технологий, новых товаров и услуг; адаптация экономики к быстро меняющимся условиям.

В общем случае предпринимательская активность влияет на пространственную структуру рынков и даже на систему расселения, т. к. именно большие скопления предпринимателей формируют центральные места и рыночные зоны их обслуживания. Благодаря кумулятивному эффекту преимущества отдельных поселений с развитым конструктивным предпринимательством накапливаются. Предприятия создаются там или перемещаются туда, где минимальны издержки и максимален спрос, в частности используя потенциальные выгоды экономико-географического положения той или иной территории, близости к большим и разнообразным рынкам с высокими агломерационными эффектами. Поэтому предпринимательская активность выше в крупных городах и вблизи них, что обеспечивает территориальную доступность товаров и услуг для большего числа потребителей. Предпринимательство зависит от базовых факторов размещения и одновременно само играет пространственно-организационную роль, ранее эксплицитно не выделявшуюся. Вероятно, предпринимательская активность имплицитно выступает основным объектом пространственных

исследований, т. к. большинство закономерностей размещения выполняются на уровне малых предприятий, а корпорации и государство могут преодолевать влияние большинства факторов.

Многие малые и средние предприятия выполняют функции по созданию и/или продаже продуктов и услуг, в т.ч. используя не рентабельные для крупных игроков локальные рыночные ниши: магазины, кафе, ремонтные мастерские, салоны красоты и т. д. Рост покупательной способности в регионе может вести к повышению плотности малых бизнесов. При этом большое число рыночных агентов благодаря конкуренции и взаимодействию на рынках создают условия для установления справедливых (равновесных) цен, приводят предложение в соответствие со спросом, могут стимулировать повышение производительности региональной экономики.

Важны социальные функции предпринимательства, в частности по созданию занятости и снижению бедности. Выбор предпринимательской деятельности позволяет обеспечить индивиду приемлемый уровень дохода, в т.ч. при вынужденном предпринимательстве в кризисных условиях, а при успешности предприятия – создать дополнительные рабочие места в регионе. В целом более высокий уровень предпринимательской активности в регионе ведет к более высокому уровню занятости.

Технологические стартапы с высоким потенциалом роста и средние быстрорастущие компании («газели»), относящиеся к конструктивному предпринимательству, выполняют функции по созданию и распространению новых технологий, продуктов и услуг. Технологические предприниматели обеспечивают трансфер научных идей в готовые решения согласно теории предпринимательского перетока знаний. Сложная региональная экономика с высокой концентрацией научных исследований и передовых производств может порождать большее число стартапов, а быстрорастущие компании с экспортной ориентацией, в свою очередь, способны сформировать полюса регионального роста.

С институциональной точки зрения предприниматели для снижения транзакционных издержек создают предприятия и формируют различные партнерские, производственные, технологические и иные сети внутри регионов, образующие предпринимательские экосистемы, например кластеры. Предприниматели могут создавать большое число фирм, которые, в свою очередь, могут стать инкубаторами для новых компаний (спин-оффов). Создание предприятий и формирование сетей зависит от сложившейся в регионе конфигурации институтов (преобладание инклюзивных / экстрактивных, порядков ограниченного / открытого доступа) и социокультурных норм, в т.ч. от уровня доверия предпринимателей к властям и друг другу, от отношения сообщества к риску и т. д. Региональная культура может влиять на персистентность (жизнестойкость, долгосрочную устойчивость) территориальных паттернов предпринимательства, а та, в свою очередь, – на пространственную организацию всей экономической активности и долгосрочное социально-экономическое развитие регионов.

Подобная зависимость от предшествующего развития может вести к поддерживаемой центро-периферийной модели с регионами-центрами конструктивной предпринимательской активности и периферией с высокой долей теневого сектора.

С эволюционной точки зрения резильентность, то есть способность системы противостоять внешним шокам (шокоустойчивость), зависит от плотности, разнообразия и связанности ее элементов, поэтому регионы с большей плотностью взаимодействующих бизнес-агентов, с более диверсифицированной и растущей сферой МСП могут быстрее адаптироваться. Малые и средние фирмы могут быстрее подстраиваться к внешним изменениям, на что не всегда способны крупные компании и госкорпорации в силу их размера и соответственно более бюрократизированных процессов управления.

Накапливаемый в региональном сообществе предпринимательский капитал, то есть опыт, знания, навыки создания и ведения бизнеса, поиска и освоения рыночных ниш, вероятно, — упущенный фактор регионального развития, которому ранее не уделялось должного внимания, особенно в соответствующих исследованиях постсоциалистических стран.

2. Во второй главе в соответствии со второй задачей исследования разработана методика анализа долгосрочных тенденций деловой активности населения, учитывающая подходы к ее исторической квантификации. Доказано наличие нерегулярных пространственно-временных волн деловой активности населения на территории России. На основе большого объема собранных исторических данных на примере постсоциалистической страны представлены эконометрические доказательства того, что предпринимательская активность персистентна (исторически устойчива) и зависит от эволюции деловой активности населения в прошлом. Это объясняется унаследованными уникальными географическими, функциональными и социокультурными особенностями территорий.

В ходе историко-географического анализа впервые показано возможное наличие семи нерегулярных волн деловой активности населения на территории России (рис. 12, 14–15, п. 2.1). Последние три волны гипотетически формируют два крупных предпринимательских макроцикла (рис. 14–15, п. 2.1), связанных в т. ч. с распространением новых технологий и соответствующих форм предпринимательской активности согласно модели диффузии инноваций. В будущем при получении более корректных данных возможно уточнение полученных результатов.

Впервые предложено использовать *отношение числа малых предприятий к численности рабочей силы* (плотность малого бизнеса) для количественного измерения конструктивной предпринимательской активности в региональном разрезе и как зависимую переменную в разработанных спецификациях эмпирической модели. Проблема потенциальной эндогенности

решалась путем включения в модель большого числа контрольных переменных и проведения различного рода проверок робастности.

Выявлена положительная связь между плотностью малого бизнеса на региональном уровне в современный период и концентрацией купцов в конце XIX века, плотностью торговых предприятий в 50-е гг., кооперативов в конце 80-х годов и малых предприятий в 90-е гг. XX в., то есть подтверждается высокая персистентность (долгосрочная устойчивость) территориальных паттернов предпринимательской активности в России. С одной стороны, это обуславливает инертность пространственной структуры экономики, то есть некоторую зависимость от предшествующего развития, с другой стороны, объясняет жизнестойкость отдельных региональных и местных экономик, где развито предпринимательство, например вблизи Московской и Санкт-Петербургской агломераций и на юге Дальнего Востока.

Установлена нелинейная связь с дореволюционным купечеством: плотность малого бизнеса выше в тех регионах, где доля купцов и их семей в населении в конце XIX века была выше и ниже средней. Есть некоторые регионы, где укоренилась культура предприимчивости и / или сохранились благоприятные унаследованные условия для деловой активности: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ярославская, Костромская, Тверская, Рязанская и Смоленская области (исторические купеческие города и современный туризм), Приморский и Хабаровский край (международная торговля с Китаем), в то же время плотность малого бизнеса высока и в ряде регионов нового освоения.

В послевоенный советский период предпринимательская деятельность во многом была ограничена, а при распределении торговых предприятий постепенно стали преобладать нерыночные (плановые) механизмы. Значимая корреляция между современной плотностью малого бизнеса и плотностью советских торговых предприятий сохранялась в 1950-е гг., но уже в 1970-х гг. эта корреляция становится незначимой с учетом контрольных переменных.

Установлена зависимость плотности малого бизнеса в современный период от уровня его развития в период реформ 1990-х гг. и от подушевой плотности кооперативов в период реформ в конце 1980-х гг. Это может объясняться тем, что современный малый бизнес также сформировался в период экономических изменений и пережил многочисленные кризисы последних лет (1998, 2008, 2015, 2020, 2022), то есть во многом связан с вынужденным предпринимательством.

Выделено три основных объяснения (механизмов) подобной региональной персистентности для постсоциалистической страны, пережившей многочисленные социально-экономические сдвиги и трансформации:

- *Географическое*, связанное с наличием уникальных и не формализуемых в полной мере внешних условий на территории, например некий специфический ресурс, который мог быть исчерпан к современному периоду.
- *Функциональное*, связанное с преемственностью функций места при размещении основных фондов предприятий: многие советские малые предприятия возникли на месте дореволюционных, российские – на месте советских.
- *Социокультурное*, связанное с унаследованной культурой местных сообществ, в которых произошло укоренение предпринимательства. Например, в СССР знания, представления, образы и деловые практики могли передаваться в семьях от старшего поколения к младшим вопреки запретам. Во многих регионах – научно-технологических центрах – сформировался и сохранился высокий уровень инженерной культуры, что могло в сочетании с упомянутыми нормами способствовать развитию технологического предпринимательства уже в постсоветский период.

Выявлено, что в разных регионах наблюдается различное сочетание указанных механизмов, к тому же действует большое число иных факторов, поэтому география деловой активности населения сильно изменилась на протяжении более чем векового периода, но в работе идентифицированы некоторые ее относительно устойчивые центры, например г. Москва, г. Санкт-Петербург, юг Дальнего Востока, и периферия: отдельные регионы Северного Кавказа, Центрального Черноземья и Поволжья.

3. Во второй главе в соответствии с третьей задачей исследования разработаны новые подходы к темпоральному изучению институциональной среды регионов, в том числе путем выделения специфического сочетания в ней инклюзивных и экстрактивных институтов. На основе эконометрических расчетов доказано, что отдельные институты прошлого, формируя культуру местных сообществ, могут оказывать значимое долгосрочное (многовековое) влияние на предпринимательскую активность. Это частично объясняет невозможность быстрых кардинальных изменений в пространственной организации экономики и определённую инертность регионального развития в целом.

Инклюзивные институты, обеспечивающие равные права для приложения труда и капитала, должны положительно влиять на распространение конструктивной предпринимательской активности, а вот экстрактивные, ориентированные на извлечение ренты ограниченной группой лиц, наоборот, могут стимулировать переход потенциальных предпринимателей в неформальный сектор и деструктивные формы деятельности. Но с помощью эконометрических методов на уровне регионов это ранее доказано не было. Для проверки этой гипотезы предложены косвенные индикаторы (прокси) для оценки региональных институциональных условий в прошлом. В частности, создание университета в регионе следует

считать движением к инклюзивным экономическим институтам, т. к. оно позволяло вовлечь в современную (для изучаемого периода) хозяйственную деятельность большее число граждан. Поэтому возраст университета взят как прокси начала формирования соответствующей университетской созидательной среды в регионе; для оценки влияния экстрактивных институтов предложено использовать распространённость в регионе крепостного права.

Более высокий уровень конструктивной предпринимательской активности в современный период эконометрически выявлен в регионах, где университетская культура формировалась более продолжительное время (при прочих равных условиях). Особенно это характерно для вузов, которые были созданы в досоветский период: из 20 регионов, где университеты созданы до революции 1917 г., 12 входят в число лидеров по плотности малого бизнеса, например Томская, Вологодская, Рязанская области, Пермский край. Выпускники вузов этих регионов в досоветский период открывали или спонсировали новые предприятия, через семейные, профессиональные и иные связи постепенно формировали культуру созидания, ведения своего дела. Эта культура могла как сохраняться в самих вузах и неявно передаваться от преподавателей к выпускникам, так и сохраняться в местных сообществах. При создании многих советских и постсоветских университетов прошло недостаточно времени для возникновения созидательной университетской среды и соответствующих социокультурных норм в местном сообществе.

Показано возможное негативное влияние социокультурных норм, укоренившихся в сообществах с широким распространением крепостного права: чем выше была доля крепостных в регионе в 1859 г., перед отменой крепостного права, тем ниже плотность малого бизнеса в нем в современный период при прочих равных условиях, например в Брянской, Курской, Тамбовской областях. Крепостное право, преимущественно барщина, и последовавшие процессы формирования крестьянских общин могли сформировать определенные социокультурные нормы в местных сообществах, негативно влияющие на конструктивную предпринимательскую активность населения: патернализм, недоверие к чужакам, отрицание реформ, избегание рисков и прочее. Это может проявляться и сегодня, передаваясь в неявном виде через семейные и общественные установки из поколения в поколение. В дальнейшем необходимы более подробные исследования, не входившие в цели докторской работы.

Таким образом, с помощью строгих формальных научных процедур перечень факторов размещения малых предприятий в рамках теории региональной экономики может быть расширен рядом социокультурных и институциональных характеристик.

4. В третьей главе в соответствии с четвертой задачей исследования на основе анализа пространственных закономерностей и долгосрочных трендов постсоветского периода обоснованы доказательства того, что конструктивная предпринимательская активность не является ни случайным, ни полностью детерминированным явлением. Она

может иметь специфическую траекторию динамики на конкретной территории, при этом обладая определенной инертностью, в т.ч. связанной с влиянием характеристик соседних регионов. Выявлены базовые черты этапов пространственно-временной волны предпринимательской активности.

В целом на региональном уровне в России заметна взаимосвязь между основными параметрами развития МСП, отражающими выделенные функции предпринимательства. Выше уровень конструктивной предпринимательской активности и её основных индикаторов в постсоветский период в крупнейших агломерациях: Московская, Санкт-Петербургская, Новосибирская, Екатеринбургская, Самарская и др., в регионах с выгодным экономико-географическим положением (ЭГП) вблизи крупных зарубежных рынков: Калининградская область, Приморский, Хабаровский край, Краснодарский край, с благоприятной деловой средой: Тюменская, Ярославская, Томская области, Республика Татарстан. Ниже значения в отдельных регионах с высокими природными, транспортными и иными издержками: территории Арктики и Дальнего Востока, Северный Кавказ.

Основываясь на результатах эконометрических расчетов доказано, что предпринимательская активность в регионе не является случайным или полностью детерминированным явлением, но связана с ее недавними значениями и уровнем в соседних регионах. Инертность в процессах проявляется в наибольшей мере в течение 1–2 лет, пространственные эффекты – на расстоянии 150–300 км между регионами. С помощью локального индекса пространственной автокорреляции выявлены скопления регионов с высоким и низким уровнем активности. В Томской и Новосибирской областях высокая предпринимательская активность положительно коррелирует с таковой в регионах-соседах из-за межрегионального перетока знаний благодаря географической, культурной, технологической близости регионов и интенсивным межрегиональным связям. Показатели регионов Южной России и Северного Кавказа, наоборот, характеризуются отрицательной взаимной корреляцией, что может быть связано с высокими инвестиционными рисками.

В динамике значений основных индикаторов сферы МСП в регионах России заметны различия отражающие повышательную и понижительную стадии в пространственно-волновых процессах эволюции предпринимательской активности. По некоторым выявленным признакам этих стадий установлено, что пик последнего предпринимательского цикла достигнут в середине 2010-х (рис. 33, краткие выводы к главе 3). Во время первой стадии число владельцев бизнеса, субъектов МСП и занятость растут до наибольших значений, в первую очередь, в регионах-лидерах, затем – сокращаются вслед за резким превышением числа закрытых организаций над созданными на фоне выравнивания межрегиональных значений. Производительность труда в сфере МСП сокращается вслед за снижением среднего размера предприятия. В период

понижительной стадии седьмой волны стала нарастать роль государственного сектора, сокращается число жителей, которые могли бы быть задействованы в предпринимательской деятельности. При этом предыдущее поколение (шестая волна) вынужденных предпринимателей уходит из бизнеса, в т. ч. по естественным демографическим причинам.

В конце рассматриваемого цикла к конструктивным предпринимателям в России может быть отнесено, по предварительной оценке, менее 2% жителей страны, но созданные ими предприятия производят более трети добавленной стоимости в 2022 г.; для сравнения доля нефтегазового сектора в ВВП около 18%. Иными словами, конструктивных предпринимателей можно считать одним из самых редких, но при этом ценных ресурсов России.

5. В четвертой главе в соответствии с пятой задачей исследования на данных, собранных за многолетний период, эконометрически обоснованы доказательства того, что конструктивная предпринимательская активность в России связана с комплексом идентифицированных и классифицированных автором региональных характеристик, в том числе не квантифицированных ранее для этих целей: природно-климатические издержки, экономико-географическое положение, рыночный потенциал, особенности структуры экономики, социокультурные и институциональные условия, спрос и предложение предпринимательских услуг, новые технологии.

Впервые для России предложены многочисленные спецификации эконометрической модели, которые позволили формализовать оценку влияния разнообразных региональных условий и факторов на конструктивную предпринимательскую активность в постсоветский доковидный период. Впервые выявленные таким образом региональные характеристики были классифицированы на три категории в зависимости от возможности изменения и влияния на них государственной политики:

Базовые медленно изменяемые долгосрочные условия и факторы «первой природы»:

- природные условия, ресурсы и издержки;
- географическое положение.

Долгосрочные условия и факторы «второй природы»:

- агломерационные эффекты, включая размер рынка;
- структура экономики;
- пространственные эффекты;
- укорененность/ персистентность;
- социокультурные нормы.

Изменяемые условия и факторы «второй природы», на которые преимущественно ориентирована государственная политика:

- институциональные условия;

- спрос на товары и услуги;
- человеческий капитал;
- рынок труда;
- новые технологии.

Во-первых, показано, что суровые природно-климатические условия, определяющие энергетические, транспортные, строительные и иные издержки предприятий, являются базовым и наименее изменяемым барьером для ведения предпринимательской деятельности во многих северных и арктических регионах страны. Ранее этот барьер часто игнорировался, особенно в зарубежных исследованиях. Впрочем, он может быть частично преодолен посредством улучшения иных условий ведения бизнеса, в частности снижения тарифов на отопление, транспортировку грузов и т. д.

Во-вторых, доказано, что определяющим является внутренний и внешний спрос на продукцию и услуги предприятий, в т.ч. рыночный потенциал и близость к крупным рынкам (ЭГП). Подобная квантификация категорий ЭГП и рыночного потенциала для целей эконометрического анализа предпринимательской активности в России ранее не проводилась. Изменение внешнего спроса возможно за счет повышения транспортной доступности крупных рынков, ликвидации трансграничных барьеров и других мер.

В-третьих, положительно значимы благоприятные современные институциональные условия регионов, такие как инвестиционная привлекательность, низкий уровень преступности (как прокси инвестиционных рисков), высокая доступность капитала, налоговые льготы и другие. Ранее теоретическая литература отмечала роль мер по улучшению деловой среды в повышении предпринимательской активности, но исследователями не раз отмечалась проблема их должной формализации и недостаток оценок влияния на уровне регионов.

В-четвертых, важна доступность и качество человеческого капитала, связанные с объемом свободных и компетентных трудовых ресурсов для занятия предпринимательской деятельностью. Поэтому в регионах с дефицитом и оттоком квалифицированных кадров возможно снижение предпринимательской активности, а усилия по привлечению профессионалов могут, наоборот, стимулировать ее рост.

В-пятых, развитие в регионе современных онлайн-технологий, позволяющее предпринимателям существенно расширять рыночные ниши, может стимулировать рост предпринимательской активности. Согласно научной литературе, развитие новых технологий в целом способствует формированию новых рыночных ниш для предпринимателей, но отмечался недостаток эмпирических оценок для массового МСП в современный период.

В диссертации выявлен и актуализирован с помощью строгих формальных научных процедур перечень факторов размещения малых предприятий в регионах на примере

постсоциалистической страны, что дополняет и расширяет основы теории региональной экономики. Важным выводом является необходимость учета широкого комплекса детерминант в условиях доминирования институциональных факторов в теории предпринимательства.

6. В четвертой главе в соответствии с пятой задачей исследования установлены базовые региональные условия и факторы технологической предпринимательской активности в соответствии с авторским подходом к выявлению технологических стартапов как новых частных предприятий высокотехнологичного сектора экономики с ненулевой выручкой. К региональным условиям и факторам относятся концентрация человеческого капитала, благоприятный инвестиционный климат, развитость региональной инновационной системы и укорененность университетской культуры. В регионах в среднем выше стартап активность, если там расположены вузы с большей долей STEAM-направлений подготовки: наука, технологии, инженерия, искусство, математика.

Предложено под технологическим стартапом рассматривать созданную в текущем году частную компанию с ненулевой выручкой, относящуюся к высоко-, среднетехнологичным (высокого уровня) или наукоемким видам деятельности. Упомянутые виды деятельности вместе образуют высокотехнологичный сектор экономики. В подобной формулировке плотность технологических стартапов (их число к численности рабочей силы) может служить оценкой технологической предпринимательской активности (как части конструктивной). Специфика технологического предпринимательства связана с особенностями функционирования в более сложных и неопределенных условиях рынка новых технологий и выделенной ранее инновационной ролью в региональной экономике.

В регионах России в 2022 г. создано чуть более 11 тыс. технологических стартапов с ненулевой выручкой. Их число сокращалось с 2016 г. до 2021–2022 гг., когда на рынках возникла потребность в новых медицинских товарах и цифровых услугах в период пандемии, а также в производственных товарах в связи с санкционными ограничениями после 2022 г. Большинство стартапов связано с наукоемкими сервисами для бизнеса и цифровыми технологиями. Большая их часть концентрируется в г. Москве, Подмосковье, г. Санкт-Петербурге и крупнейших агломерациях; в досанкционный период росла доля Ленинградской, Белгородской, Калининградской, Липецкой, Ульяновской, Калужской областей благодаря проактивной политике региональных властей, в т. ч. привлечению инвесторов.

Соискателем впервые предложены спецификации эконометрической модели технологической предпринимательской активности. Они позволили выявить факторы размещения технологических стартапов в России. Установлено, что в регионах, где сконцентрирован человеческий капитал, оцениваемый через уровень образования занятых, удельную численность студентов в регионе, долю выпускников STEAM-специальностей (наука,

технологии, инженерные науки, математика, искусство), выше уровень стартап активности. Таким образом, крупные и востребованные университеты через привлечение большого числа студентов, особенно STEAM-специальностей, могут косвенно способствовать повышению технологической предпринимательской активности в регионе, хотя доля вузовских хозобществ (малых инновационных компаний) не превышает процента от общего числа стартапов. Подтверждена ранее выявленная позитивная связь с укоренением университетской культуры: в регионах, где университеты возникли раньше, уровень стартап активности в целом выше.

В исследовании выявлено, что высокий уровень развития региональной инновационной системы, который может быть оценен через повышенную долю частных затрат на НИОКР в их общем объеме, сочетается с высокой плотностью стартапов. Состоявшиеся бизнесы, ориентированные на коммерциализацию исследований, создают многочисленные спин-оффы, обеспечивают новые компании заказами, взаимодействуют с научными организациями и университетами.

В регионах с благоприятной деловой средой, измеряемой через доступность банковского капитала и индекс инвестиционного климата, выше плотность стартапов. Усилия властей некоторых регионов по улучшению подобных условий ведут к развитию технологического предпринимательства и новых отраслей, что служит целям обеспечения технологического суверенитета. Не обнаружено связи между финансированием институтов развития и стартап-активностью в доковидный период, а связь с наличием в регионе действующих кластеров и технопарков слабо положительная. Доступность интернета в регионе может повышать стартап активность благодаря расширению доступных рынков и технологий.

Несмотря на довольно скромную роль университетов в генерации стартапов в современной России, их значимость для стимулирования деловой активности населения высока. Классические университеты могут рассматриваться как места формирования инклюзивных институтов, т.к. они способствуют развитию разнообразного человеческого капитала регионов, привлекают наиболее активных студентов из других регионов и стран, воспитывают положительное отношение к созидательному труду, предпринимательству, влияют на позитивное восприятие знаний и навыков, необходимых для начала успешного бизнеса, и распространяют подобные знания. При этом возможен конфликт функции места, когда большинство сотрудников вуза воспринимают предпринимательские функции как инородные.

Важно, что выявленные факторы подтверждают необходимость высокой концентрации ресурсов и усилий властей для роста технологической предпринимательской активности. Это обосновывает необходимость проведения стимулирующей (в противовес выравнивающей) научно-технологической политики как на региональном, так и на локальном уровне.

7. В пятой главе в соответствии с шестой задачей исследования на основе эконометрических расчетов установлено, что в России в доковидный период для развития МСП была значима преференциальная налоговая политика. Учитывая разработанные автором оценки подверженности регионов внешним шокам 2020–2021 гг. (пандемия) и 2022–2023 гг. (санкции), доказано, что отдельные меры властей, включая расширение финансовой поддержки бизнесов и населения, способствовали сохранению числа субъектов МСП. Одновременно впервые эконометрически обоснована значимость для МСП предшествующих усилий властей по улучшению формальных институциональных условий ведения бизнеса.

На основе обзора исследований был выявлен набор типичных негативных последствий и возможных отрицательных эффектов вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, а также проанализированы некоторые результаты политики в России в постсоветский период. Согласно проведенным расчётам установлено, что на конструктивную предпринимательскую активность в регионах России в доковидный период значимое положительное влияние оказывали различного рода федеральные и региональные налоговые льготы, что связано с существенным снижением издержек на ведение бизнеса. Также может оказывать положительное влияние создание зон с преференциальными режимами налогообложения (например, особые экономические зоны, территории опережающего развития), хотя многие из них уже создавались в регионах с благоприятными институциональными условиями ведения бизнеса. Влияние снижения налоговых проверок как способа сокращения транзакционных издержек для бизнеса неоднозначно и в основном незначимо, как и воздействие прямой государственной поддержки в форме субсидий. Последние с точки зрения региональной политики использовались преимущественно как выравнивающий, а не стимулирующий инструмент. На этой основе обоснована целесообразность снижения прямой поддержки в пользу косвенных инструментов вне шоковых периодов: преференциальная налоговая политика, снижение регуляторной нагрузки, льготное кредитование и т. д.

Особое значение государственная политика приобрела в периоды внешних шоков, которыми для предпринимателей были коронакризис и введение санкций после 2022 г. Для оценки подверженности регионов внешним шокам впервые предложены соответствующие расчеты доли наиболее пострадавших отраслей в их экономике, использованные как переменные в соответствующих эконометрических моделях.

В 2020 г. антикризисные меры поддержки МСП вводились в регионах России относительно оперативно и были направлены на решение актуальных для предпринимателей проблем, в частности на выплаты зарплат неработающим в условиях режима самоизоляции сотрудникам. Федеральная прямая помощь субъектам МСП (субсидии и гранты) в 2020 г.

выросла в 8 раз в сравнении доковидным периодом 2019 г., охват всеми мерами господдержки увеличился с 1,5% до 26,6% субъектов МСП. При этом удельный объем поддержки был выше в тех регионах, где доля региональной части поддержки была заметнее. По результатам эконометрического анализа показано, что темп роста числа субъектов МСП был ниже в регионах, где вводились более строгие противоэпидемиологические меры и была высока доля подверженных этим ограничениям отраслей, а одним из инструментов адаптации оказался переход в онлайн-сектор, позволивший предоставлять дистанционные сервисы и воспользоваться поддержкой через электронные госуслуги. При этом поддержка доходов населения и усилия властей в предшествующие периоды по улучшению формальных условий ведения бизнеса, способствовали сохранению и росту числа субъектов МСП. С помощью метода «разность разностей» в исследовании доказано, что в регионах, увеличивших объем поддержки МСП и ее охват, например в Белгородской, Тюменской, Ульяновской областях, число субъектов МСП сократилось в 2020 г. меньше, чем в среднем по стране. Иными словами, государственная поддержка МСП, в том числе региональными властями, оказала позитивное влияние на ситуацию в этой сфере, хотя оно и не сопоставимо с негативными эффектами пандемии.

В 2022–2023 гг. несмотря на ограничение доступных для предпринимателей рынков и разрыв цепочек поставок, значения многих индикаторов деловой активности в большинстве регионов России не снизились (Земцов и др., 2023; Земцов, Волошинская, 2024), что позволило провести переоценку рисков и для всей экономики, а малый средний бизнес стал восприниматься одним из инструментов адаптации экономики к внешним шокам. Стабильный рост числа субъектов МСП (и в 2022, и в 2023 гг.) наблюдался в 48 регионах, в частности в тех, где расположены крупные городские агломерации с диверсифицированной экономикой и развитым обрабатывающим сектором: Свердловская и Новосибирская области, Краснодарский и Красноярский край и др. Эконометрически установлено, что в новых условиях деловая активность выше в регионах с диверсифицированными внешнеторговыми связями. Уход из России ряда иностранных компаний освободил отдельные рыночные ниши для малых отечественных предприятий, например в торговле, ИТ, иных услугах и в обрабатывающей промышленности. Большую роль сыграл рост доходов населения за счет увеличения пособий и социальных расходов, повлиявший соответственно на увеличение спроса на продукцию и услуги МСП. Такой же эффект имели общее переориентирование российской экономики на импортозамещение, увеличенное финансирование госпроектов и рост инвестиций. Существенна роль удельной господдержки субъектов МСП. Региональные характеристики формальных институциональных условий ведения бизнеса оказались значимой положительной переменной. Иными словами, предшествующие усилия региональных и федеральных властей по созданию условий для инвестиций и открытия новых фирм оказались востребованными и в период

активного восстановления экономики. Разрешение параллельного импорта стимулировало развитие малого бизнеса, особенно в регионах, соседствующих с дружественными странами, в связи с переориентацией потоков товаров.

В целом результаты исследования показывают значимость отдельных мер государственной политики для развития предпринимательства, но требуется учет описанных в п. 5.1 возможных негативных косвенных последствий и отрицательных эффектов.

8. В шестой главе в соответствии с седьмой задачей исследования впервые обоснованы цели, разработаны принципы и методика реализации геосистемного подхода в региональной политике поддержки предпринимательства, позволившая выявить 7 устойчивых типов региональных предпринимательских геосистем в России, сокращенно названных: центры предпринимательства, развитые диверсифицированные, развитые производственные, южные диверсифицированные, северные, восточные удаленные и южные слаборазвитые.

Предложено определение новой системной предпринимательской политики как проактивных действий, которые сочетают комплекс мер косвенной и прямой поддержки по улучшению предпринимательской среды (делового климата) и выстраиванию устойчивых связей между предпринимателями, местным сообществом, властями разных уровней и другими стейкхолдерами с учетом особенностей территории. Предприниматели и их объединения при этом выступают не только объектами политики, но и ее активными участниками. С точки зрения миссии такая политика должна быть ориентирована на увеличение вероятности выбора индивидом занятия конструктивной предпринимательской деятельностью путем воздействия на все выявленные в исследовании параметры делового климата.

Сформированы основные принципы построения новой политики: инклюзивность (равные права и возможности всех бизнес-агентов), взаимосвязанность разных инструментов политики, согласованность действий властей разных уровней, публичность (открытость) для мониторинга и оценки эффективности, локальность (учет местной специфики), приоритетность – выбор наиболее значимых объектов для господдержки, в т.ч. с учетом мнения предпринимателей.

Выделено несколько взаимосвязанных целей подобно системной политики:

- повышение плотности бизнес-агентов, производительного предпринимательства, что потенциально приведет к повышению интенсивности связей, конкуренции, а соответственно повышению устойчивости экономики;
- формирование стимулов и инструментов для масштабирования бизнеса и выращивание местных быстрорастущих компаний-экспортеров, что должно вести к экономическому росту, повышению занятости;

- повышение разнообразия и технологическое усложнение предпринимательской экосистемы, что приведет к диверсификации и повышению устойчивости экономики
- повышение связанности сети бизнес-агентов, что должно привести к росту доверия как к институтам, так и между экономическими агентами, снижению масштабов неформального сектора, а в итоге – к росту привлекательности предпринимательской деятельности.

Для каждой из целей в работе подобраны индикаторы и возможные инструменты господдержки. С точки зрения нового подхода значимо формирование сбалансированной и взаимосвязанной предпринимательской экосистемы с высокой конструктивной предпринимательской активностью, наличием большого потока технологических стартапов и крупных национальных чемпионов. При этом конфигурация в каждом из регионов будет значительно отличаться, в том числе из-за различий делового климата. С учетом этого на основе предложенных принципов и целей методом кластерного анализа автором выявлены 7 типов региональных предпринимательских геосистем⁵⁴⁸ в России:

1. Центры предпринимательства (г. Москва, г. Санкт-Петербург): крупные рынки с наибольшей и растущей плотностью разнообразных бизнесов, включая технологические стартапы, с высокой интенсивностью сложных связей между ними в наиболее благоприятном деловом климате.
2. Развитые диверсифицированные (например, Самарская, Воронежская, Новосибирская, Тюменская, Свердловская, Челябинская области, Татарстан): крупногородские с высокой активностью, динамичностью и разнообразием субъектов МСП с благоприятным предпринимательским климатом, хорошим доступом к рынкам товаров, услуг и капитала.
3. Развитые производственные (например, Рязанская, Липецкая, Тульская области): с крупными промышленными предприятиями при высокой плотности производственного МСП, поддерживаемого сетью технопарков и кластеров.
4. Южные диверсифицированные (например, Саратовская, Волгоградская области, Ставропольский край): со среднеразвитым диверсифицированным МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса с экспортным потенциалом.
5. Северные (например, Мурманская, Архангельская области, республики Коми, Карелия): слабо диверсифицированные с высокими природными издержками со средней плотностью предпринимательской деятельности, усложнённым доступом к рынкам товаров и услуг, средним доступом к капиталу, повышенной связанностью с крупными предприятиями.

⁵⁴⁸ Территориально ограниченное пространство взаимодействия бизнес-агентов, где отдельные компоненты внешней среды, включая природные и социально-экономические, находятся в системной взаимосвязи друг с другом и со взаимосвязанными с ними предпринимательскими сетями.

6. Восточные удаленные (например, Республика Саха, Амурская область, Забайкальский край): вдали от основных российских рынков со сниженной предпринимательской активностью, с низким разнообразием и связанностью МСП.

7. Южные слаборазвитые (например, республики Алтай, Тыва, Дагестан): с высокой вынужденной предпринимательской активностью, слаборазвитым МСП в условиях слабого доступа к капиталу и высоких природных и институциональных издержек.

Сравнение типов геосистем с результатами более ранних типологий регионов России подтверждает определенную взаимообусловленность регионального развития и предпринимательской активности, выявленную ранее эконометрически (п. 4.1). Тогда обнаруженные типы не только показывают объективную дифференциацию делового климата страны, но и в некоторой мере служат отображением стадий регионального развития, что необходимо учитывать при проведении новой предпринимательской политики.

В регионах первого и второго типа с благоприятным деловым климатом, высоким уровнем экономического развития возможна концентрация усилий на поддержке конструктивного предпринимательства, включая меры акселерации средних быстрорастущих компаний, особенно в высокотехнологичных отраслях, для выращивания будущих региональных и национальных чемпионов с экспортной ориентацией. Концентрация научно-технологического потенциала в этих регионах создает условия для инновационного предпринимательства и развития соответствующих институтов: научно-производственные объединения, венчурные фонды, бизнес-ангелы, технопарки и т. д. В регионах третьего типа и ряде регионов четвертого типа с большим числом производственных субъектов МСП перспективно развитие кластерных инициатив по формированию сетей взаимодействия малых обслуживающих фирм и поставщиков с госкомпаниями и крупными корпорациями, в т. ч. путем развития индустриальной инфраструктуры, совершенствования системы госзакупок. Важным для целей развития является сохранение и передача соответствующей производственной культуры в регионах. Тогда крупные промышленные компании этих регионов, отстающих от глобальной технологической границы, позволят освоить производство и импортозамещение массовых товаров, разработанных с учетом заимствования технологий, а впоследствии смогут преодолеть барьеры входа на зарубежные рынки, для чего потребуются усилия по автоматизации и конверсии производств. В регионах с менее развитыми предпринимательскими экосистемами (типы 4–7) необходимы меры по выводу предпринимателей из теневого сектора, усиление защиты прав собственности, распространение массовых цифровых технологий и внедрение методов соучастного проектирования и финансирования на местном уровне, в частности для коммерциализации культурного и туристического потенциала. В северных регионах (тип 5 и 6) важны системные меры по снижению энергетических и транспортных расходов, гранты и консультации для начинающих

предпринимателей в специфичных видах деятельности, в т. ч. традиционных промыслах. На Дальнем Востоке актуальна поддержка экспорта, улучшение таможенной инфраструктуры, возможно расширение транспортных льгот.

Новый подход к предпринимательской политике потребует увеличения роли региональных властей, соответственно, определенной децентрализации налоговой и бюджетной систем. Особенно важны усилия региональных властей в выстраивании связей, развитии кооперации, достраивании производственных цепочек, поддержке выхода на экспорт в третьи страны. Кроме того, потребуются публичный мониторинг и ежегодная оценка эффективности мер поддержки для корректировки проводимой политики в условиях потенциального снижения государственных расходов. С 2022 года наблюдается переход к более системному подходу по мере роста косвенных мер поддержки и замещения прямой финансовой помощи.

В соответствии с целью исследования выявлены основные тенденции, условия, факторы и закономерности эволюции и территориальной организации предпринимательской активности в России (главы 1–5), что позволило расширить теоретические положения региональной экономики и выработать ряд практических рекомендаций по стимулированию деловой активности в регионах России (глава 6). Предложен широкий набор мер региональной политики для федеральных и региональных органов власти с учетом описанных ранее негативных эффектов и отрицательных последствий от некоторых политических решений.

Результаты проведенного исследования могут применяться для построения в регионах России доказательных систем принятия решений. В частности, полученные результаты модельных расчетов могут быть использованы в различных инструментах предиктивной, то есть прогнозной, аналитики. Управление на основе больших данных, в т. ч. в условиях внедрения ИИ, требует выявления возможных факторов и объяснения исследуемых явлений, то есть интерпретация результатов анализа во многом остаётся за исследователями и экспертами. В докторской диссертации определены детерминанты, которые требуют постоянного мониторинга для оценки ситуации в предпринимательском секторе регионов.

Результаты могут помочь проверяющим органам, в частности Счетной Палате Российской Федерации и ее региональным подразделениям, в проведении экономических расследований. Например, для того, чтобы понять, почему в некоторых регионах занятость в субъектах МСП падала, несмотря на существенное расширение поддержки и общий положительный тренд. Основные этапы расследования могут включать: проверку изменения методики сбора статистических данных, тестирование влияния базовых факторов на основе выявленных региональных характеристик (глава 4), контроль воздействия государственных решений с учетом изученных подходов (глава 5), диагностика долгосрочных тенденций исследуемого явления, в том числе структурных изменений (глава 3), и на последнем этапе – отслеживание

потенциального злого умысла со стороны заинтересованных сторон, включая построение схемы их взаимосвязей и интересов, например, в соответствии с описательной моделью предпринимательской экосистемы (п. 6.1, рис. 47).

Новая предпринимательская политика в будущем потребует оценки эффективности принимаемых решений, то есть более регулярных исследований в этой сфере.

Возможные будущие направления исследований.

С точки зрения теории необходимы дальнейшее развитие и конкретизация положений, связанных с конструктивным предпринимательством. Вероятно, потребуется соответствующая эмпирическая идентификация этой категории с помощью более сложных методов, в т. ч. социологических полевых исследований. Необходимо разработать комплексную теоретическую модель, оценивающую все многообразие факторов предпринимательской активности.

С точки зрения историко-географического анализа требуется более подробное изучение архивных материалов и верификация выявленных предпринимательских пространственно-временных волн, в т.ч. проверка их наличия в советский период. Важны более подробные клиометрические исследования взаимосвязей предпринимательских циклов с изменением технологий, институтов, периодами обновления основных фондов, накопления человеческого капитала и т. д. Необходима проверка наличия предпринимательских циклов в других странах для доказательства их универсального характера⁵⁴⁹.

Остается нерешенным вопрос о месте фактической деятельности предприятий, так как анализируются данные ФНС РФ согласно их регистрации, что приводит к существенным пространственным искажениям. Использование в диссертации оценок по выборочным обследованиям Росстата лишь частично решало упомянутую проблему.

По мере появления более качественных данных об используемых в работе переменных потребуется уточнение полученных оценок для конкретных факторов. Необходимо применение более точных методов определения причинно-следственных связей, в т.ч. использование различного рода экономических экспериментов и псевдоэкспериментальных инструментов.

По мере накопления данных на уровне конкретных предприятий неизбежно более глубокое изучение предпринимательской активности на местном уровне (внутригородском), в т.ч. с применением картографических методов анализа и полевых исследований.

Для целей доказательной политики потребуются более точные эмпирические оценки функций предпринимательства в региональной экономике России: влияние на рост ВРП, инвестиции, развитие новых технологий, инфляцию, бедность и т. д.

⁵⁴⁹ Например, в США наблюдалось снижение стартап активности после пиковых значений в начале 2000-х («пузырь доткомов»), как минимум до 2013 г., когда наметились тенденции роста (Morelix et al., 2016)

Список использованных источников

1. Абрамов А.Е., Аксёнов И.В., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // Экономическая политика. 2018. №1 (13). С. 36–69
2. Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И., Энтов Р.М. Государственная собственность и характеристики эффективности // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 5–37.
3. Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 2020. 560 с.
4. Агаева Л.К., Бурец Ю.С., Егорова К.С., Земцов С.П., Кожухова В.Н., Коробецкая А.А., Королева Е.Н., Семёнычев В.К., Хмелева Г.А., Чертопьятов Д.А. Российские регионы в условиях санкций: возможности опережающего развития экономики на основе инноваций. Самара: СГЭУ. 2019. 446 с.
5. Агеева С. Д., Мишура А. В. Влияние пространственной концентрации банковского сектора России на кредитование регионов и малого и среднего бизнеса // Вопросы экономики. 2019. №. 1. С. 92–108.
6. Адамайтис С.А. Проекты государственно-частного партнерства как инструмент развития инфраструктуры Дальнего Востока // Региональные исследования. 2022. № 2 (76). С. 67–77.
7. Аджемоглу Д., Джонсон С. Власть и прогресс. Наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание. М.: АСТ, 2024. 544 с.
8. Александрова Е.А., Верховская О.Р. Мотивация предпринимательской активности: роль институциональной среды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2016. № 3. С. 107–138.
9. Алексеев А., Бабурин В., Битюкова В., Былов Г., Василишен Э., Гладкевич Г., Горлов В., Даньшин А., Журавлев А., Зубаревич Н., Казьмин М., Катровский А., Климанов В., Коломиец А., Кузнецова О., Лавров А., Мазуров Ю., Нещадин А., Нефедова Т., Новиков А., Пузанов А., Скатерщикова Е., Смирнягин Л., Тархов С., Ткаченко А., Туровский Р., Шувалов В., Ханин С. Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей. М.: Начала-Пресс, 1997. 295 с.
10. Андрюхин Е.А. Предпринимательская деятельность населения СССР в 50-80-е годы XX века / дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. – Курск: КГУ, 2011. 194 с.
11. Антонова М.П., Баринова В.А., Громов В.В., Земцов С.П., Красносельских А.Н., Милоголов Н.С., Потапова А.А., Царева Ю.В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2020. 88 с.
12. Аузан А.А. Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш., Давыдов Д.В., Золотов А.В., Никитин К.М., Никишина Е.Н., Припузов

Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: ЦСР, 2017. 75 с.

13. Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Arzamas, 2022. 98 с.

14. Аузан А.А., Комиссаров А.Г., Бахтигараева А.И. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. 2019. №4(14). С. 76–95.

15. Бабурин В.Л. Влияние эффекта колей на эволюцию промышленных ареалов России // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 26–39.

16. Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от большого взрыва до наших дней: инновационно-синергетический подход. М.: URSS, 2002. 203 с.

17. Бабурин В.Л., Земцов С.П. География инновационных процессов в России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2013. № 5. С. 25–32.

18. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России. М.: КДУ "Университетская книга", 2017. 358 с.

19. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Факторы патентной активности в регионах России // Мир экономики и управления. 2016. №1. С. 86–100.

20. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Эволюция системы городских поселений и динамика природных и социально-экономических процессов в российской Арктике // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 76–83.

21. Бабурин В.Л., Земцов С.П., Кидяева В.М. Методика оценки потенциала экономико-географического положения городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. №1. 39–45.

22. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука. 2007. 239 с.

23. Бандман М.К. Избранные труды и продолжение начатого. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 448 с.

24. Баранов А., Малков Е., Полищук Л., Рохлиц М., Сюняев Г. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 69–103.

25. Баранский Н.Н. Избранные труды. Научные принципы географии. –М.: Наука, 1980. 239 с.

26. Баринов И. История российского предпринимательства. М.: PrintLeto, 2019. 439 с.

27. Баринова В.А. Зарубежный опыт развития социального предпринимательства и возможность его применения в России. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2018. 100 с.

28. Баринова В.А. Коцюбинский В.А., Мухлисина А.Р., Рыбалкин В.В., Технопарки стран мира: организация деятельности и сравнение. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2012. 182 с.

29. Баринова В.А., Гладкий А.С., Демидова К.В., Земцов С.П., Михайлов А.А., Петросян Л.Г., Петряева А.В., Семенова Р.И., Хлал Ш., Царева Ю.В., Федотов И.В. Малый и

средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика / Национальный доклад. М.: РАНХиГС, АИРР. 2022. 67 с.

30. Барина В.А., Демидова К.В., Земцов С.П., Царева Ю. Оценки влияния кризиса на развитие малого и среднего бизнеса по итогам 2020 г.: сбылись ли прогнозы начала года? // Экономическое развитие России. 2021. №7 (28). С. 36–48.

31. Барина В.А., Дробышевский С.М., Еремкин В.А., Земцов С.П., Сорокина А.В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 23. С. 4199–4204.

32. Барина В.А., Еремкин В.А., Земцов С.П. Факторы развития инновационных компаний на ранних стадиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 27–51.

33. Барина В.А., Земцов С.П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 23–46.

34. Барина В.А., Земцов С.П. Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. №6. С. 55–71.

35. Барина В.А., Земцов С.П., Демидова К.В., Леваков П.А. Малое и среднее предпринимательство России в кризисные периоды. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2023. 149 с.

36. Барина В.А., Земцов С.П., Зинов В. Г., Кидяева В.М., Красносельских А.Н., Куракова Н.Г., Семенова Р.И., Федотов И.В., Халимова С.Р., Хафизов Р.Р., Царева Ю.В. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». М.: РАНХиГС, АИРР, 2020. 100 с.

37. Барина В.А., Земцов С.П., Кнобель А.Ю., Лощенкова А.Н. Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России. М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2019. 308 с.

38. Барина В.А., Земцов С.П., Комаров В.М., Коцюбинский В.А., Красносельских А.Н., Царева Ю.В. Ежеквартальный бюллетень «Развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». - М.: ВАВТ, 2019. 24 с.

39. Барина В.А., Земцов С.П., Комаров В.М., Коцюбинский В.А., Царева Ю.В. Ежеквартальный бюллетень «Развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». - М.: ВАВТ, 2018. 21 с.

40. Барина В.А., Земцов С.П., Коцюбинский В., Красносельских А., Царева Ю. Выполнение Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономическое развитие России. 2018. №25. С. 36–45.

41. Барина В.А., Земцов С.П., Леваков П.А. Россия и Китай: мотивы, возможности и риски научно-технологического сближения // Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 3. С. 118–153.

42. Барина В.А., Земцов С.П., Михайлов А.А., Царёва Ю.В. Пересмотр долгосрочных трендов развития малого и среднего предпринимательства в России и регионах в постсоветский период // Экономическое развитие России. 2022. №7. С. 29–44.

43. Баринаева В.А., Земцов С.П., Сорокина А.В. Инновационная деятельность быстрорастущих компаний как условие повышения их конкурентоспособности // Экономика науки. 2015. № 3. С. 175–179.
44. Баринаева В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. В поисках предпринимательства в России // Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. М.: Дело. 2023. 300 с.
45. Баринаева В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116.
46. Баринаева В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Проблемы статистического учета динамики сектора малых и средних предприятий в России // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 1. С. 40–48.
47. Баринаева В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Улучшение делового климата для МСП как ответ на текущий кризис и пандемию коронавируса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 7. С. 54–65.
48. Баринаева В.А., Красносельских А.Н. Поддержка малого и среднего предпринимательства на региональном уровне: международный опыт и российские особенности // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 1. С. 55–62.
49. Баринаева В.А., Мальцева А.А., Сорокина А.В., Еремкин В. А. Подходы к оценке эффективности функционирования объектов инновационной инфраструктуры в России // Инновации. 2014. № 3 (185). С. 42–51.
50. Баринаева В.А., Сорокина А.В., Шестоперов А.М. Новый взгляд на поддержку малого и среднего бизнеса в России: компании-«Газели» // Российское предпринимательство. 2015. № 17. С. 2773—2786.
51. Барсукова С. Специфика женского предпринимательства. В сб.: Бутенко А. И. (ред.). Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М.: МОНФ. 1999.
52. Басарева В.Г. Малый бизнес России: теоретические основы исследования, моделирование, концепция государственного регулирования – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 296 с
53. Баумоль У. Микротекория инновационного предпринимательства - Москва: Изд-во Ин-та Гайдара. 2013. 432 с.
54. Безруков Л. А. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 79–89.
55. Безруков Л.А. Постсоветский синтез «проклятий» Сибири // Вопросы географии. Сб. 154. Преодоление "континентального проклятия": будущее Сибири / Отв. ред. В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2022. С. 60–101.
56. Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Комаров В.М., Комин М.О., Коцюбинский В.А., Никольская А.В. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. М.: ЦСР, 2016. 208 с.
57. Бессолицын А.А. История Российского предпринимательства. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия». 2013. 310 с.

58. Блануца В. И. Пространственная диффузия нововведений: сфера неопределенности и сетевая модель // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 4–12.
59. Блохин А. А., Глухов К. В. Институциональные трансформации сектора МСП: приоритеты государственной поддержки // Мир новой экономики. 2024. Т. 18. № 1. С. 104–115.
60. Бобровский Р.О. Роль уходящих иностранных компаний в экономике регионов России // Федерализм. 2023. Т.28. №2. С. 197–219.
61. Бовыкин В. И. Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 344 с.
62. Божечкова А.В., Клячко Т.Л., Кнобель А.Ю., Лощенкова А.Н., Любимов И.Л., Синельников-Мурылев С.Г. Образование и экономический рост. М.: Дело, 2019. 120 с.
63. Боос В.О., Гохберг Л.М., Исланкина Е.А., Исмагулова С.Г., Куценко Е.С., Стрельцова Е.А., Тюрчев К.С. Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 75 с.
64. Бородина Т.Л., Веденин Ю. А., Вендина О. И., Махрова А. Г., Плужников В. Н., Разумовский В. М., Трейвиш А.И., Аверкиева К.В., Нефедова, Т. Г. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. М.: URSS, 2015. 342 с.
65. Бортник И.М., Баринаева В.А., Сорокина А.В., Земцов С.П., Инфимовская С.Ю. Анализ факторов конкурентоспособности отечественных высокотехнологичных компаний // Инновации. 2015. №3. С. 25–31.
66. Бортник И.М., Земцов С.П., Сорокина А.В., Павлов П.Н., Иванова О.В., Куценко Е.С. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // Инновации. 2015. №7. С. 26–36
67. Бортник И.М., Зинов, В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В. Вопросы достоверности статистической информации об инновационной деятельности в России // Инновации. 2013. № 10 (180). С. 10–17.
68. Брызгалин В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. 2020. №7. С. 108–126.
69. Бутс Б., Дробышевский С., Кочеткова О., Мальгинов Г., Петров В., Федоров Г., Хехт А., Шеховцов А., Юдин А. Типология российских регионов. М.: Институт экономики переходного периода. 2002. 157 с.
70. Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления. – М.: Политиздат, 1991. 431 с.
71. Верховская О.Р., Богатырева К.А., Дорохина М.В., Ласкова А.К., Шмелёва Э.В. Мониторинг предпринимательской активности 2022/2023". СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ. 2023. 51 с.
72. Верховская О.Р., Богатырева К.А., Кнатько Д.М., Дорохина М.В., Шмелёва Э.В. Национальный отчет "Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2020/2021". СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ. 2021. 121 с.

73. Веселов Д.А., Яркин А.М. Институциональные изменения, неравенство и долгосрочное экономическое развитие: теория и эмпирика // Вопросы экономики. 2022. № 1. С. 47–71.
74. Видаль де ла Блаш П. Географические картины Франции. — М.: Центр романских языков «ESPERANZA», 2020. 536 с.
75. Виленский А.В. (рук.) Институты развития как инструмент региональной политики. М.: ИЭ РАН, 2015. 45 с.
76. Виленский А.В. К вопросу о влиянии малого и среднего предпринимательства на развитие российских регионов: реалии и возможности // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 4. С. 24–38.
77. Виленский А.В. Некрупное предпринимательство в условиях кризиса: пространственный аспект безопасности // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 3. С. 871–890.
78. Виленский А.В. Новые доказательства институциональных ограничений развития малого и среднего предпринимательства России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1–2. С. 8–21.
79. Виленский А.В. От свободных экономических зон к территориям опережающего развития // Федерализм. 2020. № 1. С. 27–43.
80. Виленский А.В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // Вестник Института экономики РАН. 2020. № 4. С. 46–57.
81. Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., М.: Летний сад. 2002. 282 с.
82. Волошинская А. А., Комаров В. М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 4. С. 90–102.
83. Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62.
84. Гатаулина Е.А., Потапова А.А., Терновский Д.С., Шишкина Е.А. Малое предпринимательство на сельских территориях: характеристика, поддержка, развитие: научная литература – М.: Дело, 2022. 97 с.
85. Герцовский Д.А., Земцов С.П. Оценка эффективности преференциальных режимов в России с точки зрения развития малого и среднего бизнеса в муниципальных районах и регионах России / XXIV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М.: НИУ ВШЭ, 2023 г. 3 с.
86. Гершман М.А., Зинина Т.С., Романов М.А., Рудник П.Б., Сенченя Г.И., Шадрин А.Е. Программы инновационного развития компаний с государственным участием: промежуточные итоги и приоритеты. – М.: НИУ ВШЭ, 2015. 129 с.
87. Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.

88. Глухих П.Л. Серийные технологические предприниматели в России: оценка альтернативного источника инновационного бизнеса и механизмы активизации. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. 186 с.
89. Головщинский К.И., Сабирова М. С., Давыдов М. И., Белогурова Е. Б., Ведерин И. В., Семенюк В. А. Система госзакупок в Российской Федерации - 2020. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2021. 70 с.
90. Гордеев В., Михайлова Т., Шарыгин А. Агломерационные эффекты в промышленности России // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 8. С. 32–43.
91. Горячевская Е.С., Жаров В.С., Земцов С.П., Козлов А.А., Павлов К.В., Пилясов А.Н., Селин В.С., Селин И.В., Цукерман В.А. Механизм согласования государственной, региональной и корпоративной инновационной политики в Арктике – Апатиты: КНЦ РАН. 2016. 230 с.
92. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: Государственный университет ВШЭ, 2006. 495 с.
93. Грегори П. Экономический рост Российской Империи (конец XIX — начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.
94. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
95. Григорьев Л.М., Зубаревич Н.В., Иванов Д.С., Кондратьев С.В., Салихов М.Р., Салмина А.А., Табах А.В., Урожаева Ю.В., Хасаев Г.Р., Цыбатов В.А. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. М.: ООО " ТЕИС", 2011. 347 с.
96. Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 17–27.
97. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. 168 с.
98. Гришина И.В., Полянев А.О. Региональные особенности реакции на глобальный кризис // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 10. С. 62–76.
99. Громов В.В. Особый режим налогообложения российских ИТ-компаний: от выбора преференций до налогового маневра в отрасли // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. №. 3. С. 9–27.
100. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — СПб.: Кристалл, 2001. 704 с.
101. Гусева Е.С., Ефремова В.А., Земцов С.П., Исаченков И.В., Куркиева Х.М., Страхова А.В., Туева Н.С. Горные условия жизни населения и ведения хозяйственной деятельности: дополнительные издержки и формы их компенсации (на примере Республики Алтай) // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М.: ООО "МАКС Пресс", 2009.
102. Гусейн-Заде С.М. Модели размещения населения и населенных пунктов. М.: Изд-во Московского университета, 1988. 91 с.

103. Гусейн-Заде С.М., Михеева В.С., Ханин С.Е. Моделирование территориальных социально-экономических систем // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1988. № 3. С. 14–20.
104. Давидссон П. Исследуя предпринимательство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014. 399 с.
105. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Издательство книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 1100 с.
106. Девлетов О.У. История отечественного предпринимательства. — М.: «Директ-Медиа», 2015. 341 с.
107. Демидова О.А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 34–59.
108. Дерюгин А.Н. Региональные бюджеты в первом полугодии 2023 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 9. С. 67–71.
109. Долгопятова Т.Г., Ичиро И., Яковлев А. А. Российский бизнес 20 лет спустя: путь от социалистического предприятия к рыночной фирме // Мир России. Социология. Этнология. 2009. Т. 18. № 4. С. 89–114.
110. Доманьский Р. Экономическая география: динамический аспект. — М.: Новый хронограф, 2010. 376 с.
111. Дружинин А.Г., Шувалов В.Е. Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 264 с.
112. Духон А.Б., Зиньковский К.В., Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Влияние программ предпринимательского образования на развитие малого бизнеса в России: опыт эмпирического анализа в региональном контексте // Вопросы образования. 2018. №2. С. 139–172.
113. Егорова Н.Е., Бушанский С.П. Роль малого бизнеса в реализации импортозамещающей стратегии развития российской экономики // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 28. № 2. С. 302–328.
114. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Пабlishер, 2019. 960 с.
115. Еферин Я.Ю., Куценко Е.С. Адаптация концепции умной специализации для развития регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 75–110.
116. Еферина Т.В., Лизунова В.О., Просянюк Д.В., Шинова Д.А. Инновационная инфраструктура как фактор межрегиональной дифференциации в Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 191–212.
117. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
118. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. №3 (69). С. 4–15.

119. Заздравных А.В. Динамика входа и выхода компаний и региональный экономический рост // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 2. С. 8–43.
120. Заздравных А.В. Динамика входа компаний в российских регионах: фактор безработицы // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 2. С. 38–54.
121. Заздравных А.В. Финансовые факторы формирования новых предприятий: модель российских регионов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 4. С. 50–83.
122. Заздравных Е.А. Исторические эффекты региональной предпринимательской активности // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 1. С. 97–120.
123. Зайцев А.А. Производительность труда в отраслях обрабатывающей промышленности России: динамика и межстрановые сопоставления // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 123–138.
124. Зайцев Д.А. Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям: отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия. Счетная палата Российской Федерации. – М.: Счетная Палата Российской Федерации, 2020. 127 с.
125. Замятина Н., Пилясов А. Монопрофильные города России: блокировки и драйверы инновационного поиска // Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 53–64.
126. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. – СПб.: Маматов, 2017. 286 с.
127. Землянский Д.Ю. Сезонные ритмы социально-экономических процессов в регионах России // Диссертация на соискание степени канд. геогр. Наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова. 2011. 216 с.
128. Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России // Экономическое развитие России. 2022. № 4 (29). С. 4–14.
129. Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А. Производственная зависимость от импорта в российской экономике: региональная проекция // Известия РАН. Серия географическая. 2023. Т. 87. №5. С. 651–665.
130. Земцов С.П. Доверие как фактор развития предпринимательства в регионах России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2020. № 5 (748). С. 29–33.
131. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. №2. С. 168–180.
132. Земцов С.П. Креативные индустрии в Арктических регионах России // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2022. Т. 12. №4. С. 4–16
133. Земцов С.П. Модернизация и инновационное развитие России. Экономико-географический подход. Saarbrücken: LAP. 2011. 284 с.

134. Земцов С.П. Новые технологии и развитие регионов в современных условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3. С. 196–207.
135. Земцов С.П. Опыт выявления и оценки потенциала инновационных кластеров (на примере отрасли «Рациональное природопользование») // Региональные исследования. 2013. Т. 2. С. 12–19.
136. Земцов С.П. Потенциал создания и внедрения технологий искусственного интеллекта в регионах России // Региональные исследования. 2024. № 1. С. 34–47.
137. Земцов С.П. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 142–157.
138. Земцов С.П. Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. №1. Т. 53. С. 212–223.
139. Земцов С.П. Типология регионов России для целей развития малого и среднего предпринимательства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 99–102.
140. Земцов С.П. Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3. Т. 36. С. 6–17.
141. Земцов С.П., Бабурин В.Л. COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 4. С. 485–505.
142. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Коронавирус в регионах России: особенности и последствия распространения // Государственная служба. 2020. №2 (22). 2020. С. 48–55.
143. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 2. №1. С.117–138.
144. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 4–14.
145. Земцов С.П., Бабурин В.Л., Кидяева В.М. Инновационные кластеры и перспективы рационального природопользования в России // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 15–21.
146. Земцов С.П., Бабурин В.Л., Царева Ю.В. Сложности ведения бизнеса в Арктике и в северных регионах России // Известия Русского географического общества. 2022. Т. 154. №2. С. 1–15.
147. Земцов С.П., Баринова В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. Т. 10. С. 65–81.
148. Земцов С.П., Баринова В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. № 2. С. 44–79.
149. Земцов С.П., Баринова В.А., Семенова Р.И. Государственная поддержка высоких технологий и инноваций в России // Инновации. 2019. № 3. С. 33–44.

150. Земцов С.П., Барина В.А., Сорокина А.В. Какие факторы влияют на концентрацию быстрорастущих компаний в регионах России? //Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 22. С. 3959–3972.
151. Земцов С.П., Буков Д.В. Методы выявления кластеров малого и среднего бизнеса // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №3. С. 104–117.
152. Земцов С.П., Волошинская А.А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 54–83.
153. Земцов С.П., Еремкин В.А., Барина В.А. Факторы востребованности ведущих вузов России // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 201–233.
154. Земцов С.П., Кидяева В. М., Барина В.А., Ланьшина Т.А. Экологическая эффективность и устойчивое развитие регионов России за двадцатилетие сырьевого роста // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 2. С. 18–47.
155. Земцов С.П., Кидяева В.М. Факторы привлекательности регионов России для мигрантов с высшим образованием // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 39–52.
156. Земцов С.П., Климанов В.В., Бугаева Е.А. Приоритеты пространственного развития Томской области / /Регион: Экономика и Социология. 2016. № 2. С. 42–61.
157. Земцов С.П., Комаров В.М. Формирование экономики знаний в регионах России в 1998–2012 гг. // Инновации. 2015. № 10. С. 29–36
158. Земцов С.П., Красносельских А.Н., Царева Ю.В., Барина В.А. Меры поддержки малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2020. С. 105–115.
159. Земцов С.П., Маскаев А.Ф. Быстрорастущие фирмы в России: характеристики и факторы роста // Инновации. 2018. № 6 (236). С. 30–38.
160. Земцов С.П., Михайлов А.А. Оценка роли городов в региональном развитии // Сборник материалов международной научной конференции «Устойчивость городов: вызовы и решения». – Алматы: Қазақ университеті, 2024. С. 27–31.
161. Земцов С.П., Михайлов А.А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. № 4 (28). С. 34–45.
162. Земцов С.П., Смелов Ю.А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 4. № 40. С. 84–108.
163. Земцов С.П., Царева Ю.В. Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России // Вопросы экономики. 2023. № 7. С. 115–141.
164. Земцов С.П., Царева Ю.В. Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. №1 (37). С. 145–165.

165. Земцов С.П., Царева Ю.В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. С. 71–82.
166. Земцов С.П., Царева Ю.В., Павлов П. Рыночный потенциал регионов и развитие предпринимательства в России // География и природные ресурсы. 2021. №42(3). С. 139–147.
167. Земцов С.П., Царева Ю.В., Салимова Д.Р., Барина В.А. Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // Вопросы экономики. 2021. №12. С. 66–93.
168. Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Барина В.А., Красносельских А.Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. №10. С. 44–67.
169. Земцов С.П., Чернов А.В. Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. Т. 41. № 1. С. 68–99.
170. Земцов С.П., Шартова Н.В., Константинов П.И., Варенцов М.И., Кидяева В.М. Уязвимость населения районов Москвы к опасным природным явлениям // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 4. С. 3–13.
171. Земцов С.П., Шестаков В.А., Барина В.А. Инновационная система Москвы. Москва: АИРР, 2015. 86 с.
172. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. Т. 2. № 28. С. 3–14.
173. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: УРСС, 2003. 261 с.
174. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
175. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). 226.
176. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 4–17.
177. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект) // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 4. С. 7–27.
178. Ивахненко Т.Ю. Неравенство доходов и обеспеченность природными ресурсами в регионах России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 27. № 2. С. 220–247.
179. Идрисов Г.И. Промышленная политика России в современных условиях – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 160 с.
180. Ильин В. А., Поварова А. И. Консолидированное налогообложение и его последствия для региональных бюджетов // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 1. С. 70–83.
181. Имангалин А.Ф. Пространственные модели потребительского поведения, применяемые при оценке размещения рыночных услуг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2013 г. № 4. С. 50–65.

182. Казьмин М.А. Земельные реформы в России (XIX--XX вв.): Уроки пройденного пути. Изд. стереотип. М.: URSS. 2015. 240 с.
183. Калинин А.М. Импортозависимость и импортозамещение в России: оценка на основе таблиц ресурсов и использования // Проблемы прогнозирования. 2024. №2 (203). С. 21–33.
184. Кантильон Р. Эссе о природе торговли в общем плане // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. М.: Мысль. 2004. Том 1. С. 269–278
185. Капелюшников Р.И. Многорукий Адам Смит (Часть вторая) // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 123–140.
186. Капелюшников Р.И. Многорукий Адам Смит (Часть первая) // Вопросы экономики. 2023. № 10. С. 53–74.
187. Капица С.П. Модель роста населения земли и предвидимое будущее цивилизации // Мир России. Социология. Этнология. 2002. №3. С. 22–43.
188. Картаев Ф.С., Полунин К.Е. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 90–102.
189. Картаев Ф.С., Филиппов А.П., Хазанов А.А. Эконометрическая оценка воздействия таргетирования инфляции на динамику ВВП // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. Т. 1. С. 107–128.
190. Каукин А.С., Идрисов Г.И. Гравитационная модель внешней торговли России. Случай большой по площади страны с протяженной границей // Экономическая политика. №4. 2013. С. 133–154.
191. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс. 1978. 289 с.
192. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. СПб: Нестор-История. 2001. 308 с.
193. Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 3. С. 30–52.
194. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / Пер. с англ. под ред. А.Н. Романова - М.: ЮНИТИ. 2001. 238 с.
195. Клейнер Г.Б. (ред.) Мезоэкономика развития. М.: Наука, 2011. 804 с.
196. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная теория фирмы // Вопросы экономики. 2021. №1. С. 73–97.
197. Климанов В.В. Об основах и инструментах региональной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10. С. 161–163.
198. Климанов В.В., Будаева К.В. Точки роста как элемент стратегического планирования в регионах России // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 99–106.
199. Климанов В.В., Михайлова А.А. Бюджетная децентрализация в пандемию и постпандемийных условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3. С. 218–226.
200. Климанов В., Казакова С., Михайлова А. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187.

201. Климанов В.В., Казакова С.М., Михайлова А.А. Ретроспективный анализ устойчивости регионов России как социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. №5. С. 46–64.
202. Кнобель А.Ю., Багдасарян К.М., Прока К.А. Международные экономические санкции: теория и практика их применения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. №3. С. 152–162.
203. Ковалевич Д.А., Щедровицкий П.Г. Конвейер инноваций. М.: Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов. 2016. 10 с.
204. Кодзоев М.С., Земцов С.П. Вопросы импортозависимости критических отраслей российской экономики // Международная ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения-2024. Секция экономических наук». - М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024. 2 с.
205. Коломак Е.А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2020. №12. С. 143–153.
206. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А. Б. Барьерная функция российских границ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 5. С. 8–20.
207. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. 1947. № 6. С. 133–168.
208. Комаров В. М., Баринова В. А., Земцов С. П. Подходы к формированию технологической долины МГУ им. МВ Ломоносова // Экономика науки. 2016. № 2. С. 120–129.
209. Комаров В.М., Акимова В.В., Коцюбинский В.А., Земцов С. П. Сравнительный анализ подходов к разработке долгосрочных государственных стратегий в России и мире. Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. №1. С. 56–74.
210. Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз. 1991. 576 с.
211. Кордонский С.Г. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ. 2006
212. Косарев В., Павлов П., Каукин А. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 5. С. 124–149.
213. Котов А.В. Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 755–768.
214. Коуз Р. Природа фирмы // Теория фирмы / Под ред. В. М. Гальперина — СПб.: Экономическая школа. 1995. 300 с.
215. Кравченко Н.А., Кузнецова С.А., Юсупова А.Т., Халимова С.Р., Балдина Н.П. Развитие высокотехнологичного бизнеса в Сибири: проблемы и перспективы // Регион: экономика и социология. 2018. № 2. С. 168–193.
216. Кропоткин П.А. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 898 с.
217. Кувалин Д.Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. – ООО "МАКС Пресс", 2009. 319 с.

218. Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. (ред.). Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 42) /– Москва: Изд-во Ин-та Гайдара. 2021. 712 с.
219. Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. (ред.). Российская экономика в 2021 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 43) – Москва: Изд-во Ин-та Гайдара. 2022. 604 с.
220. Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. (ред.). Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 44). М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2023. 556 с.
221. Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. (ред.). Российская экономика в 2023 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 45). М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2024. 456 с.
222. Кузнецова О.В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 2. С. 3–8.
223. Кузнецова О.В. Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. 2022. №2. С. 33–57.
224. Кузнецова О.В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2. С. 20–38.
225. Кузнецова О.В. Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости? // Региональные исследования. 2021. № 3. С. 76–87.
226. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. Изд. 3. М.: URSS. 2013. 440 с.
227. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. №3. С. 172–180.
228. Кузьминов Я.И., Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А. А., Жулин А.Б., Глухова М.Н., Клепач А.Н. Импортзамещение в российской экономике: вчера и завтра. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 272 с.
229. Лавриненко П.А. Ромашина А.А., Степанов П.С., Чистяков П. А. Транспортная доступность как индикатор развития региона // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6 (177). С. 136–146.
230. Лахман Р. Государства и власть. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2020.
231. Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: "почему расстались"? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 138–158.
232. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS, 2016. 368 с.
233. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. М., 1989. 584 с.
234. Лимонов Л.Э. (ред.) Региональная экономика и экономическая география. – М.: Издательство Юрайт, 2024. 377 с.

235. Любимов И., Казакова М., Гвоздева М., Оспанова А. Провал и триумф экономического усложнения: история Аргентины и Южной Кореи во второй половине XX века // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 5. С. 8–35.
236. Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 260 с.
237. Макаров В., Айвазян С., Афанасьев М., Альберт Б., Ашхен Н. Моделирование развития экономики региона и эффективность пространства инноваций // Форсайт. 2016. № 10 (3). С. 76–90.
238. Максименко Д.Д. Актуальные факторы размещения высокотехнологичных производств в России // Региональные исследования. 2023. № 4. С. 29–40
239. Малкина М.Ю. Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // Экономика региона. 2024. № 20(1). С. 16–32.
240. Мальгина И.В., Пузиков В.В., Германович Г.В., Аниськов И.П., Гралько В.В., Чернолевский А.Ю., Дятлова В.О., Брасс А.А., Проровский А.Г., Мальчевский Е.С., Гораева Т.Ю., Досина М.О., Лапуцкая Т.В., Рудая О.П., Хорошевская Е.И., Земцов С.П., Перекатиева Т.А., Смелик Р.Г., Любаненко А.В., Омаров Э.З., Алтунина В.В., Буньковский Д.В., Исенова А.С., Джакупов А.К., Джамбулов Э.Б. Предпринимательство и национальная безопасность. - Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. - 352 с.
241. Мальцева А.А., Кархунен П. Феномен Финляндии: развитие инфраструктуры генерации и трансфера инноваций как фактор экономического роста // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012, 6 (26), 108–122.
242. Маркс, К. Наёмный труд и капитал // Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Политиздат. 1957. Т. 6. 577 с.
243. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс. 1993.
244. Мау В.А., Идрисов Г. И., Кузьминов Я. И., Радыгин А. Д., Садовничий В. А., Синельников-Мурылев С. Г. (ред.) и др. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. Москва: РАНХиГС, 2020. 744 с.
245. Мау В.А. НЭП в контексте российской революции // НЭП: приобретения и потери. - М. 1994
246. Мау В.А., Кудрин А.Л., Синельников-Мурылев С.Г. (ред.) Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 40). - М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 2019.
247. Медовников Д.С., Оганесян Т.К., Розмирович С.Д. Кандидаты в чемпионы: средние быстрорастущие компании и программы их поддержки // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 50–66.
248. Менделеев Д.И. К познанию России. — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1906. 156 с.
249. Месарович М., Мако Л., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир. 1973. 344 с.
250. Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменение // Известия АН СССР. Сер. География. 1970. № 6. С. 118–131.

251. Михайлова Т. Н. География не судьба! (комментарии к «Сибирскому проклятию» Ф. Хилл и К. Гэдди) // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 1. С. 93–102
252. Михайлов А. С., Максименко Д. Д., Максименко М. Р. Пространственные и структурные закономерности в распределении научно-технологической, инновационной и производственной деятельности в России // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 2. С. 41—62
253. Михеева Н.Н. Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. Т. 21. № 1. 151–174.
254. Мишура А.В. Как банковское кредитование влияет на малый и средний бизнес? // Вопросы экономики. 2024. №8. С. 68–88.
255. Монастырный Е. А. и др. Процессы формирования кластера информационных технологий и электроники: основные характеристики" зрелого" инновационного кластера // Инновации. 2017. №. 8 (226). С. 17–24.
256. Москвитина Н.А., Носова А.Н., Романова Е.В. Калужская область и Бавария: сравнительный анализ институциональных факторов регионального развития. Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2015. № 4. С. 80–88.
257. Мюллер Д. Тирания показателей: как одержимость цифрами угрожает образованию, здравоохранению, бизнесу и власти. – М.: Альпина Паблишер, 2019. 210 с.
258. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. - М.: Дело. 2003. - 360 с.
259. Натхов Т.В., Полищук Л.И. Политэкономия институтов и развитие: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой Д. Асемогу // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2. С. 12–38.
260. Некрасов Н. Н. Научные проблемы генеральной схемы размещения производительных сил СССР. – М.: Экономика. – 1966.
261. Никольский И.В. География внутренней торговли СССР. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 1986.
262. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
263. Носко В.П. Эконометрика. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2021. 704 с.
264. Нуреев Р.М. Введение в институциональную регионалистику // Журнал институциональных исследований. –2010. Т. 2, № 2. С. 4–6.
265. Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 71–95.
266. Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 14. № 2. С. 199–214.

267. Пасс А.А., Рыжий П.А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия. Социум и власть. 2012. №5. С. 114–122.
268. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 1109 с.
269. Пилясов А. Н. Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России //Региональные исследования. 2011. № 1. С. 3–31.
270. Пилясов А.Н. (ред.) Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. — Смоленск: Ойкумена, 2012. — 760 с.
271. Пилясов А.Н. Предпринимательство в Арктике. Проблемы развития малого и среднего бизнеса в Арктической зоне, или чем арктические предприниматели похожи на белых медведей? – М.: Красанд. 2021. 400 с.
272. Пилясов А.Н. Северная периферия на пути к экономике знания: и последние станут первыми – М.: КД Либроком. 2009.
273. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. Т. 4. С. 4–15.
274. Полбин А. В., Шумилов А. В. Предпринимательство, накопление богатства и ограничения заимствования: опыт зарубежных исследований //Российский журнал менеджмента. – 2020. – Т. 18. – № 3. – С. 313–334.
275. Полтерович В. М., Попов В. Эволюционная теория экономической политики. Часть II. Необходимость своевременного переключения //Вопросы экономики. 2006. Т. 8. С. 46–64.
276. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 1001 с.
277. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. 445 с.
278. Полтерович В.М. Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 238–244.
279. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–26.
280. Полунин Ю. А., Юданов А. Ю. Российские быстрорастущие компании: испытание депрессией // Мир новой экономики. 2016. №2. С. 103–112.
281. Полянев А. О., Гришина И. В. Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41.
282. Полянев А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: Методология анализа и гос. регулирования. - Москва: УРСС, 2003. 207 с.
283. Пономарев Ю. Ю., Евдокимов Д. Ю. Оценка расширенных мультипликативных социально-экономических эффектов на основе модели межотраслевого баланса //Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27. – № 7. – С. 30–45.
284. Пономарев Ю. Ю., Плескачев Ю. А. Детерминанты появления новых компаний в России //Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 509–530.

285. Пономарев Ю. Ю., Радченко Д. М. Оценка эффектов развития высокоскоростного железнодорожного сообщения: мировой опыт и перспективы России //Проблемы прогнозирования. 2023. № 1. С. 182–192.
286. Пономарева Е.А., Божечкова А.В., Кнобель А.Ю. Факторы экономического роста: научно-технический прогресс. – М.: Дело, 2012. 186 с.
287. Пробст А. Е. Размещение социалистической промышленности: теоретические очерки. – М.: Изд-во экон. литры., 1962.
288. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 260 с.
289. Радаев В.В. Социология предпринимательства: вместо текста лекций. М., 1997. URL: http://www.ckp.ru/biblio/r/radaev_txt/.
290. Раднабазарова С.Ж., Золотарев А.П., Баринова В.А. Региональная инновационная система Томской области – М.: АИРР, 2014. 158 с.
291. Радыгин А., Симачев Ю., Энтов Р. Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка» //Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 45–79.
292. Радыгин А., Энтов Р. В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX–XXI вв.) //Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 4–27.
293. Радыгин А., Энтов Р. Провалы государства»: теория и политика //Вопросы экономики. 2012. Т. 12. С. 4–30.
294. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. — 384 с.
295. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб: Издательство: Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 343 с.
296. Росс М. Нефтяное проклятие: как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 464 с.
297. Ростислав К. В. Экономико-географическое положение как фактор различий в производительности между регионами России //Региональные исследования. 2020. № 3. С. 79–91.
298. Ростислав К.В., Пономарев Ю. Ю. Выявление наиболее значимых с точки зрения транспортных связей городов в России как инструмент противодействия распространению COVID-19 //Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 8. С. 58–69.
299. Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М.: Центр. т-во "Кооперативное изд-во", 1922. 52 с.
300. Рыбников А.А. Мелкая промышленность России Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923

301. Салимова Д.Р., Царева Ю.В., Земцов С.П. Влияют ли новые предприятия на рост занятости в регионах России: кратко-и среднесрочные эффекты // Вопросы экономики. 2023. № 3. С. 102–125.
302. Сараев В.В., Медовников Д.С., Розмирович С.Д., Оганесян Т.К., Мамедьяров З.А., Костина Г.А., Механик А.Г., Рубан О.Л., Рыцарева Е.К., Степанов А.К., Чеховский И.В. Рождение корпоративных экосистем. — М.: «Иннопрактика», 2020. 86 с.
303. Саушкин Ю. Г., Смирнов А. М. Геосистемы и геоструктуры // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1968. № 5. С. 27–32.
304. Семенова Р.И., Земцов С.П., Петряева А.В. Развитие STEAM-образования как способ адаптации экономики России к внешним шокам // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 3. С. 108–136.
305. Семенова Р.И., Земцов С.П., Полякова П.Н. STEAM-образование и занятость в информационных технологиях как факторы адаптации к цифровой трансформации экономики в регионах России // Инновации. 2019. № 10 (252). С. 58–70.
306. Симачев Ю.В., Акиндинова Н.В., Яковлев А.А., Данильцев А.В., Кузык М.Г., Куценко Е.С., Глазатова М.К. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28.
307. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Фейгина В.В. (2014). Государственная поддержка инноваций в России: что можно сказать о воздействии на компании налоговых и финансовых механизмов? Российский журнал менеджмента, Т. 12. №1. С. 7–38.
308. Смирнов С.В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012: препринт WP2/2012/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
309. Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. – М.: Мысль, 1989. 226 с.
310. Смирнягин Л.В. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика. 2016. № 4. С. 84–105.
311. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I—III). / Пер. с англ, вводная статья и комментарии Е. М. Майбурда. — М.: Наука. 1992. — 572 с
312. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. №6. С. 52–67.
313. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е. (2014). Генерация благоприятной институциональной конфигурации региональной деловой среды // Экономика региона. № 4. С. 271–282.
314. Сочава В.Б. Учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука, 1975 320 с.
315. Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В., Интигринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. - М.: ИД «Дело»; РАНХиГС, 2011. 328 с.
316. Струве П Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. СПб., 1894.

317. Сухарев О.С. Управление инфляцией и адекватность таргетирования политике экономического роста //Управленец. 2020. Т. 11. № 1. С. 33–44.
318. Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. М.: Мысль. 2004. Том 1. С. 397–406
319. Тамбовцев В. Л. Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 1.
320. Тамбовцев В.Л., Валитова Л.А. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 18–31.
321. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис //Экономика региона. 2011. № 1. С. 15–23.
322. Титов Б. (ред.). Специальный доклад Президенту Российской Федерации — 2021. МСП/постковид. Время для системных решений. - Москва: Институт экономического роста им. Столыпина П.А. 2021. URL: [http:// doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf](http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf)
323. Толмачев Д.Е., Чукавина К.В. Технологическое предпринимательство в российских регионах: образовательные и географические траектории основателей стартапов //Экономика региона. 2020. Т. 16. № 2. С. 420–434.
324. Травин Д. Русская ловушка. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 448 с.
325. Трейвиш А. Город, район, страна и мир: развитие России глазами страновед— М.: Новый Хронограф, 2009. 369 с.
326. Трушкова Е.А. Региональная неоднородность адаптаций к внешним вызовам: методологические особенности оценки // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 6. С. 214–230.
327. Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М.: "Наука", 1997. - 735 с.
328. Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Изд-во УРАГС, 2010
329. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2006. 782 с.
330. Тюнен И. Г. «Изолированное государство». Москва, «Экономическая жизнь», 1926. 326 с.
331. Тюрчев К.С., Милова К.Е. Что нужно стартапу? Региональные факторы развития малого технологического бизнеса в России //Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 105. С. 207–231.
332. Узун В., Шагайда Н., Гатаулина Е., Шишкина Е. Холдингизация агробизнеса России. – М.: Дело, 2022. 344 с.
333. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Пер. с англ. — СПб.: Лениздат; CEV Press. 1996. — 702 с.
334. Ушкалова Д.И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 3. № 55. С. 218–226.

335. Федоров В. А. (сост.) Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи. М.: Изд во МГУ, 1994. 528 с.
336. Федюнина А.А., Юревич М.А., Городный Н.А. Пандемия, санкции и беспокойство в регионах России: наукастинг ожиданий деловой активности // Вопросы экономики. 2024. №3. С. 96–119.
337. Фрейнкман Л., Яковлев А. Агентство стратегических инициатив как институт развития нового типа // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 18–39.
338. Хван В., Хоровитт Г. Тропический лес. Секрет создания следующей Силиконовой долины / пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Издательство Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники. 2012. 336 с.
339. Хмелева Г.А., Гришанин М.В., Рахмаков Д.А. Стрессоустойчивость экономики российских регионов в условиях санкций // Экономическая безопасность. 2024. Том 7. № 8. С. 2067–2084.
340. Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России: учеб. пособие. – М.: ПРИОР, 2002.
341. Чаянов А В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. — М.: Экономика, 1989. — 492 с.
342. Чепуренко А., Сутормина А. Предпринимательский университет в России: пересборка? // Общество и экономика. 2024. №4. С. 82–107.
343. Чепуренко А.Ю. (ред.) Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010) // М.: Высшая школа. 2013. 526 с.
344. Чепуренко А.Ю. Как и зачем обучать студентов предпринимательству: полемические заметки // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 248–276.
345. Чепуренко А.Ю. Предпринимательство как сфера социальных исследований: Россия и международный опыт // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 32–49.
346. Чепуренко А.Ю. Совмещающая универсальные концепции с национальной спецификой: поддержка малого и среднего предпринимательства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 7–30.
347. Чепуренко А.Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. Т. 2. № 13. С. 102–124.
348. Чепуренко А.Ю., Яковлев А.А. Теория предпринимательства: важность контекста // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. №2. С. 51–60.
349. Чепуренко А.Ю., Ясин Е.Г., Буев В.В., Шестоперов О. М. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее — М.: Новое издательство. 2004. — 269 с.
350. Чистяков П.А., Дмитриев М.Э., Ромашина А.А. Роль пространственной политики в ускорении экономического роста // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 31–47.

351. Чистяков П.А., Ромашина А.А., Петросян А.Н., Шевчук Е.И., Бабурин В.Л. Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 4. С. 58–68.
352. Шараев Ю. В. Теория экономического роста. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. — 254 с.
353. Шаститко А., Голованова С., Крючкова П., Курдин А., Новиков В., Овчинников М., Павлова Н. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики (Экспертно-аналитический доклад РАНХиГС). Экономическая политика. 2012. №6. С. 5–53.
354. Шаститко А.Е. Институциональная среда предпринимательской деятельности (стимулы, ограничения, стратегии развития) // Общественные науки и современность. — 2008. — № 2. — С. 24–35.
355. Шаститко А.Е. Конкурентоспособность региона: содержание, факторы, политика // Балтийский регион. 2009. № 1.
356. Шклярук М., Скугаревский Д., Дмитриева А., Скифский И., Бегтин И. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. СПб.; М.: Норма, 2015. 122 с.
357. Шкредов В.П. Деньги, предпринимательство, государство. — М.: ТЕИС, 1999
358. Штерцер Т.А. Роль человеческого капитала в экономическом развитии регионов РФ // Мир экономики и управления. 2006. №6 (2). С. 37–51.
359. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008
360. Шупер, В.А. Самоорганизация городского расселения. Москва: Рос. открытый ун-т, 1995. 166 с.
361. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем. 1872–1887. СПб: Наука, 1999. 725 с.
362. Юданов А.Ю. Носители предпринимательства: фирмы-газели в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 5. С. 91–108.
363. Юданов А.Ю. Тридцать лет спустя, или снова о биологическом подходе к конкуренции // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 4. С. 21–44.
364. Юданов А.Ю., Яковлев А.А. "Неортодоксальные" быстрорастущие фирмы-"газели" и порядок ограниченного доступа // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 80–101.
365. Юсупова А.Т., Халимова С.Р. Характеристики, особенности развития, региональные и отраслевые детерминанты высокотехнологичного бизнеса в России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 142–154.
366. Яковец Ю.В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М.: Экономика. 1984. 240 с.
367. Яковлев А. А. и др. Элитный консенсус и экономическое развитие региона: опыт Республики Татарстан // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 180–217.
368. Яковлев А., Гончар К. Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 32–54.

369. Яковлев А., Симачев Ю., Данилов Ю. Российская корпорация: модели поведения в условиях кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 70–82.
370. Яковлев А.А. Агенты модернизации. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2006. 432 с.
371. Яковлев А.А., Голикова В.В., Капралова Н.Л. Российские «Челноки» от предпринимателей поневоле к интеграции в рыночное хозяйство // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16. № 2. С. 84–106.
372. Яковлев А.А., Фрейнкман Л.М., Иванов Д.С. Новые возможности и инструменты региональной структурной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 3. С. 162–169.
373. Яковлев В.М. Конструктивное предпринимательство – М.: Изд.-полигр. агентство "ТриЛ". 1994. 232 с.
374. Яковлев В.М. Конструктивное предпринимательство как механизм преодоления рисков негативного влияния экономических санкций // Путеводитель предпринимателя. 2018. № 39. С. 196–209.
375. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики: Избр. тр. в 3 кн. - М.: Наука, 2000. 398 с.
376. Acemoglu D. Credit market imperfections and persistent unemployment // NBER Working Paper No 7938. 2000. P. 1–20
377. Acemoglu D. Introduction to modern economic growth. Princeton: Princeton University Press, 2008. 1008 p.
378. Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // NBER WP. 2002. N 9066. Washington.
379. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economics Growth. 2005.
380. Acemoglu D., Restrepo P. Automation and new tasks: How technology displaces and reinstates labor // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. № 2. P. 3-30.
381. Acemoglu D., Robinson J. A., Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty. New York: Crown Publishers, 2012. 544 p.
382. Acs Z. J., Autio E., Szerb L. National systems of entrepreneurship: Measurement issues and policy implications // Research policy. 2014. Vol. 43. № 3. P. 476-494.
383. Acs Z. J., Sanders M. Patents, knowledge spillovers, and entrepreneurship // Small business economics. 2012. Vol. 39. P. 801-817.
384. Acs Z., Astebro T., Audretsch D., Robinson, D. Public policy to promote entrepreneurship: a call to arms // Small business economics. 2016. Vol. 47. P. 35-51.
385. Acs Z., Audretsch D. (ed.) Handbook of Entrepreneurship Research: An Inter-disciplinary Survey and Introduction. New York: Springer, 2010.
386. Acs Z., Stam E., Audretsch D., O'Connor A. The lineages of the entrepreneurial ecosystem approach // Small Business Economics. 2017. Vol. 49. P. 1-10.
387. Acs, Z.J., Desai, S., Hessels, J. Entrepreneurship, economic development and institutions / Z.J. Acs, S. Desai, J. Hessels // Small Business Economics. 2008. No 31 (3). P. 219–234

388. Adamaitis S.A. The role of industrial and technology parks in the socioeconomic development of Russian regions // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. P. 648–655.
389. Ageev A. I., Gratchev M. V., Hisrich R. D. Entrepreneurship in the Soviet Union and post-socialist Russia // *Small Business Economics*. 1995. Vol. 7. P. 365-376.
390. Aghion P. M., Howitt P. W. A Model of Growth Through Creative Destruction // *Econometrica*. 1992. Vol. 60. № 2. P. 323—351.
391. Aidis R. Institutional barriers to small-and medium-sized enterprise operations in transition countries // *Small business economics*. 2005. Vol. 25. P. 305-317.
392. Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T. Institutions and entrepreneurship development in Russia: A comparative perspective // *Journal of business Venturing*. 2008. Vol. 23. № 6. P. 656-672.
393. Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T. Institutions, finance and the level of development: the impact on entrepreneurship in transition // *Review of economics and institutions*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 1-26
394. Alexeev M., Chernyavskiy A. The impact of institutional quality on manufacturing sectors: A panel data analysis // *Economic Systems*. 2021. Vol. 45. № 3. P. 100891.
395. Alexeev M., Habodaszova L. Fiscal decentralization, corruption, and the shadow economy // *Public Finance and Management*. 2012. Vol. 12. № 1. P. 74–99.
396. Alexeev M., Natkhov T., Polishchuk L. Institutions, abilities, and the allocation of talent: Evidence from Russian regions // *Journal of Comparative Economics*. 2024. Vol. 52. № 1. P. 271-296.
397. Altenburg T. Linkages and spillovers between transnational corporations and small and medium-sized enterprises in developing countries: Opportunities and policies. Berlin: German development institute, 2000. 49 p.
398. Alvord D. R. What matters to Kansas: Small business and the defeat of the Kansas tax experiment // *Politics & Society*. 2020. Vol. 48. № 1. C. 27–66.
399. Andersson M., Koster S. Sources of persistence in regional start-up rates—evidence from Sweden // *Journal of Economic Geography*. 2011. Vol. 11. № 1. P. 179-201.
400. Angelino P., Czarnitzki D., Volckaert A. Cluster policy, innovation, and firm productivity. An econometric assessment of the Flemish Spearhead Cluster program // *FEB Research Report MSI_2404*. 2024. 35 p.
401. Anokhin S., Schulze W. S. Entrepreneurship, innovation, and corruption // *Journal of business venturing*. 2009. Vol. 24. № 5. P. 465-476.
402. Anselin L. Local indicators of spatial association—LISA // *Geographical analysis*. 1995. Vol. 27. № 2. P. 93-115.
403. Aparicio S., Urbano D., Audretsch D. Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: Panel data evidence // *Technological forecasting and social change*. 2016. Vol. 102. P. 45-61.

404. Arshed N., Barinova V., Do H., Drummond I., Li X., Mazwai T., Mitsui I., Ndemo B., Piasecki B., Potter J., Rogut A., Smallbone D., Storey D., Xheneti M., Xu J., Zemtsov S. Research Agenda for Entrepreneurship Policy. Ed. by Smallbone D., Welter F. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. 224 p.
405. Asheim B. T., Smith H. L., Oughton C. Regional innovation systems: Theory, empirics and policy // *Regional studies*. 2011. Vol. 45. № 7. P. 875-891.
406. Audretsch D. B., Belitski M. Entrepreneurial ecosystems in cities: establishing the framework conditions // *The Journal of Technology Transfer*. 2017. Vol. 42. № 5. P. 1030-1051.
407. Audretsch D. B., Belitski M. Three-ring entrepreneurial university: in search of a new business model // *Studies in Higher Education*. 2021. Vol. 46. № 5. P. 977-987.
408. Audretsch D. B., Fritsch M. The geography of firm births in Germany // *Regional studies*. 1994. Vol. 28. № 4. P. 359-365.
409. Audretsch D. B., Keilbach M. C., Lehmann E. E. Entrepreneurship and economic growth. Oxford University Press. 2006.
410. Audretsch D. B., Keilbach M. Entrepreneurship and regional growth: an evolutionary interpretation // *Journal of evolutionary economics*. 2004. Vol. 14. P. 605-616.
411. Audretsch D. B., Keilbach M. Entrepreneurship capital and regional growth // *The Annals of Regional Science*. 2005. Vol. 39. P. 457-469.
412. Audretsch D. B., Keilbach M. Resolving the knowledge paradox: knowledge-spillover entrepreneurship and economic growth // *Research Policy*. 2008. Vol. 37. № 10. P. 1697-1705.
413. Audretsch D. B., Lehmann E. E. Does the knowledge spillover theory of entrepreneurship hold for regions? // *Research policy*. 2005. Vol. 34. №8. P. 1191-1202.
414. Audretsch D. B., Thurik A. R. Capitalism and democracy in the 21st century: from the managed to the entrepreneurial economy // *Journal of evolutionary economics*. 2000. Vol. 10. P. 17-34.
415. Audretsch D., Belitski M. (Ed.) *Developments in Entrepreneurial Finance and Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. 320 p.
416. Audretsch D., Keilbach M. Entrepreneurship capital and economic performance // *Regional studies*. 2004. Vol. 38. № 8. P. 949-959.
417. Autio E. High-growth SME support initiatives in nine countries: Analysis, categorization, and recommendations. Report prepared for the Finnish Ministry of Trade and Industry. 2007
418. Autio E., Fu K. Economic and political institutions and entry into formal and informal entrepreneurship // *Asia Pacific Journal of Management*. 2015. Vol. 32. P. 67-94.
419. Bais J., Van Der Hoeven W. H. M., Verhoeven W. H. J. Determinanten van zelfstandig ondernemerschap // Den Haag: OSA (in Dutch). 1995.
420. Baldwin J., Gorecki P. *The Dynamics of Industrial Competition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
421. Barinova V. A., Zemtsov S. P. From Direct SMEs' Support to Entrepreneurship Policy in Russia: Why Do Regional Entrepreneurial Ecosystems Matter? // *Regional Research of Russia*. 2023. Vol. 13. № 3. P. 440-457.

422. Barinova V. A., Zemtsov S. P. Inclusive growth and regional sustainability of Russia // *Regional research of Russia*. 2020. Vol. 10. P. 10-19.
423. Barinova V., Rochhia S., Zemtsov S. Attracting highly skilled migrants to the Russian regions // *Regional Science Policy & Practice*. 2022. Vol. 14. № 1. P. 147-174.
424. Bass F. A new product growth model for consumer durables. // *Management Science* 15 (5). 1969. P. 215–227
425. Batjargal B. Social capital and entrepreneurial performance in Russia: A longitudinal study // *Organization studies*. 2003. Vol. 24. № 4. P. 535–556.
426. Baum J. R., Frese M., Baron R. A. Born to be an entrepreneur? Revisiting the personality approach to entrepreneurship // *The psychology of entrepreneurship*. Psychology Press, 2014. P. 73–98.
427. Baumol W. J. Entrepreneurship, management, and the structure of payoffs. London: The MIT Press, 1993. 230 p.
428. Baumol W. J. Entrepreneurship: Productive, unproductive, and destructive // *Journal of business venturing*. 1996. Vol. 11. № 1. P. 3–22.
429. Baumol W. J. The microtheory of innovative entrepreneurship. Cambridge: Princeton University Press. 2010. 310 p.
430. Beaudry C., Schiffauerova A. Who's right, Marshall or Jacobs? The localization versus urbanization debate // *Research policy*. 2009. Vol. 38. № 2. P. 318–337.
431. Becattini G. Industrial districts: A new approach to industrial change. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2004. 224 p.
432. Becker S., Woessmann L. Was Weber wrong? A human capital theory of Protestant economic history // *The quarterly journal of economics*. 2009. Vol. 124. № 2. P. 531–596.
433. Belitski M., Desai S. What drives ICT clustering in European cities? // *The Journal of Technology Transfer*. 2016. Vol. 41. P. 430–450.
434. Belitski M., Desai S., Godley A. Small business and poverty: evidence from post-Soviet cities // *Regional Studies*. 2021. Vol. 55. № 5. P. 921–935.
435. Belitski M., Tsareva Y., Zemtsov S. Geography and persistence of entrepreneurship in Russia // *Regional Studies*. 2024. Vol. 58. № 5. P. 1076–1095.
436. Benavente J.M., Crespi G. The Impact of an Associative Strategy (the PROFO Program) on Small and Medium Enterprises in Chile // *SPRU Working Paper Series 88*, SPRU – Science and Technology Policy Research, University of Sussex, 2003
437. Bennett R. SME policy support in Britain since the 1990s: what have we learnt? // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2008. Vol. 26. № 2. P. 375–397.
438. Berger T., Frey C.B. Industrial renewal in the 21st century: evidence from US cities // *Regional Studies*. 2017. Vol. 51. № 3. P. 404–413.
439. Birch D., Haggerty A., Parsons W. Who's Creating Jobs? Cambridge, MA: Cognetics? 1997. 54 p.

440. Blundell R., Bond S., Windmeijer F. Estimation in dynamic panel data models: improving on the performance of the standard GMM estimator // *Nonstationary panels, panel cointegration, and dynamic panels*. 2001. P. 53-91.
441. Boschma R. Path creation, path dependence and regional development // *Path Dependence and the Evolution of City Regional Economies, Working Paper Series*. 2007. Vol. 197. № 3. C. 40–55.
442. Boschma R. Proximity and innovation: a critical assessment // *Regional study*. 2005. Vol. 39. № 1. P. 61–74.
443. Boschma R. Towards an evolutionary perspective on regional resilience // *Evolutionary Economic Geography*. Routledge, 2017. P. 29–47.
444. Bosma N., Content J., Sanders M. Institutions, entrepreneurship, and economic growth in Europe // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 51. P. 483–499.
445. Bosma N., Levie J. Global Entrepreneurship Monitor: 2009 Executive Report. GERA, 2010.
446. Bosma N., Schutjens V. Understanding regional variation in entrepreneurial activity and entrepreneurial attitude in Europe // *The Annals of regional science*. 2011. Vol. 47. P. 711–742.
447. Boudeville J. R. Problems of regional economic planning. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1968. 360 p.
448. Bozhechkova A.V., Dzhunkeev U.K., Didenko D.V., Konchakov R.B. Human capital and economic development of Russian regions, with special reference to long-term historical dynamics // *Terra Economicus*. 2003. Vol. 22. № 2. P. 60–76.
449. Bramwell A., Wolfe D. A. Universities and regional economic development: The entrepreneurial University of Waterloo // *Research policy*. 2008. Vol. 37. № 8. P. 1175-1187.
450. Bristow G., Healy A. Regional resilience: an agency perspective // *Handbook on regional economic resilience*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2020. P. 36–53.
451. Broadberry S., Korchmina E. Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s-1880s. London: CEPR Discussion Paper DP17458, 2022. 68 p.
452. Brockhaus R. H. The psychology of the entrepreneur // *University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship*. 1982.
453. Brown D., Fay M., Lall S., Wang H., Felkner J. Death of distance? Economic implications of infrastructure improvement in Russia // *Eib Papers*. 2008. Vol. 13. № 2. P. 126–148.
454. Brunn S., Gilbreath D (Ed.) COVID-19 and a World of Ad Hoc Geographies. Cham: Springer, 2022.
455. Buggle J. C., Nafziger S. The slow road from serfdom: labor coercion and long-run development in the former Russian Empire // *Review of Economics and Statistics*. 2021. Vol. 103. № 1. P. 1–17.
456. Bygrave W. D., Hofer C. W. Theorizing about entrepreneurship // *Entrepreneurship theory and Practice*. 1992. Vol. 16. № 2. P. 13–22.

457. Camagni R., Capello R. Regional competitiveness and territorial capital: a conceptual approach and empirical evidence from the European Union // *Regional studies*. 2013. Vol. 47. № 9. P. 1383–1402.
458. Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G. *Analysis for policy: evidence-based policy in practice*. London: Government Social Research Unit, 2007
459. Capello R., Nijkamp P. (ed.). *Handbook of regional growth and development theories: revised and extended second edition*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. 542 p.
460. Carlsson B., Acs Z.J., Audretsch D.B., Braunerhjelm P. The knowledge filter, entrepreneurship, and economic growth. *Jena Economic Research Paper*, 2007. №2007-057.
461. Carree M. A., Thurik A. R. The impact of entrepreneurship on economic growth. *Handbook of Entrepreneurship Research*. – New York: Springer. 2010. Vol 1. P. 557–594.
462. Cavallo A., Ghezzi A., Balocco R. Entrepreneurial ecosystem research: Present debates and future directions // *International entrepreneurship and management journal*. 2019. Vol. 15. P. 1291–1321.
463. Chan K.Y. et al. Entrepreneurship, professionalism, leadership: A framework and measure for understanding boundaryless careers // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. Vol. 81. №. 1. P. 73-88.
464. Charlot S., Crescenzi R., Musolesi A. Econometric modelling of the regional knowledge production function in Europe // *Journal of Economic Geography*. 2015. Vol. 15. № 6. P. 1227–1259.
465. Chatterji A., Glaeser E., Kerr W. Clusters of entrepreneurship and innovation // *Innovation policy and the economy*. 2014. Vol. 14. № 1. C. 129–166.
466. Chatterton P. The cultural role of universities in the community: Revisiting the university—community debate // *Environment and planning A*. 2000. Vol. 32. № 1. P. 165-181.
467. Chaudhary N., Potter J. Evaluation of the local employment impacts of enterprise zones: A critique // *Urban Studies*. 2019. Vol. 56. № 10. C. 2112–2159.
468. Chepurenko A. Entrepreneurship and SME Policies in the 21st Century – The example of Russia. In: Smallbone, D., Welter, F. (eds.), *Handbook of Research on Entrepreneurship Policies in Central and Eastern Europe*. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. Pp. 190-209.
469. Chepurenko A. Entrepreneurship Ecosystems in PostSocialist Economies. *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13. № 4. P. 6–8.
470. Chepurenko A., Kristalova M., Wyrvich M. Historical and Institutional Determinants of Universities' Role in Fostering Entrepreneurship. *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13. № 4. P. 48-59.
471. Chepurenko A., Popovskaya E., Obraztsova O. Cross-regional variations in the motivation of early-stage entrepreneurial activity in Russia: Determining factors // *Entrepreneurship in transition economies: Diversity, trends, and perspectives*. 2017. P. 315-342.

472. Chepurenko A., Sauka A. (ed.). *Entrepreneurship in Transition Economies*. Munich: Springer. 2017
473. Chepurenko A., Vilenskiy A. SME policy of the Russian state (1990–2015): from a “generalist” to a “paternalist” approach. Working Paper WP1/2016/02 Series WP1 Institutional Problems of Russian Economy, 2016.
474. Chernina E., Dower P. C., Markevich A. Property rights, land liquidity, and internal migration // *Journal of Development Economics*. 2014. Vol. 110. P. 191-215.
475. Christensen C. *The innovator's dilemma: when new technologies cause great firms to fail*. Brighton: Harvard Business Review Press, 2015. 215 p.
476. Combes P.P., Thisse J.F., Mayer T. *Economic geography: The integration of regions and nations*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 418
477. Conlon G., Litchfield L. *Assessing the Deadweight Loss Associated with Public Investment in Further Education and Skills* (BIS Research paper No. 71). London: Department for Business, Innovation and Skills, 2012. 56 p.
478. Content J., Frenken K., Jordaan J. A. Does related variety foster regional entrepreneurship? Evidence from European regions // *Regional Studies*. 2019. №11. P. 1531–1543.
479. Cooke P., Schwartz D. *Creative regions: technology, culture and knowledge entrepreneurship*. Routledge, London, 2007.
480. Cooke P. Regional innovation systems: competitive regulation in the new Europe // *Geoforum*. 1992. Vol. 23. № 3. P. 365-382.
481. Cooper A. C. The role of incubator organizations in the founding of growth-oriented firms // *Journal of business Venturing*. 1985. Vol. 1. № 1. P. 75-86.
482. Cornet M., Vroomen B., van der Steeg M. Do innovation vouchers help SMEs to cross the bridge towards science? CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, 2006. Vol. 58. P. 5-49.
483. Craig B. R., Jackson W. E., Thomson J. B. Credit market failure intervention: Do government sponsored small business credit programs enrich poorer areas? // *Small Business Economics*. 2008. Vol. 30. P. 345-360.
484. Criscuolo C., Gal P.N., Menon C. *The dynamics of employment growth: New evidence from 18 countries* OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. Paris: OECD Publishing, 2014. № 14. 96 p.
485. Criscuolo C., Martin R., Overman H., Van Reenen J. *The Effects of Industrial Policy on Corporate Performance: Evidence from Panel Data*. London: London School of Economics Center for Economic Performance, 2007. 101 p.
486. Cullen A. M. The small business set-aside program: Where achievement means consistently failing to meet small business contracting goals // *Public Contract Law Journal*. 2012. P. 703-720.
487. Cumming D. J., Grilli L., Murtinu S. Governmental and independent venture capital investments in Europe: A firm-level performance analysis // *Journal of corporate finance*. 2017. Vol. 42. P. 439-459.

488. Cumming D., Dai N. Local bias in venture capital investments // *Journal of empirical finance*. 2010. Vol. 17. № 3. P. 362-380.
489. Dabney D. Y. Do enterprise zone incentives affect business location decisions? // *Economic Development Quarterly*. 1991. Vol. 5. № 4. C. 325–334.
490. Dahlke J., Bogner K., Becker M., Schlaile M.P., Pyka A., Ebersberger B. Crisis-driven innovation and fundamental human needs: A typological framework of rapid-response COVID-19 innovations *Technological Forecasting Social Change*. 2021. Vol. 169. P. 1-23.
491. Dalio R. Principles for dealing with the changing world order: Why nations succeed or fail. New York: Simon and Schuster, 2021. 576 p.
492. Decker S., Estrin S., Mickiewicz T. The tangled historical roots of entrepreneurial growth aspirations // *Strategic entrepreneurship journal*. 2020. Vol. 14. № 4. P. 616-638.
493. Del Monte A., Pennacchio L. Historical roots of regional entrepreneurship: The role of knowledge and creativity // *Small Business Economics*. 2020. Vol. 55. P. 1-22.
494. Delgado M., Porter M. E., Stern S. Clusters and entrepreneurship // *Journal of economic geography*. 2010. Vol. 10. № 4. P. 495-518.
495. Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: A Short History of Everybody for the Last 13,000 Years*. London: Vintage, 1997. 457 p.
496. Didenko D., Földvári P., Van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. № 2. P. 123-135.
497. Djankov S. The regulation of entry: A survey // *The World Bank Research Observer*. 2009. Vol. 24. № 2. P. 183-203.
498. Djankov S., Ganser T., McLiesh C., Ramalho R., Shleifer A. The effect of corporate taxes on investment and entrepreneurship // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2010. Vol. 2. № 3. P. 31-64.
499. Djankov S., McLiesh C., Ramalho R. M. Regulation and growth // *Economics letters*. 2006. Vol. 92. № 3. P. 395-401.
500. Djankov S., Miguel E., Qian Y., Roland G., Zhuravskaya E. Who are Russia's entrepreneurs? *Journal of the European Economic Association*. 2005. Vol. 3. № 2-3. P. 587-597.
501. Djankov S., Montalvo J. G., Reynal-Querol M. The curse of aid // *Journal of economic growth*. 2008. Vol. 13. P. 169–194.
502. Dobrynskaya V., Turkisch E. Economic diversification and Dutch disease in Russia // *Post-Communist Economies*. 2010. Vol. 22. № 3. P. 283-302.
503. Drucker P. *Innovation and entrepreneurship*. Routledge. 2014.
504. Dunn J., Siodla J. *Ghost Towns and Big Cities: Historical Mining and Economic Activity in the American West*. 2024.
505. Dvouletý O., Fernandez De Arroyabe Fernandez J. C., Mustafa M. Entrepreneurship during the times of COVID-19 pandemic: Challenges and consequences // *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2021. Vol. 13. № 4. P. 489-496.

506. Dvouletý O., Srhoj S., Pantea S. Public SME grants and firm performance in European Union: A systematic review of empirical evidence // *Small Business Economics*. 2021. Vol. 57. № 1. P. 243-263.
507. Eberle J., Boeing P. Effects of R&D subsidies on regional economic dynamics: Evidence from Chinese provinces // *ZEW-Centre for European Economic Research Discussion Paper*. 2019. № 19-038.
508. Eggers F. Masters of disasters? Challenges and opportunities for SMEs in times of crisis // *Journal of business Research*. 2020. Vol. 116. P. 199-208.
509. Einiö E., Overman H. The (displacement) effects of spatially targeted enterprise initiatives: Evidence from UK LEGI. Valtion taloudellinen tutkimuskeskus VATT, 2016.
510. Ejdemo T., Örtqvist D. Related variety as a driver of regional innovation and entrepreneurship: A moderated and mediated model with non-linear effects // *Research Policy*. 2020. Vol. 49. № 7. P. 104073.
511. Ellison G., Glaeser E. L. Geographic concentration in US manufacturing industries: a dashboard approach // *Journal of political economy*. 1997. Vol. 105. №. 5. P. 889-927.
512. Erikson T. Entrepreneurial capital: the emerging venture's most important asset and competitive advantage // *Journal of business venturing*. 2002. Vol. 17. № 3. P. 275-290.
513. Eriksson R., Rataj M. The geography of starts-ups in Sweden. The role of human capital, social capital and agglomeration // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2019. Vol. 31. № 9-10. P. 735-754.
514. Estrin S., Mickiewicz T. Entrepreneurship in transition economies: The role of institutions and generational change. In: Minniti, M. (ed.), *The dynamics of entrepreneurship: evidence from the global entrepreneurship monitor data*, Oxford: Oxford University Press, 2010. Pp. 181-208.
515. Falck O., Heblich S., Kipar S. Industrial innovation: Direct evidence from a cluster-oriented policy // *Regional Science and Urban Economics*. 2010. Vol. 40. № 6. P. 574-582.
516. Feld B. *Startup Communities: Building an Entrepreneurial Ecosystem in Your City*. New York: Wiley, 2012. 101 p.
517. Feldman M., Francis J., Bercovitz J. (2005) Creating a cluster while building a firm: Entrepreneurs and the formation of industrial clusters // *Regional Studies*. No 39(1). P. 129-141
518. Fischer M., Nijkamp P. (ed.) *Handbook of Regional Science*. Heidelberg: Springer, 2014. 1732 p.
519. Florida R. *The new urban crisis: Gentrification, housing bubbles, growing inequality, and what we can do about it*. Simon and Schuster, 2017.
520. Florida R., Mellander C., Stolarick K. Inside the black box of regional development—human capital, the creative class and tolerance // *Journal of economic geography*. 2008. Vol. 8. № 5. P. 615-649.
521. Foray D. From smart specialisation to smart specialisation policy // *European Journal of Innovation Management*. 2014. Vol. 17. № 4. P. 492-507.
522. Fossen F. M., Sorgner A. Digitalization of work and entry into entrepreneurship // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 125. P. 548-563.

523. Fossen F., Martin T. Entrepreneurial Spillovers over Space and Time. DIW Discussion Papers. 2016. No. 1618.
524. Foster L., Haltiwanger J., and Krizian C.J. Market selection, reallocation, and restructuring in the US retail trade sector in the 1990s // *Review of Economics and Statistics*. 2006. № 4. p. 748-758.
525. Freeman C. Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development. In: "The LongWave Debate". 1987. P. 295—309.
526. Freeman C., Louçã F. *As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 424 p.
527. Freinkman L., Yakovlev A. Institutional frameworks to support regulatory reform in middle-income economies: lessons from Russia's recent experience // *Post-Communist Economies*. 2015. Vol. 27. № 3. P. 354-369.
528. Freytag A., Thurik R. Entrepreneurship and its determinants in a cross-country setting // *Journal of evolutionary Economics*. 2007. Vol. 17. P. 117–131.
529. Frick S. A., Rodríguez-Pose A. Are special economic zones in emerging countries a catalyst for the growth of surrounding areas? // *Transnational Corporations Journal*. 2019. Vol. 26. № 2.
530. Friedman J. General historical and culturally specific properties of global systems // *Review (Fernand Braudel Center)*. 1992. P. 335-372.
531. Friedman J. J. The effects of industrial structure and resources upon the distribution of fast-growing small firms among US urbanised areas // *Urban Studies*. 1995. Vol. 32. № 6. P. 863-883.
532. Friedmann J. *Regional development policy: a case study of Venezuela*. Cambridge, Massachusetts: MIT. Press, 1966. 320 p.
533. Fritsch M. Regional differences in new firm formation: Evidence from West Germany // *Regional studies*. 1992. Vol. 26. № 3. P. 233-241.
534. Fritsch M., Aamoucke R. Regional public research, higher education, and innovative start-ups: An empirical investigation // *Small Business Economics*. 2013. Vol. 41. P. 865-885.
535. Fritsch M., Falck O. New business formation by industry over space and time: a multidimensional analysis // *Regional study*. 2007. Vol. 41. № 2. P. 157-172.
536. Fritsch M., Greve M., Wyrwich M. The long-run effects of communism and transition to a market system on self-employment: The case of Germany // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2023. Vol. 47. № 5. P. 1594-1616.
537. Fritsch M., Mueller P. Effects of new business formation on regional development over time // *Regional Studies*. 2004. Vol. 38. № 8. P. 961-975.
538. Fritsch M., Mueller P. The persistence of regional new business formation-activity over time—assessing the potential of policy promotion programs // *Journal of Evolutionary Economics*. 2007. Vol. 17. P. 299-315.

539. Fritsch M., Obschonka M., Wahl F., Wyrwich M. Cultural Imprinting: Ancient Origins of Entrepreneurship and Innovation in Germany // *Jena Economic Research Papers*. 2021. Vol. 2021. № 12.
540. Fritsch M., Pylak K., Wyrwich M. Historical roots of entrepreneurship in different regional contexts—the case of Poland // *Small Business Economics*. 2022. Vol. 59. № 1. P. 397-412.
541. Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M. Zazdravnykh E. Historical shocks and persistence of economic activity: Evidence on self-employment from a unique natural experiment // *Regional Studies*. 2019. Vol. 53. № 6. P. 790-802.
542. Fritsch M., Storey D. J. Entrepreneurship in a regional context: Historical roots, recent developments and future challenges // *Entrepreneurship in a Regional Context*. 2017. P. 1-16.
543. Fritsch M., Wyrwich M. Entrepreneurship in the long-run: Empirical evidence and historical mechanisms // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. 2023. Vol. 19. № 1. P. 1-125.
544. Fritsch M., Wyrwich M. Regional emergence of start-ups in information technologies: The role of knowledge, skills and opportunities // *Форсайт*. 2019. Vol. 13. № 2 (eng). P. 62-71.
545. Fritsch M., Wyrwich M. Regional knowledge, entrepreneurial culture, and innovative start-ups over time and space—an empirical investigation // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 51. P. 337-353.
546. Fritsch M., Wyrwich M. The long persistence of regional levels of entrepreneurship: Germany, 1925—2005 // *Entrepreneurship in a Regional Context*. Routledge, 2017. P. 17-35.
547. Fritsch M., Wyrwich M. The long persistence of regional levels of entrepreneurship: Germany. 1925–2005 // *Regional Studies*. 2014. Vol. 48. № 6. P. 955-973
548. Fritsch, M., Bublitz, E., Sorgner, A. Wyrwich, M. (2014). How much of a socialist legacy? The re-emergence of entrepreneurship in the East German transformation to a market economy. *Small Business Economics*. 2014. Vol. 43. P. 427-446.
549. Fujita M., Krugman P. R., Venables A. J. The spatial economy: Cities, regions, and international trade. Boston: MIT Press, 2001.
550. Fujita M., Thisse J. F. Does geographical agglomeration foster economic growth? And who gains and losses from it? // *The Japanese Economic Review*. 2003. Vol. 54. № 2. P. 121–145.
551. Gabaix X. Zipf's law for cities: an explanation // *The Quarterly journal of economics*. 1999. Vol. 114. № 3. P. 739-767.
552. Garnsey E., Heffernan P. High-technology clustering through spin-out and attraction: The Cambridge case // *Regional Studies*. 2005. Vol. 39. № 8. P. 1127-1144.
553. Gentry W. M., Hubbard R. G. Tax policy and entrepreneurial entry // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. № 2. P. 283-287.
554. Glaeser E. L. Entrepreneurship and the City. NBER Working Paper 13551, 2009. 47 p.
555. Glaeser E. L., Kerr S. P., Kerr W. R. Entrepreneurship and urban growth: An empirical assessment with historical mines // *Review of Economics and Statistics*. 2015. Vol. 97. № 2. P. 498–520.
556. Glaeser E. L., Kerr W. R., Ponzetto G. A. M. Clusters of entrepreneurship // *Journal of urban economics*. 2010. Vol. 67. № 1. P. 150–168.

557. Glaeser E. L., Ponzetto G. A. M., Tobio K. Cities, skills and regional change // *Regional Studies*. 2014. Vol. 48. № 1. P. 7–43.
558. Glaeser E. *Triumph of the city: How our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier*. Penguin, 2012.
559. Glaeser E. Urban resilience // *Urban studies*. 2022. Vol. 59. № 1. P. 3-35.
560. Goel R. K., Saunoris J. W. Dynamics of knowledge spillovers from patents to entrepreneurship: Evidence across entrepreneurship types // *Contemporary Economic Policy*. 2017. Vol. 35. № 4. P. 700-715.
561. Gornall W., Strebulaev I. A. Squaring venture capital valuations with reality // *Journal of Financial Economics*. 2020. Vol. 135. № 1. P. 120-143.
562. Granville B., Leonard C. S. Do informal institutions matter for technological change in Russia? The impact of communist norms and conventions, 1998–2004 // *World Development*. 2010. Vol. 38. № 2. C. 155–169.
563. Greene W. *Econometric Analysis*. PrenticeHall, 2003
564. Guerrero M., Urbano D., Fayolle A. Entrepreneurial activity and regional competitiveness: evidence from European entrepreneurial universities // *The Journal of Technology Transfer*. 2016. Vol. 41. P. 105-131.
565. Guiso L., Pistaferri L., Schivardi F. Learning entrepreneurship from other entrepreneurs? // *Journal of labor economics*. 2021. Vol. 39. № 1. P. 135-191.
566. Gupta S., Hofmann M. A. The effect of state income tax apportionment and tax incentives on new capital expenditures // *Journal of the American Taxation Association*. 2003. Vol. 25. № s-1. C. 1–25.
567. Guseva O., Stepanova A. Startups in Russia: Ownership and performance // *Journal of the New Economic Association*. 2021. Vol. 52. № 4. P. 67-97.
568. Hagerstrand T. *Innovation diffusion as a spatial process*. Chicago: The University of Chicago Press, 1968. 357 p.
569. Hall P. Enterprise zones: a justification // *International Journal of Urban & Regional Research*. 1982. Vol. 6. № 3.
570. Hall P. The geography of the fifth Kodratieff. In: *Restructuring Britain. Uneven Redevelopment: Cities and Regions in Transition*, D. Massey and J. Allen. (Eds.), London: Hodder & Stoughton, 1988. P. 6–47
571. Hall T., Hubbard P. The entrepreneurial city: new urban politics, new urban geographies? // *Progress in human geography*. 1996. Vol. 20. № 2. P. 153–174.
572. Hanson G. H. Market potential, increasing returns and geographic concentration // *Journal of international economics*. 2005. Vol. 67. № 1. P. 1-24.
573. Harris C.D. The Market as a Factor in the Localization of Industry in the United States // *Annals of the association of American geographers*. 1954. N 44(4). P. 315–348.
574. Hart M., Scott R. Measuring the effectiveness of small firm policy: some lessons from Northern Ireland // *Journal of the Regional Studies Association*. 1994. Vol. 28. № 8. P. 849-858.

575. Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism // *Geografiska Annaler: series B, human geography*. 1989. Vol. 71. № 1. C. 3–17.
576. Harvey D. The urban roots of financial crises: reclaiming the city for anti-capitalist struggle // *Socialist register*. 2012. Vol. 48. P. 1-35.
577. Hassink R. How to unlock regional economies from path dependency? From learning region to learning cluster // *European planning studies*. 2005. № 4. P. 521-535.
578. Hausmann R., Rodrik D. Doomed to choose: Industrial Policy as predicament. John F. Kennedy School of Government, 2006.
579. Hébert R., Link A. Historical perspectives on the entrepreneur // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. 2007. Vol. 2. № 4. P. 261–408.
580. Hechavarria D. M., Reynolds P. D. Cultural norms business start-ups: the impact of national values on opportunity and necessity entrepreneurs // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2009. Vol. 5. P. 417-437.
581. Helsley R. W., Strange W. C. Entrepreneurs and cities: Complexity, thickness and balance // *Regional Science and Urban Economics*. 2011. Vol. 41. № 6. P. 550-559.
582. Hill F., Gaddy C. G. The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 302 p.
583. Hindle K., Yencken J., O'Connor A. An entrepreneurship policy framework for high-growth firms: Navigating between policies for picking winners and market failure // *International Journal of entrepreneurial venturing*. 2011. Vol. 3. № 4. P. 324-343.
584. Hofstede G., Consequences C. International differences in work-related values // Beverly Hills, CA. 1980.
585. Holl A., Peters B., Rammer C. Local knowledge spillovers and innovation persistence of firms // *Economics of Innovation and New Technology*. 2023. Vol. 32. № 6. P. 826–850
586. Hospers G. J., Beugelsdijk S. Regional cluster policies: learning by comparing? // *Kyklos*. 2002. Vol. 55. № 3. P. 381–402.
587. Imbens G. W., Wooldridge J. M. Recent developments in the econometrics of program evaluation // *Journal of economic literature*. 2009. Vol. 47. № 1. P. 5-86.
588. Inglehart R. Mapping global values // *Comparative sociology*. 2006. Vol. 5. № 2–3. P. 115–136.
589. Isard W. Methods of regional analysis. New York City: John Wiley & Sons, Inc., 1966. 659 p.
590. Isenberg D. The entrepreneurship ecosystem strategy as a new paradigm for economy policy: principles for cultivating entrepreneurship. Babson Park: Babson Entrepreneurship Ecosystem Project, 2011. 76 p.
591. Istrate E., Rothwell J., Katz B. (2019). Export Nation: How U.S. Metros Lead National Export Growth and Boost Competitiveness. Washington, DC: BROOKINGS.
592. Ivanov D. Human capital and knowledge-intensive industries location: Evidence from Soviet legacy in Russia // *The Journal of Economic History*. 2016. Vol. 76. № 3. P. 736-768.

593. Jack S. L., Anderson A. R. The effects of embeddedness on the entrepreneurial process // *Journal of business Venturing*. 2002. Vol. 17. № 5. P. 467-487.
594. Jacobs J. The economy of cities. –New York City: Vintage, 1970. 288 p.
595. Jiang K., Keller W., Qiu L. D., Ridley W. 31. International Joint Ventures and Internal vs. External Technology Transfer: Evidence from China. NBER. Working Papers 24455. 2018.
596. Kaneva M., Untura G. The impact of R&D and knowledge spillovers on the economic growth of Russian regions // *Growth and Change*. 2019. Vol. 50. № 1. P. 301–334.
597. Kaneva M., Untura G., Zabolotsky A. The Impact of Geographical, Technological, and Cognitive Proximities on Knowledge Creation in the Russian Regions // *Journal of the Knowledge Economy*. 2023.
598. Kerr S.P., Kerr W.R. Immigration policy levers for us innovation and startups. Cambridge: NBER Working Paper Series, 2020.
599. Ketels C. Recent research on competitiveness and clusters: what are the implications for regional policy? // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2013. Vol. 6. № 2. P. 269-284.
600. Khalimova S. R., Yusupova A. T. Influence of regional conditions on the development of high-tech companies in Russia // *Regional Research of Russia*. 2020. Vol. 10. № 3. P. 308-317.
601. Kihlstrom R. E., Laffont J. J. A general equilibrium entrepreneurial theory of firm formation based on risk aversion // *Journal of political economy*. 1979. Vol. 87. № 4. P. 719-748.
602. Klapper L., Laeven L., Rajan R. Entry regulation as a barrier to entrepreneurship // *Journal of financial economics*. 2006. Vol. 82. № 3. P. 591-629.
603. Klotz S. Cross Sectional Dependence in Spatial Econometric Models with an Application to German Start-Up Activity Data (Vol. 2). LIT Verlag Münster, 2004. 89 p.
604. Kolossov V., Vendina O., O'Loughlin J. Moscow as an emergent world city: international links, business developments, and the entrepreneurial city // *Eurasian geography and economics*. 2002. Vol. 43. № 3. P. 170–196.
605. Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam: North Holland. 1980. 320 p.
606. Korosteleva J., Belitski M. Entrepreneurial dynamics and higher education institutions in the post-Communist world // *Regional Studies*. 2017. Vol. 51. № 3. P. 439-453.
607. Korosteleva J., Stępień-Baig P. Climbing the poverty ladder: the role of entrepreneurship and gender in alleviating poverty in transition economies // *Business, Entrepreneurship and Innovation Toward Poverty Reduction*. Routledge, 2021. P. 197-220.
608. Krugman P. First nature, second nature, and metropolitan location // *Journal of regional science*. 1993. Vol. 33. № 2. P. 129-144.
609. Kuckertz A., Braendle L., Gaudig A., Hinderer S., Morales Reyes C., Prochotta A., Steinbrink K., Berger E. Startups in times of crisis—A rapid response to the COVID-19 pandemic // *Journal of Business Venturing Insights*. 2020. Vol. 13. P. 1-23.

610. Kutsenko E. Pilot Innovative Territorial Clusters in Russia: A Sustainable Development Model. *Foresight-Russia*. 2015. Vol. 9. No 1. P. 32–55.
611. Kutsenko E., Tripathi S., Tyurchev K. Does complementarity matter for the emergence of new specialization industries in the regions of Russia? // *Regional Science Policy & Practice*. 2023. Vol. 15. № 9. P. 2126–2155.
612. Kutsenko E., Tyurchev K., Ostashchenko T.33. Relocation as a Driver of Innovative Activity: A Global Study of Unicorn Founders' Migration // *Foresight and STI Governance*. 2022. Vol. 16. No 4. P. 6–23.
613. Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13. No 2. P. 19–41.
614. Kuznetsova O. New Patterns in the Modern Dynamics of Socioeconomic Development of Russian Regions // *Regional Research of Russia*. 2023. №13. P. 671 - 681.
615. Laing E., van Stel A., Storey D. J. Formal and informal entrepreneurship: a cross-country policy perspective // *Small Business Economics*. 2022. Vol. 59. № 3. P. 807–826.
616. Landes D. S., Mokyr J., Baumol W. J. (ed.). *The invention of enterprise: Entrepreneurship from ancient Mesopotamia to modern times*. Princeton: Princeton University Press, 2010. 584 p.
617. Landry C. *The creative city: A toolkit for urban innovators*. Milton Park: Routledge, 2012.
618. Landström H., Lohrke F. *Historical Foundations of Entrepreneurship Research*. Boston: Harbart College of Business, 2012. 448 p.
619. Lasch F., Robert F., Le Roy F. Regional determinants of ICT new firm formation // *Small Business Economics*. 2013. Vol. 40. P. 671-686.
620. Lee N. What holds back high-growth firms? Evidence from UK SMEs // *Small Business Economics*. 2014. Vol. 43. P. 183–195.
621. Lee S. Y. Entrepreneurship, small businesses, and economic growth in small cities // *Journal of Economic Geography*. 2014. Vol. 4. № 16. P. 311-343.
622. Lee S. Y., Florida R., Acs Z. Creativity and entrepreneurship: A regional analysis of new firm formation // *Regional studies*. 2004. Vol. 38. № 8. P. 879-891.
623. Leonard C. *Agrarian reform in Russia: Road from serfdom*. - N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2011. - XIV, 402 p
624. Lerner J. *Boulevard of broken dreams: Why public efforts to boost entrepreneurship and venture capital have failed and what to do about it*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 230 p.
625. Levie J., Autio E. A theoretical grounding and test of the GEM model // *Small business economics*. 2008. Vol. 31. P. 235-263.
626. Lin J., Rauch F. What future for history dependence in spatial economics? // *Regional Science and Urban Economics*. 2020. P. 103628.
627. Liu M., Jiang Y., Wei X., Ruan Q., Lv D. Effect of high-speed rail on entrepreneurial activities: Evidence from China // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2023. Vol. 87. P. 101538.
628. Loader K. Is public procurement a successful small business support policy? A review of the evidence // *Environment and planning C: government and policy*. 2013. Vol. 31. № 1. P. 39-55.

629. Löfsten H., Lindelöf P. Science Parks and the growth of new technology-based firms—academic-industry links, innovation and markets // *Research policy*. 2002. Vol. 31. № 6. P. 859-876.
630. Lundström A., Stevenson L. *Entrepreneurship Policy: Theory and Practice*. NY: Springer, 2005. 320 p.
631. Lupova-Henry E., Blili S., Dal Zotto C. Clusters as institutional entrepreneurs: Lessons from Russia // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2021. Vol. 10. № 1. C. 7.
632. Ma L., Niu D., Sun W. Transportation infrastructure and entrepreneurship: Evidence from high-speed railway in China // *China Economic Review*. 2021. Vol. 65. C. 101577.
633. Maddison A. *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2006 AD* // Dataset. 2008.
634. Mahajan V., Muller E., Wind Y. (Eds.) *New-product diffusion models*. Luxemburg: Springer Science & Business Media, 2000. 355 p.
635. Malecki E. J. Entrepreneurship and entrepreneurial ecosystems // *Geography compass*. 2018. № 3. P. e12359.
636. Malkina M. Yu. Resilience of Russian regions in the context of the pandemic and sanctions // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 16. № 3. P. 454-467.
637. Markevich A., Harrison M. Great War, Civil War, and recovery: Russia's national income, 1913 to 1928 // *The Journal of Economic History*. 2011. Vol. 71. № 3. P. 672-703.
638. Markevich A., Zhuravskaya E. The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire // *American Economic Review*. 2018. Vol. 108. № 4-5. P. 1074-1117.
639. Markusen A. Sticky places in slippery space: a typology of industrial districts // *Economic geography*. 1996. Vol. 72. №3. P. 293–313.
640. Marques I., Levina I., Kazun A., Yakovlev A. Calling the cavalry: Firm-level investment in the face of decentralized expropriation // *Journal of Institutional Economics*. 2020. Vol. 16. № 4. P. 503–518.
641. Marshall A. *Principles of Economics*. Vol. 1 (First ed.). London: Macmillan, 1890
642. Martin P., Mayer T., Mayneris F. Are clusters more resilient in crises? Evidence from French exporters in 2008-2009. CEPR Discussion Paper No. DP9667, 2013.
643. Martin R. (Re) placing path dependence: a response to the debate // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36. № 1. C. 179-192.
644. Martin R., Sunley P. *Regional economic resilience: Evolution and evaluation* / *Handbook on regional economic resilience*. NY: Springer, 2020.
645. Martins P. S., Yang Y. The impact of exporting on firm productivity: a meta-analysis of the learning-by-exporting hypothesis // *Review of World Economics*. 2009. Vol. 145. C. 431-445.
646. Mason C., Brown R. Entrepreneurial ecosystems and growth-oriented entrepreneurship // *Final report to OECD, Paris*. 2014. Vol. 30. № 1. P. 77-102.

647. Mikhailova T. N. Essays on Russian economic geography: Measuring spatial inefficiency. The Pennsylvania State University, 2004. 86 p.
648. Millán J. M., Congregado E., Román C. Persistence in entrepreneurship and its implications for the European entrepreneurial promotion policy // *Journal of Policy Modeling*. 2014. Vol. 36. № 1. P. 83-106.
649. Minniti M., Levesue M. Entrepreneurial types and economic growth // *Journal of Business Venturing*. 2010. No 25. P. 305–314
650. Mokyr J. *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*. Princitone: Princeton University Press, 2018. 424 p.
651. Mokyr J. Cultural entrepreneurs and the origins of modern economic growth // *Scandinavian Economic History Review*. 2013. Vol. 61. № 1. P. 1–33.
652. Moore J. F. *The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York City: HarperBusiness, 1996. 310 p.
653. Moran P. A. P. Notes on continuous stochastic phenomena // *Biometrika*. 1950. Vol. 37. № 1/2. P. 17-23.
654. Moretti E. *The New Geography of Jobs*. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2012. 294 p.
655. Morelix A., Reedy E., Russell-Fritch J. *Kauffman Index: Growth Entrepreneurship National Trends*. Kansas-City: Kauffman Foundation, 2016.
656. Müller S. A progress review of entrepreneurship and regional development: What are the remaining gaps? // *European Planning Studies*. 2016. Vol. 24. № 6. P. 1133-1158.
657. Murata Y., Nakajima R., Okamoto R., Tamura R. Localized knowledge spillovers and patent citations: A distance-based approach // *Review of Economics and Statistics*. 2014. Vol. 96. № 5. P. 967–985.
658. Myrdal G. *Economic Theory and underdeveloped regions*. London: Duckworth, 1957. 168 p.
659. Naffziger D. W., Hornsby J. S., Kuratko D. F. A proposed research model of entrepreneurial motivation // *Entrepreneurship theory and practice*. 1994. Vol. 18. № 3. P. 29–42.
660. Nambisan S., Siegel D., Kenney M. On open innovation, platforms, and entrepreneurship // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12. № 3. P. 354-368.
661. Naude, W. *Entrepreneurship and Economic Development* (ed. *Studies in development economics and policy*). Palgrave Macmillan, 2011. — 304 p
662. Neffke F., Henning M., Boschma R. How do regions diversify over time? Industry relatedness and the development of new growth paths in regions // *Economic geography*. 2011. Vol. 87. № 3. P. 237-265.
663. Nelson R., Dosi G., Helfat C., Pyka A., Saviotti P., Lee, K., Dopfer K., Malerba F., Winter S. *Modern evolutionary economics: An overview*. 2018. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 282 p.
664. Nelson R., Winter S. *An evolutionary theory of economic change*. Cambridge: Harvard university press, 1982. 432 p.

665. Nicholas C., Fruhmann M. Small and medium-sized enterprises policies in public procurement: time for a rethink? // *Journal of Public Procurement*. 2014. Vol. 14. № 3. P. 328-360.
666. Nielsen G. Determinants of cross-national entrepreneurial activity // *The Journal of Politics and Society*. 2014. Vol. 25. No. 2. P. 46–72.
667. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press, 1990.
668. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
669. Nunn N. The long-term effects of Africa's slave trades // *The Quarterly journal of economics*. 2008. Vol. 123. № 1. P. 139-176.
670. Nunziata L., Rocco L. The protestant ethic and entrepreneurship: inside the black box // *Small Business Economics*. 2024. Vol. 62. № 4. P. 1285–1313.
671. OECD. Enhancing the Contributions of SMEs in a Global and Digitalized Economy. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: [https:// www.oecd.org/mcm/documents/C-MIN-2017-8-EN.pdf](https://www.oecd.org/mcm/documents/C-MIN-2017-8-EN.pdf).
672. OECD. Entrepreneurship at a Glance. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: [https:// doi.org/10.1787/entrepreneur_aag-2017-en](https://doi.org/10.1787/entrepreneur_aag-2017-en)
673. OECD. Financing SMEs and Entrepreneurs 2019: An OECD Scoreboard. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: https://doi.org/10.1787/fin_sme_ent-2019-en.
674. OECD. SME and entrepreneurship outlook. Paris: OECD Publishing, 2005.
675. OECD. The Bologna Charter on SME Policies, OECD/LEGAL/0306. Paris: OECD Publishing, 2000. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/public/doc/153/153.en.pdf>
676. OECD. The Digital Transformation of SMEs, OECD Studies on SMEs and Entrepreneurship. Paris: OECD Publishing, 2021. URL: [https:// doi.org/10.1787/bdb9256a-en](https://doi.org/10.1787/bdb9256a-en)
677. OECD. The Geography of Firm Dynamics: Measuring Business Demography for Regional Development. OECD. Paris: OECD Publishing, 2017
678. OECD. The Istanbul Ministerial Declaration on Fostering the Growth of Innovative and Internationally Competitive SMEs. Paris: OECD Publishing, 2004. URL: [https:// www.oecd.org/cfe/smes/theistanbulministerialdeclarationonfosteringthegrowthofinnovativeandinternationallycompetitivesmes.htm#Note_1](https://www.oecd.org/cfe/smes/theistanbulministerialdeclarationonfosteringthegrowthofinnovativeandinternationallycompetitivesmes.htm#Note_1)
679. Penrose E. The Theory of the Growth of the Firm. New York: John Wiley and Sons. 1959.
680. Peretto P. F. Industrial development, technological change, and long-run growth // *Journal of Development Economics*. 1999. Vol. 59. № 2. P. 389-417.
681. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. London: Elgar, 2002.
682. Perignat E., Katz-Buonincontro J. STEAM in practice and research: An integrative literature review // *Thinking skills and creativity*. 2019. Vol. 31. P. 31-43.

683. Perroux F. Economic space: theory and applications // *The Quarterly Journal of Economics*. 1950. P. 89-104.
684. Pijnenburg K., Kholodilin K. A. Do regions with entrepreneurial neighbours perform better? A spatial econometric approach for German regions // *Regional studies*. 2014. Vol. 48. № 5. P. 866-882.
685. Plummer L. A. Spatial dependence in entrepreneurship research: Challenges and methods // *Organizational Research Methods*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 146-175.
686. Plummer L. A., Pe'er A. The geography of entrepreneurship // *Handbook of entrepreneurship research: An interdisciplinary survey and introduction*. 2010. C. 519-556.
687. Polanyi M. *The Tacit Dimension*. Chicago: University of Chicago Press. 1966.
688. Porter M. *On Competition*. Boston, MA, Harvard Business School Press. 1998
689. Pushkarev A., Gainetdinova A., Davidson N., Sokolova E. The impact of special economic zones on industrial enterprises' productivity in Russia // *Post-Communist Economies*. 2024. C. 1-30.
690. Qian H., Acs Z. J., Stough R. R. Regional systems of entrepreneurship: the nexus of human capital, knowledge and new firm formation // *Journal of economic geography*. 2013. Vol. 13. № 4. P. 559-587.
691. Rajan R., Zingales L. Financial Dependence and Growth // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88
692. Rannikko H., Autio E. *The impact of high-growth entrepreneurship policy in Finland*. London: Science Business Publishing, 2015.
693. Raposo M., Do Paço A. Entrepreneurship education: Relationship between education and entrepreneurial activity // *Psicothema*. 2011. Vol. 23. No. 3. P. 453-457.
694. Reynolds P., Bosma N., Autio E., Hunt S., De Bono N., Servais I., Lopez-Garcia P. Chin N. Global entrepreneurship monitor: Data collection design and implementation 1998-2003 // *Small business economics*. 2005. Vol. 24. P. 205-231.
695. Reynolds P., Storey D. J., Westhead P. Cross-national comparisons of the variation in new firm formation rates // *Regional studies*. 1994. Vol. 28. № 4. P. 443-456.
696. Ries E. *The lean startup: How today's entrepreneurs use continuous innovation to create radically successful businesses*. New York, Crown Business, 2011.
697. Rochlitz M. Corporate raiding and the role of the state in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30. № 2-3. P. 89-114.
698. Rodríguez-Pose A. Do institutions matter for regional development? // *Regional studies*. 2013. Vol. 47. № 7. P. 1034-1047.
699. Rodríguez-Pose A., Crescenzi R. Research and development, spillovers, innovation systems, and the genesis of regional growth in Europe // *Regional studies*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 51-67.
700. Rodrik D., Subramanian A. Trebbi F. *Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development*. National Bureau of Economic Research (NBER) Working Paper, No. 9305. 2002.
701. Rogers E. *Diffusion of Innovations* (5th ed.). New York: Free Press, 2002

702. Romer P. M. The origins of endogenous growth // *Journal of Economic perspectives*. 1994. Vol. 8. № 1. P. 3-22.
703. Roper S., Hewitt-Dundas N. Grant assistance and small firm development in Northern Ireland and the Republic of Ireland // *Scottish Journal of Political Economy*. 2001. Vol. 48. № 1. P. 99-117.
704. Rosenthal S. S., Strange W. C. Geography, industrial organization, and agglomeration // *Review of Economics and Statistics*. 2003. № 2. P. 377-393.
705. Ruzhanskaya L. S., Fonova N. G., Yakimova E. A. Reaction of Small and Medium-Sized Enterprises to the Corona Crisis: the Impact of Regional Authorities // *Economy of Region*. 2022. P. 653-672.
706. Sachs J. D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income. National Bureau of Economic Research (NBER) Working Paper, No. 9490, 2003.
707. Sadoi Y.41. Technology Transfer in Automotive Parts Firms in China // *Asia Pacific Business Review*. 2008. Vol. 14. No 1. P. 147–163.
708. Saxenian A.L. *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, Harvard University Press, 1996.
709. Schmitz Jr J. A. Imitation, entrepreneurship, and long-run growth // *Journal of political economy*. 1989. Vol. 97. № 3. P. 721-739.
710. Schultz T. W. Investment in entrepreneurial ability // *The Scandinavian Journal of Economics*. 1980. P. 437-448.
711. Scott A. J., Storper M. High technology industry and regional development: a theoretical critique and reconstruction // *International social science journal*. 1987. Vol. 39. № 112. P. 215–225.
712. Shane S. *A general theory of entrepreneurship: The individual-opportunity nexus*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2003.
713. Shane S. Why encouraging more people to become entrepreneurs is bad public policy // *Small business economics*. 2009. Vol. 33. P. 141-149.
714. Shapero A. *The displaced, uncomfortable entrepreneur* // *University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship*. 1975.
715. Shen R. *Missed Opportunities: The Impact of Opportunity Zones on Small Business Development in New York City*. 2024.
716. Shirokova G., Bogatyreva L., Beliaeva T., Tsukanova T., Laskovaia A. *Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey. National report Russia 2016*. Saint Petersburg: St Petersburg University, 2016.
717. Shirokova G., Osiyevskyy O., Bogatyreva K. Exploring the intention–behavior link in student entrepreneurship: Moderating effects of individual and environmental characteristics // *European Management Journal*. 2016. Vol. 34. № 4. P. 386-399.
718. Shirokova G., Tsukanova T., Morris M. H. The moderating role of national culture in the relationship between university entrepreneurship offerings and student start-up activity:

An embeddedness perspective // *Journal of Small Business Management*. 2018. Vol. 56. № 1. P. 103–130.

719. Shybalkina I. Place-Based Small Business Support and its Implications for Neighborhood Revitalization // *Economic Development Quarterly*. 2022. Vol. 36. № 4. C. 355–370.

720. Simmie J., Martin R. The economic resilience of regions: towards an evolutionary approach // *Cambridge journal of regions, economy and society*. 2010. Vol. 3. № 1. P. 27-43.

721. Sobel R., Dutta N., Roy S. Does fiscal decentralization result in a better business climate? // *Entrepreneurial Action, Public Policy, and Economic Outcomes*. Edward Elgar Publishing, 2014. P. 151–176.

722. Sölvell Ö., Williams M. Building the Cluster Commons – An Evaluation of 12 Cluster Organizations in Sweden 2005-2012. Stockholm: Ivory Tower Publishers, 2013.

723. Sorgner A. The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities? *Foresight and STI Governance*. 2017. Vol. 11. № 3. P. 37-48.

724. Soto H. The mystery of capital: why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else. –New York: Basic Books, 2013. 296 p.

725. Spencer J. W., Gómez C. The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: a multicountry study // *Journal of business research*. 2004. Vol. 57. № 10. P. 1098-1107.

726. Srinivasan A., Venkatraman N. Entrepreneurship in digital platforms: A network-centric view // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12. № 1. P. 54-71.

727. Stam E. Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique // *European Planning Studies*. 2015. Vol. 23. № 9. P. 1759-1769.

728. Stangler D., Bell-Masterson J. Measuring entrepreneurial ecosystems. Kansas City, Missouri: Kaufmann Foundation, 2015.

729. Stephan U., Uhlaner L. M. Performance-based vs socially supportive culture: A cross-national study of descriptive norms and entrepreneurship // *Journal of International Business Studies*. 2010. Vol. 41. P. 1347–1364.

730. Sternberg R., Wennekers S. Determinants and effects of new business creation using global entrepreneurship monitor data // *Small business economics*. 2005. Vol. 24. P. 193-203.

731. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up. The New Press, 2010.

732. Storey D. J. Entrepreneurship, small and medium sized enterprises and public policies. In: Z. J. Acs, D. B. Audretsch (eds.). *Handbook of Entrepreneurship Research*. Springer US, 2003. Pp. 473–511.

733. Storey D. J. The birth of new firms—does unemployment matter? A review of the evidence // *Small business economics*. 1991. Vol. 3. P. 167-178.

734. Storey D. Six steps to heaven: Evaluating the impact of public policies to support small businesses in developed economies. In: B D. Sexton, H. Landström (ed.), *The Blackwell Handbook of Entrepreneurship*. Oxford, UK: Blackwell Publishers Ltd., 2000. P. 176-194.

735. Storey D., Strange A. Entrepreneurship in Cleveland 1979-1989: A Study of the Effects of the Enterprise Culture. UK, Sheffield: Employment Department, 1992.
736. Strenze, T. Allocation of talent in society and its effect on economic development // *Intelligence*. 2013. No 41 (3). P. 193–202
737. Stuetzer M., Brixy U., Sternberg R., Obschonka M. Regional characteristics, opportunity perception and entrepreneurial activities // *Small Business Economics*. 2014. Vol. 42. P. 221-244.
738. Stuetzer M., Obschonka M., Schmitt-Rodermund E. Balanced skills among nascent entrepreneurs // *Small Business Economics*. 2013. Vol. 41. P. 93-114.
739. Sun B., Zhu P., Li W. Cultural diversity and new firm formation in China. *Regional Studies*. 2019. No10. P. 1371-1384.
740. Suresh J., Ramraj R. Entrepreneurial ecosystem: Case study on the influence of environmental factors on entrepreneurial success // *European Journal of Business and Management*. 2012. Vol. 4. № 16. P. 95-101.
741. Szerb L., Ács Z., Autio E., Ortega-Argilés R., Komlósi É. The regional entrepreneurship and development index—Measuring regional entrepreneurship. Final Report. Brussels: European Commission, Directorate-General for Regional and Urban policy. REGIO DG 02—Communication, 2013.
742. Tan J. Regulatory environment and strategic orientations in a transitional economy: A study of Chinese private enterprise // *Entrepreneurship theory and Practice*. 1996. Vol. 21. № 1. P. 31-46.
743. Tavassoli S., Obschonka M., Audretsch D. B. Entrepreneurship in cities // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. № 7. P. 104255.
744. Thai M.T., Turkina E. Macro-level determinants of formal entrepreneurship versus informal entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*. 2014. No 29 (4). Pp. 490–510
745. Thornton P. H. The sociology of entrepreneurship // *Annual review of sociology*. 1999. Vol. 25. № 1. P. 19-46.
746. Thornton P. H., Ribeiro-Soriano D., Urbano D. Socio-cultural factors and entrepreneurial activity: An overview // *International small business journal*. 2011. Vol. 29. № 2. P. 105-118.
747. Thurik A. R. *Entreprenomics: entrepreneurship, economic growth and policy* // *Entrepreneurship, growth and public policy*. 2009. P. 219-249.
748. Thurik R. Entrepreneurship, industrial transformation, and growth. In: G. D. Liebcap (ed.). *The sources of entrepreneurial activity*. Stamford: JAI Press, 1999. P. 29–66.
749. Timofeev I. N. Sanctions on Russia: A new chapter // *Russia in Global Affairs*. 2022. Vol. 20. № 4. P. 103-119.
750. Tonoyan V., Strohmeyer R., Habib M. Corruption and entrepreneurship: How formal and informal institutions shape small firm behavior in transition and mature market economies // *Entrepreneurship theory and practice*. 2010. Vol. 34. № 5. P. 803-832.

751. Trettin L., Welter F. Challenges for spatially oriented entrepreneurship research // *Entrepreneurship Regional Development*. 2011. Vol. 23. № 7-8. P. 575-602.
752. Tsareva Y., Zemtsov S., Barinova V. Regional institutions and small business in Russia // *Unlocking Regional Innovation and Entrepreneurship: The Potential for Increasing Capacities*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 157–184
753. Ullman E. L. Amenities as a factor in regional growth // *Geographical Review*. 1954. Vol. 44. № 1. 3. 119–132.
754. Van Stel A., Storey D. J., Thurik A. R. The effect of business regulations on nascent and young business entrepreneurship // *Small business economics*. 2007. Vol. 28. P. 171-186.
755. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions* (New ed.). New York: The Macmillan Company, 1899
756. Veblen T. Why is economics not an evolutionary science? // *The quarterly journal of economics*. 1898. Vol. 12. № 4. P. 373-397.
757. Verheul I. Wennekers S. Audretsch, D. Thurik R. An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture. In: *Entrepreneurship: Determinants and policy in a European-US comparison*. Boston: Springer, 2002. Pp. 11-81.
758. Vu T. M., Yamada H. Do enterprise zones promote local business development? Evidence from Vietnam // *Journal of Regional Science*. 2022. Vol. 62. № 4. C. 1206–1224.
759. Walczak J., Drenkard S., Henschman J. *State Business Tax Climate Index* _ Washington, D.C.^ Tax Foundation, 2017. 82 p.
760. Wang J. The economic impact of special economic zones: Evidence from Chinese municipalities // *Journal of development economics*. 2013. Vol. 101. C. 133–147.
761. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: With Other Writings on the Rise of the West*. 2008.
762. Welter F. Contextualizing entrepreneurship—conceptual challenges and ways forward // *Entrepreneurship theory and Practice*. 2011. Vol. 35. № 1. P. 165-184.
763. Wennberg, K., Lindqvist, G. (2010). The effect of clusters on the survival and performance of new firms // *Small Business Economics*, 34(3), 221-241.
764. Wennekers S., Thurik R. Linking entrepreneurship and economic growth // *Small business economics*. 1999. Vol. 13. № 1. P. 27–56.
765. Wennekers S., Van Wennekers A., Thurik R., Reynolds P. Nascent entrepreneurship and the level of economic development // *Small business economics*. 2005. Vol. 24. P. 293-309.
766. Williams T. A., Shepherd D. A. Victim entrepreneurs doing well by doing good: Venture creation and well-being in the aftermath of a resource shock // *Journal of Business Venturing*. 2016. Vol. 31. № 4. P. 365-387.
767. Wong P. K., Ho Y. P., Autio E. Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data // *Small business economics*. 2005. Vol. 24. P. 335-350.
768. Woodworth M. D., Wallace J. L. Seeing ghosts: Parsing China’s “ghost city” controversy // *Urban Geography*. 2017. Vol. 38. № 8. C. 1270–1281.
769. World Bank. *Doing Business*. 2020. URL: [https:// www.doingbusiness.org](https://www.doingbusiness.org)

770. Wren C., Storey D. J. Evaluating the effect of soft business support upon small firm performance // *Oxford Economic Papers*. 2002. Vol. 54. № 2. P. 334–365.
771. Wright M., Hmieleski K.M., Siegel D.S., Ensley M.D. The role of human capital in technological entrepreneurship // *Entrepreneurship theory and practice*. 2007. Vol. 31. № 6. P. 791–806.
772. Xheneti M., Bartlett W. Institutional constraints and SME growth in post-communist Albania // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2012. Vol. 19. № 4. P. 607–626.
773. Xiao J., Boschma R., Andersson M. Industrial diversification in Europe: The differentiated role of relatedness // *Economic Geography*. 2018. Vol. 94. № 5. P. 514–549.
774. Yakovlev A., Ivanov D. Friendly bureaucrats, formal rules and firms' investment decisions: evidence from a survey experiment in Russia // *International Journal of Emerging Markets*. 2021. Vol. 16. № 2. P. 347–369.
775. Yakovlev E., Zhuravskaya E. The unequal enforcement of liberalization: evidence from Russia's reform of business regulation // *Journal of the European Economic Association*. 2013. Vol. 11. № 4. P. 808–838.
776. Young A., Higgins M., Lacombe D., Sell B. The Direct and Indirect Effects of Small Business Administration Lending on Growth: Evidence from U.S. County-Level Data. NBER Working Paper No. 20543. 2014.
777. Yukhanaev A., Fallon G., Baranchenko Y., Anisimova A. An investigation into the formal institutional constraints that restrict entrepreneurship and SME growth in Russia // *Journal of East-West Business*. 2015. Vol. 21. № 4. P. 313–341.
778. Yusupova A. T., Ryazantseva A. V. High-Tech Entrepreneurship in the Russian Regions: Conditions for the Emergence of New Companies // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12. № 2. P. 143–153.
779. Zahra S. A., Liu W., Si S. How digital technology promotes entrepreneurship in ecosystems // *Technovation*. 2023. Vol. 119. P. 102457.
780. Zamyatina N., Pilyasov A. Single-Industry Towns of Russia: Lock-In and Drivers of Innovative Search // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. № 3. P. 53–64.
781. Zemtsov S. Geography of Artificial Intelligence Technologies in Russia // *Regional Research of Russia*. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 525–536.
782. Zemtsov S. New technologies, potential unemployment and 'nescience economy' during and after the 2020 economic crisis // *Regional Science Policy & Practice*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 723–744.
783. Zemtsov S. Sanctions risks and regional development: Russian case // *Baltic Region*. 2024. Vol. 16. № 1. P. 23–45.
784. Zemtsov S., Baburin V. COVID-19: Spatial dynamics and diffusion factors across Russian regions // *Regional research of Russia*. 2020. Vol. 10. P. 273–290.

785. Zemtsov S., Baburin V. Does economic-geographical position affect innovation processes in Russian regions? // *Geography, environment, sustainability*. 2016. Vol. 9. № 4. P. 14–32.
786. Zemtsov S., Baburin V. L. How to assess advantages of economic-geographical position for Russian regions? // *R-Economy*. 2016. Vol. 2. № 3. P. 385–401.
787. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. No 3. P. 34–52.
788. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia // *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13 №2. 84–96
789. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R., Mikhailov A. Entrepreneurship policy and SME development during pandemic crisis in Russia // *Regional Research of Russia*. 2022. Vol. 12. № 3. P. 321–334.
790. Zemtsov S., Chepurenko A., Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions // *Foresight and STI Governance*. 2021. Vol. 15. № 4. P. 61–77
791. Zemtsov S., Demidova K., Kichaev D. Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: trends, factors, and the influence of the pandemic // *Baltic Region*. 2022. № 4 (14). P. 57–78.
792. Zemtsov S., Komarov V. Barinova V. A. Uncovering New Economy Potential of Russian Regions on the Basis of the Last 20 Years Dynamics' Analysis // *Ekonomika region*. 2022. Vol. 18. № 1. P. 92–104.
793. Zemtsov S., Kotsemir M. An assessment of regional innovation system efficiency in Russia: the application of the DEA approach // *Scientometrics*. 2019. Vol. 120. № 2. P. 375–404.
794. Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. Determinants of Regional Innovation in Russia: Are People or Capital More Important? // *Foresight and STI Governance*. 2016. Vol. 10. №2. P. 29–42.
795. Zemtsov S., Pavlov P., Sorokina A. Specifics of cluster policy in Russia // *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. 2016. Vol. 11. № 3. P. 499–536.
796. Zemtsov S., Shartova N., Kidyaeva V., Varentsov M., Konstantinov P., Grischchenko M., Shchur A., Timonin S. Intraurban social risk and mortality patterns during extreme heat events: A case study of Moscow, 2010–2017 // *Health & Place*. 2020. Vol. 66. P. 102429.
797. Zemtsov S., Tsareva Y., Barinova V., Belitski M., Krasnoselskikh A. Small business in Russia: institutions, market potential, taxes and digitalization // *Post-Communist Economies*. 2022. Vol. 34. № 8. P. 1029–1053.
798. Zemtsov S.P., Baburin V.L., Kidyaeva V.M. Innovation clusters and prospects for environmental management in Russia // *Geography and Natural Resources*. 2018. №1. P. 10–15
799. Zhang X. Asymmetric property rights in China's economic growth // *Wm. Mitchell L. Rev.* 2006. Vol. 33. C. 567.

Сокращения

Сокращение	Расшифровка
АЗРФ	Арктическая зона Российской Федерации
АПК	Аграрно-промышленный комплекс
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
ГИС	Геоинформационная система
ГЧП	Государственно-частное партнерство
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский Союз
ЕНВД	Единый налог на вмененный доход
ИКТ	Информационно-коммуникационные технологии
ИНН	Индивидуальный номер налогоплательщика
ИНТЦ	Инновационный научно-технологический центр
ИП	Индивидуальный предприниматель
ИТ	Информационные технологии
КМНС	Коренные малочисленные народы Севера
КНР	Китайская народная республика
ЛПХ	Личное подсобное хозяйство
МГУ	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МГТУ	Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
МИП	Малые инновационные предприятия
МНК	Метод наименьших квадратов
МСП	Малое и среднее предпринимательство
МФТИ	Московский физико-технологический институт
НДС	Налог на добавленную стоимость
НИУ ВШЭ	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
МОТ	Международная организация труда ООН
МФО	Микрофинансовые организации
НКО	Некоммерческие организации
НИИ	Научно-исследовательский институт
НИОКР	Научные исследования и опытно-конструкторские разработки
НКО	Некоммерческая организация
ОКВЭД	Общий классификатор видов экономической деятельности
ОММ	Общий метод моментов
ООН	Организация Объединенных наций
ОПК	Оборонно-промышленный комплекс
ОЭЗ	Особая экономическая зона
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПВЗ	Пункты выдачи товаров
ПМ	Прожиточный минимум
ППТ	Передовые промышленные технологии
РАН	Российская Академия наук
РАНХиГС	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РСФСР	Российская Социалистическая Федеративная Республика
РФ	Российская Федерация
СМИ	Средства массовой информации
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СПР	Стратегия пространственного развития
США	Соединенные Штаты Америки
СЭ	Случайные эффекты
СЭС	Социально-экономическая система
ТНК	Транснациональные компании

Сокращение	Расшифровка
ТОР	Территория опережающего развития
ТПК	Территориально-производственный комплекс
ТРТ	Территориальное разделение труда
ТСЭС	Территориальные социально-экономические системы
ТУСУР	Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
УСН	Упрощенная система налогообложения
ФНС	Федеральная налоговая служба Российской Федерации
ФРП	Фонд развития промышленности
ФСИ	Фонд содействия инновациям
ФС	Федеральная служба охраны Российской Федерации
ФТС	Федеральная таможенная служба Российской Федерации
ФЭ	Фиксированные эффекты
ЭГП	Экономико-географическое положение
ЭАН	Экономически активное население
ЮЛ	Юридическое лицо
SBA	Управление по делам малого бизнеса (США)
SBIC	Инвестиционные компании малого бизнеса
STEM	Наука, технологии, инженерные науки и математика
STEAM	Наука, технологии, инженерные науки, искусство и математика
SWOT	Сильные и слабые стороны, возможности и угрозы
PEST	Политика, экономика, социальная сфера, технологии

Приложения

Приложение А.1. Матрица парных корреляций для некоторых переменных, моделирующих предпринимательскую активность в регионах России

Переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)
(1) Число малых предприятий к ЭАН, ед. на тыс. чел.	1,00													
(2) ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,17*	1,00												
(3) Уровень безработицы, %	-0,40*	-0,21*	1,00											
(4) Плотность населения, чел. На кв. км	0,43*	0,02	-0,15*	1,00										
(5) Рыночный потенциал, млрд руб.	0,53*	0,02	-0,27*	0,09*	1,00									
(6) Среднее число лет обучения	0,54*	0,17*	-0,37*	0,23*	0,50*	1,00								
(7) Доля крепостных в населении в 1859 г., %	0,08*	-0,17*	-0,29*	0,11*	0,25*	0,02	1,00							
(8) Год основания университета	0,35*	-0,11*	-0,28*	0,58*	0,15*	0,18*	0,34*	1,00						
(9) Доля купцов и их семей в населении, %	0,21*	-0,09*	-0,13*	0,60*	0,12*	0,12*	0,33*	0,60*	1,00					
(10) Доля занятых в торговле в 1926 г., %	0,32*	-0,01	-0,12*	0,56*	0,01	0,17*	-0,13*	0,39*	0,52*	1,00				
(11) Число розничных торговых предприятий в 1940 г. на 1 тыс. чел.	0,04	0,16*	0,10*	-0,14*	-0,14*	0,01	-0,46*	-0,15*	-0,14*	0,23*	1,00			
(12) Число розничных торговых предприятий в 1970 г. на 1 тыс. чел.	-0,21*	0,11*	0,16*	-0,46*	-0,08*	-0,16*	-0,14*	-0,39*	-0,34*	-0,27*	0,41*	1,00		
(13) Число кооперативов на 1 тыс. чел. населения в 1989 г.	0,11*	0,06*	0,15*	0,10*	-0,08*	0,09*	-0,28*	-0,03	0,04	0,18*	0,44*	0,29*	1,00	
(14) Число малых предприятий к ЭАН в 1996 г.	0,33*	-0,07*	-0,03	0,79*	0,00	0,21*	-0,07*	0,42*	0,48*	0,53*	0,04	-0,36*	0,39*	1,00

Примечание. Уровень значимости (*): $p < 0.05$.

Приложение А.2. Результаты дополнительных оценок связи историко-географических характеристик и предпринимательской активности в регионах России

Зависимая переменная – число малых предприятий к численности ЭАН. 1998–2016 гг. Метод наименьших квадратов							
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,025	0,022	0,028	0,075***	0,083***	0,080***	0,097***
Уровень безработицы, %	-0,31***	-0,27***	-0,29***	-0,43***	-0,46***	-0,51***	-0,32***
Плотность населения, чел. на кв. км	0,0051***	0,005***	0,004***	0,006***	0,006***	0,006***	0,004
Рыночный потенциал, млрд руб.	0,43***	0,44***	0,40***	0,40***	0,43***	0,43***	0,42***
Число лет обучения	2,37***	2,41***	2,45***	2,46***	2,05***	1,84***	2,09***
Доля крепостных в населении в 1859 г., %	-0,064**	-0,036	-0,045	-0,044	-0,069**	-0,061**	-0,048*
Возраст старейшего университета, лет	0,021	0,024*	0,020	0,00058	0,0010	0,0027	0,0036
Доля купцов и их семей в населении, %		-23,6					
Квадрат доли купцов		19,6					
Доля занятых в торговле в 1926 г., %			13,4*				
Число предприятий розничной торговли в 1940 г. на 1 тыс. чел. населения				1,26**			
Число предприятий розничной торговли в 1970 г. на 1 тыс. чел. населения					-0,41		
Число кооперативов на 1 тыс. чел. населения в 1989 г.						2,82**	
Число малых предприятий на 1 тыс. чел. рабочей силы в 1996 г.							0,25
Константа	-19,7***	-17,7***	-21,3***	-21,3***	-11,8	-12,3**	-18,1***
Число наблюдений	1701	1680	1659	1407	1491	1491	1617
R2	0,53	0,55	0,54	0,59	0,57	0,58	0,56

Зависимая переменная – число малых предприятий к численности ЭАН. 1998–2016 гг. Обобщённый метод моментов							
Переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,001***	0,0009**	0,001***	0,003***	0,003***	0,003***	0,003***
Уровень безработицы, %	-0,03***	-0,03***	-0,03***	-0,04***	-0,05***	-0,05***	-0,04***
Плотность населения, чел. на кв. км	0,0001***	0,0001***	0,0001***	0,0001***	0,00010***	0,0001***	0,000004
Рыночный потенциал, млрд руб.	0,017***	0,017***	0,016***	0,014***	0,016***	0,016***	0,016***
Число лет обучения	0,23***	0,24***	0,24***	0,25***	0,22***	0,21***	0,22***
Доля крепостных в 1859 г., %	-0,004***	-0,002***	-0,003***	-0,003***	-0,004***	-0,004***	-0,003***
Возраст старейшего университета, лет	0,001***	0,002***	0,001***	0,00004	0,0001	0,0002	0,0003
Доля купцов, %		-1,33***					
Квадрат доли купцов		1,01***					
Доля занятых в торговле в 1926 г., %			0,66***				
Число торговых предприятий на в 1940 г. на 1 тыс. чел. населения				0,071***			
Число торговых предприятий на в 1970 г. на 1 тыс. чел. населения					-0,014		
Число кооперативов на 1 тыс. чел. населения в 1989 г.						0,14***	
Число малых предприятий на 1 тыс. чел. рабочей силы в 1996 г.							0,016***
Константа	-0,35	-0,33	-0,43*	-0,55**	0,10	0,13	-0,26
Число наблюдений	1701	1680	1659	1407	1491	1491	1617

Источник: составлено автором, ранее опубликовано (Земцов и др., 2023).

Примечание: здесь и далее ***, ** и * означают, что коэффициент значим на уровне 1%, 5 и 10% соответственно

Приложение А.3. Результаты оценок связи современных региональных характеристик и конструктивной предпринимательской активности в России

Зависимая переменная: число малых предприятий на 1000 чел. рабочей силы. Модель со случайными эффектами. Все переменные, кроме фиктивных, логарифмированы.				
Переменные	(1)	(2)	(3)	(4)
Средняя температура января	-0,78*** (0,2)	-0,88*** (0,22)	-0,86*** (0,21)	-0,72*** (0,19)
Объем доступных рынков	0,36*** (0,03)	0,36*** (0,03)	0,36*** (0,03)	0,35*** (0,03)
Реальные денежные доходы	0,52*** (0,09)	0,59*** (0,09)	0,57*** (0,09)	0,5*** (0,1)
Уровень безработицы	-0,01 (0,06)	-0,02 (0,06)	-0,004 (0,06)	-0,01 (0,06)
Преступность	-0,46*** (0,08)	-0,42*** (0,08)	-0,44*** (0,08)	-0,47*** (0,08)
Арктические регионы		-0,74*** (0,19)		
Регионы с Арктическими территориями			-0,34* (0,19)	
Северные регионы				0,08 (0,11)
Константа	4,91*** (1,2)	4,55*** (1,3)	4,84*** (1,3)	4,83*** (1,2)
rho	0,69	0,65	0,69	0,69

Источник: составлено автором, ранее опубликовано (Земцов и др., 2022).

Зависимая переменная: число малых предприятий на 1000 чел. рабочей силы.				
Переменные	(5)	(6)	(7)	(8)
Рыночный потенциал (трлн руб.)	0,47*** (0,05)			
Потенциал международного ЭГП (млрд руб.)		0,001*** (0,000)		
Потенциал межрегионального ЭГП (млрд руб.)			0,007 (0,011)	
Индекс обеспеченности банковскими услугами	6,12*** (2,03)	8,24*** (1,97)	9,64*** (2,11)	11,35*** (2,4)
ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,64*** (0,1)	0,8*** (0,13)	0,86*** (0,15)	0,92*** (0,15)
Безработица, %	0,06 (0,14)	-0,23 (0,15)	-0,3* (0,16)	-0,37** (0,18)
Плотность населения, чел. на кв. км	0,04*** (0,01)	0,02** (0,01)	0,03* (0,02)	0,06*** (0,004)
Константа	-16,2*** (3,31)	-13,6*** (4,26)	-15,6*** (5,02)	-19,9*** (5,19)
Число наблюдений	1252	1094	1094	1252
LSDV R^2	0,79	0,75	0,72	0,71
Within R^2	0,63	0,53	0,49	0,48
Критерий Шварца	8219,8	7199,2	7298,6	8621,6

Источник: составлено автором, ранее опубликовано (Земцов и др., 2020).

Зависимая переменная: число малых предприятий на 1000 чел. рабочей силы. Модель с фиксированными эффектами									
Переменные / Факторы	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)
Число наблюдений	328	869	656	656	656	656	656	656	656
Константа	37***	1,13	12,11**	18,32***	17,58***	-5,68	14,05***	-3,75	-0,90
Уровень безработицы (МОТ), %	-0,19	-0,04	-0,47**	0,14	-0,20	-0,18	-0,34*	-0,49**	0,09
ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,01	0,34***	0,02**	0,01***	0,01**	0,01**	0,02**	0,02**	0,01*
Рыночный потенциал, трлн руб.	0,07***		0,20***	0,12***	0,17***	0,17***	0,15***	0,19***	0,13***
Доля горожан, %	-0,03		-0,06	-0,05	-0,05	-0,05	-0,05	-0,06	-0,05
Плотность населения, чел. на кв. км	-0,04	0,06***	0,01	0,00	0,01	0,03***	0,01	0,01	0,01
Доля добывающей промышленности в ВРП, %	-0,14		0,23**	0,05	0,04	0,11	0,20***	0,23**	0,05
Инвестиционный риск				-5,87**					-4,25 ***
Число лиц, совершивших преступления в сфере экономики, на 100 тыс. жителей		-0,01***			-0,09***				
Индекс обеспеченности банковскими услугами		8,32**				21,27***			9,25 ***
Среднее число лет обучения		0,84						1,26**	0,79*
Субсидии регионам на поддержку субъектов МСП, руб. на 1 субъект МСП	-0,000002								
Число выездных проверок ФНС РФ		-0,09**							
LSDV R-квадрат	0,93	0,85	0,83	0,86	0,86	0,86	0,83	0,83	0,87
Within R- квадрат	0,1	0,49	0,32	0,46	0,44	0,43	0,34	0,33	0,48
Критерий Шварца	2043	5572	4246	4104	4125	4138	4235	4241	4102

Источник: составлено автором, ранее опубликовано (Баринова и др., 2018; Tsareva et al., 2021).

Примечание. ^a Полученный в модели коэффициент умножен на 1000 в целях экономии места в таблице. Расчеты выполнены по последним доступным сопоставимым данным Росстата.

Приложение А.4. Результаты оценок связи современных региональных характеристик и роста занятости в субъектах МСП в России.

Объясняющие переменные	Зависимая переменная – рост занятости в субъектах МСП. Модели с фиксированными эффектами					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Численность занятых в субъектах МСП в предыдущий период	-0,38*** (0,03)	-0,48*** (0,04)	-0,49*** (0,04)	-0,52*** (0,03)	-0,51*** (0,05)	-0,54*** (0,04)
Рост реальных доходов населения в постоянных ценах 1998 года	0,35*** (0,05)	0,38*** (0,06)	0,41*** (0,06)	0,36*** (0,05)	0,34*** (0,05)	0,37*** (0,06)
Рост объема потенциально доступных российских и зарубежных рынков	0,08*** (0,02)	0,099*** (0,02)	0,1*** (0,02)	0,09*** (0,02)	0,08*** (0,02)	0,08*** (0,02)
Уровень безработицы в предыдущий период	0,04* (0,02)	0,04* (0,02)	0,05** (0,02)	0,04* (0,02)	0,03 (0,02)	0,05* (0,03)
Число субъектов МСП на 1 тыс. жителей в текущем периоде	0,2*** (0,04)	0,26*** (0,04)	0,28*** (0,04)	0,29*** (0,04)	0,26*** (0,04)	0,29*** (0,04)
Рост занятости на государственных и муниципальных предприятиях	-0,51*** (0,19)					
Рост числа преступлений на душу населения		-0,06 [○] (0,04)				
Рост индекса обеспеченности банковскими услугами			0,08*** (0,03)			
Рост доли домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету				0,06*** (0,01)		
Доля аграрного сектора в занятости в текущем периоде					0,07** (0,03)	
Доля добывающей промышленности в ВРП региона в текущем периоде						-0,02** (0,01)
Константа	8,66*** (0,98)	7,38*** (0,48)	6,64*** (0,48)	7,3*** (0,45)	7,6*** (0,5)	7,84*** (0,51)
Число наблюдений	746	828	796	822	828	712
Within R2	0,31	0,45	0,46	0,48	0,46	0,48
LSDV R2	0,39	0,49	0,5	0,52	0,5	0,52
Критерий Шварца (BIC)	-2011,2	-2040,4	-1976,8	-2073,5	-2055,0	-1766,8

Переменные	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)
Численность занятых в субъектах МСП в предыдущий период	-0,5*** (0,04)	-0,48*** (0,04)	-0,55*** (0,04)	-0,5*** (0,05)	-0,49*** (0,08)	-0,53*** (0,04)	-0,52*** (0,03)
Рост реальных доходов населения в постоянных ценах 1998 года	0,34*** (0,06)	0,31*** (0,08)	0,3*** (0,06)	0,36*** (0,07)	0,21** (0,08)	0,37*** (0,06)	0,43*** (0,06)
Рост объема потенциально доступных российских и зарубежных рынков в постоянных ценах	0,05*** (0,02)	0,07*** (0,02)	0,08*** (0,02)	0,06*** (0,02)	0,09*** (0,02)	0,1*** (0,02)	0,1*** (0,02)
Рост индекса обеспеченности банковскими услугами	0,07* (0,04)	0,11** (0,04)	0,05* (0,03)	0,09* (0,05)	-0,04 (-0,07)	0,11*** (0,03)	0,1*** (0,03)
Рост доли домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету	0,04*** (0,02)	0,04*** (0,01)	0,05*** (0,01)	0,04*** (0,01)	0,03 (0,02)	0,05*** (0,01)	0,07*** (0,01)
Число субъектов МСП на 1 тыс. жителей в текущем периоде						0,29*** (0,04)	0,29*** (0,04)
Число средних на 1000 чел. рабочей силы	0,06*** (0,02)						
Число малых на 1000 чел. рабочей силы		0,1** (0,04)					
Число ИП на 1000 чел. рабочей силы			0,24*** (0,03)				
Число новых фирм на 1000 чел. населения				0,063** (0,03)			
Число новых частных высокотехнологичных компаний с ненулевой выручкой на 10000 чел. рабочей силы в предыдущий период					0,35** (0,01)		
Рост занятости в неформальном секторе (без ИП)						-0,02*** (0,004)	-0,01*** (0,004)
Автоматизация: число используемых передовых производственных технологий на 1000 чел. рабочей силы							-0,05*** (0,01)
Константа	8,27*** (0,66)	7,72*** (0,81)	7,99*** (0,51)	7,96*** (0,87)	9,06*** (1,37)	7,11*** (0,61)	6,58*** (0,49)
Число наблюдений	784	792	792	792	396	780	792
Within R2	0,36	0,36	0,48	0,35	0,28	0,53	0,47
LSDV R2	0,41	0,40	0,52	0,39	0,4	0,57	0,51
Критерий Шварца (BIC)	-1859,7	-1837,78	-2005,7	-1826	-1097,8	-2116,8	-1994,9

Источник: расчеты автора, ранее опубликовано (Земцов и др., 2021)

Примечание: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$. Робастные стандартные ошибки. Все переменные логарифмированы

Приложение А.5. Результаты оценок связи современных региональных характеристик и технологической предпринимательской активности в России

[illegible]

Фактор	Зависимая переменная	Число новых частных высокотехнологичных фирм с ненулевой выручкой на 10 тыс. чел. рабочей силы (2013–2019 гг.)			Прирост зависимой переменной, % (2013–2019 гг.)				Отношение значения зависимой переменной в 2020 к значению в 2019 г., %
	Способ оценки	СЭ	СЭ	ФЭ	СЭ	СЭ	СЭ	ФЭ	МНК
	Прирост численности жителей центрального города в регионе, %							6,3** (2,82)	
	Прирост рыночного потенциала региона, %				0,3*** (0,05)	0,42*** (0,06)	0,22*** (0,05)	0,23*** (0,07)	
Структурные особенности экономики	Средний размер организации	-1,02*** (0,18)	-1,17*** (0,15)	-0,42** (0,17)	-0,47*** (0,09)	-0,46*** (0,09)	-0,41*** (0,07)	-0,7*** (0,25)	
	Доля высокотехнологичного сектора в ВРП, %	0,22** (0,1)							
	Прирост доли высокотехнологичного сектора в ВРП, %							0,29** (0,12)	
	Доля добывающих отраслей в ВРП, %							-0,04* (0,02)	
Укорененность предпринимательства	Возраст старейшего вуза, лет	0,22*** (0,1)	0,26*** (0,09)		0,09** (0,03)	0,19*** (0,05)	0,07* (0,04)		
Межрегиональный переток знаний	Среднее число стартапов к рабочей силе в соседних регионах		0,12*** (0,04)	1,13*** (0,11)	0,08*** (0,03)				
Базовый уровень	Число стартапов на ЭАН годом ранее				-0,59*** (0,09)	-0,58*** (0,08)	-0,41*** (0,06)	-1*** (0,1)	-0,29** (0,11)
Исправленный R ²									0,16
LSVD R ²				0,9				0,61	

Источник: составлено автором, ранее опубликовано (Zemtsov et al., 2021).

Примечание: *p-value <0,1; **p-value <0,05; ***p-value <0,01. Все переменные логарифмированы. Включено 83 региона за период 2013–2020 гг. Робастные стандартные ошибки.

Приложение А.6. Отраслевая структура новых частных независимых компаний высокотехнологичного сектора экономики с ненулевой выручкой (технологических стартапов)

Коды	Виды деятельности (отрасли)	Число в 2023 г.	Доля, %	Выручка в 2023 г., млн руб.	Доля, %
Высокотехнологичные виды деятельности					
21	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	17	0,2	77,7	0,0
26	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	115	1,2	12378,1	3,0
30.3	Производство летательных аппаратов, включая космические, и оборудования	26	0,3	612,8	0,1
Среднетехнологичные виды деятельности высокого уровня					
20	Производство химических веществ и химических продуктов	320	3,4	4606,3	1,1
27	Производство электрического оборудования	179	1,9	7477,0	1,8
28	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	340	3,6	4996,8	1,2
29	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	71	0,8	10013,1	2,4
30	Производство прочих транспортных средств и оборудования, исключая 30.3	67	0,6	1173,1	2,2
32.5	Производство медицинских инструментов и оборудования	40	0,4	856,6	0,2
33	Ремонт и монтаж машин и оборудования	592	6,3	177801,6	42,5
Научные виды деятельности					
50	Деятельность водного транспорта	49	0,5	9930,7	2,4
51	Деятельность воздушного и космического транспорта	16	0,2	778,8	0,2
61	Деятельность в сфере телекоммуникаций	70	0,7	552,4	0,1
62	Разработка компьютерного программного обеспечения и сопутствующие услуги	1804	19,2	34212,5	8,2
63	Деятельность в области информационных технологий	436	4,6	5001,4	1,2
69	Деятельность в области права и бухгалтерского учета	1306	13,9	89543,0	21,4
70	Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	655	7,0	14858,1	3,5
71	Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	1511	16,1	22811,0	5,4
72	Научные исследования и разработки	332	3,5	4250,6	1,0
75	Деятельность ветеринарная	38	0,4	388,4	0,1
78	Деятельность по трудоустройству и подбору персонала	277	2,9	10420,8	2,5
85	Образование	273	2,9	1937,2	0,5
86	Деятельность в области здравоохранения	775	8,2	3691,7	0,9
87	Деятельность по уходу с обеспечением проживания	34	0,4	136,6	0,0
88	Предоставление социальных услуг без обеспечения проживания	65	0,7	205,1	0,0

Источник: составлено автором по данным СПАРК-Интерфакс.

Приложение А.7. Результаты оценок связи между современными региональными характеристиками, мерами государственной политики и ростом числа субъектов МСП в России в 2020 г.

Зависимая переменная: количество субъектов МСП в августе 2020 г., в % к августу 2019 г. Модель OLS с поправкой на гетероскедастичность. 82 региона (без учета следующих выпадающих случаев: Чеченская Республика, Ненецкий и Чукотский автономные округа)							
Модели	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Константа	4,3*** (0,065)	4,3*** (0,066)	4,1*** (0,11)	4,3*** (0,11)	4,3*** (0,10)	4,1*** (0,099)	4,2*** (0,10)
Количество субъектов МСП в 2019 г.	-0,0079*** (0,0026)	-0,0074*** (0,0024)	-0,0078*** (0,0025)	-0,0076*** (0,0024)	-0,0058** (0,0023)	-0,0077*** (0,0024)	-0,0067*** (0,0022)
Доля субъектов МСП в потенциально пострадавших и смежных отраслях в 2015 г., %	-0,020*** (0,0057)	-0,016*** (0,0056)	-0,018*** (0,0049)	-0,025*** (0,0053)	-0,020*** (0,0048)	-0,019*** (0,0050)	-0,021*** (0,0055)
Индекс строгости карантинных мер, баллы.	-0,0051* (0,0029)	-0,0040 (0,0025)	-0,0067** (0,0026)	-0,0064** (0,0028)	-0,0066*** (0,0023)	-0,0067** (0,0026)	-0,0069*** (0,0021)
Численность населения региональной столицы в 2019 г., чел.	0,010*** (0,0025)	0,010*** (0,0021)	0,010*** (0,0023)	0,010*** (0,0022)	0,0094*** (0,0022)	0,010*** (0,0021)	0,010*** (0,0021)
Индекс инвестиционного климата АСИ в 2018 г., баллы	0,044*** (0,013)	0,046*** (0,011)	0,058*** (0,014)	0,047*** (0,013)	0,042*** (0,012)	0,062*** (0,013)	0,044*** (0,012)
Доходы населения за вычетом прожиточного минимума, тыс. руб.	0,0085** (0,0032)	0,012*** (0,0029)	0,0083** (0,0033)	0,0077** (0,0031)	0,0055* (0,0031)	0,0076*** (0,0027)	0,0068** (0,0030)
Доля продукции растениеводства в ВРП в 2019 г., %		0,0021*** (0,00046)					
ВВП стран, разделенный на расстояние до них в 2019 г.		-0,010*** (0,0037)					
Прирост доли компаний, имеющих веб-сайт, %			0,026* (0,015)	0,017 (0,015)	0,018 (0,014)	0,025** (0,012)	0,023* (0,013)
Доля региональной поддержки МСП, %				0,0024** (0,0011)			
Поддержка МСП на МСП, руб.					0,0030*		

Зависимая переменная: количество субъектов МСП в августе 2020 г., в % к августу 2019 г. Модель OLS с поправкой на гетероскедастичность. 82 региона (без учета следующих выпадающих случаев: Чеченская Республика, Ненецкий и Чукотский автономные округа)							
Модели	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
					(0,0017)		
Доля поддержанных МСП, %						0,0057	
						(0,0056)	
Объем рынка (ВВП) соседних регионов, разделенный на их индекс строгости противопандемических мер							-0,010***
							(0,0024)
Ln (поддержка МСП на МСП) *ln (доля компаний, имеющих веб-сайт)							0,00094*
							(0,00047)
Скорректированный R2							
Критерий Шварца	0,35	0,51	0,40	0,51	0,54	0,46	0,55
	360	382	358	374	380	356	362

Источник: Zemtsov et al., 2022

Приложение А.8. Результаты оценок связи между современными региональными характеристиками, мерами государственной политики и ростом числа субъектов МСП в России в 2023 г.

Зависимая переменная: отношение числа субъектов МСП в 07.23 к 07.22, %. Все переменные (кроме бинарных) логарифмированы. 85 регионов							
Переменная	1	2	3	4	5	6	7
Индекс санкционных рисков	-0,02** (0,01)	-0,01* (0,01)	-0,02*** (0,01)	-0,02** (0,01)	-0,02*** (0,01)	-0,02** (0,01)	-0,02*** (0,01)
Доля компаний из недружественных стран на рынке	0,004* (0,003)	0,005** (0,002)	0,004* (0,003)	0,004* (0,002)	0,004* (0,002)	-0,002 (0,002)	
Доля ушедших компаний на рынке	0,02*** (0,01)	0,01** (0,01)	0,02** (0,01)	0,02*** (0,01)	0,02*** (0,01)	0,02*** (0,01)	0,02*** (0,01)
Близость к крупным зарубежным рынкам	-0,02** (0,01)	-0,02*** (0,01)	-0,03*** (0,01)	-0,02*** (0,01)	-0,01 (0,01)	0,005 (0,01)	
Рост доходов населения							0,15* (0,08)
Доля добывающих отраслей в ВРП					0,003* (0,002)		
Средний ранг рейтинга АСИ в 2021–2022 гг.						-0,009* (0,005)	-0,01* (0,005)
Рост инвестиций					0,03** (0,01)	0,04*** (0,02)	0,06*** (0,02)
Охват субъектов МСП господдержкой	0,01 (0,01)						
Объем господдержки на один поддержанный субъект МСП		-0,01 (0,01)					
Объем господдержки на один субъект МСП				0,003 (0,01)	0,01** (0,004)	0,01*** (0,005)	0,01** (0,005)
Доля региона в господдержке			-0,004 (0,004)		-0,01* (0,003)	-0,01* (0,005)	-0,01** (0,005)
Вхождение региона в СКФО (дамми-переменная)	0,1*** (0,02)	0,11*** (0,02)	0,08*** (0,02)	0,11*** (0,02)	0,11*** (0,02)		
Плотность МСП	-0,01 (0,01)	-0,0003 (0,01)	-0,01 (0,01)	-0,01 (0,01)	-0,01 (0,01)	-0,07*** (0,01)	-0,07*** (0,01)
Исправленный R2	0,38	0,5	0,59	0,61	0,75	0,94	0,95

Источник: составлено автором.

Приложение А.9. Характеристики типов региональных предпринимательских геосистем в России

Тип и его описание	Число малых фирм / 10 тыс. чел. рабочей силы в 2018 г.	Ранняя предпринимательская активность в 2011 г, %	Динамика числа малых фирм (2017/2008), %	Число быстрорастущих фирм / 10 тыс. чел. рабочей силы в 2017 г.	Число стартапов / 10 тыс. чел. рабочей силы в 2017 г.	Доля обработки в обороте МСП в 2014–2016 гг., %	Доля сельского и лесного хозяйства в занятости МСП в 2015 г., %	Индекс обеспеченности банковскими услугами в 2017 г.	Индекс обеспеченности кластерами и технопарками в 2017 г.	Объем доступных рынков в 2016 г., млрд руб.	Затраты МСП / рабочее место, тыс. руб. на чел.	Доля неформальной занятости в 2017 г., %
1. Центры предпринимательства: крупнейшие центры с наибольшей и растущей плотностью разнообразных бизнесов, включая технологические стартапы, с высокой интенсивностью сложных связей между ними в наиболее благоприятном деловом климате	5,82	4,8	113	87,91	5,24	7,77	0,48	1,38	0,18	298,9	184,3	7,9
2. Развитые диверсифицированные: крупногородские с высокой активностью, динамичностью и разнообразием субъектов МСП с благоприятной средой	3,15	3,6	103	32,09	1,93	11,91	4,09	0,95	0,17	283,2	1083,8	18,8
3. Развитые производственные: с преобладанием производственного сектора в МСП с пониженной изменчивостью, развитой инвестиционной инфраструктурой	2,65	3,5	89	26,66	1,48	15,83	4,22	0,88	0,12	283,2	2087,6	21,8

Тип и его описание	Число малых фирм / 10 тыс. чел. рабочей силы в 2018 г.	Ранняя предпринимательская активность в 2011 г, %	Динамика числа малых фирм (2017/2008), %	Число быстрорастущих фирм / 10 тыс. чел. рабочей силы в 2017 г.	Число стартапов / 10 тыс. чел. рабочей силы в 2017 г.	Доля обработки в обороте МСП в 2014–2016 гг., %	Доля сельского и лесного хозяйства в занятости МСП в 2015 г., %	Индекс обеспеченности банковскими услугами в 2017 г.	Индекс обеспеченности кластерами и технопарками в 2017 г.	Объем доступных рынков в 2016 г., млрд руб.	Затраты МСП / рабочее место, тыс. руб. на чел.	Доля неформальной занятости в 2017 г., %
4. Южные диверсифицированные: со среднеразвитым МСП, повышенной ролью аграрного бизнеса	1,99	4,1	87	16,04	1,01	12,84	7,82	0,76	0,08	282,4	2777,8	26,4
5. Северные: слабо диверсифицированные с низкой активностью МСП, усложненным доступом к рынкам, высокими природными издержками, повышенной связанностью с крупными предприятиями	2,43	3,1	88	27,8	0,95	6,86	3,21	0,83	0,06	269,8	8829,5	15,1
6. Восточные удаленные: вдали от рынков с низкой и снижающейся плотностью малого бизнеса, примитивным и слабо связанным МСП	1,64	4,6	84	17,22	0,7	7,37	7,9	0,77	0,04	265,4	13092	21,9
7. Южные слаборазвитые: с высокой вынужденной предпринимательской активностью, слаборазвитым МСП в условиях слабого доступа к капиталу и высоких природных и институциональных издержек	0,93	5,3	98	10,64	0,48	13,5	24,17	0,45	0,05	280,1	20881	42

Источник: составлено автором по последним доступным данным на момент проведения анализа.